

ВИКТОР ПЕТЕЛИН

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ

1725

1796

ФЕЛЬДМАРШАЛ
РУМЯНЦЕВ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Annotation

На основе обширного документального материала создан образ Петра Александровича Румянцева, одного из организаторов русской регулярной армии, применившего новые стратегии ведения боя, человека сложного, противоречивого, мужественного и бесстрашного. Первая русско-турецкая война и разгром турок на притоках реки Прут вознесли его в ранг величайших полководцев XVIII века.

В августе 1999 года Виктор Васильевич Петелин за книгу «Фельдмаршал Румянцева» получил литературную премию имени Валентина Пикуля.

- [Виктор Петелин](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Часть шестая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть седьмая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Краткий пояснительный словарь](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Виктор Петелин
Фельдмаршал Румянцев

Пролог

Много лет назад, когда только приступал к работе над книгой, я почувствовал, что Петру Александровичу Румянцеву не повезло в литературе: его деяния или замалчивались, или приписывались другим (более удачливыми были его великие ученики Суворов, Потемкин и Кутузов). Теперь, завершая работу, могу твердо сказать, что и до сих пор популярные романисты в угоду сложившимся представлениям порой искажают исторические факты, дабы в более выгодном свете представить полюбившихся им исторических деятелей.

Однако при жизни фельдмаршал Румянцев был окружен великими почестями и славой. Да и вскоре после смерти вышли первые книги, где отдавалось должное его блистательным победам и гражданскому подвигу, его высоким человеческим качествам. Так, студент Московского университета Семен Созонович, несколько раз видевший «сего великого человека», по документам того времени и по воспоминаниям очевидцев написал в 1803 году, спустя семь лет после его смерти, первую биографию знаменитого фельдмаршала. «Великое искусство требуется изобразить характер такого Полководца, с которым немногих можно сравнить, в рассуждении способностей и дарований, как душевных, так и телесных. Ораторы и стихотворцы излили обильный дар красноречия и изящества для возвеличения сего Героя; но многочисленные еще славные его деяния до сих пор оставались в тени неизвестности», – писал первый

биограф Румянцева. И труд он свой предпринял потому, что понимал: время может стереть с лица земли возведенные в его честь монументы, только «описание поступков и деяний пребудет вечным зеркалом их славы». Но не только эти патриотические мотивы пробудили у Созоновича желание описать великие деяния выдающегося полководца своего времени; уже в то время стали распространяться лживые слухи: «Но странное любопытство влечет многих знать и малейшие подробности о жизни знаменитых мужей. В таком случае рождаются пустые рассказы, химерические анекдоты, выдуманные праздными людьми и обезображенные невежеством, чуждым всякой истины. Подлинно, и сей славный человек не избегнул грубых о нем вымыслов...»

В 1843 году вышла в свет книга Н.А. Полевого «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск». Автор без всяких доказательств стремился принизить значение и роль Петра Румянцева в исторических событиях своего времени, доказать, что он «был почти ничтожный генерал».

Через год Н. Кутузов опубликовал в «Отечественных записках» резкие возражения против такой огульной и несправедливой характеристики деяний великого полководца. Как говорится, камня на камне не оставил он от эфемерных построений Н.А. Полевого, задавшегося целью «отобрать» заслуги Румянцева и «приписать» их Александру Суворову, который, имея свои огромные заслуги перед Отечеством, вовсе не нуждался в подобных «приписках».

Н. Кутузов, возможно, впервые показал, что гений Румянцева «открыл тайну побед и новые пути в военном деле, по которому шли Суворов, Наполеон и все просвещенные народы в войнах с иррегулярными войсками»...

Как известно, до кампании 1770 года все европейские полководцы, в том числе знаменитые принц Евгений и Монтекукколи, строили свои армии в линию. Такой боевой порядок был принят во всех армиях того времени. Воюя же против турок, европейские полководцы старались усилить местную оборону полевыми укреплениями и ставили рогатки перед полками, кавалерия же располагалась по флангам и в резерве. Никто не решался сам нападать на турок, все ожидали их натиска. Первый удар их нередко бывал губительным – и это происходило не столько от мужества и воинского мастерства турок, сколько от преимуществ их боевого строя. Они употребляли глубокий строй, подобный македонской фаланге, и при первом же нажиме разрывали линии противников. Если первый натиск не достигал цели, они старались частыми нападениями утомить неприятеля и, имея четвертую, иногда и более четвертой части действующих воинов в резерве, использовали их для окончательного удара.

Румянцев понял слабости такого боевого порядка и решительно изменил и боевой порядок войска, и сам характер его действий. Он не стал ожидать нападения турок, а сам искал их в поле и первым наносил удары. Чтобы повысить маневренность своей армии, Румянцев разделил ее на малые каре^[1] по две-три тысячи человек в каждом, помещал кавалерию колоннами за каре, а артиллерию впереди, по флангам и в резерве. Они поддерживали друг друга при нападении и в обороне, составляли большую силу. При этом Румянцев проявлял гибкость тактического мышления. Если позволяла местность, он сочетал каре с колоннами; иногда двигались на неприятеля в колоннах, перестраивали их на походе в каре при нападении кавалерии и даже отражали атаки неприятеля в колоннах, прикрытых

густой цепью стрелков и огнем пушек. Кстати, артиллерия во всех сражениях, данных Румянцевым и подчиненными ему генералами, двигалась впереди и огнем своим, еще до удара пехоты в штыки, производила расстройство в неприятельских рядах.

Нововведения П.А. Румянцева в военном деле намного опередили свое время. Многие из них нашли применение в других европейских армиях только в период буржуазных революций.

К сожалению, некоторые наши популярные романисты пошли в своей трактовке образа Румянцева вслед за легковесным Н. Погодиным и, так же как он, бездоказательно и небрежно говорят о знаменитом полководце – реформаторе военного искусства.

Достаточно прочесть роман Пикуля «Фаворит», чтобы понять, что в исторической литературе происходят все те же «приписки», как и в текущей жизни. Не раз и не два Пикуль скажет о Суворове и Потемкине неправду, припишет им то, что они не совершали.

Приведу несколько примеров такой обработки Истории.

Екатерина II решила отобрать гетманскую булаву у Кирилла Разумовского и передать бразды правления на Украине Мало-российской коллегии во главе с президентом Румянцевым. Серьезнейший политический вопрос решается в России. А Пикуль представляет все это в легковеснейшем виде: «Вяземский сказал, что Разумовского, который любим на Украине, Румянецв с его характером никак заменить не может.

– Так не в гетманы* же его прочу! А крутой характер Румянцева как раз и надобен для дел тамошних...» (Пикуль В. Фаворит. Л.: Лениздат, 1983. С. 254.)

Эта последняя фраза как раз и льет воду на мельницу тех националистов, которые до сих пор считают деятельность Румянцева на Украине

«русификаторской», а это не соответствует действительности. И вообще Румянцев, один из образованнейших людей своего времени, предстает в трактовке популярного писателя таким солдафоном, грубым мужланом, который готов всех и вся за малейшую провинность вешать и расстреливать.

Вот необходимые тому доказательства...

«...Петр Александрович Румянцев подтянул пудовые ботфорты, прицепил шпагу... Румянцев был крут. И когда на заседании коллегии Малороссийской по одной стороне стола сели русские, по другой – украинцы, он гаркнул:

– Опять! Опять по разным шесткам расселись?

Генеральный есаул Иван Скоропадский сказал:

– Тако уж испокон веку завелось, чтобы мы, шляхетство украинское, сидели розно от чинов москальских.

Румянцев по столу кулаком – трась, велел батально:

– А ну! Пересесть вперемешку. Желая хохлов видеть с москалями за столом дружественным, да глядеть всем поласковой...

Он управлял из Глухова указно – без апелляций:

– Живете в мазанках, а лес на винокурение изводите. После вас, сволочей, Украина степью голой останется. Указываю: винокурением кто занят, пущай лес сажает. Без этого вина пить не дам! Заборов высоких не городить – плетнями обойдетесь: это тоже для сбережения леса. А бунчуковых, писарей генеральных, обозных не будет на Украине – всех в ранги переведу, как и в России заведено...

Канцелярию он обставил 148 фолиантами по тысяче страниц в каждом – это была первая Украинская Энциклопедия, им созданная. В ней содержалась подробная опись городов и ярмарок, сел и местечек, доходов и податей, ремесел и здравия жителей, перечень скотины и растений, дубрав и сенокосов,

шинков* и винокурен, рыбных ловлей и рудней железных. Он завлекал старшину в полки, но старшина упрямылась, присылая справки от лекарей – мол, недужат. Румянцев бушевал.

– Сало жрать да горилку хлестать – здоровы, а служить – больны?

Неисправимых сажал в лютый мороз верхом на бронзовые пушки, как на лошадей, и в окна коллегии поглядывал: как сидят? не окочурились ли?...» (Там же. С. 334–335.)

Здесь все – неправда, хотя написано вроде бы правдоподобно.

Вот как автор описывает прибытие Румянцева к армии:

«Румянцев недоверчиво оглядел офицеров ставки.

– Избаловались! – грянул басом, грозя палкою...» (Там же. С. 378.)

А вот обобщение: «Каждый человек имеет свои недостатки – имел их и Румянцев. Если встречались на пути его армии холмы, он рапортовал в Петербург о горах неприступных, болотца под его пером становились трясынами, ручьи разливались в реки, а при наличии провианта на неделю он писал, что они тут, бедные, с голоду умирают. Екатерина хорошо знала эту причуду в характере полководца и потому бывала крайне настойчива в своих требованиях к нему, заведомо зная, что холмы преодолевают, в болотах не увязнут, реки любые форсируют, а с голоду никто не помрет...» (Там же. С. 398.)

Екатерина настойчива в своих требованиях... А Потемкин выигрывает битву в урочище Рябая Могила. Только так и можно понимать страницы, посвященные русско-турецкой войне. «А там, где Серет впадает в Прут, пролегло глухое урочище – Рябая Могила, и здесь столкнулись две армии: татарская и русская. В самый разгар битвы Потемкин галопом провел своих кирасир

вдоль извилин Прута, отчаянно обрушил бригаду в реку – вплавь, держась за хвосты и гривы лошадей, дружно переправились на вражий берег, и мокрые кони, отряхивая тучи прохладных брызг, рванули всадников дальше – прямо в тыл противника, что и решило исход сражения. Кирасиры загнали скопище татар в глубокую низину, где они сидели, как волки в яме, отстреливаясь из луков». (Там же. С. 339.)

«Потемкин надеялся, что Рябая Могила сделает его кавалером георгиевским. Но Румянцев обошел молодца в награде, и Григорий Александрович не удержался – обиду свою открыто высказал:

– Неужто мне едино аннинским орденом гордиться?

На что Румянцев отвечал ему – жестко:

– Честный воин и без орденов должен быть гордым!» (Там же. С. 400.)

С той же поразительной легковесностью популярный автор рассказывает о событиях Кагула. «Гром и молнии Кагула» – так называется одна из глав романа Пикуля. Но и здесь все та же легкость «кисти» необыкновенная...

«Румянцев, повстречав Потемкина, вдруг озлобленно сказал, что отдаст его под суд:

– И не посмотрю, что вы при дворе отплясывали!

– За что под суд? – обомлел Потемкин». (Там же. С. 417.)

Все это и дальнейшее ничуть не соответствует действительности. «Из-за полога шатра зычно разносило рывкающий бас Румянцева:

– Что мне этот Абды-паша? Такого дурня бить жалко – мне сам Халиль-бей, визирь великий, надобен, тогда и войне конец».

С поразительной легкостью автор «Фаворита» рассказывает о Ларге, Кагуле. И получается, что если б не Потемкин и князь Репнин, то Румянцеву никогда б не одержать победы в этих баталиях. Смешно и наивно

приписывать лавры Румянцева, всего российского войска одному полюбившемуся герою.

«Румянцев поздравил Потемкина с третьей степенью долгожданного Георгия.

- Это не за Кагул - за Ларгу! - сказал он.

Потемкин прямо-таки осатанел от бешенства:

- Помнится, за Ларгу-то вы меня вешать желали.

- Дождись случая - повешу, - был ответ без улыбки...» (Там же. С. 421.)

Неверно рассказал Пикуль и о кампании 1771 года, о похищении польского короля Понятовского, о Фокшанском конгрессе, на котором снова чуть ли не главной фигурой выставляется Потемкин, о ссоре Румянцева и Орлова, о взятии Туртукая Суворовым и о многом другом...

Словом, Румянцев показан неправдиво, без должного к нему уважения. И часто сделанное им приписано другим историческим деятелям.

Валентин Пикуль мне дорог как патриот, как ратоборец, привлечший всеобщее внимание к русской истории. И в сущности, мое отношение к его литературной работе высказал Арс. Гулыга в статье «Феномен Пикуля». Действительно, «кому дано, с того и спросится». В статье процитировано письмо В. Пикуля, в котором популярный автор, обращаясь к Арс. Гулыге, упрекавшему его в неточностях, рассказывает о своем творческом методе: «Как Вы и сами хорошо знаете, в запасниках истории по поводу какого-либо события или героя всегда существует несколько версий. Историк, разрабатывая тему, обязан изложить все существующие - для того, чтобы затем отстаивать ту, которая кажется ему наиболее достоверной. Литератор же, в отличие от историка, совсем не обязан излагать читателю все версии по данному вопросу: в его праве избрать одну и ей следовать. Но тут он, литератор-историк, невольно становится уязвим со стороны историка-профессионала,

который бьет козыри автора тузом второй версии. Если же автор уступит ему, появляется второй рецензент – и лупит автора третьей версией...» (Москва. 1988. № 6.)

Я высказал здесь критические замечания о «Фаворите» В. Пикуля лишь для того, чтобы предупредить своих читателей – у меня, видимо, были другие источники, чем у Пикуля, а потому и совсем другое представление о Петре Александровиче Румянцеве.

Не буду полемизировать с этим, каждый сочинитель имеет право на свою версию в освещении исторических событий, тем более романист, пользующийся художественным вымыслом как одним из важнейших средств создания образа. Я же высказываю эти критические замечания по поводу некоторых наших литераторов только для того, чтобы предупредить своих читателей – не удивляйтесь, у меня совсем другие задачи, а потому, может, и совсем другое представление о Петре Александровиче Румянцеве.

А главное, пожалуй, в том, что моя книга написана совсем в другом жанре. «Фельдмаршал Румянцев» – это беллетризованная биография, в основе которой лежит документ: в письмах, мемуарах, реляциях* предстает «всамделишный», невыдуманный мир. Возникает «образ через документ» (П. Палиевский).

Задача у этого жанра и проста, и необыкновенно сложна: передать неповторимый облик знаменитого человека далекого или недавнего прошлого – полководца, государственного деятеля, писателя, ученого, артиста, композитора, живописца и т. д. Какими же средствами можно достичь этого?

Конечно, очень многое зависит как от индивидуальных склонностей писателя, который берется показать нам своего героя, так и от исторического материала, оставшегося в архивах, свидетельствах современников, автобиографических

заметках, переписке и пр. И скажем, когда, например, Ю. Лощиц взялся показать жизнь и деяния украинского философа XVIII века Сковороды, ему поневоле пришлось от недостатка материала пойти по пути высвечивания своего героя через других, его окружающих. Реставрация прошлого шла тут по пути создания как бы системы зеркал, отражаясь в которых перед нами возник образ пытливого ученого, бродяги-монаха, сказавшего о своем жестоком веке: «Мир ловил меня, но не поймал». И совсем иное дело – фигуры огненосного Аввакума, оставившего свое знаменитое «Житие», или генералиссимуса Суворова, о котором создана целая библиотека биографий. Здесь авторы (Д. Жуков и О. Михайлов) могли уже сочетать осторожный беллетризованный вымысел с опорой на чистый документ, порою в отступлении или подглавке, не пренебрегая и справкой, и цифрой, и прямой цитатой.

Фигуры, более близкие к нам, кажутся легче для изображения. Еще живы люди, знавшие ушедших от нас великих, еще не остыли строки мемуаров, еще сохранился в памяти родственников свой, очень субъективный портрет, да и голос, а порою и кинокадры создают видимость присутствия этого близкого к нам по времени замечательного человека. Но есть и свои, специфические и очень серьезные трудности при его изображении – на страницах книги, в беллетризованной биографии. Совершенно не случайно мы не имели, к примеру, до сих пор такой книги ни о Г.К. Жукове, ни о И.С. Коневе. Здесь близость замечательного человека мешает: на пути к его объемному изображению встает множество препон...

Преодолеть подобные препоны нелегко. С большим трудом найдены и обработаны документы, воссоздан какой-то этап жизни, освещены чувства, мысли и поступки, описаны свершения и замыслы. Но живы родственники твоего героя, которым издательства

требуют давать на «просмотр» все, что пишется о родном им человеке... И начинается непременно полемика: ни одному еще биографу недавней знаменитости, если он честно и добросовестно работал, не удалось «угодить» его родным.

Проще всего не обращать внимания на мнение родственников, а следовать своей дорогой фактов. Но сколько трудностей возникает у тех, кто пишет о не столь уж давнем времени!

Однако есть безусловные общие законы жанра, которые Д. Жуков в своей книге «Биография биографии» удачно определил как необходимость «тактично» миновать «Сциллу наукообразия и Харибду излишней беллетризации». В самом деле, наукообразие отбивает у читателя охоту следовать за писателем, даже если речь идет о самом любимом герое. Ведь перед нами не чистый научный труд, обращенный к достаточно узкому кругу специалистов и ставящий перед собой конкретную задачу. В то же время жанр биографии, предполагая беллетризацию как обязательный элемент, вместе с тем сурово ограничивает ее рамки. Автору не дозволено тратить время и печатный объем на художественные «красивости» – какое было небо или как выглядело море, когда его герой совершает тот или иной поступок, мыслит, творит, побеждает, создает открытие. Да и нечего писателю-документалисту пускаться в состязание с гигантами чистой художественной прозы, в особенности после того, как о небе или море писали Тургенев, Лев Толстой, Горький, Бунин, Шолохов.

Ограниченны и масштабы домысла в психологии. В свое время Горький резко отозвался об одном произведении, где автор позволял себе вольности, передавая, как и о чем думал Лев Толстой. Здесь фальшь особенно выпирает, особенно недопустима. И совершенно не случайно, что в тех политических

романах, в которых выступают ведущие государственные деятели нашей страны и крупнейших держав Запада, авторы оперируют только документом, вкладывая в уста своих героев некий тщательно подготовленный «коллаж» из высказанного или написанного ими в разное время.

Таким образом, реставрировать прошедшее можно и должно, лишь опираясь на документ, создавая из сплава свидетельств, писем, архивных документов некий многоцветный витраж, звенья которого складываются в цельный портрет. Есть ли другие возможности у автора? Он ведь не общался с великим человеком (как Эккерман, день за днем записывавший свои «Разговоры с Гёте...», или Н.Н. Гусев, прошедший изо дня в день два года с Л.Н. Толстым), даже не видел его. Заманчива, конечно, цель – домыслить за своего героя. Но это приведет либо к неоправданной модернизации, осовремениванию героя, либо – что еще хуже – к обеднению его мыслей и чувств.

Документ – вот основа для писателя, выступающего в таком жанре. Скажем, сохранился уникальный рассказ очевидца о какой-то ключевой для героя сцене из его жизни. Этот рассказ и может стать канвой в определенной сцене, в которую автор введет еще десятки подробностей, реалий, «пылинок истории», воссоздаст обстановку происходящего и пр. Но что можно предложить вместо этого? Домысел, додумывание за героя? Вот это-то и будет разрушением жанра, злом, подрывающим доверие читателя.

Основная же работа – кропотливое собирание мозаики фактов, свидетельств, подробностей, из которых, нигде не отходя от правды жизни, и воссоздается картина давно прошедшего.

Понятное дело, что, пользуясь материалами и первоисточниками, опираясь на них, как на «кирпичики», автор биографического или исторического

повествования возводит собственное художественное построение, соответствующее его мировоззрению и таланту. И при этом неизбежно что-то дополняет, что-то по-иному высвечивает, представляя картины жизни замечательного человека более многогранными и полновесными, чем те, которые зафиксированы в первоисточнике.

В дискуссии о биографическом жанре, известном еще со времен Плутарха, о жанре, дань которому отдали такие блистательные «чистые» художники, как Ромен Роллан и Стефан Цвейг, о жанре, в разработке которого Андре Моруа достиг вершин мирового искусства, чаще всего сосредоточивается внимание вокруг малого числа имен, по тем или иным причинам заинтересовавших участников дискуссий, высказываются порой суждения, которые уже давно известны. И порой, читая статьи, острые и полемичные на первый взгляд, думаешь: а стоило ли огород городить? Не лучше ли опубликовать цикл лекций Андре Моруа, которые он прочитал в Кембриджском университете и опубликовал еще в 1928 году под названием «Виды биографического жанра»?

Здесь, в этих лекциях, сформулированы задачи писателя и законы биографического жанра, говорится о «смелом поиске правды», о «прочности гранита» документальной основы биографии и элементах вымысла, когда это совершенно необходимо, а главное – говорится о воскрешении исчезнувшего мира и о средствах его воскрешения. Конечно, каждый писатель работает по-своему, но здесь, как видим, уже давно сформулированы законы создания образов исторических деятелей давнего и недавнего прошлого. Писатели-документалисты следуют этим законам воспроизведения исторического прошлого. Да иначе и быть не может. Как же в противном случае быть даже со Львом Толстым, создавшим исторический образ

Наполеона, создавшим его отнюдь не по бабкиным выдумкам, а по свидетельствам современников, правда, со своей, толстовской трактовкой. Г.И. Серебрякова, написавшая книгу о Карле Марксе, неизбежно переводила в диалоги и внутренние монологи его письма, воспоминания, цитаты из произведений. Таковы законы жанра, требующие достоверности, правды факта. И при создании образа Ленина писатели каждое его слово скрупулезно сверяли с первоисточниками.

И прежде всего автор документальной литературы – это собиратель, собиратель фактов, строитель жизненной судьбы полюбившегося ему героя, героя, много сделавшего для своего Отечества. Вот почему эти книги чаще всего и лучше всего воспитывают любовь к своему Отечеству, углубляют высокое чувство патриотизма, укрепляют дружбу народов, увенчивают заслуженной славой настоящих героев. Наше настоящее уходит своими корнями в жизнь пращуров. И жанр биографии – это чаще всего рассказ о наших национальных святынях, о национальном характере в лучших его проявлениях, о национальных святынях других народов и их национальном характере. Человек без прошлого – человек без дороги, человек без памяти. И рассказ о замечательном человеке – это и рассказ о национальной истории. В лучших произведениях биографической прозы ярко звучит тема патриотизма, глубоко высвечиваются черты национального характера.

Мне дорог мой герой, которого ущемляли в нашей историографии и художественной литературе. Давно пора сказать о нем правдивое слово, а не только «версии».

Петр Александрович Румянцев родился 4 (15) января 1725 года в Москве. Мать, Мария Андреевна, принадлежала к знатнейшей фамилии своего времени: дед ее, Артамон Сергеевич Матвеев,

- «ближний боярин» царя Алексея Михайловича, вторая жена которого, Наталья Кирилловна Нарышкина, мать Петра Великого, была его «родственницей» и воспитанницей; отец, Андрей Артамонович, - видный дипломат, сподвижник Петра Великого, граф Римской империи, сенатор, действительный тайный советник. Отец нашего героя, Александр Иванович, первый граф в роду, генерал-аншеф, дипломат, принимал участие почти во всех значительных исторических событиях при Петре Великом и последующих правителях России, вплоть до своей кончины в 1749 году, на семидесятом году от рождения.

В XIX веке широко распространилась «версия» о том, что Петр Румянцев - сын Петра Великого. В частности, Н.И. Греч в «Записках о моей жизни» (СПб., издание А.С. Суворина, 1886. С. 22), говорит о происхождении П.А. Румянцева следующее: «Тайная история XVIII века гласит, и очень правдоподобно, что он сын Петра Великого».

Другие историки и литераторы «доказывали», что граф Александр Румянцев и не мог быть отцом, потому что в это время он был за границей, исполняя дипломатические поручения императора. Приводились и другие «версии», которые при «столкновении» с документами легко рассыпаются. Весьма убедительны в этом отношении «Дневные записки малороссийского подскарбия Якова Марковича» (М., 1859):

«1723 год... Ноемврий. 24. Александр Иванович Румянцов приехал рано в Глухов и с ним брат его Никита и швагер, графа Матвеева, сын, Федор Андреевич.

Был молебен на Екатерину у Николая Святаго: обедали у ясновельможной (сестра Марковича вышла замуж за гетмана Скоропадского) и гуляли довольно.

26. У Румянцова на банкете был: ввечеру в карты играли; я проиграл 5 рублей пополам с князем Волконским.

Декабрь. 3. Румянцов, бригадир и проч. были у ясновельможной и, выпивши чарок по десять водки, пошли на обед до Кошелева; а ясновельможная поехала в Гамалеевку...

...1724 год. Януарь. 7. Сотника Данилу выправил навстречу против Румянцова.

8. Выехал из Ромна с полночи первой години (часу) в Лох-вицу встретить Румянцова...

Март. 14. Глухов. Рано был у пании судьиной генеральной, оттоль у майора Кошелева, где и г. Румянцову кланялся, куда потом и бригадир Вельяминов приехал.

15. П. Андрей швагер (Полуботко) освобожден из-под ареста. По обеде, ввечеру, г. Румянцов, Протасьев и прочие поехали в Москву...»

Итак, заметим, вечером 15 марта 1724 года Румянцев отбыл из Глухова в Москву. Недели две-три Александр Иванович добирался до Москвы. В начале апреля 1724 года приехал в Москву, встретился со своей очаровательной супругой, а ровно через девять месяцев, как и положено, родился Петруша. И только в ноябре 1724 года – снова отправился послом в Царьград, как об этом свидетельствуют «Записки» Марковича, потом, в 1726 году, заключив «вечный мир между Россиею и Портою», вручил грамоты Екатерине I и вновь отправился за границу – в Персию...

Но как только возвращался, так в положенный срок появлялись: Екатерина Александровна, Прасковья Александровна...

И еще об одном: читавшие мою книгу упрекали меня, что я идеализирую своего героя... Может быть, может быть... В утешение критикам приведу свидетельство все того же Греча, рассказывающего о

тайнах рождения своей матери: «Екатерина Яковлевна Фрейгольд родилась за пять недель до рождения Наполеона Бонапарте, а именно 29 июня 1769 года, как я сказал, в Глухове. Рождение ея, по преданию, возвещено было пушечною пальбою, но о поводах к пальбе толки различествуют.

Одни говорят, что палили по случаю тезоименитства наследника престола, Павла Петровича; другие утверждают, что пальба произведена была по приказанию фельдмаршала графа Румянцева, по случаю разрешения от бремени жены друга его, полковника Фрейгольда. Повод к этой клевете был очень понятный. Христина Михайловна была писаная красавица, а герой Задунайский славился победами не над одними пруссаками и турками. Живыя тому доказательства остались в Умянцовых, Тет-Румянцевых и т. п., которые рождались в главной его квартире. Екатерина Яковлевна, как продолжают злоязычники, нимало не походила на Фрейгольдов: у них был фамильный, длинный нос, как отвислая губа у австрийской династии, а носик ея был небольшой, благообразный, нежный. Говорят даже, что она жестоко смахивала на покойного – графа Сергея Петровича, сына фельдмаршала. В 1812 году граф С.П. Румянцев, пригласив меня к себе, просил, чтобы я согласился давать уроки дочери его, девице Кагульской (нынешней княгине Варваре Сергеевне Голицыной). Я не мог принять его предложения... Граф, при этом случае, тщательно допрашивался о моем роде и племени. Я рассказал ему все, что знал, и упомянул, что дед мой, Фрейгольд, служил при его отце и пользовался его милостями. Граф улыбнулся, хотел что-то сказать, но удержался...» (С. 30–31.)

Иные авторы «исторических» романов собирают только такие или подобные факты и эпизоды и строят из них свои сочинения. Не этими фактиками и

эпизодиками своей жизни интересны герои прошлого, а своими деяниями во имя славы и величия своей Отчизны.

Прочитано и использовано множество книг, просмотрены сотни статей и публикаций, тщательно изучены реляции великого фельдмаршала, его переписка с родителями, царствующими особами, сестрами, письма братьев Орловых, Потемкина, использованы дневники и записки современников...

В 1825 году журнал «Отечественные записки» опубликовал очерк о Румянцеве, или «Начертание благодарного очевидца Н. Лесницкого, бывшего его питомца и секретаря». В этих «сказаниях о великом победоносном Полководце» – тоже много прелюбопытного и замечательного. В частности, автор отмечает, что Румянцев «быстрейший имел бег мыслей и величайший дар слова»; «обыкновенно он говорил: я мало понимаю Законы, но весьма твердо знаю мой долг»; «читал в глазах каждого желания его»; «проникал в нужды или скорбь и упредительно ободрял каждого благотворным образом и надежду в словах или во взорах своих подавал»; «в речь свою заслуг своих никогда не включал... тщеславием и мечтанием гнушался». «Словом, был христианин, вельможа и простой дворянин, полководец и гражданин, победитель и покровитель; законоводец и земледелец, воин и философ, начальник и отец, – отец и друг!»

Конечно, и эти «начертания благодарного очевидца» служили материалом для реконструкции жизни и великих деяний Петра Румянцева.

«Подлинно, и сей славный человек не избегнул грубых о нем вымыслов, – писал упомянутый Семен Созонович. – Сколько ни стараются многие праздные, хотя, впрочем, с дарованиями,^ но вредные люди, описать черными красками ЗАДУНАЙСКОГО и показать его с какой-нибудь стороны; однако никакими

хитросплетениями не могут помрачить достоинств хвалимого всеми и закрыть то, что полководец РУМЯНЦОВ обнаружил и доказал пред всем светом...»

8 декабря 1996 года - ДВУХСОТЛЕТИЕ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА И ДИПЛОМАТА РОССИИ, ВЕЛИЧИЕ КОТОРОГО ПРИЗНАВАЛА ВСЯ ЕВРОПА, - прошло незамеченным. А в 2005 году Россия отметит 280 лет со дня рождения одного из самых верных своих сынов.

Часть первая
Преодоление

Глава 1

Хочу стать солдатом

Барон фон Бракель уже несколько лет состоял на службе у императрицы Анны Иоанновны, выполняя различные дипломатические поручения. Сначала он стал канцлером в Курляндии, но положение его там было неустойчивым, и он решил сменить бурную Курляндию на спокойную службу в России, получив высокий чин действительного тайного советника. И вот он уже почти десять лет верой и правдой служит русскому престолу, больше, правда, Эрнсту Бирону, но для барона фон Бракеля это стало за последние десять лет почти что одно и то же: интересы Бирона и России в понятии старого дипломата чаще всего неразрывно соединялись. Императрица приказала ему доносить обо всем, минуя кабинет-министров. Так он и делал всегда... И в Копенгагене, сменив на посту русского резидента* Михаила Петровича Бестужева, барон фон Бракель тут же, связавшись с королевским фаворитом обер-камергером Плейсе, доносил императрице о том, что датский король охотно вступит в тесный союз с Россией, если ему будет твердо гарантировано герцогство Шлезвигское за определенное вознаграждение за это герцогу Голштинскому. Барон фон Бракель советовал воспользоваться удобным случаем для сближения с Данией... Стоят ли интересы герцога Голштинского того, чтобы из-за Шлезвига открывать военные действия против Дании? Конечно нет! Он и сейчас уверен в том, что правильно тогда посоветовал

императрице Анне... Хотя как знать, ходят слухи, что она плоха, а кто будет после нее...

Барон фон Бракель бывал в Вене, Гамбурге, Киле, и вот уже несколько лет он служит русским интересам в Берлине, с конца 1734 года... Сколько возникало всяческих споров и раздоров относительно претензий Станислава Лещинского на польский престол... Все европейские державы, казалось, только и заботились о том, чтобы или предоставить ему этот престол, или воспрепятствовать ему занять его.

И снова польские дела служили яблоком раздора между европейскими державами: Россия вместе с Австрией поддержали саксонского курфюрста Августа III в борьбе за польский престол...

Сколько уж дело тянется, война с Турцией началась, русские взяли Азов, Очаков, свершилась битва при Ставучанах, избран герцогом Курляндским фаворит Анны - Бирон, а прусский король никак не мог успокоиться при разговорах о польских делах, все более и более вторгаясь в европейскую политику, резко осуждая то, что противоречило интересам Берлина. Из этого фон Бракель делал вывод, что прусский король занимается не только набором из разных стран солдат великанского роста, однажды всю ночь просидел, составляя проект решения спора между Августом и Станиславом Лещинским: оба они должны были отказаться от польского престола в пользу кого-то третьего, кого выберут сами поляки. Но Август, поддержанный русскими штыками, и не подумал отказываться от польского престола.

Избрание герцогом Курляндским графа Бирона также было большой неприятностью для прусского короля, вникавшего во все европейские дела... Его ничуть не смущало, что все его министры были подкуплены французским королем.

- Я знаю, - говорил он, когда ему очередной раз доносили о взяточничестве министров, - что мои министры и придворные взяли и берут деньги от французского правительства, но я на них за это не сержусь, потому что французские деньги в моем государстве обращаются.

Из этих слов было ясно, что министры на политику прусского короля не оказывают ни малейшего влияния; «Король все делает своею головою один», - доносил в свое время барон фон Бракель, и министры о королевских решениях, ежедневно изменяющихся по конъюнктурам, узнают только тогда, когда они уже состоялись... Каким-то будет его преемник?

Эти мысли не покидали русского резидента в Берлине.

А тут еще не давал покоя молодой Румянцев, сотрудник посольства... Несколько месяцев назад навязали его из Петербурга, пускай, дескать, привыкает к посольской работе, выполняет разные курьерские обязанности, авось чему-нибудь да научится... А он вовсе учиться-то и не хочет... Придется написать о всех его продерзостях, а то как оправдаешься, если что произойдет с ним? Да и перед отцом его будет неловко.

19 февраля 1740 года барону фон Бракелю доложили, что час от часу умножаются продерзости и мотовство молодого Румянцева. Устраивает драки по ночам, а приставленные к нему мастера и учителя жалуются на его лень и забиячество. Докладывали, что Петр Румянцев грозил, что тайно куда-то уедет, но угрозу свою не осуществил пока только потому, что всем его попыткам было воспрепятствовано принятыми предостережениями... Какой неукротимый характер... Барон фон Бракель и добром с ним говорил, и злыми увещеваниями пытался смирить его разбушевавшийся нрав. Ничто, оказывается, не помогало. А тут еще одна выходка сумасброда - заложил свои галантереи и вещи,

дескать, не хватает ему на содержание. Пришлось барону выложить 600 ефимков, выкупил его вещи и увеличил расходы на его содержание. Вроде бы ни в чем нужды не знал... Но и это добро не оценил. Снова влез во многие мотовские долги, продолжал свои беспутные похождения с солдатами, лакеями и другими бездельными людьми. Опять собрал свое белье и платье, чтобы продать или хотя бы заложить... Но хорошо, что вовремя его беспутства были пресечены. Снова пришлось барону добрыми словами увещевать строптивного юнца... Кажется, дошли до него добрые слова... А может, устрасился гнева императрицы Анны Иоанновны, которой барон пообещал сообщить о его проступках?

21 февраля барону фон Бракелю доложили, что молодой Румянцев ночью ушел из своей квартиры.

- Но как? - воскликнул ошеломленный барон. - За ним же должны были следить, и днем и ночью, немало ефимков за это дадено.

- А он подговорил двух мужиков, выбросил им в окно свои вещи и платье, а своего служителя, который отговаривал его от злого намерения и попытался за ним следовать, велел избить тем мужикам... Так что оный служитель в постели, тронуться не в силах.

- Куда ж он может подеваться? - гневно вопрошал барон. - Что ж это за наказание такое! Столько дел, а тут возись с этим шалопаем.

- Ваше превосходительство, оный строптивец не раз сказывал, что он и отцу декларировал: ежели его пошлют с посольством в Германию, то он ничего доброго делать не станет, а будет так поступать, чтоб его поскорее принуждены были взять назад. Ни одного слова правды не исходит из его уст, и он наимерзостнейшим шалостям, которые токмо мочно вымыслить, предан. Об этом все учителя его говорят. Он упрямо твердит, что хочет стать солдатом.

Секретарь умолк, выжидая повеления. А барон не знал, что делать. Молодой Румянцев оказался с характером. Видно, против воли дипломатом его не сделаешь. Языкам он хорошо обучен, статен, пригож, но помешан на воинском деле... Что делать с ним? Нельзя ж неволить...

И лишь через пять дней люди барона фон Бракеля отыскали молодого графа Румянцева, успевшего за это время купить себе лошадь, намереваясь через Польшу ехать к отцу в Киев.

«Как поступить в этом случае?» – размышлял барон. Молодой граф просил прощения за свои прегрешения, но был непреклонен в стремлении вернуться в свое Отечество. «Понятно, стыдно за свои худые поступки», – по-своему понял барон эти извинения.

– Ваше превосходительство, к гражданскому и обучению оному склонности у меня нет, хочу стать солдатом, ничего знать или учить, кроме солдатского дела, не буду. Так и отцу скажу.

И столько твердости прозвучало в голосе Петра Румянцева, что барон долго и пристально всматривался в светлые глаза высоченного юнца, смело встретившие его взгляд.

«Месяца через два отправлю его к отцу... Пусть поступает как хочет», – принял решение барон и вскоре продиктовал очередную депешу в Петербург, в которой немало места было отведено и юному графу Петру Александровичу Румянцеву.

Казалось бы, здесь много возникает вопросов, которые сейчас невозможно разрешить из-за скудости оставшегося материала, но попытаемся понять молодого Румянцева, не затемняя его недостатков и не преувеличивая его достоинств, имея в виду конечный результат его завидной судьбы.

Отец послал его учиться в Берлин, учиться искусству дипломатии. А молодой Румянцев был по своему характеру горячим, порывистым, он мог загореться от малейшей искры и натворить всяческих «продерзостей», а потом раскаиваться в содеянном. Отец, Александр Иванович Румянцев, многоопытный и чадолюбивый, задумал приобщить своего сына к тому поприщу, где он сам наибольших достиг успехов... Знание языков, знание дворцовых интриг, знание людей никогда не помешает на любом поприще... А что сыну предстоит большое будущее, отец был уверен: Петруша был жаден до всего нового, любознателен, но не усидчив и систематических знаний не мог получить из-за ссылки отца в Чиберчино, отдаленную глушь, где даже книг порой невозможно было сыскать.

А Берлин становился средоточием европейской политики. Умиравший король Фридрих-Вильгельм за годы своего правления создал мощную армию, до поры до времени не пускал ее в ход для достижения своих давно вызревших амбиций, но заставил считаться с собой все европейские дворы; король возлагал большие надежды на сына-наследника как на продолжателя своего дела возвышения Пруссии.

Фридрих-Вильгельм до самой смерти не переставал думать о сложных противоречиях между европейскими странами. Особенно его огорчала позиция Франции. Прусский король уверял Бракеля, что если Польша или Швеция нападут на Россию, то императрица Анна может надеяться на его помощь.

Странное впечатление вызывал у Бракеля этот умирающий король во время неизменных визитов в королевский дворец.

«Ясно, что дни его сочтены, – думал Бракель, глядя на исхудавшего, глухо кашляющего короля, – а вот поди ж ты, все думает о величии своего королевства.

Огорчен поведением Франции, сердится на графа Левенвольда за неполноту доверия в польских делах...»

Присутствующему на приеме шведскому послу Фридрих-Вильгельм неожиданно сказал:

- Приведенные в Финляндию шведские войска при теперешней продолжительной стуже или померзнут, или с голоду помрут, и русским там некого будет бить.

На смертном одре он явно издевался над своими извечными врагами, перед которыми уже не одно поколение прусских властителей бывало в зависимости, а теперь по всему чувствовалось, что приходит конец прусскому покорству.

Обращаясь к сыну, он сказал:

- Мой любезный преемник, я прошу, ради бога, не затевай несправедливой войны и не становись агрессором, ибо Бог запретил несправедливые войны и тебе когда-либо придется отдать отчет о каждом человеке, павшем в несправедливой войне. Читайте историю, и вы увидите, что несправедливые войны плохо завершались.

Берлин жил этими слухами, разговорами. Ясно было каждому, что со смертью Фридриха-Вильгельма многое может измениться в Пруссии. Преемник был совсем другого склада человек. О нем уже поговаривали как о властолюбивом и энергичном, просвещенном и хитром правителе, возлагая на него большие надежды.

20 мая 1740 года в Потсдаме после мучительных страданий умер Фридрих-Вильгельм I, прусским королем стал Фридрих II.

Все эти события не могли пройти мимо молодого Румянцева. Барон фон Бракель, пытаясь все-таки посвятить молодого человека в тайны своего искусства, рассказывал ему о том, что происходит при прусском дворе. И никак не мог обойти в своих беседах главнейший вопрос: как новый король относится к России?

- Слышал я, что твой отец отправляется в Константинополь для заключения мира с турками. Вникай, отец твой должен многое знать и о том, что здесь происходит, дабы лучше смог он разговаривать с турецкими пашами. Конечно, кабинет-министры напишут ему свои рекомендации, но думаю, что и ты здесь не зря провел время, набрался немного ума. Был у меня именитый министр Подевилъс и уже от имени нового короля выразил надежду, что Пруссия и Россия заключат между собой союз. Во всяком случае, передай, что молодой король - энергичный и хитрый... Какие меры здешний двор при этом примет, о том знать нельзя, потому что король едва ли со своим министерством будет об этом советоваться. Во всех важных делах он действует сам собою. И вот посмотри да поучись, как надобно работать... Несмотря на жестокую лихорадку и опасения докторов, он работает день и ночь, сочиняет проекты, особенно хлопочет об успешной торговле в своих землях. Составляет проект о том, как бы усилить торговлю в Кенигсберге, а для этого хочет переманить купцов из Риги... Вот тут уже и вмешивается политика. Чем энергичнее он будет этот проект проводить, тем больше ущерба нанесет он России. И теперь императорская Коммерц-коллегия, конечно, будет думать о способах, как бы предупредить это намерение.

- А правду говорят, что старый король срывал с женщин платья иноземного происхождения? Да мог еще и бамбуковой тростью отколотить... - спросил молодой Румянцев.

- Да мне и самому приходилось видеть такие курьезные случаи. Не зря, видно, его называют королем-капралом. Груб и невежествен был, но зато оставил богатое наследство своему сыну.

Глава 2

Хлопоты дипломата

Нет, не удалось удрать из Берлина Петру Румянцеву... Получив строгое письмо от отца, он остался в посольстве: отец его собирался в Константинополь, мать при дворе в Петербурге, так что оставайся, сын, до отцовского возвращения из Турции. Но юный Румянцев настоял на своем.

Много хлопот стал доставлять своим родителям Петр Румянцев, непоседливый, горячий, вспыльчивый, охочий до драк и скандалов... Словно в богатырском теле буйствовали могучие силы, не знавшие выхода, вот и коробило его на всякие выходки. Только власть отца по-прежнему была для него непреклонной.

«Что делать с ним? – думал Александр Иванович. – Нет дела ему, вот и бесится. А может, барон Бракель чем-то неприятен Петруше, вот и протестует... А, ладно, пусть все остается как есть, приеду, если жив буду, авось разберемся... Вот вернется из посольства, отдам его в Шляхетный кадетский корпус, видно, судьба ему быть солдатом, раз того ему и самому хочется».

Александр Иванович в какой уж раз за свою беспокойную и долгую жизнь собирался в Константинополь полномочным министром для заключения мирного договора. Хлопоты позади, а сколько нужно было еще предвидеть и предусмотреть... Турки любят подарки, а без этого дело медленно будет продвигаться, торгу быть, это было сразу ясно Румянцеву. Да и кабинет-министры были внимательны в его поездке в Турцию. Особенно внимательным был Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, новый великий канцлер.

В хлопотах и раздумьях проходили дни в Петербурге. Поговаривали о болезни императрицы Анны Иоанновны, но потом слухи умолкали, и все шло по-прежнему. В сенате Александру Ивановичу передали портрет Анны для вручения турецкому султану. Таков был обычай. Александр Иванович узнал, что портрет был написан живописцем Иваном Линценом и заплачено ему 200 рублей, «резных дел мастер» Ульянов сделал раму, за что получил 21 рубль, а позолота рамы стоила сенату 42 рубля 40 копеек. Когда в апреле 1740 года сенат передал портрет в императорский кабинет для вручения его посольству Румянцева, то было объявлено, «что оный портрет и рамы отправлены быть имеют в Царьград с назначенным в посольство генералом и кавалером Александром Ивановичем Румянцевым». После этого Иностранная коллегия должна была выплатить сенату полную стоимость портрета, после чего сенат мог заказывать новый, «такой же портрет живописцу Вишнякову, а также раму к нему».

Прибывший из Берлина Петр Румянцев был определен после долгих нравоучений отца в недавно учрежденный кадетский корпус.

Как поездка в Турцию ни откладывалась, а время все же подошло, и пышная кавалькада выехала из Петербурга. Историки утверждают, что в свите чрезвычайного и полномочного посла Александра Ивановича Румянцева были: секретарь и маршал посольства, священник с причтом, лекари с подмастерьями, переводчики, 12 дворян посольства, 12 гайдуков, несколько трубачей, егерей, музыкантов, 36 лакеев, много повозок с багажом, около 200 гренадеров... Послу была предназначена парадная карета для выездов, балдахин, парадная палатка, серебряные сервизы и всякого рода блюда, предназначенные для приемов иностранных гостей, много подарков для чиновников турецкого

правительства. И все, вплоть до мелочей, было предусмотрено самим Александром Румянцевым. Двигались не спеша... Москва, Киев...

Начались переговоры с турецким послом о времени размена на границе. Долго переписывались; в каждом предложении обе высокие договаривающиеся стороны опасались ущемления интересов своих государств. Но как только договорились о размене посольств, так тут же возникло другое обстоятельство: 5 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна. Императором был объявлен сын принцессы Анны Леопольдовны Иоанн, а регентом при нем стал герцог Курляндский Бирон. Нужно было дожидаться переоформления верительных грамот. Получил и двинулся в путь, а 28 ноября 1740 года Елизавета Петровна взошла на отчий престол. С радостными чувствами Румянцев обязал присягнуть императрице своих подчиненных. Переход через турецкие Балканы, Андрианополь, Бургас, Сан-Стефано, Константинополь...

Во время переезда Александр Иванович много работал, праздности не любил. Его канцелярия работала в полную силу, устанавливая связи с русскими посольствами в западных странах. Особенно внимателен граф Румянцев к Антиоху Кантемиру, послу во Франции, взявшей на себя посредническую роль при заключении мирного договора. В письмах он просит князя Кантемира «частую корреспонденцию иметь», ему для этого дана «цыфирная азбука». Графу Румянцеву нужно знать, что происходит в Европе, дабы со знанием их вершить свои посольские дела в Константинополе.

Больше шести месяцев пробыл в Константинополе граф Румянцев. Встречался с послами различных стран, бывал у турецких чиновников, не раз был принят великим визирем. В Константинополе Румянцев узнал, что Швеция объявила войну России, а после того, как

русские одержали победу над шведами, «не замедлил совершить торжественное богослужение в греческой церкви», как отмечают историки.

Вихрь дипломатических переговоров, походивших иной раз на битву, закружил его. При всем его опыте, умении внедрять своих людей в недружественные посольства и пользоваться собранной таким образом информацией, Александр Иванович порой оказывался в тяжелейшем положении. Приходилось трудно даже в разговорах с союзниками-австрийцами: ничего не сделают просто так, а только для собственной выгоды.

А положение в Европе обострилось... Повсюду происходили перемены. И неудивительно: смерти государя австрийских земель императора Карла VI, прусского короля Фридриха-Вильгельма I и, наконец, русской императрицы Анны Иоанновны, последовавшие одна за другой в течение 1740 года, круто изменили «климат» европейской дипломатии. В европейской политике все более видную роль стал играть Фридрих II.

И положение обострилось из-за того, что империя Габсбургов утрачивала свое бывшее величие и значение. Франция, давняя соперница Австрии, не признала единственную дочь Карла VI его наследницей...

Наконец-то, после отпускной аудиенции у султана, Александр Иванович Румянцев возвращался на родину. Дорога длинная, многое вспоминалось ему... Радостно было на душе... И справился с трудными делами российскими, и мог себе позволить хоть малый отдых душевный, путь не близкий, знал заранее, что всякое могло быть за это время, не лучше ли приготовиться ко многому, к неожиданностям случайностям и всяческим превратностям судьбы... Сколько уж раз судьба возвышала его, становила во главе самых великих государственных деяний, а потом с такой же точностью сбрасывала в яму государственного небытия, бросала в

захудалые деревеньки, где занимался только своими сельскими трудами...

А как хочется порой посостязаться с лучшими дипломатами Европы... Сколько подводных камней нужно преодолеть каждый раз, чтобы добиться своего интереса. Вот вроде бы грех жаловаться на судьбу, он, чрезвычайный и полномочный посол в Порте, сделал все, что ему поручили: Турция признала Россию империей, правда, потребовала оставить Азов, но когда-то это будет, с этим можно потянуть... Зато турецкие правители пообещали не вмешиваться в европейские дела. Да и куда им вмешиваться, если персидский шах Надир навис над Турцией как грозная всепокоряющая сила... После покорения Индии шахом в Турции стали его опасаться больше всего. А между тем в Турции были и такие, которые хотели воспользоваться войной России со Швецией и вернуть некоторые утраченные земли... Как уж старались шведский и французский послы склонить турецких правителей на свою сторону, но ничего не получилось... Александр Иванович – опытный дипломат, недаром он учился этому искусству у Петра Андреевича Толстого. Вот уж кто был умен и хитер, вот уж кого не удавалось никому обвести вокруг пальца, вот уж кто умел вовремя кому-то подсунуть, чтобы получить необходимую информацию... Только таким способом и можно получить необходимые данные... А так откуда же взять твердость в исполнении своего долга. Только зная, а больше догадываясь, как боится Турция иранского шаха, можно было спокойно разговаривать с великим визирем, который нарочно распускал слух о своем благоволении к шведам и французам, пусть, дескать, Россия опасается возможного союза Турции со Швецией в тот момент, когда Швеция объявила войну России.

Румянцев вспомнил встречу с великим визирем в присутствии медиатора* французского посланника

графа Кастелляна. Визирь упорно настаивал на разорении Азова как одной из статей договора с Россией, а Румянцев столь же упорно настаивал на освобождении и выдаче всех русских пленников. Долго бы продолжался этот упорный разговор, если бы не вмешался медиатор граф Кастеллян, который конечно же поддержал великого визиря, сказав, что разорение Азова является главной статьей договора и эту статью прежде всего необходимо исполнять... Тогда уж Румянцев не выдержал:

- Всему свету известно, что война началась не за Азов, но о прошлом говорить нечего. Я не спорю, что для Порты главная статья об Азове, а для России - о пленных, и потому обе статьи должны бы быть исполнены в одно время; русское требование справедливее турецкого, тем более что Порте давно объявлено: с русской стороны не сделают ничего, если турки не будут исполнять и со своей стороны обязательств.

- Россия обязалась разорить Азов за четыре месяца, а прошло уж больше года, считая с прошлого мая... А освобождение пленных - дело обоюдное: в России тоже много пленных турок, - гнул свою линию граф Кастеллян.

- Дело не в количестве пленных, важен сам вопрос. Если Порта отдаст всех пленных, Россия немедленно разорит Азов.

- Пусть разорят Азов, - не выдержал великий визирь. - Пленные сейчас же будут выданы.

- Между словом и делом большая разница, - возражал Румянцев. - Не только в провинциях, но и здесь, в Константинополе, ни одного пленника от турка не взято.

Поначалу так ничем и кончилась эта конференция... Взаимные упреки сменялись попытками снова наладить

отношения взаимного доверия. Но французы тут же вмешивались, как бы отговаривая визиря от уступок.

Пришлось Румянцеву использовать и английского посла для того, чтобы ослабить французское влияние на турецких правителей. А главное – пойти на всевозможные уловки для выявления истинного положения в турецком правительстве. И для этого все средства были хороши: переводчик русского посольства Пини нашел «дорогу» в канцелярию рейс-эфенди и получал оттуда через своего приятеля очень важные сведения. Так Румянцев узнал, что шведский посол Гилленбург убеждал великого визиря начать войну против России, дескать, и Швеция начала войну против России в угоду Турции, и обещали не заключать мира до тех пор, пока Порты не добьется выгодных для себя уступок от России. Из этих же источников Румянцев узнал, что Швеция требовала от Порты не только денежной помощи, но и активных действий татар против России, способствовала бы поднятию мятежа в Запорожье... И сколько еще всякого интересного можно узнать, когда перехватываешь важные дипломатические сведения. Оказывается, шведы настолько самоуверенны, что обещали помощь Порте в налаживании хороших отношений турецких властей с шахом Надиром... И еще, пожалуй, самое важное: шведы возбуждают националистические чувства поляков против России. Вот что важно донести в сенат, пусть там подумают, как избежать столкновения с поляками...

Так и продолжал бы сидеть Румянцев в Константинополе, плетя сеть интриг против шведов и французов, стойко блюдя интересы России. Он хорошо понимал, что шведские посланники ничего не добьются у турок, которые сами оказались в сложном положении... И кроме обещаний, ничего не давали шведам, которые всячески пытались доказывать, что

они затеяли войну с Россией как оборонительную, а потому имеют право на поддержку со стороны Порты, как это следовало по заключенному между ними договору. Но всему миру было известно, что войну начала Швеция, а потому и не имела права рассчитывать на поддержку Порты, да и денег у Турции не было. Ни с чем уходили шведы, но были настойчивы, так как дела военные у них шли плохо.

27 августа Румянцев подписал конвенцию, можно было бы добиться большего, чем он добился, но последовал указ из Петербурга, чтобы он не медлил с этим. Пришлось подчиниться, хотя положение у Порты было гораздо хуже, чем у России, только что отпраздновавшей Вильманштрадскую победу над шведами. Понятно, эта победа не понравилась Порте, увидевшей в этом возможность усиления России. Но предпринимать ничего не стала...

Напротив, совсем недавно, 28 октября, великий визирь, пригласив Румянцева на дружеский обед по случаю его предстоящего отъезда в Россию, неожиданно сказал, что Турция готова быть посредником в переговорах между Швецией и Россией. Тогда Румянцев ответил, что не имеет высоких полномочий на этот счет, но и сейчас, размышляя об этих встречах и переговорах, Александр Иванович думал, что это был дипломатический ход визиря, чтобы отделаться от настойчивых требований шведов... «Да и с какой стати принимать это посредничество, которое противоречит русским интересам... Кто ж может поверить, что Порта окажется в состоянии дать помощь шведам...» – думал Румянцев. В дороге он узнал, что императрица Елизавета наградила его орденом Святого Андрея Первозванного... Киев, Москва...

И вот теперь Румянцев по указу новой императрицы Елизаветы Петровны возвращался в Петербург.

Глава 3

Дела шведские

Новости словно обрушились на него. Не успел он приехать, как был принят самой Елизаветой... В числе самых именитых и заслуженных людей государства 30 ноября 1741 года, в день орденского праздника Андрея Первозванного, в первое торжество нового царствования, Александр Иванович Румянцев, генерал-аншеф, дипломат, сподвижник великого Петра, испытывал необыкновенные чувства. После литургии в придворной церкви сама Елизавета надела на него Андреевскую ленту. Это ли не счастье для старого дипломата... Готов был даже прослезиться, но вовремя сдержался, глядя на светящееся добром прекрасное лицо молодой императрицы.

И он с готовностью стал участвовать во всех делах государственных, особенно дипломатических.

Особый интерес возбуждали по-прежнему дела шведские. Вокруг этих дел плелись интриги как со стороны русских, так и иностранных министров. Пытались подкупить вице-канцлера Бестужева, но он, не предполагая, как будут разворачиваться события, пока воздержался от предложенной ему французским послом ежегодной пенсии в 15 000 ливров за поддержку при русском дворе французских интересов. Лесток, один из ближайших сподвижников Елизаветы во время дворцового переворота, принял эту пенсию, пообещав делать все возможное для того, чтобы интересы Франции торжествовали при русском дворе.

Шведы и французы пытались доказать, что Елизавета, будучи еще принцессой, обещала, дескать, быть на стороне шведов и французов, если она добьется отцовского престола. И война шведов против

России – это война против немецкого правительства в России, война за законную наследницу Петра, война против Анны Леопольдовны, иностранной принцессы, чуждой интересам России...

Александр Иванович стремился вникнуть в действительное положение России, понять ее истинные интересы... И конечно же он прекрасно знал, что говорил французский посол Шетарди, какие мысли бродили в голове английского министра, потому что ничто не было для него тайной: столькими нитями он был связан с европейской политикой, кто расскажет анекдот с намеком, кто просто перескажет, что говорит тот или другой посол на обеде у графа Строганова, или, напротив, о чем промолчал турецкий посол... В мире недомолвок, анекдотов, прямых и точных высказываний он вращался давно и хорошо знал, что и кто стоит...

Жизнь при дворе шла своим чередом. Молодые шли в гору, ловили момент счастья, быстро делали карьеру, выдвигались на первые места в государстве, старые сподвижники Петра пожинали то, что не успели получить при нем и за годы долгого забвения его деяний и даже имени.

Поговаривали, что граф Черкасский, новый канцлер, мало пригоден к роли вершителя иностранных дел, старый, дескать, языков не знает, а главное, ни в чем не нуждается, такого не подкупишь... Все большую силу приобретал при дворе французский посол Шетарди... Мало сведущие в подробностях дворцового переворота разносили неверную подробность, будто Шетарди был одним из прямых вершителей судеб Российской империи... Но вскоре все выяснилось. Оказалось, что Шетарди выдавал желаемое за действительное, и потому и вера в его всемогущество вскоре не подтвердилась... Да и события складывались по-прежнему не в пользу шведов, которых так поддерживали французы...

В первые дни после восшествия Елизаветы на престол французские и шведские ответственные за политику лица ожидали скорых шагов Елизаветы в пользу мирных переговоров. Но русские правители помалкивали относительно своих ближайших намерений. Напротив, Елизавета высказалась в том духе, что не вызывало никаких сомнений:

- Россия готова к примирению со шведами, но только никаких территориальных уступок она не сделает, уступок, противных ее чести и славе. Даже Анна Леопольдовна, оказавшаяся случайно на русском престоле, начала войну, ни в чем не уступив притязаниям шведов. Так как же я, дочь Петра, соглашусь на постыдные для моего Отечества условия, порочащие память моего отца. Не отдам я земли, за которые пролито столько русской крови.

Эти слова произвели большое впечатление в Версале и Стокгольме, которые не ожидали такого решительного заявления со стороны молодой императрицы, всецело, как им казалось, обязанной французскому и шведскому влиянию на европейские дела.

Сам-то Шетарди хорошо знал, что он не оказывал ни малейшего влияния на дворцовый переворот, но не мешал распространению слухов о своем активном участии в возведении императрицы на престол ее отца. Таким образом введены в заблуждение были и французские, и шведские политики, от которых многое зависело... Наконец-то пришел их день... Французский король прямо предлагал посредническое свое участие в переговорах между Швецией и Россией, но, само собой разумеется, французский король будет добиваться выгодного для Швеции мира. Вот против такой постановки вопроса и возражало русское правительство: оно готово пойти на мирные переговоры

только при условии отказа Швеции от всяческих притязаний...

12 января 1742 года французский министр иностранных дел Амелот писал посланнику в Турции графу Кастелляну: «Теперь еще рано начертать план наших действий относительно России.

Восшествие на престол принцессы Елизаветы нам выгодно в настоящую минуту потому, что немецкое правительство было совершенно преданно венскому двору; а новая царица обнаруживает расположение к Франции и требует ее посредничества для окончания шведской войны. Но до сих пор все это только одни слова, и его величество король как прежде, так и теперь желает чести и безопасности шведов. Они не могут заключить мира, не приведя по меньшей мере в безопасность своих границ, и я предвижу, что Россия может согласиться на это только из страха перед союзами, могущими образоваться против нее. Поэтому вы должны поддерживать расположение, которое Порта начала оказывать в пользу Швеции».

Влияние французского посла с каждым днем царствования Елизаветы падало: он сделал несколько опрометчивых шагов, вызвавших недовольство Амелота. «Я был очень изумлен, – писал Амелот Шетарди, – что на другой день после переворота вы решились писать к графу Левенгаупту о прекращении военных действий. Еще более изумило меня то, что вы хотели взять на свою ответственность все последствия этого. Я не могу примирить такого образа действий с знанием намерений короля, какое вы имеете, и с вашими собственными известиями о худом состоянии московской армии, которая нуждалась в необходимом и которая, по вашему мнению, неизбежно потерпит поражение при первой встрече со шведами. Ваши письма были наполнены известиями о слабости русского правительства, которое до сих пор внушало

почтение иностранцам только наружным блеском, скрывавшим внутренние язвы. Каким образом могло случиться, что в 24 часа изменилось все и русские сделались столь страшными, что шведы могут найти себе спасение только в доброте царицы, которая может их уничтожить? Король думает совсем иначе и более правдоподобно, что поспешность, с какою воспользовалась царица вашим значением, чтоб остановить графа Левенгаупта, скорее проистекла от опасения, внушенного слухами о походе этого генерала, чем из желания угодить королю и быть осторожною с народом, дружественным с Франциею. Вы были введены в заблуждение известиями о дурном положении шведской армии, известиями, страшно преувеличенными и даже ложными в существенном. Но предположим, что известия были справедливы, и в таком случае вы никогда не должны были останавливать графа Левенгаупта, когда царица отказалась дать просимые им обеспечения. Пусть бы лучше шведская армия была разбита наголову. Ошибка генерала не падала бы на министерство, которое не имело времени взять назад данных им приказаний. И тогда мир был бы заключен так же выгодно, как вы заставляете надеяться теперь, потому что не позволяете даже догадываться о желании царицы что-нибудь уступить, а Швеция не могла бы ни в чем нас упрекать. Когда же, напротив, Левенгаупт одержал бы верх, то царица сочла бы себя счастливою, если бы королю угодно было доставить ей мир. Не скрываю от вас, что вся шведская нация раздражена до крайности и не сомневается, что король хотел пожертвовать ею. Я посылаю сегодня курьера в Стокгольм, чтобы стараться успокоить там умы и дать знать, как это и есть в действительности, что перемена государя в России нисколько не изменяет чувств короля к Швеции, ни видов Франции. И точно, если король всегда желал

переворота в России только как средства облегчить шведам исполнение их намерений и если этот переворот произвел противное действие, надобно жалеть о трудах, предпринятых для его ускорения. Честь короля обязывает поддерживать шведов и доставить им по крайней мере честь обеспечения и преимуществ, на которые они надеялись; его величество не должен допускать, чтобы они терпели от последствий вашего слова... Если война продолжается, то шведы не останутся без союзников... Важно, чтобы заключение мира между Россией и Швецией было в наших руках. Пусть царица остается в уверенности насчет благонамеренности короля; однако не нужно, чтобы она слишком обольщала себя надеждою на выгодность мирных условий».

Новая царица... Какую политику она будет проводить? Ведь она как чистый лист бумаги, что хочешь на нем пиши... Так думали многие дипломаты в России и многие руководители европейской политики. Но мало кто знал дочь Петра... Все знали ее как ветреную красавицу, менявшую любовников и несчастную в женихах: сколько раз сватали ее за принцев и великих князей, но все неудачно... Так и осталась незамужней. И вот она теперь вершит европейской политикой. Какую займет она позицию в войне со Швецией... Тут не одна дипломатическая голова тяжело задумывалась. Во всяком случае, надежды на скорый мир со Швецией не оправдались.

Маркиз Шетарди никак не мог смириться с тем положением, в каком он оказался. Прямо надо сказать, что оказался он в ложном положении: думали, что он при российском дворе играет решающую роль, а на самом деле создавал только видимость... Действительно, он мог часто бывать у царицы, разговаривать с ней, чего-то просить и чего-то

добиваться, но все, чего он достиг, было мелочью по сравнению с тем, что от него хотели французы и шведы.

Российские правители колебались, чью же сторону принять в европейской политике – Австрии или Франции, находящихся в острых разногласиях по многим аспектам европейских отношений. Великий канцлер князь Черкасский явно был на стороне Австрии, вице-канцлер Бестужев-Рюмин не высказывался еще по этим сложным проблемам, хотя и всячески намекал Шетарди, что он будет вести политику скорее в пользу Франции, чем Австрии...

Шетарди, уверенный в том, что Елизавета не забыла его хорошего отношения к ней, когда она еще была принцессой, решительно потребовал от нее устранения князя Черкасского с его поста великого канцлера. Но получил неожиданный для себя ответ:

– Вы говорите, маркиз, что вам трудно общаться с князем Черкасским, что он не знает языков европейских. Ну и что ж... Зато он предан делу моего отца, и отец ценил его преданность. А что вы не можете говорить с ним непосредственно, так что вам за нужда с ним обращаться. Вы будете вести переговоры прямо со мною, а другие иностранные министры пусть делают как знают... Пусть изучают русский язык... А менять князя еще не время.

Такого ответа маркиз Шетарди не ожидал, надеясь, что Лесток, который согласился получать пенсию от французского двора за действия в пользу Франции, уже подготовил почву для положительного решения этого вопроса. Но нет, не такая уж оказалась беспомощная в европейских делах новая императрица, которая по-прежнему увлекалась балами, прогулками, маскарадами, по-прежнему была равнодушна к красивым мужчинам, но она всегда помнила, что она дочь великого преобразователя России, завоевавшего

огромный авторитет в европейских делах, и не ей этот авторитет пускать по ветру.

Весь двор был занят предстоящей коронацией, которая будет происходить в Москве. Елизавета, увлеченная этими всеобщими хлопотами, не забывала о ждущих ее решения дипломатических делах. Конечно, она с большим удовольствием, как прежде, отдавалась веселью, но настала другая пора... Пора высоких государственных дел и решений.

В марте в присутствии Елизаветы состоялась конференция по просьбе Шетарди.

- Швеция взялась за оружие, - заявил он, - как для получения удовлетворения в обидах, нанесенных ей прежним немецким правительством в России, так и из желания возвратит себе прежние свои провинции. Мой король, ваше императорское величество, хлопотал за вас, ныне царствующую в России, именно помогая Швеции, которая стремилась помочь вам, свергая немецкое правительство в России. Желая помочь вам, мой король посчитал необходимостью служить шведским интересам. И что теперь получается? Вы отвергаете хлопоты французского короля?

- Нет, мы не отвергаем усилия французского короля, - спокойно возразила Елизавета.

- Шведы надеются получить от благодарности вашего величества то, что прежде думали получить только силою оружия, - вновь заговорил ободренный Шетарди. - Граф Левенгаупт готовится к новой кампании, если, по несчастью, война продолжится. В прошлом году, как только сменилась в России государственная власть, я тотчас же написал об этом графу Левенгаупту, который в надежде на скорый мир прекратил военные действия, как вы помните.

- Просто началась зима, а зимой никто не воюет, маркиз, - сказал фельдмаршал Ласси, командовавший войсками против Левенгаупта.

- Зима зимой, но шведы были готовы продолжать действия, а они решили их прекратить вследствие моего письма.

- Ну, маркиз, это уж ваши дела, мы в них не вмешиваемся, - сказал Бестужев-Рюмин.

- Так я продолжаю, господа... И вот французский король находится в большом затруднении: с одной стороны, по личной склонности он желает быть полезным ее императорскому величеству, содействовать ее славе и благополучию ее царствования; а с другой стороны, он связан со Швециею, самую старинную союзницу Франции, и если покинет ее, то изменит самым формальным своим обязательствам. Кажется, Швеция никогда не согласится на невыгодный для себя мир. Король французский может умерить шведские претензии; но, как он надеется также, и ваше императорское величество поймет, что надобно чем-нибудь пожертвовать, если хотите привести дело к скорому примирению.

Шетарди умолк и с достоинством сел. Положил руки на стол, но, заметив, что они дрожали от испытанного гнева и волнения, спрятал их под стол; его дрожащие руки заметили и русские участники конференции.

- Господа! Прошу высказаться каждого по этому случаю. - Елизавета знала заранее, что каждый скажет, но, тем не менее, ей нужно было показать маркизу Шетарди, какие мысли и чувства испытывают ее помощники в проведении политики международных отношений...

- Мы не можем вести переговоры со шведами на других условиях, кроме условий заключенного между нами Ништадтского мира. Если шведы недовольны этими условиями, значит, надобно вести войну. - Бестужев говорил твердо и спокойно, как человек, колебания которого совсем недавно как будто и не

раздирали душу. – Вот чего каждый из нас должен требовать для славы государыни и народа. И мы будем вести войну... Однако думаю, что, не прибегая к такой крайности, мы можем доставить обеспечение Швеции и даже быть полезными в ее видах. Не нам одним она уступала земли и не выгоднее ли будет для нее возвратить уступленное другим?

– Не намекаете ли вы, граф, на Бремен и Верден, не хотите ли их возвратить шведам? – Шетарди был очень доволен своей шуткой: маркиз был твердо уверен, что если уж что попадало во владение Франции, то уж так и остается навечно.

– Нет, маркиз, я ни на что не намекаю. Я просто уверен, что можно всегда сговориться. Мы искренно желаем Швеции добра, желаем приобрести ее дружбу. Если французский король водворит спокойствие на севере, войдет с нами в тесный союз, заведет прямую торговлю и упрочит все это кровными связями, то, располагая Россией и Швецией, он будет в состоянии дать европейским делам какое ему угодно направление. Помогите искренним намерениям, и не будем упускать времени, чтоб прекратить напряженное положение. Ясно одно, что Россия не согласится ни на малейшее нарушение Ништадтского мира.

Генерал-прокурор сената Никита Юрьевич Трубецкой, фельдмаршал Ласси поддержали вице-канцлера, высказавшись в том же духе: никаких территориальных уступок шведам...

Наконец царский двор переехал в Москву.

В конце апреля в Москве появился шведский посланник Нолькен для ведения переговоров с русским правительством.

2 мая в доме князя Черкасского состоялась конференция, на которой присутствовали Александр

Иванович Румянцев и обер-маршал Михаил Петрович Бестужев.

Как только Нолькен понял, что маркиз Шетарди, на которого он весьма рассчитывал во время ведения переговоров и у которого даже остановился, не приглашен на конференцию, сразу стало ясно, что серьезных перемен за это время не произошло. Так оно и оказалось.

Шведский посланник заявил, что Швеция готова вести переговоры при посредничестве французского короля, и он весьма удивлен, что не присутствует его представитель в России.

Князь Черкасский тут же сказал:

- Ее императорское величество никогда не просила посредничества французского короля. Речь шла о добрых услугах короля, которые он сам любезно предложил ее императорскому величеству, их она никогда не отвергала. Не более того. Так что мы собрались по вашей просьбе и готовы выслушать все, конечно, если у вас есть на то полномочия вести переговоры.

Нолькен вручил великому канцлеру все соответствующие случаю бумаги.

- Ну вот, теперь ничье посредничество нам и не нужно. - Весь вид благодушного Черкасского давал понять, что уступок никаких не будет. Да и твердый взгляд Румянцева не сулил ничего хорошего. Лишь опытный и хитрый дипломат Михаил Петрович Бестужев старался не встречаться взглядом с Нолькеном.

- Добрые услуги и посредничество одно и то же, - сказал Нолькен, - и мне прискорбно встретить затруднение по этому предмету. Я прислан с тем, чтоб вести дело в присутствии и при посредстве Шетарди, что могу засвидетельствовать своею инструкцией. Поэтому, не теряя времени, прошу послать за Шетарди

и вместе приступить к доброму делу, а без Шетарди мне говорить нельзя.

- Посредничество и добрые услуги далеко не одно и то же, - возразил князь Черкасский. - И вам, как посланнику, это должно быть хорошо известно. Добрые услуги Шетарди должен оказывать вам особо, а не в присутствии вашем, и только в случае каких-нибудь столкновений между обеими сторонами может делать свои представления как русскому, так и шведскому двору. Кроме того, французское посредничество не может быть принято еще и потому, что, как всему свету известно, Франция и Швеция находятся в тесном союзе и объявлено, что Франция не оставит Швецию в настоящем затруднительном случае; понятно, следовательно, что такое посредничество невозможно. Впрочем, и самой Швеции честнее, когда она сама о своих делах будет вести переговоры и приведет их к концу.

- Все это так, - согласился Нолькен, - но у меня руки связаны, и потому прошу подать мне помощь именно формальным отстранением французского посредничества.

- А мы и не просили этого посредничества, мы просили только добрых услуг, так что вам не нужно и формального отстранения Франции от ведения наших переговоров. - Черкасский твердо стоял на своем, и было ясно, что ничто не сдвинет его с этих позиций.

- Я прошу вас обратить внимание еще на одно обстоятельство. - Нолькен никак не хотел понять, что он потерпел здесь поражение. - Решение вопроса о французском посредничестве тесно связано с принципом, который должен служить основанием переговоров. Этот принцип есть не что иное, как намерения и виды Швеции, объясненные в манифесте, изданном от имени графа Левенгаупта. В этих-то самых видах и намерениях Франция согласилась со Швецией.

«Ну и что? – всем своим видом говорили собравшиеся здесь русские конференц-министры. – И пускай себе Франция соглашается со Швецией, мы-то здесь при чем?» И Нолькен это чувствовал и решил использовать последний козырь, чтобы убедить своих явных противников.

– Означенные союзные державы благословляют возложение короны российской на главу ее всероссийского величества. Уповается, что ее величество не захочет отвергнуть намерения и виды Швеции, высказанные в манифесте графа Левенгаупта. Со времени ее благополучного восшествия на престол намерения Швеции и Франции оставались одни и те же, следовательно, остается только облечь дело в формальность договора.

Нолькен явно намекал на то, что шведы развязали войну с Россией лишь из-за того, что хотели способствовать, дескать, восшествию на престол Елизаветы. Этого намека не мог простить князь Черкасский.

– Нет, этот принцип не угоден нам, и мы даже не можем сказать императрице об этом вашем заявлении. В Российской империи никто не верит в то, что ее императорское величество получила родительский престол в результате начала войны со шведами, поддержанными французами. Всем известно, почему получила родительский престол Елизавета Петровна...

– Но я прошу доложить дело на решение императрицы. Впрочем, смело говорю, что король, государь мой, и весь шведский народ начали эту войну не против ее величества, и, услышав о ее восшествии, все обрадовались и подумали, что война уже прекращена. Во всяком случае, я приехал вести переговоры с приятелями, а не с врагами. Смело говорю, господа, что причины и цели войны те самые, которые истолкованы в манифесте графа Левенгаупта.

Конференц-министры переглянулись.

- Нет, я вовсе не говорю, что шведы ее величество на престол посадили, но нельзя же отрицать, чтоб они этого не желали, и так как Франция для того же с ними согласилась, то необходимость ее посредничества в настоящем мирном деле осязательна.

- Вы, господин Нолькен, чувствую, не знаете, что писало французское правительство маркизу Шетарди? - Черкасский явно устал уговаривать шведского посланника отказаться от французского посредничества и получить полномочия от своего правительства вести переговоры самостоятельно и прибегнул уж к последнему средству. - В рескрипте* французского правительства прямо сказано, что Швеция начала войну для возвращения уступленных ею по Ништадтскому миру провинций. И кроме того, там действительно говорится, что Франция берет на себя наиторжественнейшие обязательства не оставлять Швецию без своей помощи в этот тяжелый момент ее истории. Так может ли Франция быть беспристрастной, а ведь посредник должен быть таковым. Не так ли?

«Ишь, наконец-то засмутился, - подумал Александр Иванович Румянцев. - И так вот всегда, припрешь фактами, тогда засмущается, а то ведь будет врать без конца и краю, ох и бесстыжие... Ведь ясное дело, но вот уперся, и может толочь воду в ступе хоть год... Странно, что Шетарди не поставил его в известность об этом рескрипте, действительно посадил его в лужу, а сам чистенький... Вот и доверяйся после этого союзничкам...»

- А какие возможны другие способы для вознаграждения Швеции за понесенные ею убытки в этой войне? Что мне передать своему правительству? Ведь должна же быть какая-то уступка для показания дружеских чувств ее величества к Швеции...

Нолькен явно был растерян, не ожидая такого приема.

- Почему же Россия должна платить военные убытки, если она не нападала ни на кого, а лишь защищалась от нападения? Вы не забыли хода войны, господин Нолькен? Мы имеем право требовать возмещения наших убытков, а не наоборот... Об уступках нечего и думать. Ее величество ни пяди земли отдать не изволит и по милости Всевышнего нужды не имеет этого делать. Она еще раз подтвердила, что будет держаться во всем Ништадтского мира. А для безопасности своих границ Швеция может уступить остальную часть Финляндии.

Нолькен совсем не ожидал такого оборота дел, поморщился при этих словах князя Черкасского: правильно говорили, что этого князя следовало бы давно убрать со всех его постов, совершенно невозможно с ним ни о чем договориться.

- Мы готовы, господин Нолькен, вести с вами переговоры, но без посредства Шетарди, обойдемся без французов. Вы должны получить от своего правительства мандат вести переговоры самостоятельно. На другие условия мы не согласны, - резко подвел итоги конференции великий канцлер.

- Хорошо, господа. Я вскоре поеду в Стокгольм, чтобы обо всем доложить королю. Я засвидетельствую о вашем желании покончить с войной...

И действительно, Нолькен вскоре отбыл из Москвы, но не в Стокгольм, а в Фридрихсгам, к графу Левенгаупту. Этот приезд послужил причиной драматических событий, которые стали известными и в Москве.

А пока князь Черкасский, славившийся своим хлебосольством и богатством, пригласил всех конференц-министров к столу. Нолькен, конечно,

раздосадованный, уехал, а собравшиеся долго еще обсуждали европейские дела.

Александр Иванович Румянцев, давно знакомый со знаменитым фельдмаршалом Ласси, воспользовался случаем, чтобы расспросить его о своем сыне Петре.

- О, это хороший солдат... Исполнителен, отважен, готов выполнить любое поручение. Но будущее - в его руках.

- Беспокоит он меня, молод еще, не сбился бы с пути истинного.

- Об этом не волнуйся, генерал. Он будет на моих глазах, не дам ему избаловаться.

Успокоенный Александр Иванович перевел разговор на самую злободневную тему: Елизавета венчалась на царствование, сколько было радости у всех сподвижников Петра, наконец-то все будет как в доброе старое время, когда прежде всего думали о благе России, а не о собственных выгодах.

За обедом, как всегда у князя Черкасского, обильным питием и яствами, разговор вертелся вокруг все тех же проблем войны и мира, высказывались и опасения, что всесильный Лесток, личный лекарь Елизаветы, может склонить ее ко всяким невыгодным условиям мира со шведами, нужно же ему отработать свою пенсию, которую ему платила Франция за поддержку ее интересов при русском дворе.

Нет, от этих всесильных старичков ничто не было сокрыто: французский посол Шетарди болтлив, самоуверен, нет-нет да кому-нибудь проболтается о тайнах своего дипломатического ремесла, а потом тайное быстро становится явным в высоких сферах государственной власти. К этому много было способов...

Глава 4

Большая виктория

В небольшом финском городке Аbove вот уже несколько недель велись переговоры о мире. Во главе дипломатической миссии России стоял испытанный в этих мирных боях Александр Иванович Румянцев.

Когда ехал сюда, он вовсе и не предполагал, что ему придется заниматься этими переговорами. Для другого дела послан был... Несколько месяцев тому назад в русском лагере, недалеко от Фридрихсгама, где расположились шведы, прошел слух, что русские офицеры немецкого происхождения ведут переговоры со шведами и таким образом чинят измену. Гвардейцы пехотных полков с криками «К ружью! Шведы! Шведы!» бросились к ставке генерал-майора Ливена, где действительно находились шведский унтер-офицер и барабанщик, прибывшие для передачи письма шведского посланника Нолькена французскому посланнику Шетарди, вытащили их и крепко побили. Солдаты набросились на ротмистра конной гвардии Респе и поручика Иксуля, вытащили их из палатки и с криками «Немцы изменяют и переписываются со шведами!» стали призывать весь лагерь принять их сторону и расправиться с немцами.

Решительные действия генерала Кейта воспрепятствовали дальнейшим беспорядкам в лагере: кирасиры и конногвардейцы были построены «в ружье», а пехотным гвардейцам крикнул, что все они будут расстреляны, если не отступят, то велит открыть по ним огонь. Это сразу сбило спесь с зачинщиков, которые тут же были арестованы... Связанные, проклинали своих сообщников, не поддержавших их:

- Вот вы теперь смотрите, как нас изменники немцы вяжут, и не вступитесь, а прежде не так было говорено.

Но это была лишь внешняя форма выражения протеста, который копился в армии, действовавшей против шведской армии в Финляндии. Ясно было, что недовольство было продиктовано прежде всего незадачливыми баталиями против шведов. И намек на положение русской армии был в рапорте генерала Кейта фельдмаршалу Ласси: «6 июня, в Троицын день, большая часть гвардейских офицеров обедали у меня; тут гвардии майор Чернцов рапортовал мне о ропоте гренадер на то, что берется в поход только по три гранаты на человека, и я в тот же час приказал употребить крайнее старание, взять в поход все гранаты, и о том дать знать гренадерам, и тем их успокоить. Но в то самое время, как я этим распоряжался, входит прапорщик гвардии Алексеев и репартует, что в лагере начинает умножаться шум и между солдатами проносится слух, что ядра по большей части не по пушечным калибрам, в конной гвардии патроны без пуль и в лагере в ставке генерал-майора Ливена находятся шпионы. За Алексеевым является гвардии майор Солтыков и репартует, что в лагере большой беспорядок: гренадеры пришли в лагерь конной гвардии и отбили шведского унтер-офицера и барабанщика, взяли их из палатки Ливена и отвели в свой лагерь, ищут также с криком своего офицера Иксуля. Я в ту же минуту побежал сам с находившимися у меня офицерами в их лагерь. Подходя к лагерю конной гвардии, я увидел толпу гренадер, также гвардейских и армейских солдат без ружья, при одних шпагах, а при самом входе в лагерь встретил одного гренадера и троих солдат пешей гвардии, которые вели ротмистра конной гвардии Респе; я отнял у них ротмистра и тотчас велел взять их под караул; чтоб навести на своевольников побольше страху, я

приказал гвардии майору сейчас велеть сыскать попа, который бы исповедовал виновных, назначенных к немедленному расстрелянию; офицерам приказал идти к своим ротам и перекликать всех солдат, записывая отсутствующих. Услыхав это, все солдаты, бывшие в лагере конной гвардии, побежали в свои роты. Сам я с генерал-майором Чернцовым отправился перекликать пешую гвардию и нашел шведского унтер-офицера и барабанщика в гренадерской палатке и при них двоих гренадер с примкнутыми штыками на часах; часовые эти поставлены были по приказу подпоручика Щербакова, чтоб охранять шведов от дальнейших оскорблений; я велел их отвести обратно в лагерь конной гвардии. После переклички я приказал всем солдатам разойтись по палаткам, что и было исполнено, причем несколько человек я велел арестовать, потому что на них было указано как на зачинщиков смуты».

Конечно, во всех подробностях это дело было доложено императрице, и она, направляя Александра Ивановича Румянцева, напутствовала его словами:

- Вы, конечно, помните указ от 14 апреля 1743 года. И хотя все по суду смертной казни достойны и прочих определенных наказаний, однако мы по нашему природному милосердию от казни смертной и наказания освобождаем оных. Помни об этом при разборе дела...

И вот состоялся суд... Дело закончилось, можно было бы собираться домой, но пришел новый рескрипт императрицы... На этот раз задание касалось мирных переговоров со шведами.

Шведы были представлены знакомым Александра Ивановича Румянцева еще по московским переговорам Нолькеном и сенатором бароном Цедеркрейцем. Шведы упрямо настаивали на своих претензиях, известных еще по московским переговорам. Румянцева не желал даже слышать о территориальных уступках. Так и велись

дипломатические переговоры, ничуть не продвигаясь к заключительному пакту.

Одно время уже показалось, что дело пошло на лад. Без больших уступок с русской стороны шведы готовы были заключить мир. Но не прошло и нескольких дней, как они снова отказались от своих обещаний, и снова все приходилось начинать с нуля.

«Нужна большая виктория... Тогда дело пошло бы быстрее. Но что-то наши словно замерли...» – в сердцах думал полномочный министр Румянцев.

Вся беда в том, что военные планировали победить и на суше и на море, но все это время никак не удавалось установить совместные действия армии и флота. Русская эскадра задержалась в море и прибыла в Гельсингфорс лишь в начале июня. Дули встречные ветры, попробуй их преодолей, уж видно, на то была Господня воля. Да и прибыть-то прибыли, а льдины еще мешали активным действиям. Вот и замешкались. Ласси так и не решился начать морское сражение. А шведы, оказывается, ждали русскую эскадру близ Гангута, – видно, хотели доказать, что давняя победа русских при Гангуте – это случайность.

Румянцев посмотрел на карту. «Да, пойти на них – это верный проигрыш битвы, они защищены берегами. А мы в открытом море... Нет, правильно Ласси решил подождать корабли адмирала Головкина. Вот тогда-то и нужно было активно начинать генеральную баталию. Но и тогда действия на море были только демонстрацией, а потом и вообще русские корабли ушли к Ревелю и бросили там якоря. А ведь вроде бы ничего не мешало русским для открытых военных действий на море и на суше. И вот все чего-то ждут... Разве могут сделать что-то дипломаты на переговорах, если полководцы медлят с генеральным сражением... Стар стал Ласси, медлителен, чрезмерно осторожен, все чего-то опасается... Неужели не видит, что шведы иссякли,

ждут не дождутся конца войны. Но гордость им не позволит согласиться, что они проиграли войну. Вот и тянут. Авось думают, удастся им что-нибудь выторговать у русских. Нет, уж как-нибудь отобьюсь от их притязаний...»

А между тем события на переговорах ждали действительно лишь военного толчка. И этот толчок произошел.

В конце июня русские войска подошли к Фридрихсгаму, который шведы без сопротивления тотчас же оставили. Город подожгли сами шведы. Левенгаупт отступил к Гельсингфорсу. Русские заняли Кюмень, Борго, затем без сопротивления сдались Нейшлот, Тавастгауз. Лишь в августе Ласси догнал армию Левенгаупта у Гельсингфорса, отрезав ей путь к отступлению к Або... Совсем недавно здесь воевал Петр Великий. И Ласси воспользовался тем же маневром, которым добился победы Петр: с помощью финского крестьянина он нашел ту дорогу, которую проложил Петр, чтобы закрыть путь к отступлению шведам.

И этот маневр снова привел к полной победе. Активные действия русского флота позволили сковать свободу шведской армии. Генералы Левенгаупт и Будденброк, вызванные в Стокгольм, со стороны моря, едва успели проскочить через блокаду русских кораблей. Без всякого сопротивления семнадцатитысячная шведская армия под командованием генерала Бускета капитулировала, выговорив себе право вернуться в Швецию, оставив лишь артиллерию.

26 августа 1742 года русские снова вошли в Гельсингфорс. Финские войска разошлись по домам, шведские готовились к отплытию домой. А переговоры все продолжались...

Много странностей было в поведении шведских генералов, которые были осуждены и казнены. Да и

современники считали, что «поведение шведов было так странно и так противно тому, что обыкновенно делается, что потомство с трудом поверит известиям об этой войне».

Казалось бы, все стало ясно: полная победа над шведами открывала путь к быстрому заключению мира. Но не так-то все оказывается просто. Шведы продолжали настаивать на благоприятных для себя мирных условиях заключения договора.

Конечно, шведы уже и не помышляли о тех условиях, на которых они настаивали совсем недавно. Они искали средства оставить за собой хотя бы часть Финляндии. И неожиданно для Александра Ивановича Румянцева, который уже считал дело сделанным, снова все чуть не рухнуло: шведы предложили в наследники шведского престола герцога Голштинского, племянника русской императрицы, сына ее сестры Анны, вышедшей замуж за герцога Голштинского еще при Петре Великом. И соглашались вновь признать условия Ништадтского мира. Румянцев настаивал на том, чтобы оставить за Россией завоеванные в войне новые территории. Шведы предложили избрание епископа Любского на шведский престол, если Россия откажется от завоеванных территорий. В Петербурге рассудили, что мир со Швецией лучше войны, и вскоре епископ Любский, Адольф-Фридрих, брат наследника русского престола Петра Федоровича, был избран на шведский престол, а Россия уступила большую часть завоеванных территорий в Финляндии.

С известием о мире Александр Иванович послал в Петербург своего сына Петра Румянцева, участвовавшего во взятии города Гельсингфорса, принимавшего участие в конгрессе в Або, «находясь при разнокомандующих генералах, употребляем был в разные курьерские посылки», как вспоминал он позднее.

Прибывший в Петербург капитан Петр Румянцев был тепло встречен императрицей и пожалован сразу в полковники.

Это было 3 июля 1743 года. Полковнику Петру Румянцеву было чуть больше восемнадцати лет. Вскоре он принял командование Воронежским пехотным полком.

Глава 5

Отцовский урок

Генерал-аншеф Румянцев, казалось бы, мог быть доволен своей жизнью. Елизавета Петровна за годы своего правления оказала ему много милостей. Вот и не так давно, 15 июля 1744 года, в день торжественного празднования в Москве мира со Швецией, Александр Иванович Румянцев с потомством своим был возведен в графское достоинство. В грамоте на этот титул были перечислены все его заслуги и заслуги его предков, теперь на гербе его рода красуется надпись: «Non solum aginis». Действительно, «не токмо оружием» служил он своему Отечеству. С улыбкой вспоминал старый Румянцев слова императрицы, пожелавшей, чтобы этому девизу во все времена следовали его потомки ненарушимо. И после этого милости так и сыпались на него. Пожалованы были земли в Прибалтийском крае, жена Мария Андреевна стала статс-дамой ее величества. Поговаривали даже о назначении Румянцева вице-канцлером. Особенно хлопотал об этом преданный Лесток. Конечно, у него была своя выгода: Румянцев давно держался партии, которая стояла за французские интересы при российском дворе. Стар, видно, не подошел для этой роли... Он привык больше действовать, чем интриговать... Но все эти государственные помыслы как-то меньше занимали его. Правда, он по-прежнему бывал при дворе как сенатор, принимал участие в заседаниях совета, обсуждавшего возможное участие России против Пруссии, забиравшей все большую волю в европейской политике, но государственной должности никакой не имел.

Чаще всего он думал о судьбе своего единственного сына Петра, своенравного, беспокойного гуляки.

Сколько раз отец добром просил его остепениться, бросить все эти дурацкие молодечества, которые никогда к добру привести не могут.

Старый Румянцев не на шутку разволновался, вспоминая все проступки своего любимого сына. Никак он не мог забыть, что сын отказался жениться на дочери покойного Артемия Волынского. Чем плоха партия? «Сама наша всемилостивейшая государыня, милосердая о нем, беспутном дураке, изволила побеспокоиться об этом браке, изволила сказать, что Петруше приспело время жениться, и изволила назвать невесту, жалуя таким образом не только его, но и всю нашу фамилию... Пусть она не красавица, но и не дурна, пред прочими же невестами весьма богата. Все знают, что за ней дают более двух тысяч душ, а может, и все три тысячи, двор московский, у Кузнецкого моста, такой, что в Москве другого едва ли сыскать можно. Здесь, в Набережной улице, у Крюкова канала, каменный великий дом, к тому же конский завод и всякий домовый скарб. Да и сама невеста весьма неглупа и состояния самого доброго. А уж как хлопотала об этом деле сама государыня, говорила, что Волынской добивались два старших сына фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, сыновья статс-дамы графини Чернышевой, но всем отказала государыня в надежде женить Петрушу на ней. Да и понятны ее хлопоты за него, ведь все знают, что государыня по крови близко обязана свойством. Всемилостивейшая государыня помнит, что Наталья Кирилловна Нарышкина, мать великого государя российского, родственница знаменитого боярина Матвеева, воспитывалась в его доме и своей красотой и разумом пленила сердце царя Алексея Михайловича. Из дома боярина Матвеева она ушла в кремлевские палаты и стала матерью великого преобразователя. А мать моего Петра – внучка того самого Артемона Сергеевича

Матвеева. Дальнее, конечно, родство, но все ж таки... А мой остолоп не воспользовался таким расположением матушки-государыни... Может, корень-то у них один – боярин Матвеев... Может, мой Петруша – правнук его, а всемилостивейшая государыня Елизавета Петровна – его правнучка? Кто знает... В чужую спальню не заглянешь. Во всяком случае, Елизавета Петровна знает о свойстве с Матвеевыми и хочет оказать милости не только его внучке, но и его родному правнуку».

Много раз старый Румянцев возвращался в своих мыслях к загадочной истории женитьбы царя Алексея Михайловича и каждый раз терялся в догадках. И главное – почему Наталья Кирилловна Нарышкина, дочь Кирилла Полуектовича, боярина и воеводы, оказалась воспитанницей боярина Матвеева?

«Нет, теперь такой доброй девки нам не сыскать для него. – Мысли отца снова устремились в заветное русло. – Ну, может, какую и найдет из придворных, он их тоже всех знает, но придворное обхождение ему скоро наскучит. И сколько ему советовали такую невесту не пропускать. Ее богаче сыскать трудно, да и дом готов совсем. Хотя, по благодати Божией, достаток малый и имеем, да, однако ж, что более, то лучше. Но нет, не послушался нашего совета, а ведь и я, и мать, и сестра его Екатерина Александровна, и муж ее, наш зять, генерал-майор Николай Михайлович Леонтьев, да все-все, кто знал об этом, советовали ему жениться на дочери Артемия Волынского... Ах! До сих пор скорбно, что упустили такой случай. Нет, не послушал родительского совета нашего, також не соизволил и повиноваться доброму совету нашей всемилостивейшей государыни, которая прямо сказала: «Лучше сей добрый кусок хлеба вам хочу отдать, нежели другому».

Александр Иванович вспомнил, что сын в то время был послан для разбирательства одного скандального дела в Орел. Старший Румянцев готов был отозвать его

от начатого следствия и просил немедленно приезжать. Но упрямый строптивец отказался приехать, не внял мольбам родителей, не посчитался с советами самой императрицы.

С тех пор отношения между сыном и родителями сложились натянутые. Отец пытался оказывать сыну помощь в его службе, определить его поближе к Петербургу, чтобы почаще видеться, но сын отмалчивался на все его предложения, не желая пользоваться влиянием отца в Военной коллегии.

При редких свиданиях отец приказывал сыну почаще писать, мать тоже об этом просила, но получали лишь редкие и скудные письма. Даже из Выборга, где у Румянцевых был знакомый почтмейстер, да и вообще много знакомых, которые часто бывали в Петербурге... Но вести о службе сына часто доходили до отца. И все весьма нелестные, немало порассказал отцу генерал-поручик Александр Брюс, старый его товарищ, которому нельзя было не верить, хотя и верить не хотелось. Столько неприятного узнали родители от него о службе родного сына.

Не раз в своих письмах отец предупреждал сына, чтоб соблюдал предосторожности, жил смирно, со своими подчиненными офицерами поступал порядочно, не бранил их публично и дерзко. Да и от посторонних поступало много жалоб, доходивших до императрицы. Особливо недовольна она была ссорой, которую учинил Петр Румянцев у богача Возжинского.

- Ежели б я в те числа сведала об этом непристойном деле, то б отцу велела сказать, чтоб унял. А ежели отец того не учинит, то я, кажется, поболее власти имею, нежели он, чтоб унять моего полковника. У меня уши далеко слышат. Велено от меня за ним смотреть и меня репортовать. Мне надоели постоянные каверзы его.

Конечно, эти слова тут же передали Александру Ивановичу и повергли его в печальное уныние. Эти слова, как грозный удар, привели родителей в расстройство.

Двадцать третий год сыну, печально размышлял старый граф, а все никак не остепенится. Пора ему постоянным быть. Может такое сотворить в погоне за удовольствиями, что потом уж не в состоянии будет поправить, не помогут ни мать, ни отец. Пусть на родителей не пеняет, мы не раз предупреждали его...

27 февраля 1747 года старый Румянцев, получив от своего генерал-адъютанта известие о сыне, пришел в негодование: оказалось, что Петруша вошел в большие долги, а отцу ничего об этом не сообщил.

«Неужто ему недовольно определенного от меня содержания? – с болью в сердце думал Александр Иванович. – Да и жалованье получает тысячу осьмсот рублей в год. К тому же там, где служит, все дешево, и немало посылал ему из своих деревенок на прокорм, на содержание слуг и лошадей... А все мотовство одно... Ох, сын мой, Бога ради не отврати моего сердца от себя, как прежде было. Но ежели невоздержно, мне в том нужды нет, только жаль его, пропадет. А после станет плакать и на меня жаловаться. Доведет мать до крайней печали. Все время, как только услышит о Петруше плохое, причитает без конца, уморит-де нас безвременно, одною головою живет, чтоб свободнее одному шалить и пустодомом жить».

Совсем по-стариковски сморщилось лицо старого Румянцева, готового расплакаться от горя. Седьмой десяток доживал генерал-аншеф, столько повидал на свете, хорошего и плохого, но вовсе и не предполагал, что в конце жизни выпадет ему столько печальных размышлений о судьбе беспутного сына.

Нет! Нужно что-то делать. Не время показывать свою слабость, скоро должна приехать графиня

Румянцева...

Наконец-то пришла Мария Андреевна, как всегда переполненная придворными новостями. Только что императрица вернулась со свитой из своей поездки в Ревель и Рогервик. Предполагаемая поездка в Ригу была отменена после того, как Елизавета Петровна получила от Чоглокова, приехавшего с императорским послом из Вены, письмо какого-то лютеранского пастора с мольбой отказаться от поездки в Ригу, потому что, по словам пастора, по дороге в Ригу расставлены убийцы. Пастор оказался сумасшедшим, но императрица поспешила в Петербург.

- И не можешь себе представить, какие ужасы рассказывают про обер-гофмейстерину молодого двора, - выкладывала новости Мария Андреевна. - Говорят, великая княгиня Екатерина опять плакала, доведенная до слез ее постоянными запретами. Чуть расшалится молодежь, она тут же им делала замечания, дескать, это будет не угодно ее величеству. Так всем надоела, что маленькая графиня Шувалова, ну ты знаешь, самая болтливая и острая на язык, тут же рассказала обо всем императрице, а главное - сделала всеобщим посмешищем эту Чоглокову. К тому же всемилостивейшая императрица дала ей такой нагоняй, что больше не захочет вмешиваться в жизнь молодых...

«О, помилуй меня Господи от всех этих сплетен и бабьих интриг. Будет болтать, пока не остановишь», - тоскливо думал Александр Иванович, и все-таки не рискуя перебить свою благоверную, привыкшую к придворной жизни за много лет.

- А Чоглоков-то! Тоже выкинул штучку. Только приехал из Вены и влюбился в фрейлину Кошелеву, и эта непозволительная связь произвела невозможный скандал при дворе. Представляешь?

Бойкая, привлекательной наружности, проведшая детские и юные годы за границей вместе с отцом

графом Андреем Артамоновичем Матвеевым, Мария Андреевна жила в Вене, Гааге, свободно владела французским и немецким языками, превосходно танцевала до сих пор, а ведь тоже уже не молоденькая, скоро будет пятьдесят.

Но все такая же неугомонная, как и почти тридцать лет тому назад, когда Петр Великий сосватал их.

- А слышал, что ее величество уже не допускает нашего друга Лестока и кровопускание ей делает уже другой лейб-медик?

- Слышать-то слышал, но ведь она была у него на свадьбе с этой фрейлиной Менгден, - поддержал разговор граф Румянцев. - И она была с ними ласкова и внимательна.

- Нет, граф Лесток под подозрением, распространяются слухи, что он пользуется пенсионом не только от французского двора, но ему платят и англичане. И вообще...

- Действительно за последнее время Бестужев, как стал великим канцлером, удаляет одного за другим всех близких молодому двору, великому князю Петру и великой княгине Екатерине Алексеевне. Сначала выслан Шетарди, потом Брюммер, прусский посол Мардефельд, а теперь сгущаются тучи над графом Лестоком... Кто не знает о его роли в возведении Елизаветы Петровны на отчий престол...

- А ты не слышал, как ее величество насмешливо сказала про Лестока: «Вольно французам тратить деньги по-пустому... Лестока я совсем не слушаю, да и говорить себе слишком много не позволяю...» Так что Бестужев берет верх в этой борьбе.

- Скорее Лесток поплатится за свои связи с прусскими сторонниками, дорогая моя статс-дама ее величества. Уж больно ты много знаешь, как и тебе не было б худа. Не хватало еще этого нам, потеряем

кредит у матушки-государыни... Опять плохие новости, мать, – горько закончил граф Румянцев.

– Опять что-нибудь натворил? – забеспокоилась графиня.

– Не то слово! – тяжело вздохнул старый Румянцев. – Опять с сею почтою получил я из Выборга письмо тамошней почтовой таможни.

Мария Андреевна побледнела, испытывая тяжелое предчувствие. Сколько уж лет так вот начинал Александр Иванович, а потом она узнавала об очередных «продерзостях» ее единственного сына.

– Ну и что? – с ужасом в голосе спросила она.

– А то, что ничего хорошего! – столько ярости вложил в эти слова генерал-аншеф, что графиня вздрогнула. – Цольфервальтер Людвиг жалуется на Петра: первое, он обидел проезжающую жену, а потом, после пробития зори, с солдатами вломился в дом этого Людвигу и непотребные проступки делал, что подлинно увидишь из письма его.

И граф Румянцев протянул письмо цольфервальтера. Мария Андреевна быстро прочитала его и жалостливо взглянула на своего супруга, который грозно хмурил брови, хотя весь его вид был скорее уныл, чем грозен. Сказывалась давняя служба на здоровье некогда неумолимого генерала.

– Не смотри на меня так, Мария Андреевна. Час от часу слабее становлюсь, а так хочется твоей радости при себе совершить. Женился б, может, образумился. А без меня, пожалуй, и не такие случаи будут. Не могу понять Петрушу. Имеет та-кой знатный чин, а такие шалости делает, не хранит как свою, так и родительскую честь. Ведь этот Людвиг мог бы не мне, а действительно в Коммерц-коллегии просить по команде, а из той коллегии было б представлено в сенат, а из сената был бы послан указ в Военную коллегию, чтоб его строго осудить и наказать. Напишу ему строгое письмо...

- Да уж сколько ты писал ему. И я просила его остепениться, а все без толку. Разве не надокучили ему такие на него оглашения? Рассуди, Александр Иванович, может ли сие здесь тайным быть и не внушено ее императорскому величеству. А в каком он уже кредите, вы уже довольно знаете и смотреть за ним велено.

- Да я уже, мать, нарочно послал своего адъютанта Токмачева и велел обо всем этом деле, как происходило, взять обстоятельный ответ.

- Напиши ему хоть еще раз! Может, образумится...

- Напишу. Пусть ничего не утаивает, бесполезно, через своих друзей я всю правду сведаю и без него. Пусть первым делом удовольствует просителя, чтоб до дальних хлопот не дошло. Да и Балин пишет ко мне... Помнишь, я говорил тебе о выходке Петруши против него?

- Да как же забыть о том. Все время в сердце ношу, все время за него боюсь. Как же забыть-то. - Голос Марии Андреевны скорбно задрожал. Как мало она была похожа сейчас на ту, которая очаровывала в царском дворце своей беседой, веселой и остроумной.

- Так вот Балин тоже мне писал, что не будет посылать челобитную на высочайшее имя, надеясь на мою справедливость. Пора перестать ему! Ежели впредь что услышу про его какие худые поступки, Бога призываю в свидетели, отрекусь от него. Пусть узнает, как без меня жить.

- Да все забиячества от пьянства, отец. Помнишь дело Возжинского и как он все объяснял, а потом обещал исправиться?

- Еще бы не помню. Как он клялся и раскаивался в своих худых поступках. И недавно в письме своем опять же обещал, что отнюдь того впредь не делать. А вместо того чтобы воздерживаться, час от часу более его продерзости являются.

- Ты уж напиши ему, чтоб повинился пред Людвихом-то, помирился с ним. А то ведь будет худо.

- А если он этого не сделает, то пусть не ждет от меня не токмо награждения, ниже и благословения. Последнее слово ему скажу. А ежели впредь это сделает, то пусть моим сыном не именуется.

В грустном молчании проходило время, тяжкая служба при дворе, где интриги, сплетни подчас оказывали решающее значение в каком-либо важном деле, забирала много сил у стоящих у подножия трона, а тут новые испытания - чуть ли не каждодневно приносили «продерзости» любимого сына.

- Совсем недавно он в письме просил меня, чтоб как можно чаще предостерегать его от прошлых продерзостей его. И я ему поверила... Но, видно, ни страху божеского в нем нет, ни жалости к нам, так и думаешь, что он желает нам смерти...

- Ну уж ты скажешь тоже, - тихо сказал граф.

- А что ж можно подумать-то, ведь каждая такая весть сколько уносит сил. И вместо того чтобы смирить себя, час от часу прибавляет. В самом деле пусть пеняет на себя, мы совсем от него отречемся. Чего от Бога ждать, раз он так презирает родительский приказ. А ведь знает, что за ним смотрят. И вот вместо веселия нам только одна несказанная горесть из-за всех этих пакостей. Знать, ему хочется жить одному. Но Бог тому не попрочит, кто презирает родительскую волю. Вижу неутешно горькую старость нашу.

- Ну уж я ему напишу, - грозно произнес старый генерал, - все выскажу, что думаем с тобой. Но если б ты знала, какая несносная горесть заставляет меня так думать о нем и писать... Стыдно пред своими друзьями, которые все видят и сообщают мне о нем.

Любезный читатель, надеюсь, не посетует на меня, если я на этом прекращу описание беседы удрученных

родителей и предоставляю слово почтенному историку, автору многотомной «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Д.Н. Бантыш-Каменскому, писавшему в 1840 году о Петре Александровиче Румянцеве: «Пылкий, огненный юноша не мог подчинять ума своего единообразным занятиям... Он удалством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окруженный солдатами, в виду их торжествовал над непреклонными; обучал батальон, в костюме нашего прародителя, перед домом одного ревнивого мужа; заплатил другому двойной штраф за причиненное оскорбление и в тот же день воспользовался правом своим, сказав, что он не может жаловаться, ибо получил уже вперед удовлетворение! Проказы Румянцева, доведенные до Высочайшаго сведения, заставили императрицу Елизавету Петровну, во уважение заслуг графа Александра Ивановича, отправить к нему виновного, с тем чтобы он, как отец, наказал его. К чести графа Петра Александровича должно сказать, что и в полковничьем чине перед отцом он был покорен, как ребенок. (Приводим и любопытную сноску: «Любимец Петров велел принести пук розог. «Я полковник», – сказал ему сын. «Знаю, – отвечал отец, – и уважаю мундир твой; но ему ничего не сделается; я буду наказывать не полковника». Граф Петр Александрович повинился, не дозволив, однако ж, конюхам прикасаться до него; «потом, – как сам рассказывал, – когда его порядочно припопонили, закричал: «Держите, держите, утекаю!») События эти, не подверженные сомнению, открывают нам, как неосновательно судить о людях по начальным их действиям!»

Видимо, после этой экзекуции младший Румянецв одумался.

Во всяком случае, тон письма Александра Ивановича к концу 1747 года гораздо мягче, чем перед этим. Петр Александрович по-прежнему пишет родителям редко, но о «продерзостях» – ни слова.

«Мой любезный сын! Я от вас, как вы поехали, ни одного письма не получил, а Попов писал, что уже вы в Москву прибыли, то я тому удивляюсь, что вы о себе ко мне не пишете, також были ль в полку или нет, и где полк ваш поставлен на винтер-квартиру, то впредь от вас буду ожидать ответу. И, прибыв в Москву, были ль вы у генерала Бутурлина, и как от него приняты были, також и от других, и отчего не пишете? Пожалуй, отпиши обо всем. Да живи осмотрительно и не забудь моего приказу, чтоб меня к себе паки в холодность не привели. Впротчем, здесь все благополучно и наша фамилия в добром здоровье. А уповаю, что Иван Михайлович Волынской в Москве и жена ево Анна Семеновна, которой родные племянники князья Волхонские, у которых деревня с нами пополам, то ее попроси, чтоб она их склонила нам тое деревню продать, понеже в таком ближнем соседстве невозможно пробыть без ссор. А один брат из Волконских в Москве. К тому ж и то ей объяви, что они сами знают, что владеют мною моею землею. А ныне я, убегая от хлопот, дам настоящую цену. О сем попроси и заставь Николая Михайловича, чтоб и он постарался об этом. Впротчем, я посылаю вам свое отеческое благословение. А. Румянцев.

Ноябрь 9 день/1747/. Петербурх.

При сем посылаю тебе, Кате и Лизанке благословение. Николаю Михайловичу поклон. Мать ваша *М. Румянцева*».

Здесь славный граф Румянцев упоминает генерала Бутурлина, одного из первых фаворитов Елизаветы Петровны, когда она была еще цесаревной. Скорее всего, именно в это пребывание в Москве и подружился

граф Петр Александрович Румянцев с Екатериной Михайловной Голицыной, дочерью знаменитого сподвижника Петра Великого, фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына. Вполне можно предположить, что молодой полковник, бывая у генерал-аншефа Александра Борисовича Бутурлина, женатого на старшей сестре Екатерины Михайловны, влюбился в свою ровесницу, которая, по словам ее биографа, «обладала очень привлекательной наружностью, была умна, владела немалым состоянием и обширными при том родственными связями». Двадцатитрехлетний Петр Румянцев тоже был хорош собой, умен, прошел «науку страсти нежной» и покорила гордую княжну.

Первые годы супружества были счастливыми. Правда, родившаяся в положенный срок дочь Танюша, названная в честь матери Екатерины Михайловны Татьяны Борисовны Куракиной, умерла, но потом родились три сына: Михаил в 1750-м, Николай в 1754-м, Сергей в 1755 году.

И после женитьбы Петр Александрович иной раз не сдерживал своей увлекающейся натуры, но все это было в пределах приличий того времени. И Екатерина Михайловна была счастлива. Потом все чаще до нее стали доходить слухи о неверности мужа, крутой нрав ее не мог с этим смириться, начались ссоры...

Пришла Семилетняя война, и только что произведенный в генерал-майоры Петр Александрович Румянцев отправился искать свою судьбу в действующую армию.

Глава 6

Пышные сборы на войну

Беспокойно стало в Европе. Никогда-то здесь не стихали острые разногласия в политических делах, а к середине 1750-х годов противоречия резко обострились. Война за австрийское наследство, стычки между французскими и английскими колонистами в Северной Америке, политические интриги Англии, Франции, Австрии, Турции, России с Пруссией, вновь возникшим могущественным государством в центре Европы, – все это и многое другое способствовало переменам в европейской политике; рвались традиционные дружеские связи и союзы, возникали новые.

Фридрих II затеял игру с Англией. Австрия пошла на сближение с Францией, своим извечным неприятелем, и надеялась на поддержку России. Россия, в свою очередь, заключила субсидный трактат с Англией. Фридрих II тоже установил прочные отношения с Англией. В испуге Версаль через несколько месяцев пошел на оборонительный союз с Австрией, что перепугало Англию. Короли Фридрих, Людовик, Георг, императрица Елизавета и эрцгерцогиня Мария-Терезия столкнулись в неразрешимом конфликте в надежде выиграть и добиться пользы для своих государств, но нередко ошибались в своих предположениях.

Когда английский посланник Кейт выразил свое недоумение относительно дружественных отношений Австрии и Франции, австрийская эрцгерцогиня сказала ему:

– Не я покинула старую систему; но Англия покинула и меня и систему, когда вступила в союз с Пруссией. Известие об этом поразило меня как громом. Я и король

пруссский вместе быть не можем, и никакие соображения в мире не могут меня побудить вступить в союз, в котором он участвует. Мне нельзя много думать об отдаленных землях, пришлось ограничиться защитой наследственных владений, и здесь я боюсь только двух врагов: турок и пруссаков. Но при добром согласии, которое теперь существует между обеими императрицами, они покажут, что могут себя защищать и что нечего им много бояться и этих могущественных врагов.

К государственному противоречию примешивались личные неприязни. Так, прусский король Фридрих II, при всех своих выдающихся способностях, неосторожно высказался о русской императрице, и эти слова стали ей известны. Могла ли дочь Петра Великого простить такое поношение? Неприязненные отношения возникали и между государственными чинами меньшего ранга, но от которых зависела европейская политика. Мог ли великий канцлер Бестужев-Рюмин, узнавший об англо-прусском союзе и настаивавший на субсидном трактате с Англией, испытывать симпатии к правителям Англии, ведущей столь двуручническую политику? Конечно нет! Столько печального для него было в этом известии...

Значит, подумала Елизавета Петровна, не так уж прозорлив ее великий канцлер, если не мог предвидеть сближения Пруссии и Англии. И она вновь стала больше внимания уделять графу Воронцову, противнику Бестужева.

По предложению Бестужева был учрежден тайный военный совет, получивший название Конференция*, на первом заседании которого, 14 марта 1756 года, присутствовали: великий князь Петр Федорович, граф Алексей Бестужев-Рюмин, брат его граф Михаил Бестужев-Рюмин, генерал-прокурор князь Трубецкой, сенатор Бутурлин, вице-канцлер Воронцов, сенатор

князь Михаил Голицын, генерал Степан Апраксин, братья Александр и Петр Шуваловы. Председательствовавшая императрица объявила, что учрежденная Конференция должна собираться два раза в неделю, в понедельник и четверг, и решать самые неотложные дела, исполняя ее повеления.

Россия и Австрия начали подготовку к войне, главной целью которой должно было стать «обуздание прусского короля».

Австрия и Россия только готовились к войне, а у Фридриха II было уже готово сто тысяч войска, и он говорил английскому посланнику Митчелю:

- Для меня нет другого спасения, как предупредить врага. Если мое нападение будет удачно, то этот страшный заговор исчезнет как дым. Как скоро главная участница так будет снесена, что не будет в состоянии вести войну в будущем году, то вся тяжесть падет на союзников, которые, конечно, не согласятся нести ее. Австрия хочет напасть на меня.

- Но вы, ваше величество, можете потребовать от нее объяснений.

- Из этого ничего не выйдет хорошего, - недовольно сказал прусский король. - Я получу только оскорбительный ответ.

- Чем высокомернее будет ответ, тем лучше. Вы на нем не успокоитесь, только Европа должна будет убедиться в мирных расположениях с вашей стороны и враждебных со стороны австрийской.

- Нет, - резко возразил король. - Это не поможет, а только испортит дело. Вы не знаете этих людей: они еще больше загордятся, а я им не уступлю.

Король прусский верно разгадал политические интриги Австрии, неподготовленность к войне России, хитрую осторожность Франции и решил первым напасть на своих неприятелей. «Было вероятно, - признавался он в своих мемуарах, - что в этом году враги Пруссии не

начнут войны, ибо петербургский двор хотел отложить ее до следующего года, и было очевидно, что императрица-королева будет дожидаться, пока все ее союзники приготовятся напасть на прусского короля соединенными силами. Эти соображения повели к вопросу: что выгоднее – предупредить неприятеля, напавши на него сейчас же, или дожидаться, пока он кончит свои великие сборы. Как бы ни решен был этот вопрос, война была одинаково верна и неизбежна; итак, надобно рассчитать – выгоднее ли ее отложить на несколько месяцев или начать сейчас. Король польский был одним из самых ревностных членов союза, который императрица-королева образовала против Пруссии. Саксонское войско было слабо, в нем – около 18 тысяч человек; но было известно, что в продолжение зимы это войско должно было увеличиться и что хотели его довести до 40 тысяч человек. Что касается страшного названия зачинщика войны, то это пустое страшило, пугающее только робкие умы. Не следовало обращать на него никакого внимания в таких важных обстоятельствах, когда дело шло о спасении отечества, о поддержании Бранденбургского дома. Задерживаться пустыми формальностями в таком важном случае было бы в политике непростительной ошибкой. При обычном течении дел не надобно удаляться от этих формальностей, но нельзя подчиняться им в случаях чрезвычайных, где нерешительность и медленность могли все погубить и где можно было спастись только быстротою и силой».

И прусское войско вторглось в Саксонию... Так началась война, которая продолжалась семь лет и получила в истории название Семилетней.

5 сентября 1756 года императрица в день своих именин пожаловала Алексея Разумовского, князя Трубецкого, генерал-аншефов Бутурлина и Апраксина в

генерал-фельдмаршалы, главнокомандующим назначила Степана Федоровича Апраксина. Ни одного сражения не выиграли «молодые» фельдмаршалы, но преуспели в придворных «баталиях».

Тяжко приходилось главнокомандующему, совсем не подходила ему эта роль. Но Елизавета Петровна благоволила ему, канцлер Бестужев был с ним в дружеских отношениях, в молодые годы он участвовал под командованием Миниха в русско-турецкой войне. И долго главнокомандующий Апраксин не выезжал к армии из Петербурга в надежде на перемены при дворе. А перемен действительно ждали, потому что болезнь императрицы могла все круто повернуть в европейской политике: всем было известно, что наследник российского престола Петр Федорович был ярким сторонником Пруссии и Фридриха II, преклонялся перед его военным гением. Так что стоило ли спешить, если вот-вот должна была скончаться императрица. Но ей стало лучше, и к концу года стало ясно, что пора отбывать в Ригу, откуда предполагалось начать военные действия против прусского короля.

Апраксин оказался в положении между двух огней: императрица Елизавета Петровна требовала решительных действий против Пруссии, а малый двор, великокняжеский, был против этой войны, а значит, и против решительных действий. И ловкий царедворец попытался угодить и тем и другим и в итоге потерпел сокрушительное поражение. Но об этом в свое время. А пока...

Петр Румянцев весь 1756 год занимался подготовкой кавалерии к походу. Был в Ревеле, Петербурге, Риге... Принимал самое активное участие в формировании гренадерских полков. Резко высказывался в своих донесениях по начальству о плачевном состоянии нашей армии, особенно тех, кого

предназначали в гренадерские полки: такой-то стар, такой-то слаб, такой-то мал ростом «и в том полку следственно быть не способными». Жестко требовал от подчиненных ему командиров полков исполнения своих должностных обязанностей. Так, командиру Нарвского полка Румянцев выговаривает за плохое состояние амуниции, ему давно необходимо было получить новые мундиры, «ношники капральские переломаны, топоры, которые сроком с прошлого 755 году и следовало быть новым, - старые, у хомутов войлочные подкладки худые...». Если офицеры полка не послушают его советов и не приведут в должное состояние свой полк, не заменят негодные вещи годными, а неспособных людей способными, то им грозит строгое взыскание.

Сформировав первый гренадерский полк, Румянцев рекомендует командиру полка строго следить за обучением солдат, рекомендует ему обратить внимание на военные экзерциции* с пальбою, как того требует новый строевой устав, опубликованный в декабре 1755 года: «...а притом во обучении той экзерциции пальбу производить не всегда с порохом, но примерами, имея только крайнее и прилежное смотрение, чтоб чрез частое тем примером употребление солдатство хорошую привычку взять могло, почему и без большого употребления совершенно обучиться, да и самым действием с порохом пальбу без помешательства производить могут...»

Забота о солдате, его боевой выучке, готовности в любой час выступить в поход - вот главное, что волнует молодого генерала. И в этом отношении особо примечателен ордер Румянцева командиру 1-го Гренадерского полка от 21 сентября 1756 года: командиру полка надлежит направить в Рижский магистрат своих людей со списками, в которых точно обозначить, сколько людей и лошадей нуждаются в зимних квартирах. «И когда полк первой гренадерской

в повеленное время в кантонир-квартиры* вступит, то к самому зимнему пути изготовить под артиллерию и подо все полковые и разные тягости из отведенных лесов сани и содержать их во препорции каждого места и при востребовании, чтоб весь полковой обоз безошибочно на оные можно было поставить, также и равным образом все тягости и на летних ходах содержать же во всякой исправности; и если тогда что неисправно, то в самоскорейшем времени исправить, для чего при тех обозах потребное число мастеровых под присмотром нарочно определенного к тому исправлению офицера иметь, с подтверждением, что за неисправное состояние обозов не кто иной, как полковые командиры великого взыскания свободны не будут».

Румянцев рекомендует расположить полк так на зимних квартирах, чтобы в три дня собраться по получению приказа и выступить в поход. Поэтому он призывает командиров не изыскивать себе квартиры по лучшим удобствам и комфорту, а расположиться так, чтобы в кратчайшие сроки быть вместе с полком. Обращает внимание на то, чтобы были исправлены и починены дороги к сборным местам, чтобы правильно были использованы отпущенные деньги, чтобы были сшиты теплые полушубки для рядовых, предлагает внимательно осмотреть, у всех ли есть шапки и теплые рукавицы, «при строении ж обуви крайне наблюдать, чтоб и башмаки деланы к вздеванию на толстые чулки довольно пространно были».

Тщательно готовит Румянцев своих офицеров и солдат к походу, вроде бы ничего не упускает, даже самой незначительной мелочи, твердо зная, что в походе мелочей не бывает. Больных отправить в Рижский госпиталь, сократить по возможности обозы полка. Напоминает командиру полка, что, располагаясь на квартиры, «накрепко подтвердить под жестким и

неупустительным наказанием, дабы при том нужном обывателям постое не только какого озлобления делано не было, но никто бы от оных безденежно ничего требовать не дерзал и хозяев своих к даче ж себе пищи не принуждали и той не требовали...».

Румянцев строго следил за состоянием войска и вникал в каждую мелочь. Если б повсюду действовали такие командиры, как Петр Румянцев... Но много времени в русской армии главенствовали наемники Миних и Ласси, Кейт, Манштейн, выходцы из других стран, им ничего не стоило перейти на службу к прусскому королю или кому-либо другому. Таков был обычай того времени. Они служили государству, которое платило им немалые деньги. Это были последние ландскнехты в Европе.

С началом войны действующая армия пополнилась молодыми офицерами из русских дворянских фамилий. Суворов, Александр Бибииков, Петр Еропкин, князь Долгорукие, князь Голицыны, Чернышевы, граф Панин, граф Салтыков и многие другие русские офицеры вскоре отличатся на поле сражений и умножат военную славу своих фамилий и Отечества.

30 октября Апраксин наконец-то отбыл из Петербурга в Ригу. Ему вдогонку императрица Елизавета Петровна послала серебряный сервиз в 18 пудов весом. А, прибыв в Ригу, хлебосольный и добродушный Апраксин проводил много времени в пирах и забавах... Его сопровождал огромный обоз, штат прислуги. Он и не помышлял о войне, надеясь, что этот сбор окончится лишь демонстрацией силы, что все станет на свои места. Был же поход корпуса Репнина в Европу, и все закончилось Ахенским миром. Так почему же сейчас пристало воевать? Тем более этого не хотят канцлер Бестужев и молодой двор, где все большее значение приобретала великая княгиня Екатерина Алексеевна, принцесса Ангальт-Цербстская в недавнем

прошлом. Он начнет действовать только в том случае, если она пришлет ему письмо... Так завязалась придворная интрига, которая дорого обошлась и Апраксину, и Бестужеву, и самой Екатерине Алексеевне, которой было запрещено вмешиваться в политические дела...

А пока Апраксин, пребывая в Риге, по-прежнему много внимания уделял балам, званым обедам и другим празднествам, которые часто сопровождались «игранием инструментальной музыки», пушечной стрельбой и «преизрядными иллюминациями». Вот в этом отношении фельдмаршал проявил себя во всем блеске, затмив на время известного в Европе франта – саксонского министра графа Брюля. Столько было балов и празднеств, свидетельствуют историки, что Апраксину пришлось послать в Петербург адъютанта, чтобы заказать дюжину новых кафтанов... А гардеробом, как и вином, он основательно запасся, готовясь в поход против прусского короля.

Лишь в конце апреля 1757 года русская армия выступила из Риги и перешла Двину. И здесь Апраксин не мог отказать себе в удовольствии покрасоваться пышностью обряда.

Андрей Болотов, девятнадцатилетний офицер, участник этих событий, через тридцать лет после оных все еще помнил детали и подробности этого перехода через Двину. Вот эти детали...

У самого моста через Двину были разбиты два великолепных шатра. У одного из них горделиво гарцевал на коне сам фельдмаршал Апраксин, рядом многочисленная свита и генералитет. У другого скопилось великое множество дам и знатных господ, пожелавших видеть редкую церемонию. Все городские валы поблизости сего места, вспоминает очевидец, также дома, кровли и окошки усыпаны были народом обоего пола.

Побригадно проходили полки мимо фельдмаршала. И было чем гордиться Апраксину: отдохнувшие за зиму солдаты и офицеры бодро шествовали мимо ставки главнокомандующего, зная заранее, что им нужно только перейти мост и расположиться лагерем на той стороне реки. На всех солдатских шляпах бодро колыхались зеленые древесные ветви, как бы предвещающая будущие победы.

Впереди каждой бригады маршировали собранные из всех полков фуры с распущенными своими значками под предводительством своих квартирмистров. Разноцветные маленькие знамена придавали шествию каждой бригады торжественное величие. Потом вели заводных лошадей командовавшего этой бригадой генерала. Особое восхищение производили попоны, которыми были покрыты лошади с особым вензелем и гербом этого генерала. Все это производило пышный и величественный вид. За лошадьми следовали пушки, ящики со снарядами, а уж потом следовал верхом сам генерал со своим штатом.

«За оным же следовали полки его бригады обыкновенною церемониею, с распущенными знаменами, с барабанным боем и играющею военною музыкою. Все офицеры и самыя знамена должны были салютовать, проходя мимо генерал-фельдмаршала, при котором случае всякий старался как можно исправлять свою должность. Чистота и опрятность в одеждах и убранствах солдат, зеленые на шляпах их ветви, а того паче кожаные и наподобие древних шишаков сделанные и некоторый род плюмажей на себе имеющие каскеты на всех гренадерах – придавали особливую красу войску и умножали величие».

Андрей Болотов, участвуя во всей этой торжественной церемонии, как, видимо, и многие другие, испытывал противоречивые чувства. Его,

необстрелянного юнца, пугала неизвестность, чужие страны, отдаленные и вражеские, где им придется проливать кровь, терпеть нужду, а кому-то выпадет жребий вообще не вернуться в любимое Отечество. Эти мысли, охватывавшие его порой, приводили в уныние и расстраивали душу. Но, глядя на многочисленность нашего войска, на уверенные и твердые лица своих однополчан, друзей и знакомых, юный поручик испытывал чувство гордости за свое Отечество, выставившее такое войско. Возникла «льстящая надежда, что неприятелю никак против нас устоять не можно, мечтательное воображение, что мы по множеству нашему замечем его даже шапками, и бесспорная надеянность, что мы его победим, сокрушим и возвратимся с славою, покрытые лаврами, ободряла паки унылое сердце и оно, власно как одивотворив, наполняла огнем военной ревности, толь много помогающей нам охотно и без скуки переносить все военные труды и беспокойства» – вот мысли и чувства, которые испытывал юный Болотов в то время и над которыми иронизировал спустя многие годы мудрый летописец, вспоминая свое участие в Семилетней войне.

3 мая торжественно покинул Ригу генерал-фельдмаршал. «От грома пушек, гремящих тогда со стен городских, стенала только река, и выезд сего полководца был самый пышный и великолепный. Наша бригада случилась тогда стоять на самой дороге, где ему ехать надлежало, чего ради выведены мы были в строй и должны были ему отдавать честь с преклонением знамен, как главному предводителю».

И медленно потащилась русская армия по польской земле во главе с фельдмаршалом Апраксиным. После четырехдневной осады пала пограничная прусская крепость Мемель с гарнизоном в 800 человек; дивизия Фермора вошла в Тильзит. Два города и двенадцать

амтов (волостей) присягнули на верность русской императрице.

Глава 7

Успех или поражение?

20 июля 1757 года главные силы русских перешли прусскую границу. Стояла несносная жара. Обмелели реки, по которым предполагалось доставлять фураж и провиант, а провиантские магазины были учреждены лишь до Ковно. И сколько трудов, сколько времени понадобилось на доставку провианта на обывательских подводах...

Было и еще одно обстоятельство, которое чрезвычайно замедляло движение армии и на которое обратил внимание все тот же Андрей Болотов – на чрезмерное отягощение армии обозами. По обычаю того времени, офицеров обслуживали камердинеры и денщики, за офицерами следовали по одной, по две, а то и по три повозки со своим штатом обслуживания и с необходимыми вещами для комфорта, со своим провиантом из родительских деревенок. Генералы, командовавшие бригадами, вскоре поняли, что с такими обозами армия окажется бессильной совершать быстрые маневры и перегруппировку сил в случае надобности. И по армии был отдан приказ, чтоб уменьшено было количество повозок в каждой бригаде: на двух офицеров по одной повозке. Сначала этот приказ огорчил офицеров, еще не привыкших к лишениям войны. И пускались на разные ухищрения, чтобы сохранить все по-прежнему... Никто не хотел лишать себя привычных удобств – ни рядовой офицер, ни главнокомандующий.

Фельдмаршал Апраксин, по воспоминаниям его современников, был человеком «пышным и роскошным», «благодетельного и доброго расположения сердца», «но малознающ в вещах»,

пронырлив, честолюбив, всегда имел «великий стол», «гардероб его из многих сот разных богатых кафтанов состоял». Это был человек, не лишавший себя всех удовольствий жизни и в походе против прусского короля. Его палатки составляли целый армейский городок, обоз его насчитывал более пятисот лошадей, а в его личном пользовании было пятьдесят богато убранных заводных лошадей.

Почти столь же обременительные обозы следовали за генералами и офицерами. И эти обозы чуть не стали причиной проигрыша первой же битвы между русскими и пруссаками.

Фельдмаршал Левальд, по приказу Фридриха II, придерживался пассивной обороны, сосредоточивая свои полки на защиту Кенигсберга. Поэтому русские войска первые версты по прусской земле прошли без всякого сопротивления, что и породило благодушие и беспечность, чем немедленно воспользовался более опытный неприятель. Как только наш отряд конных гренадер и казаков, вышедший на рекогносцировку и не обнаруживший неприятеля, расположился в деревне Кумелен на отдых, на него неожиданно налетел полковник Малаховский со своими черными и желтыми гусарами. Застигнутые врасплох русские постыдно бежали, потеряв убитыми более сорока и пленными двадцать шесть человек. Эта первая неудача, вроде бы пустяковая, имела серьезные последствия в ходе событий этого года.

Эта первая стычка с пруссаками дала понять, что предстоит нелегкая кампания с хорошо организованным, храбрым и мужественным противником. А главное, местное население, прусские обыватели, увидев, как позорно бежали конные гренадеры и казаки, вошедшие в их селение гордыми завоевателями, возомнили себе, что и сами могут чинить русским «повсюду вред и беспокойство», «от

легкомыслия вздумали и сами помогать гусарам нас побивать», вспоминает очевидец, «и стреляли по нашим из своих домов и окон».

Фельдмаршал Апраксин, раздосадованный такой неудачей, отдал «то злосчастное повеление», которое легло постыдным пятном на русскую армию: ежели еще раз подобное произойдет и обыватели поднимут руку на русских воинов, то в ответ – не щадить ни мирных жителей, ни их селений.

Казачьи, калмыцкие и другие конные части воспользовались этим приказом и начали грабить мирных жителей, опустошать их дома.

В Европе заговорили об этих варварских грабежах и насилиях.

Вскоре в одной из стычек победу одержали русские гусары под командованием полковника Стоянова. Эта весть быстро облетела всю армию, ободрила оробевших после первого поражения, а главное – все поняли, что и пруссаки умеют бегать.

Наконец, вся русская армия была в сборе: вслед за кавалерией Румянцева и корпусом Сибильского к главным силам подошла дивизия Фермора, действовавшая против Мемеля и Тильзита. И перешла речку Прегель, став лагерем на возвышенности, поросшей лесом. Впереди, у подошвы горы, раскинулась долина версты на две в длину, за ней крутая и высокая гора, за ней густой лес...

Дальнейшему продвижению вперед русской армии мешали целый ряд оборонительных сооружений. По всему чувствовалось, что опытный фельдмаршал Левальд готовится дать бой русским войскам. Во всяком случае, вслед за нашей армией перешел на левый берег речки Прегель и встал на пути русской армии. Между двумя армиями было широкое Егердорфское поле, окруженное густыми лесами, с одной стороны Норкитенским, с другой – Астравинским. У деревни

Пушдорф расположилась армия Левальда. Не удалось пруссакам заманить русскую армию на свои оборонительные укрепления на правом берегу. Ну что ж, обе армии давно готовились к генеральному сражению: за прусской была столица Восточной Пруссии Кенигсберг, а русской было повелено в рескрипте: «Более всего наша честь крайне с тем сопряжена, чтоб Левальд от вас не ушел. Приобретение не только Пруссии, но хотя б чего и большего почтем мы за ничто, ежели б Левальд, оставляя сие королевство, соединился с королем прусским».

Апраксин попытался отрезать путь отступления Левальду. Но корпус генерала Сибильского не справился с поставленной задачей. Да и был он незначительным по своим силам, а главное – сам командующий был нерешительным генералом, хотя и весьма самоуверенным. Так что Апраксин вынужден был искать прямого столкновения с прусской армией и разгромить ее. И вот решительный час наступал...

Вся русская армия соединилась недалеко от деревни Гросс-Егерсдорф и расположилась в соответствии с новым распоряжением. 8 августа Апраксин созвал военный совет и «с согласия всего генералитета, новой ордер дебаталии учрежден и постановлен, по которому армия на авангард и три дивизии следующим образом разделена»: авангард под командой Сибильского, первая дивизия Фермора, вторая дивизия Лопухина, дивизия Броуна.

Генерал-майор Румянцев имел все основания быть недовольным новым расписанием армии. Он, положивший столько сил на формирование кирасирского корпуса, получил пехотную бригаду в составе Воронежского, Трицкого и Новгородского полков. Почему? Какими резонами руководствовался главнокомандующий, определяя ему новую должность?

Он хотел было возразить на военном совете, но князь Голицын, брат его жены, более опытный как дипломат, чем генерал, посоветовал ему не возражать Апраксину. И вот пришлось Румянцеву, почувствовавшему в себе силы необыкновенные, смириться с отведенной ему пассивной ролью в предстоящих битвах с пруссаками. А что битва назревала, для Румянцева было очевидно.

Первый сигнал тревоги прозвучал 17 августа. Но расставленные в боевые порядки полки на Егерсдорфском поле вернулись в лагерь: тревога оказалась ложной. 18 августа русские войска вновь выстроились по тревоге, но и на этот раз тревога возникла при виде небольшого прусского отряда, показавшегося на другой стороне поля для рекогносцировки и вскоре удалившегося.

Войска были еще в поле, а в главной квартире русской армии разгорелся спор: что делать? Снова вернуться в лагерь и дать возможность солдатам и офицерам нормально поесть и отдохнуть или оставить полки на поле, раскинув там палатки и по-походному их покормить?

Согласились с тем, чтобы полки вернулись в лагерь, но должны быть готовыми по первой же тревоге выступить в поле.

Вечером дежурный генерал Петр Панин доложил фельдмаршалу, что в русский лагерь доставлен прусский перебежчик, который утверждает, что пруссаки предпримут нападение на русских на следующий день. Что делать? Верить или не верить? Даже этот вопрос поставил в тупик неопытного фельдмаршала...

Апраксин вызвал тех, кто был поблизости: генерал-аншефов Лопухина и Броуна, генерал-лейтенанта Толстого, коллежского асессора Веселицкого. Допросили перебежчика, записали его показания.

Прибыл Фермор. Генерал-аншеф Ливен, сказавшись больным, передал свое мнение через адъютанта.

- Приход находящегося здесь дезертира и показания его свидетельствуют, что завтра утром неприятель намерен напасть на нас, - сказал Апраксин. - Вот что, господа, послужило причиной того, что я так поздно пригласил вас... И я прошу после прочтения письменных показаний этого человека подать ваши мнения и советы, как теперь надлежит нам поступать... Прошу вас, господин Веселицкий.

Веселицкий прочитал показания дезертира.

После того как дезертира вывели из палатки, Фермор выразил сомнение в подлинности показаний перебежчика: как можно верить человеку, который совсем недавно служил в русской армии, потом перебежал к пруссакам, а теперь снова хочет заслужить доверие русских... Апраксин возражал, ссылаясь на то, что дезертир - русский по рождению и хочет искренне заслужить прощение своей Отчизны.

- Но, господа, предосторожности никогда не лишни, - закончил Апраксин, - а поэтому завтра, около полудня по крайней мере, выстроить войска в поле в боевом порядке, мы должны опередить неприятеля. А если нападения не последует, то двинуть войска вперед. Здесь действительно долго мы не можем оставаться из-за недостатка фуража. Будем продолжать поход на Кенигсберг.

- Господин фельдмаршал! - горячо заговорил генерал-аншеф Броун. - Нам нельзя здесь оставаться до полудня. Я посылал фуражиров за тридцать верст отсюда, но продовольствия и фуража привезли очень мало. Надо спешить с выступлением армии.

- Господа! Я тоже считаю, что следует выступить утром, - вновь заговорил Фермор. - Иначе не успеем достигнуть засветло Эшенбрука. Не думаю, что неприятель имеет намерение напасть на нас. Если б он

хотел это сделать, он мог бы атаковать нас и вчера, и третьего дня. Но не напал...

Лопухин и Броун согласились с мнением Фермора, и поход армии был назначен на следующее утро.

19 августа армия покинула свой лагерь и направилась с горы к узкому проходу, ведущему вниз, к Егерсдорфскому полю. К этому проходу потянулись все обозы армии, офицерские и генеральские коляски и экипажи, повозки со снарядами, и вскоре в этот узкий проход набилось столько, что невозможно было разобратся в возникшей сутолоке. И вдруг кто-то крикнул:

- Неприятель! Неприятель!..

Эти крики долетели от 2-го Московского полка, стоявшего у подножия горы, на которой расположился лагерь русской армии, и охранявшего его. Неприятель стоял перед ним, готовый к бою. Вот тут и началась канонада, которая развеяла последние сомнения относительно намерений неприятеля.

Вспыхнула паника. В обозах смятение. В узком горле прохода к Егерсдорфскому полю отовсюду слышались команды:

- Сюда артиллерию! Быстро!

- Конницу, конницу скорее сюда присылайте!

Но вскоре всем стало ясно, что обозы, забившие проход, не дадут выйти к полю ни артиллерии, ни коннице.

- Обозы прочь! Прочь! Назад поворачивайте! Назад!

Но ни один крик, которыми наполнился воздух, не оказал ни малейшего воздействия. Нечаянная тревога закралась в душу каждого участника этой паники. Растерялись и командиры, не зная, что делать и предпринимать. Некоторые с помертвелыми лицами метались по полю. Самые смелые и находчивые продирались со своим полком сквозь обоз, перелезая через телеги и фургоны. Но куда дальше? Казалось, что

никто ответить не мог на этот вопрос. Замешательство и беспорядок на какой-то миг одолели русскую армию. Задумали наступать на неприятеля, но приходилось в ходе начавшегося сражения перестраивать свои ряды, обороняясь от наступающего неприятеля.

Румянцев проснулся раньше обычного и до сих пор никак не мог согласиться с решением военного совета, постановившего быть его бригаде в резерве. Душа его болела от обиды. Скоро начнется сражение... Он предчувствовал это, сколько ж можно неприятелю отступать, наверняка он даст бой, при этом постарается опередить русских и дать им бой стремительный и неожиданный... А он словно сослан в обоз и даже не получил приказа на тот случай, если действительно начнется сражение. Как слепой... Хорошо, что накануне он выслал разведчиков, прочесавших лес, который отделяет бригаду от Егерсдорфского поля, где, скорее всего, может и произойти сражение. Или неприятель, скорее всего, постарается запереть нашу армию на выходе с горы и расстрелять ее из своих пушек, внести панику, а потом встретить на поле и поочередно громить выходящие из прохода русские полки...

Румянцев встал, выглянул из палатки и тут услышал, как где-то вдали играют зорю. Значит, обычный поход назначен на сегодняшний день. Но вскоре Румянцев услышал пушечный выстрел, потом ружейная и пушечная пальба участилась. Ясно было, что на Егерсдорфском поле началось сражение... Румянцев послал вчерашних разведчиков узнать, что происходит... И потянулись томительные минуты ожидания. Бригада была приведена в боевую готовность. Но что делать дальше – Румянцев не знал и ничего не мог сказать полковым командирам, которые ждали от него приказаний... А что он мог им сказать, если его не поставили в известность о назначении

резерва... И сколько уж ему приходилось испытывать недоброжелательства от главной квартиры. То его назначили формировать гренадерские полки, он побывал в Воронежском, Новгородском, Сибирском, Нарвском, Белозерском, Невском, Казанском, Суздальском, Черниговском, Углицком, отбирая из третьих гренадерских рот самых подходящих... Без устали мотался по России. И к концу 1756 года гренадерские полки были приведены в надлежащий вид. Ему-то и нужно было командовать этими полками, но его почему-то назначили командующим особливym кирасирским корпусом, который тоже сначала необходимо было сформировать и привести в боевое состояние. И столько пришлось преодолевать трудностей, чтобы кирасиры приняли свой боевой вид...

Румянцев вспомнил свое пребывание в Грузинском гусарском полку... Все кирасирские полки оказались в «худом состоянии», а этот был наихудшим. Румянцева поразило в то время, что полк не только в движениях шкwadронами и взводами превеликую конфузию производит, но и в построении фрунта большая часть офицеров и унтер-офицеров мест своих не знали... И потому все перепутались и ни одной команды исправно исполнить не смогли. А некоторые конные гусары по своему малолетству и естественной слабости просто не могли успешно сражаться с неприятелем. К тому же мало кто знал русский язык, а потому и все команды не воспринимались... И неужто полковник Амилохваров, князь грузинский, не мог сообразить, что необходимо учить русский язык, а для этого распределить по ротам довольно знающих русский язык и обучать предписанное новым кавалерииским уставом, принятым в русской армии два года тому назад.

Румянцев тогда же обратил внимание на то, что, располагаясь на зимние квартиры, полковники и вообще офицеры больше думали о собственных

удобствах и совсем не думали, что зимнее время необходимо использовать для обучения вверенных полков, рот и взводов... Румянцев тогда приказал ежедневно обучать роты, соединяя их по две и по три вместе и для того оные сблизить и на кантонир-квартирах, как то и в регулах* армейских признается за необходимое. Пришлось Румянцеву указать Амилохварову на многие его упущения и напомнить, что в случае повторных упущений он будет в соответствии с указом Государственной военной коллегии, как неспособный и чина своего недостойный, передан на ее высокое рассмотрение. И разве плохое состояние рядовых и некоторых офицеров было только в Грузинском гусарском полку? Везде, где он, Румянцев, был, заметны были упущения в боевой подготовке. И столько положил он сил, чтобы привести эти конные полки в боевое состояние. Особенно порадовал его Киевский полк под командованием полковника Еропкина, к которому питал дружеское расположение. Чистота и опрятность рядовых и офицеров, в полковом обозе, умелое исполнение конных и пеших экзерциций – все это порадовало Румянцева, испытывавшего горделивое чувство за своего друга, который достиг такого состояния полка, конечно, своими неусыпными трудами.

Румянцев всей душой стремился навести порядок в расстроенных полках. И сразу офицеры, подчиненные ему, почувствовали жесткую руку командующего, вполне способного отдать под суд тех, кто со всей ревностью* и прилежностью не исправляет своей должности. Только в этом случае может быть наведен порядок и все будут соблюдать дисциплину. Это было главным требованием Румянцева как командира. Не всем это нравилось, но тут уж ничего не поделаешь: или служи как полагается, или уходи со службы...

Раздумья его были прерваны возникшим перед ним командиром разведчиков. Румянцев вопросительно посмотрел на него.

- Ваше сиятельство! То, что мы увидели на Гросс-Егерсдорфском поле, скорее похоже на настоящее сражение главных сил. И должен сказать, что сражение идет не в нашу пользу: прусские полки почти вплотную подошли к подножию горы, где расположился наш лагерь, и ведут наступление. То, что мы увидели, ужасно, наши полки в полном расстройстве...

Румянцев послал за командирами полков.

- Господа! Неприятель опередил нас и успешно ведет наступление... Если мы сейчас не ударим ему в тыл, как диктует нам обстановка, мы упустим момент и дадим ему возможность беспрепятственно действовать превосходящими силами против дивизии Лопухина... Смотрите сюда...

И Румянцев развернул походную карту.

- Здесь вот мы находимся. - Румянцев указал на опушку небольшого леса, который отделял бригаду от Егерсдорфского поля. - Вы знаете, что расстояние от поля битвы невелико, но уж слишком, как доносят наши разведчики, топко. Мы приняли все меры осторожности при движении бригады через лес. Так что следуйте за нашими разведчиками, которые проложили нам путь. Итак, господа, слушайте приказ: первая колонна - Воронежский полк, вторая - Троицкий, третья - Новгородский... Нельзя терять ни минуты, стройте полки...

В этот момент Румянцев был прекрасен: решительность, сила, отвага словно окрасили всю его фигуру необыкновенным светом и сделали ее прекрасной.

Послышались команды. Солдаты, расположившиеся с оружием на отдых, стали быстро подниматься с земли и бегом строиться в походные колонны. Высокая фигура

Румянцева была далеко видна, он отдавал последние команды перед марш-броском.

- Наша задача - как можно быстрее пройти топкий лес и ударить в тыл неприятеля, - напутственная речь Румянцева была краткой.

И полки под командой генерал-майора Румянцева бросились на Егерсдорфское поле, где шла кровопролитная битва.

Первые суматошные минуты прошли, и авангардные полки генерала Сибильского заняли выгодное положение на высоте Зитерфельде. Отсюда было хорошо видно, что происходило на поле: вторая дивизия Лопухина, стоявшая в центре, и правый фланг армии, неся большие потери, стойко отражали наступление пруссаков. Но ясно было видно и другое: не устоять авангарду этих полков, не успевших своевременно построиться в боевые порядки.

Андрей Болотов, командир одной из рот Архангелогородского полка, пришел в себя от ужаса, который он испытал, как и многие другие, при вступлении в кровопролитное сражение. Сюда не долетали снаряды. А Сибильский не отдавал никаких распоряжений. Так что можно было успокоиться и наблюдать, как дерутся русские с пруссаками. При первых выстрелах Андрею Болотову думалось, что коса смерти уже занесена над ним, все вокруг происходящее казалось ужасным, он испытывал такое смятение и замешательство, такое душевное состояние, которое невозможно было сразу понять, разобраться в своих чувствах. Но вот прошло какое-то время; на высоте, где они оказались, стало более или менее спокойно, и можно было посмотреть на самого себя и на других как бы со стороны. Впервые он почувствовал, как сразу многие чувства столкнулись в его душе, создав неповторимое и никогда не испытанное состояние: то

ли это боязнь неприятеля, естественная для каждого человека, оказавшегося вблизи смертельной опасности; то ли досада и негодование одолевали его в тот момент, когда он видел такой чудовищный беспорядок и панику; то ли рвение быстрее броситься на врага и встретиться с ним в единоборстве...

Трудно сейчас объяснить такое состояние, которое он испытал в тот момент. Но потом, когда он увидел неприятеля и падающих с обеих сторон людей, он успокоился. То ли это было состояние отчаяния и окаменелости, то ли потому, что увидел, что он не один, что его окружают солдаты, друзья-офицеры, что все они оказались в одинаковой опасности и чувство страха и боязни постепенно куда-то улетучилось; он стал бодрее и сильнее духом. Видно, действительно правы те, кто говорит, что на миру и смерть красна.

И, оказавшись здесь, на вершине, откуда все как на ладони было видно, Андрей Болотов пристально вглядывался в происходящее на Гросс-Егерсдорфском поле. Небольшое болото, заросшее густым кустарником, отделяло эту вершину от поля сражения. Так что неприятель не мог одолеть это болото, и можно было, затаившись в кустарнике, спокойно наблюдать кровопролитное сражение. Беспощадные залпы с обеих сторон косили людей, словно траву в сенокос... Сбившись в кучу, офицеры смотрели, как падают их товарищи под напором пруссаков. Казалось, что идет истребление русских, застигнутых врасплох. «Господи помилуй! – лихорадочно думал Андрей Болотов.

– Что это такое? Живы ли наши и что они делают... Неужто потерпим поражение...» Но вскоре он увидел, как наши стали энергично отвечать залпами на залпы, затихли разговоры суеверных о том, что пруссаки заговорены от наших пуль, потому что увидели, как и пруссаки тоже падают. И с нашей стороны открылся такой пушечный и ружейный огонь, что пруссаки

утратили свой бег к нашим позициям, замешкались... Но новые полки были брошены на наши позиции. Черный дым, окутавший поле, закрыл его от наблюдавших за ходом боя. Лишь по звуку наших шуваловских гаубиц Болотов мог понять, что сопротивление русских не было сломлено, битва продолжается...

Андрей Болотов испытывал противоречивые чувства... Конечно, не так уж плохо оказаться в безопасном месте, куда не долетали даже снаряды. Но каково ему и его товарищам было смотреть на кровавое зрелище. Они видели не только сражающихся солдат и офицеров, но и тех, кто пытался руководить битвой. Позади сходящихся в бою пруссаков и русских скакали на лошадях какие-то вестники, везущие важные приказы и ордера*, но вот подстреленный всадник падает, так и не доведя важного приказа. А вот несут убитого или тяжело раненного командира... Другой офицер, нарушая строй, падал на руки подхватывавших его подчиненных. И с болью глядел на всю эту мрачную картину, на командиров, которые разъезжали на лошадях и отдавали приказы, на скачущих туда-сюда адъютантов... И вот какой-то взвод бежит на подмогу, кто-то тащит пушку, а кто-то патронные ящики, кто-то остался без лошади, а где-то совсем рядом бежит лошадь, оставшаяся без всадника. «Зачем все это, вся эта суета и сумятица, зачем вся эта бессмысленная бойня?» – горько думал юный Андрей Болотов, глядя на печальное зрелище, происходящее на его глазах.

Два часа шло кровопролитное сражение. 1-й Гренадерский полк с полковником Языковым стойко продолжал сопротивление превосходящему неприятелю. Но прусское командование продолжало бросать сюда, в центр русской армии, свои свежие силы. Генерал Лопухин был смертельно ранен, генерал Зыбин убит, половина офицеров убита или тяжело ранена... Правый фланг второй дивизии Лопухина начал

в беспорядке откатываться к лесу, пруссаки врывались в тылы этой дивизии и дошли до ее обозов.

Андрей Болотов, наблюдая надвигающуюся катастрофу, с яростью думал о главных командирах русской армии, которые оказались столь неподготовленными к бою... Эта битва и должна закончиться нашим поражением потому, что неприятель все продумал, атака его на наши войска шла по заранее продуманной диспозиции, лучшими полками и самыми боевыми командирами.

«Вот какие молодцы пруссаки... Даже мне ясно видно, что артиллерия у них действует как надобно, а весь тыл у них открыт и подкреплен второй линией и резервами, – размышлял юный поручик Болотов. – Весь урон в первой сражающейся линии тут же пополняется свежими людьми, тут же дерущиеся снабжаются нужными припасами и порохом. Вот почему неприятель имел в самом начале сражения несравненно более выгод, чем мы... А у нас? Скорее всего, даже никакой диспозиции заранее не было разработано...»

– Кто ж распоряжается нашими полками? – услышал Болотов хриплый от волнения голос лежавшего рядом подпоручика. – У них дерется целая линия, а у нас гораздо меньше.

– Доносили нашему генералу, что одиннадцать полков успели оттянуться в линию, – сокрушенно посмотрел Болотов на своего подчиненного офицера.

– А что толку? Ведь с полками почти нет артиллерии, кроме малого числа полковых пушек и шуваловских гаубиц, – недоумевал подпоручик.

– А вы заметили, подпоручик, что и эти малые полки так прижаты к лесу, что позади себя не имеют никакого простору.

О господи, как много падает наших, а вместо них никто не приходит... А мы тут стоим совершенно бесполезно...

- Да только ли мы бездействуем... Смотрите, большая часть нашей армии бездействует, никак не может выйти из леса.

- Да и выйти-то некуда, все поле занято, - с горечью произнес Болотов, и смутные мысли о тяжком поражении мелькнули у него.

- Боюсь, господин поручик, гибель наша неминуема. Посмотрите, пруссаки уже бесчинствуют в наших обозах. А куда нам-то отступать?

Болотов посмотрел в сторону, куда указывал подпоручик, и сердце его дрогнуло: с одной стороны крутейший буерак, а с другой - река заграждает путь во всех направлениях. «Ох, пропали наши обозы, нет в том сомнения», - подумал он, но горькие его размышления были прерваны криком подпоручика:

- Что такое? Посмотрите! Откуда взялись наши?

- Что за чудо? - Лишь на несколько минут отвернулся Болотов от картины боя, а там словно по мановению волшебной палочки все изменилось.

Андрей Болотов увидел, как из леса, считавшегося непроходимым, с противоположной стороны поля, один за другим появились русские полки и с криками бросились с тыла на неприятеля. На бегу давая залпы, наши полки врубались в прусские и смяли их.

Мощная штыковая атака русских была столь стремительна и внезапна, что пруссаки дрогнули, повернулись назад и стали искать спасения в ретираде. А русские, ни минуты не давая передышки, начали преследовать прусские полки. Вот почему картина боя изменилась. Тут не в чуде дело, а в смекалке генерала Румянцева, взявшего на себя смелость принять самостоятельное решение.

Мало - помалу начали колебаться и другие прусские полки. А наши отступавшие и оборонявшиеся войска пришли в себя и открыли огонь сильнее прежнего... Не прошло и четверти часа, как пруссаки начали

отступать, сначала соблюдая дисциплину и организованность, но потом, без всякого строя и порядка, побежали...

Когда победа русских полков во главе с Румянцевым четко обозначилась, пришел в движение и корпус Сибильского. Сначала при виде отважной атаки полков Румянцева радостно били в ладоши и кричали: «Слава Богу! Слава Богу! Наши взяли! Наши взяли!» А потом командиры опомнились и закричали: «Ступай! Ступай! Ступай!» И весь корпус Сибильского бросился вниз, продираясь через густой кустарник и болото. Вышедшие на поле солдаты и офицеры корпуса Сибильского не застали уже ни одного живого неприятеля, лишь убитых, брошенные пушки и ружья.

Так кончилась первая баталия с пруссаками. Только после завершения сражения офицеры и солдаты поняли, какой опасности подвергались они еще совсем недавно. Если бы Румянцев со своими полками опоздал хотя бы на полчаса, то русская армия могла бы оказаться разбитой, а помощь ей ненужной.

Фельдмаршал Апраксин 20 августа послал реляцию о сражении при Гросс-Егерсдорфе в Петербург, но ни словом не выделил графа Румянцева, чья инициатива решила исход сражения. И лишь новый главнокомандующий генерал Фермор, спустя несколько месяцев после этого сражения, 6 декабря 1757 года, говоря о сражении при Егерсдорфе, хотя и выделяет графа Румянцева, но наряду с Матвеем Ливеном, Салтыковым, Резановым, фон Боуманом, принцем Любомирским, де Гартвисом, полковником Языковым. Ни слова не говорили в реляциях и донесениях о решающем значении штыковой атаки полков графа Румянцева, опасаясь, что правда об этом сражении падет черным пятном на репутации главных предводителей нашей армии.

Много лет спустя Фридрих II, как всегда преувеличивая русские и преуменьшая свои силы, писал: «Левальд сделал атаку на лес, около которого стояли русские гренадеры и где был центр армии: гренадеры были почти все уничтожены, но как местность была лесистая, то и скрывался от глаз пруссаков маневр русских. Румянцев прибыл на помощь их с 20 батальонами из второй линии и напал на фланг и тыл прусской пехоты, что и заставило отступить...»

Но печальнее всего были последующие события. Большой ценой вырвав победу, русская армия не сумела воспользоваться этим и развить закономерный успех. Саксонский генерал Сибильский с тремя драгунскими полками преследовал неприятеля, догнал его, но без пушек и пехоты ничего не мог сделать против организованно отступающего неприятеля. Так и вернулся ни с чем. Генерал Ливен, утверждают историки, будто бы сказал, что двух праздников в один день не бывает, успокоив тем самым фельдмаршала и всех, кто был недоволен действиями Сибильского. И фельдмаршал согласился с этой обывательской в военном деле философией. Трое суток простояла наша армия на месте, а потом медленно потащилась за неприятелем, который отошел к Кенигсбергу, опустошая по дороге все на своем пути. Полковник Краснощеков со своими донскими казаками дошел почти до Кенигсберга и «ничего не видал, кроме следов наигоршаго разорения и опустошения, кои неприятель сделал в своей земле и с своими подданными, дабы затруднить тем наш поход, отчего жители не только лишены всего хлеба и скота, но и домовыя их вещи изломаны и перепорчены...». Так засвидетельствованы результаты разведки в походном журнале армии. Здесь же говорится о трудностях, которые армия испытывала в фураже, - его невозможно было достать в округе больше чем на двадцать верст. А что дальше - тоже

неизвестность... И с согласия военного совета Апраксин приказал повернуть армию и вернуться к своим магазинам*. Другого выхода, казалось, не было.

Возвращение было воспринято с крайним раздражением и недоумением в русской армии. Досада, стыд, гнев – вот чувства, которые испытывали отступающие после победы. Повсюду стоял ропот, повсюду проклинали главных командиров.

– Измена! И очевидная измена! – пылко кричали одни.

– Что это, государи мои! – рассуждали другие. – Или мы затем только в Пруссию приходили, столько трудов положили и столько крови своей пролили, чтобы вернуться в Ригу?

– Что это делается с нами? – сокрушались третьи. – Куда подевался ум у всех наших командиров?

Удар по самолюбию воинов был чувствительным, но делать было нечего... И с неохотой русская армия потащилась в обратный путь.

«Суровость времени и недостаток в здешней земле провианта и фуража, равно как изнуренная совсем кавалерия и изнемогшая пехота» – так объяснял Апраксин причины отступления.

Глава 8

Маневры прусского короля

Андрей Болотов вместе с армией поспешно отступал, и горькие раздумья часто одолевали его. Удивляла проворность, с какой отступали, будто какая-нибудь большая беда угрожала русской армии, будто превосходящий в силах неприятель гнал разбитую армию. А ведь угнетало то, что разбитый Левальд, опомнившись после Гросс-Егерсдорфа и узнав об отходе своих победителей в отечественные пределы, не торопясь, соблюдая все военные предосторожности, пошел за отступающими, изредка постреливая им вслед.

В какой уж раз главная квартира Апраксина издала приказ: уменьшить количество повозок в армии, которые мешают быстрее двигаться; два офицера вполне могут уложить необходимые им вещи на одну повозку, а оставшееся сжечь.

– Изрядное награждение за труды наши! – роптали офицеры между собой, поругивая своих главных командиров. – Вместо того чтобы возвращаться в Отечество с полученным от неприятеля прибытком, велят нам и свое родное сжечь и бросать!

Но поспешное отступление не помешало Апраксину проявить свои верноподданнические чувства: 5 сентября он приказал торжественно отметить именины Елизаветы Петровны. В полковых церквях состоялись службы, потом полки были выстроены для парада, из пушек и ружей дали троекратные залпы.

Вместе с солдатами участвуя в стрельбе, Болотов иронически думал: «Вот и пригодился порох, много пудов его сейчас расстреляно. Да ведь и по правде сказать, у нас так много его осталось, не везти же его

обратно. Теперь еще несколько повозок можно уничтожить. Опять же выгода... А как радуются жители, смотрящие на наше отступление... Ведь присягали Елизавете Петровне, теперь присягнут снова Фридриху... Какой позор...»

И армия снова двинулась в сторону Немана.

Пошли дожди. Дороги развезло. Отступление стало еще мучительнее. Глубокая и топкая грязь, стоявшая повсюду, постоянно льющий дождь делали безуспешными всякие попытки развести огонь и обогреть страждущих. Увеличилось количество больных. Небольшие неприятельские партии начали постоянно беспокоить отступавших, своей пальбой словно кнутом подгоняя их оставить пределы Пруссии.

19 сентября вздумалось Апраксину торжественно отметить месяц со дня Гросс-Егерсдорфской победы. Всем была очевидна глупость сего празднества, но Апраксин, любитель пышности, отдал приказ пальбой из пушек праздновать эту победу.

Андрей Болотов со своими товарищами откровенно смеялись над любочестием своего незадачливого предводителя.

И что же? Не успело ободнеть, как в армии услышали пальбу из пушек. Удивленные солдаты и офицеры выскочили из своих палаток и, смеясь, сбившись в кучки, продолжали иронизировать над славолюбивым фельдмаршалом.

- Что-то не терпится нашему предводителю!

- Видно, что торжество у государя предводителя нашего близко лежит на сердце, что начал оно так рано!

- Да! - смеялись другие. - Видно, что и пороху у нас много, что так изволит тешиться и терять его совсем по-пустому.

- Не лучше ли совсем эту победу позабыть, чтоб не так стыдно было бежать к своим берегам, - горько

говорили третьи.

Но тут произошло совсем неожиданное. Ударило ядро в офицерскую палатку и разнесло ее до лоскутков. Потом мимо пораженных офицеров пронеслось второе ядро и опрокинуло часть обозных повозок. Потом третье, четвертое, разметавшие еще несколько палаток.

- Уж не рехнулся ли наш фельдмаршал, стреляя по своим? - крикнул один из офицеров, оглядываясь по сторонам в поисках укрытия.

Лишь много часов спустя, снимаясь с лагеря, Андрей Болотов узнал подробности происшедшего. Оказалось, что Левальд, заняв Тильзит, приказал снять дальнобойные крепостные пушки и открыть пальбу по русскому лагерю, готовившемуся праздновать Гросс-Егерсдорфскую победу. Ядра были направлены на ставку фельдмаршала Апраксина, но, не долетев, разметали несколько палаток и повозок в обозе. Апраксин, в свою очередь, приказал открыть огонь по Тильзиту, но через четыре часа пальбы, не причинившей никакого вреда ни армии Левальда, ни жителям Тильзита, наша армия поспешно отступила еще на несколько верст.

Раздосадованный и оскорбленный таким «коварством» пруссаков, Апраксин, по примеру Левальда, разорявшего при своем недавнем отступлении все селения, дабы ничего не оставить неприятелю, велел опустошать огнем и мечом все селения, которые проходила наша армия, чтобы неприятелю негде было найти себе прибежища. Видно, это и образумило прусскую армию, отказавшуюся от дальнейшей погони. Лишь небольшая партия прусских гусар следовала до самых границ.

Выпал первый снег. Наступали настоящие осенние холода. А тут еще одна неприятность выпала на долю юного Андрея Болотова: в одно ненастное утро он

узнал, что он от полка направлен в ординарцы к Апраксину. А это означало, что он должен сдать роту и на несколько дней отбыть в его распоряжение, приобщив и свою повозку к фельдмаршальскому обозу.

21 сентября, в стужу и слякоть, наша армия покинула очередной лагерь. Поход был трудным. Частые ручейки и топкие лощинки затрудняли движение. В топкую и вязкую грязь сапоги уходили так, что с трудом их вытаскивали, чтобы сделать следующий шаг.

Андрею Болотову и на лошади было нелегко. А каково солдатам, утопающим в грязи? Обоз где-то застрял. Солдаты оказались без палаток и горячей пищи.

С ужасом и содроганием увидел Андрей Болотов, как по колена в грязи тащились победители при Гросс-Егерсдорфе. Если раньше он примечал недостатки с точки зрения ротного командира, знал состояние соседних рот, полка, то сейчас перед ним открылось жалкое состояние всей армии.

Фельдмаршал и его огромный обоз шли впереди. В назначенное место для нового лагеря приехали засветло. Без спешки, спокойно фельдмаршал расположился в своей ставке, в теплых войлочных калмыцких кибитках, офицеры и обозные в палатках.

Какая пропасть открылась между фельдмаршалом и солдатами! Конечно, и сам Андрей Болотов устроился неплохо: дежур-майором и командиром над всеми ординарцами оказался самый ближний деревенский сосед – князь Иван Романович Горчаков. И как только князь услышал фамилию вновь прибывшего ординарца, так тотчас взял его под свое покровительство, пригласил обедать и ужинать к себе, пока Болотов будет исполнять обязанности ординарца.

Так что о себе Болотов не думал. Душа его болела о солдатах. По колена в грязи брели они, преодолевая

многочисленные ручьи и ручейки, лощинки и овраги... А пришли в лагерь – нет ни палаток, ни дров для костра, у которого можно было б хоть погреться. А некоторым полкам было отведено болотистое место, где и четверть часа невозможно было простоять, как делалась лужа и ноги уходили на четверть и более в воду, выделяемую тряским грунтом.

Наступил вечер, а показались только первые повозки обоза. Фельдмаршал забеспокоился, посылая то и дело ординарцев подгонять обозных. Но все было безуспешно...

Погода еще ухудшилась, наступила такая темень, что ни зги не видно. Андрей Болотов, тепло одетый, с содроганием смотрел на солдат, располагавшихся на мокрой земле, под дождем и снегом. «Господи! На них ведь только тонкие плащи!.. Что ж произошло с обозом?» – подумалось Андрею Болотову. Но в этот день князь Горчаков щадил его и никуда не посылал. Так и заснул он в своей палатке, не ведая, что очень скоро предстоит ему узнать ответ на свой вопрос.

Ночью его разбудил князь Горчаков:

– Вставай, Андрей Тимофеевич! Что делать, хоть и не хотелось мне вас тревожить и в сие время посылать, но ничего не поделаешь, велит сама необходимость. Не взыщите, ради бога. Всех ординарцев разослал, а граф Апраксин спрашивает ординарца. А никого нет, кроме вас. Пойдемте к нему...

Пока князь Горчаков вроде бы даже извинялся за ночное вторжение, Андрей Болотов быстро одевался, испытывая естественную досаду, что сон его столь неожиданно был прерван.

Вошли к графу Апраксину в огромную, богато украшенную кибитку. Спиртовые жаровни хорошо нагрели кибитку. На одной кровати возлежал фельдмаршал, на другой – его лейб-медик. Каково же было удивление Андрея Болотова, услышавшего, как во

все горло здоровенный гренадер рассказывал сказку, полную явного вздора. «Боже мой! В таких печальных обстоятельствах фельдмаршал изволит слушать всякие нелепости... Стыдно подумать! Приличное упражнение для фельдмаршала такой великой армии в такое время», – думал поручик, глядя на своего предводителя, утопающего в пуховиках.

Князь Горчаков доложил фельдмаршалу, что перед ним его ординарец, который готов выполнить любое его повеление.

– Слушай, мой друг! – заговорил покровительственно Апраксин. – Поезжай по дороге, где шла армия, до того самого места, откуда мы сегодня пошли, и посмотри, сколько еще обозов по дороге и все ли они переправились через речку? И буде не все, то сочти ты мне, сколько повозок еще не переправилось.

– Исполню, ваше сиятельство, – с готовностью ответил Болотов. – Но только счесть не уповаю, чтоб было можно: темнота теперь так велика, что и на сажень ничего почти не видно.

– Ну хоть наугад посмотри сколько. Только поезжай и возвращайся поскорее, – приказал фельдмаршал.

Болотов надел сверх мундира овчинный тулуп, по случаю купленный у пруссаков во время отступления, накинул сверху епанчу, взял с собой конвой в составе двух казаков, причем одного выслал вперед, чтобы проверял, нет ли рытвин и топи по дороге, а второго оставил за собой, приказав не отставать ни на шаг.

Разбитой дорогой в «преужасной темноте», опасаясь ежеминутно, как бы не вылететь из седла, угодив в какую-либо рытвину, ехал Болотов навстречу обозу. Вскоре стали попадаться повозки, но в таком состоянии, что вызывали только сожаление и сострадание не только к людям, но и лошадям, совершенно выбившимся из сил. По дороге все чаще

попадались застрявшие в грязи телеги и лежащие без сил лошади... Попадались и сдохшие лошади... И мертвые извозчики... Вся дорога была словно устлана сдохшими лошадьми и замерзшими людьми...

Вдали показалось зарево. Значит, подумалось, там и есть та страшная переправа, которая стала большим испытанием для обоза. Но то, что увидели подъехавшие Болотов и казаки на переправе, заставило содрогнуться их сердца... Несколько сот повозок стеснилось здесь... Стоял непрерывный треск, вопль, невообразимый шум. Никакой очереди, никакого порядка не соблюдалось. Некоторые повозки были опрокинуты в болото и наполовину затонули, другие были перевернуты. Третьи оставались неподвижными с переломанными колесами или осями. Не только пересчитать повозки никакой возможности не представлялось, но и глазом окинуть все это столпотворение.

- Сколько еще там за речкою обозов? - спросил Болотов подвернувшегося на глаза офицера.

- Может, сот шесть, а может, более того. Не могу вам сказать, - сказал офицер и безнадежно махнул куда-то рукой.

Наблюдая за переправой, Болотов и казаки продрогли и решили погреться, прежде чем отправиться в обратный путь. Каково же было их удивление, когда они увидели, что горели огромные крестьянские дома и дворы, сгорал один, поджигали соседний, и грелись обозники у этих «костров». Ничего не поделаешь, хоть и жалко было прекрасные строения, но тоже погрелись у этого огня. «Боже мой! - подумал Болотов. - Какие горестные последствия приносит с собой война! Чем бедная сия деревня виновата? Только тем, что мимо проходили наши исстрадавшиеся войска».

Как только Болотов вошел в кибитку, фельдмаршал спросил:

- Ну что, мой друг, много ли еще обозов за речкой?

«Господи! Он все еще сказками забавляется... Там такое творится... Хуже Гросс-Егерсдорфа, а он тут валяется на пуховиках!» - подумал Болотов, а вслух ответил на вопрос фельдмаршала:

- Очень много, ваше сиятельство! Много лошадей и повозчиков погибли на дороге и у переправы. Горят прусские дома...

- Ну ладно... Я все понял. Иди на свое место... Рассказывай, мой милый, - обратился он к гренадеру, который сразу же заговорил во весь свой зычный голос.

«Вот так фельдмаршал! - горестно сетовал Болотов, уходя в палатку, где должны были находиться дежурные ординарцы. - Люди, вверенные его предводительству и попечению, погибают или страдают преужаснейшим образом, а он в то самое время увеселяется сказками. Чему и дивиться в таком случае, что армия на сем обратном походе претерпевает несравненно более урона, чем когда мы шли в Пруссию».

Только под вечер на следующий день обозы пришли в лагерь. Пришлось приводить в порядок материальную часть обоза, все пересмотреть, возможное починить, а невозможное бросить или сжечь. Пришлось множество военного припаса - ядра, порох, бомбы и другие военные снаряжения - побросать в воду или зарыть в землю: не на чем стало везти!

И следующая ночь была беспокойной для Андрея Болотова, вновь ему выпала доля быть дежурным ординарцем. Но эта ночь запомнилась ему навсегда.

Стояла непроглядная темень. Нужно было соблюдать необходимые предосторожности, неприятель опытен в военных хитростях и коварен, всякого можно было от него ожидать. Поэтому каждую ночь дежурный генерал объезжал весь лагерь кругом и

осматривал, везде ли исполняются приказы, везде ли поставлены нужные пикеты.

В эту ночь дежурным генералом был Петр Румянцев. С восхищением смотрел на него юный поручик. Высокий, энергичный, резковатый в своих приказах и движениях, тридцатидвухлетний генерал производил впечатление истинного героя.

Взяв с собой нескольких ординарцев, в том числе и Болотова, Румянцев отправился осматривать полки и посты.

Палатки плотно стояли, словно прижавшись друг к другу. Проехать между ними в такую темень и не зацепить палаточные веревки было просто невыносимо. И потому лошади, спотыкаясь об эти веревки, то и дело сотрясали эти палатки. В них что-то падало, производя в ночной тиши невероятный гром. Полусонные офицеры, напуганные шумом, вскакивали, метались, шум увеличивался. А через мгновение, проснувшись и разобравшись, в чем дело, издавали такие ругательства, что дежурные, удаляясь от потревоженных мест, покатывались со смеху, а посмеявшись, охотно прощали бранные слова по своему адресу.

Бранчливым офицерам дела не было, что отпускали ругательства по адресу будущего прославленного фельдмаршала России и будущего автора замечательных записок о своем времени.

В конце 1757 года оправившаяся после болезни императрица Елизавета Петровна, недовольная ходом войны и действиями Апраксина, не раз ставила на Конференции вопросы о причинах отступления нашей армии. Ей объясняли, что мотивы отступления, выдвигаемые Апраксиным, несостоятельны, что армия вполне могла занять Кенигсберг, оставшись там на зимние квартиры. И последствия раздражения и

недовольства императрицы не заставили себя ждать. Вскоре был арестован Апраксин, а вслед за ним и его покровитель - великий канцлер Алексей Петрович Бестужев, павший жертвой верности своей молодому двору, в частности Екатерине Алексеевне, вовсе не желавшей воевать с королем Пруссии Фридрихом II.

А Фридрих II вполне мог быть доволен прошедшим годом. Хоть и потерпел его фельдмаршал Левальд поражение от русских при Гросс-Егерсдорфе, но последующие события в Восточной Пруссии его удовлетворяли, хотя и не без удивления он наблюдал за событиями на той стороне своего королевства.

В тот самый момент, когда русская армия повернула в свои отечественные пределы, французская армия имела возможность взять в плен армию герцога Кумберландского, укрывшегося в приморском городе Штаде. Но вновь назначенный главнокомандующим маршал Ришелье неожиданно для всех в Европе заключил с осажденными перемирие, по которому предложено войскам Ганновера, союзника Пруссии, больше не воевать. По этому же перемирию все союзные войска ганноверской армии, гессенкассельские, брауншвейгские, саксенготайские и липские, распустить в их княжества с паспортами маршала Ришелье, английским же войскам уйти за Эльбу...

Кто ж такое глупое условие будет выполнять, подумал Фридрих II, как только узнал о столь счастливом исходе для союзников, оказавшихся в трудном положении. А потому прусская армия тут же пополнилась вернувшимися в свое Отечество пленниками герцога Ришелье. Фридрих II находил, что данное другому государю слово можно и не исполнять... Это было в нормах его морали.

И в конце лета наметилась определенная выгода для него. Фридрих II не замедлил этим воспользоваться,

направив все свои немалые усилия на разгром имперской армии, соединившейся с французами для совместных действий. Союзники вошли в Саксонию и собирались напасть на пруссаков. С другой стороны накапливали силы австрийцы под командой опытного графа Дауна. С севера, из Померании, в Пруссию вошли осторожные и неторопливые шведы.

Фридрих II попробовал атаковать австрийцев, но попытки оказались тщетными: граф Даун внимательно следил за всеми его маневрами и предупреждал его возможные атаки. И тогда прусский король, почувствовав главную опасность, обратил все свое внимание на имперскую армию, которая вместе с французами вполне могла отобрать у него Саксонию. Фридрих II решил маневрировать, не показывая своих истинных намерений. Он оставил главную армию во главе с принцем Бевернским и знаменитым генералом Винтерфельдом, у которого многому научился, против Дауна, а сам с незначительным деташаментом устремился в Саксонию.

Винтерфельд погиб в первом же сражении, а принц Бевернский растерялся. Австрийцы осадили крепость Швейдниц, а генерал Гаддик с небольшим отрядом 5 октября захватил беззащитный Берлин, заплативший немалую контрибуцию и таким образом получивший через день после своей оккупации вновь свободу.

Казалось бы, положение прусского короля было безвыходным. Но... 24 октября 1757 года неподалеку от Лейпцига, около деревни Розбах, произошла решительная баталия между войсками союзников и прусского короля. Конечно, Фридрих II не мог со своим малочисленным отрядом рассчитывать на успех в открытом бою с многочисленными войсками неприятеля. И союзники готовились раздавить его своей мощью. Фридрих II, подыгрывая самолюбию союзных полководцев, при виде неприятеля приказал

отступать, словно испугался многочисленности неприятеля. Имперские и французские полководцы поверили в бегство пруссаков и бросились догонять их, предвкушая легкую победу. Это-то как раз и входило в расчеты прусского короля, устроившего союзникам простейшую ловушку: половина полков Фридриха была скрыта за пригорком и палатками в полной боевой готовности. Союзники растерялись, а Фридрих тут же бросил на них сначала конницу, приведшую неприятеля в полное замешательство, а потом пехоту. Завязалось кровопролитное сражение, в ходе которого пруссаки одержали полную победу. Одних только пленных было взято около семи тысяч, среди них было 11 генералов и 250 офицеров, а кроме того, 63 пушки, 15 штандартов и 7 знамен.

Фридрих II, как свидетельствуют очевидцы, любезно пригласив пленных офицеров к себе на ужин, сказал:

– Господа! Не сердитесь на меня за скучный ужин... Я никак не ожидал, что в этот вечер у меня будет столько славных гостей.

И на следующий же день повернул свою армию на помощь принцу Бевернскому.

После битвы при Розбахе положение прусского короля значительно улучшилось. Возобновили свою военную активность ганноверцы, чем повергли в ужас французов, уверенных в том, что они будут соблюдать заключенное перемирие.

Между тем король не успел помочь принцу Бевернскому. Австрийцы атаковали его, разгромили его армию, а самого принца взяли в плен. Крепость Швейдниц и город Бреславль оказались в руках австрийцев. Но король не унывал. С малочисленной армией он искал новой баталии с австрийцами. А те, испытав радость победы, пошли навстречу стремлению короля еще раз встретиться с ними. Кровопролитная битва произошла при деревне Лейтене, в ходе которой

австрийцы были совершенно разгромлены, потеряв 301 офицера, 21 тысячу рядовых, 134 пушки и 59 знамен.

Фридрих II, не довольствуясь и этой победой, напал на Бреславль, взяв в плен при этом еще 13 генералов, 686 офицеров и 17 тысяч рядовых... Снова Силезия отошла во власть пруссаков. А Левальд выгнал шведов из пределов Пруссии...

Нет, Фридрих II, король прусский, вполне мог быть доволен прошедшим годом. Значит, не так уж страшна коалиция крупнейших европейских держав против него. И назначение Фермора главнокомандующим русской армией ничуть не взволновало его: он-то знал, что осторожный генерал-аншеф звезд с неба, как говорится, не хватает, будет вести традиционную против него войну, а этого он не боялся. Стремительный маневр, натиск, побеждать с малыми силами превосходящего неприятеля – вот что вошло в его практику как полководца.

Не беспокоило прусского короля и движение русской армии по Восточной Пруссии, сдача множества прусских городов, Кенигсберга... Эту часть своего королевства он решил отдать еще в прошлом году. Но как только он увидел русскую армию на границах родного Бранденбурга, на берегу Одера, он тут же повернулся в сторону угрожавшей его основным владениям армии и скрытно перешел Одер, отрезав армию Фермора от корпуса Румянцева, находившегося между крепостью Кюстрин и городом Шведтом.

Фермор спокойно вел осаду Кюстрина, когда узнал от казаков, случайно наткнувшихся на пруссаков, о близости свежих сил короля. Он тут же распорядился расположить армию в выгодном для сражения месте, недалеко от местечка Цорндорф, построив ее традиционно – большим каре, внутри которого поместил конницу и пехоту.

14 августа 1758 года в девять часов утра на правое крыло русской армии, где стоял обсервационный корпус* графа Шувалова, обрушились прусские полки. Русские сдержали натиск, более того, вскоре после этого нанесли такой удар по прусским гренадерам, что те отступили, оставив 26 пушек на поле боя.

Но это было лишь началом сражения... Русскую конницу, бросившуюся преследовать неприятеля, встретили превосходящие конные полки опытного генерала Зейдлица и опрокинули ее на собственную пехоту второй линии, не ожидавшей встречи с собственной конницей: пыль и дым почти полностью закрывали видимость и внесли сумятицу. В начавшемся сражении трудно стало различать, кто есть кто. Стойко выдержали русские солдаты превратности и невыгоды своего положения, неожиданно оказавшегося столь драматическим.

Тут-то и произошло одно необычное событие, которое повлияло на ход событий.... Группа солдат, оказавшись рядом с бочками с вином и воспользовавшись суматохой, начали их опустошать, а очумев от вина, стали бить кого ни попадя, в том числе и своих офицеров, попытавшихся останавливать их от буйства и давать им приказания. Какое уж тут сражение...

Посчитав, что правое крыло русских сломлено, прусский король во втором часу бросил своих на левое крыло русской армии. Нападение пехоты было отбито и обращено в бегство, но снова конница Зейдлица ворвалась в русские порядки, и завязалась отчаянная битва.

До темноты противники дрались на шпагах и штыках. С наступлением ночи оба войска, выбившись из сил, разошлись на ночлег.

С обеих сторон потери были страшные: русских выбыло из строя 20 с лишним тысяч, пруссаков - 12

тысяч.

Документы того времени и очевидцы свидетельствуют, что главнокомандующий Фермор не воспользовался открывшимися на следующий день после битвы выгодами для русской армии. Многие советовали Фермору продолжить баталию, дескать, король обескровлен, без пороха, а у нас – свежая дивизия Румянцева в резерве и ждет приказаний... Но граф Фермор, сообщает очевидец, «струсил и сделал наиглупейшее дело: он написал письмо к неприятельскому генералу Дона и просил перемирия на три дня для погребения мертвых».

Граф Дона после этого письма возомнил себя победителем, и по всему свету разошлась эта весть – Фермор обращался к генералу Дона как проситель, то есть как побежденный.

Вскоре Фермор отдал приказ отступить с поля боя. Эта ошибка русского главнокомандующего дала повод прусскому королю кичиться победой при Цорндорфе. Так оно и оказалось.

Фридрих по-своему воспользовался отступлением неприятеля. Он поспешил на выручку брату Генриху, командовавшему армией против армии союзников – имперской и французской. Даун и Генрих маневрировали со своими армиями, когда король прибыл в Саксонию после Цорндорфа. Дауну удалось заманить армию короля в ловушку и разбить ее; Фридрих потерял около 10 тысяч человек, более 100 пушек, более 30 знамен и большую часть обоза и все палатки. В этой битве погиб и фельдмаршал Кейт, которого Фридрих высоко ценил. Такого урона своему самолюбию Фридрих еще ни разу не испытывал. Но он не унывал, снова армия его так успешно маневрировала, что свела на нет выгоды одержанной победы. За весь год он потерял чуть более 30 тысяч человек, а союзные державы – около 100 тысяч.

Так что и в 1758 году союзникам не удалось разбить «скоропостижного» короля прусского.

Удивительнее всего, что на ошибки генерала Фермора обратили внимание и в Петербурге, и в Вене, и в Париже, настолько они были очевидны. В своих реляциях граф Фермор чаще всего пытался оправдать свои нерешительные действия тем, что Фридрих II неуловим: то он стоит на виду у русской армии, то он исчезает, то снова появляется. И эти постоянные неприятельские движения не позволяют русской армии предпринять против него активные действия.

Прямое искусство генерала, напоминали ему в высочайшем рескрипте, состоит в принятии таких мер, которым ни время, ни обстоятельства, ни движения неприятельские препятствовать не могли.

Ясно было, что с прусским королем нужно было воевать по-новому, прежние формы ведения войны устарели. Фридрих II ловко маневрировал своими войсками, сосредоточивая большие силы лишь в одном направлении, наиболее выгодном для него.

Дальновидные современники обращали внимание Фермора на множество обозов в русской армии как на великий ее недостаток, сковывающий ее маневренность, на неумение употребить с пользой свои казачьи, калмыцкие полки, легкие, подвижные части армии.

Прусского короля не победишь, говорили они, если не будешь использовать его опыт, если не будешь учиться у него. Как раньше, в петровские времена, учились у шведов, сначала терпели поражение, а потом побеждали их, используя неприятельское оружие. Нечего стыдиться того, что прусский король воюет не по правилам, то и дело обманывая своего неприятеля, используя новые порядки и приемы в сражениях, которые ранее почитались бесчестными.

Непростительно не воспользоваться на деле этими же способами и приемами, если они приносят пользу.

Фермору «дружески» советуют «вместе с господами генералами прилежно исследовать, в чем состоят наши неисправности и какими учреждениями и приемами неприятельской армии надобно воспользоваться без потери времени, а если чего сами собой никак сделать не можете, о том немедленно и серьезно представьте».

Но Фермор не мог ничего «серьезного» представить в Петербург. Он был учеником Миниха и во всем следовал давно устаревшей тактике своего учителя. Он был усердный служака, исполнитель чужих приказов. Он не мог быть новатором и перенять все лучшее у неприятеля и бить его же оружием.

В этом сражении Румянцев не участвовал, выполняя особое поручение главнокомандующего. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся на несколько месяцев назад.

Глава 9

Кунерсдорф

Весь 1758 год Петр Александрович Румянцев провел в действующей армии, выполняя сложные поручения главнокомандующего Фермора.

Пехотную бригаду, с которой Румянцев отличился в Гросс-Егерсдорфском сражении, пришлось сдать. Под его команду определили «особливый отделенный корпус», которому предстояло действовать самостоятельно. И первым делом Румянцев тщательно проверил людской и конный состав корпуса и нашел состояние его неудовлетворительным... Сколько уж раз за последние годы ему приходилось принимать под свою команду новые для него полки, и каждый раз тщательная проверка давала плачевные результаты: лошади измождены, а многие солдаты оказываются без мундиров, некоторые даже крепких штанов не имели... И это в зимнее время перед тяжелым походом в Восточную Пруссию. О каком походе против воинственных пруссаков можно вести разговор, если вверенные ему войска никакого движения с пользой делать не могут и нуждаются в помощи? И Румянцев предпринимает героические усилия, чтобы привести корпус в надлежащий вид. Высказывает Фермору свои предложения по укреплению боеспособности корпуса, предлагая убрать из корпуса «лашадей негодных», «офицеров слабых», учредить лазарет под наблюдением одного офицера, а для лечения оставить одного лекаря или подлекаря. Румянцев напоминает главнокомандующему о снабжении, о провианте, о палатках, упряжках, о деньгах на покупку фуража и других надобностей.

Все нужно было предусмотреть. Неисчислимы трудности и препятствия предстояло преодолеть корпусу, которому предложено было начать движение в Восточную Пруссию и взять Тильзит. И главная трудность – это зимнее время, метели, снежное бездорожье, морозы.

Перед началом похода Румянцев вызвал поручика 1-го Гренадерского полка П. Ланового и дал строгие указания об учреждении по пути движения корпуса ночлегов и магазинов, обратив особое внимание на бережное отношение к населению, а владельцам фуража и провианта «давать задатки с объявлением, что при взятые всего немедленно заплата произведена будет...».

И это не случайно. В прошлом, 1757 году Апраксин дал неразумное распоряжение сжигать и разрушать все при отступлении, чтобы неприятелю ничего не доставалось. А Румянцева возмущали те безобразия, жестокости, варварство, которые чинили казаки и калмыки. Это было нарушением всех военных правил. Он сам видел дочиста ограбленные, а то и вовсе сожженные, превращенные в пепел деревни. Множество людей безвинных пострадало при этом... Огонь, дым, своеволие над женщинами – все эти безобразия переполняли гневом и недовольством душу молодого генерала.

В жестокую стужу выступил Румянцев в поход. И немалые трудности пришлось преодолевать его корпусу, некоторые люди обморозились, лошади отощали... «Несносная стужа и малые деревни, да и те в большей обширности, истинно так марш отягощают и во отчаяние приводят», – рапортовал Румянцев Фермору о трудностях похода.

«Сам неохотно терпя укоризну» со стороны старших начальников, как признавался Румянцев, он был требовательным, даже жестким к своим подчиненным.

В ордере командиру бригады бригадиру* А.-С. Гартвису он предлагает для исполнения тщательно продуманные им мероприятия, которые должны обеспечить соблюдение дисциплины и порядка во вверенных ему полках.

Румянцев «за потребно» находит предписать бригадиру, во-первых, держать военную дисциплину «в самовышнем градусе»; во время похода по неприятельской земле не только никакого насилия, но и даже «малейшего озлобления живущим обывателям по тракту» не должны причинять; а если таковое произойдет, то виновные в непослушании должны быть наказаны «примерным и жестким образом». Во-вторых, обращает внимание господ полковых и ротных командиров на нужды своих подчиненных, дабы они ни в чем не нуждались, а те, в свою очередь, наистрожайше надзирали за лошадьми, верными помощниками в трудном походе. В-третьих, рекомендует ротным командирам входить в разговоры с нижними чинами, внушать строгое исполнение всего им приказанного, а об ослушниках «толковать весьма с уничтожением»; в-четвертых, напоминает о необходимой предосторожности как главнейшем способе «к приобретению покоя и безопасности».

Румянцев выражает надежду, что не только сам бригадир приложит труд свой и старание для соблюдения всего предписанного, а и все его подчиненные единодушно исполнят свой долг перед Отечеством и не посрамят собственную честь. Со своей же стороны Румянцев обещает каждый хвалы достойный поступок отметить по силе своей и возможности, но и строго будет наказывать тех, кто по малодушию или беспечности совершат неблагоприятные поступки, позорящие честь русского офицера и солдата.

«Без всякого сожаления» наказывать будет и тех, кто «для разных хищнических промыслов» будет

удаляться от команды, кто опустится до «чрезвычайного пьянства» и совершит какой-либо проступок, позорящий честь российского воина. За каждое совершенное преступление Румянцев предлагает наказывать «без всякой пощады» наихудшими батогами.

Впереди корпуса следовал подполковник Венгерского гусарского полка М. Зорич со своей командой и вел разведывательные бои с отступающим неприятелем, донося Румянцеву о малейших подробностях своего движения, о месте, о жителях, о фураже и провианте...

1 января в Тильзит вступил отряд Зорича, а 2 января 1758 года Румянцев вступил в город, обнадежив его жителей высочайшей милостью и защитой ее императорского величества. Все духовные и гражданские служители оставлены были при их должностях, все жители перешли в подданство российское: духовные лица обещали молиться за высочайшее здравие ее императорского величества и всей ее фамилии, а гражданские должностные лица обязались при совершении всяческих дел упоминать высокое имя и титул ее императорского величества.

Через четыре дня, оставив в Тильзите гарнизон, Румянцев со своим корпусом двинулся дальше. Вскоре стало известно, что прусский король не в состоянии удержать за собой Восточную Пруссию. Без боя русская армия вошла в Кенигсберг, жители которого присягнули на верность российской императрице...

16 января 1758 года Румянцев получил от Фермора поздравление с производством в генерал-лейтенанты и «особливый рескрипт» от ее императорского величества, свидетельствующий об этой ее высочайшей воле.

Почти беспрепятственно русские полки прошли Восточную Пруссию. Корпус Румянцева, взяв крепость Эльбинг с принадлежащими ей деревнями, вскоре вступил в Польшу. И сразу же Румянцев предупреждает командиров полков и отдельных деташементов*, что необходимо более бережливо проходить территорию дружественной страны. По возможности в городах и деревнях не располагаться на ночлег, а если уж никак нельзя их обойти, «то поступать во оных самодружественным образом и безденежно ничего и ниже фуража не требовать».

Стоило Румянцеву признаться Фермору, что он имеет особую склонность служить в кавалерии, как главнокомандующий распорядился передать под его команду десять полков, кирасирских и гренадерских. Но перед тем как вступить в командование кавалерийским корпусом, Румянцев, прибыв в главную квартиру со всем своим экипажем, получил срочное задание: «Сочинить из каждого конного полку по три эскадрона из лучших людей и лошадей, и быть им при армии, а из остающихся за тем людей, кои более к пехоте способны, определить в комплект в Бутырской, Псковской, Кексгольмской полки, которые со Обсервационным корпусом на помощь ее величеству императрице королеве отправлены...»

В феврале - марте русские войска, достигнув определенных успехов, расположились на зимние квартиры, а Румянцев на почтовых, а где придется и на обывательских, подводах отправился в далекий путь: через Фридланд, Арренбург, Олецк и Гродно в Столбцы, где находились кавалерийские полки. По дороге Румянцев отбирал в кавалерию всех годных людей и лошадей. А в Столбцах просмотрел пять конных гренадерских и драгунских полков, отбирая способных служить в кавалерии. И не только людей, но и лошадей, амуницию... Сформировал эскадроны, назначил

командиров. И 10 апреля отправил в действующую армию в Пруссию... Но каких это стоило трудов, сколько усилий пришлось приложить ему самому, чтобы исполнить монаршую волю.

Уже в Гродно, просматривая команду драгун, охранявшую магазины, он отобрал в кавалерию лишь 149 человек, «которые все, к великому сожалению, кроме мундира, совсем вид крестьянский имеют и в экзерциции вовсе не знают; а резон тот, что оне все время беспрерменно были употреблены в работы, и хотя самые лутчие из тех не весьма к драгунской службе способны были, но, известясь от офицеров полков драгунских, что и в полках состоящие люди и весьма в малом числе не способнее будут, принужден был оных назначить».

О всех трудностях Румянцев рапортовал Фермору, который пытался как-то утешить его. А Румянцев порой приходил в ярость при виде того неудовлетворительного состояния, в каком оказались многие кавалерийские полки. И особенно его раздражали попытки как-то свалить вину за такое состояние на какие-то объективные причины... Полковник Шетнев попытался объяснить, почему так плохо выглядят его конные гренадеры, но Румянцев прервал его словоохотливую речь:

– Нет, ваше высокоблагородие, дело не в отсутствии у вас полезных и нужных полковых учреждений... Дело в другом...

Вы посмотрите на своих людей! Не чаял я найти в войске ее императорского величества такого нерадения с вашей стороны... Я уж не говорю о неумении ходить в строю, обходиться с оружием и лошадьми, но соблюдать пристойную чистоту вы можете заставить своих людей. Ведь даже оружейные вещи, которые главнейшими считаются, не только в нечистоте, но и в совершенной неисправности найдены. Вы посмотрите

на своих людей! Такой разношерстности как в мундирах, амуниционных вещах, так и в конном уборе мне еще не доводилось встречать. Каждый по своему произволу одевается. И между самими офицерами наблюдается нерачение своей должности. Если бы нижние чины исполняли предписания вышних, то ничего подобного я не увидел бы в вашей команде...

Полковник Шетнев вновь заговорил об отсутствии конюшен и других неудобствах полковой службы... Нет сена, фуража, лошади, дескать, истощены...

- Лошадям можно подыскать сараи... Вон сколько их видно при всех клишторах (монастырях. - *В. П.*). Думаю, что беспрепятственно можно оные получить. А фураж покупайте по ценам, положенным в здешних местах. Если нет сена, то приискивайте солому, режьте сечку, употребляйте и овес, только не превосходите дневной денежный рацион, отпущенный на пропитание лошадей и людей... И когда лошади чищены и на водопой водимы будут, тож и овес даван будет, то все пойдет нормально. Но только будьте построже... Людей в ружье, мундире приучите красивыми быть, научите их убирать волосы, повязывать галстуки, ружейным приемам... Научите их лошадей седлать и седла и с принадлежностями убирать. Даже на лошадь садиться и оных держать себя тоже надобно обучать. И палашом владеть, и обороты конные и пешие они должны уметь производить. Для этого только один труд и потребен, не только рядовых, но главным образом рачение офицеров...

Удивляло даже не плохое состояние полков, а равнодушие русских офицеров к своим прямым обязанностям и долгу. Тут Румянцев был беспощаден, используя различные средства воздействия на недобросовестных и равнодушных. Присутствуя на смотрах кавалерийских маршевых эскадронов,

Румянцев не выдерживал и сам обучал экзерциции и другим воинским обрядам.

А Фермора торопили из Петербурга: свежие кавалерийские эскадроны понадобятся армии к весенне-летнему наступлению на прусского короля.

И Румянцев не жалел своих сил, чтобы привести в должное состояние отобранных людей и лошадей. Много было старых, увечных, больных. Необходимо было одних освободить от службы, других отправить в Россию для тыловой службы, третьих, наиболее подходящих, в формируемые эскадроны. Не хватало лошадей, конских уборов, упряжи... Румянцев употребил все возможные средства для того, чтобы обеспечить формируемые эскадроны всем необходимым. Но недостатков было так много, что и его героических усилий оказалось недостаточно: состояние отправленных эскадронов не соответствовало его требованиям и желаниям. Да и как же могло соответствовать, «коль оных полков нестроение велико»... «во всех положенных и необходимо надобных им вещах некоторые недостаточны, а другие и вовсе оных не имели», и он «принужден был иногда к одной вещи принадлежащие мелкости, из разных полков выбирая, комплектовать».

Так шло формирование эскадронов для действующей армии.

10 апреля 1758 года эскадроны выступили из квартир и отправились в Пруссию.

16 апреля Румянцев сообщал в Петербург, что задание о разборе расположенных в польской области конных гренадерских и драгунских полков и об учреждении оных в три эскадрона выполнено. Но вместе с тем он не мог не обратить внимание Петербурга на «худое состояние сих полков», выражая надежду, что «вредящие причины достойны суть

вашего императорского величества высочайшего примечания и требуют необходимого поправления».

Исполнив свой долг, Румянцев отбыл к назначенным в его команду кирасирским полкам. И уже 2 мая он докладывал Фермору, что «оние полки потребными вещьми во всем довольно снабдены, а в людях и кирасирских лошадях недостаток, и особливо в последних, не малой имеют...». Конечно, полки можно поправить, но при разборе этих полков нашлись люди, «вовсе ни к каковой конной службе не способные, а по молодости лет могут иногда в пехоте под ружьем... служить».

Наконец 16 мая Румянцев со своими реорганизованными 18 эскадронами проследовал мимо главной квартиры и вступил в назначенный ему лагерь. Кавалерийский корпус Румянцева насчитывал до 7 тысяч сабель.

Румянцев, прикрывая правый фланг армии, двинулся в Померанию, к Одеру, успешно противодействуя прусской коннице. В первых же стычках с прусскими гусарами кавалеристы Румянцева одерживали победы, появились пленные, которые могли кое-что сообщить о своих: пленный корнет сообщил, что против Румянцева действует корпус Платена, равномерно detaшированный по разным поста́м для «примечания и защищения против наездов легких войск», и по приближении регулярных русских войск отступает к Кеслину для прикрытия своих магазинов. Вскоре Румянцев доносил Фермору, что и «господин генерал граф Донау с большею частию своей армии противу наших войск следует и что ныне генерал Платен в Кеслине находитца».

Успешно вел разведывательные бои корпус Румянцева, в ходе кампании 1758 года, продвигаясь к Одеру. Румянцев отправлял кавалерийские партии и в Бранденбургю, к городу Кенигсвальду, и в Померанию

для достовернейшего осведомления о движениях неприятеля. Учил своих кавалеристов таиться в удобных лесных чащобах и нападать на небольшие неприятельские разъезды. Учил и сам учился у неприятеля. Среди его подчиненных нашлись храбрые, мужественные, энергичные командиры, которые отважно сражались с пруссаками. Особенно выделились в корпусе бригадир Краснощеков, полковник Дячкин, есаул Лоцилин... О каждом отважном поступке и умелом действии против неприятеля Румянцев с гордостью докладывал Фермору в надежде на поощрение, прекрасно понимая, что такое поощрение может поселить в душах его подчиненных желание столь же храбро сражаться, стремление отличиться и заслужить хотя бы денежную награду.

Горько становилось на душе, когда он видел трусость, беспечность, алчность...

В местечке Воронки произошел случай, который всем надолго запомнился.

Капитан Шелтинг, приближаясь к реке Варте, неожиданно получил донесение от одного из гусар арьергарда: дескать, их преследуют прусские драгуны. Естественно, капитан Шелтинг отправил своего ординарца к Румянцеву, который тут же приказал бригадиру Еропкину идти на помощь с пикетом конных кирасир и гусар.

- Нигде нет неприятеля, ваше сиятельство! - доложил Румянцеву вернувшийся Еропкин. - На две мили вперед малые партии деташировал. Нигде нет неприятеля, да и не могло быть...

Румянцев был озадачен таким оборотом дел:

- Что же произошло?

- Казаки изобличили этого гусара, и он признался, что, увидев нескольких мужиков в поле, испугался, ему показалось, что это преследующие их прусские драгуны.

- Нет! Это не гусар... - гневно нахмурился Румянцев. - Он заслуживает наказания... Определить его в извозчики...

Еропкин повернулся, собираясь покинуть главную квартиру корпуса, но Румянцев остановил его:

- Подожди, Петр Дмитриевич! Останься, вместе поужинаем.

И Еропкину стало ясно, что давнему его товарищу по ратным делам хочется поговорить по душам... Столько хлопот и забот, что некогда поделиться сокровенным...

После ужина Румянцев заговорил о том, что наболело на душе.

- Не могу понять таких людей, как этот гусар. Ведь он был не один, никому не померещились пруссаки, а вот только ему. Почему?

- У страха глаза велики, знаешь ведь... - никак не мог понять Еропкин, над чем так ломает голову старый друг.

- Страх страхом, но с ним же были другие гусары, унтер-офицеры... Почему он испугался, а не другие?

- А знаешь, я сейчас о другом подумал... Почему ты первый заговорил о неудобстве конному гренадеру иметь ружье на левой стороне, как уставом то определено?

Румянцев с удивлением посмотрел на Еропкина:

- Ну и что? Ты не согласен со мной?

- Согласен. Да и многие гренадеры попробовали последовать твоим наставлениям, сняв портупею и подсумок, тем самым большое облегчение в амуниции почувствовали, перевязь погонную вовсе попробовали отменить, крюк погонный у сумы гранатной на переднем лопаете иметь, чрез что и ружье на правой стороне лежать будет.

Румянцев расплылся в довольной улыбке и горячо заговорил, порой проглатывая окончания слов: так уж у

него повелось, когда спешил, горячо что-то доказывая или просто рассказывая интересный эпизод.

- Я уж не раз испытывал свое предложение... Гораздо способнее палить с коня, когда ружье на правом плече и ничто нимало тому не препятствует. И если придут наши вышние начальники к такому же мнению, что вся тягость должна быть на правом плече, то благоприятные от того произойдут перемены в коннице... Суму и приклад ружья легко можно уместить на епанче, что тоже может послужить для облегчения пальбы с коня... Рапорт я послал еще в январе сего года, но что-то не торопятся наши главные полководцы с решением сего...

Еропкин ушел к своей бригаде, а Румянцев долго еще размышлял о положении в армии, в своем кавалерийском корпусе. Не раз уж он замечал, что не все командиры исполняют свой долг с прилежанием и чувством ответственности. Иные, подражая фельдмаршалу Апраксину, обставляли свой военный быт всевозможной роскошью и удобствами. Это раздражало Румянцева, который не любил роскоши и пользовался в походной жизни только самым необходимым. Апраксин, как один из богатейших людей своего времени, пользовался роскошью за собственный счет, а некоторые генералы и старшие офицеры успели окружить себя многочисленной командой обслуживания за счет полков, им вверенных. Вот бригадир Стоянов... Казалось бы, должен знать полезнейшее в службе ее императорского величества учреждение, что всякий чин, а особо рядовые, должны всю службу свою нести без отягощения одних и облегчения других, как предписывает армейская дисциплина. Каждому надлежит быть ведомым об этом правиле...

«Надо отправить ордер бригадиру Стоянову, - размышлял Румянцев. - Если не сказать ему правду, то может рухнуть дисциплина. А мне стало ведомо, что

многочисленные обер- и унтер-офицеры от полков отлучены и числятся при нем, бригадире, а протчие при полках всю должность несут... Вот почему эта многочисленная команда обслуживания бригадира, не имея строгого над собой надзирания и взыскания по моим отданным многим приказам, разные непорядки и даже грабительства делают... Может, Стоянов-то и не знает об этом, но я-то сам видел, как грабили жителей люди Стоянова в местечке Чарнове... Непослушания же быть больше не может! Терпеть был принужден, пока мы переходили реку Варту, ну а теперь я возьмусь за них... О сей многочисленной команде я потребую от Стоянова уведомления, с какого позволения он такое число, кое ни по чину ему, ни по обстоятельствам нынешним столь менее иметь пристойно... А между тем полки, особенно Сербский, ежедневно делают мне представление, что налицо мало людей... Нет, пора прекратить это безобразие!»

- «Я соблюдаю мою в том должность, - на следующий день Румянцев диктовал ордер Стоянову, - вашему высокородию в последнем своем предлагаю вам всех чинов, находящихся при вас, оставя один вам положенной караул, и ординарцев и писарей бригады вашей, от полков положенных, к полкам отпустить или, куда имееете каковое на то позволение, мне немедленно дать знать, дабы я в том не понес, кто не соблюдающей моего чина власти, должности взыскание от моего шефа, яко я о сем всем ему в рассмотрение и представить имею».

В конце июня Румянцев выслал деташемент под командой генерал-майора Демику для захвата небольшой, но стратегически важной крепости Дризен. Вскоре Демику вернулся и доложил, что гарнизон крепости отказался выбросить флаг на предложение сдаться.

- Ну так что? Вы атаковали? Пошли на штурм?

Демику отрицательно покачал головой.

Румянцев был в ярости. Готов был растерзать струсившего генерала.

- Вы мне больше не нужны, ваше высококородие, - еле сдерживая ярость, подчеркнуто вежливо сказал Румянцев. - Доложите его высокопревосходительству генералу Фермору, что я отстранил вас от командования бригадой за нерешительность в боевой обстановке. - И отвернулся от Демику.

На походном столе раскинулась большая подробная карта Польши и Пруссии, где происходили боевые действия. Румянцев вновь и вновь вглядывался в нее, пытаясь найти наилучшее решение вставшей перед ним военной задачи.

Дежурный офицер доложил, что прибыл посланный Румянцевым на разведку к Дризену майор Фелькер.

- Ваше сиятельство! - обратился майор к Румянцеву. - Под самым Дризеном был и нигде неприятеля не нашел. Перед самым городом останавливался, косил овес, лошадей своих довольствовал. Неприятель открыл пальбу пушечную, но без всякого нам вреда. Но это не самое главное, что хочу сказать вам... Перед самым возвращением сюда, в наш лагерь, явились ко мне семь дезертиров вольного Гортова полка, посланные из города для засеки дороги, где господин генерал-майор Демику ко оному месту шел. Так вот, все они в один голос говорят, что если б detachment Демику хотя бы полчаса помешкал с отступлением, то б неприятель ретировался, к чему уже приказ был дан, пушки с крепости сняты были и отправлены в дорогу, и экипажи бы в часть нам могли достаться, когда б один только эскадрон нападение на них сделал.

Слушая рапорт майора, Румянцев мрачнел и мрачнел.

- Не умеем мы воевать, майор, неужто упустили неприятеля? А ведь Демику испугался сикурса* со стороны неприятеля.

- Какой там сикурс, ваше сиятельство. Дезертиры говорят, что шведы появились в полутора миле от Штеттина. Сие уведомление так их напугало, что они только и думают, как бы поскорее убежать за Одер.

Румянцев вызвал дежурного офицера и велел ему позвать бригадира Еропкина.

«Вот ведь все доходящие до меня ведомости противятся всем невозможностям господина генерал-майора Демику... Надеюсь, и командующий армией Фермор осудит, как и я, его отступление без всякого на него покушения. Еропкина пошлю на Дризен с полками Рижским, Рязанским и Тобольским... Вряд ли стоит в этом случае удобовозможно разрабатывать все регулы военные, сие место по одной карте мне известно. Да и достаточно ведомо мне искусство бригадира Еропкина, чтобы подробно наставлять его... Но пока мы тут решаем, что делать, неприятель может уйти и забрать с собой все свое снаряжение, и нам ничего не достанется в добычу. Да! Надо торопиться...»

Румянцев размышлял, а сам не спускал с карты глаз, все время думая об обстоятельствах, которые неожиданно смешали все его планы.

- Позвать полковника Зорича! - крикнул Румянцев, осененный мыслью отрезать путь к отступлению неприятелю.

- Господин полковник! Смотрите сюда, на карту, - горячо заговорил Румянцев, как только вошел бравый полковник. - Дризен лежит на сей стороне реки Нетцы, и отлив из оной пред собою имеет, соединяющийся с рекою Драгой. Против Дризена я посылаю бригадира Еропкина с тремя полками. Сильным бомбардированием Еропкин должен утеснить неприятеля и заставить выбросить белый флаг. Но неприятель может уйти, не

принимая наших условий. Уйти именно здесь, смотрите, между реками Нетце и Драгой, здесь способный путь для ретирады неприятеля. Вы со своими легкими войсками должны воспрепятствовать сему отступлению и способствовать своими действиями бригадиру Еропкину в препорученном ему деле. Ну и, как обычно, примечать движения неприятеля и могущий им быть сикурс. В любом случае уведомляйте о своих движениях бригадира Еропкина и о всех тамошних обстоятельствах, которые откроются пред вами. Увидев наши войска на том берегу, неприятель поймет, что он окружен, и вряд ли будет сопротивляться, чаемой жестокости избегая в таковых обстоятельствах. Беда только в том, что опаздываем, неприятель может ускользнуть... Бригадир Еропкин что-то задерживается...

Но вскоре Еропкин выслушивал Румянцева, поделившегося с ним своими планами.

- Учтите, господин бригадир, - с официальной подчеркнутостью сказал Румянцев, - что вы должны коль возможно движение ваше поспешно, толь больше скрытно делать и для того впереди и по сторонам иметь из легких войск патрули, которые должны задерживать всех, кто встретится вам по пути, без различия особ, оставляйте их при вашей команде, даже если таковым окажется знатный и неподозрительный, такому рекомендуйте в том месте остаться, где вами найден будет, оставляя все-таки некоторые недоведомые ему присмотры... Те же предосторожности соблюдайте на реках непроходных, где мосты лежащие или подъемные находятся, чтобы при обратном пути зломыслящие нам иногда не повредили и тем самым не умножили ваш труд и медленность. Зная ваше искусство воинское, не буду подробно объяснять вашу задачу... Но за полезное почту порекомендовать вам при приближении к Дризену весьма полезно деташировать донских казаков

вниз по реке Нетце к Фридбергу, дабы тем умножить страх и опасность неприятелю со всех сторон быть окруженному. Бомбы бросайте на крепость, а не на город, как только пруссаки откажутся сдаться... О деталях и подробностях договоритесь с полковником Зоричем, который тотчас отправляется к рекам Нетце и Драге...

Румянцев после минутного молчания добавил:

- По благополучном всего окончании немедленно возвратно маршировать из того города. Граждан с собою не брать, им никакого озлобления не делать, но, если город окажет сопротивление, горожан яко военнопленных с их скотом и пожитью взять. И почаще извещайте меня обо всем. А чтоб скорее известия ко мне доходили, извольте учредить пять почт и ко всякой по четыре казака из команды своей оставьте.

Жестко, сурово выговаривал слова Румянцев, будто не Демику, а Зорич и Еропкин провинились перед ним, но вдруг неожиданно широко улыбнулся, и все лицо его озарилось светом доброты:

- Ну, с Богом! - и крепко пожал своим соратникам руки.

Дальнейшие события развивались так, как были задуманы Румянцевым. Приблизившись к Дризену, Еропкин узнал, что неприятель оставил крепость и ретировался к Фридбергу. И сразу же вдогонку за неприятелем он бросил все свои легкие войска, а в город и крепость направил часть своего деташемента. Вскоре к Еропкину привезли двух бургомистров, которые при отдаче городских ключей заявили, что все граждане высочайшей ее императорского величества власти и оружию покорились.

Быстрые и умелые действия полковников Зорича и Краснощекова, капитана Шелтинга заставили неприятеля поспешно отступить, оставив в скорой

своей ретираде тысячу шестьсот печеного хлеба и несколько шефелей ржи...

Румянцев приказал Еропкину выслать вперед казаков Краснощекова и четыре эскадрона гренадер Прерадовича для дальнейшей разведки, а самому возвращаться в лагерь.

Так успешно продвигался Румянцев по прусской земле, накапливая воинский опыт и умение маневрировать своими полками. Фридберг, Шверин, Ландсберг... Вся армия медленно двигалась к Одера, где между Кюстрином и Франкфуртом расположилась немалая прусская армия генерала Дона.

Казалось бы, превосходящая армия русских должна искать встречи с армией Дона и разбить ее до прихода прусского короля, но Фермор решил не встречаться с пруссаками, изменив направление движения. Фермор, узнав от жителей и перебежчиков о том, что на правом берегу Одера в различных местах расположились шесть тысяч пехоты и конницы генерал-лейтенанта Каница, генерал-майор Малаховский с немалым числом гусар, пехотой и с четырьмя пушками, вместо того чтобы обрушиться всей армией на эти слабые сравнительно detachementы пруссаков, повелел Румянцеву прикрывать отступательный маневр армии, повернувшей на север, в сторону Померании, где должна была соединиться со шведами и договориться о совместных действиях.

Прикрывая отступление главной армии к Ландсбергу, Румянцев блестяще справился с поставленной задачей: конница вместе с пехотной бригадой, данной ему Фермором в помощь, должна была противостоять вдвое превосходящей армии графа Дона, пока русская армия отходила к Ландсбергу.

После завершения этого отступательного марша Фермор получил от Конференции выговор за пассивные действия, после чего главнокомандующий решил

атаковать крепость Кюстрин и вновь двинулся вперед. Румянцев должен был выдвинуться к Штаргарду, взять город Шведт на левом берегу Одера и охранять каменный мост через реку, пресекая возможные покушения пруссаков со стороны сильного гарнизона Штеттина.

Вскоре Румянцев рапортовал Фермору, что его деташементы заняли Штаргард, а главное - с боем заняли мост и вошли в Шведт на левом берегу Одера. Но вряд ли так легко пруссаки отдадут столь авантажное* для них место... 10 августа решением военного совета дивизия Румянцева двинулась к Шведту и Штаргарду, а 12 августа расположилась лагерем недалеко от столь важной переправы. «Ситуация к удержанию неприятеля в покушении на сию сторону весьма авантажна и число весьма небольшое в состоянии мост командовать; а до той стороны, хотя я не был, но, рекогносируя окружности моего лагеря, примерить мог, что весьма низкое и город сам в грунте стоит...» - рапортовал Румянцев Фермору 13 августа.

Но 14 августа произошло событие, которое заслонило все, чем жил это время Румянцев. Пленные рассказали, что ночью вся армия под предводительством прусского короля перешла Одер и выступила против русской армии. Румянцев тут же отправил свой рапорт Фермору и собрал военный совет для обсуждения создавшегося положения: с одной стороны, достоверно известно, что от Штеттина высылают постоянные деташементы в сторону дивизии, а с другой стороны, необходимо думать, как помочь Фермору... Румянцев и его генералитет решили дивизию содержать во всякой готовности, а к мосту, где король перешел, послать сильную партию для сокрушения оного и поиска над стоящим там прикрытием.

Румянцев по всему чувствовал, что начинаются большие события, и, дожидаясь распоряжений главнокомандующего, надеялся ударить в тыл неприятеля, а пока приказал бригадиру Бергу конными гренадерами атаковать переправу, чтобы помешать королю на его обратном пути. Несколько человек побил, двадцать два человека в полон взял. В это же время Румянцев и его дивизия услышали «наижесточайшую пушечную пальбу при Кюстрине». И он понял, что началось серьезное сражение, «и по ветру и сетауации мест».

«Казался выигрыш был с нашей стороны, но, к неопisanному сокрушению, укрывающиеся раненые и прогнанные офицеры целую погибель всей армии объявили, где и я вашего высокорейс-графского сиятельства щитал между жертвами; и когда сие отчасти подтверждено было прибывшим ко мне господином генералом-лейтенантом князем Голицыным и полковником князем Хованским, то я иного полезного вымыслить не мог, как, отважась на все со мною уже быть могущее, между неприятелем ретираду свою к соединению с господином генералом-лейтенантом Резановым и защищению прусских границ взял и господину бригадиру Берху, оставя с успехом происходящее его дело, к себе ретироватца приказал...» - писал Румянцев 16 августа Фермору, то есть через два дня после Цорндорфской битвы.

У Румянцева были серьезные опасения, что выступивший из Штеттина прусский деташемент может напасть на его дивизию, учитывая слухи о разгроме русской армии. А эти слухи тут же оказали воздействие на жителей, отказавшихся продавать русским провиант и фураж. Более того, все крестьянство, получив известие «о совершенной гибели всей армии нашей», «где только и чем бы можно, людей наших истреблять стараютца», - писал Румянцев все в том же рапорте

Фермору. «Страшные сборищи мужиков с косами и другими их оружиями все пути пресекали...»

Некоторые толкователи Цорндорфской битвы часть вины за исход сражения возлагают на Румянцева, который, дескать, не поспешил на помощь Фермору. Вряд ли убедительны их доводы, если учесть, что действия командира дивизии строго регламентировались Фермором, требовавшим скрупулезного исполнения своих повелений и планов.

Румянцев, узнав о переходе через Одер армии короля, тут же распорядился разрушить переправу и двинул свою дивизию в тыл пруссакам, извещая Фермора о своих планах в ожидании его распоряжений. А вместо этого в тот же день услышал пальбу, а потом один за другим к нему прискакали командующий второй дивизией князь Голицын, принц Карл Саксонский, австрийский генерал-наблюдатель барон Сент-Андре, барон Мюнхен, генерал Герман, секретарь самого Фермора Шишкин, полковник Хованский и многие другие и в один голос заявляли, что армия разгромлена и Румянцеву, дескать, надо отходить к Кольбергу на соединение с корпусом Резанова, и Румянцев решил сохранить свою дивизию как основу будущей армии. Откуда ему было знать, что в Цорндорфской битве и прусский король был обескровлен настолько, что он ни о чем не думал, как только о разглашении слухов о поражении русской армии и спасении оставшихся у него людей.

19 августа Фермор приказал Румянцеву идти на соединение с армией, имея «при марше вашем от неприятеля крепкую предосторожность».

И военная жизнь потекла по привычному руслу. 19 августа, учитывая потери при Цорндорфе, Фермор дал новое расписание армии. Румянцев стал командующим второй дивизией, куда входило около двадцати пехотных и кавалерийских полков.

22 сентября произошло сражение при Пас-Круге, в котором отличились донские казаки под предводительством генерал-майора Ефремова, полковников Краснощекова и Сулина, артиллеристы под командой инженер-подполковника Гербеля. Четыре гренадерских батальона пруссаков напали на весьма важный пост Румянцева, но «неустрасимо и весьма расторопно» действовали артиллеристы и казаки, нанеся неприятелю ощутимый урон.

В рескрипте Конференции 21 октября в адрес Фермора высказана благодарность Румянцеву за «благоразумное его против неприятеля супротивление и прогнание онаго с немалым уроном от Пас-Круга». Кроме того, обращено внимание на «отлично оказанную храбрость и мужество» генерал-майора Ефремова и всех находившихся при том сражении.

На зимние квартиры армия ушла за Вислу.

4 февраля 1759 года Румянецев по именному указу ее императорского величества отбыл в Петербург, где его расспрашивали о деятельности Фермора как главнокомандующего. 22 марта Румянецев прибыл в Кульм, где расположилась на зимних квартирах его дивизия. Вскоре последовало новое расписание армии, по которому Румянцеву надлежало возглавить особый тыловой корпус для защиты Восточной Пруссии и магазинов на Висле от внезапного нападения неприятеля. 14 апреля Румянецев рапортовал Фермору, что он оскорблен таким назначением, усмотрев в нем «персональное уничтожение»: «Как истинно ревнитель к службе ее императорского величества, будучи из числа всех к той способных исключенным, за умерщвление для себя не малое признаваю».

Но обида обидой, а служба службой. И Румянецев со всей ему присущей энергией взялся за исполнение новой должности. Навел порядок в госпиталях и лазаретах, в провиантских ведомствах. Наладил

агентурную разведку и упорядочил ведение контрразведывательной работы... И конечно, укрепил дисциплину жесткой рукой строевого командира...

8 июня 1759 года главнокомандующим русской армией был назначен генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков, который одним из первых орденов своих «с крайне-возможнейшею поспешностью» повелел Румянцеву, сдав все дела генерал-поручику Фролову-Багрееву, отправиться к армии, «дабы до выступления оной в дальний поход сюда прибыть могли». 26 июня граф Салтыков поручил командование второй дивизией графу Румянцеву. Под командой Румянцева оказались генерал-поручики князь Любомирский, Петр Панин, генерал-майоры Племянников, Еропкин, князь Долгоруков, бригадиры Бахман, Адам Бриль, князь Хованский, граф Брюс, муж его младшей сестры Прасковьи, и семнадцать пехотных и кавалерийских полков. Из тылового корпуса Румянцев взял бригадиров Стоянова и Мельгунова.

19 июля Румянцев принял вторую дивизию и через три дня после этого известил всех подчиненных ему генералов о своем прибытии к дивизии.

Поручая Румянцеву вторую дивизию, граф Салтыков, «старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без всех пышностей», рассказал о планах армии и совместных действиях с австрийцами.

- Я намерен, Петр Александрович, послать вас к Берлину для взятия денежной контрибуции, лошадей, быков и провианта, ибо наши лошади и быки от жаров и песчаной дороги пришли в крайнее истощение, большая часть повозок требуют починки, да и по артиллерии после Пальцигского сражения, что 12 июля произошло, без исправлений обойтись нельзя. Так что представьте свои соображения о походе на Берлин.

- Вы считаете это возможным в сию кампанию?

- Подумайте, граф, готовьтесь... От Франкфурта Берлин недалече. Но сюда, как мне доносят, спешит прусский король, который, конечно, попытается помешать нашему союзу с цесарцами. Пока будем ждать Фридриха, укрепимся в здешнем выгодном лагере, исправим недостатки, отдохнуть дадим армии, а уж потом надлежащие меры к производству дальнейших военных операций принять можем. Всей армией в дальний поход не осмеливаюсь идти, дабы не подвергать каким неприятным следствиям славу и честь русского оружия, а вот поход на Берлин вашей дивизии считаю возможным и даже победоносным. Так что думайте над операционным планом, над тем, что и сколько надобно взять с собой для самостоятельного действия.

Салтыков подробно рассказал о своих планах и намерениях, о движении русской армии и главных событиях, которые произошли без Румянцева, находившегося за Вислой...

В этом году Вена и Петербург договорились, что обе императорские армии должны соединиться и совместными силами наступать на неприятеля. А потому от австрийской армии на соединение с русской было отправлено к Одере 20 тысяч австрийского войска под командованием генерала Лаудона.

От Крассена русская армия резко повернула к деревне Кунерсдорф, напротив Франкфурта, большого торгового города, стоявшего на левом берегу Одера. Русские войска заняли Франкфурт, и 23 июля главнокомандующий граф Салтыков въехал в город. Генерал Вильбуа вручил ему городские ключи и заявил, что австрийцы, стоящие в полумиле от Франкфурта, требуют своей доли контрибуции, провианта и фуража.

- У нас провианта и фуража у самих недостаточно. Город Франкфурт занят одним русским войском, следовательно, ни тем ни другим с ними делиться мы, к

сожалению, не можем, – спокойно сказал Салтыков. – Мы должны ко всему быть готовыми. Прусский король с крайней поспешностью идет напасть на нашу армию. Вот о чем мы должны договариваться, а не делить нашу контрибуцию... А пока отдыхайте, генерал.

Но долго отдыхать не пришлось: Фридрих II решил помешать осуществлению операционного плана союзников и разгромить сначала русскую армию.

1 августа произошла битва армии Фридриха II с русской армией, расположившейся на холмистых окрестностях деревни Кунерсдорф. Из реляций графа Салтыкова, свидетельств очевидцев, рапортов генералов возникает картина этого сражения.

Внимательно следил за всеми движениями прусского короля главнокомандующий русской армией и принял надлежащие меры, заняв прежде всего авантажное место и укрепив его. Все полки были приведены в боевую готовность и расположены так, что правое крыло армии под командой Фермора простиралось до Одера, а левое под руководством князя Голицына расположилось так, что доходило до того места, где оканчивались холмы и лес и начинались луга и пашни, между лесом и пашнями протекал небольшой ручеек. В центре армии – вторая дивизия Румянцева. В резерве оказался корпус графа Лаудона, поставленный позади правого крыла.

Фридрих II начал свое движение рано утром. От своего агента в русской армии он хорошо знал расположение и силы ее полков, ее ретраншементы*, а главное – он знал, что русские его прибытия ожидают с верховьев Одера и устроили свои укрепления именно с той стороны, повернувшись лицом к Одери. Он же прошел до Кюстрина, снял с крепостных валов большие пушки и зашел в тыл русской армии, надеясь захватить ее врасплох. Но расстояние было немалым, и он подошел к Кунерсдорфу только в девять часов утра,

когда русская армия, увидев приближение пруссаков совсем с другой стороны, повернулась в его сторону, ничуть не растерявшись. Фридрих II хорошо знал, что левый фланг неприятеля слабее, чем правый, и сюда он решил бросить самые сильные свои полки. Но вся армия его устремилась к правому флангу русских, чтобы обмануть бдительность Салтыкова. Так оно и вышло. Салтыков послал в помощь Фермору легкие войска Тотлебена, повелев ему сжечь имевшийся через болото большой мост, чтобы воспрепятствовать неприятелю скорую атаку на правый фланг своей армии. Король словно только и ждал подобных действий со стороны русских, тут же повернул свои полки на левый фланг русских, оставив лишь небольшой кавалерийский отряд против правого фланга, сковав его своим присутствием. И в половине двенадцатого открыл жесточайшую пушечную пальбу против левого крыла русских. И вышедшие из ложины полки прусаков обрушились на этот фланг. Все новые и новые полки бросались в атаку, сбивая русских с сильно укрепленных позиций. Голицын бросил навстречу неприятелю свои мушкетерские полки, но и они были вскоре смяты.

Фридрих II торжествовал. Радость его еще больше увеличилась, когда к нему подъехал офицер и доложил, что принц Фердинанд одержал победу над французами при Миндене.

- Подождите немного, сударь мой! - сказал Фридрих офицеру. - Мы отправим с вами же к принцу такой же поздравительный комплимент, какой он к нам прислал.

Фридрих видел, как его полки овладели двумя батареями русских, в сущности смяли весь левый фланг... И приказал двигаться дальше всей силой сквозь армию русских до самого Одера, оставляя первую линию по левую сторону и словно раздирая армию на две части. А 200 пушек Фридриха II продолжали делать свое убийственное дело. Ему

докладывали, что у русских взорваны многие ящики со снарядами, повреждены лафеты у пушек, наконец, захвачено десятки пушек.

Весь левый фланг русской армии был сметен яростным натиском прусских гренадер. Оставшиеся в живых и способные двигаться отступили на правый фланг армии, который дожидался своей очереди сразиться с неприятелем. Фридрих II, заметив, что движение его гренадер несколько замедлилось, вновь бросил в бой свежие полки. Все батареи левого фланга русской армии, 180 пушек были захвачены и заклепаны, несколько тысяч русских было взято в плен, тысячи убитых... Казалось бы, полная победа была достигнута к шести часам вечера. Король с радостной вестью об очередной одержанной победе послал курьеров в Берлин и Силезию, брату Генриху. И все-таки победа мало удовлетворяла его. Ему хотелось уничтожить всю русскую армию, истребить ее до конца, чтобы она не могла возродиться, как после битвы при Цорндорфе. И он высказал эту мысль: биться до полного уничтожения русской армии. Генералы попытались напомнить королю, что его солдаты и офицеры в движении с раннего утра, они в изнеможении, у них нет больше сил сражаться, пятнадцать часов они в огне... Ужасно жарко, едва дух могут перевести. Но король был неумолим. Даже любимый генерал Зейдлиц пытался уговорить короля отказаться от невыполнимого намерения. И король заколебался, может, действительно пора остановиться, ведь несомненная победа одержана над русскими. И тут подъехал к нему генерал Ведель, две недели тому назад потерпевший поражение под Пальцигом.

– А ты, Ведель, как думаешь?

Ведель, как ловкий придворный, поддержал мнение короля. И король, уже не колеблясь, крикнул:

– Ну так марш вперед!

Фридрих II бросил кавалерию Зейдлица на ретраншементы, где скрывались полки второй дивизии под командой графа Румянцева. Но стойко выдержали напор конницы русские полки и перешли в наступление, воспользовавшись замешательством неприятеля.

Граф Салтыков внимательно следил за боем, посылая в подкрепление то полки под водительством генерала Панина, то бригадира Брюса. В один из решающих моментов сражения он приказал Лаудону захватить батарею, к которой устремились и прусские гренадеры. Полк Лаудона встретил их целым градом картечи. Пруссаки пришли в замешательство, чем немедленно воспользовались австрийцы, чья конница врубилась в отступающую прусскую пехоту и конницу, нанеся ей чувствительный урон. Король еще попытался занять высоту Гросс-Шпицберг, которая господствовала над местом битвы, но и оттуда открыли убийственный пушечный огонь, а тех, кому удавалось подняться вверх по склону, свергали обратно вниз штыками или пулями. Несколько раз прусская пехота пыталась овладеть высотой, но непрерывный огонь поражал храбрецов.

Все прусские войска были брошены на укрепленные ретраншементы русских. Сам король, подвергаясь ежеминутно смертельной опасности, вводил все новые и новые войска. Мундир его был растерзан пулями, две лошади под ним были убиты, а сам он легко ранен. Впоследствии очевидцы рассказывали, что спасла жизнь ему золотая готовальня, хранившаяся в кармане мундира: пуля застряла в золоте. Все уговаривали его покинуть поле боя, особенно в тот момент, когда под ним еще раз убили лошадь.

- Нам надобно все возможное испытать для получения победы, и мне надлежит здесь так же хорошо исполнять должность мою, как и всем прочим, - отвечал король на все уговоры покинуть поле боя.

Повсюду инициатива переходила в руки русских и австрийцев.

Русские дрались с таким мужеством и храбростью, что даже пруссаки, очевидцы этого сражения, писали о них с восхищением, рассказывая в своих воспоминаниях, как они целыми шеренгами падали, будто сраженные пулями, давали переходить через себя, а потом поднимались и сзади уничтожали неприятеля. Тщетны были усилия пруссаков – они так и не могли овладеть возвышенностью.

Король бросил на Шпицберг конницу Зейдлица, привыкшего побеждать. Но под градом русской картечи и конница с большими потерями вынуждена была отступить. В этой атаке были ранены сам Зейдлиц, принц Евгений Вюртембергский, генералы Финк, Гильзен, а генерал Путкамер убит...

Вторичная атака горы Шпицберг оказалась безуспешной, войска неприятеля пришли в замешательство и беспорядок. И тут, уловив счастливый момент, австрийский генерал Лаудон со своей конницей бросился на отступавшего неприятеля. Панический ужас овладел тогда всей прусской армией, устремившейся в лес и на мосты, бросив не только захваченные у русских пушки, но и свои 165 пушек.

Король в отчаянии смотрел, как уходила из рук его победа, которую он еще недавно так бурно предвкушал. Он держался одним из последних на поле боя, все еще ожидая какого-то чуда. Неумолимо приближался плен.

– Притвиц! Притвиц! Я погибаю! – безнадежно повторял король при виде приближавшихся русских и австрийцев.

Рядом с королем оставалась сотня гусар под предводительством преданного ротмистра Притвица.

– Нет, ваше величество! Сему не бывать, покуда есть еще в нас дыхание, – отвечал Притвиц, отстреливаясь от наседавших русских.

И неожиданно храбрый Притвиц с сотней гусар бросился вперед и до тех пор держал русских гренадер, пока король не ускакал и не соединился со своими отступающими войсками.

Никогда еще король не испытывал такого потрясения... Только что, казалось, торжествовал он победу, и в один миг все полетело в бездну поражения и безудержного разгрома. Никакие уговоры не могли остановить бегущую в страхе прусскую армию.

Разгром был полнейший. Фридрих писал в Берлин: «Наши потери очень значительны; от армии в 48 000 человек у меня в эту минуту не остается и 3000. Все бежит, – у меня нет больше власти над войском. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье; я его не переживу. Последствия битвы будут хуже, чем сама битва: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным. Я не переживу гибели моего отечества. Прощай навсегда».

По свидетельству историков, в этой битве король потерял 7627 убитыми, 4542 пленными, 2055 дезертировали; русские потеряли убитыми 2614 человек, 10 863 ранеными; Лаудон – убитыми 893 человека, 1398 ранеными. Победители захватили 28 знамен, 172 пушки, множество огнестрельных припасов.

«Ваше величество, не извольте тому удивляться, вам известно, что король прусский всегда победы над собой продает очень дорого», – писал в Петербург граф Салтыков, а в кругу близких ему генералов не раз приговаривал:

– Ежели мне еще такое же сражение предстоит выиграть, то вынужден буду один с посошком в руках несть известие о том в Петербург.

Эти опасения предопределили и дальнейшие действия графа Салтыкова.

Казалось бы, после такой победы нужно воспользоваться ее плодами – преследовать неприятеля и полностью разгромить его. Но...

Фридрих II, потерпев столь сокрушительное поражение, несколько дней пребывал в таком трагическом положении, что всерьез подумывал о самоубийстве как единственной возможности с честью и достоинством завершить свою жизнь. Он думал, что граф Салтыков и генерал Лаудон, соединившись с основными силами австрийской армии во главе с фельдмаршалом Дауном, займут Бранденбург, Силезию, Берлин, Бреславль... У него не было никаких средств для того, чтобы препятствовать исполнению этого естественного развития событий. Это был конец войне, в которой он так успешно противостоял превосходящим силам Франции, Австрии, Швеции, России... Он сдал командование армией генералу Финку, сказался больным. Уныние, отчаяние, страх увидеть свою родину покоренной – вот что терзало его душу.

Но что это? Проходит день, два, пять, а неприятель его не преследует. Этого оказалось достаточно, чтобы король Фридрих II выздоровел и вновь задумался о судьбах своего Отечества. «Если русские перейдут Одер и станут угрожать Берлину, мы вступим с ними в бой скорее для того, чтобы умереть под стенами нашей родины, нежели в надежде их победить, – писал он берлинцам. – Я решил погибнуть, защищая вас...» А между тем разгромленные полки собирались вокруг него, и вскоре он вновь мечтает собрать тридцатитысячную армию, способную противостоять русским, австрийцам, французам...

Наконец, в конце сентября 1759 года он узнал, что русские и австрийцы ушли на зимние квартиры, так и не придя к согласованным действиям против поверженного противника.

Даун предлагал русским идти в Силезию или Берлин, а граф Салтыков не соглашался: и в том и в другом случае выигрывали австрийцы.

Русские и так уже достаточно послужили общим интересам, своей кровью заслужили себе честь, славу и отдых. Так думал главнокомандующий русской армией граф Петр Семенович Салтыков, упустив полную победу над Фридрихом II.

Елизавета Петровна щедро наградила победителей: граф Салтыков стал генерал-фельдмаршалом, Петр Александрович Румянцев получил орден Святого Александра Невского и две тысячи червонцев от австрийской императрицы. Получили ордена и другие отличия многие генералы, офицеры и солдаты.

Лишь через несколько месяцев в Петербурге и Вене одумались и заговорили об упущенных возможностях, и прежде всего о взятии Берлина и покорении Бранденбурга. Но переговоры о совместных действиях, как обычно, затянулись, и новая кампания 1760 года так и не дала ощутимых результатов. Граф Салтыков, исполняя волю Конференции и Елизаветы, стремился соединиться с армией Дауна, Фридрих и его брат принц Генрих своими маневрами препятствовали этому, избегая генерального сражения. Да и Салтыков не хотел вновь столкнуться в открытом бою с прославленным и хитроумным полководцем. Так и шло дело во взаимных маневрированиях. А Конференция требовала активных действий. Граф Салтыков утратил бразды правления армией, впал в такую «гипохондрию, что часто плачет», свидетельствует очевидец, «в дела не вступает и нескрывтно говорит, что намерен просить увольнения от команды, что послабление в армии возрастает и к поправлению почти надежды нет».

Да и из писем самого Салтыкова в Петербурге увидели, что активных действий от него ждать не приходится. И в середине августа 1760 года

главнокомандующим русской армией был назначен Александр Борисович Бутурлин, 66-летний генерал-фельдмаршал, «старый, невежественный и бестолковый», свидетельствует Валишевский. Андрей Болотов, вспоминая об этом назначении, говорит, что в армии долгое время отказывались верить в эту очевидную глупость. Но именно при Бутурлине в сентябре 1760 года русские в союзе с австрийцами взяли Берлин.

А в начале 1761 года граф Румянцев получил особо важное задание – осадить и взять Кольберг, сильно укрепленную цитадель Пруссии.

Часть вторая

Осада Кольберга

Глава 1

Так мир или снова война?

Шестой год шла война... Сколько пролилось крови, а конца войне не видно. Столько сменилось главнокомандующих в русской армии... Апраксин, Фермор, Салтыков, а теперь вот Бутурлин... Как они не похожи друг на друга, но все они не сумели захватить инициативу в этой бескомпромиссной схватке.

Наступил май 1761 года. Снег давно стаял, на деревьях зазеленели листочки, все выше поднимались травы, прояснившееся небо засинело над крышами домов местечка Грауденец, в котором расположились основные силы третьей дивизии графа Петра Александровича Румянцева, а до сих пор определенного плана предстоящей кампании еще не было: главнокомандующий Бутурлин ждал указаний Конференции, а она не знала конкретного положения на фронте.

Зима прошла спокойно, лишь в Померании русские войска изредка беспокоили неприятеля. Стычки носили местный характер, особого ущерба не приносили обеим сторонам, но к исходу зимы обе армии устали от постоянных хлопот по доставке продовольствия, от нервного перенапряжения солдат и младших офицеров, лишенных домашнего уюта и семьи.

Пруссаки предложили двухмесячное перемирие до 1 мая, и русские согласились дать отдых своим войскам. А потом в столицах вообще заговорили о предстоящем мире. Так стоило ли готовиться к новой кампании, если

вот-вот наступит мир между воюющими державами? Франция всерьез начала игру с Англией, Австрия не прочь была договориться с прусским королем. Война истощила казну, людские и продовольственные ресурсы, народы жаждали примирения... И в прошлые годы австрийские и французские войска действовали словно бы нехотя, шведы тоже не стремились к активным действиям. И прусский король Фридрих II, обладая несомненными военными способностями, легко мог маневрировать своей хорошо обученной армией, выделяя то один, то другой корпус для выполнения первоочередной задачи.

С наступлением мая кончился срок перемирия. В Мариенвердере, гаубт-квартире, засуетились, задвигались, захлопотали штаб-офицеры, исполняя строгие указания графа Бутурлина: русское правительство отдало приказание приступить к решительным действиям. Слухи о мире, которые всю зиму упорно ходили в русской армии, прежде всего среди высших офицеров, побывавших за это время в отпусках и в Петербурге и в Москве, получавших письма от своих ближайших друзей и родственников, значительно поубавили воинского рая, и приказ о начале летней кампании многих застал врасплох. Но, получив новые предписания, все ретиво стали выполнять свои обязанности, помчались гонцы с ордерами Бутурлина в штаб-квартиры трех дивизий. По-разному встретили эти ордера командиры дивизий, генералы, офицеры и солдаты... Одни все еще думали отличиться в предстоящей кампании, выдвинуться по служебной лестнице; другие, и их было большинство, восприняли эту весть как тяжкое горе; третьи – равнодушно, как очередной каприз господской воли, ничего, дескать, с этим не поделаешь.

Петр Александрович Румянцев с нетерпением ждал конца перемирия и в душе страшился, что дело может

завершиться миром. Нет, он вовсе не был кровожаден, жесток, он видел, как страдают от войны солдаты и мирные жители тех мест, по которым приходилось проходить, облагая население контрибуцией и необходимыми для содержания армии поборами... Война есть война, тяжкое бремя для народа. Но он не окончил спор с прусским королем, вся немецкая тактика ведения войны вызвала у него возражения, страстные, горячие, и все время ему хотелось проверить свои, за зиму продуманные наконец предложения... Он, как шахматный игрок, неоднократно проигрывал наедине с самим собой придуманные им самим комбинации. И столько мыслей приходило ему по улучшению действий русской армии!

Так мир или снова война?

Нет, мира не могло быть, хищники еще не наклевались чужих земель, а потому будут снова воевать... Так, значит, война? И вот два месяца промелькнули в трудах и заботах. Пришел май, теплые лучи солнца прорвали хмурые зимние тучи, радостно засияло синее небо над землей - и все ожило: появились первые цветы, пошла трава в рост... Вдохнул свободней военный люд... Особенно кавалеристы: уж очень тяжело с кормом для лошадей зимой.

Румянцев не терял времени даром: перемирие для военного человека - лишь время подведения итогов прошлой кампании и проверка своих планов на будущее. А мысли возникали постоянно - природа военного таланта постоянно давала себя знать. Всю зиму писал он «Инструкцию», в которой изложил свои мысли, наблюдения, накопленные в ходе прошлых лет службы, и особенно опыт четырех лет войны... И как только Румянцев получил под начало корпус, которому надлежало действовать самостоятельно под Кольбергом, укрепившимся на Балтийском побережье,

он срочно решил продиктовать секретарю свод правил несения строевой и караульной службы, о введении строгого порядка в корпусе во время марша, размещении лагерем и на квартирах...

Румянцев шагал по большой комнате, высокий, ладный, коротко остриженный; энергией дышало его лицо... Да, пришло его время самостоятельных действий. А для этого нужно прежде всего наладить дисциплину. Ведь он должен будет расстаться со своими однополчанами, которые уже побывали в боях с ним вместе, и принять совсем неизвестные ему соединения. Лишь четыре полка – 3-й Гренадерский, Воронежский, Новгородский и Белозерский – остаются в его корпусе, а другие предстоит еще формировать или заново обучать...

– Итак, слушайте меня внимательно, – после раздумий заговорил Петр Александрович. – Пишите быстро, внятно... Прежде всего отправить моим полкам, Белозерскому, Воронежскому, Новгородскому, 3-му гренадерскому... Будут вливаться в корпус другие соединения – их тоже ставить в известность об этом «Учреждении»... Итак... «Учреждение, данное от генерал-поручика и кавалера Румянцева в корпус, под главную команду его состоящий, для согласного во всех случаях произведения службы... Глава первая. О выступлении корпуса из лагеря, о марше и что при оном наблюдаемо быть должно...»

Румянцев внимательно посмотрел на секретаря, который живо строчил по бумаге.

– «Когда корпус маршировать имеет, которым флангом, который линии батальонами, дивизионами или зводами, тож обоз впереди, позади или сторонною дорогою следовать будет, всегда в день пред выступлением при пароле приказано будет и в день марша вместо побудка будет бить генерал-марш*, по пробитии которого все чины должны к маршу

приготовляться и рядовые в улицах по списку перекликаны быть; палатки снять и в обозах все и на возу класть, и, буде обозам наперед следовать велено, лошадей впрягать, не ожидая о марше приказу...»

Румянцев диктовал то, что давно продумано. И возникала стройная инструкция чуть ли не на все случаи военного быта корпуса, вплоть до таких «мелочей», как: «...буде же бы кому естественной ради нужды из рядовых остаться нужно будет, в таком случае, не удаляясь от дороги, исправя нужду свою, буде к своему месту успеть бы не мог, то к последнему зводу полку своего должен примкнуть и с тем маршировать до времени, где иногда полк отдыхать станет или же по прибытии на место к своему зводу и команде явится...»

Все должен предусмотреть командующий корпусом, хорошо должен знать свое дело каждый генерал, офицер, унтер-офицер и солдат, каждый должен знать свое место во время марша, во время лагерного стояния корпуса, во время несения караульной службы...

Румянцев давал точные указания содержания караулов, знаменных, палочных, о месте барабанщиков, о порядке построения. Не забыл он и про маркитантов*, которые имеют обыкновение продавать свой товар и после пробития вечерней зори и шатаются в результате этой расхлябанности по всему лагерю. Румянцев строго указывает, чтобы после пробития вечерней зори никакой продажи не было, как не было б и никаких шатаний по лагерю. О смене караулов, о пароле, о барабанных боях, о молитве, о бекетах (пикетах)*, о дежурстве, о рундах и обозах, о чистоте в лагере, о фуражировании – все продумал Румянцев, все предусмотрел для того, чтобы укрепить дисциплину, повысить боевой дух своего корпуса, который должен был выполнить сложнейшую задачу: осадить крепость

Кольберг и взять ее штурмом, если она не сдастся на милость победителя.

В эти весенние дни Румянцев много работал, готовясь к походу в Померанию. И главное, тщательно продумал инструкцию по захвату этой, казалось бы, неприступной приморской крепости: ведь уже дважды – под командованием генерала Пальменбаха в сентябре – октябре 1758 года и в августе – сентябре 1760 года под командованием адмирала Мишукова – русские войска пытались овладеть крепостью, но каждый раз безуспешно.

Жизнь закипела, забурлила, устремилась как раз по тому руслу, которое было проложено уже войной; все пришло в движение, к штаб-квартире то и дело подлетали адъютанты, быстро соскакивали с лошадей и по ступенькам большого дома взбегали к командиру. Через несколько минут в руках держали пакеты и столь же стремительно возвращались в свои полки. На улицах Грауденца замелькали стройные колонны, ружья грозно посверкивали на плечах рослых, отдохнувших за зиму солдат. Марширующие колонны по хлестким приказам командиров четко разворачивались в линии и полукруги, сурово и безмолвно сходились снова в колонны, потом так же легко и просто сходились в клинья и треугольники, чтобы в считанные секунды оцетиниться штыками навстречу невидимому пока противнику. Многие из них прошли школу Румянцева, неистово и упорно готовившего полки к серьезным испытаниям.

В этих полках Румянцев был уверен. Но что дадут ему в корпус? Ведь лишь четыре полка останутся у него из подчинявшейся ему дивизии...

А что собой представляют два драгунских полка – Архангелогородский и Тобольский? Темный лес. А полк грузинских гусар и два полка донских казаков

предназначены нести охранение и разведку... И уж совсем в мрачное настроение приходил Румянцев, когда вспоминал о пятнадцати батальонах, которые пообещал Бутурлин дать ему при формировании корпуса. Третьих батальонов... А что такое третьи батальоны, расположенные в глубоком тылу и привыкшие нести лишь караульную службу, он хорошо знал: необстрелянные, неукомплектованные, к тому же без полковой артиллерии... И в итоге корпус, которому надлежало выполнить одну из важнейших боевых операций предстоящей кампании, состоял всего лишь из четырех полков его прежней дивизии, а остальные полки и батальоны невозможно считать за боевые единицы...

К такому выводу пришел Петр Александрович после тяжелых раздумий. А что же это означает? Уж не завидует ли ему его родственничек фельдмаршал Бутурлин?

И полетели в Мариенвердер курьеры с требованиями Румянцева усилить его корпус полноценными полками. Однако Бутурлин упорно доказывал, что корпус сформирован достаточно хорошо и представляет собой вполне надежную силу для осады и штурма: Фридриху не до Кольберга, а в самой крепости гарнизон незначителен... Как ни старался убедить Румянцев своего шурина, что нельзя недооценивать стратегического значения Кольберга, все было напрасно: тот считал, что Румянцев справится с поставленной ему легкой задачей и с теми войсками, которые ему передали под начальство.

Такое положение не могло удовлетворить Румянцева, хорошо представлявшего себе те трудности, которые необходимо было преодолеть. И он решил сам поехать в Мариенвердер и всерьез поговорить с фельдмаршалом, который, в сущности, больше занимался дегустацией вин, чем разработкой операций

предстоящей кампании. Ну ладно бы зимой, но ведь пришло время решительных шагов, нельзя же так легкомысленно относиться к серьезным операциям.

12 мая Румянцев прибыл в Мариенвердер. Здесь, в гаупт-квартире*, расположенной в доме богатого купца, с большим двором и садом, было оживленно. Сновали слуги, солдаты, солидно шествовали генералы... На лугу, мимо которого проезжал Румянцев, проходил муштру полк драгун. И на улицах тоже были заметны военные приготовления.

А в саду, куда привели Румянцева, за превосходно сервированным походным столом мирно сидел за поздним обедом сам главнокомандующий граф Бутурлин. Румянское самодовольное лицо его расплылось в улыбке при виде Румянцева.

- А уж я боялся, что никто мне не составит компанию. Одному же, знаешь, скучно и рюмку выпить, не то что две-три...

Румянцев поздоровался, но Бутурлин, уже изрядно, видно, хлебнувший из стоявшей на столе сулейки, поднялся и бурно, по-родственному, стиснул огромного Румянцева в своих объятиях.

Непростые отношения сложились между ними. Казалось бы, все хорошо. Давно знают друг друга, привыкли относиться по-родственному, но с назначением Бутурлина главнокомандующим что-то надломилось... Бутурлин не мог не видеть, что Румянцев на голову выше его как военачальник, прошедший суровую школу шестилетней войны. Все его замечания оказывались точными, грамотными в военном отношении, он многое предвидел, и его выступления на военном совете всегда отличались конкретностью, глубиной понимания обстановки и необходимых путей и средств для осуществления поставленных перед ним задач... Все это разжигало в душе стареющего фельдмаршала зависть, чувство

нехорошее и мстительное. Но чаще всего добродушие побеждало в нем; родственные чувства, давние связи с фамилией Румянцевых одерживали верх.

Вот и сейчас долгое сидение за столом, привычное застолье, когда то и дело исчезают со стола пустые бутылки, пузатые сулейки с медом, когда все кажется легко исполнимым и все вопросы разрешимыми, когда все видится в приязненном свете, Бутурлин был так хорош, со всем соглашался. Румянцев знал эту слабость за фельдмаршалом, но все равно и ему в этот момент казалось, что все замечательно и удачно складывается, потому что все его требования легко удовлетворялись захмелевшим главнокомандующим... А говорили они обо всем – и о политике, и о состоянии действующей русской армии, и об австрийцах как союзниках неверных, себе на уме... А главное, о том, что больше всего волновало Румянцева, – о предстоящем походе на Кольберг.

– Ну чем ты, ваше сиятельство, все недоволен? – миролюбиво говорил фельдмаршал. – Я все предусмотрел, пространную инструкцию тебе направил, исполнение ее приведет тебя к победе. Чего тебе еще надобно? Давай-ка лучше выпьем.

И Бутурлин снова потянулся к полной сулейке, только что поставленной на стол расторопным ординарцем, хорошо знавшим наклонности своего господина.

Румянцев любил выпить в дружеской компании, с бесконечными разговорами, тостами, шумным весельем офицерской братии. Но теперь, когда на него свалилась столь долгожданная возможность проявить свои воинские способности, вершить самостоятельные операции, ему было не до выпивки, особенно со старшим по чину, пусть даже и родственником. Нет, он лучше выпьет в другой раз, а сейчас добьется от строптивного и недалекого фельдмаршала всего

необходимого для выполнения поставленных задач. Другого такого удобного случая может не представиться...

- Ваше сиятельство, премного благодарен вам за инструкцию. Действительно, вы все предусмотрели, исполняя волю ее императорского величества. Конечно, лучше использовать корпус для боевых действий в Померании, и прежде всего для осады и взятия на саблю Кольберга, чем по-прежнему бесплодно стоять ему на Висле, охраняя магазины. Но...

- Никаких но... Сначала давай выпьем, а потом рассуждай, сколько тебе вздумается.

Ну что оставалось удрученному генерал-поручику? Выпив, Румянцев попытался продолжать развивать свои мысли.

- Ну так вот, ваше сиятельство...

- Подожди... Дай мне сказать, раз уж ты завел этот совсем ненужный разговор. Могу тебе сообщить, что не я поручил тебе Померанскую экспедицию. Военный совет армии предложил, а всевысочайший двор утвердил, сама матушка-императрица подписала указ о твоём назначении. Ты должен оправдать сие соизволение ее императорского величества, а ты пускаешься в мальчишеские рассуждения...

- Да ведь я еще и не начинал, все не даете сказать.

- А ты послушай старика. Я желаю тебе добра, хочу, чтобы ты со временем стал на мое место.

«Нет, уж лучше я останусь на своем», - промелькнуло в сознании разгоряченного Петра Александровича.

- Ее императорское величество, зная твою ревность и усердие к службе, а в воинском деле искусство и неустранимость, и рассуждая, что сей корпус в столь знатном числе состоять имеет, уверена, что ты вполне исполнишь свою задачу.

- Простите, ваше сиятельство, что перебиваю вас, но должен напомнить, что Померанский корпус состоит из четырех полков моей бывшей дивизии да легких полков донских казаков и грузинских гусар. С этим ли войском брать крепость?

- А за Вислой больше двадцати тысяч выздоравливающих... И что ж, легкие войска тоже необходимы, и для разведки, и для дозора... Так что ты, ваше сиятельство, с таким войском, кроме взятия Кольберга, можешь знаменитые показывать услуги и неприятелю делать сильную диверсию. Только учти, никто не простит тебе поражения, учти опыт двух прежних атак Кольберга, которые случились к бесславию оружия ее императорского величества...

Бутурлин потянулся за бутылкой, налил по бокалам и громко, с шумным вздохом удовольствия, выпил, высмотрел хороший кусок бигуса и с удовольствием стал есть. «Какое усердие в застольном искусстве», - подумал Румянцев, хмуро поглядывая на хмелеющего на глазах Бутурлина.

- Учти главное... Осада крепости не может иначе предпринята быть, как по прибытии флота под Кольберг. Только после соединения с флотом ты можешь начинать активные действия в полном согласии с морским командиром. А для этого вашему сиятельству с ним нужно сношения иметь, точные известия получать, где и когда оный по выступлении своем из российских портов находится будет, заблаговременно ведая, сколько на нем войска, артиллерии, каких калибров, сколько амуниции и припасов, також иногда и лошадей...

Румянцев пытался сосредоточиться на том, что говорит главнокомандующий, но мысли его отскакивали от этих известных даже командиру полка неперемненных действий. Мысли его текли совсем в другом направлении: сколько ж вот так подчиняться неучам в

военном деле начальникам? Они хорошо разбираются в хитроумных придворных интригах, но стоит взяться за большое дело ведения войны, как теряются и начинают поучать, исходя из простейшего своего опыта.

- Вскоре ты с частью твоего корпуса выступишь в Померанию... И если от неприятеля сопротивления не будет, то легко промаршируете прямо к Кёслину, куда прибыв и заняв как город, так и тамошние крепкие места, расположишься лагерем. Да учти, что там высокие горы, непроходимые болота могут служить натуральными укреплениями. Но этого недостаточно... Ты укрепи для предосторожности город, учреди при том форпосты, разошли разъезды, пусть доносят тебе о движении флота. А потом увидишь, как складываются обстоятельства, и к самому Кольбергу двигайся, конечно, после того, как флот приблизится... Надобно вам с вашим корпусом гаванью завладеть, дабы перевоз со флота на берег людей и артиллерии не столь труден был...

Румянцев мрачно улыбнулся. Но Бутурлина это не смутило. Он продолжал с тем же вдохновением:

- Ты не ухмыляйся, знаю, что ты толковый генерал и сам все можешь предусмотреть, но все ж послушай старика. Ум хорошо, как говорится, а два лучше. Хочу обратить внимание на вот какое обстоятельство...

Бутурлин трезвыми глазами посмотрел на Румянцева.

- Да я весь внимание, ваше сиятельство...

- Так вот... Рекомендую неослабно соблюдать воинскую дисциплину, дабы чрез то грабежи и насильство вовсе пресечь. Померанские жители до крайности разорены войной, всего боятся, могут при виде ваших войск дома и жилища свои оставить и разбежаться, тем самым нанесут большой вред войскам ее императорского величества. Поэтому, ваше сиятельство, предупредите жителей, и прежде всего

дворянство, что все население Померании будет под высочайшим покровительством ее императорского величества, чтобы они без всякой боязни при своих жилищах и землях спокойно остались. Сверх того, особенно рекомендую накрепко наблюдать, чтобы на почтовых дворах постов не ставить, а охрану непременно давать. Смотри, чтобы мельниц не портили, пруды не спускали... Сам понимаешь, мельницы нужны для молотья хлеба, вода - для лошадей и скота... Для воздержания от подобных предерзостей заранее объяви о жесточайшем наказании за сии преступления.

- А у вас нет сведений о неприятеле, ваше сиятельство?

- Хотя ныне в Померании неприятельские войска и есть, но не только нашими там в респекте содержатся, но по приближении вашем, буде еще и не прежде, без сомнения, ретируются. Да хотя б и остались, небольшим своим числом страх наносить вам не могут... Следовательно, взятие Кольбергской крепости не кажется затрудненным и будет состоять в одних только благоразумных с вашей стороны распоряжениях...

- Так вы считаете эту операцию пустяковой? И потому так мало войск даете? - Румянцев уже не скрывал своего раздражения.

- Не задирайся, ваше сиятельство, войск дадено довольно. Что касается до усиления вашего корпуса с реки Вислы, то я остающемуся там генерал-майору Трейдуну приказал не только по ордерам вашим о присылке к вам корпуса немедленное исполнение чинить, но и в вашей команде состоять и всех больных и слабых, которые сейчас у него находятся в госпиталях, по выздоровлении направлять в корпус... Их наберется более двадцати тысяч...

- Там нужны не слабые и больные... Прусский король сделает все, чтобы не отдать Кольберг. Непременно бросит на помощь знатный корпус.

- В прошлом году он наших оробевших солдат атаковать не посмел, а ты, имея при берегах сильный флот, можешь ничего не опасаться. Не станет неприятель сильного корпуса против тебя ставить, главные силы его прикованы к Саксонии и Силезии. А твоя задача, если неприятельских войск в Померании мало или совсем нет, то уже до прибытия флота окружить Кольберг, построенные неприятелем к морю батареи взять и тем десант облегчить. И если будешь более расторопен и окажешь большее усердие, чем Мишуков в прошлом году, а в этом я не сомневаюсь, твои таланты всем известны, то сомнений нет: в шесть-семь дней ты овладеешь крепостью. А овладев ею, увидишь, что далее делать. Главное, будешь владычествовать во всей Померании, контрибуции собирать и жить на иждивении неприятеля.

- Должен признаться, что вы, кажется, все предусмотрели и продумали. И мне уж нечего добавить, лишь исполнять ваши наставления и самолучшие успехи пожинать, как вот эти яблоки осенью. - И Румянцев показал на только завязавшиеся плоды на недавно отцветших яблонях. - Так все и было б, если б все обстоятельства и число людей, мне назначенное, в существе своем соответствовали тому, что вы здесь говорите, ваше сиятельство. Но ведь мы не знаем намерений неприятеля, а порой действительные неприятельские движения, которых мы не можем пока предусмотреть, уничтожают наши самолучшие замыслы и предприятия. И вот дабы преодолеть могущие возникнуть бессчетные и неожиданные затруднения, я прошу вас учесть следующее...

Румянцев говорил резко, подчеркивал каждое слово, смотрел на его сиятельство мрачно, как будто вино и совсем не развеселило его кровь.

- Ваше сиятельство, перед тем как штурмовать Кольберг, высадить десант и артиллерию доставить на

берег, я должен занять все пасы* при неприятельских крепостях и по реке Одере, дабы неприятель за крепостями и за рекою как за занавесью не прокрался. Это мне нужно для того, чтобы постоянно следить за точным количеством прибывающих и убывающих войск его... И тут еще нужно учесть, что неприятель проходит по своей земле, вливая свои гарнизоны. И по мере движения навстречу мне число неприятеля возрастает настолько, что я не буду в силах не только задержать его, но и противостоять ему. И тогда трудно будет избежать крайнего несчастья и гибели множества людей...

Румянцев представил себе гибель людей под ударами превосходящего неприятеля и еще больше помрачнел.

- Я и рад тому, что вы мне доверили столь трудную и почетную операцию, и в то же время чувствую, что вы недооцениваете этой операции... Да, вы ждете от меня успешного занятия Померании. И чем успешнее будет операция, тем больше облегчения придет и к главным силам нашей армии... Вся Померания будет, сверх того, знаменитыми податями обложена. Но для того чтобы все это привести в желаемое действие, потребны люди, и число немалое, а что вы мне даете для осуществления сих великих дел...

«Говорить или не говорить? Все по-другому истолкует...» - промелькнуло в сознании Румянцева.

- Я сам проверил те батальоны, которые предполагается дать мне в резерв... И осмеливаюсь, ваше сиятельство, испросить именно вместо батальонов, состояние которых во всем рухлое и обнаженное, дать мне два пехотных полка. Ведь при этих батальонах и офицерство увечное или измученное недугами и болезнями... Ну что я с ними буду делать?!

- Петр Александрович! Уж не опасешься ли? Тебе доверяют такую операцию... Нет, два пехотных я дать

тебе не могу, сие излишне, ослабится главная армия, а потом, порученный вам корпус довольно многочислен, ты же вскоре соединишься с войсками, которые высадутся с флота, а сверх того, я по-другому и поступить не смею, ибо вам известно, что в ваш корпус только шесть тысяч человек дано велено... Справишься, при твоих полках и батальонах артиллерии и секретных шуваловских пушек у тебя будет шестьдесят орудий с лишком. Что еще тебе надобно? Хватит...

Румянцев от досады и бессилия так сжал кулаки, что Бутурлин замахал на него руками и закричал:

- Ну ладно, черт с тобой, дам тебе и пушек!.. Отправляйся с Богом в Померанию, а сейчас давай выпьем.

Но этот бокал оказался последним. Бутурлин раскис и еле-еле, с помощью слуг, дотащился до постели.

Глава 2

Спор генерала с фельдмаршалом

На следующий день фельдмаршал Бутурлин встал ранним утром, вышел в сад, по-стариковски побряхтел, умываясь холодной водой, которую щедро лил на руки и шею главнокомандующего расторопный денщик, и тут же уселся за работу: продиктовал ордер о движении корпуса Румянцева в Померанию; а войскам Тотлебена предписывалось маршировать в сторону Дризена через Кранге и Шлаге для соединения с главной армией, оставив бригадира Краснощекова с двумя казацкими и грузинским полками для охраны организованных в Померании магазинов и подчинив их графу Румянцеву.

Из прочитанной почты Бутурлину стало ясно, что перемирие, установленное до 16 мая, точно и неукоснительно соблюдаемое до сих пор, не может быть продолжено. Дипломатические переговоры ничего не дали. Русское правительство, узнав о предложении французского двора о созыве мирного конгресса, в свою очередь сделало ряд предложений Англии и Германии, но на них получило уклончивые ответы. Англия стремилась к полному торжеству над Францией, к захвату большинства ее заморских колоний, видела ее слабость и полностью игнорировала ее в предварительных переговорах о перемирии и мире. Англия признавала только Россию и Австрию и заботилась о сохранении прусского короля, спасении Ганновера и прочих своих союзников.

Бутурлин хорошо понимал, что шесть лет войны пока ничего не дали России: по-прежнему на ее границах стоит прусская агрессивная армия, склонная ко всяческим неожиданным авантюрам, как это было шесть лет назад, когда Фридрих II захватил Саксонию.

Ничто не образумило прусского короля. Так нужно в этой кампании начинать военные операции со всех сторон как можно скорее и большими силами. «Да, не всякое дело всем равно воображается, и действительно, часто малые приключения, поздно до нашего времени доходящие, подают повод к великим происшествиям, – думал фельдмаршал Бутурлин, еще раз проглядывая «Рескрипт Коллегии иностранных дел о международном положении в связи с переговорами о мирном конгрессе и наставления русским послам в Вене, Париже и Лондоне о дальнейших планах и действиях русского правительства». – Вот французский двор, утратив многие свои завоевания во многих частях света, хочет сохранить остальные свои тамо владения перемирием. И ничего с этим не поделаешь... И стоило Англии пожелать, как французы тут же послали своего министра в Лондон для переговоров... А ведь эта негоциация коснется и войны с прусским королем, и хоть не решит всех возникших вопросов, но может великое, однако ж, общему союзу нанести предосуждение, тем токмо, что тогда неминуемо произойдут между членами оного недоверия и несогласия. И сейчас уже все время чувствуется это недоверие и несогласие с австрийским командованием, никак порой не договоримся. Может, Салтыков из-за этого и ушел по болезни... Кто знает, как обернутся дела в этой кампании. Невозможно всего предусмотреть наперед, обстоятельства чуть ли не ежедневно меняются...»

Бутурлин много лет был членом Конференции и привык мерить события большими масштабами. Недалекий в военном деле, он был весьма осведомлен в европейской политике, находился в курсе всех событий, имел друзей за границей и хорошо знал многих европейских и русских дипломатов.

«Конечно, весь воюющий мир желает покоя, и мы, русские, тоже мечтаем о мире и покое, но только честном и прочном, со справедливым удовольствием обиженным сторонам и существенным ослаблением прусского короля, – размышлял он. – Но ведь желать мало, интересы у всех, даже союзников в этой войне, различные, нужно добиться справедливого наказания агрессора. Ведь если сейчас его не наказать, то мир, заключенный второпях и без военной подготовки, может оказаться бесполезным и война, прекратясь на время, снова вспыхнет с еще большей свирепостью...»

Вошедший адъютант прервал трудные раздумья главнокомандующего, доложил о приходе графа Румянцева.

– А, проси. – Бутурлин встал навстречу гостю.

«О как, уже работает, как будто и не было крепкого застолья вчера», – быстро подумал Румянцев.

– Что, удивлен? – добродушно сказал Бутурлин. – А у меня всегда так. Чем больше вечером выпью, тем лучше работается утром. Вину, что ли, чувствую за вчерашнее, не знаю, но только это уж давно так... Ну что, присаживайся, ваше сиятельство, введу тебя в курс политических новостей...

– А что-нибудь новое пришло за эти часы?

– Да как тебе сказать... Нового-то вроде и не пришло, но события будут стремительно разворачиваться в этой кампании, не придется уж так больше поговорить, ты в Померанию отправишься, я в сторону Познани... В разных направлениях будем действовать, увидимся ли в этом году, не знаю.

Бутурлин позвал лакея и велел накрывать завтрак на две персоны. Его лицо, широкое и довольное, расплылось в улыбке при воспоминании о вчерашнем застолье.

– Ты пойми, Петр Александрович, 16 мая истекает установленный срок перемирия. А мы должны всерьез

опасаться, что Англия о мире и не помышляет до тех пор, пока не добьется своего. Правда, премьер Пит прямо ничего не говорит, но весь смысл его послания совершенно ясен: дескать, Франция должна скорее заключить мир в Германии с прусским королем, иначе потеряет все владения в других частях света, а в Германии, что б ни завоевала, ничего за собою удержать не может... Вот ведь как пугает французский двор, вбивает клин в союз европейских держав... Да и вся политика Англии как на ладони: хочет сохранить во всей силе прусского короля и намеревается подорвать влияние Франции в заморских ее владениях. И эта твердость Англии и усердие ее в пользу короля прусского понуждает Францию поспешать с заключением мира, дабы спасти свои интересы.

- И вы считаете, что Франция пойдет на такой рискованный шаг, как разрыв союза с Россией и Австрией? Ведь это лишь умножит притязания ненасытного прусского короля...

Румянцев также внимательно следил за ходом политических событий на Европейском континенте.

- Нет, не думаю... Французскому двору не остается иного пути, как токмо предоставить свои заморские земли их жребию, хотя бы на время. А далее можно активнее начать действия против прусского короля, используя сложившийся союз, и таким образом поправить свои европейские дела, укрепить положение в Европе и ослабить короля прусского, а также Англию.

- Да уж Англия своего не упустит. - Румянцев лишь поддакивал Бутурлину, а у самого все мысли вертелись вокруг вчерашнего разговора о Померанской экспедиции. Европейская политика - это интересно, но от него лично мало что зависит. Дело решается в высоких имперских кабинетах. А он что... Да и Бутурлину-то вряд ли удастся воздействовать на

европейскую политику. Конференция от имени императрицы вершит судьбами войны и мира.

- Настоящее зло, которое Англия собирается содействовать в этой войне, - с упоением продолжал Бутурлин, - это усиление прусского короля, и, имея такую подпору на твердой земле, Англия снова начала бы войну, не дожидаясь, пока Франция вновь обретет силу на море. Эта нация живет коммерцией, и она не может следовать другим правилам, кроме своего интереса. А положение ее на островах научило ее почитать для своей выгоды все средства дозволенными. Вот она и крутит всей европейской политикой: то одного поддержит, то другого, а все лишь для своей выгоды. А теперь ей выгодно поддержать прусского короля.

- Шесть лет войны показали, что король смел и предприимчив. - Румянцев всегда с уважением относился к умному противнику.

- Да, верно, главная сила Бранденбургского дома - в персоне нынешнего короля прусского... Сколько вредительных соседям своим планов он осуществил, но его чрезмерное усиление подготовлено его предками, а он лишь дал выход накопившейся мощи. Да и все его правительство скорее военное, а не гражданское, и вообще вся жизнь государства построена на военный лад, и для долговременного мира там просто нет почвы. И вряд ли можно ожидать, что прусский король хоть когда-нибудь проявит миролюбивые склонности. Но силы его не безмерны. Франция активизируется и бросит свои войска на прусского короля, Австрия тоже пообещала усилить на него нажим... В июле в Аугсбурге начнется формальная негоциация о генеральном замирении. Французский двор вряд ли согласится с условиями Англии, а потому спешно собирает две армии - под командой маршала дюка Бролио в Гессенских землях и под командой принца Субиза на Нижнем

Рейне. И в самом ближайшем времени мы ждем известий о начале действий принца Субиза. Если французы начнут операции успешно, то Англия запросит мира, ведь в прошлую зиму она бесплодно потеряла четырнадцать тысяч человек и не видит возможностей восстановить эту потерю.

- А что слышно о соглашении прусского короля с Оттоманской Портой? Говорят, будто он преуспел здесь.

Румянцев встал, посмотрел на карту, испещренную условными знаками, обозначающими движения различных войск. «Как бы нам не пришлось воевать с этой Портой», - подумал он, глядя на огромные территории на юге Европы, захваченные турками.

- Король прусский и тут преуспел, его эмиссар в Константинополе, принятый там как полномочный министр, добился аудиенции у визиря и заключил на одной прелиминарныи трактат*, на ратификацию которого предоставлено четыре месяца... А сам король с корпусом в двадцать - двадцать пять тысяч отправился в Силезию и уже, как доносят, находится в Нижнем Лаузнице, послав брата Генриха снова в Саксонию. Но там уже большие силы австрийцев, да французы будут напирать с запада... Так что у прусского короля не найдется больших сил, чтобы направить в Померанию...

- Ваше сиятельство, прусский король умеет воевать, умеет свободно маневрировать своими войсками, и его корпуса возникают то тут, то там, создавая численный перевес, где это необходимо в данный момент... Он узнает о Померанской экспедиции и тотчас же пошлет подмогу Кольбергу, вот увидите, у него хорошая агентурная связь с нашей армией, кто-то докладывает ему о всех наших замыслах и передвижениях... А у меня нет полковой артиллерии, да и войск не хватает для того, чтобы успешно завершить намеченную операцию... Добавьте еще два пехотных полка...

Бутурлин вскочил с места и замахал на Румянцева руками:

- Да ты что, голубчик, с ума сошел, где ж мне их взять-то, сказал тоже, два полка... Ну ладно, ты меня совсем замучил... Завтракать пора, а ты меня терзаешь. Получишь несколько пушек, а если тебе придется туго, пошлю тебе в помощь князя Долгорукова, а во время марша прикрывать тебя будет генерал Тотлебен со своим корпусом... Пойдем завтракать, я уж давно работаю.

Делать было нечего, оставалось подчиниться приказу главнокомандующего, чтобы совсем уж его не рассердить. Странное впечатление производил Бутурлин. Ничего не изменилось в его жизни, так же добродушен, переменчив, сластолюбив, любил поесть и выпить. Так же легко отказался от всех вчерашних обещаний, как и давал их под парами винными... И ничуть не стесняется неверности своего слова, как будто так и надо. Да за это мальчишек наказывают, а ведь урон от их неверности куда меньше. К тому же и странный человек... Вчера напился так, что лакеи еле-еле дотащили его до кровати, а рано утром, как ни в чем не бывало, проснулся, славно поработал, здраво рассуждает о политике. Правда, скорее всего, высказывает чужие мысли, присланные ему от Конференции, но, что ж, о политических прожектах нельзя рассуждать, не зная фактов. И о военных операциях - тоже... Ничего ведь не знаем о Кольберге, хотя дважды уже осаждали крепость, не разведали, не знаем намерений короля. Ясно одно - он будет держаться за эту крепость всеми силами, имеющимися у него в этот момент.

Завтрак прошел скучно, Бутурлин был недоволен тем, что Румянцев напомнил ему о вчерашних обещаниях, которые сегодня ему казались чересчур

пышными. Знал: Румянцев не любил болтунов, ибо сам всегда крепко держал свое слово.

Расстались холодно.

- Ваше высокографское сиятельство, - официально обратился к фельдмаршалу Румянцев, - в ближайшие дни мы выступаем в Померанию.

- С Богом!

15 мая в Грауденце, небольшом местечке, где расположилась штаб-квартира Румянцева, раздался генерал-марш.

День был погожий, солнце только взошло, и легкий туман еще стелился по земле. Но вот туман развеялся, а по дороге на Кониц за клубилась пыль: то первые телеги с провиантом и снаряжением двинулись в далекую Померанию. Солдаты погоняли лошадей, тяжело груженные телеги еле двигались по пересохшей дороге. Потом засверкали на солнце острия копий, заиграли зайчики на ружьях. Стройными рядами двинулись поротно колонны полков, оставляя за собой длинные шлейфы пыли.

Из разных мест с зимних квартир поднимались войска и двигались в том же направлении, переправлялись через Вислу и шли к польскому городку на западе, на границе с Померанией...

Густо населенная, богатая Польша с опаской смотрела на движение русских войск. Столько уж раз за последнее столетие Речь Посполитая оказывалась растерзанной чужеземцами! Воины шведского короля Карла-Густава в прошлом веке недолго господствовали над Польшей, но нанесли большой ущерб. С тех пор еще не раз тут происходили стычки. И вот новая армия движется по многострадальной земле. Как поведут себя солдаты русской армии, стародавние противники?

Румянцев тщательно подготовился к походу. Накануне были разосланы приказы-ордера во все полки

и отдельные батальоны. Впереди войска должны были следовать разъезды и постоянно докладывать о состоянии дорог, продвижении войска. Румянцев внимательно выслушивал донесения и сам принимал все решения о тех или иных изменениях маршрута. Он высоко ценил своих командиров, не пренебрегал их советами, все они были люди опытные, смелые, но за годы службы привыкли исполнять чужие повеления.

Перед выступлением в поход Румянцев собрал командиров полков и строго предупредил о непременном соблюдении всех положений, которые он разработал в «Учреждении», во время марша, на отдыхе, во время активных действий с противником.

- Первое дело - сохранить порядок, дисциплину, за неповиновение карать беспощадно, вплоть до наказания шпицрутенами*... Солдаты всегда должны помнить, что они на службе, всегда должны быть чем-то заняты, иначе они могут испортиться от безделья... Поход трудный, сопряженный с различными лишениями и соблазнами. Припасу может не хватать, могут не вовремя доставить, сами знаете, не хватает подвод, лошадей, чтобы вовремя доставить провиант. Никаких поборов с населения, где бы мы ни шли... Я требую порядка и повиновения...

Румянцев в эти дни много работал. Иной раз и ночью горели свечи в его кабинете. Нужно все было предвидеть, подготовить, рассчитать. Особенно беспокоило командующего корпусом состояние резервных батальонов. Беспокоило его и отсутствие связи с флотом вице-адмирала Полянского. Послал нарочных офицеров в Мемель, Пиллау и Гданьск, но сведений о движении флота еще не поступало. Как бы не повторилась прошлогодняя конфузия под командованием адмирала Мишукова... А главное, следить за исполнением указа - народ не разорять и не допускать всяческого своеволия. Бывает, не удержится

солдат и почувствует себя хозяином на захваченной земле; несмотря на строгие указы, грабит мирных жителей... Вот это уж никуда не годится, надо отвыкнуть от старых принципов ведения войны. Сто лет назад шведы на этом и проиграли, когда они, захватив и Варшаву, и Краков, почувствовали себя безнаказанными на польской земле, чуть ли не вся шляхта покорила воле Карла-Густава, предав короля Яна-Казимира и отказавшись от данной ему присяги. И лишь жестокосердие шведских завоевателей, грабивших и убивавших без суда и следствия польских жителей, разорявших костелы и монастыри, погубило их, ибо гордый польский народ не мог простить надругательства над своими святынями... Беззаботный, без меры щедрый, порой даже чванливый и своекорыстный, храбрый и мужественный, польский народ, раздираемый разного рода противоречиями, питаемый порой тщеславием и эгоистическими сиюминутными чувствами, объединился и вышвырнул за пределы отечества шведов, восстановив в законных правах короля Яна-Казимира, который, правда, через десяток лет сам отказался от польской короны... «Так бывает, и нам, - думал Румянцев, - не следует повторять ошибок прежних, даже выдающихся, воинов, каким несомненно был Карл-Густав».

Глава 3

Ответный ход прусского короля

Фридрих II в раздумье ходил из угла в угол большой, скромно обставленной комнаты. На столе лежало донесение, только что полученное от агента, скрытно действовавшего в русской армии. Донесение было весьма важным, оно требовало поправок детально разработанного плана начавшейся кампании. Король был озабочен тем, чтобы не ввязываться в открытые сражения, ловко маневрировать своими войсками, неожиданно появляясь там, где его меньше всего ждали в данный момент. Только такая тактика могла принести желанную отсрочку драматического финала, который он ждал каждый год. Но всякий раз ему удавалось выпутаться из, казалось бы, совсем затянувшейся петли. Его армия казалась сильной и непобедимой, когда он затеял рискованную операцию захвата Саксонии. Но его армия не могла победить столь многочисленных противников, как Австрия, Франция, Швеция и Россия, с их богатыми людскими и материальными ресурсами.

Фридрих вышел в другую комнату, где уже собрались генералы фон Платен, Вернер, Левальд...

- Господа! Я пригласил вас для того, чтобы сообщить неприятную новость: русские сформировали корпус под руководством графа Румянцева и направили его в Померанию взять Кольберг... Надеюсь, всем понятно, какое важное значение имеет эта крепость в ходе нашей войны. В ближайшие дни Румянцев будет в Конице с пехотными полками, предполагает там дать им двухдневный отдых и через Бишов пойдет к Кёслину... Известно нам, что к Кольбергу направляется русская эскадра с десантом и осадной артиллерией. Так

что вряд ли можно надеяться на то, что Кольберг устоит, как в прошлом году, если мы не предпримем известные усилия... Что вы предлагаете?

Фридрих говорил отрывисто, резко, изредка бросая суровые взгляды то на одного, то на другого генерала.

Генерал фон Платен разделяет мнение короля и считает, что нельзя терять Кольберга, и он готов немедленно выступить со своим корпусом на его защиту. Генерал Левальд высказал опасение, что в решительный час, который наступает в этой кампании, нельзя ослаблять главные силы прусской армии. Фон Вернер готов выполнить любой приказ его величества...

- Если б к Кольбергу шел не Румянцев, а кто-либо другой, мы могли бы не опасаться за него. Но Румянцев - умный, расчетливый, смелый генерал, от него всего можно ждать... Это не Бутурлин. Бутурлин - плохой полководец. Он хорошо разбирается в винах, а в военном искусстве он полный профан. Он вряд ли на что-нибудь решится в начавшейся кампании, мы тоже его тревожить не будем и воспользуемся передышкой, которую он нам непременно даст. А если последуют какие-либо указания двора и Бутурлин предпримет что-либо, то мы сразу же узнаем о его действиях и успеем перегруппировать свои силы...

Фридрих, не глядя на присутствующих, ходил по комнате и словно размышлял вслух, роняя слова тяжело, медленно, с большим значением, как будто это были золотые слитки.

- Итак, господа, кто готов пойти на защиту Кольберга?

Первым решительно поднялся фон Платен, старый боевой генерал, за ним вскочили со своих мест и другие.

- Нет, фон Платен, ваше время еще не пришло. Пойдет фон Вернер, его легкие войска быстрее дойдут до места и будут оказывать сопротивление Румянцеву,

не вступая с ним в решительное сражение. Нам нужно беречь свои силы. Вернеру легче маневрировать кавалерией.

- Благодарю за честь, ваше величество. - Вернер вытянулся в струнку и ел глазами своего короля.

Уже на следующий день Вернер руководил переправой на правый берег Одера и быстрым маршем пошел на помощь Кольбергу.

А Фридрих II внимательно следил за движением русской армии, оставившей свои зимние квартиры и расположившейся вокруг Познани. Но что предпримет Бутурлин? Куда он будет двигаться со своей армией? На помощь Румянцеву? Вряд ли... Этому корпусу предназначено действовать самостоятельно. Так что, скорее всего, Бутурлин пойдет навстречу австрийскому главнокомандующему Лаудону, который при виде прусских войск, прибывших в Силезию, тут же стал отступать... Бутурлин может двинуть армию по реке Варте в Померанию, пусть на время, потом к Ландсбергу - и на Берлин... Придется маневрировать, выжидая активных действий русских... Итак, принца Вюртембергского - к Кольбергу, генерала Гольца - к Глогау, по эту сторону Одера...

Долго размышлял Фридрих II о предстоящей кампании, ему надеяться не на кого, он сам себе голова. Разбить поодиночке войска союзников - вот план, который вынашивал Фридрих, но сил для этого было явно недостаточно. Хоть бы удерживать союзные войска на старых позициях. Три фронта - против французов, против австрийцев и против русских, - какую же армию надо иметь, чтобы сдержать эти силы! А тут еще нужно защищать Кольберг. Нет, прусский король не может вести наступательную войну. Силы нужно беречь... Пока действует в русской армии его тайный агент, он может спокойно маневрировать, зная о всех передвижениях противника. Если Вернера будет

недостаточно, то фон Платен будет всегда наготове выйти в тыл корпуса Румянцева и атаковать его неожиданно... Пусть думают, что он побоится разделять свои силы... Кольберг он не отдаст...

Нет, по-старому нельзя воевать, ничего не добьешься... Только используя все средства – военные, дипломатические, используя агентурные сведения и все хитрости текущего века, извлекая опыт из прошедшего, можно добиться желанного возвышения Пруссии. А кто бы мог сейчас подумать, что всего лишь сто лет тому назад Пруссия была в вассальной зависимости от Речи Посполитой! А теперь посмотрим, кто кого...

Корпус Румянцева медленно двигался по маршруту. С каждым днем становилось опаснее. Разноречивые слухи о противнике побуждали командующего действовать осторожно и осмотрительно. И все потому, что корпус был недостаточно сильным, чтобы действовать самостоятельно, хотя Конференция рекомендовала Бутурлину «выделить в команду Румянцева столько войска и так его всем снабдить, как он сам этого потребует».

Румянцев был озабочен тем, как сформировать те «рухлые и обнаженные» батальоны с «увечным или больным» офицерством, которые оставались пока за Вислой и в таком состоянии не имели никакого значения для корпуса. Нужно было время, чтобы их привести в боевое состояние, подчинить своей команде. Бригадир Неведомский, которому была поручена команда над этими пятнадцатью батальонами, по-прежнему держал связь только с главной квартирой, посылая рапорты Бутурлину. А тот пересылал эти рапорты со своими указаниями Румянцеву. Сколько же при этом терялось времени!

Чтобы ускорить дело, Румянцев приказал сформировать прежде всего четыре батальона, отобрав

в них лучших штабных, обер- и унтер-офицеров, капралов, рядовых и прочих строевых и нестроевых чинов по штатному расписанию, снабдив ружьями мушкетерского калибра, положенным числом патронов, всеми оружейными, мундирными и амуничными вещами наилучшего качества, провиантскими и прочими повозками. Каждый батальон обеспечить четырьмя орудиями с зарядами и прислугой. Затем из оставшихся после этого отбора людей сформировать еще четыре батальона. Оставшихся же после такого отбора Румянцев повелел оставить на Висле для охраны магазинов и ведения письменных дел.

Весь поход Румянцев провел в неустанных трудах. Мелочи военного быта, нехватка то одного, то другого требовали постоянного внимания. И хотя Румянцев заранее разослал по полкам свои наставления, в которых, казалось, учтен чуть ли не каждый шаг солдата и офицера, тут то и дело возникали ошибки и просчеты... За всем приходилось следить, поправлять, а кое-кого и наказывать.

Так пролетели три недели... Бригадир Неведомский, проявив усердие, доносил о сформировании шести батальонов... Бутурлин, узнав о движении прусского корпуса в Померанию на помощь Кольбергу, пообещал дать три пехотных полка в подкрепление. Кроме того, несколько полевых орудий. Хоть и с большим опозданием, Бутурлин сделал правильный вывод из сложившейся ситуации в Померании: как раз здесь могут разыгаться главные события предстоящей кампании.

7 июня 1761 года состоялся военный совет корпуса. Настала пора подвести первые итоги марша и определить план на ближайшее будущее. Необходимо было обсудить рескрипты Конференции, ордера Бутурлина, рассказать о связях с другими корпусами действующей русской армии.

Румянцев сидел за походным столом, глубоко задумавшись, когда ему доложили о прибытии генерал-майора Еропкина. «Как хорошо, что он зашел первым, успеем поговорить до военного совета», – подумал Румянцев и попросил старого друга войти.

– Так редко стали видеться, – грустно сказал вошедший Еропкин, крепко пожимая могучую руку Румянцева.

– Как я рад видеть тебя! Дела, как волны морские, захлестывают, и нет уж совсем покоя. А помнишь, раньше на все ведь время находилось, и столько попусту потеряли его. Теперь уж не вернуть...

Оба вспомнили свою молодость, пиры, гулянки, бесконечные карточные баталии...

– Ну что ж, времени у нас с тобой мало. Скоро придут бригады Брандт и Елчанинов, полковники Девиц и Гербель, а мне хочется кое-что наедине тебе сказать...

Румянцев помолчал, стал суровым и неприступным, как будто и не было дружеской улыбки на его устах и доброжелательства в глазах.

– Петр Дмитриевич! Чувствую в себе силы великие, но столько еще мешает нам стать единой армией, способной на великие дела... Знаю тебя как хорошего командира, полагаюсь на тебя и прошу обратить внимание на дисциплину в войсках... Во-первых, чтоб все чины должность свою исполняли исправно. Только в этом случае мы можем все аванжи себе обещать. Прикажи строго, чтоб не отлучались самовольно от рот и команд, не разоряли дома, пресекай грабительство, а больше всего пресекай возможность смертных убийств неповинных земских жителей...

Румянцев тяжело вздохнул. Но что можно поделать, когда столько совершалось всяких преступлений. Солдаты все еще думали по старинке: раз завоевал тот

или иной город или деревню, грабь, насилуй. Тут не люди, а враги...

- Я, повинуюсь высочайшему повелению и соблюдая военную строгость, ни в коем случае не оставлю ни одного случая преступного поведения нижних чинов и офицерства... Надеюсь и на вас, ваше превосходительство, как известного ревнителя и рачителя к службе...

- Рад стараться, ваше сиятельство, - по форме ответил Петр Еропкин, понимая настроение Румянцева.

- Господа бригадиры, как мне тоже известно, отличных достоинств офицеры и вашему превосходительству не упустят подражать в сем случае. Точно так же и сами полковники, которые в сем пункте больше всех обязаны соблюдать воинскую строгость. Что касается офицеров, то я, по почтению к сему чину, не думаю, чтоб кто-нибудь оказался таким преступителем и нарушил божественные и государственные законы. Но если найдутся таковые, то оные немедленно должны предстать перед судом и по военным правилам будут наказаны. Жестокость сих правил им сведома: чем выше степень офицера, тем больше наказание...

Во время разговора Румянцев то бледнел, то лицо его розовело, становилось приятно-округлым.

- Ваше сиятельство, - доложил адъютант, - господа члены военного совета прибыли и ожидают вас в соседней комнате.

- Ну что ж, Петр Дмитриевич, начинаются главные события этого года, вступаем вскоре в Померанию, а это уже неприятельская страна, и военная строгость тут особенно нужна... Идем.

При виде генерал-поручика все встали, приветствуя своего командира. Бригадиры Брандт, Елчанинов, полковник-инженер Гербель, полковник Девиц...

- Итак, господа! Наш корпус получает хорошее пополнение в шесть батальонов с бригадиром господином Неведомским, полевую артиллерию в пять орудий, которая сейчас находится в девяти милях отсюда, к орудиям бомбардирского корпуса прибыли заряды и повозки с провиантом. Это отрадно, но вот о противнике нам ничего не ведомо, где он точно находится и в каком числе конницы и пехоты, артиллерии и в каких укреплениях. А без того ничего и предпринять невозможно. Все эти сведения должен был представить нам граф Тотлебен. Мы не раз пытались установить с ним связь и договориться о взаимной информации и совместных действиях... Мы послали ему сведения о числе состоящего под моей командой корпуса, число людей, лошадей и артиллерии каких калибров, с требованием дать сведения взаимно всего оного, а также сведения о неприятеле, поступающие от пленных и дезертиров. Корпус графа Тотлебена все это время был поблизости от неприятеля, всю зиму должен был производить против неприятеля разведывательные действия, но пока никаких конкретных сведений мы еще не получили. Неделю тому назад я послал к графу Тотлебену князя Вяземского для того, чтобы он подробно разузнал все обстоятельства и уведомил нас о противнике, чтобы мог персонально досмотреть, где стоят неприятельские корпуса...

На минуту Румянцев замолчал, перевел дыхание.

Стояло гробовое молчание, бригадиры и полковники внимательно слушали взволнованное слово своего командующего...

От Вяземского тоже не было никаких известий, и это событие, как и молчание Бутурлина и Тотлебена, смущало Румянцева и наполняло его душу какой-то неясной тревогой. Иной раз казалось, что никто не хочет служить Отечеству так, как повелевает долг. И потому впереди чудились одни грозные опасности,

которые невозможно было преодолеть без ревностного отношения к воинским обязанностям. И чувствовал, что не будет в силах преодолеть нависающие над ним и его корпусом тяжелые цепи неудач. Перед его глазами стояла могучая крепость Кольберг, а вокруг нее мелькают какие-то слабые тени атакующих... И в эти мгновения им овладевало такое чувство, точно он оказывался во время землетрясения, когда падает все кругом, почва колеблется под ногами, падают на голову обломки зданий, которые еще совсем недавно прочно и неколебимо стояли на земле, создавая ее неповторимую красоту... Под тяжестью неизвестности он часто спрашивал себя: что же делать? Но внешне он всегда оставался уверенным, сильным, спокойным, и эта сила и уверенность передавались его подчиненным...

- Господа! - твердо прозвучал голос Румянцева. - Мы выступили от Вислы с малым запасом снарядов для бомбардирских орудий, а все потому, что недостаточно было лошадей. По этому же самому взяли только полумесячный запас провианта. Без припасов для орудий и провианта мы не могли ранее начинать военное предприятие. Но эти три недели не прошли даром. И припасы и пополнение прибыли. Пора начинать активные действия. Жду вашего совета...

Румянцев ушел к себе, а военный совет после длительного обсуждения вынес решение: «...девятого числа сего месяца отсюда к Полневу выступить и оттуда далее к Кёслину без потерянния времени маршировать; сей путь признавая за наиспособнейший в рассуждении магазинов, морской коммуникации и положения настоящего господина генерал-майора графа Тотлебена...»

Через несколько дней после военного совета, во время марша к Полневу, Румянцев получил сразу и письмо Бутурлина, и рескрипт Конференции о дальнейших действиях корпуса в Померании и

взаимодействии с армией Бутурлина и эскадрой Полянского... Немало часов Румянцев провел в размышлениях о тех сведениях и наставлениях, которые он получил. Наконец-то армия 15 июня выступила из Познанского кампанента, имея с собою провианта на девятнадцать дней. Но самое главное не в этом... Бутурлин понял, что Румянцеву необходимо дать три пехотных полка. А получив три полка, шесть батальонов, флотский десант, корпус Румянцева не только будет превосходить неприятельские войска, но окажется настолько сильным, что может разбить эти войска, взять крепость или, по крайней мере, к ретираде принудить противника. Бутурлин наконец-то сообщил и другую приятную новость: в крепости не больше семи тысяч неприятельского войска, как показали пленные офицеры. К тому же фельдмаршал рекомендует разлагать неприятельскую армию посулами денежного вознаграждения прусским дезертирам, которых и без того не так уж мало. Но если найдутся такие, которые, получив вознаграждение от русских, снова вернутся в прусскую армию и попадутся в плен, то без пощады таких казнить надлежит...

Не многое прояснило письмо Бутурлина, но все-таки Румянцев сделал надлежащие из него выводы. А вот рескрипт Конференции поразил его своей неопределенностью, если не сказать полной беспомощностью, в предвидении планов начавшейся кампании. Уже июнь в полном разгаре, а Конференция занимается гаданием, куда пойдет главная русская армия: или прямо в Силезию, или же по Варте к Ландсбергу. И совершенно непонятно, почему они там, в Петербурге, считают, что лучше пойти на время в Померанию, к Ландсбергу, дабы показать вид на Франкфурт и Берлин и попытаться разделить силы неприятеля и по отдельности разбить его. Все только и пытаются показывать вид, а не по-настоящему

сражаться с неприятелем, все что-то выжидают, вместо того чтобы предпринять серьезные действия против ослабленного неприятеля. Ведь и в самом деле прусский король отказывается от активных действий, явно желая выиграть время... Он свободно маневрирует своими войсками, посылает корпус Вернера к Кольбергу, корпус Гольца к Глогау, корпус принца Вюртембергского через Шведт к Штаргарду по Одере, а оттуда рукой подать и до Кольберга. Так что прусский король выжидает, куда повернет армию Бутурлин. А стоит русской армии повернуть от Познани вправо, в Померанию, как сразу и Гольц, и Вернер, и принц Вюртембергский с крайним поспешанием могут собраться тут же вместе, дабы и до осады Кольберга не допускать, и Берлин прикрывать...

По всем предположениям Конференции, получалось, что знатного корпуса против Румянцева прусский король не может выставить, опасаясь активных действий главной русской армии. Кажется, все случаи постарались предусмотреть старички из Конференции. Но беда в том, что члены Конференции ничего не знают о конкретных условиях затянувшейся войны. Да, кажется, и в военном деле ничего не понимают, судят по старинке, когда они воевали еще вместе с фельдмаршалом Минихом...

Румянецв был огорчен полученными наставлениями. Там, в Петербурге, уже точно все предусмотрели, казалось бы, на все случаи жизни... Даже и на тот случай, если армия Бутурлина не произведет никакого предприятия в Померании и последует в Силезию, в выигрыше окажется Померанская экспедиция, потому что вслед за русской армией последует и неприятельская; значит, в Силезии развернутся главные события, и туда будут стягиваться все войска, а Кольберг останется беззащитным, и бери его чуть ли не голыми руками...

Но Конференция высказывала и еще одно предположение, которое больше всего омрачало душу Румянцева... Может такое действительно случиться, когда граф Бутурлин надолго застрянет в Померании в ожидании генерального сражения, а неприятель хитрыми маршами и контрмаршами будет от баталии уклоняться, чтобы выиграть время и армию нашу походами и подготовкой к сражению будет изнурять. Вот это самое страшное... Но все равно осада должна быть осуществлена. В любом случае неприятель будет защищать Кольберг, только малыми силами, считают члены Конференции. А ему, генералу Румянцеву, нужно лишь окружить крепость и взять ее на шпагу...

Ладно, он все сделает, что возможно будет в человеческих силах. Конференция должна руководить взаимодействием всей армии, а не подсказывать, что ему делать в конкретных случаях. А чтобы не появился корпус противника под стенами Кольберга, надо атаковать основные силы Фридриха II. Не давать ему возможности маневрировать. Король знает, чем кончилось сражение с русскими под Кунерсдорфом, и поопасается ослаблять основную армию.

И Румянецев твердо решил действовать согласно обстановке.

Глава 4

Предательство Тотлебена

Обстановка резко ухудшалась... Пошли дожди. Дороги стали почти непроходимыми. Движение войска, солдат, пушек, повозок с амуницией притормозилось. Приходилось чаще отдыхать, а слухи о противнике оставались по-прежнему противоречивыми, неопределенными. И главный виновник этой неопределенности - граф Тотлебен. Все чаще сообщения его вызывали тревогу и озабоченность Румянцева. Что-то было непонятное в действиях генерала, который обязан был следить за противником и доносить о всех его передвижениях.

Тотлебен был известной фигурой в русской армии. Казалось бы, ревностным служением новому Отечеству своему он завоевал доверие императорского двора, поручившего ему командовать корпусом. И все-таки поведение его было странным.

Румянцев всячески старался подавлять в себе неприязнь к этому человеку. Как-никак служат в одной армии, связаны одной присягой Российской империи. Но уж очень неприятный человек по своему характеру, что-то двоядушное чувствовалось в нем, в его поведении, в его отношении к русским и ко всему русскому. И сколько ложного, неверного в его донесениях! Так, припомнил Румянцев, именно Тотлебен сообщил Салтыкову в прошлом году, что Фридрих II основной удар нанесет по его правому флангу. Были предприняты соответствующие меры. Но пруссаки нанесли мощный удар всеми пехотными полками по левому флангу. И долго тогда недоумевали: что это - предательство или глупость? И то и другое одинаково наносит ущерб военному делу.

И в эти дни Румянцев стал всерьез задумываться о поведении Тотлебена. Так, несколько дней назад он сообщил, что на пути движения Румянцева действует прусский корпус. Тот для проверки послал вперед своих разведчиков. Вскоре выяснилось, что никакого корпуса противника нет. Есть малые отряды, которые при приближении русских мгновенно исчезали. Значит, Тотлебен сознательно искажает сведения? Но почему? Зачем?.. Не хотелось верить в худшее.

Тогда, чтобы проверить возникшие подозрения, Румянцев направил к Тотлебену князя Вяземского с письмом, дав в нем понять, что не верит полученным сведениям. Кроме того, посланец получил устное задание: лично убедиться, где стоят неприятельские войска, в каком количестве. Князь Вяземский вернулся подозрительно быстро и, со слов Тотлебена, доложил, что в настоящее время искать сражения с превосходящими силами противника опасно.

- Вы, князь, с чужих слов это говорите, а я вас просил самому досмотреть неприятельские силы, где они и в каком количестве, - едва сдерживаясь от закипающего гнева, холодно сказал Румянцев.

- Но один я не мог поехать на разведку, вы сами понимаете. А генерал так и не дал мне возможности разведать неприятеля. Тотлебен уж очень странный человек, ничего не скажет прямо, а все с какими-то недомолвками.

- Ну что ж, князь, будем надеяться только на самих себя, - смягчился командующий.

14 июня его корпус разбил лагерь вблизи Кёслина, расположенного в семидесяти верстах от Кольберга. От Тотлебена снова не было никаких известий, словно тот растворился. Посылал Румянцев бригадира Краснощекова в Белгард, где должен был находиться его отряд, но и Краснощеков вернулся ни с чем:

Тотлебен отступил в неизвестном направлении при виде малочисленного прусского отряда.

- Что ж, видно, рассчитывать на Тотлебена не приходится, - вздохнул Румянцев и приказал Краснощекову: - Вы со своим отрядом будете вести разведку и нести охрану корпуса во время марша. Непременно держите связь с полковником Амилохваровым. И делайте вид, что вы гораздо сильнее и поблизости от вас большие силы...

Краснощеков ушел, а Румянцев долго еще смотрел ему вслед, радуясь, что вот такие, как Краснощеков, не подведут, на них можно положиться.

Наступали решительные предприятия. Сколько нужно посмотреть самому, сколько выслушать донесений, отдать распоряжений...

Прежде всего Румянцев послал ордер бригадиру Н.А. Бекетову, в котором требовал немедленно следовать с тремя пехотными полками от Польцина через деревни Нейбуково и Нейдлиц к Кёслину, где соединиться с корпусом. Тяжелый обоз предложил отправить по параллельной дороге, дабы не замедлять продвижение пехоты. Грузинский гусарский полк, стоящий в деревне Буцрин, будет прикрывать и о неприятельских передвижениях сообщать, о чем Румянцев уже отдал приказ князю Амилохварову.

Бригадир Бекетов, исполняя приказ, быстрым маршем преодолел расстояние между Польцином и Кёслином, посадив на фуры* часть солдат с их тяжелым снаряжением, и 15 июня соединился с главными силами корпуса.

Сближение с неприятелем и предстоящие бои с ним, укрывшимся в крепких земляных ретраншементх, заставили Румянцева обдумать и разработать новую тактику ведения войны. Прежде всего ему пришла мысль свести гренадерские роты в отдельные батальоны, чтобы в случае не было нужды в срочном

порядке отбирать гренадер из каждой роты, а сразу действовать целыми батальонами. Это увеличит мощь их ударов. Гренадерские батальоны снабдить четырьмя орудиями с прислугой, и на всякое орудие по одному ящику припасов. Ни в какие караулы, кроме полковых, не командировать, а для несения караулов при главной квартире и для прикрытия на марше легкого обоза приказал сформировать еще один батальон, который стал именоваться штабным.

Много хлопот было по устройству лагеря около Кёслина. Сюда Румянцеву стали поступать сведения о действиях Тотлебена, который, оказывается, оставил Белгард и двинулся в сторону Шифельбейна. Неприятель беспрепятственно вошел в город, захватил в плен несколько русских офицеров и нижних чинов, оставленных в качестве гарнизона. Кто эти офицеры и нижние чины, Румянцев не мог узнать. Да и о самом факте захвата крепости он узнал лишь от пленного капитана графа фон Арнима.

Все казалось странным... И движение Тотлебена к Шифельбейну, и нападение пруссаков на Белгард. А потом столь же неожиданное и странное поведение неприятеля, который не стал преследовать Тотлебена, а через несколько часов оставил город, который без всякого сражения переходил из рук в руки, словно по какой-то приятельской договоренности.

Эти непонятные движения Тотлебена и неприятеля вызывали у Румянцева тревогу. Не успокоил его и допрос пленного капитана фон Арнима. В начале допроса тот держал себя вызывающе и гордо, но стоило припугнуть, как он тут же рассказал все, что интересовало Румянцева. В частности, что под Кольбергом находится корпус принца Евгения Вюртембергского, что им возведены мощные полевые укрепления, что сюда недавно прибыл кавалерийский корпус генерала Вернера из Силезии.

- Итак, капитан, каково общее число войск под Кольбергом, вместе с гарнизоном? - сурово спросил Румянцев.

- Больше двадцати тысяч, - помявшись, ответил пленный граф.

- Двадцать тысяч... - задумчиво повторил Румянцев. Это сила, которую никак не могли предусмотреть сидящие в Петербурге члены Конференции. Тут за неделю не управишься...

Пленного увели, а Румянцев решил сам посмотреть дорогу на Кольберг и по возможности разведать, где расположились неприятельские войска.

Стояла хмурая погода. Дул порывистый ветер. И под действием ветра дорога быстро твердела. «Значит, скоро можно начать движение в сторону Кольберга, укрепив лагерь вокруг Кёслина и близлежащих деревень и местечек», - решил Румянцев. Кёслин окружали горы, а между ними - узкие проходы, опасные сами по себе. Холмистая местность всегда внушала Румянцеву подозрения: а не таится ли вон за той возвышенностью противник... А тут такая местность тем более внушала опасения из-за непредсказуемых движений корпуса Тотлебена. Правда, все необходимые меры предосторожности вроде бы приняты. Начиная от Керлина, через деревни Дасов, Насов, Кранцих, расположенные недалеко от Кольбергской дороги, организован кордон, в этих деревнях расположили пехоту и артиллерию. Все эти части связаны между собой, хорошо взаимодействуют...

Румянцев не боялся внезапного нападения на эти деревни, потому что они закрыты спереди большей частью болотами с протоками и каналами, а мосты на всех этих протоках и каналах разрушены. Так что русские часовые на этих протоках и каналах стоят на расстоянии меньше ружейного выстрела от противника,

но в полной безопасности. Кольбергская дорога из-за поломки мостов тоже была непроходимой.

Румянцев остановился у самого болота, где стояли на посту русские часовые. Взобравшись на один из холмов, он внимательно рассмотрел в подзорную трубу противоположный берег. Но противника обнаружить так и не удалось.

- Господин бригадир! - повернулся Румянцев к Краснощекову, который сопровождал его в этой поездке. - Прикажете не спускать глаз вон с тех трех деревушек, особенно с той, что ближе к лесу.

- Слушаюсь, ваше сиятельство. Эти деревушки и у нас вызывают подозрения.

Возвращаясь в главную квартиру, Румянцев думал о предстоящей операции. Прежде всего необходимо точнее разузнать намерения неприятеля. Как это сделать? Лучше всего, видимо, двинуть часть своих сил к Кольбергу и посмотреть, что станет предпринимать неприятель.

И еще одно тревожило Румянцева: снабжение армии провиантом. Два дня полки продержатся, а дальше что?.. В Померании, истощенной поборами действующих армий, невозможно достать что-либо из съестного. Два магазина, размещенные в приморском местечке Лебе, должны были снабжать его провиантом и всем необходимым, но он ни одного четверика не получил оттуда из-за полного отсутствия лошадей, которых забрали с одной стороны реки Виппер прусские войска, а с другой - граф Тотлебен для подвоза провианта своим солдатам. Вот и получилось, что корпус Румянцева располагал провиантом лишь на два дня. И предпринимать активные действия против неприятеля при таких условиях было неразумно.

Пришлось Румянцеву пойти на последнее средство - послать полковые повозки на подъемных лошадях. С пришедшими от графа Тотлебена тремя пехотными

полками были двести четыре обывательские померанские и польские подводы. Все они по большей части оказались в таком плачевном состоянии, что Румянцев приказал их направить в Лебе за провиантом в качестве запасного варианта: авось что-нибудь получится.

Но постепенно усилиями Румянцева и его верных помощников все налаживалось: подводы с провиантом подходили, сведения о противнике накапливались, лагерь около Кёслина укреплялся. Кольбергская дорога была занята русскими форпостами*, идущими до самого моря. Наблюдатели сообщали: неприятель на эту дорогу только небольшие разъезды посылает, активных действий не предпринимает.

«И что же сие все обозначает? – спрашивал сам себя Румянцев. – То ли неприятель чрезвычайно осторожен, то ли действительно бессилен... Нет, весьма сомнительно. Все пленные, обыватели и дезертиры в один голос утверждают, что у него здесь сосредоточены большие силы. Или же неприятель желает, чтоб я, оставя сие место, между морем и его кордоном пошел узкой лесной Кольбергской дорогой, дабы им мой фланг дать?.. Или, наконец, выманить меня из Кёслина и отнять у меня сие выгодное место со всеми магазинами и коммуникациями? Спокойно может занять и Кониц, и Лебе, прорваться к Данцигу... Нет, тут нужна предельная осторожность... Торопливость будет лишь во вред всей кампании нынешнего года».

...Адмирал Полянский должен был высадить десант в гавани Кольберга и всячески содействовать осаде и штурму крепости. Почетное назначение для него было радостным. Но в прошлом году такая же эскадра под командованием Мишукова не справилась со своей задачей: много было всяческих препятствий, нераспорядительности, нарушений дисциплины... Понятно, он должен был предусмотреть и учесть все

возможные варианты и избежать прошлогодних ошибок.

Точный и энергичный адмирал Полянский на почтовых добрался до Ревеля и принял командование над Кронштадтской и Ревельской эскадрами. Шесть тысяч десанта были готовы к посадке на корабли. Орудия, месячный запас провианта, множество всяческого военного снаряжения - все это было заготовлено и ждало погрузки.

Полянский понял, что на этот раз действительно хорошо подготовились к осаде Кольберга. Десант, провиант, снаряжение - все это было в хорошем состоянии. На рейде суда с артиллерией под командой подполковника Миллера, прибывшие из Пиллау. Все, казалось бы, складывалось для эскадры благополучно. Море в это время года чаще всего спокойное.

Но только в конце июня эскадра прибыла на рейд.

...Шли дожди, размывало дороги, запасы провианта исправно истреблялись, активные действия враждующих армий сводились к пустому маневрированию.

Дни текли за днями, и все яснее становилось положение вокруг Кольберга. Обстоятельства, конечно, не благоприятствовали задуманному предприятию, но и препятствия, которые вставали на пути, были вполне преодолимы.

Особо беспокоило Румянцева медленное движение нашего флота. А без флота Румянцев не мог завладеть гаванью. Но чтобы завладеть гаванью, необходимо разбить неприятеля, укрепившегося в окрестностях Кольберга. А для этого ох как требуются и пехотное войско, и артиллерия, находящиеся на кораблях эскадры Полянского.

Румянцев послал полковника Гербея для исследования гавани Рюгенвальде как наиболее

подходящего места высадки десанта и артиллерии. Выяснилось: перед самым устьем отмель в четыре фута, здесь могут пройти только плоскодонные суда или небольшие лодки. Но что предпримет адмирал Полянский? Он и его люди должны сами решить, где и как высадить десант и сгрузить артиллерию. Может, он найдет более надежную гавань? Лишь бы войско и грузы с поспешением следовали к корпусу.

А пока флот не прибыл, Румянцев продумывал дальнейшие свои действия с учетом всего того, что может произойти в благоприятных и неблагоприятных условиях. Он часами не отходил от карты Померании, всматриваясь в места, где расположились его части и неприятельские войска. Требовал все более точных данных о противнике, сам допрашивал пленных, дезертиров, местных жителей. И картина прояснялась, все точнее и рельефнее становился план будущих действий...

Генерал-майор Еропкин пришел к Румянцеву посоветоваться о заготовке кормов.

После обычных разговоров Румянцев вдруг сказал:

- Петр Дмитриевич! Думаю начать действовать. И прежде всего нужно очистить подступы к Кольбергу.

- Разрешите мне...

- Нет, это сделает бригадир Краснощеков... Это хороший бригадир. 17 июня я вместе с ним для рекогносцировки за последние наши казацкие форпосты ездил, к самым неприятельским, хотел раскрыть его тайность, понять его замыслы и возможные предприятия против него наметить. Во всяком случае, мы разбили свой лагерь перед самыми его форпостами, поставленными в деревнях Дасов, Масов, Насов и Кранцих. А резерв наш будет стоять на Кольбергской дороге, в левом их фланге. Ну, естественно, неприятель об этом сведал, в ночь поспешно угнул из всех этих деревень, к Керлину и

Кольбергу ретировался. Бригадир Краснощеков послал за ними партию, она, напав на неприятельский пикет, убила одного офицера и трех гусар взяла в полон. А пикет до самой их батареи, стоящей от Керлина в полуверсте, прогнала.

- Ну и что? - спросил Еропкин заинтересованно.

- Обычное дело... Вышли из Керлина превосходящие силы противника, пехота с пушками, и мы вынуждены были отступить...

- А потери?

- Кроме одной лошади под казаком, убитой из пушки, урону не было как при наступлении, так и отступе.

- Надо чаще их тревожить... Пусть знают, что мы пришли сюда с серьезными намерениями. Нечего тут зря корм тратить...

- Я такого же мнения. Только что отправил адъютанта в гусарский Грузинский полк с приказанием, чтобы действительно нападение сделали, а то занимаются только тем, что меняют караулы. Вот в Белгарде - другое дело... Напали на неприятельский отводной караул, взяли в полон обер-офицера, двух унтер-офицеров и двадцать два гусара.

Вошел адъютант и передал Румянцеву пакет.

- От его сиятельства графа Бутурлина нарочный прибыл. Давненько от него ничего не было. Интересно, что старик нам сообщает... «Сиятельный граф, превосходительный господин генерал-поручик и кавалер!..» Так никогда не обращался ко мне его сиятельство...

Румянцев пробежал глазами письмо Бутурлина.

- Петр Дмитриевич! Я прочитаю тебе это письмо. Удивительная новость! Слушай... «Что генерал-майор Еропкин от вашего сиятельства отзывается, а на его место определяется к вам в корпус генерал-майор князь Долгоруков, тому странная причина, а именно: что

генерал-майор граф Тотлебен за открывшуюся его с неприятелем не только не позволенную и вредительскую корреспонденцию, следовательно самую измену, с общего совета всех штаб-офицеров его корпуса на марше своем в Померании, в местечке Бернштейне, 19-го числа сего месяца арестован и ко мне везется, почему нужда требует генерал-майора Еропкина по его способности командиром над легкими войсками определить...»

Румянцев посмотрел на Еропкина, который тоже был весьма озадачен услышанным.

- И что же дальше? - спросил Еропкин.

- Далее. «...Рекомендую, по сему обстоятельству с Тотлебенем, не полагаясь уже более на его к вам бывшие рапорты о тамошних обстоятельствах, а особливо о неприятеле, основательнее самим разведывать...»

- Вот мерзавец-то! - не выдержал Еропкин. - Сколько он нам предприятий испортил!

Румянцев мрачно молчал. И что он мог сейчас сказать... Все время он сдерживал себя по отношению к этому негодяю и изменнику. Было что-то непорядочное, темное в его делах и донесениях, но не пойманный не вор... Все время он сдерживал себя, не давал гневу прорваться. И оказывается, зря...

- Я все время подозревал его в каких-то умыслах, но в измену не хотел верить. Как мог человек докатиться до такой низости?! Рад за тебя, Петруша, и жаль, что придется расстаться. Хотел с тобой поделиться своими мыслями о новых тактических построениях.

Веселый, общительный генерал Еропкин недоуменно поглядел на Румянцева. Он вовсе не задумывался о чем-то новом... Он знал, что нужно делать, выполняя приказ высшего начальства, а как улучшить тактику - это вроде не его дело.

- Я хотел тебе поручить важнейшее задание. В короткий срок обучить войска действию в колоннах. Вот посмотри... - И Румянцев набросал на бумаге линейный порядок полка. - Я давно обдумывал эти новые тактические построения, но сам знаешь, какое было дождливое время, лишь измучили бы людей и мало что добились. А теперь самое время приступить к обучению войск действию в колоннах.

- Мы ведь и так ходим в колоннах...

- Ради будущих авантажных дел необходимо полки наши обучить надобным и удобным маневрам. И особенно сейчас, когда полки из разных команд в корпус приходят, время настало весьма удобное для исполнения моих предложений. Впрочем, времени-то совсем мало осталось. А главнейшее мое предложение - действовать колоннами и из оных как с фронта, так и с поворотов оных, по случаю и времени.

Румянцев внимательно посмотрел на своего верного товарища, которого знал около двадцати лет, но тот развел руками:

- Ничего не понимаю. Есть привычный порядок, которым мы пользуемся довольно успешно вот уже многие годы и, слава богу, еще побеждаем.

- Вот смотри... - И Румянцев показал на чертеж. - Колонну всякий полк имеет строить из середины так: средних двух дивизионов с правого флангу последняя половина, а с левого - первая - идут прямо вперед большими шагами; прочие все дивизионы правого фланга - налево, а левого - направо, не поворачась, но прямо лицом идут за первым, и так один полудивизион за другой заходят и соединяются с обеих сторон из половин в целые. Понял? Смотри... - Румянцев четко прошагал за два средних дивизиона. - Теперь следующее построение... С флангов полкам колонны делать так: направо - то первому дивизиону идти вперед, прочим направо, как возможно скорее, и один

дивизион за другим; при приходе за предыдущий перед ним делать фронт; налево ж сие делать наоборот... Колоннами показывать - обороты делать и заходить правым и левым флангами. Сим образом, когда б неприятель вознамерился с флангу колонны атаковать или б свою позицию переменил, весьма скоро можно и фронт свой поменять, и составить первую линию из правого крыла обеих линий, а вторую - из левого крыла обеих же линий... Понимаешь?

Еропкин наконец-то понял, как легко и просто можно маневрировать большими силами войск, учитывая все перемены в неприятельских действиях...

- Я подробно изложу, как и что нужно будет делать при различных положениях во время сражения, на марше... Сие построение колонн и фронта часто может случиться в самом огне, и для того нужно солдат приучать стрелять, не садясь на колени, но токмо перекося ряды так, чтоб стоящего позади левой ноги конец правой ноги у каблука предстоящего перед ним был. Сейчас я не называю срок обучения, но нужно поторапливаться, и тут я надеюсь на вашу ревность к службе...

Еропкин молча кивнул: идея Румянцева его увлекла, - но тут же с радостью подумал, что вряд ли ему придется учить войска действию в колоннах.

Глава 5

Встреча с адмиралом

Высадка сухопутного войска с кораблей эскадры вице-адмирала Полянского задержалась из-за непогоды, разыгравшейся на море. Но вот прибыл подполковник Миллер и обнадежил, что, как только установится благоприятная погода, флот прибудет к месту назначения, то есть к Рюгенвальду...

Все это время, в ожидании прибытия флота и высадки сухопутных войск с кораблей, Румянцев провел в глубоких раздумьях о дальнейших действиях. Он представлял себе каждый свой шаг по этой земле, наметил движение каждого батальона... Ждал с нетерпением часа, когда можно будет открыть активные действия против неприятеля. Конечно, он мог бы и сейчас начать операции, разыскать неприятеля, окружить его и атаковать, но число его войск равнялось неприятельским, а артиллерии, кроме полковой, вообще не было... Так что с такими силами рискованно было нападать на прусские войска, скрывшиеся в своих окопах, атаковать укрепленную крепость.

Легкие войска генерал-поручика Вернера тоже вели выжидательные разведывательные операции. Румянцев иной раз подумывал о том, чтобы окружить и разбить неприятельский корпус, но потом откладывал до лучших времен: для этой операции нужно было выделить большую часть своего корпуса, а зачем дробить и без того не такие уж великие силы. Нет уж, серьезные операции можно будет предпринять только после высадки пехотных частей с кораблей Полянского и соединения их с основными силами корпуса!

Много хлопот было связано с заготовкой и доставкой провианта. Месяц лившие дожди сделали

дороги почти непроходимыми. Обывательские лошади, чаще всего худые и бессильные, еле тащились по этой непролазной грязи, иной раз не справляясь со слабо нагруженными телегами и падая замертво. Это было страшное зрелище. И Румянцеву пришлось использовать полковых лошадей для доставки провианта. А что делать? Три недели назад он распорядился в помощь сухопутному транспорту снарядить один галиот* и отправить его из Лебена к Рюгенвальду. Но от него до сих пор никаких вестей, неизвестно, что с ним произошло, может, сел на мель, а может, и погиб. А в галиоте было пятьсот четвертей муки...

Хорошо, что губернатор Кенигсберга и всей Восточной Пруссии Василий Иванович Суворов с пониманием относится ко всем его просьбам, и здешние магазины удалось наполнить провиантом и снаряжением. А то бы просто беда...

Войска корпуса занимали и приморское местечко Лебе, расположенное так удачно, что при всяком изменении обстоятельств его можно удержать за собой, контролируя выход в море, его побережье.

Румянцев, бывая в полках корпуса, проезжал мимо пашен и не только радовался хорошим хлебам, но и огорчался: дожди мешали сбору урожая. А там, где скосили, не могли его собрать, так и лежал он под водой... Ну что ж, пока провиант есть, фуражировать его у местного населения. Пусть соберут, тогда уж он отдаст распоряжение заготовлять провиант.

Румянцев диктовал секретарю письмо в Петербург и о многом размышлял, прежде чем продиктовать ту или иную фразу. Хоть и крепко раздражали порой его старички Конференции, но ничего не поделаешь, дисциплина есть дисциплина...

- Пишите далее... «Касательно же злодейства графа Тотлебена, известного Вашему Императорскому

Величеству, то я, по первом уведомлении от подполковника Аша, адресованное на его имя из Глогова с явными доказательствами его злых намерений письмо перехватя на почтовом дворе в Кёслине, к фельдмаршалу господину графу Бутурлину тот же час отправил, а потом, по повелению вышеписанного господина фельдмаршала, дом его, купленный в Столпе, и все имение арестовал. Между сими несколько хотя писем и найдено, но все ничего в себе не заключающие...»

Румянцев яростно расхаживал по комнате... Секретарь вопросительно оглянулся. Особенно потрясло его то, что Тотлебен, в сущности, торговал своими подчиненными, отдавая их в залог.

- «...Сей образцовый злодей бесчисленно из своей команды здесь в земле и почти во всякую деревню, и действительно в те, которые за неприятелем лежат, гусар и казаков на залого роздал; я всех сих, кои в руках моих суть, собрал и к армии числом 259 отправил; а о других неоднократно к принцу Вюртембергскому писал и выдачи оных требовал...»

Кончив диктовать, командующий хмуро приказал секретарю:

- Все. Отправляй в Конференцию, в Петербург...

Мысли его потом перекинулись к Бутурлину, бездействие которого вызывало почти столь же яростные чувства, как и предательство Тотлебена. Как можно с такой армией бездействовать!.. Только вот еще одна беда: солдаты и офицеры целый год не получали жалованья. Говорят, денег нет. А какое дело до этого воюющим, живота своего не жалеючи? На Зимний дворец денег не жалеют, торопятся построить, а тут... Целый день в делах и хлопотах, а вот к ночи одолевают думы, воспоминания, возникает невольный спор со всеми, от которых зависела его личная судьба и судьба государства Российского. Ох уж эти старички!

Президент Военной коллегии Трубецкой небось вспоминает о войне с татарами и турками в Крыму и не понимает, что времена изменились... Иван Иванович Неплюев, который сочиняет все ордера Конференции, так и остался по своему уровню оренбургским губернатором, честным, деловым в бумагах, но нерешительным и робким от старости. А Шуваловы, Александр и Петр Ивановичи, свято блюдут свои интересы. Лишь, пожалуй, граф Воронцов честно служит России...

Румянцев повертел в руках только что полученное письмо Воронцова. Хорошее письмо... Ждет радостных известий о совместных действиях с эскадрой и высаженным ею десантным отрядом. Румянцев вновь стал перечитывать письмо: «...Из реляции Вашего сиятельства вижу я с немалым удовольствием, что с отличною храбростию поступили казаки при неприятельском на наши посты нападении. Для поощрения предводителя их есаула Кирсанова, по рекомендации Вашей, не оставлено без уважения, и он пожалован в полковники, о чем и рескрипт к Вашему сиятельству отправлен. А как уже из многих опытов видно, что неприятель в такой страх от упомянутых казаков приведен, что не только никогда против них устоять не может, но паче в бегство обращается, то я советую Вашему сиятельству сим их превосходительством при всяких случаях пользоваться...»

Наконец в Альтен-Бельц, главную квартиру Румянцева, приехал подполковник Миллер. Он доложил о прибытии эскадры Полянского.

Долго бушевавшее море утихло, волны, вздымаемые ветром, умерили свой бег... Корабли русской флотилии вошли в Рюгенвальд. Вице-адмирал Полянский тут же получил уведомление от подполковника Миллера,

встречавшего эскадру в гавани, что его в ближайшие дни ждет генерал Румянцев.

- Место безопасное, ваше превосходительство, доберетесь до Рюгенвальда, - сказал Миллер, - а оттуда до гаупт-квартиры совсем недалеко, можно быстро доехать через ординарную почту.

С небольшим эскортом адмирал вскоре прибыл в ставку Румянцева. Тот радушно принял молодого и энергичного адмирала. Он участвовал в прошлом году в осаде Кольберга, был под началом адмирала Мишукова. И хотя действия русских тогда были неудачными, но кое-чему они научили. Так что Румянцеву о многом хотелось расспросить адмирала.

- Ну как вы преодолели ветры и штормы? Ничего не потеряли? - начал Румянцев столь долгожданный разговор, от которого многое зависело в предстоящих операциях: ведь самая главная прошлогодняя ошибка в том и заключалась, что не были согласованы действия флота и сухопутных войск.

- Прибыли благополучно, ваше сиятельство. Но уж помотало нас! Больше трех недель не могли войти в Рюгенвальдский рейд... Злые штормы разыгрались на море. Думали, не доберемся и не доставим столь необходимое вам войско и все необходимое для осады... И как назло, до того все было тихо и спокойно, но, как только погрузили осадную артиллерию и вышли в море, тут же учинилась противная погода, и принужден был с флотом лавировать. Вот тогда-то я и получил посланное резидентом из Данцига милостивое ваше письмо.

- До сих пор удивляюсь, как это удалось нашему резиденту передавать вам мои послания.

- А тут и удивляться нечему: большие суда хуже переносят бурю и злые ветры, а маленький бот, на котором было доставлено ваше послание, легче справлялся с непогодой, вот и добрался.

- Да, очень кстати вы прислали мне легкий пакетбот* для пересылки писем шведскому генералу на остров Волелен. И вымеряли устья рек Рюгенвальдской и Штолпенской, и письма успевали перевозить. - Румянцев с симпатией посмотрел на молодого адмирала. - Может, кого послать на разведку морской стороны Кольберга? Сколько мне известно, неприятель все околичности* Кольберга всевозможным образом укрепил и артиллерией достаточно все оные укрепления снабдил.

- Нет, ваше сиятельство. Никого уже не стоит туда посылать. Как только я прибыл на рейд и началась высадка пехотного десанта, к Кольбергу отбыли на разведку легкий в ходу корабль «Ревель» и фрегат «Святой Михаил» для обстоятельного осмотра берегов.

- Вот за это спасибо, ваше превосходительство.

- Более того, я могу сообщить о результатах разведки, потому что капитан флота Секерин, командующий «Ревелем», успел вернуться до моей поездки к вам, ваше сиятельство. Доложил, что подходил под самый Кольберг и берега тамошние обстоятельно осмотрел.

Румянцеву все больше и больше нравился этот адмирал. Правда, он сам просил его произвести эту разведку, но совсем не рассчитывал, что это указание так быстро и обстоятельно будет исполнено. Ведь у него были лишь приблизительные сведения о Кольберге, а тут адмирал вытащил свою карту и точно начал докладывать, где и что сделано противником...

- Сначала скажите о батареях... Секретарь, записывай...

- А не надо, я вам оставляю ордер... Итак, шесть батарей учинено неприятелем: первая на том месте, где десант прошлого году чинен. Вот смотрите сюда. - Адмирал разложил на столе карту крепости. - Расстояние примерно версты три от города... Видно

девять амбразур для пушек. Токмо она не совсем еще окончена: видели, как люди носили на себе фашины*, множество народу производили работы.

Румянцев внимательно смотрел на карту.

- Потом, пройдя немного, разведчики увидели - как раз там, где стоял наш лагерь в прошлом году, - постройку второй батареи, самой большой по количеству... Да против оной батареи далее в берег сделана третья батарея, а четвертая на том месте, вот смотрите, здесь, - Андрей Полянский показал на место, где стоит четвертая батарея, - где стояла наша остовая батарея* в прошлом году. А чуть повыше оной в берег сделана на пригорке круглая, пятая. Шестая же близ гласиса* против того места, где стояли бомбардирские корабли и город бомбардировали.

- А заметили, как расположен неприятель? Его войска? Можно ли было рассмотреть окопы и другие крепостные укрепления? - с увлечением расспрашивал Румянцев.

- Да, и на это обратили внимание наши разведчики... Неприятельский лагерь стоит по сю сторону реки Перзанты, примерно в двух верстах от города. Лагерь, конечно, простирается до самых береговых батарей. В прошлом году у них была крепость на устье реки... А сейчас на старой каменной батарее сделали земляную крепость, а по другую сторону реки к весту никаких батарей и крепостей не усмотрено. Видны были лишь два судна трехмачтовых, а на рейде никаких судов не видали. Вот посмотрите, тут все обозначено.

Андрей Полянский передал Румянцеву карту.

- Какие важные сведения вы мне привезли! Да еще морскую карту, она мне так необходима... До сих пор у нас не было особых предприятий против неприятеля, лишь кое-какие стычки разведывательного порядка. Я со своей стороны пытался всеми образами его из

неприступных укреплений отвести. Но никак не удастся его вывести в открытое поле и сразиться... Вот сейчас, как только вы сгрузите пехотный десант, пушки, все необходимое для осады, мы что-нибудь предпримем серьезное. Возможно, он выйдет мне навстречу, а тогда я его могу одним скорым маневром отрезать от всей коммуникации с Кольбергом и заставлю вступить неминуемо в дело. Но не сейчас...

Румянцев горестно вздохнул: как тяжело ему было ждать острых событий, он весь был готов для битвы, а тут все приходится откладывать...

- Или форсировать выход неприятеля из укреплений, или лестью отманить... А для обоих сих предприятий мне сухопутное войско, которое вы доставили, весьма надобно.

- Сухопутное войско, ваше сиятельство, которое имелось с их тягостями на кораблях, почти все без остатку свезено. Лишь несколько сотен осталось на корабле «Шлютенбург», который из-за повреждений вернулся на Гданьский рейд, да и то уже шестьдесят три человека прибыли на боте, а остальные вскоре придут на двух галиотах.

- Это все хорошо, но много ли больных остается и в каком состоянии это сухопутное войско? Вот что меня тревожит. А вдруг это войско никуда не годится. Сколько уж так меня подводили... Одна цифирь ничего не дает. Нужны солдаты, а не число на бумаге.

- Да как вам сказать... Больные, конечно, есть. Не много, но есть... Тяжелобольных я взял под свою опеку и смотрение, учредил им из парусов сделанный госпиталь. На покупку мяса, зелени и булок даны комиссару деньги из флотской суммы... Так что в этом отношении все вроде бы в порядке. Но вот что, ваше сиятельство, меня беспокоит... Не мало ли - пятьдесят человек - оставлено для охранения того госпитального

лагеря?.. А ежели мало, то я могу добавить, какое число положить изволите...

Румянцев с большим интересом смотрел на этого совсем незнакомого человека, и в нем поднималось чувство, которое редко возникало, – чувство полного взаимопонимания и редкого душевного согласия.

– Нет, ваше превосходительство, вы все сделали правильно. Но считаю, что необходимо генеральный госпиталь учредить в местечке Цанов и всех туда перевести. Там уж ведутся работы по организации такого госпиталя, где будет во всем совершенное довольство.

– А почему? Может, вы опасаетесь, что неприятель попытается напасть на столь малочисленную охрану? – Полянский вопросительно смотрел на Румянцева.

– Действительно, от Кольберга есть дорога по берегу, где неприятельское легкое войско может свободно пройти к Рюгенвальду. Но меня не это беспокоит, форпосты мои расположены до самого моря, и ни одной тропы не оставлено без охранения. А зачем нам расплять дело врачевания больных? Пусть все они будут вместе, тут и помощь врачей будет лучше, да и мне способнее отбирать выздоравливающих по батальонам и ротам. К тому же и снабжать всем необходимым...

– А когда ж выступать под Кольберг намереваетесь? Скоро пойдут дожди, развезет дороги, ни проедешь, ни пройдешь.

– Вот прибудет Дурново со всем сухопутным войском, которое вы ссадили с кораблей. Посмотрим на это войско, годится ли оно куда. Вот тогда я вам и сообщу примерный срок выступления.

Вошел офицер и подал Румянцеву срочный пакет.

– Ну вот, – заговорил вновь Румянцев, быстро прочитав рапорт. – Теперь все ясно, почему ломаются повозки, а лошади не тянут груз. Оказывается, Андрей

Иванович, низшие чины, сохранив большую часть своего имущества после морского путешествия, все помещают на повозки или селятся на себе нести. Какие же они солдаты, если так перегружены скарбом! Даже такой мелочи иные командиры не могут предусмотреть. А чего ж проще: все излишнее с небольшою командой оставить в удобном месте, тогда и люди и лошади не будут отягощены лишней поклажей, и марш их будет регулярно продолжен... Нет, во все нужно вникать, Андрей Иванович.

Румянцев встал, прошелся по комнате; большая, ладная его фигура возвышалась над столом.

- Мы должны договориться о совместных действиях. Сейчас мне трудно указать срок выступления под Кольберг, но медлить уже невозможно далее. Как только придут полки и батальоны Дурново, так мы сразу должны договориться о совместных действиях.

- У нас все готово. Осадная артиллерия на галиотах последует вместе с флотом к Кольбергу. Найдем удобное место, выгрузим ее и приступим к осаде.

- Шведы доносят, что их флотилия заперла в бухте Штеттинскую флотилию. Так что ваше крейсирование вблизи Кольберга будет безопасным. Шведский генерал-лейтенант Эрнсверт весьма любезно известил меня об этом успехе. Правда, большего они пока ничего не сделали. Как стояли на месте, так и стоят... Конечно, отвлекают на себя немалые силы, и то хорошо...

Командующие стали прощаться.

Полянскому тоже предстояли немалые хлопоты о дальнейших действиях флота. В прошлом году государыня Елизавета Петровна пощадила адмирала Мишукова, ограничившись лишь легкими упреками по его адресу: дескать, промешкал с высадкой десанта, опоздал на два дня. Военный суд назначили... Солдатам и матросам, струсившим при виде неприятеля и разбежавшимся, грозила смертная казнь, но

императрица простила всех, предупредив, чтобы старались смыть свой позор в последующих боевых действиях. Второй раз уже вряд ли будет снисходительна, если вновь провалится операция.

Румянцев проводил Полянского. Крепко пожали друг другу руки. Адмирал на почтовых лошадях отправился в Рюгенвальд.

Так и не смогли русские и австрийцы договориться о совместных действиях.

Бутурлин еще в начале кампании, рассчитывая на помощь австрийской армии и, таким образом, на большое численное превосходство над противником, приказал осадить крепость Бреславль: с падением ее вся Силезия оказалась бы покоренной.

Армия медленно двигалась по неприятельским землям. Проходили военные советы, возникали разногласия о будущих военных операциях, генералы и другие чины подсиживали друг друга, каждому выдвижению завидовали. Отдавались по армии приказы, в которых все точно, до мелочей, расписывалось, кому и как следует поступать. Инициативе не оставалось места. Генерал-квартирмейстер* Штофельн выбирал места очередного отдыха. Корпус генерал-поручика Чернышева, состоящий из восьми пехотных, четырех конных гренадерских, одного гусарского, двух казацких да вновь приданных кирасирских полков, маршировал в авангарде. Ему было велено: удаляться от основных сил не более чем на три версты, а при виде неприятеля тут же возвращаться к армии. Тяжелый обоз оставался позади армии, подолгу задерживаясь в местечках, оставленных армией. Генерал-майор Берг с легкими войсками прикрывал армию спереди и с левого фланга, рапортуя каждый час о движении неприятеля. В арьергарде следовали полки, выделенные от каждой дивизии.

Бутурлин все время держал связь с командующим австрийской армией бароном Лаудоном через своих связных офицеров. Союзная армия двигалась навстречу русской с такой же неспешностью.

В августе были мелкие стычки с неприятелем, имевшие разведывательный характер. Легкие войска как с той, так и с другой стороны постоянно упражнялись в стрельбе, почти не нанося серьезных потерь друг другу. Противник, маневрируя, смог зажечь две деревни пушечной стрельбой, генерал-майор Берг тут же давал приказ обстрелять противника, открывал в свою очередь пушечную пальбу, а Бутурлин в это время, понимая, что запас снарядов расходуется, отдавал распоряжение отвезти Бергу четыре ящика с зарядами.

Под давлением превосходящих сил противник отступал. Но вот к пруссакам подошли подкрепления, и они тут же перешли в наступление, задержав таким образом продвижение союзных армий.

Стоило где-то завязаться сражению, как Бутурлин посылал туда подкрепления. Создавался большой численный перевес, и противнику приходилось уходить с занятых позиций. Были и более успешные операции... Полковник Подгоричанин ударил в неприятельскую кавалерию и отрезал два эскадрона, больше половины изрубил, а сорок человек взял в плен.

Уже в начале кампании 1761 года наметилась какая-то нерешительность в действиях союзных армий. Главнокомандующие перетасовывали полки из одной армии в другую, распоряжались каждодневно о том или о сем, но активных действий не предпринимали. Беда в том, что, куда бы ни двигался Бутурлин, повсюду за ним следовали повозки с винными запасами. И он нередко прикладывался к пузатому штофу, после чего у него

наступало благодушное состояние, когда все казалось в розовом свете.

Вскоре русская армия подошла к Бреславлю, австрийцы расположились поблизости – около города Стригау – во главе с графом Дауном. Оба графа подолгу совещались за столом, уставленным штофами. А пока союзники совещались, Фридрих II угнел из Бреславля, понимая, что может оказаться там как в клетке, лишая себя столь необходимой ему маневренности.

Бутурлин двинулся к Швейдницу. Его опоясывали мощные земляные укрепления, с возвышения которых угрожающе смотрели жерла пушек.

Здесь, под крепостью, союзники вновь оказались рядом и стали обсуждать, что делать с этим неуловимым прусским королем, который никак не хочет сражаться в открытом поле, как полагается честным рыцарям. Граф Даун уверял русского фельдмаршала, что ничего страшного эта крепость не представляет для храбрых русских солдат.

– Две русские дивизии вполне справятся с этой горе-крепостью. Только с виду она грозна, а так...

– Вот и давайте, граф, испытайте своих в деле. А то что-то вы совсем не сражаетесь. Все мы да мы.

Так три недели проспорили два главнокомандующих, а в итоге русская армия отошла к Одеру, оставив для взаимодействия с союзниками корпус генерала Чернышева. Австрийцы же не предпринимали никаких боевых действий. Так что Фридрих II спокойно удалился к городу Нейсе. В Швейднице кончались продовольственные запасы, а в Нейсе всего вдоволь, можно здесь и отдохнуть на зимних квартирах. Король вроде бы мог быть доволен. Ему удалось не ввязываться в ненужные сражения и спасти от кровопролития свою армию... Она ему еще пригодится в будущем. Русская императрица

недолговечна, на ее место сядет Петр III, поклонник его военного таланта. Тогда все переменится...

Все бы ничего, но плохо идут дела под Кольбергом. Румянцев разбил корпус Вернера, взял в плен самого генерала... Ах, как он, Фридрих, ошибся, что послал против Румянцева этого самодовольного глупца... Теперь же один принц Евгений Вюртембергский ничего не сделает против этого отважного русского генерала. Придется рискнуть и послать на помощь корпус генерала Платена. Кольберг отдавать русским никак нельзя. Как жаль, что граф Тотлебен попался, какие ценные сведения он давал ему... Легче действовать, когда знаешь о намерениях противника. Нет, Кольберг он не отдаст, там будет вершиться судьба нынешней кампании.

Глава 6

Беспокойная ночь

Никто не мог предполагать в начале весенне-летней кампании 1761 года, что главные события развернутся не в Силезии, а в Померании, около того самого Кольберга, на взятие которого Конференция отпустила Румянцеву всего лишь неделю. Фридрих спутал все планы, прислав на подмогу гарнизону крепости сначала корпус принца Вюртембергского, а затем легкий корпус генерала Вернера и свежий корпус под командованием опытного генерала Платена. Никто не ожидал, что король осмелится ослабить свою основную армию.

Но союзные войска, превосходя числом своего противника вдвое, так и не смогли воспользоваться этим моментом и договориться о совместных действиях. Потому король мог свободно маневрировать. А вот Румянцеву приходилось туго. Правда, Бутурлин прислал ему на подмогу полки генерала князя Долгорукова, но теперь и этого мало: ведь у Платена 14 пехотных батальонов, 25 эскадронов драгун да 30 эскадронов гусар. И в тактическом, и в стратегическом отношении пруссаки занимают более выгодные позиции: они связаны со Штеттином, откуда поступает все необходимое, они сидят в удобно вырытых ретраншементах. А у русских начались болезни, мучают недостатки фуража, амуниции, продовольствия...

За месяц активных действий войска Румянцева имели определенные успехи. Взяти город Керлин... Румянцев понимал: город очень важен для коммуникации неприятеля. Поэтому здесь необходимо оставить гарнизон, способный дать отпор противнику, коварному и хитрому... А комендантом крепости назначить Миллера, он офицер исполнительный, службу

знающий. Жаль, что только исполнительный: что ему скажешь, сделает, но не более того. Инициативы же не дождешься. А нужно предусмотреть все возможные варианты нападения врага на город, остающийся в тылу корпуса. Керлин должен стать крепостью, которой противник не мог бы овладеть. А для этого Румянцев наставлял Миллера: нужно сделать, чтобы часть моста или какое-либо большое звено его можно было поднимать на городскую стену после пробития вечерней зори и до утренней зори там содержать. Как и ворота городские держать на замке. Для артиллерии в подходящих местах оборудовать реданты, чтобы контролировать тех, кто вступает на мосты. Если не успеют поднять мост при нападении, то в этом случае можно будет огнем артиллерии уничтожить противника. Пикеты содержать так, чтобы контролировать всю местность в околичностях города. Часовых поставить близ ворот или бродов, для наблюдателей сделать подмости вокруг стен изнутри, с тем чтобы они могли видеть все, что происходит вокруг города с наружной стороны. В близлежащих от ворот домах непременно сделать бойницы и там содержать в ночное время пикеты, всегда готовые отразить нападение противника. Перед закрытием ворот посылать унтер-офицера с небольшой командой на разведку близлежащих дорог, нет ли неприятеля или чего-нибудь подозрительного, и только после возвращения патруля запирают ворота. И перед утренней зарей поднимать мосты следует только после разведки местности.

Наставления не прошли даром: Миллер хорошо укрепил Керлин, за него можно было не беспокоиться. А вот под Кольбергом дела шли худо. Румянцев только что получил решение военного совета своего корпуса, созванного 9 сентября 1761 года: большинство его предлагали снять блокаду города и двинуться

навстречу корпусу Платена, который стремительно приближался с юга.

И вот он, оставшись наедине с самим собой, анализировал все свои распоряжения, все действия корпуса. Казалось бы, делалось все, как нужно: занимали мелкие города вокруг крепости, оставляли в них гарнизоны, достаточные для того, чтобы отразить внезапное нападение противника и удержать их на время, необходимое для подхода подкреплений.

Планомерно стягивал свои силы Румянцев. Он уже был в деревне Стоиков, в одной миле от крепости. В первых же боях выявились сильные и слабые стороны офицеров и солдат. Храбро сражались полковники Бибииков, Минстер, Кирсанов, подполковник Миллер, капитаны Ратеев и Тулубев; своевременно и умело распоряжались вверенными им отрядами. И результат не замедлил сказаться: взят Керлин и много деревенок...

Победа была бы более ощутимой, если б майор Роберти, командовавший гарнизоном Белгарда, не пропустил мимо самых ворот города неприятельских гусар, скакавших по узкому мосту и вполне уязвимых для трех единорогов, которые были в гарнизоне. А он между тем не только не отрезал неприятельских гусар и не взял их в полон, но и помешал нашим драгунам и гусарам преследовать их. Теперь-то он оправдывается, дескать, опасался своим повредить. Румянцев приказал майора Роберти судить военным судом за допущенные им ошибки, равные преступной халатности. Пусть и другие почувствуют, что упущения в должности суровое наказание влекут за собой.

Теперь в Белгарде подполковник фон Штоль с тремястами мушкетерами, в Керлине подполковник Миллер с четырьмястами мушкетерами крепко держат заслоны от неприятеля.

Нет, Румянцев не будет жертвовать понапрасну русскими людьми. Военное искусство здесь нужно проявить и победить с наименьшими потерями. Затаились полки, выжидая. И своего дождались. Вышел Вернер со своей кавалерией на рекогносцировку. И тут не упустили его русские батальоны... А перед этим полковник Бибиков занял деревни Россентин и Зелно, уничтожил фуражный магазин и крепко встал на дороге к Штеттину. Бригадир Неведомский со своими батальонами занял деревню Боден-Гаген, закрыв пикетами все проходы к морю, а по большому лесу расположил артиллерию в удобных местах, направленных на сильное передовое укрепление противника, морские орудия были направлены на самый редут...

Наконец корпус снова двинулся вперед и, овладев неприятельскими батареями, установленными перед большим ретраншементом, расположился лагерем перед деревней Царнин, простирая левое крыло к реке Перзанте. С новых высот, занятых корпусом Румянцева, видна бухта, флот Полянского. Но не только... Отсюда видна почти вся укрепленная линия противника... Теперь можно было стрелять по неприятельским укреплениям с большей точностью, чем раньше. Теперь и с линейных кораблей, и с галиотов тоже можно наладить постоянную стрельбу по противнику.

Но неприятель тоже не сидит сложа руки, он постоянно выискивает возможности нанести контрудар по атакующим... Вот почему Румянцев приказал бригадиру Неведомскому производить ложные атаки, чтобы тем самым облегчить положение правого фланга корпуса.

Между тем батальоны под командованием полковника Бибикова, перейдя на другую сторону реки Перзанты, двинулись на разведку дороги от Трептова к Кольбергу. Заняли деревни Григе и Предмиле, но

остановились из-за опасения быть отрезанными от моста, а значит, и от всего корпуса. Опасения эти были основательными, а потому Румянцев распорядился закрыть пас при Россентине напротив неприятельских батарей, выдвинув к мосту шестой гренадерский батальон. К тому же в подкрепление Бибикову двинул на ту сторону реки драгунский полк. Теперь можно было свободно действовать против неприятеля, не опасаясь окружения.

Затем Бибиков перекрыл дорогу к Кольбергу из Штеттина, посылал частые патрули и собирал сведения о неприятеле, его движении, перехватывал транспорты.

Румянцев старался предусмотреть все, он даже предупредил полковника, чтобы никто из его отряда не ездил по берегу: с русских кораблей внимательно следят за всеми передвижениями и могут по неведению перестрелять и своих. Требуется сведения о количестве бомб и ядер, необходимых для подавления неприятеля с запада, рекомендует полковнику Бибикову сделать непроходимыми паса к деревне Шпиге, разрушить мосты, сделать запруду.

Внимательно следил Румянцев за действиями полковника Бибикова: слишком важную задачу он выполнял, действуя самостоятельно на другом берегу реки Перзанты. И все-таки упустил ответственный момент.

...Чуть свет вышла из ретраншементов конница генерала Вернера. При виде ее Бибиков растерялся и пропустил неприятеля, беспрепятственно двинувшегося по Трептовской дороге. Об этом ночью стало известно Румянцеву.

- Как же так? - говорил Румянцев, обращаясь к дежурному офицеру. - Не оказано никаких препятствий неприятелю, хотя для того и весь пост там поставлен. Впечатление такое, что полковник Бибиков больше пекся о своей безопасности, нежели о том, чтобы

неприятелю его опасность умножить и все пути и коммуникации у него отнять. Приказываешь одно, а получается другое... В большое смущение приходишь, получая такие известия...

Дежурные в штабе ждали приказаний Румянцева.

- Теперь вся неприятельская кавалерия на свободе, она может разные покушения и беспокойство нам причинять. Нам просто необходимо во многом увеличить предосторожности, если не разобьем эту кавалерию. Неужто все упущено? Такой момент...

И Румянцев продиктовал ордер полковнику Бибикову, которому надлежало атаковать кавалерию Вернера, преследуя до самого Гrefенберга. Затем нужно выделить легкие войска для того, чтобы следить за всеми движениями неприятельской кавалерии и рапортовать в штаб корпуса.

Нарочный поскакал к Бибикову.

Получив такой приказ, полковник Бибиков бросился в погоню за кавалерией Вернера. Румянцев распорядился всей своей кавалерии маршировать поспешно к Трептову и загородить дорогу Вернеру.

Догнав неприятеля, Бибиков атаковал генерала Вернера, захватив в плен около 350 солдат и офицеров пехоты и около 200 кавалерийских офицеров и рядовых. Казалось бы, победа полная. Но все это не удовлетворило Румянцева.

Ночь прошла беспокойно. Румянцев диктовал ордера полковнику Вернесу, бригадиру Неведомскому, полковнику Миллеру... Весь корпус был поднят по боевой тревоге. И вот - вроде бы успешно завершена операция против вышедшего из крепости генерала Вернера, а сам он пленен отважным казаком. Но Румянцев в эту ночь еще раз убедился, сколь хитроумен неприятель, а главное, что прусский король не оставит Кольберг без существенной подмоги.

Первые же донесения подтвердили его опасения. Оказалось, что большая часть кавалерии Вернера ушла к Нейгардту, а ей на выручку шли крупные соединения генерала Штутергейма и полковника Белинга.

И начались боевые будни. Румянцев внимательно следил за каждым движением неприятеля, все плотнее и крепче окружая его в крепости. Когда выпадали минуты отдыха, писал письма родным, но чаще всего, оставаясь наедине, размышлял о том же – о нелегкой операции, выпавшей на его долю.

«Если бы неприятель не зарыл бы себя в землю, – думал Румянцев, – и не избрал бы себе неприступных мест, давно бы экспедиция, мне вверенная, достигла бы успеха... Подумать только, ныне неприятель со всех сторон мною окружен, огнем с батареей моих притеснен, всякое движение моих полков приносит ему непоправимый вред, и, конечно, ему грозило бы второе максенское дело. (20 ноября 1759 года прусский генерал Финк у деревни Максен был вынужден сдаться австрийским войскам.) А, поди ж ты, как раз накануне решительных предприятий Фридрих II отдает приказ полкам генерала Штутергейма и полковника Белинга следовать мне в тыл и таким образом отвлечь от осады и штурма крепости и ретраншементов... А в этом случае следует сто раз обдумать свое положение, прежде чем начать наступление... Не оказаться бы стиснутым с двух сторон сильным неприятелем... Хотелось бы исполнить свой долг без великого урона и уничтожить все эти полевые укрепления неприятеля и взять на шпагу крепость... Хорошо, было благополучное время, а сейчас зарядят дожди, развезет дороги, флот и сейчас уже считает, что он задержался на Кольбергском рейде. А что будет через неделю или через месяц? Никто не знает, какая погода будет, может, опять противные ветры поднимутся и размечут корабли, сорвав их с якорей... И что предпринимает наша армия в Силезии и

Саксонии? Их предприятия могут поправить наши дела или... Вот такие дела... Только ревность и усердие обязывают меня спешить с исполнением главной нашей задачи. Другой генерал давно бы предпринял последнее и решительное наступление, но это проще всего - потеряешь людей и ничего не добьешься. Вполне возможно... Нет, уж буду день ото дня постепенно сокращать неприятеля, к тому же и оный тоже не сидит сложа руки, все время пытается сделать мои некоторые предприятия ненадежными, а выход генерала Вернера из ретраншементов вообще представлял большую опасность для всех моих замыслов... Что они, члены военного совета, решат - продолжать блокаду и постепенно разрушать силу неприятеля или снять блокаду и отступить к армии...»

3 сентября 1761 года Румянцев поставил перед членами военного совета один вопрос: «Коим бы образом наискорее и ближе достигнуть к предмету, то есть к сокращению неприятеля, его ретраншемента и предприятию осады Кольбергской?» И на следующий день должен быть ответ.

И снова раздумья поглотили Румянцева на много часов. Расстеленная карта на столе приковывала все его внимание. «Уж около двух месяцев русские войска топчутся около Кольберга... Правда, успешно действовали против конницы Вернера. Ну и что? А главное еще не сделано. Сколько раз ходили на штурм этих ретраншементов, а все без толку... Стены крепости и ретраншементы оказались неприступными. Лишь потеряли сотни солдат. Нет, крепость не возьмешь. Что-то нужно предпринимать новое. Нужно маневрировать. Нужно твердо встать на дороге Кольберг - Штеттин, лишить пруссаков фуража и продовольствия... Поневоле принцу Евгению придется защищать эту дорогу как дорогу жизни, для этого он выйдет из крепости. Вот тогда-то и произойдет решающее

сражение... Но вот Платен... Что он предпримет? Будет ли прорываться в Кольберг или пойдет стороной, в Познань, разорять наши магазины? Нет, в Познань наверняка не пойдет, слишком рискованное дело, этак можно отрезанным от своей армии оказаться. Значит, остается...»

А между тем корпус Платена приближался, и Румянцев оказывался между двух огней. Нужно было что-то предпринимать.

Мнение военного совета было единодушным: снять осаду и начать движение к зимним квартирам. Он так и знал, что мнение будет таким, традиционным: дескать, наступает зима, а в зимнее время еще никто не воевал, для сражения используется только летнее время... Румянцев смотрел на своих соратников и поражался их мужеству и выдержке. Все это время корпус действовал наступательно. Много раненых и убитых. Вот князь Долгоруков в последнем предприятии был ранен в левую руку выше локтя, убило под ним двух лошадей. Давний его друг и приятель Петр Дмитриевич Еропкин еще до нового назначения по болезни вполне мог бы лечь в постель или отбыть в отпуск, но достойный генерал всю сию кампанию отважно сражался с неприятелем. А бригадир Брандт во всех случаях был хорошим помощником, верным и усердным служакой...

Румянцев внимательно вглядывался в каждого из своих соратников, несколько смущенных тем, что мнения их разошлись с мнением командующего.

- Нет, господа, корпус будет продолжать сражение под стенами Кольберга, - решительно заявил он.

- Но нам не удастся это сделать, вот уже больше месяца мы бьемся здесь... Ретраншемент неприятеля неприступен, фланги неуязвимы: с одного - река, с другого - непроходимое болото...

- Все переменится, как только ударят морозы, замерзнут река и болота. Вот тогда и начнутся главные

операции.

- Неужели вы, ваше сиятельство, собираетесь воевать зимой? - спросил Брандт. - Ведь такого никогда не бывало!

- Не бывало, а теперь будет... Станем воевать и зимой, пока не возьмем крепость.

Глава 7

Неудачи и победы

Наступило дождливое ненастье. Развезло дороги. Появилось много больных. Росло недовольство среди офицеров и особенно генералов, не привыкших воевать в столь необычных по тем временам условиях. Прежде уже в августе становилось известно, где та или иная бригада, дивизия будут расположены на зимних квартирах, загодя направлялись туда квартирмейстеры, а тут, под Кольбергом, происходило что-то небывалое. Воевать зимой? Какая в этом нужда?.. И все чаще престарелые офицеры, не выдержав тягот ненастного времени, сказывались больными и подавали прошение об отпуске, отправлялись на лечение или в свои поместья на отдых.

Румянцев решил преодолеть все недостатки и нехватки и заставить неприятеля сложить оружие. Своих сил он не жалел, порой работал и ночью: столь стремительно развивались события, что тут не до сна. Пришел час его радости, он добился своего: Петербург, а вслед за ним и Бутурлин поняли, что необходимо оказать помощь корпусу. И вот к Кольбергу уже идут третья дивизия и легкие войска генерала Берга.

Но радостная весть о подкреплении тут же была омрачена тревожным сообщением - генерал Платен, напав на Керлин, смял выставленный заслон и прорвался в ретраншементы Кольберга.

Как же это могло произойти? В чем-то просчитался, что-то недосмотрел...

...Русская разведка вовремя обнаружила маневры корпуса Платена и донесла о том Румянцеву. Он делал все, чтобы предотвратить передвижение неприятеля к

Кольбергу, выслав почти всю свою легкую кавалерию для того, чтобы не дать соединиться остаткам разбитого корпуса Вернера с Платеном. Такую задачу поставили легким войскам Берга и дивизии генерала Долгорукова. Но все получилось по-другому. Берг замешкался близ Ландсберга, а Долгоруков спокойно маршировал на соединение с корпусом Румянцева. Лишь легкие отряды пытались препятствовать движению Платена к Кольбергу, но махина прусского корпуса свободно проходила через эти жидкие заслоны. Триста гусар капитана князя Ратеева были отражены при Грейфенберге, казаки сотника Широкова, казачьего полковника Кирсанова и поручика Гензеля отступали с боями под натиском превосходящих сил.

И все это происходило как раз в тот момент, когда, судя по поступавшим донесениям, Румянцев считал, что дивизия Долгорукова вступила в Шифельбейл. Но оказывается, что в этот городок вступил Платен и разметал его легкие войска. А что же князь Долгоруков? Одно время казалось, что он, опасаясь столкновения с корпусом Платена, взял направление ближе к Польше. Понимая, что князь Долгоруков не окажет помощи терпящим бедствие гусарам и казакам, Румянцев бросил два полка и три батальона под командованием полковника Бокова, с тем чтобы эти войска атаковали пруссаков, невзирая ни на что... Но и этот отряд опоздал – неприятель оказался быстрее и ловчее.

Ясно было, что Платен искал обходные пути для достижения своей главной цели – прорвать блокаду Кольберга и прийти на помощь осажденным. Румянцев предполагал, что всего резоннее ему пройти в междуречье Реги и Перзанты. И он послал подпоручика Реймерса к князю Долгорукову с приказом маршировать туда с возможной поспешностью или выслать вперед кавалерию. Время шло, но помощи от князя не

последовало. Между тем неприятель перешел реку Перзанту, маскируя свое движение, оказался на подступах к Керлину. Румянцев, узнав об этом, отдал приказ всем драгунам и гусарам идти навстречу. Но неприятель так скрытно прошел перелеском, что драгуны и гусары не смогли оказать ему серьезного сопротивления.

Румянцев, конечно, не мог и предполагать, что Платен так скоро окажется у Керлина и атакует русский гарнизон. Он надеялся, что путь неприятелю преградит Долгоруков. Так вот и получилось, что Платен своим маневром обманул бдительность Румянцева. И в то время, когда он выдвинул свои отряды навстречу на той стороне Перзанты, Платен перешел реку, скрытно прошел перелеском и очутился у Керлина...

Кроме того, Румянцев был введен в заблуждение недавним рапортом коменданта крепости майора Витича, сообщившего с нарочным, что в окрестностях неприятеля не обнаружено. А к пяти часам дня неподалеку от Керлина казачий патруль заметил вспышки и услышал пушечную пальбу. Доложили Румянцеву, тот тут же выехал на разведку. И действительно, в той стороне, где стояла крепость, увидел пламя пожара. Но в самом Керлине ли он происходит или в его окрестностях, не определил – помешала наступившая темнота. Порой ему казалось, что пушечная пальба раздавалась несколько дальше и правее Керлина, и тогда Румянцев предполагал, что неприятель сражается или с его кавалерией, или с кавалерией князя Долгорукова.

А в это время полковник российской армии Минстер, перейдя Перзанту вброд, видел, как малочисленный гарнизон Керлина героически сражался шесть часов, но ничем не помог своим, считая, что опасно приближаться к многочисленному неприятельскому корпусу. Хорошо,

хоть догадался послать казака к Румянцеву с известием о происходящем в Керлине и в его окрестностях.

А несколько часов спустя явились казаки от Краснощекова с донесением, что князь Долгоруков с дивизией прибыл и в тылу неприятеля остановился лагерем. Как ни жаль было Румянцеву, но он не видел способов остановить марш дерзкого неприятеля, умело прошедшего там, где меньше всего его ожидали. Если бы князь Долгоруков мог бы воспользоваться случаем и ударить в тыл противнику, Керлин можно было бы спасти. Но не догадался, да и гонец командующего корпусом с нужным приказом куда-то сгинул. Пришлось отменить атаку. И весь хорошо продуманный план рухнул. Керлин оказался в руках пруссаков. А как можно было б наказать неприятеля за дерзость, рассчитанную на нерасторопность русского командования и его войск!

На рассвете 20 сентября Румянцев выехал на рекогносцировку. Не доезжая одной мили до Керлина, нашел полковника Минстера с отрядом в прежней позиции. А что он мог сделать? Никаких сведений о князе Долгорукове у него не было, взаимодействия с его войсками – тоже, а действовать самостоятельно не было никакого резону из-за малочисленности отряда.

Вот так и получилось, что неприятель сам шел в капкан, расставленный Румянцевым, но выскользнул из него из-за несогласованности действий его подчиненных.

Вскоре Румянцеву доложили, что неприятель, овладев высотами на левом берегу Перзанты, беспрепятственно вошел в ретраншемент осажденных, а большая часть корпуса Платена раскинула лагерь между деревнями Шпиги и Зелно... Итак, задача осложнилась: теперь левый фланг пруссаков упирался в ретраншемент на левом берегу Перзанты. Но Платен не успокоился на этом: он постоянно высылал на

Грейфенбергскую дорогу немалые отряды для активных действий.

Снова перед Румянцевым встала задача: как ослабить активность пруссаков на дорогах, которые соединяют Кольберг со Штеттином? Пришлось снаряжать команду под началом полковника Апочинина. Он должен был не только препятствовать прохождению транспортов, но и по возможности активно действовать против частей Платена.

Конечно, теперь принц Вюртембергский, сидевший в осаде, получил в изобилии боевые и продовольственные припасы, которые у него были уже на исходе.

Снова русским надо было дожидаться, пока у пруссаков припасы окажутся на исходе. А тут новые заботы доставила Румянцеву дивизия Долгорукова, прибывшая к нему на помощь. Она вовсе не имела хлеба, и он вынужден был из своего восьмидневного провианта уделить часть голодающей дивизии. И что же получается? Румянцев наладил снабжение корпуса еженедельными подвозами из далеких магазинов, на что имел свои военные резоны... Подвоз был регулярный, хотя это и трудно было наладить. Все было сочтено, взвешено, смеряно, а тут такой неожиданный удар со стороны дивизии князя Долгорукова. Да и с фуражом большие возникнут трудности... Это и понятно, фуражного магазина поблизости от корпуса он сделать не мог, потому что та часть Померании, где он расположился лагерем, полностью была использована и в этом отношении... Правда, хоть и с трудом, ему удавалось фураж получать, но вот теперь произошло несчастье: все жители по пути дивизии разбежались, а те, кто остался, сами себя пропитать не могут. Скот, естественно, забрали с собой, а потому уже сейчас ощущается большая нехватка во всем – и в фураже, и в провианте.

Наступило холодное и дождливое время. Начались болезни. Дороги стали непроходимыми и непроезжими. Но русские солдаты стойко сносили и болезни, и ненастную погоду. На батареях постоянно находились дежурные расчеты и стреляли по неприятелю, притесняя его ежедневно. А что делать дальше? Два выхода видел Румянцев из создавшегося положения: или укрепления неприятеля атаковать, или, отняв у него коммуникации, морить его голодом, тем самым понудить к вылазке или же отдалиться на милость победителя. Но в любом случае нужно, чтобы армия Бутурлина начала движение к Штаргарду, угрожая перекрыть коммуникации со Штеттином.

Но Бутурлин активности не проявлял. И о себе не сообщал ничего определенного. Лишь то, что собирается на зимние квартиры: навоевался, дескать, помучил армию маневрированием, и хватит.

Было над чем подумать Румянцеву... Легче всего было бы произвести атаку на неприятеля, но это было бы отчаяннейшим предприятием, которое не принесло бы русскому оружию ни чести, ни славы, зато полегли бы многие. Нет, на это он не пойдет...

С каждым днем Румянцев чувствовал, что самостоятельность его назойливо ограничивается. Он действовал по своему усмотрению только до возвращения армии Бутурлина в Померанию. Как только главнокомандующий покинул Силезию и двинулся на зимние квартиры в Польшу, он стал более придирчиво следить за действиями корпуса Румянцева. Свои предприятия не заладились, возвращался, как говорится, несолоно хлебавши, а потому хотелось ему отыграться на других. Хоть и считается, что Румянцев действует самостоятельно, но все-таки он подчиняется ему. Так почему ж не поучить молодого командира!

И Бутурлин стал бомбардировать Румянцева упреками один другого бестактнее... И даже взял под

защиту князя Долгорукова, который якобы не ведал, что в Керлине стоит русская команда. Зато Румянцева обвинял в том, что он, дескать, не осведомил Долгорукова об этом, отчего и произошло падение Керлина. Бутурлин выражал недовольство тем, что Румянцев оставил Штеттинскую и Трептовскую дороги свободными, а потому, дескать, Вернер свободно ушел из ретраншемента, а Платен в оный свободно вошел. А это означает, что неприятель не окружен и не блокирован в крепости.

Румянцев читал эти письма главнокомандующего, и горькие мысли и чувства одолевали его. Столько потрачено трудов, чтобы занять господствующее положение вокруг Кольберга, столько положено сил, столько крови русской пролилось!.. А тут не успел подойти, как выражает свое недоверие и недоумение по поводу его действий. И сразу ищет ошибки там, где их не было.

«Или он считает меня не способным командовать корпусом, не готовым для самостоятельных действий?.. – возмущался Петр Александрович. – Более того, видит в моих действиях и распоряжениях причину многих трудностей и недостатков, возникших при движении его армии! А некоторые мои донесения и рапорты подвергает сомнению, потому что они, дескать, не согласуются с рапортами князя Долгорукова... Вот ведь как... Князю верит, а мне, получается, нет? А ведь должен был бы знать, в каких труднейших обстоятельствах приходилось мне действовать. Неприятель отовсюду окружал, а надежды на помощь никакой. Пришлось дробить корпус на мелкие отряды. И лишь благодаря искусству и умению моих подчиненных удалось сделать то, что сейчас сделано... Теперь меня не сдвинешь с места: установлены батареи, которые держат под контролем все ретраншементы неприятеля. А ведь недовольным-то

Бутурлин оказался из-за того, скорее всего, что я осмелился ему посоветовать занять Штаргард и его окрестности как последнее средство к существенному притеснению и сокрушению неприятеля. Занял бы Штаргард – и получил бы провиант на всю армию, пресек всяческое движение к Штеттину и из него в Кольберг. Так нет ведь... Увидел упрек в моем совете и стал искать в моих действиях ошибки и просчеты. И что же я сказал? Раз армия движется в Померанию, то непременно стоит зайти в Штаргард, как место ближайшее и изобильнейшее, к тому же занятие сего места вовсе коммуникацию со Штеттином разорвет... Да, старики командуют армиями... Вот в чем беда, старики по духу, по привычкам... Вот думают, почему ничего не получается с осадой... А как же получится, если даже осадная артиллерия вышла из строя, одиннадцать из двадцати двадцатичетырехфунтовых пушек раздуты и отправлены на кораблях в Пиллау. Да и другие по сему примеру, как не весьма надежные и всякое движение затрудняющие, отправлены на галиотах. И если ветер будет попутный, то уже вскоре придут к месту, пусть там что хотят с ними делают, только не считаются за мной как исправные...»

Но больше всего удивляла позиция Бутурлина как защитника нерасторопности и нераспорядительности генералов Берга и Долгорукова. Румянцев старался установить с ними связь для совместных действий. И это легко доказывается тем, что он отправил свои легкие войска навстречу войскам Берга и Долгорукова, постоянно посылал к ним нарочных с приказом всячески воспрепятствовать соединению оставшихся после разгрома солдат и офицеров корпуса Вернера с корпусом Платена. Но остатки корпуса Вернера беспрепятственно влились в корпус Платена. А можно было бы этого не допустить.

Бутурлин оправдывает и бездеятельность князя Долгорукова, мимо дивизии которого ловко прошел корпус Платена. Дескать, не успел, не знал, не видел... Как же не знал, не видел?.. На реке Перзанте шесть часов раздавалась пушечная пальба, которую было далеко слышно.

Румянцев послал своего офицера к Долгорукову, который и сообщил ему о движении корпуса Платена, об осаде Керлина. Долгоруков, получив ордер Румянцева, должен был сам, как опытный генерал, разведать то место, где расположился, и пристальным досмотром разузнать о неприятеле все, что только возможно. Да и по карте можно было все точно определить: река Перзанта на карте точно обозначена.

Не раз Румянцев перечитывал ордер Бутурлина и чаще всего возмущался несправедливым к себе отношением. Что это? Зависть? Глупость? Недомыслие? Вместо того чтобы призвать к порядку князя Долгорукова, обвиняет Румянцева во множестве упущений. Почему? Фельдмаршал Бутурлин должен знать, что всякий корпус путь свой определяет только после выдвижения авангарда и разведки пути следования, а особенно вблизи неприятеля. Всякий генерал должен иметь добронамеренные предприятия, основывать оные на военных правилах...

Но нет, оказывается, все генералы думают по-разному, а потому и принимают разные решения при одних и тех же обстоятельствах. Может, генерал Румянцев менее всех разбирается в военном ремесле и не может обо всем этом судить по справедливости? Может, Бутурлин прав? Нет! Старик пристрастен... Единственное, в чем он разбирается, так это в вине. И уж совсем возмутил Румянцева еще один упрек, совершенно несправедливый... Дескать, князь Долгоруков сообщает, что жители окрестностей Керлина разбежались. А при чем здесь Румянцев? Он не

может быть причиной тому... До прибытия дивизии Долгорукова все жители жили в своих домах со скотом и пожитью, отдавая по расписаниям назначенное в контрибуцию, но только без ущерба для себя... Рядовые довольствовались каждодневно, получая свои порции по запискам, сколько им положено было, офицеры платили деньги, покупая по вольным ценам у обывателей и маркитантов. А сейчас весь этот с таким трудом налаженный порядок пропитания в ничто обратился, как только прибыла дивизия Долгорукова со своими порядками и обычаями. А все потому, что нет дисциплины. Князь Долгоруков по-прежнему считается только с ордерами Бутурлина, а Бутурлин дал распоряжение брать три части обывательского скота, а это противоречит распоряжениям Румянцева и установленному порядку. И ведь просил князь Долгорукова, чтоб он не забирал скот в деревнях, расположенных между тяжелым обозом Румянцева и лагерем... Такие меры, конечно, уничтожат все возможности продовольствовать людей и лошадей, отнимут сим все способы войскам ее императорского величества держаться в Померании...

Трудно было Румянцеву согласиться с такой несправедливой оценкой своей деятельности и оправданием бездеятельности других. Таков уж был его характер, неуступчивый и бескомпромиссный.

Повседневные дела отнимали у него много времени. То и дело от его палатки отъезжали офицеры с пакетами, в которых были указания тем или иным отрядам. У привязей фыркали лошади. Подъезжали офицерские и генеральские экипажи, приехавшие заходили к Румянцеву посоветоваться и просто поговорить о последних новостях, получить указания о предполагаемых действиях... Сколько дел, забот, хлопот, сколько всяческих недоразумений, обид, сколько конфликтов! У Румянцева порой голова шла

кругом, дня не хватало на решение всех этих дел, порой ночь приходилось прихватывать.

Эти месяцы измотали Петра Александровича как никогда... И странное дело, ни одной жалобы никто от него не слышал ни на перегрузки, ни на плохое самочувствие...

И лишь поздней ночью Петр Александрович оставался один и подводил, чаще всего неутешительные, итоги дня. Даже в том случае, когда день прошел благополучно и не было явных просчетов со стороны его подчиненных, он оставался недоволен собой. Такая уж у него натура, что он всегда хотел больше, чем возможно было по его силам.

Вот требуют от него активных действий, чтобы успешно завершить кампанию, а главное – отрапортовать о том императрице. А ведь это сейчас невозможно без пролития моря крови русских солдат и офицеров. Слишком много ушло на подготовку, за это время значительно увеличился гарнизон защитников, а сама крепость стала неприступной. А почему об этом не подумали в начале кампании? Теперь Бутурлин готов отдать все свои легкие войска, два гренадерских конных, четыре или пять пехотных полков. И сверх того, до поздней осени будет здесь пребывать вся наша армия, пока позволит погода ей своевременно пропитание получать. А цель – выжить неприятеля из его укреплений... Конечно, неприятель будет испытывать острую нужду в дровах, будет замерзать; пока, правда, в провианте и овсе он нужды не имеет... Ну, пройдет время, нужда будет во всем, если Штеттинскую, Трептовскую и Каминскую дороги пресечь.

Бутурлин, конечно, думает, что легко и просто какое-либо полезное предприятие над неприятелем сделать и не только его из укреплений выбить, но и крепость Кольбергскую занять. Издалека все кажется

легким, а будь на его месте, не так бы заговорил... Румянцев снова спорил со своим главнокомандующим, который мало что понимал в военном искусстве, иначе не ушел бы из Силезии без авантажей...

Или вот еще одна нелепость не раз возмущала Румянцева.

Конференция предполагала направить часть армии на Берлин, рассчитывала на трехмиллионную контрибуцию, на богатую добычу мундирных и амуниционных вещей, большое количество берлинских лошадей, на полевую артиллерию... И все это передать намечала корпусу Румянцева. Дело не сделано, но уже об этом говорили, как будто сие свершилось и корпус обеспечен всем необходимым.

Сколько ж можно так нелепо руководить политикой России!.. Хорошо, что задумали снова взять Берлин. Действительно, Фридрих увяз в окрестностях Швейдница и далее в Верхней Силезии пребывать будет; действительно, принц Генрих в Саксонии, так что прусские армии и в самом деле остались на той стороне Одера. В Петербурге не учли только самой малости: недостаток в провианте, худое состояние лошадей и весьма ненастливое время делают покушение на Берлин невозможным.

...А под начало Румянцева продолжали поступать подкрепления: генерал-поручик Петр Панин привел два кавалерийских и два казацких полка, восемь батальонов пехоты с полковой артиллерией, две партии шуваловских орудий. А от такой прибыли не только горделивое чувство испытываешь – ведь, в сущности, целая армия под его командой, – но и тягостные заботы бередают сердце: не хватает фуража. Того, что заготовлено, хватит лишь на короткое время. Лишь сено можно закупить в Польше, а все остальное должно быть доставлено из магазинов в Лебе водою или сухим путем...

Но особая забота – стратегический план затянувшейся войны... Румянцев надеялся, что взятие прусским королем Швейдница повлечет за собой активные действия союзников под Бреславлем, и тогда Фридрих вынужден будет сосредоточить силы в Силезии и домогаться через решительную баталию успокоить себя на зимних квартирах. Нужно будет в сих обстоятельствах усилить ему свои войска и в Саксонии. А если он надумает активизировать действия и в Мекленбурге против шведов, то ясно, что он в Померании не может оставить такое количество войска.

Раздумья Румянцева были прерваны. Вошел офицер, доложивший, что бригадир Краснощеков велел передать – 20 тысяч неприятельской кавалерии помаршировали к Трептову. «Так, – подумал Румянцев, – неприятель вышел из ретраншемента, не усидел-таки... Что ж, конницу трудно содержать на одном месте, вот и подался генерал на маневрирование».

– Продолжайте наблюдать за действиями неприятеля и докладывайте мне.

Офицер вышел.

Румянцев вызвал дежурного генерала.

– Где же теперь находятся Панин и Берг? Где именно их посты сейчас расположены? И в каком числе и какими войсками заняты?

– Никаких известий нет от них, ваше сиятельство.

– Как только будут, сообщите мне немедленно. Без этого не могу принимать соответствующие меры. А между тем такой случай я давно искал...

Судя по всему, предстояли серьезные бои, а сил для этого не хватало. Румянцев снова обратился к графу Бутурлину с просьбой выделить ему полк кирасир и три полка гренадер, потому что те драгунские полки, которые были предоставлены в его распоряжение, из-за плохого состояния людей и лошадей были почти неспособны к ведению боевых действий. Серьезной

проблемой оказалось и отсутствие штатных генералов. На весь корпус осталось два генерал-поручика и четыре бригадира – остальные заболели. К тому же офицерам вот уже несколько месяцев не выплачивали жалованья, а денежная казна корпуса пуста... Но и из такого трудного положения надо искать достойный выход. И Румянцев искал...

Трептов – небольшой, хорошо укрепленный городок, с мощным неприятельским гарнизоном. Городок стоит на западном берегу реки Гери, быстрой, многоводной после обильных и частых дождей, и является одним из пунктов охраны коммуникаций со Штеттином. С приходом под Кольберг Платена значение этого городка увеличилось, потому что он имел постоянную связь как с ретраншементом Кольберга, так и со Штеттином.

В Наугарде остались легкие войска, а армия Бутурлина медленно двигалась к Висле, на зимние квартиры. Генерал-майор Берг оставался в распоряжении Румянцева и должен был всячески способствовать успеху его предприятий.

Румянцев прежде всего решил провести операцию по разрушению коммуникаций неприятеля. Для этого нужно было во что бы то ни стало захватить Трептов, тем самым перерезав связь осажденных со Штеттином. Оставив за себя князя Долгорукова с наказом связать по рукам и ногам принца Евгения, дабы он не мог оперировать своими войсками, Петр Александрович перешел реку Перзанту и двинулся с несколькими батальонами к Трептову.

Стояла ненастная, холодная погода. Дул пронизывающий ветер с дождем. Комья грязи налипали на обувь, так что трудно идти. Через несколько часов марша 3-й гренадерский, Новгородский полки, четыре гренадерских батальона, вся кавалерия корпуса,

перейдя реку Перзанту, вступили в деревню Грине. Румянцев, расставив посты, послал полковника Апочинина с сильным отрядом в сторону Трептова.

Вскоре Румянцев получил от полковника рапорт, из которого следовало, что в город вошел большой отряд генерала Кноблоха. Он послан герцогом Вюртембергским для установления связи с генералом Платеном, вышедшим из ретраншементов с большей частью своего корпуса для доставки провианта и амуниции в Кольберг, защитники которого уже начали испытывать во всем нужду.

Петр Александрович дал знать генералу Бергу, что Платен вышел из ретраншементов и немалыми силами действует в разных местах между Грейфенбергом, Трептовом и Кольбергом, его кавалерийские отряды ежедневно меняют свои позиции, так что уследить за их передвижениями становится все труднее. И просил его уведомлять о встречах с неприятелем.

Но генерал Берг не откликнулся. Он был старше по возрасту и считал Румянцева выскочкой, занимавшим место командующего корпусом не по праву. Тогда Петр Александрович приказал полковнику Апочинину примечать всякое движение неприятеля, не сторониться его, вступать с ним в бой, не пропуская ни одного благоприятного случая. Узнав о приближении генерала Берга с легкими войсками, перейти под его команду и совместно с ним действовать.

Но ничего не получилось из хорошо разработанной операции: неприятель, завидев приближение кавалерии Берга, почел за лучшее не вступать с ним в бой, а уйти на соединение с деташементом, бывшим в Трептове, а потом двинулся к местечку Кильсоу, оставляя Штеттинскую дорогу слева. Ясно было, что неприятель все точно рассчитал и уходит к Штеттину, куда пропускать его ни в коем случае нельзя. Румянцев тотчас послал командиру приданной дивизии письмо, в

котором сообщил об этой группе неприятеля и выразил надежду, что он сделает все для того, чтобы разбить батальоны неприятеля, оторвавшиеся от основных сил.

А пока Румянцев, подойдя к Трептову, увидел, что мосты через реку Регу разрушены и город уже подготовлен к обороне. Осмотрев его окрестности, он понял, что со стороны реки атаковать рискованно, можно много крови пролить, и все понапрасну... На рыбацкой лодке переехал реку и тщательно обследовал предместья. Со стен города стреляли, но Румянцев благоразумно не подходил на пушечный выстрел. Особенно внимательно осматривал Румянцев ворота – слабое место любой крепости. Оказалось, что гарнизон Трептова все ворота забил и завалил так, что штурмовать их невозможно. Один был только выход: перевезти на эту сторону пушки, открыть огонь, пробить брешь в стене и штурмовать город.

Вернувшись с рекогносцировки, Румянцев узнал, что бригадир Брандт со своим отрядом загнал неприятельские посты в ретраншемент у деревни Зелно, на этой стороне реки Перзанты, занял все дороги и пасы, установив посты, крепко встал со своими четырьмя батальонами пехоты, восемью эскадронами драгун и двумя полками казаков. Бригадир Брандт – опытный командир, сделает все так, как положено, – неприятель не пройдет там, где его поставили... Да и князь Долгоруков на этот раз умело поддержал действия бригадира, к тому же выставил у моста готовые к сражению батальоны, а по другую сторону моста – необходимое количество людей, чтобы иметь постоянную связь с Румянцевым.

Таким образом, сковав действия принца Вюртембергского, Румянцев лишил генерала Кноблоха всякой надежды на помощь. Да и Платен, готовый прорваться к Кольбергу, столкнулся с дивизией

Фермера, оставленной на этот случай фельдмаршалом Бутурлиным.

Теперь Румянцев стал решительно действовать против Трептова. Все предвещало ему успех. Положение гарнизона было безнадежным. Но генерал Кноблох, ссылаясь на свой довольно почтенный возраст и военный опыт, отверг капитуляцию.

Оставалось одно – штурм. Румянцев вызвал генерал-квартирмейстера Вяземского и приказал ему построить мосты через Регу. Вяземский тотчас отправился со своей командой вверх по реке. Но лесов, подходящих для строительства мостов, не обнаружил. Пришлось разобрать несколько домов и сплавить бревна к Трептову. Однако выяснилось, что бревна слишком коротки и для сооружения моста не подходят. Тогда построили надежный плот и перевезли на нем пушки. И открыли по городу огонь. Вскоре в крепости загорелись дома... Кноблох упорствовал.

Румянцев передал, что тот будет в ответе за гибель многих ни в чем не повинных жителей. Город окружен, и у него нет иного выхода, как сдаться со всем отрядом на милость победителя. Но и на это требование Кноблох ответил отказом, попросив при этом сберечь большой и хорошо построенный дом принца Вюртембергского. «Странная просьба, – подумал Румянцев, – как будто принц не участвует в сей войне... Впрочем, прикажу поберечь этот дом, но за сохранность его ручаться нельзя».

А вскоре от перебежчика Румянцев узнал, что в этом доме скрываются важные военные и гражданские лица как в безопасном пристанище. «Вот немецкое коварство, – подумал Румянцев. – Хотели хитростью спастись, но нет, хватит с ними быть благородным». И приказал снова открыть огонь по городу и по дому принца. Пятьдесят выстрелов произвели должное

впечатление на упрямого Кноблоха, понявшего, что его хитрость разгадана.

Прибывший адъютант вновь спросил об условиях сдачи.

- Я уже передавал условия сдачи. Господин генерал-майор Кноблох их знает. Если вы согласны с ними, то принимайте решение... Я не имею лишнего времени в сих договорах упражняться, мое намерение штурмовать Трептов твердо. У нас все для этого готово.

- Ваше сиятельство, - сказал адъютант, - наше бедственное положение понуждает нас склониться на все ваши требования.

- В таком случае для подписания условий капитуляции поедет с вами князь Вяземский.

На следующий день, 14 октября, после подписания капитуляции, весь гарнизон Трептова с барабанным боем вышел в Кольбергские ворота и сложил ружья, знамена, оружейные вещи. Военнопленными русских стали генерал-майор Кноблох, 1 генерал-квартирмейстер, 3 полковника, 52 майора и обер-офицера, 129 унтер-офицеров, 1503 рядовых... Среди трофеев - 15 знамен, 7 пушек.

Румянцев разрешил генерал-майору Кноблоху, сказавшемуся больным, не присутствовать при церемонии капитуляции. Он был великодушным к поверженному неприятелю.

Румянцев стоял и смотрел на всю эту торжественную церемонию, радовался победе, доставшейся без потерь. А мысленно уже снова был под Кольбергом, где неприятель так крепко закопался в ретраншементах, ставших неприступными.

Генерал-майор Кноблох и весь его штаб и обер-офицеры дали подписку не участвовать в войне с русскими и были отпущены по месту жительства. Унтер-офицеры и рядовые были отправлены под надлежащим присмотром в Керлин. Пушки, кавалерийские и

артиллерийские лошади, оружейные вещи и амуниция были использованы для укомплектования полков, знамена неприятеля отправлены в ставку армии.

Но главное было даже не в этой капитуляции. Главное - Румянцев лишил Платена надежд на безопасность дороги Кольберг - Штеттин. Отныне русские войска будут диктовать свои условия. Воодушевленный Румянцев вернулся к своим войскам, осаждавшим Кольберг.

Но только удалось перехватить инициативу, как поступило распоряжение Бутурлина отходить на зимние квартиры. Главнокомандующий, ссылаясь на привычные методы ведения войны, напоминал, что наступившие дожди, непогода, заморозки доведут корпус до крайнего оскудения, нужно сберечь людей и лошадей, а о взятии Кольберга лучше не помышлять. Он распорядился оставить генерал-майора Яковлева с двумя полками в Грейфенберге и подчинил его Румянцеву. Генерал-майор Берг с легкими войсками также оставался в его полном распоряжении. Два кавалерийских, все гусарские и казацкие полки Берга должны содержать пост в Гольнове для того, чтобы наблюдать за передвижениями неприятеля и тут же сообщать о них Румянцеву. А если неприятель пойдет на Гольнов с превосходящими силами, то Бергу следует отступить к Грейфенбергу для соединения с пехотными полками генерал-майора Яковлева.

Румянцев прибыл в лагерь под Кольбергом. Как он и предполагал, сведения, полученные от дезертиров и перебежчиков, свидетельствовали о том, что корпус принца Евгения терпит большие лишения: не хватает продовольствия, а также боевых припасов. Особо убедил его в том рапорт генерала Берга, в котором сообщалось, что Платен, собрав транспорт в 5 тысяч фур, выделив для сопровождения 9 тысяч солдат, пытается прорваться в крепость.

Нужны были немедленные ответные меры. Румянцев направил в помощь генералу Бергу бригадира Краснощекова с казацкими полками, приказал полковнику Апочинину, стоявшему в Трептове, с двумя легкими батальонами и Рижским гренадерским полком идти на соединение с частями генерала Берга и совместно сокрушить отряд Платена и не пропустить транспорт.

У Румянцева было такое предчувствие, что назревают решительные события и не обойтись без кровопролитной битвы.

Глава 8

Шкатулка императрицы

Беспокойно было на душе ее императорского величества Елизаветы Петровны. Сколько уж раз в последние годы она оказывалась в постели, сваленная беспощадными припадками: падала в обморок, горлом шла кровь. Потом врачам удавалось кое-как поставить ее на ноги. Она начинала выходить в свет, жизнь двора входила в свое привычное русло... Но она-то прекрасно понимала, что жизнь ее подходит к концу. Правда, наступали и минуты просветления, она чувствовала прежние силы, и мрачные предчувствия забывались. Она становилась такой же веселой и жизнерадостной, как прежде.

Только не надолго отпускали болезни, терзавшие ее, и она все чаще задумывалась о том, сколько замыслов не удалось ей осуществить в свое царствование. Почти двадцать лет огромная Россия была послушна, исполняя ее повеления. И что ж?.. Кое-что из начинаний отца, Петра Великого, ей удалось осуществить, а кое-что она попыталась лишь восстановить, порушенное прежними властителями, в особенности двоюродной ее сестрой Анной Иоанновной и ее немецкими любимцами – Бироном, Минихом, Остерманом и многими другими...

Нет, не так уж много удалось ей сделать! Ну, отменила смертную казнь, но без каторжной Сибири не обошлось и ее царствование. Скольких пришлось за те или иные прегрешения сослать, отбирая у них имения, дома, драгоценности, деньги! Видно, без этого невозможно обойтись ни одному правителю. Ну, вернула русским бразды правления государством, отстранив иностранцев.

Вот, пожалуй, и все. Видно, слишком много она уделяла внимания балам, веселью, удовлетворению своих малейших прихотей и страстей... Полной мерой было отпущено ей наслаждений. Как женщина она взяла от жизни все, что только можно было пожелать. И ее любили, и она любила. Все ее любовники заняли видное положение в обществе. Жизнь ее была бы совсем прекрасной, если б не десять лет правления Анны Иоанновны, когда ее мучили вечное безденежье, боязнь оступить, чем-то прогневить ревниво наблюдавшую за каждым ее шагом императрицу. Досадно было Елизавете Петровне и то, что именно ей, так хотевшей мира и тишины, чинного благолепия и радостного веселья на куртагах, все-таки пришлось воевать с Пруссией. Да и не только с ней. Даже внутри императорского двора шла скрытая вражда, и она, как ни скрывали от нее, страдала от этого недружелюбия близких ей людей.

Припадки, становившиеся все чаще, ослабляли ее, но природный ум дочери Петра по-прежнему был тверд и ясен... Много нерешенного, сложного, противоречивого остается после нее... И как все это разрешить в оставшиеся дни? Она не знала, и в смерти она видела сладостное избавление от всего этого мелкого, сиюминутного... Она хорошо знала, что наследник русского престола Петр Федорович, ее племянник, внук Петра Великого, не любит Россию и все русское. Он даже не выучился русскому языку, еле-еле может изъясняться. А что она могла поделать? Лишить его престола? Объявить наследником его сына Павла? А его самого выслать? Но какие придумать законные резоны?.. Может, исправится? Ишь какой ласковый в последние дни, почти не отходит, все время у ее постели, лобызает руки в порыве любви и сострадания к ее мукам. Как же она может отказать внуку Петра в праве на престол деда!.. Как быстротечно было

правление Петра II, старшего внука Петра Великого! Может, этот внук будет счастливее?.. Да нет! Она не верила Петру Федоровичу и мучилась от сознания своего бессилия что-либо поправить в надвигающихся с неотвратимостью рока событиях.

Беспокоили ее слухи о переписке Петра Федоровича с Фридрихом II, в которой будто бы наследник русского престола выдает своему кумиру государственные тайны. Трудно поверить в такую мерзость ей, привыкшей вести честную и открытую политическую борьбу. Стоило ей узнать, что Фридрих слишком вольно отозвался о ней как о женщине, как с той же минуты она возненавидела его. Это до известной степени предредило ее союз с Австрией и Францией против прусского короля. И сколько уж лет идет война с ним... Что делать? Что делать?..

А что Екатерина Алексеевна, великая княгиня, бывшая ангальт-цербстская принцесса? Все читает небось, все читает... И скачет верхом, своевольница... Уже как она, российская самодержица, наказывала следить за ней, пресекать всяческую ее самостоятельность, но великая княгиня всегда находила лазейки, чтобы нарушить императорские запреты, хотя и прикидывалась смиренницей... Да, с такой супругой несдобровать бедному великому князю... Уж сейчас умудряется изменять, а ему хоть бы что. И знает об этом, но ничего не предпринимает, даже не жалуется. Находит утешение у молоденьких фрейлин. И просчитается, бедняга. Уж слишком добр и прост, откровенен, ничего не таит за душой, все у него на лице написано... Ох, как нелегко ему придется...

И Елизавета Петровна вспомнила, как больше тридцати лет назад сестра ее, Анна Петровна, бывшая замужем за герцогом Голштинским, сообщила ей радостную весть: у нее родился сын. А Мавра Егоровна Шепелева, подружка по детским забавам, писала ей о

чепчиках и пеленках, которые, по бедности своей, Анна Петровна сама шила для ребенка, вовсе не подозревая, что он станет со временем наследником российского престола. Конечно, бесценная Мавра писала не только о чепчиках и пеленках, но и о тех молодых людях, которые нравились Елизавете Петровне и жили в тех далеких краях... И сколько лет Мавра Егоровна служила ей верно и преданно. Но вот уж два года, как она умерла. Она и ее муж, Петр Иванович Шувалов, подарили ей Ивана Ивановича Шувалова, драгоценнейшего по уму и такту, скромного, даже застенчивого, человека... И сколько он уж сделал для родного Отечества: основал Московский университет, Академию художеств в Петербурге, заказал «Историю Петра Великого» Вольтеру, снабжал его материалами, постоянно помогает Ломоносову в борьбе с немцами. Сам не отрывается от книг, все что-то пишет. А сколько картин он уже приобрел на Западе, ведет переписку с российскими послами в Вене, Лондоне, Париже! Нет, не зря она доверила ему в последние месяцы заниматься дипломатическими делами государства. Вместе с канцлером он уже сделал первые удачные шаги на этом поприще. Не ей же заниматься этими делами с ее здоровьем.

- Эй! Кто-нибудь... Егоровна! - слабо произнесла Елизавета Петровна, но тут же вспомнила о смерти своей любимицы. - Позовите Ивана Ивановича! Кончилась ли Конференция-то? Что они там решили?.. - словно извиняясь за опрометчиво вылетевшее слово, говорила Елизавета склонившейся над ней статс-даме.

Казалось бы, думай о себе, замаливай свои грехи, больше думай о Боге, о скорой встрече с ним, но живой думает о жизни и отгоняет прочь самое страшное.

Весь этот год Елизавета Петровна превозмогала недомогание: то утрами кровь шла горлом, то лихорадило ее по целым дням. А в июле упала без

чувств и пролежала несколько часов без сознания. Уныние царило при дворе. Но в сентябре ей стало лучше, снова она занялась делами. На первом же куртаге испанский резидент и его супруга нарушили придворный этикет: маркиз поцеловал руку императрице и великой княгине Екатерине Алексеевне, а его супруга - только императрице. Когда ей напомнили об этикете, маркиза, сделав вид, будто не слышит, лишь поклонилась великой княгине. Возмущенная Елизавета сказала канцлеру Воронцову, что такое нарушение этикета не должно оставаться без последствий. На следующий же день Воронцов высказал недовольство испанскому резиденту. Но тот сослался на французского посла в России, посоветовавшего ему отказаться от строгого соблюдения этикета по отношению к великой княгине... И полетели депеши в Мадрид, Париж...

Нет, она не могла оставить без последствий такое неуважение к будущей российской императрице... Нет, это не пустяки...

А совсем недавно Петр Федорович стал бряцать оружием и хвастался, что он, как герцог Голштинский, никогда не откажется от своих прав на Шлезвиг, захваченный Данией, и лично поведет войска против захватчицы. Конечно, в Дании переполошились, готовились к войне с Россией. Но выгодна ли эта новая война? Великий князь даже не подумал об этом, увлеченный своими мелкими эгоистическими расчетами.

Чаще всего Елизавета Петровна задумывалась о войне с Фридрихом, о Померании и Кольберге, куда переместились интересы воюющих держав. Бутурлин слал радужные реляции, а ей становилось горько и от его вранья, и от беспомощности что-либо поправить. Ведь именно она сама, привлеченная мужественной красотой Александра Бутурлина, сделала его своим

ближайшим человеком еще в годы их юности. Благодаря ей, Елизавете, Бутурлин стал пользоваться вниманием и Петра II, который пожаловал его действительным камергером, кавалером ордена Александра Невского, генерал-майором и унтер-офицером кавалергардского корпуса... При Анне Иоанновне занимал второстепенные губернаторские места, а при ней, Елизавете, сразу стал правителем Малороссии, генерал-аншефом. Она же отдала под его команду войска Лифляндии и Эстляндии, потом пожаловала его сенатором, наконец, вручила ему фельдмаршальский жезл и совсем недавно графское достоинство... А он ничуть ей не отплатил за всю ее доброту и благоволение... Только водка, видно, у него на уме. Иначе как же объяснить все его бесцельные марши туда-сюда - от Познани к Бреславлю, а от Бреславля к Познани? Зря она вручила ему армию... Видно, правы те, кто говорил: «Петр Семенович Салтыков поехал в прошлом году к армии мир делать, но мира не сделал, а Бутурлин, конечно, не сделает ни мира, ни войны...» Так оно и получилось: 120 тысяч союзных войск не могли одолеть 60 тысяч Фридриха. Вот только один Румянцев и остался действовать против Кольберга, а все другие во главе с фельдмаршалом отправились на зимние квартиры. И на этот раз не удалось проучить строптивного прусского короля...

Неожиданно мысли Елизаветы Петровны перекинулись на Зимний дворец, который она приказала достраивать еще семь лет назад, в 1754 году. Растрелли взялся все сделать быстро, но война помешала. И вот до сих пор она еще не въехала в Зимний, хотя так хотела пожить в нем, уж очень ей нравилось там. В дни просветления она часто думала о том, как она будет счастлива под одной крышей со своим фаворитом Иваном Шуваловым, которому сейчас

приходится ездить к ней из своего собственного дома, пусть недалеко расположенного, но все-таки...

«Сколько уж прошло времени с тех пор, как я позвала его, а он еще не пришел, – тоскливо думала Елизавета Петровна. – Сколько ж может продолжаться война, опять уж скоро зима, а войне нет конца! Снова австрийский посол Эстергази будет выражать недовольство действиями главной русской армии, так ничего существенного и не добившейся за эту кампанию... О Господи, пощади меня, дай спокойно умереть, без этих страшных болей...»

– Егоровна! – простионала императрица. И снова в ужасе вспомнила, что верной подруги нет более в живых.

Другая дама, вопросительно поглядев на нее, тут же подошла к Елизавете Петровне, готовая исполнить любую ее просьбу.

– Иван Иванович пришел?

– Сейчас он придет, ваше величество. Успокойся, матушка наша родимая, да и не думай о делах-то, пусть Конференция думает, а ты о чем-нибудь веселеньком...

Иван Иванович Шувалов спешил к Елизавете Петровне, вызванный с заседания Конференции посыльным камер-юнкером. Впрочем, заседание тут же и закончилось: все члены Конференции насторожились в ожидании самых мрачных известий, зная, насколько больна императрица. Шувалов же думал о другом. Скоро, 1 ноября, ему исполнится тридцать четыре года. Может, матушка-царица вспомнила об этом дне и хочет преподнести какой-нибудь подарок или что-то сказать в связи с этим? Только вряд ли она вспомнит о дне его рождения: не до того ей сейчас. А как было радостно смотреть на нее, когда она недавно, почувствовав себя получше, пожелала осмотреть Зимний дворец, приказала очистить место для кареты, спокойно

уселась в подъемный стул, специально обитый для нее бумажными обоями, и придирчиво осмотрела почти готовый дворец. Довольная увиденным, попросила Растрелли поскорее отделять ее покои.

Растрелли, конечно, как всегда некстати, напомнил государыне о своевременном отпуске денежных сумм. А все деньги война поглощает... Сколько ж еще придется воевать? Никто предсказать не может, всем война надоела, всех измотала до предела. Франция первая взмолилась и в начале года предупредила своих союзников, что не в состоянии содержать столько же войска, как и прежде, не в состоянии выполнять взятые на себя союзнические обязательства. Мария-Терезия тоже не против заключить мир, оставив за собой хотя бы часть завоеваний, которых добилась Австрия в ходе сражений с прусским королем. России тоже нужен мир. Но столько было затрачено усилий, материальных и людских ресурсов, что было бы справедливо в ходе переговоров существенно ослабить прусского короля, дабы в Европе могли спокойно и безопасно трудиться над восстановлением благосостояния всех держав. Ослабление прусского короля – это мера против новой войны... Но стоило России заговорить об этом, как тут же нашлись у него защитники. И Фридрих так долго мог противиться самым сильным державам в Европе только благодаря этим приверженцам.

А фельдмаршал Бутурлин... Хоть он бы что-нибудь сделал для заключения мира! Но нет, все время провел в бессмысленных маневрах, вместо того чтобы предпринимать решительные действия. И к тому были все условия – и приличное состояние армии, и известная храбрость наших войск, и слабость прусского короля, и соединение усилий с австрийцами. Но Бутурлин в каждом своем донесении выдвигал какое-либо новое намерение, противоположное тому, что было в предыдущем. И ни одно из предложений и намерений

не было исполнено. А ведь даже невоенному человеку совершенно ясно, что от скорости его движения в Силезию многое, если не все, зависело в этой кампании. Ему больше всего нужно было поспешить в Силезию, чтобы объединенными силами разбить короля и продиктовать ему условия мира. Он же медлил, а неприятель смело обращал свои силы в другую сторону и успевал противостоять союзникам.

Удивительнее всего, думал Иван Иванович, что остановился под Бреславлем и ничего не сделал, чтобы взять его, хотя гарнизон его незначителен, поблизости неприятеля не было. Все, казалось, предвещало успех. Но Бутурлин созвал совет, заявил о мнимых трудностях. Ну и, ясное дело, совет решил не идти на Бреславль. Да и дальнейшие действия Бутурлина свидетельствовали о его неумении маневрировать большими силами и непонимании своих стратегических задач... Так, во всяком случае, говорили на заседаниях Конференции, и Иван Иванович подробно докладывал о том ее императорскому величеству, когда у нее пробуждался интерес к земным делам.

Как была недовольна императрица, узнавшая, что Бутурлин отказался от нападения на неприятеля, а вместо этого пошел на Швейдниц! Елизавета Петровна была весьма раздражена и серьезными противоречиями, которые наблюдались в реляциях Бутурлина, - противоречиями между его решениями и известными обстоятельствами, которые диктовали совсем другие действия и решения... Как можно было не воспользоваться объединенными силами русских и австрийцев и не ударить по неприятелю, весьма смущенному таким превосходством стоявших против него сил! А вместо того чтобы ударить по неприятелю, и русский и австрийский главнокомандующие потратили много времени на бесплодные и бесконечные совещания. Венец славы уже висел над ними, но два

фельдмаршала безвозвратно его потеряли. И вся Европа говорит, что русские всю кампанию думали лишь о том, как бы протянуть время и, ничего не сделав, возвратиться домой... Может, хоть граф Румянцев своими успехами поправит это неблагоприятное впечатление?

С этой мыслью Шувалов и вошел в покои императрицы. Елизавету Петровну принарядили, нарумянили, она полулежала на высоко взбитых подушках и с нетерпением смотрела на дверь. Как только Шувалов вошел, она знаком руки попросила всех оставить их вдвоем.

- Ваше величество... - начал было Иван Иванович.

- Ах, перестань величать меня, мой друг... Мне не до этого. Опять я хуже себя чувствую, чем вчера... Не перебивай меня и не утешай. Я хочу обеспечить твою жизнь... Ты недавно отказался от шести тысяч душ крепостных, воля твоя, но скажу, что напрасно. Ты ж небогат, а от всего отказываешься.

Иван Иванович видел, как трудно говорить Елизавете Петровне, но покорно повиновался ее приказу: не перебивать ее.

- Ваня! Возьми мою шкатулку и не открывай ее пока. Там только мои личные вещи, я никому не хочу их доверять... Возьми на память. Не отказывайся, возьми. Ты знаешь, где она хранится. Подай мне ее...

Он вынул из туалетного столика шкатулку и подал ее императрице. Она молча взяла ее, подержала в руках и тут же вручила Ивану Ивановичу.

- Ну, теперь я спокойна... Что решили на Конференции? И что слышно о Румянцеве? Неужто и он думает уже о зимних квартирах? - И столько было в ее вопросах живого интереса, что Иван Иванович вздрогнул от неожиданного поворота в разговоре. Ведь только что прощалась с жизнью, вручая ему свое завещание, посмертную волю, а тут такой интерес...

- Только что получили реляцию фельдмаршала Бутурлина, ваше величество, в которой он доносит о всех успехах, кои победоносное ваше оружие доньше одержало.

- И конечно, преувеличивает успехи и преодолеваемые им трудности? - язвительно спросила императрица.

- Да, он объясняет свое возвращение в Польшу тем обстоятельством, что неприятель предпринял два весьма важных и опасных для нас действия. Он намеревался скоропостижным вступлением в Польшу тамошние наши магазины разорить и тем самым принудить нас к отступлению - и тем ранее окончить нынешнюю кампанию...

- А второе?

- Совершить скорый марш к Кольбергу и превосходящими силами атаковать Румянцева и разбить его. А по меньшей мере к тому принудить, чтоб он блокаду крепости оставил и Померанию очистил.

- Ну и что же граф Румянцев?

- Получается, ваше величество, что он успешно противостоит неприятелю только потому, что Бутурлин приблизился к зимним квартирам. Но помощь его, дивизия князя Долгорукова, опоздала, и корпус генерала Платена проскочил в Кольберг и соединился с гарнизоном. А о Румянцеве Бутурлин, как обычно, скупно доносит. Все больше о других успехах, носящих частный и незначительный характер...

- Узнаю этого сластолюбца. Верен себе: ему лишь была бы кружка с питьем, может подгуливать даже с самыми подлыми людьми. Вот горе-то превеликое! И некого вместо него поставить... А службой графа Румянцева и его усердием в нынешнюю кампанию мы совершенно довольны. И он прав, требуя от Бутурлина настоящей помощи, а не словесной... Так пусть и напишут, скажи Ивану Ивановичу Неплюеву. А может,

сам напишешь... Вот разговорилась, прямо-таки не остановишь. Как ты пришел, так сразу почувствовала себя получше. А что наши союзники-то?.. Небось недовольны?

Елизавета Петровна вдруг, неожиданно для себя, почувствовала ужасную тяжесть в голове. «Ох, лишь бы не пошла кровь горлом! – испугалась она. – Все словно перевернулось во мне... Но лишь бы Ваня не заметил». А опытный царедворец, словно прочитав ее мысли, сделал вид, что не заметил перемены в ее состоянии, и заговорил о последних донесениях послов в Вене, Париже, Лондоне, о разговорах с иностранными послами здесь, в Петербурге...

– В Вене большое неудовольствие итогами нынешней кампании. Кауниц рассуждает при нашем после, что часто, опоздавши только на сутки, можно лишиться успехов целой кампании. Медлительность фельдмаршала Бутурлина обострила раздоры при дворе. Но все стоят за то, чтобы Румянцев продолжал действия под Кольбергом и не уходил из Померании...

– Да, они правы. Только на графа Румянцева надежда, что сия кампания завершится благополучно, – заметила императрица.

– Бутурлин считает, что о кольбергском взятии помышлять уже некогда.

– Пусть идет сам на зимние квартиры, а Румянцева не трогает. К тому же пусть оставит ему как можно больше войска, сколько он сам попросит. Пусть-таки напишут ему от моего имени. Нам необходимы успех, победа. А то Фридриха не склонить к честному и справедливому миру.

– Фридрих, ваше величество, заявил, что он твердо намерен не уступать ни пяди завоеванной им земли и согласен заключить мир лишь при условии, чтоб каждый остался в границах 1756 года.

- Значит, он отказывается вознаградить обиженные им стороны? Тогда будем продолжать войну, раз он так хочет. Не сносить ему головы, видно, забыл Кунерсдорф...

Глава 9

Высокий гость

Сложные и противоречивые чувства обуревали Румянцева... Кампания этого года подходит к концу. Чем завершится она, было ясно: он во что бы то ни стало возьмет Кольберг, ничто не помешает ему теперь довершить начатое в августе... Все идет к тому. Но как мешает возня вокруг него при дворах императорских! Вот письмо графа Александра Воронцова из Вены... Он сообщает: граф Кауниц беспокоится об исходе предпринятого Румянцевым под Кольбергом и предлагает его корпусу идти зимовать в Мекленбурге. Тогда корпус окажется вне всякой опасности, и от этого маневра будет большая польза: прусский король потеряет выгодные коммуникации, что причинит ему большой вред. А принц Вюртембергский, вынужденный спасти Берлин, останется на месте, а не пойдет в Силезию или Саксонию.

Граф Воронцов предупреждает о такой возможности заранее, чтобы можно было подготовить корпус к маршу.

Одновременно с этим письмом Румянцев получил рескрипт Конференции, из которого явствовало, что ему предлагают остаться в Померании и продолжать действовать под Кольбергом...

«Вроде бы и не хотят кончать войну, – думал он, читая этот рескрипт. – Действительно, империя наша шум оружия едва слышит, а оружие наше доньше везде победоносно было... И сколько зависти испытывают королевские дворы к славе нашей, и как жаждут они вмешаться после окончания войны в дележку чужих земель!»

Румянцев относился к Конференции двояко. То ему казалось, что «старички» ничего не смыслят в военном деле, взялись не за свое дело. То выходило так, что их предложения и мнения были продуманными и хорошо разработанными; лишь выполняй, и все будет в порядке. Особенно ему нравился умный и тонкий политик граф Воронцов.

Не могли не порадовать Румянцева и слова рескрипта, в которых выражено ему доверие Конференции: «...И понеже мы уверяем себя, что вы чужды от предубеждений и службу вашу не с тем отправляете, чтоб только простой долг исполнять, но паче о том ревнуете, чтоб имя ваше и заслуги сделать незабвенными, а потому и находитесь равного с нами в том мнении, чтоб, не отвергая наперед все трудности и опасения, видеть в то же время, какие, напротив того, есть возможности и выгоды, а видя то и другое, оные размерять и первые преодолевать, а другими пользоваться; то с надеждою успеха, при помощи в начале Божьей, и вступаем мы теперь в обещанные предписания на предложенные случаи...»

В рескрипте рассматривались возможные варианты продолжения кампании этого года... Что ему предпринять, если неприятель вдруг покинет Кольберг и побежит за реку Одер и далее. Правильно оценивают члены Конференции качество прусской армии как армии наемной, состоящей из разных народов и вовсе не заинтересованной в том, чтобы сражаться за призрачные цели. Прусские генералы давно страхом перед нашим оружием объаты, и, конечно, если неприятель уйдет из-под Кольберга, то он, Румянцев, будет его преследовать. И вовсе не потому, что пруссаки трусливо побегут, а потому, что уж больно долго ждет момента сразиться в открытом бою с прославленными прусскими генералами...

Румянцев спокойно дочитал рескрипт, который придал ему уверенности в том, что Петербург внимательно следит за его действиями, в основном их одобряет и поможет всем необходимым для того, чтобы не бесславно закончить нынешнюю кампанию. А что ожидает в будущем, никто не мог предугадать. Снова разносились слухи о болезни императрицы и об оживлении деятельности малого двора. Снова начались интриги, слухи, тайные записочки и письма... Румянцев не любил этой возни. Он был солдатом Отечества, простым и честным, каким и надлежало быть солдату. Он любил открытые игры, без подсиживания и обмана.

Ноябрь не принес облегчения. Вместо дождя и ветра пришли морозы, повалил снег, сделавший непроезжими дороги. В корпусе больше стало простуженных и обмороженных. Настроение – и без того неважное – резко ухудшилось, все ждали снятия осады и перехода на зимние квартиры.

Лишь Румянцев твердо верил, что судьба кампании решится у стен Кольберга. Сколько уж терпели, осталось совсем немного: вот-вот замерзнет река Перзанта, тогда фланги принца Евгения станут доступными, легче будет его разбить, да и крепость окажется беззащитной. Так думал Румянцев и упрямо убеждал в том своих подчиненных.

...Платен, встретив заградительные отряды генерала Берга, поостерегся вступить в открытое сражение, стал выжидать, как обычно, случая, затевая небольшие стычки с русскими эскадронами. Но его попытки прорваться с транспортом продовольствия в крепость оказывались пока безуспешными. Так что все шло строго по плану.

И снова все чуть не сорвалось. Однажды в ставку Румянцева приехал князь Голицын, брат жены, генерал-аншеф, в прошлом дипломат, по-прежнему тесными узами связанный с большой европейской политикой. Его

дивизия расположилась по реке Варте, не так уж далеко от Румянцева, вот он и заехал к родственнику, чтобы потолковать перед решающими событиями.

Князь Голицын был на семь лет старше Румянцева, побывал во многих странах с дипломатическими миссиями; опытный царедворец, прошел большую школу интриг и лавирования в кривых коридорах царских дворцов. Он и приехал с единственной целью: образумить своего родственника, который вызвал немалое недовольство в генералитете своим упрямством, нежеланием вести войну по старому, испытанному в веках методу. Ведь самый молодой, а командует многими опытными и старшими по возрасту генералами.

- Ваше сиятельство, Петр Александрович, а ведь крепость-то вряд ли сдастся, - начал напрямик князь Голицын после того, как они уселись около железной печки, в которой уютно пылали дровишки, подброшенные денщиком. - Неужто не надоели вам вот эти палатки, походные кровати, весь этот неуютный походный быт?

- Нет, не надоели и никогда не надоедят, чувствую в сем свое призвание, князь... Я радуюсь, когда передо мной ставят такие вот большие задачи. Когда у меня войска много, когда я могу руководить, посылая против неприятеля. Мне доставляет большое удовольствие двигать войска туда, где они всего полезнее.

Голицын видел, как глаза Румянцева, только что покрытые словно дымкой усталости, вновь загорелись светлым огнем счастья военного человека.

- Так ведь к Кольбергу на соединение с принцем Вюртембергским идет еще один корпус прусского короля. Тогда снова силы их будут равными нашим, снова они прорвутся и зароятся в ретраншементах, и тогда их ничем не выкуришь оттуда. Поймите, граф! Не лучше ли отдохнуть на зимних квартирах, дать отдых и

солдатам, ведь много больных... Я слышал, у вас чуть ли не все генералы отбыли по болезни или в Петербург, или в Мариенбург, поближе к Бутурлину, который уже начал давать пиры, и от повседневных застолий все опухли круг него.

- А пусть их! Действительно, устали все от повседневных баталий, а больше - от недостатка всего: и провианта, и фуража, и обуви, и прочей амуниции. Ни днем ни ночью нет покоя. Поверите: то рапорт от Берга, то рапорт от Яковлева, то рапорт от бригадира Краснощекова, и все почему-то прибывают или поздним вечером, или уж совсем ночью. И все не терпит отлагательства в решении, тут же будят меня, недосыпаю вот уже много суток.

- Да, Петр Александрович, на вас лица нет, кожа да кости... Пожалеть надо себя.

- Потом отдохну, сейчас некогда. Вот-вот принц запросит пощады: дезертиры утверждают, что провианта у него совсем не осталось. Да, по сути, и я в таком же положении, все время только о том и забочусь, как бы не остаться без фуража и провианта.

- Бутурлин приказал мне, следуя по дороге к зимним квартирам, забирать все в магазинах, расположенных в разных местах. А что мы не можем для себя употребить и с собою забрать, то оно оставить для корпуса генерал-поручика Румянцева.

- Вот именно. Что вы не можете с собой забрать, то мне отправите или оставите... А по такому бездорожью попробуй отыщи лошадей для доставки провианта и всего необходимого. Ох, тяжкое бремя видеть страдания людей...

- Ну, тут не только об этом следует думать, граф.

Румянцев вопросительно посмотрел на Голицына.

- От Штеттина к Штаргарду движется в немалом числе неприятель. Всем дивизионным командирам приказано наблюдать за ним и рапортовать немедленно

Бутурлину о всех его передвижениях. А если неприятель похочет атаковать наши дивизии на походе, каждую по отдельности, то в этом случае маршрут держать ближе к Польше, чтобы побыстрее достичь зимних квартир. Вот так-то разумные люди думают и поступают. Никто зимой не хочет воевать.

- У нас столько сил, столько возможностей разбить неприятеля и взять наконец эту крепость! Бутурлин почему-то поскорее бежит на зимние квартиры. Как будто позабыли свою честь и славу нашего оружия.

- Нет, почему же? Бутурлин оставляет двенадцать тысяч кавалерии, пехоты и легких войск под общей командой генерал-поручика князя Волконского около Познани и по реке Варте. Да и ваши войска усиливает чуть ли не до сорока тысяч.

- Да, сорок тысяч. - Румянцев задумался: цифра грандиозная, если вспомнить, что несколько месяцев назад ему выделили всего около девяти тысяч слабо подготовленных, неумелых солдат и офицеров. Сейчас он может ими гордиться, их не узнать, они стали боевыми, опытными воинами. - Граф Бутурлин лишь выполнял рескрипт Конференции, усиливая мои войска. Но вот он предложил мне главную свою квартиру взять в Керлине. Посмотрите...

И Румянцев показал расположение своих и неприятельских войск на карте, которая у него была все время под рукой.

- Если я отойду к Керлину, то оным я не только неприятелю свой фланг открою, но и магазины и транспорты, идущие с провиантом к корпусу, большой опасности подвержены будут. А так как подлинно известно, что генерал Платен с корпусом движется к Штаргарду, то совершенно твердо можно предположить, что он не оставит в покое нас при отступлении.

- Скорее всего, граф, Платен движется с единственной целью - помочь принцу Вюртембергскому, страдающему от всяческих недостатков: у него нет ни амуниции, ни провианта, ни фуража.

- Да, Платен уже пытался прорваться сквозь мои оборонительные посты, но ничего не получалось. Нет, никуда я не уйду. Столько времени и сил для сокрушения неприятеля потрачено, столько невозможного совершено, что пусть уж еще немножко потерпит их сиятельство господин Бутурлин. Меня поддержат в Петербурге: всем нужна победа. Мне и граф Воронцов писал из Вены, что тамошний двор заинтересован в победе под Кольбергом. Думаю, что через несколько дней здесь произойдут главные события... А я во всем ощущаю недостатки, даже в генералах.

Голицын с недоумением посмотрел на Румянцева: уж в чем, в чем, но в генералах...

- Да, в генералах. Иные из них весьма больны. А ведь вскоре придется, это чувствую я, много маневрировать отрядами, которые могут возглавить только генералы, способные водить войска. Немалое число полков, а командиров не хватает. Просто беда, не на кого положиться.

- А говорят, у вас есть генерал-лейтенант Гольмер.

- По нынешнему времени мне артиллерийский генерал и не надобен. Артиллерии не так уж и много, и фон Миллер вполне справляется со своими обязанностями, толковый, исполнительный офицер, знает свое дело. По малому же числу сей артиллерии нет нужды оставаться генерал-лейтенанту артиллерии в моем корпусе. Мне бы толкового командующего легкими войсками... То был злодей Тотлебен, предательски наводивший на нас прусского короля, то господин генерал-майор Берг, из рапортов которого

ничего не поймешь. То сообщает, что неприятель накапливает силы в Штаргарде, то утверждает, что неприятель у Штепниц. Попробуй пойми... Или он каждый эскадрон за неприятеля считает?! А где он подлинно и каковы его истинные намерения, я не знаю и никаких мер не могу принять против него.

- А вы потребуйте обстоятельного рапорта. Пошлите своего офицера к нему, разузнайте...

- Необходимо атаковать Платена в Штаргарде, - твердо сказал Румянцев. - Не давать ему соединиться с корпусом Шенкендорфа. Вот задача генерала Фермора, который обретается в этих пределах... Да ведь скорей уйдет на зимние квартиры, чем ввяжется в какое-либо предприятие, я-то уж его знаю. Фермор подчиняется Бутурлину, так что вряд ли предпримет активные действия.

- Петр Александрович, в Штаргарде трудные переходы через реку, непроходимые болота, дефиле там невозможные.

- Да полно, князь! Насколько мне известно, сия река, через которую переходить надлежит, не очень-то широка, и вы, искусный генерал, знаете о всех способах ее форсирования. Нельзя дробить корпус, когда принц Вюртембергский от голода и другой нужды готов броситься на меня и вырваться из окружения... Дезертиры доносят, что он намерен на днях береговой дорогой к Трептову путь держать со всем корпусом. И для скорейшего оставления сих мест через залив Кольбершдип при деревне Лангенгаген и через Перзанту ниже города делают мосты.

- А вдруг это ложные сведения и он прорвется где-нибудь в другом месте?

- Вот потому-то я и не могу ничего предпринимать против Платена, пока у меня под носом столь сильный корпус, который может тайно сосредоточиться и всеми силами ударить в каком-нибудь месте. Поди угадай в

каком... Предполагаю, что все-таки через береговую дорогу к Трептову, где у меня остался небольшой заслон. Нет больше сил, боюсь расплыть корпус на мелкие отряды, которыми будет тяжело маневрировать.

- А если все-таки вы узнаете, что принц пойдет тем путем, о котором вы сказали? Что можно предпринять? Можно ли задержать его?

- Вряд ли... Сильным отрядом на сем пути его не удержать, потому что она дорога лежит за болотами и провести туда артиллерию весьма трудно. Однако ж в предосторожность по дороге морской от Кольберга к Трептову я все мосты приказал сжечь, и они сожжены. И естественно, если он пойдет этой дорогой, то я не упущу возможности преследовать его и делать возможные поиски. И то только в том случае, если бы наша первая дивизия предприняла что-нибудь против Платена или хотя бы по меньшей мере старалась удерживать его на прежних позициях, доколе я с герцогом решительное бы дело возымел на его пути... А этого ждать совсем недолго, по всем известиям это предчувствую.

Князь Голицын знал, конечно, что первая дивизия Фермора и не собиралась стоять против Платена, а потому он и сказал об этом Румянцеву.

Тот раздраженно махнул рукой:

- Я так и предполагал, князь. Всем хочется побыстрее на зимние квартиры... А может, у Бутурлина поистощились запасы вина? Ведь я просил его поручить князю Волконскому учинить поиск против Платена, пока он не соединился с Шенкендорфом и не стал еще сильнее... Но он не внял моей просьбе.

Князь Голицын смотрел на разгоряченного родственника, который так близко принимает к сердцу все происходящее здесь, под Кольбергом, и чувствовал, что молодой генерал ни перед какими трудностями не остановится, но крепость возьмет.

- Да все, Петр Александрович, опасаются недостатков в фураже, в провианте. - Князь Голицын сказал нехотя, с сочувствием посмотрел на Румянцева.

- Вот и господин генерал-майор Берг тоже все жалуется... Но я никак не могу понять, почему такие великие округа опустели в такое короткое время, да и корпус-то Берга не весьма многочисленный...

- Плохо умеем пользоваться местными условиями, граф. Население за все должно платить, а мы не используем его, жалеем, сочувствуем, не взимаем полагающейся контрибуции. Вот и получается, что неприятель всегда имеет то, что хочет, а мы все время терпим недостатки во всем... Россия-то далеко, не навозишься оттуда.

- Просто нерадивы... Сколько уж раз сказывался больным генерал Берг. Пусть бы уезжал, я б его спокойно освободил и сам бы вверенные мне легкие войска пропитал... Так нет ведь, все, оказывается, только на словах, а сам Бутурлину другое говорит. Вот и несу крест... Вот недавно получил от майора Ивана Будендика, обретающегося в Камине, рапорт, из которого следует, что в Штепницах гарнизон состоит из одного капитана с шестьюдесятью рядовыми, тринадцатью камер-гусарами да одной пушкой... А генерал Берг мне доносил совсем другое. И рапорту майора я больше верю, потому что сие подтверждает и пленный сержант...

Столько горечи было в словах Румянцева, что князь Голицын попытался как-то успокоить его.

- Ну, ничего, Берг еще себя покажет, он неплохой генерал. А может, Вяземский еще вяжется в какое-либо полезное предприятие?

- Трудно представить себе, чтобы князь Вяземский со своим корпусом марш на Штаргард предпринял.

- А нельзя ли ложную атаку против Кольберга учинить?

- Ну а как ее предпринять? Допустим, я решусь на это. Значит, нужно вывести войска из-за наших батарей и двинуться на неприятеля, по открытому месту. А чего я добьюсь? Неожиданной атака не может быть, там всегда ждут нашей атаки, это не раз уже было, и всякий раз с уроном для нас, а они спрятаны в земле, их не видно... Нет, только во взаимодействии всей армии нас ожидают авантажные предприятия.

- А сколько у Платена батальонов? - спросил Голицын.

- Да все тот же майор Будендик, со слов пленных и жителей Штаргарда, оказавшихся у него, доносит, что у Платена всего шесть батальонов пехоты, два полка драгун и до шестисот гусар. Так что можно было, не подвергая опасности наш корпус, генерала Платена атаковать и разбить. А генерал Берг ничего не предпринимает против таких малочисленных сил. А мог бы. Вы посмотрите, вот здесь, в Грейфенберге, стоит генерал-майор Яковлев с двумя полками пехоты, недалеко от Берга обретаются полковник Апочинин с его деташементом да полки самого Берга. Это ли не сила, способная разбить шесть батальонов Платена? Но нет... Хоть бы старались отнимать у неприятеля пропитание, которое он везет в Кольберг, хоть бы дороги к Кольбергу от Штеттина открыты не были.

Князь Голицын, внимательно всматриваясь в карту, разложенную на другом столе, подумал о том, что ведь все побережье от Камина до Штеттина контролируется нашими постами. И провел пальцем по всей этой большой территории. Румянцев по-своему истолковал этот жест.

- Вот именно. Вы угадали мои мысли. От Камина к реке Реге, да и в прибрежных деревнях, где наших войск не было, жители не испытывают ни в чем недостатка. Здесь вполне можно прокормить еще хоть один корпус. А Берг жалуется.

«Ну дался ему этот Берг, видно, засел в печенке, не может не упомянуть о нем и минуты», – мелькнуло у Голицына.

– Ведь мой корпус, держась в околичностях Кольберга вот уже четыре месяца, не имеет по сие время ни в чем недостатка. Более того, если я останусь со своим корпусом в Померании, по-прежнему придется рассчитывать только на свои силы.

– Я слышал, вы отдали под суд не одного офицера и солдата за притеснение мирных жителей. Правда это?

– Судили здесь одного. Всем строго-настроено приказано от меня, чтоб не было обид, разорения и грабительства обывателей ни под каким видом. И кроме провианту, фуража и положенной порции, ничего не брать, да и то с крайним порядком и осмотрением. О преступниках же, как и несмотрителях за командами, мне немедленно докладывают. И все строго бывают наказаны.

Долго говорили два генерала о предстоящих битвах, о европейской политике, о требованиях венского двора к русской армии.

– Не пора ли на отдых? – спросил наконец князь.

Голицын быстро заснул: сказывались долгие, изнурительные походы. А Румянцев долго перебирал в памяти последние события, рапорты, которые он отдавал, донесения по службе, допросы дезертиров и жителей, оказывавшихся в лагере...

Глава 10

Пробуждение Румянцева

Снился Румянцеву сон... Будто он вместе со своими сыновьями отправился на охоту, и вот они выслеживали какое-то невиданное животное, но чуть только подходили на выстрел, как оно тут же убегало, словно чуяло крадущихся стрелков. Чудилось Румянцеву, что его мальчики уже отважные стрелки, хотя младшему было всего лишь чуть больше шести...

И вот он уже совсем настиг это диковинное существо, уже готов его схватить, но кто-то сильный и ловкий отвел его руку... Он хотел оглядеться, увидеть, кто же это, но не мог повернуть головы. Он хотел было прикрикнуть, но тут проснулся от пристального взгляда своего ординарца.

- Ваше сиятельство, проснитесь! Важные новости...

Румянецв вскочил, быстро оделся, привел себя в порядок.

Князь Голицын тоже завозился на своей походной кровати.

- Проси!

Тотчас же вошел полковник Николай Иванович Салтыков, давний знакомый, с которым ходили вместе еще на Рейн под водительством Репнина.

- Ваше сиятельство! Корпус принца Вюртембергского оставил ретраншемент на правом своем крыле.

- Сами видели?

- Да, немедленно были посланы для досмотра патрули, некоторые отважились въехать в самый ретраншемент. Потом я уже и сам побывал там. Подлинно оставлен, ваше сиятельство, тут не может быть сомнений.

- Теперь нужно проверить левое крыло. Скорее всего, сие неприятельское движение воспоследовало над самым морем, через Кольбершский и Трептовский дипы, где и реку Регу легко можно перейти. Так...

В палатку командующего входили офицеры. Румянцев заметил, что все ждут его указаний.

- Итак, господа, начинаются решающие события, которых мы так давно ждали, - вдохновенно заговорил Румянцев. - Мы делали все для того, чтобы вынудить принца на эти действия. Немедленно весь корпус переходит Перзанту и занимает позиции в деревне Кеприн. Генерал Долгоруков встанет с имеющимися в его команде полками и батальонами при деревне Неймер...

Совещание было коротким. Все понимали, что медлить нельзя. По разным дорогам помчались курьеры.

И события замелькали с головокружительной быстротой. Обстоятельства менялись чуть ли не каждый день... Принц Вюртембергский двигался к Трептову. Все войска Румянцева были приведены в боевую готовность и устремились вслед за корпусом принца. Но никаких действий пока не предпринимали. Нужно было подробно разведать о намерениях неприятеля. Полковник Девиц со своими драгунами с трудом преодолевал бездорожье. Неприятель шел по Трептовской дороге. Повсюду русские видели амуницию, брошенные пушки, но воспользоваться трофеями не могли, потому что вытащить эти ящики с амуницией, а тем более пушки, из густой, непролазной грязи не было никакой возможности. Попробовали впрячь в пушки несколько лошадей, но они даже не стронулись с места, так глубоко увязли. Да и неприятель, заметив преследование, выслал арьергард, открывший жесточайшую стрельбу. Ничего не оставалось, как пушки и ящики с амуницией подорвать.

В то самое время корпус Румянцева, расположенный в разных местах, перешел Перзанту и в полночь уже был на высотах, контролирующих все подходы к реке. Стали поступать сведения от генералов Яковлева и Берга, которые строго выполняли диспозицию Румянцева: Яковлев отступил от Грейфенберга к деревне Герфин, лежащей в одной миле от позиции корпуса, а Берг при виде движущегося неприятеля покинул Грейфенберг, мост через реку Регу за собой уничтожил. Полковник Кирсанов, наблюдавший движение неприятельское у Трептова, тоже почел за необходимое разобрать мост, опасаясь нападения неприятеля, и удалился на соединение с корпусом.

Помешать неприятельской операции не удалось. Им использованы были все средства для того, чтобы навести на ложный след русское командование. Совершив тайный, под покровом ночного тумана, марш, он вышел из окружения на оперативный простор. Теперь принцу Вюртембергскому ничто не мешает соединиться с корпусом Платена. А Румянцев не мог предпринимать активных действий, не узнав о подлинных намерениях неприятеля. Но как узнать? Уже не раз обманывали дезертиры и обыватели, давая заведомо ложные сведения, чтобы запутать, сбить с толку командование русской армии. И Румянцев горько жалел об ошибке, которую он допустил. Будь у него побольше сил, такого не случилось бы.

«Да, ничего не остается делать, как выждать. Невозможно одного преследовать и другому противиться... К тому же и мосты через Регу у Трептова и Грейфенберга сокрушены моими «храбрыми» генералами, дабы неприятель их не мог преследовать. Вот ведь вояки... А ведь знали, что не оставлю я их наедине с неприятелем. Теперь же без мостов трудно перейти Регу, она еще не замерзла», - сокрушался Румянцев.

Возвратился капитан Бок и доложил, что комендант Кольберга фон дер Гейден отказался сдать крепость. Румянцев отдал приказ генерал-поручику Гольмеру вырыть траншеи, поставить батареи и открыть огонь по Кольбергу.

В город полетели снаряды.

Генерал Берг преследовал принца Вюртембергского до Дамма, что неподалеку от Штеттина. Дальше преследование было опасным. Румянцев приказал внимательно следить за неприятелем, сковывать его действия, не допускать всякий провоз в крепость Кольберг.

Пока все шло так, как и предполагал Румянцев. Два корпуса, соединившись, не торопились с боевыми действиями, копили силы, выясняли свои возможности, а главное – готовили огромный обоз для осажденных, который им было приказано Фридрихом провезти с боями в Кольберг.

Один из перебежчиков прямо сказал:

– Принц Евгений обещал вернуться с продовольствием и фуражом...

«Пусть идет, – подумал Румянцев. – На этот раз ему не удастся нас перехитрить. Мы будем ждать его, используя им же сделанные ретраншементы... А может, встретить его в чистом поле?»

Если б кто увидел Румянцева в этот момент, поразился бы происшедшей с ним переменой. Куда девалась обычная в последние дни усталость? Глаза горели, а все его могучее тело дышало энергией. «А Голицын уговаривал меня идти на зимние квартиры. Он еще увидит, здесь произойдет изрядная баталия!» Румянцев явно торжествовал не только над своим родственником, но и над старым фельдмаршалом Бутурлиным, над всеми, кто был против его плана ведения войны.

Наступали решительные дни осады Кольберга, а вместе с тем и всей кампании 1761 года. Румянцев приказал закрыть Кольбергский проход, по которому прошел принц Евгений. Генерал-майор Яковлев, генерал-поручики Долгоруков и Олиц, бригадир Брандт – опытные воины, на них можно положиться. Да и войск теперь хватит, все они плотным кольцом окружили Кольберг, обратив свои орудия и штыки против неприятеля, идущего с запада и юго-запада. Неприятель хитроумен, он может прорваться в любом направлении...

13 ноября Румянцев осматривал позицию корпусов принца Вюртембергского и генерала Платена, которые правым флангом примыкали к Шифельбейну, а левым – к деревне Лейкоу. Он долго рассматривал в подзорную трубу неприятельские палатки, следил за мельканием конских и человеческих фигур.

Сзади раздался голос одного из полковников, сопровождавших Румянцева на рекогносцировку:

– А ведь можно неприятеля атаковать в сей его позиции.

– Только не иначе как обойдя или от Шифельбейна, или от Рюгенвальда, – заметил другой из свиты сопровождения.

– Понимаю вашу смелость и желание послужить нашей славе и Отечеству, господа, – сказал Румянцев, не поворачиваясь к говорившим. – Но, думаю, намерение неприятеля в том, чтобы выманить нас с нынешней позиции, пресекающей ему путь к Кольбергу. А потом напасть на атакующих и провезти провиант в крепость. Других целей он не преследует. Вот почему предпринимать атаку, как бы ни была она благоприятна для нас, невозможно. Большой риск, а рисковать всей кампанией не имеем права. Подождем. Неприятель сам предпримет действия, а вот уж тогда посмотрим, кто

кого перехитрит. Мы будем диктовать свои условия ведения боя. Ему деваться некуда, как идти на прорыв. Наберитесь терпения, господа. Осталось совсем чуть-чуть. Позиция у нас крепкая. Только нужно быть внимательным и осторожным: неприятель знатный, может ускользнуть. В таких обстоятельствах за один час может все перемениться. А корпус князя Вяземского что-то медлит. Пора бы уж ему присоединиться к нашим войскам. Ох уж эта наша медлительность, сколько из-за нее мы упустили побед...

Румянцев долго всматривался в позицию неприятеля. Сколько он еще будет маневрировать, скрываясь за ущелинами и болотами, которых здесь изрядное число? Когда неприятель перешел на эту сторону Реги, Румянцев решил было атаковать, тем более что мосты на реке были разорены, что помешало бы пруссакам ретироваться*. Но, увидев его позиции, Румянцев понял, что невозможно атаковать во фронт неприятеля, расположившегося за большим буераком и за высотами, за которыми начиналось большое чистое поле. Ясно, что оно могло простреливаться и пушками и ружьями. Потери при такой атаке были бы огромными, и она вполне могла оказаться бессмысленной. Можно было бы зайти с флангов, как подсказывали его подчиненные, но в этом случае нужно было делить на отряды свой корпус, ослаблять таким образом основные силы, стоящие против неприятеля, который мог бы незамедлительно воспользоваться этим и напасть на него, выполнив задуманное предприятие. Так что и атаки с флангов отпадают: все военные резоны* воспрещают делать это...

Оставалось держать неприятеля на этой позиции: пусть он ищет случай, как подать помощь Кольбергу, – а самим ждать, не подвергаясь опасности. Неприятель это понимает, вот и маневрирует, отыскивая выход из создавшегося положения. Пусть маневрирует, а

Румянцев понаблюдает за ним, не упуская случая напасть, когда это будет выгодно. Цель всех маневров пруссаков не трудно разгадать: вызвать огонь на себя и тем самым отвлечь русских от осады. Платен даже подослал польского маркизанта, якобы пробиравшегося в Кольберг с письмом к коменданту, в котором говорилось о намерениях их напасть на левый фланг Румянцева или же зайти в тыл для разорения его магазинов. Жители, дезертиры подтверждали этот слух.

Сначала Румянцев поверил и письму, и показаниям дезертиров, а потом твердо решил выждать и по перемещению неприятеля определить его истинные намерения. Нет, теперь он не поддастся на хитроумные и коварные уловки.

Только Румянцев вернулся в свой штаб с рекогносцировки, как ему сообщили, что Платен и принц двинули свои войска к побережью. Полковник Шетнев с двумя полками и полковник Зорич с двумя гусарскими полками, посланные вслед, преградили им дорогу. Генерал-майор Берг остался на прежнем месте, приказав Тверскому и Тобольскому драгунским полкам атаковать неприятельский арьергард. В этой стычке отличились полковник Медом и майор князь Юрий Долгоруков. Неприятельский батальон был полностью порублен на глазах своей же пехоты, которая, построясь на опушке леса, открыла жесточайший картечный и ружейный огонь. В ответ шесть русских пушек тоже открыли огонь, нанеся неприятелю большой урон. В плен были взяты поручик и сорок четыре нижних чина.

Офицеры связи то и дело прибывали с новыми донесениями от командиров отдельных отрядов.

В эти дни Румянцев не знал отдыха. Приходилось решать множество головоломок. Всякое могло быть... Слишком запутанные передвижения совершал

неприятель. Можно было даже подумать, что пруссаки вознамерились, перейдя реку Регу, расположиться на кантонир-квартирах. Для русских это была бы неудача, этого нельзя допускать. А значит, нужно навязывать свой план действий...

20 ноября Петр Александрович Румянцев созвал военный совет и предложил высказаться относительно дальнейших действий под Кольбергом. Генерал-поручик В.М. Долгоруков, генерал-майор Яковлев, генерал-майор Ф. Долгоруков, бригадир Неведомский, полковник Бибииков высказались за прекращение военных действий.

Глава 11

Капитуляция

Военный совет ничего нового не предложил...

Снова указывал на нехватки и трудности, в которых находилась армия под Кольбергом. Как будто ничего этого не видел Румянцев! Он все это видел. Но, несмотря на все нехватки и трудности, он, Румянцев, устоял, а неприятелю не только не удалось отвлечь корпус из Померании и от Кольберга, но сам он вынужден был отступить за реку Регу. Возможно, Платен и принц захотят уйти в Саксонию или Мекленбург и спокойно там расположиться на зимних квартирах? А почему он, имея в своем распоряжении такие силы, даст им возможность спокойно уйти? Нет, свободного пути он им не предоставит, все время будет следить за ними, и покойно располагаться в квартирах он не допустит.

А что касается тягот и лишений, то члены военного совета, безусловно, правы... Плохие дороги, никудышное состояние тягловых лошадей, не способных нормально транспортировать заготовленный провиант и фураж, в коих всегда большие недостатки. Обуви нет, хотя сколько раз Румянцев обращался за помощью в разные ведомства. А ведь не токмо вредное осеннее время продолжается, а сущая зима настает.

Мысли Румянцева перенеслись к неприятелю. Ведь он терпит те же бедствия, а все же пытается прорваться к крепости, маневрирует. А гарнизон крепости! Он испытывает еще большие лишения, к тому же орудия бомбардируют крепость. Но он по-прежнему упорно держится, невзирая ни на что... «А разве мы, русские, слабее пруссаков духом? Ничуть не бывало!

Так почему же должны снимать осаду и уходить несолоно хлебавши?!»

Если господа из военного совета смалодушничали в очередной раз, то он, Румянцев, на такое не пойдет. А противник выжидал, понимая, что напролом лезть нельзя, погубишь понапрасну полки. Маневрировал на виду у русских: дескать, выходите, посражаемся... Румянцев приказывал кавалеристам Берга иной раз встречать противника в чистом поле, но тут же откатываться назад: незачем попусту тратить силы. Главное сражение еще впереди. Ясно, что неприятель явно забеспокоился: все его маневры, распускаемые им ложные слухи о своих намерениях не возымели ожидаемого действия. Он будет что-то предпринимать в самое ближайшее время.

Румянцев вспоминал, чуть ли не каждый день с мая месяца, сколько было предпринято смелых и активных действий против неприятеля, сильного, умелого, опытного в воинских предприятиях. Явно, что он уже истощен, мечется, как зафлаженный волк, постоянно натываясь на русские посты. А иногда теряется под напором настойчивых и смелых атак русских кавалеристов. Вот бой у деревни Кильсау... Тут русские кавалеристы показали свою удачу.

И Румянцев был доволен: «Ох уж этот Берг!.. То он не выполняет прямых указаний, стонет, что нет того-то и того-то, ждет, пока у него все появится как на блюдечке, вот тогда-то, дескать, он и сделает все необходимое и нужное. А последнее время действует прямо-таки великолепно... С крайним удовольствием получил учиненную им диспозицию боя у деревни Кильсау, все полки хорошо взаимодействовали, а полковник Зорич и подполковник Суворов доказали особое усердие и ревность к императорской службе. Непременно пошлю реляцию с должной хвалою про их славные дела...»

...Пруссаки, как и предполагал Румянцев, от реки Реги пошли в сторону Одера и остановились, ожидая подкрепления, в местечке Наугард и ближайших деревнях. Но Румянцев строго приказал не давать неприятелю располагаться на кантонир-квартирах, а посему Берг действовал, строго выполняя приказ командующего.

О намерениях неприятеля никто не знал. Может быть, он ждал подкрепления из Саксонии и Силезии, но, узнав о расположении русского корпуса на кантонир-квартирах, снова вернется к Кольбергу и попытается прорваться? А может, завяжет битву с Румянцевым, попытавшись отвлечь его от крепости? Но вряд ли принц мог ждать подкрепления из Саксонии и Силезии, где успешно действует фельдмаршал Даун, втягивая главные силы Фридриха в тамошние операции. Значит, неприятель просто захотел отдохнуть и перегруппироваться перед началом решительных сражений...

Вот почему Румянцев отдал приказ преследовать пруссаков всеми легкими войсками и кавалерией, дабы не дать им отдохнуть и привести в порядок расстроенные многими тяготами полки и батальоны. 20 ноября три батальона пехоты и шесть эскадронов кавалерии неприятеля, преследуемые нашими войсками, попытались закрепиться в деревне Кильсау. Но полковник Зорич со своими эскадронами вместе с Тверским драгунским полком под командованием Александра Суворова атаковали пруссаков, вынудили их к отступлению. Неприятель не ожидал активных действий напавших и не оказал им должного отпора. Русские гусары и драгуны врубались в отступавшую пехоту и многих порубили, взяли в плен капитана и подпоручика, 69 рядовых, захватили одну пушку. Полностью уничтожить неприятеля не удалось, потому

что оставшиеся в живых скрылись в дефиле, где их ожидало подкрепление.

На следующий день Румянцев получил донесение от генерала Берга, из которого следовало, что принц Вюртембергский, обеспокоенный настойчивостью русских гусар и драгун, с немалым конвоем рекогносцировал его позицию. Близко подойдя к казацким форпостам, заставил их отступить и продвинулся далеко вперед. Но казаки, получив подкрепление, сами перешли в атаку и прогнали принца к прусским укреплениям, взяв при этом в плен поручика, капрала и шесть гусар.

Захваченный в плен поручик Шлеме сообщил, что к принцу на днях прибыл курьер и привез новые указания короля... Оказывается, не зря принц выезжал на рекогносцировку: он уже обдумывает новые способы прорыва к Кольбергу. Ясно и то, что ему повелели дальше не отступать. А пока он разместил свои войска так, чтобы можно было немедленно собраться в единый кулак и двинуться на Румянцева, найдя самое слабое место в обороне русских. Пленный поручик также сообщил, что фельдмаршал Даун желаемого успеха в Саксонии не добился, с наступлением сурового времени отправился на зимние квартиры.

27 ноября Румянцев получил известие от полковника Горюшкина о том, что немалые силы неприятеля подошли к Трептову и остановились в миле от него. Румянцев отдал приказ генералу П.И. Олицу соблюдать всяческие предосторожности и постараться закрыть Неймернские ворота, через которые может проскочить хитроумный неприятель.

Вот радостное состояние, которого так долго ждал Румянцев. Теперь они поспорят на равных, теперь уж ни туман, ни хитрость не помогут принцу: Румянцев все предусмотрел...

И точно, как он и предполагал, принц двинулся из Трептова... Ожидая, что корпус его пойдет к Перзанте, Румянцев устремился навстречу, заняв высоты, лежащие при деревне Неймерн. Но тот уклонился от встречи и попытался пройти по старой дороге. Но, увидев, что и эта дорога надежно закрыта, вернулся в Трептов. Оставив немалый отряд, чтобы принц снова не покусился здесь пройти, Румянцев со своими батальонами и полками расположился между деревнями Предмина и Грине. Все отряды знали, что делать при первом же выстреле. Легкие войска и кавалерия внимательно следили за передвижениями неприятеля. Одновременно велась и работа на подступах к крепости: инженер Гербель довел земляные работы до самого палисада. Было ясно, что она доживает последние дни. В крепости терпят и холод и голод, но сдаваться отказываются. Это вызывало и чувство досады, и восхищение мужеством осажденных.

Принц Вюртембергский, выполняя приказ короля, не прекращал попыток прорваться к Кольбергу и спасти его гарнизон от позорной сдачи. Но повсюду натыкался на расставленные умелой рукой русские посты и батальоны. Однако приказ был строгий и решительный. И принц знал, что король не любил тех, кто не выполняет его приказов... И тогда он предпринял отчаянный шаг: бросил почти весь свой корпус на прорыв.

1 декабря разыгралось сражение, которое решило исход многомесячной осады Кольберга.

В девять часов утра Румянцев увидел, как неприятель двумя колоннами поднялся на высоты, вздыбившиеся перед Шпигой, и построился в две линии. «Ну, началось, - подумал Петр Александрович, довольный предстоящей схваткой. - Мы готовы к встрече. Неприятелю же ничего не остается, как только

атаковать нас. Но при такой диспозиции, которую я разработал, ему прорваться невозможно. Каждый батальон может быстро оказать помощь другому...»

Построенные в две линии батальоны Долгорукова и Олица готовы встретить неприятеля на одном из важнейших направлений предполагаемой атаки. На Шпигском паса возвели сомкнутый звездообразный штерншанц*, где укрылся гренадерский батальон с четырьмя полковыми орудиями под командой капитана Штакельберга. Батальону приказано было стоять до последнего, но неприятеля не пропустить. Отдавая такой приказ, Румянцев понимал, что этот штерншанц – ключ к этой местности, он контролирует и Шпигский пас, и болото рядом с ним. Здесь придется нелегко, потому что и неприятель, конечно, понимает значение паса для успешного завершения задуманной им операции.

Легкие войска, кавалерия и два батальона под командованием генерала Берга заняли пас при Нейбрике на Большой Трептовской дороге и в деревнях Дрейноу и Робе. Бергу было приказано затруднять все неприятельские движения и сдерживать его, по возможности, а при сильном наступлении занять Неймернские высоты и держаться там до тех пор, пока неприятель до конца не раскроет свои наступательные намерения, а потом отойти на соединение с основными силами корпуса.

В ночь на 1 декабря 1761 года неприятель своими маневрами давал понять, что он намерен прорваться через дип, по которому недавно прошел корпус принца Вюртембергского. Но Румянцев принял необходимые предосторожности и был спокоен: прежней дорогой принц не пройдет.

Тревожной была эта ночь. Повсюду неприятеля встречали русские заградительные посты. В девять часов Румянцев увидел, как две колонны неприятеля,

поднявшись на высоты, лежащие перед Шпигской высотой, построились в две линии. «Вот теперь все ясно, предстоит открытая игра, – подумал Румянцев. – Началась канонада с обеих сторон, все пошло как положено».

Легкие войска Румянцева начали умышленное отступление, как бы под напором превосходящих сил неприятеля, а пехотные батальоны, скрытые от глаз пруссаков, затаились, готовые к бою.

Румянцев движением руки подозвал адъютанта. Подскакал волонтер.

– Немедленно передайте мой приказ: легким батальонам, перешедшим Неймернский пас, занять на сей стороне небольшую рожицу, лежащую на высоте... Придвинуть с правого фланга несколько больших орудий к самому болоту для подкрепления и обороны штерншанца.

Как и предвидел Румянцев, неприятель обрушил свои силы на этот штерншанц, понимая, что без взятия его он не может сделать себе свободный проход. Более двух часов оборонялся батальон капитана Штакельберга, несколько атак отбил. Но превосходящие силы снова и снова накатывались на него, и батальон вынужден был ретироваться, как и было заранее условлено. Неприятельская кавалерия, заметив ретираду батальона, бросилась вдогонку, несмотря на сильный заградительный огонь наших орудий. Охваченные наступательным порывом, пруссаки и не заметили, как в их сторону двинулись батальоны генерала Яковлева. Наконец они поняли свою оплошность и поспешно покинули занятый штерншанц.

Пока все шло, как и было задумано. Румянцев, заметив отступление неприятеля, тут же приказал своим легким войскам и кавалерии преследовать его.

Конечно, были колебания у Румянцева: стоит ли преследовать и дробить свои войска, занимавшие самые выгодные позиции, есть ли смысл в этом? Но уж так поспешно ретировался неприятель, что не преследовать его было просто грешно. К тому же по всей дороге отступления были брошены раненые и больные, много замерзших солдат и офицеров. Стужа стояла в то время небывалая.

Больше тысячи пленных оказалось у русских после этой вылазки противника. В их числе были и обер-офицеры. Они подтвердили, что принц потерял при атаке штерншанца около семисот солдат и офицеров.

Конечно, Румянцев мог бы полностью сокрушить корпус принца, но нельзя было увлекаться решением одной, сиюминутной задачи. Главное – это Кольберг. А после неудачной попытки прорваться принц вряд ли найдет силы снова идти на прорыв.

Румянцев немедленно послал нарочного известить коменданта крепости, что принц отогнан и разбит.

– Скажите этому отверделому полковнику, что принц сделал все, чтобы доставить ему необходимые припасы, но не доставит теперь. Скажите, что сопротивление бесполезно, сделана брешь в стене, так что он не может быть в ответе перед королем, но будет в ответе перед Богом в погублении толикого числа неповинных людей без всякого резона. Пришло время, когда его действиями руководит вовсе неумеренная и непристойная амбиция упрямого себялюбца. А я доведу свою экспедицию до полной победы, и тогда, по справедливости, победителю достанется все.

Вскоре Румянцев получил ответ коменданта, что в связи с тем, что все предпринятые прусским королем меры не принесли желанных результатов, а со своей стороны он использовал все военные резоны, чтобы оставить крепость в целости и сохранности, то теперь не видит иного выхода, как сдать крепость на милость

победителя. Он пришлет своего штаб-офицера с капитуляцией.

Только теперь, получив долгожданное известие о капитуляции, Румянцев послал легкие войска преследовать пруссаков.

5 декабря в восемь часов утра Румянцев прибыл из деревни Грине к Кольбергу. С распущенными знаменами, с барабанным боем начал выходить из крепости неприятельский гарнизон. Сложив оружие, солдаты и офицеры становились военнопленными ее императорского величества. Весь гарнизон был налицо. Не было лишь старого полковника фон дер Гейдена, коменданта, сказавшегося больным и испросившего у Румянцева разрешения не присутствовать при капитуляции.

88 штаб- и обер-офицеров и 2815 солдат было взято в плен; 45 знамен и 3 штандарта, 146 крепостных орудий, снаряды, оружие, амуниция достались в качестве трофеев русской армии.

Приняв капитуляцию, Румянцев поехал осматривать Кольбергскую гавань... Другие заботы навалились на него. Он видел, как изголодались солдаты и офицеры, как измучены местные жители. «Конечно, я правильно сделал, что не принял многие неприятельские претензии при капитуляции, оставив только те, кои единственно милосердию и человеколюбию нашему соответствуют. Но ведь надо кормить этих людей, настолько истощенных, что на них страшно и тоскливо смотреть. Недостаток в пропитании здесь крайний. И мнится мне, что весьма было бы бесполезно магазины здешние наполнить как можно больше съестными припасами для раздачи за деньги местным жителям, яко до крайнего голода доведенным. Для нас-то три только что прибывших галиота с провиантом из Лебе пока хватит, четвертый вскоре прибудет. На первый случай для гарнизону оного достаточно будет. А вот

немедленно нужно написать генералу В.И. Суворову, чтобы он дал распоряжение отправить из Пиллау все груженные галиоты... Казалось бы, после всех этих многомесячных забот и тревог можно было бы и отдохнуть, расслабиться душой, но нет, столько забот, новых и неизведанных, снова гложут меня... Как быть с пленной маркграфиней? Допустим, жители Кольберга приняли присягу, а как быть с жителями прочих городов, принадлежащих к Померанской провинции? Придется ждать императорского указа...»

Нет, война еще не закончилась, и новые заботы обрушились на командующего корпусом. Конечно, главное дело было сделано, в будущем году уже не придется начинать с осады Кольберга, а нужно будет продолжать другие операции. Но принц ушел за Одер, там будет накапливать силы, готовиться к кампании будущего года. Генерал Платен сначала ушел в Берлин, а потом по приказу короля помаршировал в Саксонию. Только теперь можно было отдохнуть всему корпусу Румянцева.

В эти дни Румянцев получил множество поздравлений с блестящей победой русского оружия. Граф М.И. Воронцов писал из Петербурга 14 декабря 1761 года: «Государь мой граф Петр Александрович! Чем всегда дружба моя к Вашему сиятельству искреннее была, тем натурально больше и участие, которое принимаю я в оказанной Вами ее императорскому величеству и отечеству важной услуге. Твердость и мужество, с коими Ваше сиятельство преодолели напоследок толико препон, делают Вам справедливую честь, и как уже вся публика единогласно превозносит похвалами мудрое Ваше в Померании предводительство, то не сомневайтесь равномерно, чтоб ее императорское величество не изволила оказать Вам высочайшей своей милости.

Сердечно желаю я, дабы Вы действительными опытами вскоре обрадованы были».

Бригадир Мельгунов, подполковник Миллер, капитан Бок были отправлены в Петербург с реляциями и трофеями после Кольбергской операции. Но радость победы была омрачена неожиданной вестью из Петербурга – скончалась Елизавета Петровна.

Наступали новые времена.

Часть третья
Новые времена

Глава 1

Обида

Вот и кончилась война. Давно уже все нормальные люди разъехались по домам – кто в Петербург, кто в Москву, кто в свои поместья, – зажили обычной жизнью, радовались встрече с детьми, любовались на жен и сестер, смиренно склонялись перед умудренными отцами и матерями.

А граф Румянцев не знал покоя и в эти первые мирные месяцы 1762 года. Сначала, после взятия Кольберга, он вздохнул с облегчением. Потом начались банкеты и балы, но и они вскоре наскучили, душа воина затосковала. И весть о воинственных намерениях Петра III отвоевать у Дании некогда принадлежащий Голштинии Шлезвиг снова всколыхнула размеренную жизнь генерала.

Писала ему жена Екатерина Михайловна... Слезно молила приехать: дескать, давно не виделись, соскучилась, дети растут без него... А что он может поделаться с собой – ушла любовь из его сердца и вряд ли вернется. Конечно, хорошо бы пожить в Петербурге или в Москве, но как представит себе строгую физиономию своей благоверной, так сразу прекращались его внутренние колебания... Нет уж, лучше поживет здесь, в походных условиях, в Кольберге или в Гданьске. Столько еще нужно сделать для подготовки армии к новому походу, столько всего предусмотреть. Понятно, его, как и всех русских офицеров и солдат, огорчили мирные условия, по которым все завоеванное

возвращалось Пруссии. Но такова уж воля нового монарха Петра III, тут уж ничего не попишешь. Но жаль, очень жаль пролитой русской крови!

Петр Александрович редко оставался наедине с самим собой, а потому в эту летнюю ночь 1762 года долго не мог заснуть от тревожных раздумий. Сегодня захотелось ему отдохнуть от людей, от женщин, от вина и водки, и он ушел с очередного банкета. Надеялся, что быстро заснет, но не тут-то было. Думы, одна тревожнее другой, одолевали его. И отгоняли сон.

Румянцев встал, зажег лампу, оглядел свое жилище. Нет, не так уж плохо он устроился здесь, в Гданьске, только с деньгами туго, жена их не шлет, лишь бомбардирует письмами. Ага, вот оно, это письмо, последнее письмо жены... 17 марта 1762 года, Москва, Петр III и его двор в Москве... Петр Александрович снова перечитал письмо Екатерины Михайловны. Искреннее, бесхитростное, оно тронуло его зачерствевшее сердце.

«Батюшка мой Петр Александрович, - читал Румянцев. - На сих днях была у Двора, где, по обыкновению, все меня спрашивали, скоро ли будешь. На что, по письму твоему, сказывала, что болезнь твоя удержала, что хотел ехать, да занемог лихорадкою, из чего разное заключают. Я Богом свидетельствую, что за истину сие приняла; только человек такой мне сказывал, что-де не то, а есть-де другие письма, которые сюда пишут, что-де он собирался, а теперь откладывает свою езду; так кто к вам ходит - остерегайся их, пожалуй; я знаю одного верного, который сюда к своему министру пишет; а сам знаешь, что немудрено, чтобы прочесть, так я не почитаю сие быть за истину, чтобы ты отлагал вовсе езду свою или бы стал длить после всего этого, что ты сам писал, кажется невозможное... Сама матушка сказать изволила, что к тебе писала. Я боюсь истинно, что ты все сие мне в вину поставляешь, что я причиною, только

Богом свидетельствуюся, что, с моей стороны, ничего не оставлено было, чтобы не в удовольствие твое это я хотела сделать, а единственно только то делаю, чтобы скорее сюда приехал, а то боюсь, что замешкаешься, так не пришло бы в Петербург ехать, а здесь бы застал, так бы свои меры взял, и коли захочешь и в отпуск бы отпустили, только прости меня, буде и этим тебе досадила. Я, по несчастию своему, вижу, что я всегда причиною всему, на меня всегда заочно сердишься, и не хотела было и писать, боялася, только за долг нахожу, лучше дать знать, чтобы поосторожнее свои мнения сказывали тем, кто сюда пишут; я не знаю, что их интересует об тебе описывать, только же это скажу, что я уверила совсем противное, что, конечно, болезнь твоя удержала, а не иное что; так тебе остается доказать только тем, что ехать. А я пребуду покорная и верная жена г. *К. Румянцева*».

Дочитал письмо и поморщился, словно от зубной боли, – такова была первая его реакция на признание в любви от надоевшей ему жены. А потом почувствовал угрызения совести. Ведь ей действительно тяжело. Но не мог же он написать, что не хочет ее видеть и что у него здесь появилась веселая подружка. Вот и написал, что заболел... Да и в самом деле: столько претерпел за эти семь лет войны. А если вспомнить о неусыпной службе с 1739 года, когда он совсем юным поехал в Берлин, исполняя наказ отца выучиться дипломатическому искусству? Нет, он и тогда почувствовал в себе изрядную тягу к военным делам...

И вот он, командующий русским корпусом, прошедший многолетнюю закалку на войне, хорошо подготовился к походу против Дании, ждал Петра, который пообещал лично приехать в лагерь и благословить свою армию на ратный подвиг во имя справедливости – восстановления единства его Голштинского герцогства.

Румянцев понимал всю опасность этой затеи: ведь Дания не останется одинокой, непременно какие-то европейские страны встанут на ее сторону, и снова разгорится война... Сколько уж раз такое бывало даже на его памяти: начинается с частного, а потом потянется ниточка и накрутится целый клубок необъяснимых противоречий... Война за испанское наследство, постоянные конфликты между Францией и Австрией, между Францией и Англией, а тут еще появилась воинственная Пруссия, которая сейчас ничуть не уступает грозным державам Европы, даже переигрывает их благодаря коварству и военным талантам Фридриха.

Румянцев в те дни и не думал об отдыхе. Путь армии был неблизкий. Вот он и старался привести войско в надлежащее состояние. И успел многое за это время. Душа его радовалась при виде подтянутых, отдохнувших от военных тягостей солдат и офицеров, жаждущих отличиться. И как все изменилось самым неожиданным образом! Лопнули, как мыльный пузырь, его военные вождения, не сбылась взлелеянная мечта о самостоятельных операциях против сильного противника... Не загуляешь ли после этого?..

Сначала он просто не поверил вести, полученной от генерал-фельдмаршала Салтыкова: в столице переворот, российской императрицей стала Екатерина Алексеевна, Екатерина II, а Петр III арестован и доставлен в Ропшу. Эту весть он получил за несколько часов до прибытия курьера из Петербурга и мучительно раздумывал, как поступить. Добрый и честный Салтыков советовал подчиниться без всяких раздумий и сомнений – власть, она и есть власть, кого угодно сломает без сожаления и сомнений, надо думать о будущем. Пока Румянцев раздумывал, сомневаясь и мучаясь, в корпусе уже прослышали о событиях в Петербурге. Близкие к нему офицеры заходили, чтобы

узнать о подробностях, а узнав, уговаривали его не медлить с присягой на верность новой императрице. Но ведь Петр III, которому он недавно присягал, – законный император, внук Петра Великого, и он еще жив... Как же быть? Сколько же можно играть в дворцовые перевороты!

Опыт и разум победили чувство долга перед законным, но, видимо, незадачливым властителем России, который, взойдя на престол, отдал Фридриху II все завоеванное Россией в кровопролитной войне, даже Восточную Пруссию, уже обжитую и освоенную русскими за эти семь лет... Благоразумие взяло верх. Румянцев в тот же день, до получения указа, собрал войска и объявил всенародно о благополучном восшествии Екатерины на всероссийский императорский самодержавный престол. Торжественно привели войска к присяге, отслужили благодарственный молебен, троекратно ударили с крепости из всех орудий и из мелкого ружья, и эта троекратная пальба сопровождалась радостными восклицаниями в честь ее императорского величества.

Что он мог еще сделать как командующий корпусом? Сделал все, чтобы проявить свои верноподданнические чувства, хотя, конечно, понимал всю несправедливость и незаконность происходящего... Совсем чужая женщина, немка, без капли русской крови, так очаровала всех, что повела гвардию против внука Петра и победила. Будет ли польза от этого России? Этот мучительный вопрос не давал покоя Петру Александровичу.

Румянцев сдал командование корпусом генералу Петру Панину, а «немедленно возвратиться в Россию», как повелела ему Екатерина, решительно отказался, сообщив о своей болезни и желании лечиться... Правда, сначала хотел вернуться в Россию, но потом, оскорбленный унижительной сдачей корпуса,

недоверием новой правительницы, решительно отказался от своих намерений. Взяла верх гордыня молодости, чувства победили разум, и он, простившись с друзьями, отъехал в Гданьск.

И вот уже сколько месяцев жил жизнью беспечного человека, которому все нипочем. Пил и куролесил, наводя страх на хозяина гостиницы.

Через несколько дней после сдачи корпуса Панину отправил Екатерине письмо с просьбой об отставке, сославшись на болезни, на необходимость ехать лечиться на целительные воды. Екатерина незамедлительно ответила ему энергичным письмом, содержание которого не оставляло никаких сомнений в том, что он ненадобен новой повелительнице. Часто в горькие минуты раздумий он доставал это письмо и перечитывал его. Вот оно: «С.-Петербург, 5 августа 1762 года. Граф Петр Александрович! С неприятностию усмотрела я из письма Вашего от 20 июля о приключившейся Вам болезни и об оной жалею сердечно. Службы Ваши, которым Вы и чрез последовавшее под предводительством Вашим взятие Кольберга новый показали опыт, служат мне поводом к отданию надлежащей Вам справедливости. Итак, снисходя охотно на прошение Ваше, позволяю для лучшей способности до излечения Вашего жить в деревне Вашей или по востребованию нужды ехать и к целительным водам и пребываю императорскою милостью Вам благосклонная *Екатерина*».

Почти одновременно с этим получил он и письмо от своей Екатерины Михайловны, тоже не порадовавшее его. И жене он написал, что поедет лечиться на воды, а для этого надобны деньги. Деньги нужны были не столько для лечения, сколько для уплаты долгов хозяину, да и карточные долги появились. Ведь жил он не оглядываясь, есть у него деньги или нет, жил как в молодости. Ответа от жены долго не было. К каждой

почте посылал слугу, но письма не было, вот как обиделась Екатерина Михайловна. Но все оказалось хорошо, и ее молчание объяснилось просто: долго не получала его писем, а теперь получила сразу два. Слава богу, что все подошло из того, что он им послал. Господи, как ей мало надо, только письмо да кое-что из подарков... И готова ему все простить. «Бог слезы мои услышал, что порадована на несколько времени, теперь спокойна», – вспомнились Петру Александровичу строки из письма.

Петр Александрович, только что благодушно настроенный при воспоминании о домашних делах, неожиданно нахмурился при воспоминании о Екатерине Михайловне... Вот ведь ничего другого не могла придумать, как посылать письма через Дмитрия Васильевича Волкова, тайного секретаря Петра III, самого доверенного и влиятельного его человека. Конечно, он теперь либо сослан, либо убит, вот и задержались письма жены. Может, и передала-то эти письма Волкову тогда, когда все там в Петербурге закрутилось... А может, передала письма через Прасковью Александровну? На нее вообще нельзя положиться: либо забудет, либо передаст не тому, кому следовало бы. Пашеньке, конечно, сплошные недосуги, то с одним закрутит, то с другим. Бедный граф Брюс, несчастный муж ее, как он все терпит? А ведь Прасковьюшка, кажется, подружка новой императрицы?

Тяжко на душе у графа Румянцева. Не привык к безделью. Готов был растерзать себя тревожными сомнениями. Что делать? Как быть? Ведь растут три сына, их не бросишь и не побежишь за первой встречной, которые тут наведывались к нему. И возвращаться нельзя, и покидать родную страну обидно. И сколько можно бездельничать в Гданьске!..

Румянцев вспомнил последние свои распоряжения в Кольберге, когда он еще командовал корпусом.

Незадолго до дворцового переворота, составляя по распоряжению императора Петра III реляцию о производстве офицеров на свободные вакансии, Румянцев каждого офицера и сержанта осмотрел, назначая на ту или иную вакансию не только по старшинству, но и по достоинству. Некоторых, не способных к продолжению службы, отправил в Военную коллегию, пусть там разбираются, что делать с такими. А самого старшего и самого достойного – подполковника Александра Суворова – рекомендовал к повышению в полковники на состоящую в кавалерийских полках вакансию... Получилось ли производство по его рекомендациям? Или новые правители не вняли ему?

Нет, не поедет в Москву, повременит покуда, тут так хорошо, никаких забот, тревожило лишь безденежье, так можно и в долг пожить...

Во многих московских домах уже давно отпраздновали возвращение с войны служивых. Увечные и здоровые, с орденами и медалями и без оных, все были радостно встречены, слезами женскими омыты, девичьими улыбками озарены. Лишь в барском подворье Румянцевых по-прежнему было скучно и тоскливо. Бывало, конечно, и здесь веселье, когда маленькие барчуки вываливались с няньками из дома и бегали по двору, укрывались в чудесном саду, прячась от надоедливых нянек. Девятилетний Николай и восьмилетний Сергей, забыв строгие наставления матери, весело играли в войну; старший – Михайл – считал для себя зазорным играть с «малышами», больше крутился около лошадей.

Екатерина Михайловна все еще надеялась, что Петр Александрович скоро вернется к ней и снова они заживут одной семьей, как в первые годы после женитьбы. Но надежды с каждым месяцем убывали,

редкой весточке от мужа радовалась, как ребенок новой игрушке, но сколько могло так продолжаться... Большое хозяйство требовало много внимания, и днем она была в постоянных хлопотах. Но вот наступал вечер, дети отходили ко сну, большой дом замирал, и она оставалась наедине со своими мыслями. Все одна и одна... Конечно, к ней приезжал брат, князь Андрей Голицын, рассказывал о своих неудачах, о том, что полк его направляют в корпус Румянцева, и она надеялась, что муж не оставит его своей помощью. Через Ивана Петровича Салтыкова, сына знаменитого фельдмаршала, передала тулуп и звезды, но от мужа опять не было никаких вестей. Получил ли он то, что она ему послала, или нет? Так жить больше невозможно. В постоянном напряжении, страхе, сомнениях: приедет или не приедет домой?

Наконец пришло письмо, в котором граф Румянцев сообщил ей, что, получив отставку, собирается ехать на воды. После этого письма многое открылось графине. Бывая при дворе, разговаривая с друзьями, графиня Румянцева узнала, что он обижен за отставку и в знак протеста не хочет приезжать в Россию. Но ей-то говорили и о другом: Петр Александрович завел себе любовницу, бражничает и больше ни о чем не думает.

Сначала при виде письма она порадовалась, но, как только познакомилась с его содержанием, горькое чувство одиночества снова охватило ее. Сразу яснее стали все разговоры близких и знакомых, которые ей довелось слышать о Румянцеве, давно уже ставшем предметом острого интереса в свете. Ну как же, единственный герой минувшей войны празднично живет за границей, влезает в долги, а в Россию даже не собирается! Это кого хочешь заинтересует, а уж о светских сплетницах и говорить нечего. «Ишь, что удумал, – в сердцах укоряла графиня Петра Александровича, – сам уедет к водам лечиться, а я ему

должна во всем помогать! А уж меня-то совсем, знать, забыл, что я есть. Ведь я в жизни моей ничего худого ему не сделала, даже мыслию против него не грешила... Если он сделает это, поедет на воды, то вечное ему предосуждение будет, а мне с бедными детьми пагуба. Нет, я просить его и мешать ему не буду, но и утаить сие нельзя, раз он написал мне. Только о том сожалею, что не знаю истинной правды. Перенестись бы туда и взглянуть хотя бы одним глазком, что он там делает... Нет, лучше не знать ничего, пускай лучше люди думают, что я ничего не знаю. Верю, очень верю, что он болен, только захотят ли эти резоны принять от меня, когда я стану говорить о них... Еще и обо мне люди вздумают, что и я ищу способы жить розно с ним. Вот ведь почти сорок лет на свете изжила, а никто слова плохого сказать обо мне не может. Неужели сейчас надо изворачиваться, врать? Поздно зачинать жить по-другому. Может, образумится? И письма, и посылки как бы явным образом доказывают знаки милости его к моим бедным детям. Может, избегает только меня, чтобы не жить со мною вместе?..»

Екатерина Михайловна тяжело страдала от этих мыслей, которые неизбежно возникали у нее всякий раз при воспоминании о Петре Александровиче. Она пыталась его как-то оправдать, используя малейшую возможность, но прямая ее натура, не привыкшая лукавить и хитрить ни перед людьми, ни перед собой, заставляла честно признаться, что муж перестал ее любить.

Раздумья графини Румянцевой были прерваны вошедшим слугой.

– Ваше сиятельство! Граф Петр Семенович Салтыков просит принять его.

– Вот некстати-то... Но проси, проси! Что стоишь-то как пень, сам главнокомандующий Москвы к нам пожаловал, а ты...

«Что ж ты, милая, злишься-то, срываешь свою печаль на других?» – горько осудила себя несчастная графиня.

В скромном, по своему обыкновению, мундире, без орденов и других знаков отличия, вошел фельдмаршал Салтыков. Графиня шла ему навстречу, широко улыбаясь.

– Рад вас видеть, графинюшка... А вы все в делах да хлопотах? Что-то лицо-то у вас озабоченное?

– Все строюсь, ваше сиятельство, – ответила графиня. – Сад развожу, оранжерею на каменном фундаменте, галерею. Да временами такая грусть на все возьмет, что, чаю, каждое дело слезами оплакано.

– Ну, не печалься, голубушка. Скоро, видно, приедет твой граф.

– Так до сих пор ничего не знаю. Знать, Бог определил так в грусти век свой кончить.

– Да полно тебе, не печалься. Никак не разберу его почерк. Вчера пришло от графа письмо, а ничего в нем не пойму, говорят, только ты и понимаешь его руку.

Салтыков вытащил из кармана пакет и подал графине письмо Румянцева.

Она быстро побежала глазами по строчкам письма. Но с первых же строк поняла, что не в силах будет повторить его вслух: Петр Александрович откровенно признавался другу, что давно мечтает поехать с любовницей на воды, а жена не шлет ему денег, видно, растратила все оставленные им, а оставил он не так уж мало, пять тысяч рублей...

Каждая строчка письма Румянцева была оскорбительна для нее, она почувствовала, как слезы покатались по ее щекам, она больше не видела ни письма, ни перепуганного графа Салтыкова, понявшего, что совершил оплошность. Да разве мог он подумать, что в письме есть какие-то секреты от жены! Он-то сам

был хороший супруг и семьянин. А тут, видно, слухи подтверждаются самим Петром Александровичем.

- Нет, ваше сиятельство, и я ничего не пойму в каракулях моего муженька. - Столько яда было вложено в эти простые слова, что главнокомандующий Москвы поспешно ретировался.

«Господи! - взмолилась несчастная графиня. - Пусть это будет неправда...» Сколько раз уж нашептывали ей про графа, про его измены, про его любовниц, но она не верила, отвергала все. А тут сама увидела признания Петра Александровича, сама убедилась в правоте всего, что говорили. Не могла читать вслух эти пакостные признания, пусть граф Салтыков сам прочитает и поймет, каков его приятель...

«Ишь, ехать к водам с пустыми руками ему не можно, надобно деревни заложить или продавать, так таких мало у нас найдется. Если Чаборчино продать, так не с чем и жить...»

Не успел Петр Семенович намекнуть своей жене о конфузной истории с письмом Румянцева, как слух пошел гулять по Москве.

В тот же день, к вечеру, к дому Румянцевых подъехала карета. Это Мария Андреевна Румянцева, мать опального генерала, приехала проведать невестку. И сразу дала понять, что Москва уже знает о скандальном письме, вызвавшем пересуды в светских кругах.

- И что ты так переживаешь, голубушка? - сразу заговорила Мария Андреевна, и сама охочая до светских сплетен. - Не перебесился еще... Ты ж его знаешь...

- Господи, стыд-то какой, уж вся Москва знает. Да и может ли у нас быть что-нибудь тайным? Неужто граф Салтыков дал кому-нибудь почитать его письмо? Теперь слух разойдется, всяк скажет, почему он ехать сюда не хочет.

- Никто на Петра Семеновича и не ссылается. Это мне сказала по секрету графиня Вельская, а ей - княгиня Волконская...

- Боже мой, ну почему ты не накажешь его?! - И столько ярости прозвучало в голосе графини, что Мария Андреевна замахала в суеверном ужасе руками.

- Ты брось свои причитания, он отец твоих детей. Что ты значишь без него?

- Уж сидела бы я одна, такова моя судьба. Коли Бог мне определил, так буди его воля святая. Коли я рождена на все горести, пусть будет так. Ну а почему, матушка, такая выпала мне судьба? Ведь я истинно никому не помешала и ни в чем препятствий не делаю, никаких происков против него не замышляла. Неужели за эти годы он не увидел всю искренность моей любви к нему? Все огорчения сносила, все надеялась, что и он, увидев мою преданность, сжалится. Но нет, нынешний случай доказывает, что все позабыл, навлекает на себя предосуждения, а меня к сокрушению ведет... Господи, прости его грешного! Только во век мой единую надежду на Бога полагала и теперь уповаю на Его единого; может, смягчится его сердце, и он увидит, что я не таковая жена, как он себе воображает... А что ж мне теперь делать?

Мария Андреевна искренне удивилась тому, как близко к сердцу приняла графиня Румянцева измену своего мужа: всю жизнь Мария Андреевна провела при дворе и всякого навидалась, а главное - в ее время мало кто хранил супружескую верность.

- Ты уж не суди его так строго-то! Семь лет была война! Устал, поизносился, вот и хочется в мирной жизни поразвлечься. - Мария Андреевна пыталась урезонить и успокоить невестку.

- Здесь ли ждать, что он надумает, или в деревню уехать, скрыться ото всего этого отвратительного, что

ждет меня здесь... Разговоры, слухи, нашептывания... Пусть сам решает...

Мария Андреевна догадалась, что Екатерине Михайловне необходимо высказаться, и не мешала ей.

- Пусть сам решает... Пусть присылает кого угодно заниматься домом и детьми, пусть присылает доверенность для закладу или продажи деревни, без того денег не достать. Да и на воспитание детей нужны деньги. О чем он только думает? Ох, в какое состояние он меня привел своим письмом! Если б он знал мое отчаяние... Думала ли я когда, что таковым вот явным образом он будет доказывать, как несносно жить ему вместе со мною... Ни себя не жалеет, ни мнения света не страшится, ни гнева ее величества...

- Ее величество не раз уж спрашивала о нем... Своим приятелям он пишет: «Да что я ей делаю? Я все, что свое имею, в ее руки отдал». Видно, дошел до него слух, как ты переживаешь разлуку с ним.

- Нет уж, Петр Александрыч, такой душой больше не буду, как до сих пор. Правда, все было на мне, все хозяйство, все хлопоты деревенские и домовые, все утешалась, что придет конец войне и моим горестям и будем жить по-прежнему. А теперь вижу иное: когда неволя ведет его жить вместе со мною, так он все время отыскивает новые способы уклониться от этого. А если я ему говорю правду, то сердится на меня. Никто не любит правды. Пусть знает, что коли хочет жить вместе, то надобно оставить езду к водам и приезжать сюда или в лифляндскую деревню, я с охотой к нему поеду и ничего в жизни не пожалею, чтобы сделать его жизнь счастливой и благополучной. Если ж к водам поедет, то пусть дом и правление препоручает кому угодно. Хватит с меня... Соберу все крепости, письма и все, что ему принадлежит, с описью отдам вам, матушка, или кому прикажете. Не хочу больше заниматься его делами. Хватит! А то он будет ездить со

своей любовницей да веселиться, а я здесь плакать, да крушиться, да в долги входить.

- Что-то ты уж больно горяча, ничего еще толком не знаешь, а уж решение принимаешь. Такова уж наша бабья доля - провожать на войну да дожидаться возвращения. Ты все время забываешь, что семь лет шла война, - успокаивала Мария Андреевна, зная, конечно, что ее слова вряд ли доходят до сознания невестки.

- Тяжко мне, матушка, уж шесть лет это иго на себе ношу, знаю, каково сносить, знаю, чем это все кончится. Апраксин повсюду таскал свою б..., а теперь дошло до того, что вся семья разорена, жене нечего есть, а детей по миру пришлось пускать. Если уж не хочет возвращаться ко мне, пусть я свой век кончу в деревне. И почему я так рано перестала бывать в свете? Как вышла замуж, пошли дети, я и перестала бывать в свете. А что из этого вышло? Он привык повсюду бывать один, никуда меня не брал. А теперь привык и вообще не хочет возвращаться, да еще просит денег... Как дух во мне удержался после такого зловредного письма!

Мария Андреевна уехала, а Екатерина Михайловна взяла щипцы и, поправив свечи, снова задумалась о своей нелегкой судьбе покинутой жены.

Екатерина Михайловна сдержала свое слово, выстраданное в таких мучительных раздумьях. После письма Румянцеву, в котором все ему высказала, она не занималась делами до тех пор, пока не получила его указания. Денег она ему послала, но мало, сколько могла набрать. Она не могла заложить свои деревни и пустить все на ветер, она должна была думать о будущем своих детей. Не имея доверенности от Румянцева, она не могла распоряжаться его имуществом, деревнями. Стойко выдержала Екатерина Михайловна упреки графа в том, что она, дескать, живет не своим умом, слушает всяческие сплетни о нем,

не помогает ему преодолеть обиды и унижения, которые выпали на его долю от новой императрицы.

Так вот они и жили эти месяцы: она упрекала его в неверности и нежелании жить вместе с детьми и женой, а он упрекал ее в непонимании его душевного состояния, его обиды на новое российское правительство, не оценившее его воинских заслуг перед Отечеством.

Екатерина Михайловна в ответ на упреки графа писала ему, что она никогда не поступала по советам людским, ни у кого не спрашивала, как поступать ей в том или ином случае, всегда слушалась голоса своей совести и не чувствует себя виновной перед ним ни в чем. Сколько горя бы ни выпадало на ее долю, она всегда все эти тяготы носила на сердце, слова не обронила, никому не жаловалась. Да и откуда же она могла узнать, что он по-прежнему живет в Гданьске? Кто ни приезжал из Гданьска в Москву, каждый уверял ее, что граф вскорости приедет в Москву. Она и ждала этого приезда со дня на день, а он, оказывается, ждал от нее денег, писем, посылок. Куда ж она могла посылать, если ждала его приезда, а сам он замолчал, обиженный ее молчанием? Вот так они и жили, каждый затаив обиду на сердце. И никто не хотел уступить.

Через три месяца Петр Александрович написал графине, что задолжал много денег, не может никуда стронуться отсюда – ни на воды, ни в Россию. Так что Екатерине Михайловне, почувствовавшей надежду на его возвращение, пришлось заложить свою деревню Юрьевскую и послать ему деньги, чтобы он мог расплатиться с долгами. Особенно тяжело переживала она упрек графа в том, что она растратила оставленные им пять тысяч рублей. Ведь она писала ему, что она эти пять тысяч заплатила ему: по его векселям было заплачено маркитантам четыре тысячи, а тысячу она израсходовала по его приказу на покупку кареты, да и

шоры немало стоили. Карета с шорами в доме его остается. Все это время жила в долг. И чем теперь жить? Едва хватает на пропитание...

20 ноября 1762 года графиня Румянцева писала Петру Александровичу: «Батюшка мой Петр Александрыч, письмо твое от 28-го прошедшего получила через графа Петра Семеныча (Салтыкова. – *В. П.*), из которого вижу, что я всему причиною, даже и до того, что коли бы я деньги прислала, так бы давно здесь был, сожалею о сем, что злость моя уже довела до того, что я сама себе злодейка».

Пройдет еще немало времени, пока наладятся отношения между супругами Румянцевыми. А пока все оставалось по-прежнему: Петр Александрович жил за границей, Екатерина Михайловна то в Москве, то в деревне. Угрозы угрозами, но ей не удалось выполнить своего обещания и бросить заниматься хозяйством и детьми графа Румянцева, она по-прежнему оставалась и любящей матерью, и хорошей хозяйкой.

Глава 2

Достигла высшей власти

Январь 1763 года. В это утро, около семи часов, раньше всех встала, как обычно, императрица Екатерина. Сама оделась, растопила камин и со свечой в руках направилась в небольшой кабинет. Пока все спят, она любила в тиши уединения сесть за свой стол и писать письма, указы, комедии, трактаты – все, что придет на ум.

Прошло не так уж много времени со дня дворцового переворота 28 июня 1762 года – всего лишь шесть месяцев, – а сколько событий мелькнуло в ее жизни, и только на первых порах она изменяла своему распорядку дня: нужно было столько разослать указов, столько сделать распоряжений, все предусмотреть, все предвидеть. Да разве все возможно предусмотреть и все предвидеть? Такая запущенность в делах ей досталась в наследство, все так было расстроено, что у нее руки опускались на первых порах. А главное, мало кто из ее новых друзей, добывших ей российский престол, разбирался в политике, внутренней и внешней, все они были молоды, порывисты, умели только пить, кутить, играть в карты, биться на полях сражений, драться в ресторациях и игорных домах, волочиться за женщинами. А перед нею встали такие задачи, которые даже она не могла предвидеть, – управление страной, обширнейшей и богатейшей империей, где обитает не только народ русский, но и малороссы, белорусы, поляки, немцы, татары, кавказские народы, и всех их нужно приласкать, никого не обидеть.

За эти шесть месяцев царствования, кажется, ничто не изменилось в Екатерине Алексеевне. Она по-прежнему спокойна, равна со всеми подданными, с

теми, кто составляет ее двор. Среди приближенных все те же, кто был с ней все эти восемнадцать лет, пока она шла к достижению заветной цели: Лев Нарышкин, острый на язык, преданный ей придворный, Мария Андреевна Румянцева, статс-дама, Прасковья Александровна Брюс, милая ее подруга, ровесница, от которой не было никаких тайн, особенно сердечных, тоже родственница Петра Румянцева, родная сестра.

Что-то мысли ее сегодня постоянно возвращались к графу Румянцеву, который, пожалуй, единственный, кто за эти шесть месяцев так и не искал ее благодеяний. А жаль... Она сейчас в таком положении, когда каждый стоящий человек словно на вес золота. Так нужны умелые помощники в управлении государством, армией! Умных да преданных так мало во все времена. Есть преданные, да не способные управлять. А вот такие, как Румянцев, не торопятся припасть к стопам новой правительницы...

Нет, в это утро Екатерина Алексеевна так ничего и не написала. Стоило ей переключиться на письмо, а воображение невольно переносило к недавним событиям конца июня прошедшего года. Ничто вроде бы не изменилось в ее обыкновении рано вставать и работать. За эти восемнадцать лет она приучила себя работать с полной отдачей. Раньше, с 1745 года, она учила русский язык, изучала нравы и обычаи русского народа, религиозные обряды, читала серьезные исторические и философские книги, уже в то время называя себя «философом в пятнадцать лет». И мало кто догадывался, что она уже тогда готовила себя к управлению великим народом и великой страной. Кому придет в голову на ее месте читать «Жизнеописания» Плутарха, сочинения греческого философа Платона, римского историка Тацита, энциклопедию Бейля. А потом она увлеклась сочинениями великих французов: Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо... Только чтение

могло вознести ее над окружающими сенаторами, генералами, придворными. Разве не Тацит открыл ей многие стороны человеческих взаимоотношений, научил глубже разбираться в мотивах человеческих поступков и пристальнее всматриваться во все, что кругом происходит?

Книги научили ее быть терпеливой, снисходительной к чужим слабостям, быть стойкой. И вот она императрица... Не зря она часами простаивала на коленях с молитвенником в руках, чем заслужила доверие религиозной Елизаветы, постилась, говела даже больше, чем диктовали ей религиозные постулаты. Да, Елизавета полюбила ее, но и не давала сделать хотя бы один самостоятельный шаг; даже заставила ее румяниться, хотя ей не нравились ни румяна, ни белила. Но стала румяниться и употреблять белила, носила мужской костюм, лишь бы угодить императрице... И вот теперь она сама императрица. Но она не будет похожей на Елизавету, она станет просвещенной монархиней, когда все будут окутаны ее милостями как теплыми одеялами...

Она шла к власти долгих восемнадцать лет, но вовсе не ожидала, что перелом наступит так внезапно. Мысли ее то и дело уходили в недалекое прошлое, часто возникали картины недавних событий, и радость исполненного согревала ее душу, образы преданных людей проходили вереницей.

Вот и в этот январский день, после отшумевших рождественских и новогодних празднеств, она с трудом оторвалась от воспоминаний, с которыми ей было так и грустно и тепло... Как жизнь одного человека, судьба целой империи зависит от случайных совпадений благоприятных или неблагоприятных обстоятельств! Если бы Петр со своими голштинцами оказал ей сопротивление в тот день или вовремя догадался бы захватить Кронштадт, а оттуда удрать за границу, в

Померанию, где стояли готовые к походу в Данию войска Румянцева, все могло бы быть сейчас по-другому. Она не сидела бы в этом уютном теплом кабинете в императорском дворце, а где-нибудь в Сибири или в лучшем случае в монастыре доживала бы свои дни.

И вот вроде бы круто изменилась ее жизнь с 28 июня 1762 года... Стать повелительницей такого огромного и могущественного государства, как Россия! И эти перемены, казалось бы, должны были круто изменить и ее внутренний мир. Ничуть не бывало: она по-прежнему верна себе – рано встает, много работает, читает. Прибавилось лишь хлопот, тревог и забот.

Со смертью Петра III она вздохнула с облегчением, хоть и жалко ей было этого сумасбродного и легкомысленного правителя, совсем не готового к этому сложному виду человеческой деятельности ни по своему образованию, ни по своему воспитанию, ни по характеру. Почти восемнадцать лет она стойко терпела супружеское иго. Сначала ее забавляло, что он доверял ей свои любовные секреты, во всем искал советов умной жены. А потом под влиянием плохих людей, которыми он окружил себя, совсем от нее отошел, менял любовниц, выбирая одну глупее и дурнее другой. И наконец остановился на Елизавете Воронцовой, полной, широкоплечей и некрасивой женщине. Хотел сделать ее императрицей, во всяком случае, она бывала на всех торжественных приемах рядом с императором. Петр был человеком во всем ей противоположным, он охотно просиживал часами за веселой, беззаботной беседой со своими дружками-голландцами. Даже не за беседой – это было скорее зубоскальство, пустая трата времени. Он не хотел учиться, его не тянуло к книгам. Он ненавидел придворный этикет. Ему бы подурачиться, понасмешничать, поволочиться за красивыми придворными дамами...

В Ораниенбауме, к которому он привык, будучи наследником престола, мог часами заниматься военными упражнениями с отрядом голштинцев, а потом с офицерами устраивал кутежи – с вином, пивом, танцами, случайными женщинами... Он не мог долее оставаться на императорском престоле страны, народ которой он не уважал, язык которой презирал, открыто признавался в том, что пособничал Фридриху II во время недавней с ним войны. Он был простодушен, как ребенок. Не зря Фридрих сказал о свержении его с престола: его отослали в Ропшу, как отправляют преждевременно спать напроказившего ребенка. Вот уж действительно остроумно сказано. Никакого сожаления о своем страстном почитателе.

С первых дней царствования Екатерина поняла, что гвардейские офицеры и солдаты, которые возвели ее на трон, по-прежнему будут ее почитать и славить ее мудрость и красоту, но вряд ли чем существенным могут помочь ей в управлении страной. Даже самые умные и энергичные, такие, как братья Орловы, могут стать украшением подножия ее трона, могут выполнять ее отдельные поручения, но они не способны на долговременное государственное управление, которое нуждается в повседневном внимательном изучении дел и правильных их решений, вдумчивых, справедливых, своевременных.

Наступило время приема секретарей и министров. Екатерина выпила, как обычно, чашку крепкого кофе, приласкала собачек, не переводившихся у нее, и спросила, кто ее ждет.

– Никита Иванович Панин.

– Проси.

«Этот не упустит своего часа, непременно придет с какой-нибудь неприятностью», – подумала императрица. Ее полное белое лицо чуть утратило привлекательность и стало величавым.

Мемуаристы разное писали о ее внешности. Одни говорили, что она самая красивая женщина среди своих современниц, другие отмечали «что-то угловатое и неуклюжее» в ее внешнем облике, – в зависимости от того, что видели в ней в разное время и в разном состоянии. А пока перед Никитой Паниным предстала тридцатитрехлетняя женщина в расцвете обаяния и ума.

Никита Иванович вошел и церемонно, как этого требует этикет, склонился перед императрицей.

– Ну что, Никита Иванович, опять с проектом? – Екатерина тяжело вздохнула, давая понять, что она готова выслушать его со вниманием усердной ученицы.

Панин часто попадался на эту уловку и подробнейшим образом излагал очередные проекты, которые просто «толпились» в его умной запальчивой голове.

– Ваше величество! – Никита Иванович развернул папку для доклада и приготовился излагать события минувших дней.

«А он, скорее всего, не догадывается, что я уж решила не подписывать тщательно разработанный им проект манифеста», – мелькнуло у Екатерины, внимательно всматривавшейся в невозмутимоспокойное лицо статс-секретаря по иностранным делам.

– Да, слушаю вас, Никита Иванович. – Екатерина взяла заранее приготовленный клубок с нитками и принялась вязать.

– Указ, запрещающий ввоз кружев и материй из шелка и тканого серебра, произвел ошеломляющее действие на наших модниц, ваше величество...

– Ну что ж, ведь недолго и все пустить на тряпки, пусть на экономию покупают книги за границей. Так-то лучше будет. А то недолго и разориться русскому дворянству...

- Но барон Бретейль не унывает, говорит, что мы будем все-таки покупать ихние мануфактуры и ткани, если и не блестящие, то не менее дорогие. Боюсь, что он недалек от истины: так трудно отучить наше дворянство от привычной роскоши.

- Мы только начинаем царствовать, Никита Иванович, - ласково напомнила Екатерина. - Не будем так мрачно смотреть на наших подданных, они ведь могут быть и исполнительными.

- Не такие уж они исполнительные, ваше величество. Вот граф Румянцев по-прежнему не торопится вернуться в Россию...

- Что, все еще пьет и гуляет со своими метрессами? - Екатерина перестала даже вязать при имени графа Румянцева. - Сколько ж он будет перечить нашей воле?

- Никак не может позабыть обиды...

Да, эта вынужденная мера была совершенно оправданна в то критическое время. Она не могла рисковать, оставляя доблестный корпус в командовании Румянцева, обласканного Петром III. Но потом-то она милостиво разрешила Румянцеву возвратиться в Россию, где его ждали награды и новое назначение. Так ведь он не послушался и попросил об отставке. Что ж она могла поделаться с этим строптивым генералом?

- Это самый талантливый ваш генерал, ваше величество. Все так говорят, и брат мой, Петр Панин, и Захар Чернышев, и князь Голицын. Все они воевали рядом с ним и понимают, что его нужно приласкать, он ведь еще так молод...

- Сколько же ему?

- Тридцать восемь, ваше величество.

- Ну, я подумаю, что сделать для него. Вы хотите мне напомнить о проекте манифеста, ваше сиятельство? - Екатерина проницательно посмотрела на Панина. - В таком виде проект я не могу подписать, над

ним надо еще поработать. Что-то в нем меня не удовлетворяет. Да и многие другие его критикуют, давайте еще поработаем...

Панин ушел, а она еще целых полчаса не принимала никого из толпившихся в приемной секретарей и министров. «Сколько же он будет пытаться ограничивать мою власть? Ведь с первых дней, когда составил манифест о восшествии моем на престол, он во многие документы вставляет фразы, ограничивающие мою самодержавную власть...»

Екатерина взяла со стола проект манифеста и перечитала его... Хитро, тонко Панин ограничивал императорскую власть. Вроде бы благое дело - создать императорский совет. Но если вникнуть в подлинный смысл всех параграфов манифеста, все они направлены к тому же - ограничивать власть государя по шведскому образцу, когда король ни в чем не правомочен. Неужели он не понимает, что императорский совет есть то же самое, что и Верховный тайный совет при Анне или Конференция при Елизавете! Но ни Анна, ни тем более Елизавета не отказались от самодержавия как главной формы правления страной...

Екатерина не могла больше сидеть, от волнения встала и нервно заходила по кабинету. Снова перечитала некоторые статьи проекта. «Все дела, принадлежащие по уставам государственным и по существу монаршей самодержавной власти Нашему собственному попечению и решению, словом, все то, что служить может к собственному самодержавного государя попечению о приращении и исправлении государственном, имеет быть в Нашем императорском совете, яко у Нас собственно». Вот до чего договорился господин прожектер. А следующий параграф тоже никуда не годится... Ну хотя бы совет в качестве совещательного органа, а то ведь... «Императорский же

совет не что иное, как то самое место, в котором Мы об империи трудимся, и потому все доходящая до Нас, яко до государя, дела должны быть по их свойству разделены между теми статскими секретарями, а они по своим департаментам должны их рассматривать, выработывать, в ясность приводить. Нам в совете предлагать и по них отправление чинить по Нашим резолюциям и повелениям».

Екатерина давно была знакома с суждениями Панина об ограниченной монархии. Он часто говорил о полезности этого ограничения, ссылаясь на опыт человеческий, на пользу демократических институтов правления. Екатерина никогда не возражала ему, но всякий раз возвращала проект, указывая на те или иные недостатки.

И вот 28 декабря, в канун Нового года, она все же подписала новый проект манифеста, но Панину его пока не отдавала. Она понимала: «Завтра уже будет поздно, если подписанный проект отдам для оглашения... Ведь слово не воробей, придется считаться с мнениями советников, спорить с ними, доказывать правду и справедливость каждого своего решения, объяснять им... Нет, не быть тому...»

И Екатерина решительно разорвала подписанный проект манифеста. «Члены императорского совета, – размышляла она, – если они достаточно умны, решительны, образованны, все более и более могут склониться к формам аристократического правления и весьма скоро могут вырасти в соправителей. Не раз Панин говорил, что государь никак иначе власть в полезное действие произвести не может, как разумным ее разделением между некоторым числом избранных к тому персон... Не могу себе представить, чтобы те, кого я назначила в императорский совет, скажем, хотя бы того же Бестужева-Рюмина или князя Шаховского,

стали бы возражать против моих решений... Нет, власть мне вручена, и ни с кем не хочу ее делить...»

Императрица была в том состоянии, когда хотелось закрыться ото всего мира и наконец-то в спокойной обстановке продумать до конца, до мелочей свою будущую жизнь и работу. Ведь властвовать в такой великой стране – это значит очень много работать, с утра до вечера, работать ежечасно, ежесекундно, не жалея себя, не жалея сил...

«Мало кто знает, в каком состоянии я нашла империю при вступлении моем на престол. С 1756 года мы воевали с Пруссией, война была кончена по воле Петра III таким миром, что мы остались без всяких выгод: армии пришлось уходить даже из Восточной Пруссии, на которую уже и Фридрих II махнул рукой как на утраченную и возвращенную по праву России. Армия была за границей и не получала восьмой месяц жалованья. На штате-конторе было семнадцать миллионов долгу. Ни единый человек в государстве не знал, сколько в казне дохода, но даже никто и не ведал, из чего складывается государственный доход. Повсюду народ приносил жалобы на притеснения и неправосудия разных правителей, а наипаче приказных слугителей, на лихоимство и взятки. Почти все ветви коммерции отданы частным людям на откуп. Флот в упущении, армия в расстройстве, крепости разваливались. В сенате за излишество почитали государственные дела слушать, приезжали посмотреть и себя показать, болтали обо всем, только не о деле. А решения принимали, но какие глупые были порой эти решения! Стыдно сказать, что и карты печатанной не было в сенате, что первую карту я, быв в сенате, послала купить в Академии. Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя до смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации

моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было. К заводам приписных крестьян я нашла сорок девять тысяч в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков, и следовательно, власти той, которая их приписала к заводам. Монастырских крестьян и самых помещичьих почиталось до полутора тысяч, кои отложились от послушания и коих всех усмирить надлежало. Доверенности же к правительству никто не имел, и всяк привык думать, что это учреждение вредное общему благу. Жестокие наказания и пытки за безделицу, как за тяжкое преступление, так ожесточили умы, что многим казалось: это и есть самый порядок правосудия, а не иной какой...»

Екатерина вновь уселась в кресло, пододвинула к себе кипу бумаг, открыла сверху лежавшую толстую папку.

«Вот хотя бы дело Волынского. Сыну моему и всем моим потомкам посоветую читать сие дело от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого незаконного примера в производстве дел. Что ж получилось? Императрица Анна своему кабинетному министру Артемию Волынскому приказывала сочинить проект о поправлении внутренних государственных дел, который он сочинил и ей подал. Осталось ей полезное употребить, неполезное оставить без употребления. А злодеи, кому его проект не понравился, взвели на Волынского изменнический умысел, будто он себе хотел присвоить власть государя. Поверили пыточным речам. А разве можно полагаться на пыточные речи? Из дела ясно, что до пыток все сии несчастные утверждали невинность Волынского, а при пытке говорили все, что злодеи хотели. Странно, как роду человеческому пришло на ум верить речи в горячке бывшего человека, нежели с холодной кровью; всякий пытаный в горячке и сам уже не знает, что

говорит. Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего Отечества, был невинен... Может, он действительно произносил те слова в нареkanie особы императрицы Анны, о которых в деле упомянуто, ну и что из этого? Разве эти нарекания убавили в чем-то ее персональные качества? Всякий государь имеет неисчисленные способы удержать в почтении своих подданных. Если б Волынский при мне был и я б усмотрела его способность в делах государственных и некоторое непочтение к себе, я бы старалась всякими способами, для него неогорчительными, привести его на путь истинный. Вот как Румянцева. А если б я увидела, что он не способен к делам, я б ему сказала или дала разуместь, не огорчая же его: будь счастлив и доволен, а мне ты не надобен! Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены. А если кто из моих потомков не внемлет моим наставлениям, то вряд ли он будет счастлив на российском престоле... Вот не надобен мне старый князь Никита Юрьевич Трубецкой, но нужно уволить его в отставку с полным жалованьем вместо пенсии, к тому же выдам ему единовременно пятьдесят тысяч рублей. Канцлер Воронцов мне тоже не надобен, но и его нужно с почетом и милостью проводить за границу. А вот генерал-прокурора Глебова нужно гнать с должности...»

Долго не могла успокоиться от гнева при воспоминании о «деяниях» генерал-прокурора Глебова, но тут же здраво рассудила: «Нет, нужно подождать с Глебовым, пока одни слухи о его лихоимстве и худом поведении. Ясно мне, что он более к темным делам, нежели к ясным, имеет склонность, уж очень часто от меня в его поведении много сокровенного, тайного. Нет в нем чистосердечия и доверенности ко мне, одно заискивание... Ну, этого у всех хватает. Таких, как граф

Румянцев, мало в нашем Отечестве... С Глебовым нужно подождать, каждое мое решение должно быть справедливым и обоснованным...»

...Екатерина в тот день, как обычно, принимала секретарей и министров, высказывалась по доложенным делам, принимала решения. С поклоном удалялись министры и секретари. Все было как обычно. И лишь пришедший к обеду Григорий Григорьевич Орлов заметил нервозность, так не свойственную матушке-государыне. Почему она волнуется? Кто ее обидел? Братья Орловы могут живо привести их в чувство...

С любовью поглядывала Екатерина на своего любимого Гришу Орлова, редкого красавца, нежного любовника, горячего, доброго человека, храброго, бескорыстного, преданного ей. Но что он может поделаться с такими, как Панин, цепкими, жаждущими власти? Неужели Панину мало того, что он получил, воспитывая наследника российского престола и занимаясь иностранными делами империи? Видно, мало. Ну что ж, она ни с кем не будет делить власти... Даже со своим Григорием.

Григорий Орлов вошел в ее жизнь совершенно случайно. Приглянулась ему как-то одна из приближенных Екатерины, тогда еще великой княгини, и он бросил в ее комнату записку с признанием. Записка заинтересовала и Екатерину, которая из-за занавеса наблюдала за Григорием, пришедшим в назначенное время. Так началось сближение; Григорий Орлов не мог не понравиться великой княгине, уже знавшей толк в мужчинах. Красавец Салтыков, Захар Чернышев, граф Понятовский и другие добивались у ней взаимности, но среди них Орлов занимает особое место. Только с ним одним она хотела бы связать себя законным браком, и, может быть, что-то получится из хлопот преданного ей

Бестужева-Рюмина, взявшего на себя обязанность подготовить двор к такому исходу.

Появление во дворце братьев Орловых некоторых ее приближенных просто ошеломило. Княгиня Дашкова, принимавшая непосредственное участие в дворцовом перевороте, много лет после этого вспоминала врезавшиеся в память эпизоды первых дней нового царствования: «...Этот вечер я провела в разнообразных хлопотах то на одном, то на другом конце дворца; потом между гвардейцами, расставленными на часах у разных входов; возвращаясь, между прочим, от голштинской принцессы, родственницы императрицы, с просьбой дозволить ей видеть государыню, я чрезвычайно изумилась, заметив Григория Орлова, растянувшегося во весь рост на диване (кажется, он ушиб себе ногу) в одной из царских комнат; перед ним лежал огромный пакет бумаг, который он собирался распечатывать; я заметила, что это были государственные акты, сообщенные из верховного совета, что мне приводилось часто видеть у моего дяди в царствование Елизаветы. «Что такое с вами?» – спросила я его с улыбкой. «Да вот императрица приказала распечатать это», – отвечал он. «Невозможно, – сказала я, – нельзя раскрывать их до тех пор, пока она не назначит лиц, официально уполномоченных для этого дела, и я уверена, что ни вы, ни я не можем иметь притязания на это право».

В ту самую минуту мы были прерваны докладом, что солдаты, томимые жаждой и усталые, вломились в погреб и наполнили каски венгерским вином, думая, что это водка. Я немедленно вышла, чтобы восстановить порядок... Проходя к императрице через ту комнату, где Григорий Орлов лежал на софе, я нечаянно заметила стол, накрытый на три прибора. Обед был подан, и Екатерина пригласила меня обедать вместе. Вошел в залу, я с крайним неудовольствием

увидела, что стол был придвинут к тому месту, где лежал Орлов. На моем лице отразилось неприятное чувство, что не скрылось от Екатерины. «Что с вами?» – спросила она. «Ничего, – отвечала я, – кроме пятнадцати бессонных ночей и необыкновенной усталости». Тогда она посадила меня рядом с собой, как будто в укор Орлову, который изъявил оставить военную службу. «Подумайте, как бы это было неблагодарно с моей стороны, если б я позволила ему выйти в отставку». Я, конечно, была не совсем согласна с ее мнением и прямо заметила, что она, как государыня, имеет много других средств выразить свою признательность, не стесняя ничьих желаний.

С этого времени я в первый раз убедилась, что между ними была связь. Это предположение давно тяготило и оскорбляло мою душу».

И не только княгиня Дашкова была поражена, что Григорий Орлов расположился в Петергофском дворце, да и в других тоже, как хозяин. В донесениях своим правительствам иностранных послов Григорий и его братья занимали немалое место. Некоторые из них давали неверные характеристики, но спешили дать знать своим правительствам как можно больше сведений об участниках бескровной революции. «Я не знаю, – писал барон Бретейль герцогу Шуазелю 9 октября 1762 года, – к чему приведет переписка царицы с Понятовским, но нет никакого сомнения в том, что она выбрала ему заместителя в лице Орлова, которого она возвела в графское достоинство в день своего коронавания... Это очень красивый человек. Он был возлюбленным царицы в течение нескольких лет, и я вспоминаю, как она однажды указала мне на него как на смешного и экстравагантного человека. Но затем он заслужил более серьезного отношения к себе с ее стороны. Впрочем, говорят, что он действительно очень глуп. Так как он говорит только по-русски, то мне

трудно судить о нем. Но глупость - довольно распространенная черта среди тех, которые окружают теперь императрицу, и, хотя она, по-видимому, легко приспосабливается к своему обществу, я тем не менее убежден, что она не преминет устранить от себя большую часть этих приближенных. До сих пор она жила только в обществе заговорщиков, которые, за исключением Панина и гетмана (Разумовского. - *В. П.*), все бедные поручики и капитаны, в общем подозрительные субъекты и завсегдатаи столичных трущоб».

Очевидна несправедливость подобной характеристики как всех заговорщиков, так и главного их вдохновителя и организатора - Григория Орлова.

Лучше всех, конечно, знала Григория сама Екатерина. Правда, она не раз слышала грубые шутки своего любимого, сказанные им после горячительных напитков, которые он употреблял без меры. Но она прекрасно понимала, что вся эта грубость временная, наносная, идущая от гвардейской и армейской среды, в которой он до сих пор обитал. С таким, как Григорий Орлов, она готова была пойти под венец. Венчалась же тайно Елизавета с Алексеем Разумовским. А почему ей не узаконить свои отношения с любимым человеком? Своими мыслями она поделилась с Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым, и он начал со свойственной ему энергией хлопотать об этом деле.

Екатерина часто думала о Григории. Ничего не могла поделать с собой, мучилась и страдала, как самая обыкновенная баба, если Григорий пропадал по нескольку дней. Он получил дворцы, строит новые, но никак не расстанется со своими привычками бывать в своей грубой армейской среде, увлекаться первыми попавшимися красотками. Обо всем она, конечно, знает, но не может не прощать такого милого и сердечного двадцатидвухлетнего мальчика... И в то же время под

ее влиянием он пристрастился к серьезному чтению, увлекался изучением физики и вообще естественными науками. Но быстро все бросал, не достигнув каких-либо результатов. Яркая, увлекающаяся натура, искатель приключений, не знающий, куда девать энергию, так и бьющую из него ключом. Направить эту энергию в надлежащее русло, выгодное для государства, – такова у нее благородная задача.

За обедом Григорий Орлов вел себя, как обычно, непринужденно, был весел, сыпал шутками, смысл которых порой переходил границы дозволенного приличиями. Но Екатерине все нравилось в нем, даже то, что в других у нее вызывало чувство брезгливости и презрения. Таково уж было главное свойство ее избранника.

...На минутку прервем наше повествование и предоставим слово наблюдателям того времени, участникам событий. «Чем больше я слежу за Орловым, – писал один из современников, – тем более я убеждаюсь, что у него недостает только звания императора... Его непринужденность в обращении с императрицей поражает всех, и, по словам русских, такого явления не было ни в одной стране, со времени основания монархии. Он стоит выше всякого этикета и позволяет себе по отношению к своей государыне такие вольности, которых не могла бы допустить в высшем обществе ни одна уважающая себя женщина со стороны своего возлюбленного».

Из других источников мы узнаем и подтверждение подлинной страсти, которую испытывала императрица к Григорию Орлову. «Несколько дней тому назад при дворе ставили русскую трагедию, – сообщает своему правительству барон Бретейль, – в которой заглавную роль играл, очень неудачно, фаворит. Но императрица была в таком восторге от актера, что она несколько раз призывала меня, чтобы поговорить о нем и спросить

моего мнения. Она неустанно обращалась по этому же поводу к графу Мерси, который сидел рядом с ней. По десяти раз в каждой сцене она громко заявляла ему о своих восторгах по поводу благородства и красоты Орлова...»

Эти восторги станут еще понятнее, если напомним здесь о том, что как раз в это время императрица хлопотала о получении княжеского титула Священной Германской империи Григорию Орлову для того, чтобы облегчить заключение с ним брака. Конечно, она сама никогда не обратится с такой просьбой, для этой цели у нее есть все тот же Бестужев-Рюмин, но оказать милость венскому посланнику графу Мерси она всегда готова, избирая для этого приличествующие для нее формы.

Не только зоркие иностранные послы и посланники подметили непринужденность Орлова и влюбленность в него императрицы, сама Екатерина признается в том, как редко ее возлюбленный дарит ее своими восторгами, не чувствуя перед нею никакого преклонения, какое уж испытали многие приближенные. «Когда я получила Ваше последнее письмо, – сообщает она одной из своих поклонниц мадам Жофрен, – граф Орлов был в моей комнате. Услышав, как вы удивляетесь моей энергии, моим занятиям по изучению законов и по вышиванию, и будучи сам большим лентяем, несмотря на свой глубокий ум и природные дарования, он воскликнул: это правда! Это первая похвала, которую я услышала от него, и ею, мадам, я обязана Вам».

Екатерина готова связать свою судьбу с графом Орловым брачными узами, но потом, одумавшись, она решила погодить... Пока пусть все идет так, как есть. Она любит Орлова, он боготворит ее, принимая участие в ее занятиях государственными делами. И этого достаточно.

Обед закончился в непривычной обстановке, никто не шутил, не сыпал остротами, все примолкли, увидев, в каком подавленном душевном состоянии находилась императрица. Она только изредка роняла какие-то будничные, обычные фразы.

Наконец граф Орлов и Екатерина остались одни.

- Не узнаю тебя сегодня, матушка-государыня, - подчеркнуто вежливо произнес Григорий Орлов, как только они вошли в комнату Екатерины.

- Ты знаешь, мой друг, порой мне кажется, что не выдержу тяжкого бремени быть императрицей. Все, может быть, завидуют, а попробовали бы хотя один день побывать в моей шкуре.

- А что ж тут такого особенного? Будь сама собой, прямой, искренней, мудрой. Тебе ведь это так легко дается. Ничего не надо выдумывать, ты уже все знаешь. И ты прекрасно выглядишь на царском престоле. Величественно и мудро. А что еще нужно от государыни?

- Да, престолы и восседающие на них особы представляют прекрасное зрелище, но, уверяю тебя, лишь издали...

Екатерина была раздражена чем-то. Такой Орлов ее никогда не видел и был крайне удивлен ее холодностью к нему.

- Не знаю, что чувствуют мои собраты по престолам. Скажу только, что они должны быть пренесносными особами в обществе. Я знаю уже по опыту. Когда я вхожу в комнату, я произвожу впечатление медузиной головы - все столбенеют и прирастают к тому месту, где находились...

- Да откуда ты это взяла? У нас, по-моему, все просто и обыкновенно, мало кто стесняется твоим присутствием, разговаривают обычно, шутят, играют в карты.

- Это тебе так кажется. И мне очень лестно слышать то, что ты говоришь. Но я-то чувствую, а ежедневный опыт убеждает меня, что не найдется более десяти или двенадцати лиц, не стесняющихся моим присутствием. Вот Никита Иванович Панин был у меня сегодня...

- Так это он, матушка, испортил тебе настроение? Ух, мерзавец! Я ему покажу!

- Ничего ты ему не покажешь. Он - дельный человек, знающий, образованный, хорошо умеет писать различные деловые бумаги. Таких, как Панин, у меня мало... Так вот он все эти полгода всяческими способами пытается ограничить самодержавную власть в России, поделить ее между моими советниками и решать дела в совете, а не здесь, в моих апартаментах. И ты думаешь, это меня не огорчает? Я все эти месяцы веду с ним борьбу за власть. И посуди сам, светлая твоя головушка, граф Панин не раз мне говаривал, что короли суть необходимое зло, без которого нельзя обойтись. И когда я жаловалась на что-нибудь неисполненное, он успокаивал меня словами: «На что вы жалуетесь? Если бы все в этом мире шло, как следует, не было бы надобности и в вас».

- А что ж ты?

- Я ж ему возвращаю его бумаги или кладу в долгий ящик, как у вас хорошо говорится. Самодержавный государь необходим, остальные, по слову Евангелия, наемники суть. Меня будут принуждать сделать много еще странностей. И если я уступлю, меня будут обожать. Если нет, то, право, сама не знаю, что случится.

- Многая лета царствовать будешь, вот что случится. Все уже свыклись, что ты на престоле, как будто так и всегда было. Все покорилося тебе.

- Все, да не все... Румянцев по-прежнему за границей, в Гданьске, все уже там прожил, а не

возвращается. Снова просит денег у жены, говорит, что деньги надобны для лечения на водах...

- Вот кого действительно не хватает у твоего трона! Это же настоящий Марс, равного ему в России нет, терять его нельзя. Что, матушка-государыня, сделать для того, чтобы он вернулся в Россию? Обласкай его, будь к нему милостива. Напиши ему ласковое письмо, как ты одна умеешь. Верни его на службу. Пусть нет сейчас войны, но ведь будут. Не все же земли российские возвращены Петром и Елизаветой.

- Пожалуй, ты прав. - Екатерина чуть-чуть оживилась представившейся ей возможности быть мудрой и дальновидной. - Необходимо мне с ним изъясниться и открыть ему свои мысли, которые, как видно, ему совсем неизвестны. Он судит по старинным поведением, думает, раз Петра не стало, у которого он был в фаворе, то все кончилось для него.

- А как же он мог думать, раз ты приняла его отставку, а перед этим отстранила от командования корпусом, с которым он взял Кольберг?

- Бывший ему фавор при Петре не должен служить пороком ныне, неприятели же его тем пользуются и подкрепляют его дурные о нас мысли. Он судит по старинке, когда персоналитет всегда превосходил качества и заслуги всякого человека. Но я ему напишу, что он мало меня знает. Пусть приезжает сюда, если здоровье ему позволит. Он будет принят с тою отменностию, которую его заслуги и чин требуют. Но пусть и не думает, что я против его желания буду принуждать его к службе, я далека от этой мысли. Указ «О вольности дворянской», изданный при Петре, я не отменяю. И теперь не токмо заслуженный генерал, но и всякий российский дворянин по своей воле решает о службе и отставе своей. Надо же нам понять друг друга, пусть знает мое мнение. Конечно, у него есть повод подозревать меня в том, что я не доверяю ему. Но

все прошло, опасения развеялись, и подозрения и следу в моих мыслях не осталось...

- А все Румянцевы ждут его - и мать, и жена, и сестры, - как бы вслух подумал Орлов.

- Так и напишу ему, что все его ждем. Спрошу его, исполнит ли он желание всей своей фамилии видеть его или остается он при своем желании получить отставку и уехать на воды. В том и в другом случае я, конечно, неотменно останусь к нему доброжелательная.

- Это замечательный генерал... А что, если и я ему напишу письмо, а? Как бы запросто, как военный военному?

- Да, это ты хорошо придумал... Распорядись, чтобы фельдъегерь сразу и вручил ему твое и мое письма. Пусть поразмышляет на досуге.

Екатерина продиктовала письмо Румянцеву 13 января 1763 года. А 15 января граф Григорий Орлов писал: «Сиятельнейший граф, государь мой Пиотр Александрович. Хотя Ваше сиятельство персонально меня знать не изволите, однако же я несколько как по слухам, так и делам о Вашем сиятельстве знаю. При сем посылаю письмо от всемилостивейшей моей государыни к Вашему сиятельству, в котором, я чаю, довольно изъяснены причины и обстоятельства тогдашних времен и что принудило ее величество Ваше сиятельство сменить, которое я главной, так же как и все, почитаю причиной отсутствия Вашего из отечества. Зная б мой характер, не стали дивиться, что я так просто и чистосердечно пишу. Ежели Вам оное удивительным покажется, простить меня прошу в оном. Мое свойство не прежде осуждать людей в их поступках, как представя себя на их место. Я не спорю, что огорчительно Вам показалось, но и против того спорить не можно, что, по тогдашним обстоятельствам, дело было необходимо нужное, чтоб Вы сменены были. Кончая сие, препоручаю себя в Вашего сиятельства

милость и желаю, чтоб я мог вам персонально дать объяснение причин тогдашних обстоятельств Вашему сиятельству».

В ответ на письмо Румянцева 3 марта 1763 года Екатерина отправила ему рескрипт: «Из письма Вашего от 31 генваря усмотрела я, что Вы надеетесь вскоре сюда возвратиться. Смотри то намерение Ваше и чтобы не подумали Вы, что, будучи отсюда в отдаленности, забыты, определила я сегодня иметь Вам в команде Вашей Эстляндскую дивизию и желаю притом иметь вскоре удовольствие видеть Вас. Остаюсь навсегда Вам доброжелательная».

Но и этот рескрипт не привел в повиновение Петра Александровича: слишком велика была обида, чтобы так легко ее можно было забыть.

С малой свитой и дежурными Екатерина Алексеевна справляла свой день рождения в селе Тайнинское, в двадцати верстах от Москвы. Пять дней пролетели весело и беззаботно. Застолья, карты, шутки... Мария Андреевна Румянцева, Прасковья Александровна Брюс, ее дочь, да и сам Яков Александрович Брюс, ее муж, неотлучно присутствовали при императрице, стараясь угодить ее прихотям и желаниям. Так уж договорились, что в эти дни о делах не вспоминать да и этикет не соблюдать, вести себя просто, без дворцовых выходов и приемов.

И только перед возвращением в Москву императрица спросила:

- Мария Андреевна, слышала, что ты получила письмо от сына? Скоро ли он к нам будет? Желаю его видеть, ведь он писал мне, что скоро будет.

- Болезнь его удерживает, ваше величество...

- Знаем мы эту болезнь! В письмах к своим друзьям он совсем другое пишет, будто свое намерение

возвратиться в Отечество отменил. Пусть подумает, а то ведь у меня есть и другие способы вернуть его сюда.

Всю дорогу несчастная мать горько размышляла о судьбе своего единственного сына: «И в кого он такой непутевый? Вроде в нашем роду были все послушные воле государевой. Сколько радостей и огорчений приносит он мне! С кем тягаться-то вздумал! С самой императрицей! За все ее величества милости он так поступает. А что я могу поделать? Пусть ни на кого не пеняет, сам виноват. И почему не возвращается, если такую монаршей милостью обнадежен? Какой удар мне перед всеми людьми! Теперь пуще чрез свои дурные поступки делается подозрителен. По беспутному упрямству все свое благополучие теряет. Бог один видит, сколько мне горько, да знаю, мое увещание недействительно. Ну что ж... Я долг свой отдала, пусть ни на кого не жалуется, если дурное вместо хорошего выбрал. Только горько мне и стен стыдно, не только людей...»

Глава 3

Мирные заботы

Вот и произошло то, чего так страстно добивалась Екатерина Михайловна. Да если б только она одна! Почему-то все близкие – друзья и родные – упорно и настойчиво хотели его возвращения к семье, внимательно следили за развитием семейных отношений, гадали, останется ли он с женой и детьми или бросит их ради «метрески», как они между собой называли его фаворитку...

И вот Румянцев вернулся, все они живут в Глухове одной семьей, жена и три сына, вслед за ним приехавшие с многочисленной челядью, со всем скарбом, какой обычно используется дома и в дороге. И бывший гетманский дворец, красивый и удобный, поглотил всю его большую семью, как огромный сказочный чудо-кит, в брюхе которого спокойно могли размещаться корабли вместе со всей командой.

Жизнь вроде бы наладилась. Милые, здоровые, умные дети, проявлявшие большие способности к учению, к иностранным языкам в особенности, радовали его. Порой, хоть и редко, он устраивал им экзамены, задавал вопросы по истории государства Российского, заставлял выучить, если нетвердо отвечали. Но вскоре дела отвлекали его, и он, поглощенный ими, редко выкраивал на сыновей время. Жизнь вроде бы наладилась. А счастья нет...

Петр Александрович, назначенный президентом Малороссийской коллегии, прибыл в Глухов 8 апреля 1765 года. Генеральные старшины встречали его в Толстодубове. Встреча была торжественной и радушной: многие еще помнили справедливое правление его отца, знали о подвигах самого Петра

Александровича в Семилетнюю войну и искренне надеялись на него как на справедливого и доброго правителя. А 19 апреля приехала графиня Румянцева, а через два дня генерал-губернатор пригласил на банкет лучших людей Украины. А потом были иллюминация и бал. Грандиозно и величественно, прямо как в Петербурге или Москве, во время царских приемов. Румянцев пошел на эти расходы, чтобы сразу показать, что он приехал сюда с большими полномочиями и будет во всем следовать повелениям Екатерины II, просвещенной императрицы Великой России.

Все эти дни, а прошло больше месяца со дня приезда в Глухов, Румянцев пытался войти в дела, разобраться в положении края, который ему был дорог и близок хотя бы потому, что здесь он в детстве прожил вместе с отцом и матерью несколько лет. Хорошего тогда было больше, и оно глубоко проникло в его душу, оставив неизгладимый след любви и благодарности к этой прекрасной земле и людям, живущим на ней.

При назначении Екатерина твердо высказала ему пожелание:

– Малая Россия, как Лифляндия и Финляндия, суть наши провинции, но им даны особые привилегии. Нарушить оные было б весьма непристойно, но и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании тоже было б ошибкой. Сии провинции, а также Смоленскую, долго под поляками бывшую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они перестали бы глядеть как волки в лес. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях... У вас будет много работы там, дела запущены, последний гетман любил покрасоваться своей щедростью и хлебосольством, а толку от него никакого не было...

Румянцев часто вспоминал не только эти слова Екатерины. За короткий срок своего царствования она

быстро привыкла давать указы своим сенаторам, министрам, губернаторам, генералам. Казалось, долгие годы, которые она провела в России великой княгиней, она лишь то и делала, что готовилась управлять великим государством. И ее указы были умными, четкими, дающими лишь направление работы, но не связывающими по рукам и ногам исполнителя.

Императрица обращала внимание генерал-губернатора, что Малороссия – страна обширная, богатая, славится многолюдством живущего в ней народа, великим плодородием и благодатным климатом и многими другими преимуществами по сравнению с другими областями Российской империи. Но при всем при этом Россия «весьма малую, а во время последнего гетманского правления почти и никакой от того народа пользы и доходов поныне не имела». «Сверх сего, – наставляла она нового правителя Украины, – вкоренившиеся там многие непорядки, неустройства, несообразное смешение правления воинского с гражданским, от неясности различных чужих законов и прав происходящие; в суде и расправе бесконечные волокиты и притеснения: самопроизвольное некоторых мнимых привилегий и вольностей узаконение, а настоящих частое и великое во зло употребление; весьма вредные как владельцам, так и самим посполитым людям с места на место переходы; закоснелая почти во всем народе к земледелию и другим полезным трудам леность и такая же примечаемая в нем внутренняя против великороссийского ненависть представляют вам весьма пространную рачительного наблюдения и старания вашего материю».

«Хорошо сказала государыня: что не начато, то никогда и сделано не будет... А дел здесь хоть отбавляй. За столько лет гетманства, в сущности, ничего не сделано для того, чтобы иметь хотя бы какое-

то представление об обширнейшем крае. Действительно, ведь до сих пор нет подробных и верных карт всего края. Уж о картах какого-либо города или района и говорить не приходится. И как управлять без них страной, как хозяйствовать? А случится война? Все придется делать на ощупь, а ведь непристойно уже сие...»

Так размышлял Румянцев на первых порах после приезда в Глухов. Меж тем в канцелярии люди оказались расторопные, готовые выслушивать приказания и быстро их исполнять. И работа шла... Нужно было точно определить задачи и главные направления будущей деятельности Малороссийской коллегии, укомплектовать ее добросовестными людьми, готовыми сотрудничать с канцелярией генерал-губернатора.

Когда такие люди были подобраны, с их помощью Петр Александрович начал определять основные направления своей деятельности. Для начала нужно точно узнать число народа малороссийского, а для этого следует представить свои соображения относительно новой во всей Малороссии ревизии. Затем Екатерина II поставила перед ним задачу пресечь переходы земледельцев с места на место. А это тоже непростое дело: веками сложилась эта традиция вольного перехода на Украине. Да мало ли забот!

Помня слова напутствия, с первых же дней Румянцев обращал внимание на развитие промышленности, на разведение тутовых деревьев, овцеводство, на состояние дорог, лесов. Наконец, он пытался выявить злоупотребления со стороны войсковой и генеральной старшины.

И столько сложных и противоречивых чувств возникло в его душе, когда он познакомился с теми безобразиями и неурядицами, которые творились на этой благодатной земле... Особо возмущало его то, что

старшины исподволь насаждали в простом народе ненависть к русским для того, чтобы ослепить его, отвлечь от собственного бесправия. Они боялись, что учреждение нового правления в Малороссии и возникновение новых учреждений крепко ударят по прежним беспорядкам, лишат их возможности управлять по-прежнему, то есть по своей прихоти и своеволию.

За один лишь месяц пребывания здесь Румянцев многое узнал. И понял: Екатерина II была права, предупреждая его, что необходимо внимательно, «но без явного виду и огласки» следить за поведением старшин, «особливо же тех, кои хотя мало подозрительными себя окажут, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно сведано и предупреждено быть могло». Да, время откроет глаза народу и докажет, сколь много он облегчен и благоденствовать будет, если избавится от мучивших его маленьких тиранов. Доверие народа можно заслужить лишь бескорыстливостью, снисхождением и ласкою.

И часто Румянцев, перебирая в памяти все дела, которые предстояло сделать, вспоминал давние и недавние факты истории Украины... Как дошла богатейшая страна до такой бедности и разорения, что невозможно собрать и самой малости в доход государству? А ведь мало кто думал, что Россия в то время может избежать новой войны, которая потребует еще больших расходов, чем Семилетняя. Противник обладал неисчислимыми людскими и материальными ресурсами, владея чуть ли не всей Южной Европой. В Турции виделся этот неприятель, который своими постоянными набегами приносил огромный ущерб стране. С этим Россия больше не могла мириться... Приближалась война. А где брать средства для ее ведения?

Огромные задачи стояли перед новым правителем Малороссии. Забот – выше головы. И главная – как обеспечить благоденствие этому краю, испытавшему столько невзгод за свою бурную и драматическую историю... Ведь лишь последние годы покоя на Украине, а то ведь какие пылали здесь костры, сколько пролилось человеческой крови понапрасну. Из – за предательства, из-за корыстолюбия отдельных властолюбцев, из-за других нечестных побуждений власть имущих людей... В этих условиях фигура Богдана Хмельницкого, как пример доблести и геройства, становится просто грандиозной. А сколько пришлось ему вынести неправды и обид, сколько мужества и терпения нужно было, чтобы добиться победы и воссоединить с Россией отвоеванную у поляков родную Украину!

И все рухнуло, как только к власти пришли мелкие корыстолюбцы, такие, как Иван Виговский, человек честолюбивый и лукавый, именно при нем Украина снова стала разменной монетой, снова поляки захватили ее, угнетая ее население, разрушая и сжигая дома, уничтожая верных присяге, верных своему Отечеству...

Да, вот здесь, под Глуховом и Полтавой, предатель Виговский и его сообщник нежинский полковник Григорий Гуляницкий, как свидетельствуют летописцы Малороссии, с помощью сорокатысячной татарской орды, хлынувшей из Крыма, приступом взяли Полтаву, Лубны и Гадяч – города, оставшиеся верными присяге, – и стерли их с лица земли. В битве погибли полтавский полковник Пушкарь и его друзья-товарищи. А сколько полетело голов, верных, удалых, отважных! Сколько сгорело домов и других построек! Несколько сот отважных голов срубили и здесь, под Глуховом... Просто за то, что оказали сопротивление пану Виговскому.

А Юрий Хмельницкий, сын бесстрашного гетмана? Какая бесславная жизнь!.. Сколько в человеке оказалось гнили и трухи! Сколько раз этот возмутитель спокойствия собственной родины приводил алчных крымцев под стены Переяславля, Нежина! Его руки обогреты кровью соотчичей.

Петр Александрович Румянцев давно любил Украину, хорошо знал ее богатейшую историю и перебирал в памяти запомнившиеся имена... Мужественный Самко, храбрый Золоторевский, свирепый и мстительный Брюховецкий, Петр Дорошенко, Демьян Многогрешный, Самойлович... Тридцать лет протекло со времени кончины славного гетмана Богдана Хмельницкого, а сколько перемен, сколько крови пролилось на Украине... Сколько измен, подлости, корыстолюбия проявили его преемники на гетманском посту... Историки Украины с ужасом и содроганием описывают смутные времена междоусобных браней, нашествия поляков, татар и турок. В пепел были превращены Полтава, Лубны и Пирятин, Зеньков и Миргород, Конотоп и Гадяч, Короп и Переяславль, Кременчуг и Черкассы... И сколько усилий нужно было, чтобы возродить эти разрушенные города! Какие нечеловеческие усилия! А ведь снова возродили и построили...

И вот, наконец, Мазепа, любимец и советник всесильного Голицына, стал гетманом, преемником Самойловича. Умный, хорошо образованный, владевший бесценным природным даром убеждать, Мазепа превосходил своих предшественников во всем... Да разве лучше Феофана Прокоповича можно описать характер изменника этого...

И Румянцев стал листать книгу Феофана Прокоповича о времени Петра Великого... А вот и о Мазепе: «Мазепа сколько был предан в глубине души своей полякам, столько ненавидел россиян...» Петр

Александрович читал книгу, все более и более проникаясь глубинным смыслом описания.

«Вот мои учителя», – с любовью посмотрел Румянцев на собранные в кабинете книги об Украине, России, последние книги европейских знаменитостей, с которыми редко когда расставался.

«Так и ушел Мазепа к шведскому королю, совершив еще одно предательство на украинской земле, – вернулся Румянцев к своим размышлениям. – Иудой назвал Мазепу Петр Великий. Двадцать один год был он верен российскому государю, а перед старостью и кончиной стал изменником и предателем своего народа... Но действительно правосуден Бог: таким злым никогда не допускает исполнить своего намерения... Презренную славу оставил он о себе, и не смыть ее во веки веков...»

Бунчук, знамя, булава и печать гетмана малороссийского перешли к Ивану Скоропадскому, человеку, преданному российским интересам, но и Петр Великий издал манифест, в котором обещал прощение всем, кто по ошибке ушел вместе с Мазепой. «Ни один народ в Подсолнечной, – читал Румянцев манифест, – не может, по милости Нашего Царского Величества, хвалиться такими преимуществами и неотяготительным постановлением, как малороссийский; ибо Мы во всей Малой России не повелеваем собирать ни одной полушки в Нашу казну, но милостиво взираем на сей край и собственными Нашими войсками и иждивением защищаем православные тамошние церкви, монастыри, города и жилища против магометанских и еретических нападений...»

«Великий государь Петр, ничего тут не скажешь», – перебирая книги, размышлял Румянцев.

С тех пор гетманы малороссийские имеют свое пребывание в Глухове. Тут был и отец Румянцева как главный правитель малороссийский, тут поселился и

последний гетман Кирилл Разумовский. Еще при Петре власть гетманская была ограничена присутствием полномочного представителя царя... Да и сколько же можно было доверять гетманам-изменникам, которые своими безрассудными поступками привели к полному разорению некогда богатейший край...

Но вот гетман Иван Скоропадский предложил Петру Великому взять на себя снабжение провиантом и фуражом российских войск на время постоа без всякого денежного удовлетворения за сии пожертвования. Так возникла тяжелейшая обязанность жителей Малой России. И тут что-то нужно делать, ввести какие-то ограничения. А может, и совсем отменить этот натуральный налог? Взятки, разные налоги берут полковники, сотники, за этот счет и живут. А тут еще и российские войска. Было отчего взвыть малороссийскому казаку...

В то же время Петр Петрович Толстой, сын любимца Петра, Петра Андреевича, женившись на дочери Скоропадского, получил Нежинский полк «во уважение верной и усердно-раде-тельной службы своего тестя». Одновременно с этим малороссийские земли стали получать и первые россияне. Так шел Петр Великий к своей цели воссоединения русских земель... Но сколько корыстолюбцев нагрели руки на этом благородном стремлении Петра! А затем и вовсе был обнародован манифест об учреждении Малороссийской коллегии. Так, в сущности, закончилось преобразование Малороссии... Да и что можно было сделать после тяжких измен Виговского, Юрия Хмельницкого, Брюховецкого, Мазепы и постоянных бунтов запорожских казаков, которые своими стихийными действиями расшатывали гетманское правление и оказывали большое влияние на внутреннее неустройство Украины? А этим частенько пользовались крымские татары и турки...

Румянцев выглянул в окно... Увидел большую площадь, вдали Николаевскую церковь. Вот где все это совсем недавно происходило - венчали гетманов, свергали оных... После падения князя Меншикова, при Петре II, снова стало полегче на Украине, отменены были многие тягости, возвращены были древние права казачества, уменьшены налоги и воинские постой, прощены были виновные в смутах запорожцы. Добившийся возвращения немалых прежних прав украинского народа, гетман Даниил Павлович Апостол вскоре умер, оставив после себя благодарную память потомков...

А после него снова вернулось коллегиальное правление, состоявшее из великорусских и малорусских чиновных людей; в грамоте императрицы Анны Иоанновны было даже указано, что члены правления должны соблюдать между собой равенство, великороссийским сидеть на правой стороне, малороссийским - на левой. Генералы Алексей Иванович Шаховский, Иван Федорович Бярятинский содействовали «благодетельному и кроткому управлению Малой Россией», по признанию летописцев, и это особенно важно, потому что в то время «край сей, по продолжавшейся турецкой войне, чрезмерным был подвержен тягостям»...

Так, незаметно для себя, Румянцев в своих воспоминаниях дошел до того времени, когда в управлении Украиной принимал участие его отец, Александр Иванович Румянцев. И на этот счет сохранились свидетельства летописцев. «...И поведением своим приобрел от всех полную к себе доверенность и доброхотство» - так говорят не только летописцы, но и те, кто до сих пор помнит отца на Украине. А потому с восторгом приветствовали его сына в надежде, что и он последует в своем благонравии по стопам отца. Потом короткое пребывание на Украине

Кейта, Неплюева, Бутурлина, Бибикова. И наконец, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, ставший гетманом в феврале 1750 года...

Петр Александрович представил себе, как в этот день, с утра, начали собираться казачьи полки и народные представители. Вот здесь, между церквями Николаевской и Троицкой, соорудили возвышение в три ступени, огородили его перилами, обитыми красным сукном, и торжественно провозгласили новым гетманом Кирилла Разумовского, брата всесильного и любимого еще тогда фаворита Алексея Разумовского. А генеральные и войсковые старшины, бунчуковые товарищи и все малороссийское шляхетство радостными криками лишь поддержали ранее принятое решение императрицы Елизаветы Петровны. Пальба из ста одной пушки и беглый огонь во всех полках, торжественная литургия в церкви Святителя Николая, многая лета императрице и всему царскому дому – вот как происходили выборы нового гетмана в его отсутствие; царская грамота и гетманские клейноды внесены были в церковь, а после торжественного богослужения унесены в дом графа Гендрикова, который всю эту церемонию проводил.

Лишь через полгода Разумовский торжественно въехал в Глухов... Правление нового гетмана вскоре благотельно отозвалось в городах и местечках: последовали указы правительствующего сената об освобождении малороссиян от внутренних пошлин, о свободной торговле между Малой и Великой Россией.

Просматривая бумаги канцелярии гетмана, Румянцев обратил внимание на один универсал* Разумовского, в котором он призывал не злоупотреблять винокурением, наносящим вред всей Малороссии. Полезный универсал, ничего не скажешь!.. «Малороссияне, – вспоминал Румянцев слова универсала, – не только пренебрегают земледелием и

скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои уголья и нуждаясь оттого в дровах, необходимых к отапливанию хижин».

Все было б, может, хорошо для Разумовского и при Екатерине II, если б не вздумал он ходатайствовать о наследственном гетманстве после своей кончины... Некоторые старшины учинили беспорядок, произвели шум, долетевший до Киева, до генерал-губернатора, а потом и до Екатерины. Сначала исключили из его ведомства Киев, а потом предложили подать в отставку...

Так вот оказался он, Петр Александрович Румянцев, на этом месте, где многое ему приходит на память с детских пор. Как-никак провел он здесь два года. Крестил у Якова Марковича сына, учился у Тимофея Михайловича Сенютовича. С тех пор он питал любовь к украинскому языку, песням, любовь к народу, свободолюбивому, талантливому, хлебосольному. Не посрамил он отцовского имени, управляя столь обширным государством. А дел ох сколько...

Глава 4

Будни генерал-губернатора

Малороссийская коллегия развернула бурную деятельность... Румянцев дал срочные задания членам коллегии, состоявшей из представителей высшей государственной власти – генерал-майора Брандта, полковников князя Мещерского, Хвостова и Натальина и представителей генеральной старшины – Кочубея, Туманского, Журавки и Апостола. Прокурором был назначен подполковник Семенов. У каждого члена коллегии был свой штат чиновников. И машина закрутилась.

Никогда еще в Глухове так не работали, собирая сведения, заполняя всяческие бумаги, вытаскивая на свет божий давно сданные в архив дела, которые точнее всего рисовали картины минувших лет. И вскоре, через месяц напряженной работы, перед Румянцевым предстала неутешительная картина положения дел в Малороссии. Он заранее был подготовлен к этим печальным результатам, но то, что выявилось, окончательно его разочаровало. Упадок хозяйства, разорение края были ужасающие. Сколько трудов надо положить, чтобы хоть немного выправить положение! На такое дело не жалко времени, ведь этот край – неотделимая часть России. Именно здесь, в Киеве, Чернигове, Глухове и других старых городах, расцветала русская жизнь, складывался характер русского человека в битвах с литовцами и поляками, татарами и турками, а если заглянуть подальше, в глубь седых веков, то можно вспомнить и половцев, печенегов, монголотатарское нашествие.

Румянцев часто виделся со своими служащими, подолгу разговаривал с генеральными старшинами,

старыми казаками, которые еще помнили его отца, наблюдал за своими молодыми помощниками и чувствовал, как все ему здесь дорого и близко: и природа, мягкая и щедрая, и язык, богатый и напевный, и простота людей, открытых, добрых, сердечных.

Румянцев еще и еще - в какой уж раз! - перелистывал бумаги, подготовленные ему чиновниками для записки на высочайшее имя. Что ж тут выделить наипервейшее из всех неотложных дел, которые укором стоят перед его глазами, как будто он сам во всем виноват? Столько вопросов сразу возникает, что не сразу сообразишь, какой из них главный...

Сколько непорядков, неустройства укоренилось в крае за десятки лет после присоединения к России! А все потому, что многое идет от смешения правления воинского с гражданским. Просто порой не разберешь, кто за что отвечает. В суде бесконечные волокиты и притеснения... Узаконены некоторые мнимые привилегии и вольности. Бесконечные переходы с места на место посполитых людей привели в запустение земледельческие угодья. К полной неразберихе привела раздача гетманами и государями целых городов частным лицам. Теперь нужно вернуть эти города во власть государства, обнести их валом и укрепить. Они нужны будут как опорные пункты в битве с неприятелями, которые, как саранча, всегда могут неожиданно нахлынуть с юга страны. Пока же деревянные постройки никуда не годятся, от первой же искры воспламенится чуть ли не весь город. Нужно заменить их на каменные, тогда ни один пожар их не возьмет... Край может процветать только тогда, когда будут развиваться промыслы, торговля...

Все новые и новые вопросы вставали перед Румянцевым, много часов проводил он в раздумьях. «Плохое состояние городов, неопределенное

положение горожан – не поймешь, то ли они свободные люди, то ли принадлежат вместе с городом правителю, – развал в полиции, упадок в художествах и ремеслах. Не лучше ли дать привилегии мастерам, ограничив их число и обязав их брать свидетельства на ремесла в ратушах с оплатой пошлины? А разве нельзя развести овец? Вон какие здесь просторы! Можно наладить и промышленность, выписав предварительно искусных мастеров. Уж если мы с Екатериной Михайловной могли наладить промышленность в своих имениях, то государство с его возможностями это тем более сможет сделать... А сколько селитры в Малороссии! Можно завести здесь пороховые заводы. Пока же привозят столь необходимый порох с севера. А потому нет и артиллерии, никто не обучает здешнее войско тому, как пользоваться пушками. С одними же саблями ныне мало чего добьешься на поле брани. Вот почему в недавнюю войну украинские казаки использовались чаще всего в обозе. Надо отыскать знающего артиллерию командующего, приохотить местных воинов к изучению орудий... А как можно управлять таким краем без почты? Почта нужна для армии, для купечества, да и для населения. Конечно, это дорогое удовольствие, потому Алексей Разумовский, когда еще был в фаворе, исхлопотал у Елизаветы Петровны решение отменить почту, оставив ее лишь по Киевскому тракту. Из-за этого одни только старшины могли пользоваться ею... А как хищнически ведется хозяйство в урядовых местностях! Словно хотят в один день взять то, что надлежит взять за несколько лет. А не лучше ли уряды заменить денежным жалованьем, а земли отобрать в казну? Да и все местечки, деревни и села, розданные частным лицам, не лучше ли отобрать в казну?.. И вот еще что: никто не следит за состоянием лесов, нет хороших школ в селах и городах. Для девочек нужно бы устроить школы при женских

монастырях. А уж военную школу открыть здесь просто необходимо. Укоренилась бы у людей любовь к военной регулярной службе, не было бы таких трудностей с набором в армию. Нужно строить больницы, открывать госпитали, родильные приюты... А где взять на все это деньги? Ведь прежде всего нужны деньги...»

Бежали дни в нескончаемых заботах. Некогда было даже написать письмо матери. Три ее письма так и остались без ответа. Разъезды, долгие и томительные, мало оставляли времени для семьи, сестер. А всех своих сестер он любил, особенно Прасковью Александровну, особу ветреную, легкую, но такую добрую и сердечную. Все сестры вроде бы должны быть счастливы, но вот то одна, то другая терпит крушение: у Дарьи умер муж – граф Вальдштейн, вышла замуж за князя Трубецкого, потерявшего жену; Екатерина хочет разводиться с генералом Леонтьевым, славным воином; лишь Прасковья пока соблюдает свой брак, вот собралась рожать маленького графа Брюса... Только у матери никаких перемен: то приемы, то загородные поездки, то дворцовые интриги не дают покоя. Ох, матушка, какой была, такой и осталась, старость не помеха, ловкая и умная, дослужится еще до обер-гофмейстерины...

Уже 18 мая 1765 года Румянцев отослал свои предложения в Петербург. В последнем, девятнадцатом, пункте Румянцев решительно высказывается за реорганизацию управления на Украине: «Настоящее состояние всех и всякого звания чиновников или вовсе не по месту, исключая судей земских, или же... так замешано, что полковники делаются, чем он быть только хочет, а по примеру тому и сотники, входя в самую внутренности своих подчиненных, очевидно, их до крайности изнуряют и разоряют, как то по многим просьбам теперь следствия произвести велено. В коллегии самой иногда нужда

бывает под титулом Вашего Императорского Величества давать универсалы и другия повеления»...

Вскоре Румянцев понял, что прежде всего необходимо всячески улучшить судопроизводство. Беспокоили непорядки в полках, откуда поступали жалобы, апелляции, просьбы, заявления... И сколько представало перед ним судеб людей, жаждущих справедливости и требующих законных прав! А в полках и сотнях давно уже царило полновластие полковников и сотников. Часто они-то и бывали первыми нарушителями правды и разорителями государства. Какие насилия терпели полчане от своих старшин и были совершенно беззащитны от них! Сколько жалоб собралось в Глухове, так и оставшихся без справедливого разбирательства! А все потому, что виновные в насилиях и несправедливостях полковники и сотники приезжали сюда и задабривали генеральную старшину взятками, подношениями, угощениями... «Прежде бывшие полковники и старшины, - писал Румянцев, - чинили подчиненным несносные тягости и грабительство, отнимали грунты, леса, мельницы, нападали на питейные заведения, отбирали даже съестные припасы, заставляли работать на постройке собственных домов, принуждали казаков вместо казацкой службы идти к себе в подданство. А ведь полковнику надлежало сего бояться как огня, а пропитание иметь в полковых местностях, которые на содержание полковничье определены. И больше того отнюдь ни к чему не касаться, ни под каким видом...» Казалось бы, все правильно: под видом «добровольной и правной» совершалась продажа своей земли казаком, землю скупала казачья же старшина. Казак становился нищим и не мог, естественно, продолжать отбывать казачью службу; он, продолжая жить на проданной им земле, оказывался в зависимости от покупателя земли, терял права казачьи, становился «державческим

подсоседком». И выходило, что купля-продажа чаще всего была «насильной и подложной». Чаще всего была результатом насилия, своевольтва сотника или полковника...

Но эти выводы Румянцева, возникавшие каждый раз после чтения тех или иных жалоб и донесений с мест, встреч и разговоров с челобитчиками, не приносили удовлетворения его энергичной, деятельной натуре. Ему хотелось понять коренные причины такого беспорядочного правления, которое сложилось здесь за многие годы. Вот десятки дел уже были решены, и решены, он убежден в этом, по справедливости, но сколько подобных дел скопилось в полковых канцеляриях, кои должны решаться на местах... Из Глухова мало что увидишь и узнаешь. И Румянцев решил основательно ознакомиться с вверенным ему краем.

1 июня Румянцев извещал Малороссийскую коллегия о своем отъезде: «Следовать буду на Ярославец, Конотоп, Ромны, Гадяч, Апошню, Стаповец и в Полтаву, куда к 8 числу сего месяца и прибыть уповаю, а оттуда поеду на украинскую линию».

Летописцы Украины и биографы не оставили почти никаких записей о поездке графа по южным полкам. Но сохранились письма его жены графини Екатерины Михайловны, из которых мы можем кое-что узнать, а кое о чем догадаться. Приведем некоторые свидетельства из этих примечательных документов.

7 июня 1765. Глухов. «Батюшка мой Петр Александрыч. Желая, чтобы тебе в пути твоём время было лучше, нежели мы здесь по отъезде твоём провождаем. Холод, ветер, и такой дождь льет, что на дворе море стоит, из горницы меня не выпускает. Почта вчерась пришла, и к тебе два пакета, которые не смела открыть, из петербургского почтамта... Не знаю, нету ли в вашем пакете ко мне от княгини Дарьи Алексеевны;

буде есть, так, пожалуй, пришли. От матушки я получила, которая ко мне пишет. Сестра ко мне с Москвы пишет, что Петру Семенычу (фельдмаршалу Салтыкову, генерал-губернатору Москвы. – *В. П.*) Ея Величество изволила писать, чтобы он был в Петербург для лагеря, и он 26 мая поехал, и Михайло Львович едет... В скуке время свое здесь провождаем, только князь Платон Степаныч, Семен Василич и два Гудовича почти всякой день. Итак, батюшка, дай Бог, чтобы ты здоров был в дороге по такой худой погоде, а мы все насморками и кашлями больны. Мише к тому и лихорадка была; думаю, скоро пройдет, а те, слава Богу, еще здоровы. Прости, батюшка, в мыслях целую и пребуду покорная, верная жена г. *К. Румянцева*».

21 июня 1765. Глухов. «Батюшка мой Петр Александрыч. Письмо твое из Полтавы получила, в котором пишешь, что ты поехал в крепость Святыя Елисаветы. Дай Бог здоровья съездить и к нам скорее воротиться, а то (со) скуки пропадаем, и все разъехались по деревням. Иван Тимофеич уехал третьего дня и с фамилиею. Писем из Петербурга я ни от кого не имею и так ничего не знаю, а в газетах напечатано, что Вильбой (генерал-фельдцейхмейстер Александр Вильгельмович Вильбуа 9 мая 1765 года уволен в отставку. – *В. П.*) отставлен за болезнь, а пожалован граф Григорий Григорыч (Орлов) на его место. С Москвы сервиз к нам фаянсовый привезли, и при сем прилагаю от Матисова экстракт. Мы, слава Богу, все здоровы, да посылаю к тебе, батюшка, десять апельсинов и десять лимонов. Кушай на здоровье. Фруктов, опричь земляники, никаких не видала еще. Дети нижайше кланяются, а я в мыслях тебя, душа моя, целую и пребуду покорная, верная жена графиня *К. Румянцева*.

Забыла написать, что в городе был пожар, у Ивана Тимофеича сгорела конюшня, они были у меня и не

знали, да двора два возле них сгорело. Счастье, что тихо было, не дали гореть».

27 июня 1765. Глухов. «Батюшка мой Петр Александрыч. Письмо твое без числа из крепости Елисаветы получила и радуюсь, что ты здоров, только о том сожалею, что к нам скоро не обещаешься быть. Дай Бог, лишь бы здорово съездил...»

Можно было бы пересказать эти письма, но тогда исчезли бы простота изложения и особый аромат тех новостей, которыми делится Екатерина Михайловна со своим суровым супругом. 28 и 29 июня, сообщает она, будет принимать гостей, в том числе славного генерала Александра Ильича Бибикова, давнего знакомого Петра Александровича, участника сражений при Цорндорфе и Кунерсдорфе, верного соратника Румянцева во время осады Кольберга... Среди знакомых и друзей она упоминает некоего Лакова, оказавшего ей «великую услугу»: он привез из Гданьска портрет Румянцева, «писанный ан-пастель». «Он было его для себя вез, – писала графиня, – да я, увидев, взяла, который, нахожу, очень сходен, и рада чрезвычайно, что имею...»

Сообщает те новости, которые только ему и близким его понятны и дороги...

Скучной чередой тянулись дни. Екатерина Михайловна постоянно думала о своем любимом Петре Александровиче. Бывает же такая мука! Здесь, в Глухове, редко когда окинет добрым взглядом, а вот уехал – и сразу все недоброе позабыто, лишь тревога за мужа переполняла ее сердце. Повседневные заботы отнимали у нее много времени: учеба и воспитание детей, а то заболеют один за другим, то убегут от дядьки, так что не скоро найдешь...

Нельзя сказать, что она не имела поддержки от знакомых в приискании воспитателей и учителей. Но одно беспокоило ее. Теперь многие искали возможность оказать услугу графу Румянцеву – уж слишком высоко

его положение на Украине, – но все эти услуги имеют корыстную цель, сами таким образом хотят фортуны через то сделать... Вот из Киева Лука Федорович прислал штык-юнкера, который сам вызвался заниматься с детьми, хочет услугу оказать. Ей-то сразу стало ясно, что этот Нефедьев приехал к ним, рассчитывая на протекцию графа в будущем. Опять незадача!

Ожидала, что граф сам приедет скоро, – вот уже больше полутора месяцев длится разлука. Дела задерживали Петра Александровича. Из короткого уведомления графа она узнала о нескором его приезде. И наступило горькое разочарование.

Единственное окошко в мир для Екатерины Михайловны – это письма из Москвы и Петербурга, из Киева и от мужа, но все как сговорились – перестали писать, и она не находила себе места от скуки. Лишь вечером собирались поиграть в карты, но это было слабым для нее утешением. Петербургские письма, адресованные мужу, она отсылала ему с нарочными, а потому мало что доходило до нее из новостей. А о празднествах в лагере в день восшествия Екатерины на престол она узнала из письма от матушки. И еще горше стала для нее скука. Почему она, жена прославленного генерала, должна прозябать в этом Глухове, в названии которого все, в сущности, сказано: вот уж истинно – глушь. Там, в Петербурге, веселые празднества, всем участникам дано было по четыре тысячи рублей, некоторых произвели в следующий чин, наградили орденами. Ну, конечно, Петру Александровичу обстоятельнее, видимо, пишут... А что ей напишут?..

19 июля 1765 года она писала мужу: «...и нетерпеливо все ведать желаем, что Макар привез к тебе. Приезжай, батюшка, скорее, истинно со скуки пропадаем. Александр Ильич (Бибииков) здесь (с) женою и детьми, все тебя дожидается. А сегодня сведения, что

еще дён шесть не будешь, так хочет завтра ехать, или жену отпустить, а сам один на несколько времени, дня два, тебя подождать, а то ему нельзя будет больше...»

Не раз перечитывала Екатерина Михайловна письмо свекрови, которая до сих пор возвращается в придворных кругах, участвует во всех празднествах, несмотря на свой шестидесятилетний возраст. Не теряет чувства радости, по-прежнему бодр и легка на подъем. К тому же не забывает давать наставления. Вот ее письмо от 13 июля 1765 года: «Невестушка, свет мой! Письмо твое я получила через Френголтса, в котором пишешь, что скушна, от всех отлучилась. Кажется, сама желала быть с мужем, и так пожила со своими. Я думаю, что у вас не так скушно, я жила там: никакой скуки не видала. Пожелаю, чтоб об тебе не так рассуждали, как о Катерине Ивановне (графиня Екатерина Ивановна Разумовская, жена гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского. – *В. П.*), что ни с кем не хотела знатца. Для вас для самих надобна их ласка: по которой реке плыть, по той и славу творить...»

Наконец-то Екатерина Михайловна дождалась Петра Александровича: 29 июля он возвратился в Глухов.

Жизнь пошла по привычному руслу. Хотя многие и разъехались по деревням и селам, генеральная канцелярия работала бесперебойно. Переполненный впечатлениями от поездки, Румянцев всем своим помощникам дал срочные задания. Письма к нему приходили пачками – из Петербурга, Москвы, Киева и других городов. Горькие жалобы, слезные прошения и рекомендательные письма прибывали каждый день. Все они требовали внимания и времени для принятия мер.

Зато радостно бывало у Петра Александровича на душе, когда получал письма от матери, короткие, деловые, точные. 18 августа 1765 года из Санкт-Петербурга Мария Андреевна писала: «Петр

Александрович, свет мой, здравствуй. Я не хотела сей оказии пропустить, чтоб не отписать. Нынешний день едем с сестрою за государынею в Царское Село на несколько дней, там проживем. Прошу не сомневаться, может быть, не стану писать почты две. Я, слава Богу, со всеми своими в добром здравии. Прости, друг мой, Христос с тобою и мое вечное благословение».

Чаще всего мать сообщала о своем месте пребывания, бодро писала о благополучном житье-бытье и тут же просила за кого-нибудь, кто едет на службу в Глухов, Киев или другие украинские города. И неудивительно: за долгую службу при дворе у нее накопилось множество знакомых, друзей, сослуживцев, сыновья которых подросли и нуждались в протекции по службе. Так уж издавна повелось, и она не могла отказать в рекомендательном письме даже тем, кого еле знала. «Прошу вас, свет мой, сего письма вручителя не оставить, который отправляется отсюда. Просил меня, чтоб отписать, от которого я отговориться не могла, показать сим милость по его прошению», – писала она в одном из писем.

Румянцев, конечно, принимал всех ее посланников, но поступал с ними так, как надлежало по справедливости. И каждому приезжему был рад, особенно если это был дельный и образованный человек: такие люди нужны.

Еще в мае, как только приехал в Глухов, он высказал предложение об учреждении почты в Малой России. Тогда же вызвал почт-директора Скоропадского, разработали вместе с ним устав, кажется, предусмотрели все детали и подробности этого нового предприятия, подсчитали, сколько понадобится почтмейстеров и почтальонов, сколько лошадей и всяческого скарба, надобного для обслуживания почтовых трактов. Как раз перед отъездом он внес в Малороссийскую коллегия «Учреждение о конной

почте», предложив «во все места, где о том ведать надлежит, сообщить справные экземпляры и велеть отовсюду о получении и о действительном определении почтмейстеров и почтальонов с приложением именных списков рапортовать, и, когда все сии рапорты получены будут, тогда пересылка писем первое свое начало и возыметь может». Казалось бы, так все просто и ясно, но лишь через неделю коллегия уведомила полковые канцелярии о его приказании... Как все медленно, не торопясь, делается здесь, сокрушенно думал Румянцев, до сих пор нет известия, что началось исполнение его воли. Придется издать еще один приказ о выборах почтмейстеров и почтальонов к 1 сентября, а за неисполнение – взыскивать денежный штраф. И чтобы к 10 сентября все выбранные почтмейстеры были в Глухове для получения наставлений.

Впервые Румянцев столкнулся с гражданским управлением большого края. Раньше, когда он командовал полком, бригадой, корпусом, все было проще. Все его приказы быстро и точно исполнялись офицерами и солдатами, никто не обсуждал их, приказ есть приказ. Всякое, конечно, бывало... И в то, военное, время приходилось не раз испытывать огорчение оттого, что не сразу его подчиненные понимали смысл той новизны, которую он вносил своими приказами. Здесь же он столкнулся с такими обстоятельствами, которые не всегда мог учесть и предусмотреть. Повсюду почтмейстеров выбрали быстро, но найти почтальонов, которые отвечали бы требованиям разработанного им устава, оказалось затруднительно. Только в сентябре стали поступать донесения, которые несколько охладили административный пыл молодого генерал-губернатора. Так, Гадяцкая полковая канцелярия от 8 сентября сообщала, что «к определению в оные с казаков... не токмо-де с маломощных, но и в первых... состоящих, таковых, чтоб

сами от себе могли... иметь почтовых по двое добрых лошадей из доброю ж на них упряжкой, крайне не имеется». И другие полковые канцелярии совершенно справедливо спрашивали: а нельзя ли выбирать в почтальоны не только из маломощных казаков и посполитых, но и из числа выборных казаков, которые способны снарядить пару хороших лошадей с упряжью?

«Выборные казаки, – думал Румянцев, получив такие донесения, – должны учиться воевать, чтобы быть готовыми защитить свой край от турецких и татарских набегов, а не заниматься почтовыми перевозками. Но придется уступить напору обстоятельств».

Румянцев за эти несколько месяцев познакомился со всеми знаменитыми украинскими фамилиями. У него на балах и карнавалах, которые он устраивал, побывали генеральные и полковые старшины, сотники, судьи, вся местная знать: Завадовские, Безбородки, Ханенки, Лашкевичи, Гудовичи...

Вот Андрей Яковлевич Безбородко, генеральный старшина с давних пор. Еще граф Разумовский пытался исхлопотать ему должность генерального судьи, но даже у него не получилось. Лишь Петр III назначил его на эту должность, но тут же уволил в отставку: должность понадобилась Василию Туманскому, ставшему к тому времени более близким гетману. Так вот и отошел от управления делами один из умных и дельных малороссиян, которому было немногим больше пятидесяти лет. А сколько полезного услышал от него Румянцев: ведь Безбородко служил еще при его отце, вся история Малороссии за последние тридцать лет прошла перед его глазами. И не простым наблюдателем он был, а находился в центре всех событий. И сколько знает он имен крупных, знаменитых! Вот недавно умерший Николай Данилович Ханенко...

Румянцев вспомнил, что именно Ханенко одним из первых на Украине послал своего сына учиться в немецкие университеты, стремился к тому, чтобы улучшить образование в Глухове.

- Николай Данилович, - рассказывал Петру Александровичу Безбородко, - пытался через сына, который учился в Киле, нанять какого-нибудь доброго учителя, чтоб сюда, в Глухов, к нам выехал и завел гимназию. Он делился тогда своими мыслями со мной. Этот учитель мог здесь иметь хорошую пенсию, ибо от каждой персоны получал бы по три рубля в месяц, учеников десять у него нашлось бы, в год у него было бы триста рублей доходу, а сверх того, и квартиру б дали...

- И что же? - спросил нетерпеливый Румянцев.

- Так ничего и не вышло из нашей затеи. Николай Данилович послал своего Ивана учиться в Петербург, там он прошел курс наук у академика Модераха. А мой Александр закончил учение в Киевской академии. А как было бы хорошо учить наших детей здесь, в Глухове, учить их латинскому, французскому и немецкому языкам. Чтоб могли чинно и свободно на оных разговаривать и самым изрядным стилем писать. А еще лучше, если б могли и всяких высоких авторов на тех языках не токмо читать, но и переводить и толковать изрядно. Вот так иной раз соберемся, потолкуем, размечтаемся, так что и про карты и водку забываем... Ведь сверх языков наши дети могли бы обучаться церковной и светской истории, тако ж учению поэтики, риторики со стилем, логики, физики и прочим полезным наукам. Хорошо бы детям нашим овладеть и благопристойными художествами, например музыкой и живописью либо каким другим мастерством... Сколько полезного даст образованный человек своему Отечеству!

- Не каждый может платить такие деньги за обучение своих детей, - сказал Румянцев, внимательно выслушав собеседника. - Ханенко был правителем генеральной канцелярии, у него села и деревни. Я знаю о прошении малороссийского шляхетства и старшин о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданном в прошлом году ее императорскому величеству, знаю о желании вашем завести у себя два университета и несколько гимназий. Но кто будет в них обучаться, если к обучению юности здесь плохо относятся, хотя и есть школы, а в Киеве так называемая академия. Но они отнюдь не на тех правилах основаны, каковые надлежит к исправлению народному утверждать в жизни. Даже склонность здешнего народа отличная к музыке и естественное дарование в голосах вовсе остаются без уважения.

- Да, петь мы любим, и голоса есть превосходные. - Безбородко и сам прекрасно пел и любил пение.

- Прежде всего следует наладить обучение в школах во всех городах, а где можно, и по большим селам и деревням. Нужно научить юность читать, писать, петь и арифметике. Жалованье учителям определять из градских доходов, в других случаях давать им некоторые чины духовные при церквях с доходами. Имущие ученики могут платить ежемесячно, а бедных учить без всякой платы. Содержаться же сии бедные могут из штрафных денег, взятых с тех, кто совершает неважные преступления, пьянствует, учиняет драки.

- Крайне необходимая мера... Есть, конечно, у нас школы при монастырях, при церквях приходских, в которых дети прихожан обучаются церковному чтению и пению, обыкновенно под руководством дьячка. Но эти школы занимаются приготовлением для церкви церковнослужителей, способных потом занять и место священника. В каждом приходе в доме дьячка ютится

по несколько мальчиков, преимущественно из сирот или же беднейших прихожан, их обучение ограничено изучением букваря, Часослова и Псалтыря.

Безбородко говорил об этом со знанием дела. Сам лишь несколько лет назад по этой же системе обучал своего старшего сына Александра. И как только научил его писать и читать, то заставил несколько раз прочитать Библию от начала до конца. Немалый труд, но он многое дал для усвоения богатств церковно-славянского языка.

- Во время моей поездки по полкам, Андрей Яковлевич, - снова заговорил Румянцев, - многие мне жаловались, что мало грамотных людей. Ощущается большой недостаток при замещении тех должностей, на которые требуются грамотные люди. А потому кое-где не только есаулов и хорунжих нельзя найти грамотных, но даже и на должность сотенных атаманов не находится таковых. Бывает и так, что при назначении в походы определяются командирами люди неграмотные.

- Да, Петр Александрович, у нас сколько таких случаев бывало. И за таких командиров полковой канцелярии приходится терпеть всякие поношения и укоризны. А что делать? Боевые, храбрые казаки, а грамоты не знают.

- Учить нужно всех казацких детей грамоте и экзерциции воинской. И уже через несколько лет можно было бы учредить здесь кадетский корпус, как в Петербурге. В число сих могли бы набраны быть дети лучшего шляхетства. Нравы бы исправлялись, появилась любовь к военной регулярной службе.

- Ваше сиятельство! Если б вы знали, как радостно нам все это слышать от вас! С такой любовью вы говорите о нас, малороссах...

- Я ж здесь с малых лет был, давно полюбил этот прекрасный край. И все мне здесь кажется родным и близким. Как же нам вместе не заботиться о

процветании сего края, не заботиться о его защите и просвещении народа?..

После этого разговора Петр Александрович не раз возвращался к судьбе Безбородко, одного из влиятельных в Глухове генеральных старшин. Что-то нужно сделать для него, тем самым утвердив влияние Петербурга в Малороссии. Может, пожаловать ему в вечное и наследственное владение некоторое количество дворов из принадлежащих короне и дать чин действительного тайного советника? Ведь Безбородко начал служить с 1730 года, неусыпным трудом заслужил доверие главноуправляющих в Малой России генералов Шаховского, Барятинского, Румянцева, Кейта, Леонтьева, Неплюева... Да и гетман Разумовский не мог обходиться без него даже в Петербурге, где подолгу жил.

Заслуженный и преданный человек этот Безбородко. Такому и порадеть приятно. Он сам без понуканий свой долг исправно выполняет. Не то что некоторые...

Во время поездки Румянцева удивило полное безразличие казачества к службе. Все азартно занимаются хозяйством, особенно винокурением, и всеми способами старались уйти от войсковых обязанностей: несения службы, от караулов и посылок в другие города и села. В Конотопской сотне, в селе Жолдаки, раскинувшемся по берегам реки Сейм, к Румянцеву обратились представители местной роты с прошением «не занимать их российским платьем и регулами». Говорили, что «их в регулярную службу напрасно занимают». Как вскоре выяснилось, во главе недовольных стояли капитан Бубличенко и прапорщик Орловский. Выяснилось и то, что рота, получавшая содержание от казны, оказалась совершенно не способна к несению караульной службы. Деньги получали, но ничего не делали, чтобы оправдать их. Это

было явное преступление, и Румянцев преобразовал роту в регулярную, названную фузилерною*. Бубличенко и Орловского лишил чинов, а рядовых жолдаков наказал плетьюми и посадил в острог на год.

Это произошло во время поездки в Конотоп 15 июня 1765 года.

Этот эпизод закончился тем, что в день тезоименитства* императрицы, 24 ноября, Орловскому и Бубличенко «прежние их чины были объявлены», а рядовые жолдаки были выпущены из острога в январе следующего года.

История эта надолго запомнилась жителям Украины: они почувствовали твердую и крепкую руку нового правителя, его отходчивое и справедливое сердце.

Глава 5

«Я давно изучаю нашу историю»

Петр Александрович еще по приезде в Глухов обратил внимание на молодого Безбородко, только недавно вернувшегося в родные места из Киевской духовной академии. Восемнадцатилетний юноша был представлен графу Румянцеву и записан в бунчуковые товарищи, как это делалось, по обыкновению, для сыновей знатных фамилий. Бунчуковый товарищ лишь в военное время обязан был находиться при гетмане, а в мирное время у него не было определенных занятий. Но Александр Безбородко вскоре стал незаменимым в канцелярии графа Румянцева: поражала его память, хранившая множество разнообразных сведений, входящих и исходящих бумаг, да и слог его, легкий, изящный, точный, открывал перед ним широкие возможности служебной карьеры.

Румянцеву рассказывали, что еще в академии пытались проверить память Безбородко, будили его ночью и спрашивали: когда случилось такое-то событие? Александр никогда не ошибался.

И уж совсем поразительный случай рассказывали Румянцеву. Как-то в обществе зашел разговор об одном пожилом офицере, только что назначенном в какую-то незначительную крепость. Александр тут же перечислил всех его предшественников, точно назвав их чины и имена, срок их службы и увольнения из нее. Кто-то не пожалел времени на проверку сведений, изложенных Безбородко, наводил справки в Военной коллегии. И что же? Оказалось, что тот все сказал верно.

Да и сам Петр Александрович не раз убеждался в том, что память молодого Безбородко просто

феноменальна: он мог читать наизусть целые главы из Библии; мог перечислить имена и отчества всех крупных и менее крупных генералов и чиновников, так или иначе бывших известными в истории России.

Петр Александрович сам обладал прекрасной памятью, быстрым умом, но молодой Безбородко его превосходил, особенно в умении излагать свои мысли складно и легко. Так что Румянцев стал все чаще поручать ему наиболее ответственные и важные задания, прежде всего деловую переписку с петербургскими высшими чиновниками, генералами, Екатериной II.

3 сентября 1765 года молодой Безбородко сообщил отцу, Андрею Яковлевичу, из Переяславля: «Его сиятельство граф Петр Александрович и его превосходительство господин генерал-майор, лейб-гвардии майор Александр Ильич Бибиков в среду, а по крайней мере в четверток, намерены выехать из Глухова, чрез Короп, Мену и Березно, в Чернигов, а оттуда по границе, в Стародуб».

Другой свидетель столь давних событий, генеральный подскарбей Яков Маркович, уточняет пребывание графа Румянцева на украинских землях: «Сентября 9 вышло предложение в коллегия Малороссийскую от гр. Румянцева, чтобы со всякой хаты, со всех обывателей, собирать по 1 рублю в год, а по квартам года по 25 коп., вместо провианта и фуража на консистентов.

А другое предложение: описать все земли и перемерить их во всей Малой России квадратными саженьями... и составить список вписавшихся в оных (с имений, им на ранг принадлежащих) в казаки и чиновники, и сверх того, составить списки казаков и вообще всех мужеска и женска пола, и первых, т. е. казаков, с показанием возраста, лет и болезней.

22. Ездил в город, был у графа, где ради торжества был банкет, фейерверк, иллюминация и бал.

30. По прошению моему, Петр Александрович Румянцев изволил писать до Ив. Фед. Глебова, генерал-губернатора киевского, об увольнении дома нашего киевского от постоя.

Октябрь. 7. Граф Румянцев предложил коллегии послать по штаб-офицеру и одного из старшины полковой, или бунчуковского товарища, во всякий полк, всех переписать мужеска и женска пола, а казаков с летами и приметами, равно и для перемера всех земель. Другое же предложение: описать все дворы и бездворные хаты и со всякой хаты брать по рублю для консистентов, а фуражом и провиантом уже не брать.

Граф отъехал в Черниговский полк, а оттуда поедет в Стародубский.

Ноябрь. 23. Граф возвратился в Глухов».

Сколько позади осталось сел, деревень, городов... Торжественные встречи, приемы, обеды – никак без этого не обойтись, хотя он всячески старался избегать всей этой пышности и пустой велеречивости. Но сквозь доброжелательные улыбки и радостные уверения в преданности ее императорскому величеству проступали истинные настроения и чувства – обида на отмену гетманства, давней привилегии малороссийского народа. Еще больше жалоб звучало, когда речь заходила о расположенных в Малороссии войсках. Сколько насилий, грабежей, обид и всяческих других злоупотреблений чинили местным жителям солдаты и их начальники! Приводились такие примеры, что можно было подумать, будто солдаты бесчинствуют в завоеванной стране. Нужно было решительно изменить порядок обеспечения провиантом и фуражом русских полков. Не только искоренить злоупотребления со стороны солдат и офицеров, но и жителям Украины

разъяснить, что полки здесь стоят для сбережения их живота и имущества... Сколько врагов по-прежнему зарятся на одну из прекраснейших стран Европы, которая изумляет всех безбрежностью плодородных степей, изобилием прекрасных лесов, множеством холмов, озер и рек. А климат ее обычно сравнивают с климатом Италии... А то что же получается? Никакого дохода с этих богатейших земель империя не получает, да еще и охранять ее обывателей должна за свой счет? Вечно и непреложно малороссияне соединились с великороссами как равные с равными и вольные с вольными, и права свои должны иметь без нарушения, ибо они хороши и соответствуют историческому прошлому обоих великих народов. И по этим правам и привилегиям они будут иметь все суды и расправы, а великороссы должны соблюдать все эти права и привилегии. «Жить нужно в мире, помогать друг другу, иначе заклюют нас турки, татары да и другие иноплеменники. Мы единоплеменники и по доброй воле вновь соединились.

И нельзя безнаказанно оскорблять самолюбие народное», – считал Румянцев.

А в городе Глухове жизнь набирала разбег. Немного оставалось до Нового года, до рождественских празднеств. И в предвкушении двухнедельного веселья члены Малороссийской коллегии работали энергично: вызывали полковников и сотников, решали многочисленные вопросы, которые постоянно возникали в этом большом и пестром мире, по странной случайности названном Малой Россией.

Великое бремя забот тянул Петр Александрович Румянцев: почта, народное образование, хозяйственные, военные, административные дела и вопросы. Кажется, большие права были даны самой коллегии, но часто возникали там разные мнения и споры, и решать приходилось ему, председателю

коллегии и генерал-губернатору, решать так, чтобы все жители Украины поверили в братские чувства своих северных единоверцев, поверили в нерушимость своих прав и привилегий, поверили в то, что они действительно стали равными в союзе двух великих народов. А для этого нужно всем было потрудиться.

Румянцев имел твердое убеждение: надо помогать украинцам налаживать новую жизнь, которая начиналась с отменой гетманской власти. Не он ее отменил. Екатерина II не потерпела даже мысли о наследственной власти на Украине. А он, раз уж принял власть от гетмана, сделает все, чтобы ни в чем не ущемить права и привилегии местного шляхетства, казачества и посполитых. Столько прекрасных, умных, просвещенных людей на Украине! В Стародубе он встретился с Дублянскими, Завадовскими, Сулимами, Ханенками и многими другими, которые покорили его ум и сердце своим прямотушием и просвещенностью. Но вместе с тем он узнал и таких, как Павел Скарупа.

Александр Дублянский рассказывал Петру Александровичу о весьма интересных событиях, которые совсем недавно происходили в Стародубе.

- Два с половиной года после смерти Акима Яковлевича Борсука, флигель-адъютанта старшего Разумовского и товарища гетмана Кирилла Разумовского, стародубский полковничий уряд оставался вакантным.

- А почему? - живо спросил тогда Румянцев.

- Не знаю... Более года полком управляла старшина, но потом получилось так, что управлять было назначено мне с бунчуковым товарищем Петром Миклашевским.

Петр Александрович внимательно слушал Дублинского.

- Но управляли полком мы недолго. Возвратился из Пруссии Скарупа и заявил нам, что раз он вернулся, то он будет управлять. А у нас есть универсал гетмана. Так

он ожесточился, накричал на нас обоих, издевался и всячески поносил, звал меня к себе поверенным, там же в конторе в присутствии полковых старшин обозвал меня дураком. А потом объявил, что нечего нам делать в канцелярии. И конечно, увидев какое его, Скарупы, наглое поведение и опасаясь еще большего бесчестия, мы принуждены были оставить канцелярию.

- Мне рассказывали, что обозный Скарупа, получив немалое наследство от отца, умножил его насилием над соседями? - спросил Румянцев.

- Да! Его прозвали «грозным», его трепещут соседи. Несколько лет тому назад, незадолго до начала войны, он наслал на сенокосы тогдашнего хорунжего* Данченка своих подданных человек сорок, пьяных, с дручьем и вилами, на девятнадцати подводах. И оные люди забрали у Данченка более тридцати копен сена и увезли в Кустичи, его наследственный удел.

- Ну и что же? Никто не видел и не помешал творить этот разбой?! - закипел от гнева Румянцев.

- Видели, ваше сиятельство! Да кто может помешать-то... - сокрушенно сказал Дублянский. - Видели приказчик с его подданными, но убоялись угроз людей Скарупы, говоривших, что если они пойдут того сена боронить, то некому будет их на другой день и хоронить. А кому ж охота...

- А сам-то хорунжий Данченко тоже испугался угроз?

- А что Данченко? Он написал жалобу полковнику Федору Дмитриевичу Максимову, пятнадцать лет правившему полком. Полковник приказал Скарупе возвратить забратое сено и вознаградить другие ущербы.

- И что же?

- Скарупа нехотя подчинился, вернул сено. Но он знал тогдашнее бессилие власти и верил в свою силу, дожидался другого случая.

- Но как же такого грабителя назначили полковым обозным?

- У него были хорошие связи с приближенными гетмана. Он их всех задобрил, а это он умеет. Говорят, он и на войне занимался только тем, что ухаживал за их сиятельством графом Бутурлиным, и немалого добился. Хвастался, что с его помощью он станет здесь полковником, вот так и ведет себя. А еще нахальнее и грубее ведет себя его жена Анна Яковлевна.

- А почему она себя так ведет?

- Она внучка нежинского полковника Жураковского, который был женат на дочери гетмана Апостола. Так что у них связи преогромнейшие со всеми знатнейшими семьями Украины.

- И вы знаете об этих случаях грабежа?

- Ну как же? Здесь у нас все об этом знают... Обозный Скарупа давно мечтал захватить часть соседнего села Рухова, которым владела вдова младшего из сыновей полковника Миклашевского. Скарупа предлагал ей мировую, но она не соглашалась. Сам обозный ничего не успел предпринять, ушел с отрядом казаков в Пруссию. А в конце июня 1761 года обозная собрала множество подданных своих, человек до трехсот, причем для увеличения толпы одела и женщин в мужское платье, вооружила их дубьем, булавами и косами... А затем, напоив всех довольно горилкою, отправила на ржаное поле руховской владелицы, где работали крестьяне ее. Приехав на поле, скарупинские люди, выпив еще водки, напали на крестьян и стали бить их смертным боем. Крестьяне убежали с поля, укрылись в своих хатах. А насланная толпа стала жито подкашивать не по-хозяйски, а лишь обивать колосья. Причем на скошенное в таком виде жито нагоняли скот, топтали и уничтожали то жито...

- Так можно поступать только лишь в том случае, если уверен в своей безнаказанности. Есть же закон! -

Румянцеву явно становилось не по себе, когда он слушал этот рассказ о бесстыдных беззакониях.

- Так оно и получилось, ваше сиятельство! Обиженная хоть и жаловалась, но все безрезультатно: полковника у нас уже не было, а полковая старшина бессильна против такого грабительства и нахальства. А сейчас за него хлопчет в сенате сам граф Бутурлин.

- Да, я знаю...

- И что же? - в свою очередь задал вопрос Дублянский.

- Я решил посмотреть, что это за человек... Ну а теперь, сами понимаете, я не могу, несмотря на представительство людей несомненно сильных, пользоваться к нему благорасположением. Тем более ее величество на сенатском докладе написала: «Без представления графа Румянцева на сие поступить нельзя». Нет, он не получит при мне никакого поощрения.

- Грозный человек, соседи трепещут перед его именем, - задумчиво сказал Дублянский.

- Нет, не думаю, что он может быть сейчас грозным. Теперь будет торжествовать закон и справедливость - так повелела императрица. И я сделаю все, чтобы так и было.

С каждым днем Румянцева все больше и больше покорял молодой Безбородко своим ровным характером, кротким и почти застенчивым обхождением со всеми, кто его окружал. Даже простота и неизысканность одежды Александра обращали на себя внимание. И чем больше он давал поручений ему, тем больше поражался и деловым его качествам: слишком часто приходилось ему сталкиваться с любителями роскоши, самоуверенными и надменными глупцами, а тут...

Однажды Румянцев заговорил с ним о татарах и турках. Как-никак, а мысли генерал-губернатора

постоянно возвращались к этим неприятелям России. Сколько уж раз терпели россияне от наглых нападений своих ближайших соседей! И не так просто оказалось установить с ними нормальные отношения, не один заключенный мирный договор был порушен крымскими татарами и турками. И вот теперь снова надвигалась грозная туча на мирные малороссийские села и города. Надо было что-то предпринимать. Пора... Пока беспокойные татары в Крыму будут зависеть от турок, до тех пор не миновать войны с ними. Но хватит ли сил бороться с ними? Петр Великий так и не смог их победить, хотя и был близок к этому...

Петр Александрович взял со стола большую книгу и начал ее перелистывать. Здесь были собраны царские указы. И чуть ли не в каждом из них говорится об отношениях с Крымской ордой...

Вошел Безбородко, ставший необходимейшим человеком в канцелярии.

- Вот знаменательные слова царского указа столетней давности: если крымские люди задор учинят, то царское величество укажет над ними промысел учинить. Что скажете, Александр Андреевич, о крымцах? Вы знаете о письме атамана Серка хану крымскому? Да вы садитесь, потолкуем...

Безбородко сел и заговорил на любимую тему:

- Кошевого атамана Ивана Серка возмутило не то, ваше сиятельство, что татары напали на Запорожскую Сечь. Это, дескать, обычное дело. А то, что напали не по-рыцарски, напали тайно, а не явно... Вот за это и отомстили запорожцы.

- Но в том же письме Иван Серко напоминает хану крымскому, сколько раз запорожцы успешно воевали против крымских татар и турок. Напоминает, что русские не раз бывали и под стенами Константинополя.

- Ваше сиятельство! В наших летописях отражено, что войны с татарами начались с середины десятого

века, и ведутся они беспрестанно до сей поры. – Безбородко спокойно положил бумаги, которые он держал в папке, на стол перед Румянцевым.

– Вот-вот, хорошо, что вы интересуетесь историей нашего народа. Чтобы управлять политическими делами, надо знать деяния человеческие прошедших времен. Истина ясная и не требует никаких доказательств. Но многие ее забывают. Чрез знание истории не токмо разумно управлять можно, но, сверх того, можно предвидеть и будущее, так же как и прошедшее. Тем паче нужно знать историю своего государства и своих соседей. Татарский народ столько с нами по делам своим связан, что непростительно не иметь о нем надлежащего сведения. А мне нередко случалось слышать людей почтенных и разумных, рассуждающих о татарах как о самой презренной твари, никакого внимания не заслуживающей. А от сего пренебрежения часто происходили ошибки с нашей стороны. Сколько раз мы совершали крайне бесполезные в Крым и на Кубань походы! Некогда отправленная в Крым превеликая армия, пришед туда, только одну большую татарскую деревню сожгла и с немалою своих людей потерю назад возвратилась. Крымский хан у бывшего тогда при нем некоторого европейского эмиссара спросил, сколько бы таковая военная экспедиция России стоила. На что оный эмиссар ему сказал: когда бы россияне к нему прислали только третью долю оных денег, то бы он сам десять таких деревень сжечь приказал. Так что с татарами нам придется воевать. А для того чтобы воевать с ними, надо хорошо их узнать. Почитайте летописи польские, греческие, турецкие, татарские – и перед вами откроется интереснейшая картина наших постоянных отношений.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! Только дело в том, что я давно уже изучаю нашу историю. Именно

сказанные вами причины возбудили во мне некогда любопытство обстоятельнее узнать сию нацию, и для того не оставил я читать разных писателей, особливо историю о бывших у России с татарами войнах.

- Из всех наших неприятелей татары и турки для нас были наиопаснейшими и вреднейшими, - задумчиво сказал Румянцев. - Да и впредь еще быть могут, если совсем не будут отняты у них к тому способы. Иван Грозный начал, Петр Великий пытался закончить это великое предприятие, но не удалось: нельзя сразу вести войны на севере и юге.

- Ваше сиятельство! Если б Россия была в то время единой, как сейчас, мы б никогда не подпали под татарское иго... Сколько веков прошло, прежде чем мы поняли, что нужно крепить единство. Ужасная и притом печальная картина, а именно: вся Россия, раздробленная на части и в собственной крови плавающая, - повсюду ничего иного не слышно, как только жалостный вопль и стенание под тяжким татарским игом.

«Каков молодец! Говорит-то как, будто и в самом деле писатель! - подумал Румянцев, любясь молодым человеком, увлекшимся темой. - А может, поручить ему написать памятную записку?..»

- Россияне все эти сто пятьдесят лет боролись с татарами... Сколько погибло наших князей, не пожелавших смириться с татарским игом...

- Да, ваше сиятельство! Если б наши князья были так же едины, как татары! Железная дисциплина, умение подчиняться старшему. Как это им помогало в борьбе с российскими князьями и их дружинами... Ошибка наших предков в борьбе с татарами в том и заключалась, - продолжал ободренный Румянцевым Безбородко, - что мы воевали с ними только тогда, когда они приходили в Россию, чтобы жечь, убивать, насиловать... И довольствовались только тем, что из

домов от себя прогоняли, не чиня никаких дальних поисков. А как стали несколько поискуснее, то начали от них укрепляться, делая засеки и линии для воздержания их набегов, а в зимнее время на некоторых реках колоть лед. Но все сии укрепления не могли совершенно удержать их набегов...

- Короче говоря, - перебил Безбородко Румянцев, - мы были в таком бедственном от татар порабощении, что изобразить того не можно. Особливо когда наши великие князья принуждены были сами ездить в Орду для получения на владение жалованной грамоты от татарских ханов...

И у говоривших сразу лица стали скорбными: у каждого из них в памяти возник тверской князь Александр, погибший в Орде вместе с сыном Федором...

- Странный народ! - продолжал Румянцев. - Татары заключали мирные договора только тогда, когда им это было выгодно, и всякий раз их нарушали, когда только хотели. В том они с турками, их однородцами, одних и тех же правил. А россияне, невзирая на то что бывали немало раз ими обмануты, завсегда им верить не переставали.

Румянцев задумался, вспоминая мрачную историю отношений русских с татарами и турками. Безбородко не замедлил воспользоваться минутной паузой, продолжил начатый разговор:

- Некий знаменитый автор, ваше сиятельство, увидя из российской истории, что наши предки поддались на обман трем ложным Дмитриям, сказал: «Простительно быть обмануту один раз первым ложным Дмитрием, пускай и другим, но чтобы допустить себя обмануть тремя ложными Дмитриями сряду, надобно быть русским». Что сказал бы сей автор, ежели бы он увидел нас, обманутых татарами в продолжение семисот лет почти семьсот раз?..

- Вот и я об этом говорю. Уж очень простодушны мы, русские, доверчивы, проигрываем то, что давно уж нужно было выиграть. - Румянцев сказал, а про себя подумал: «Да, семьсот - восемьсот лет русские воевали с татарами, но добивались мира только тогда, когда не ограничивались защитой своих очагов, а ходили на территорию своих противников...» - Да, посмотрел я наши границы с татарами и наши способы их удержания... Нет, что-то нужно менять в способах защиты от крымцев, а лучше всего сделать их навечно нашими друзьями. Их враждебность принесла России слишком много горя... - вслух сказал Румянцев. - Беда только в том, что в мирных переговорах мы не всегда бываем стойкими, проигрываем больше, чем на поле битвы.

- Осмелюсь возразить, ваше сиятельство, - смущенно произнес Александр Андреевич. - Со шведами, да и вообще с европейцами, Россия добивалась не раз успеха на дипломатическом поприще. И ваш батюшка сумел довести до успеха Абовские переговоры со шведами.

«Молодец», - подумал Румянцев. И вспомнил бешеную скачку в Петербург с вестью о мире в 1743 году. Больше двадцати лет промелькнуло с той поры. Сколько уже событий произошло в России, да и в его жизни!

- Ну что ж, и с турками и татарами нужно доводить дело до конца. Потомки наши не простят нам никаких упущений на юге России, - твердо сказал Румянцев.

Глава 6

Женская доля

Что, казалось бы, не жить тихо, спокойно, как тысячи именитых людей? Жена хозяйственная, умная, заботливая, славные сыновья, наследники его графского имени, продолжатели рода его, почет и уважение со стороны всех, кто его окружает, кто с ним сотрудничает. Каждое слово его слушают со вниманием и готовностью его исполнить. Там, в Петербурге, тоже к нему внимательны и готовы оказать содействие в его административных стараниях. Да и слава победителя в недавней войне все еще греет его молодое, горячее сердце. Вроде бы все есть, что только можно пожелать. Что еще нужно человеку? Но нет, Петр Александрович Румянцев недоволен. Его пылкая натура жаждала не такой тихой, мирной жизни. Неохотно возвращался домой после дальних поездок. Любовь жены не согревала его. Ласки детей не проникали в суровую душу воина.

И он, испросив разрешения императрицы, задумал поехать в Петербург. Мать его, Мария Андреевна, уже присмотрела по его просьбе дом, в котором он мог бы жить. Одно пока удерживало в Глухове: вместе с женой ему не хотелось оказаться в Петербурге. Мать, как обычно, уговаривала его жить с женой в согласии и покое. Письма ее полны ожиданием скорой встречи:

«Петр Александрович, свет мой, здравствуй! Отправляются отсюда два иностранных офицера к вам, в Малороссию, которые были у меня и просили, чтоб рекомендовать их вам в милость. А я, свет мой, прошу вас уведомить меня, как вы сюда скоро будете, потому что писем давно не получала от вас. Я, слава Богу, и все наши в добром здравии. Отпиши, как будешь

к нам. Впрочем, буди с тобою милость Божия и мое вечное благословение. Декабря 2-го дня 1765 года».

В письмах Мария Андреевна подробно рассказывает о поисках хорошего дома, в котором семье Румянцевых было бы удобно. Она уверяет сына, что приезд в Петербург будет полезен ему и по службе, и по душе. Наконец она сняла дом Ивана Ивановича Дивова, который «состоит по Мойке, и в нем вся исправность: стулья и весь мебель; цена по семьдесят рублей в месяц, а ниже нигде не можно сыскать, и старалась, чтоб поблизости... А что надобно, то Яков Александрович (Брюс. – В. П.) все приказал исправить».

Как всегда, письма ее были торопливыми, написанными перед отправкой курьеров. Ей все некогда: то дежурства в Зимнем, то в Царском Селе, а все вечера за картами. «Я весьма о том радуюсь, что скоро с вами увижусь», – писала она сыну.

Но Румянцев все же решительно отклонил поездку в Петербург вместе с семьей. 25 января 1766 года он один выехал в Петербург.

А уже 28 января ему вдогонку графиня Румянцева писала из Глухова: «Батюшка мой Петр Александрыч. После отъезда твоего вдруг такая погода стала, что весь снег согнала и дождь, как летом, идет. Я думаю, тяжело ехать в обозе. Мне привезли ковер из Степкова; сожалею, что ты его не видел... Все сие старанием Анны Ивановны Каховской. Пустоты и скуки глуховской описать не можно после такого людства, итак, теперь не больше как человек шесть, а то все разъехались и разъезжаются. Дети, слава Богу, здоровы, живут возле меня. Прости, батюшка, в мыслях целую, а дети, припадая, просят благословения, а мне верь, что до конца пребуду покорная, верная жена г. К. Румянцева...»

Нетерпеливо ожидает писем Екатерина Михайловна... Вроде бы уже все ей ясно, но все еще

надеется, ждет, мучается, страдает... Бегут дни за днями... Тяжко жить с Петром Александровичем – характер у него крутой: суровый, беспокойный, деспотичный. А без него совсем не могу. Опустился Глухов, словно вымер. Кто уехал вместе с графом Румянцевым в Петербург, кто в свои деревни, кто исполнять его распоряжения. Дела в Малороссии разворачивались большие... Сколько людей понаехало за последние месяцы сюда, всем находилось дело.

Екатерина Михайловна жила полной жизнью только тогда, когда видела своего любимого. Как только он уезжал хоть на день, так сразу на нее наваливалась тоска, что просто не знала, куда себя девать. Вроде бы занималась хозяйством, детьми, встречалась со знакомыми и друзьями, но все время где-то подспудно жила тоска, и ничем ее невозможно было развеять. Часто писала ему письма, стремилась не пропустить ни одной почты, хотя порой и писать-то было не о чем: жили тихо и скучно.

...13 мая 1766 года. Весна в полном разгаре. Казалось бы, радоваться надо солнцу, теплу, песням птичьим. Но получила письмо от мужа и узнала, что он болеет, валяется в постели. Екатерина Михайловна сама страдала той же болезнью, знала, что такое почечуй*.

Немного успокоилась, когда получила от графа письмо, в котором он сообщал, что поправляется, начал снова выезжать в свет, был с графом Григорием Григорьевичем Орловым на охоте. «Какое великое порадование чувствуешь, когда любимый друг не забывает тебя и тешит своими весточками, – радостно думала графиня Румянцева. – Слава богу, что ему стало легче, только колики частые продолжают его мучить. Знать, нам обоим определено одною болезнью страдать... О господи, как я мучилась им третьего дня, давно так не страдала, целую ночь провела без сна...»

Екатерина Михайловна все эти дни ждала весточки о возвращении графа Румянцева в Глухов, но Петр Александрович присылал лишь редкие письма, но о своем ближайшем приезде ничего не сообщал.

Она только что вернулась из Батурина, ночевала там две ночи. Провела время хорошо: побывала на суконной фабрике, осматривала красильню, ковровую мастерскую, любовалась коврами редкой красоты. А вернулась в Глухов, развернула газеты и узнала, что скончались два ее старых знакомых: 10 апреля умер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, а 7 апреля скончался барон Корф, посланник в Копенгагене. К тому же и генерал Брандт заболел – его было особенно жаль Екатерине Михайловне, уж очень у него большая семья. Вроде бы все уже переболели в Великий пост, а вот поди ж ты...

Как обычно, после обеда сыновья ускакали верхом на прогулку, а Екатерина Михайловна занималась хозяйством. Прежде всего нужно разобраться с садовником. Подрался с мастером, избил отца...

– Приведите мне садовника-немчина, – приказала она.

Вошел молодой человек красивой наружности, вежливо, с поклоном приветствовал ее.

– Ну что ты скажешь? Два месяца назад, когда мы были в Ахтырке и Каплуковке, ты пошел в оранжерею, запер двери и лучшие, крайние деревья померанцевые обрубил, оставил одни корни... А когда выходил оттудова, спокойно запер двери, успел еще и одно фиговое дерево свалить.

– Истинно, барыня, истинно, бес попутал, злая горячка, ничего не помню, что творил, господи...

– Не ведал, а себя бы порезал, ведь кафтан-то весь был изрезан. Дохтур ходил к тебе, людей приставили к тебе, вылечили. И что ж опять-то натворил?

Садовник молча протянул ей листки бумаги. «Что еще за напасти?» – подумала графиня. На немецком языке садовник писал о том, что нужно сделать в саду, оранжерее, в огороде, что нужно купить для того, чтобы улучшить ведение садового и огородного хозяйства. Предложения были грамотные и трезвые. Значит, не сошел с ума, нормальный человек. Но что же с ним? Ну, тогда была горячка, точно такая же горячка была и у повара Ильи Васильевича, но оба выздоровели. Что же теперь? Действительно, в этих писаниях его нет признаков его безумия, порядочно пишет, предложения свои изъясняет здраво, но худо то, что деньги они ему зря дают, понапрасну, ничего он не сделал за этот год.

– Мадам, простите, у себя на родине я был на хорошем счету, – сказал садовник.

– В прошлом году ты объяснял свое безделье тем, что ты поздно в Глухов приехал. А в нынешнем году, помнишь, я вызывала тебя и спрашивала, что тебе нужно для сада и огорода, семян каких, чтобы зелени всякой было больше. Ты дал мне реестр, я написала в Москву, и на пять рублей разных семян привезли. Ты наобещал, что теперь все будет. А что мы сейчас видим?

– Мадам, я все сделал, как велит наука. Но проклятая земля ничего не дала, – ответил садовник, ухмыляясь.

– Так что же, у нас в саду, опричь редьки и салата, ничего не растет? А уж в городе всякую зелень продают...

– Я все сажал, мадам. Я ни в чем не виноват. У вас совсем другая земля, чем у нас.

«Ах, лжет, негодяй!» – в сердцах подумала графиня.

– Да я ж сама была в огороде, так не больше десяти гряд вскопано. И что там посеяно, никто не знает...

Садовник ушел. А графиня решила: «Надо попросить сотника отыскать того великого мастера, о

котором он говорил мне: дескать, он умеет за всем этим ходить. А за оранжереей нечего и смотреть, лучшие деревья, негодяй, уничтожил... Говорит, в горячке был, ничего не помнит. А что? Действительно, может, есть такая болезнь, которая наваливается временами: и себя режет, и за людьми гоняется, – а потом наступает просветление, становится нормальным человеком, терзается от содеянного. Ну, мне от этого не легче. Пожалуй, этого садовника надо отпустить. Зачинаю думать, что и семена он эти продавал другим садовникам, у них у всех огороды и всего насеяно, а в нашем пусто. Думает, барыня ничего не заметит. Ох, господи, скорее бы граф приезжал! Как нетерпеливо жду его приезда! Кажется, уже нет надежды, что в нынешнем месяце он прибудет. Ну хотя бы из Петербурга выехал. Да и все наши его ожидают с нетерпением, расспрашивают о его здоровье, что пишет, какие сообщает новости столичные. А что я могу им ответить? Я только могу сказать одно: о своем приезде ничего не пишет. Вчера один говорил, что будто его фельдмаршалом пожаловали. А я ничего не знаю... Ох, сколько бы хотелось ему рассказать! Разных вестей много...»

Екатерина Михайловна вспоминала, как тоскливо было все эти дни без Петра Александровича... Ну вот в феврале была в Ярославце, дорога была беспокойная, думали воротиться ночевать в Глухов, а по оттепели дорога так испортилась, что из-за детей не отважилась ехать вечером, и ночевали все там... И мысли ее повернулись к детям. Славные у нее растут сыновья. Красивые, статные, ловкие. Хорошо владеют саблей, стреляют из пистолетов и из ружей, лихо скачут на конях. Но не хочет она, чтобы дети ее стали воинами. Хватит в семье одного. Лучше всего подготовить их к дипломатической карьере. Написала она письмо брату – Дмитрию Михайловичу Голицыну, важному сановнику,

вице-канцлеру, но какой глупый ответ получила: незачем, дескать, им в дипломатию идти. Видно, не хочет взять обузу на себя. А жаль их оставить без всякого учения... Придется написать Петру Александровичу, чтобы подыскал такого человека, чтобы и французский и немецкий знал, пора их учить языкам. Если в Петербурге не найдет, пусть отпишет в Гданьск или Варшаву, чтобы там кого нашли и прямо сюда прислали. Пока дети возле нее живут и, дал бог охоту, на скрипке учатся играть. Она рада, что хоть не в праздности растут, книгами увлекаются...

Недавно Екатерина Михайловна ездила в Дубовицы Богу молиться, вместе с ней отправились знатные дамы Глухова. Но и это не развеяло скуку. Занималась хозяйством, покупала овес, вино. Ездила в Ахтырку по хозяйственным делам, за пять суток обернулась. Написала письмо матушке Марье Андреевне, поблагодарила за присланную табакерку, она очень ей понравилась, но мала больно, не по ее рукам. Но все эти мелкие дела мало занимали ее, только и думы об одном: лишь бы Петр Александрович поскорее воротился, а то скука просто задавила ее. Даже французских газет не может почитать. Хорошо бы, Петр Александрович после того, как прочтет сам, посылал их по почте в коллегию Простоквашину, ведавшему иностранными делами, а она брала бы их у него. А то ни русских, ни французских газет...

Часто задумывалась Екатерина Михайловна о крае, в котором живет. Удивительная страна! Сколько в ней красоты и разнообразия! Приехал однажды князь Платон Степанович Мещерский и рассказывает:

- Выехал я из Глухова. Дорога так худа, что возле города еще снегу множество. А в Полтаве на поле цветы цветут, уже скотину выпустили на луга, в Лубенском полку уже пашут. А все - Украина. То наступит тепло, снег сгонит, а то снег опять пойдет,

всю землю снова покроеет, а вскоре солнышко беспощадно растопит выпавший снег. Вот какая разнота...

И снова мысли ее перекинулись на хозяйственные заботы. Нет одноколки на четырех колесах, чтобы в хорошее время ездить на прогулку. Она бы кое-когда сгодилась и Петру Александровичу. Пусть прикажет в Москве купить: для веселья и для здоровья полезно моцион делать. Пора лечиться всерьез, а то истинно от головной боли мочи нет.

Странно, что он так мало писем ее получил. А ведь надо сказать, что ни одной почты не пропускала и все через Москву к Матисову посылала для пересылки ему. Только и утешения в ее жизни что почта: то ждет посылки от него, то сама пишет. Даже почувствовала обиду на верного Матисова: уж не удерживает ли он ее письма у себя? А зачем? Вот и стремяна турецкие послала, стремяна с позолотой. Да и галстук дорожный, пусть носит на здоровье. Но так и не знает, получил ли.

Каким радостным бывал день для нее, если почта привозила ей весточку от графа! Правда, о возвращении в Глухов он ничего не писал, но ответить надобно поскорее. И к следующей почте готово уже письмо Екатерины Михайловны, в котором она излагает очередные свои заботы и волнения. А нет письма, сразу одолевают всяческие сомнения, тревога за здоровье своего суженого. 23 апреля, в веселый праздник Пасхи, был у Екатерины Михайловны обед и бал, как по табели и положено. Но невесел этот праздник для нее: нет Петра Александровича. Праздновали день рождения Екатерины II. И даже во время праздников все время думала о его приезде. Тяжкая выпала ей доля – ждать и ждать мужа то из военных походов, то из длительных поездок.

«3 июня 1766. Глухов. «Батюшка мой Петр Александрыч. Письмо твое через Еновича от 18-го

получила, никогда не помню, чтобы столько обрадовалась, потому что накануне его приезде почта пришла и от тебя писем не было, а сведала, что болен и затем в Царское Село не поехал, итак, в беспокойстве большом была целую ночь, не зная болезни твоей, а назавтра, уже получа письмо твое, узнала, что лихорадкою, и пишешь, что легче. Дай Бог, чтобы сие нашло тебя в совершенном здоровий. За присланные апельсины (и) лимоны благодарствую; теперь ими утешаемся, а померанцы почти все сгнили, только 20 целых... Детям камлон и сливы получила, и очень хороши. Об лекаре я давно писала, что он доехал и посланная с ним посылка в целости доехала, а за тафту я благодарю. Итак, батюшка, здешнего мне тебе сказать нечего, единственное мое желание, чтобы узнать, что ты здоров совсем и нас бы порадовал скорым сюда приездом, и в мыслях тебя, батюшка, целую, и дети, припадая, просят благословения и за гостинцы благодарят...»

Вроде бы и ничто не предвещало новой печали, графиня ждала с нетерпением Румянцева, понимая, что высокие обязанности требовали его присутствия в Петербурге. Но вот пришло его письмо, и сердце у нее оборвалось: снова, как и прежде, графа задерживает любовь к женщине, новое увлечение его любвеобильной натуры.

24 июня 1766 года она пишет ему: «...Получила письмо твое через казака... Ни о чем не упоминаю, что писано в нем, а предаю себя на судьбу, зная, она так и определила мне, я думала, что все терпение мое преодолит, да нечем пособить, как теми же слезами. Подумай, батюшка, об долге, как чувствительно меня трогаешь, заслужила ли я это в жизни своей; не прими, Бога ради, и сие за обиняки с моей стороны... Богом клянусь, что все уже забыла и забывала, да несчастье меня нигде не покидает; от чего было, думала, в жизни

моей так огорчаться, с какой горестию письмо получила и сие пишу, боюсь продолжать, да и от слез, право, не вижу».

Так и не дождалась графиня Румянцева своего мужа. Более того, она узнала, что Петр Александрович не хочет возвращаться в Глухов до тех пор, пока она там живет. Как свидетельствует Яков Маркович, 20 января 1767 года графиня Румянцева и «при ней Хвостов отъехали в Москву».

Он же записывает в своих «Дневных записках»: «*17 февраля*. Гр. Румянцев приехал из С.-Петербурга в Глухов. *18 февраля* генеральный обозный Семен Васильевич Кочубей (он часто упоминается в письмах Екатерины Михайловны как «Семен Василич») получил благодаря ходатайству Румянцева кавалерию св. Анны».

Яков Маркович неоднократно бывал у графа Румянцева. Приведем его свидетельства:

27 февраля 1767 года. «Ездил до графа Румянцева. Обозный генеральный поехал в полки полевые по манифесту о избрании депутатов в Москву. Для сего же и Туманский отъедет в полки Киевский и Переяславский, а граф сам поедет в Стародубский, Черниговский и Нежинский.

3 марта граф отъехал в полки. *2 мая* возвратился в Глухов.

3 июля. Гр. Румянцев из Ромна приехал в Глухов.

18 сентября. Гр. Румянцев был на ярмарке и после обеда отъехал в Глухов. (Ярмарка была в Кролевце.)

25 октября. Ездил я в Глухов, был у графа и там обедал.

24 ноября. Ездил в Глухов, был у графа Румянцева на бале и ночью приехал в Сварков».

Здесь автор «Дневных записок» скупно рассказывает об острых, поистине драматических событиях, которые происходили на Украине в 1767 году.

Глава 7

Словно на праздничной ярмарке

Этот год был знаменательным для Украины. Острые, драматические события всколыхнули ее. Мещане, казаки, шляхетство, посполитые – все мужское население было словно на праздничной ярмарке: повсюду шли торги, споры, сходились и расходились покупатели и продавцы. Возбуждение доходило до того, что ссорились между собой кровные родные.

А все началось с приезда Петра Александровича Румянцева из Петербурга, где он получил твердые инструкции о проведении выборов депутатов для выработки нового законодательного уложения – детища Екатерины II и комиссии, заседавшей под председательством Никиты Ивановича Панина. Ветер либеральных преобразований, господствовавший в первые годы царствования Екатерины II, подул и над Украиной. Всем было предложено высказывать свои предложения, направленные на улучшение жизни и быта сословий великого края.

Малороссийская коллегия, деятельность которой чуть было не замерла во время длительного отсутствия ее президента, вновь яростно заработала. Генеральная старшина разъехалась по полкам для разъяснений и контроля за проведением выборов. Отовсюду стали поступать рапорты, донесения, жалобы на имя Румянцева. Никогда еще не сваливалось на него столько бумаг, в каждой из которых было изложено столько горячих предложений по улучшению жизни на Украине. Столько светлого и темного хлынуло из душ различных людей, споривших между собой, писавших в коллегия, Румянцеву, Екатерине II.

Еще в Петербурге Румянцев тщательно изучил манифест от 14 декабря 1766 года, в котором говорилось о созыве комиссии для сочинения проекта нового уложения и предлагалось всем народностям, живущим в пределах Российской империи, всем сословиям, кроме «людей владельческих и крестьян», выбрать и направить своих депутатов в Петербург. Собрание выборных должно было принять весьма важные для будущего развития страны решения и рекомендации.

Как только Румянцев приехал в Глухов, он тотчас же отдал распоряжение разослать манифест во все полковые канцелярии и приступить к выборам депутатов. Вскоре манифест императрицы был обнародован во всех сотнях, хуторах и деревнях, «даже до последнего жительствова».

Радостная весть сразу облетела весь обширнейший край. Украинское шляхетство, казачество, мещане, купцы – все сословия пришли в движение.

Превосходно понимая всю сложность положения, Румянцев обратился к населению Украины с циркулярными листами, в которых содержались пояснения высочайшего манифеста и его предложения о наиболее целесообразных путях исполнения воли императрицы. Обращаясь ко всем «благородным господам, шляхетству и рыцарству», в поветах «вотчины и поместья имеющим, гражданству и земству», Румянцев предлагал в сжатые сроки избрать предводителей, городских голов и депутатов. «Примите вы все, – писал Петр Александрович, – с радостью сей подаваемый вам случай к достижению общенародного благоденствия, пользуйтесь им прямо и сделайте из него употребление таково, какое бы вам в потомстве вашем честь и похвалу делало. Обращайте все ваши примечания на общенародное добро, в котором одинакое наше токмо прямо и заключаться может,

отдайте все то, что только блестит нам нашею собственною маловременною корыстию, пройдите со вниманием течение минувших времен, разыщите рачительно все причины, вредившие общему нашему благоденствию...»

Шумно и весело начались выборы. Торжественными церемониями открывались они. Глубокой и искренней верой в лучшие времена были пронизаны многие выступления представителей сословий и депутатов. Благодарили императрицу за то, что пожелала услышать голос своих подданных, узнать их нужды и заботы. В главные города Украины съезжались избиратели от всех сословий, выбирали предводителей, городских голов, депутатов, избирали комиссию из пяти членов для выработки наказов и прошений на имя императрицы.

Но это была внешняя сторона событий. Румянцев хорошо знал, что большинство населения края с одобрением воспримет высочайший манифест. Но что будет на деле? Какие подспудные силы пробудятся при этом? Вот что волновало его. Ведь еще недавно отменили гетманство, и кое-кто до сих пор тосковал об утраченных вольностях, дарованных при воссоединении Украины и России. Всякое могло случиться и в то время, когда все возбуждены, почувствовав новые веяния из Петербурга.

И вот начали поступать рапорты из полковых канцелярий, донесения генеральных старшин Кочубея, Туманского, членов коллегии, предводителей шляхетства, городских голов и просто рядовых представителей всех сословий. Все было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. У каждого свой характер, свой нрав, свои представления о свободе волеизъявления: некоторые из «благородных» сословий решили не участвовать в выборах, ссылаясь на различные причины. Одни уезжали на ярмарку, другие –

на богомолье, третьи - «для исправления законных нужд».

Румянцев читал рапорты, устные донесения. Сам бывал в полках, вникая в каждую «мелочь» проходящих выборов.

Острые противоречия возникли в Стародубском полку. Предводитель здешнего шляхетства случайно узнал о пунктах черниговского наказа, которые пришлись ему по душе. А свой наказ стародубцы уже сочинили. И он предпринял небывалое по тем временам мероприятие: вновь собрал представителей и принял уточненный наказ. Конечно, нашлись недовольные. Предводитель Искрицкий рапортовал Румянцеву о том противоречивом положении, в которое он попал. Ему и его единомышленникам хотелось сочинить от своего повета такой наказ, который был бы лишен старинных «закоренелых предрассуждений» и «соответствовал бы прямой и существенной каждого пользе». Но как он ни уговаривал сочинить новый наказ, он слышал от выборщиков одни обидные порицания. И сколь ревностнее защищал он свои новые мнения, столь больше несогласия и упорства оказывали его порицатели. И сначала ему пришлось уступить во избежание нареканий. Тогда он направил свой рапорт Румянцеву, который одобрил его предложение в наказе. Но и после этой резолюции противники Искрицкого оставались непреклонными.

Но вот в Стародуб прибыл полковник князь Юрий Васильевич Хованский и «подкрепил» своим присутствием чтение изготовленного вновь наказа. Некоторые несогласные вновь объявились, но нужнейшие пункты большинством голосов удалось утвердить, а кое-какие поправить. И таким образом прежний наказ удалось очистить по меньшей мере от таких прошений, кои по нынешнему времени с пользой общества не согласовали.

Сначала Румянцев удивлялся тому, что некоторые видные представители «благородных» сословий отказывались подписываться под наказами депутатам. Но потом все выяснилось: чаще всего отказывались подписываться те, кто считал эти требования чрезмерными. Получалось, что эти представители весьма довольны «великими и беспримерными трудами ея императорского величества» на благо верноподданных своих, и потому все пункты, кои шляхетство отправляющемуся депутату в наказе написало, они отказывались подписать, а всеподданнически предавались всему тому, что «милосердие ея императорского величества определить изволит...».

Эти противоречия и разногласия были внутри самого шляхетства. Одни полностью принимали все действия и поступки Екатерины II и ее правительства, другие составляли наказы, в которых было высказано множество всяческих пожеланий, предложений. Но эти противоречия Румянцев мог легко примирить. Сложнее были разногласия между различными сословиями. Здесь несогласия выливались в открытую вражду, особенно в городах.

В выборах принимали участие «жительствоющие в городе шляхетство, земские и воинские чины, из рядовых казаков выборные, магистратские урядники и лучшие из мещан и ремесленников». Уже при размещении в собрании возникали разногласия. Зная самолюбивый нрав местного шляхетства, Румянцев определил, что дворян размещают «на поставленных стульях и скамьях», или «по состоянию», или «по списку как кто в город прибыл». Мещан рассаживали «так, как в списки написаны, не по чинам или по богатствам, но по летам, а именно: первые женатые, имеющие детей, старики, а опосля молодые, равным образом женатые, но бездетные, вдовы и холостые».

Повсюду собрания открывались в торжественной обстановке. При чтении манифеста все вставали «при своих местах, слушали с прилежным вниманием и чувствуемую особливою радостью...» – так доносил Румянцеву генеральный обозный Кочубей. Но торжественное открытие проходило, и начинались драматические стычки при выработке наказов. Все тот же Кочубей, наблюдая за выборами в Полтаве, заметил, что «интересы мещан совсем противны интересам воинского звания людей; и потому... трудно согласиться им будет сделать одинак депутату наказы».

Князь Юрий Васильевич Хованский в своем рапорте Румянцеву тоже обратил внимание на сословные противоречия, на «великое затруднение» при составлении наказов, которые затягивались «за разными несогласиями между шляхетством, тако же и между гражданами».

Были и такие случаи, когда шляхетство вместе с казаками отказывалось от участия в выборах только на том основании, что и мещане, как равные с ними, составляют наказы депутатам. Так, в Прилуках генерал-майору Стремоухову не удалось убедить шляхетство и казачество выбирать городского голову*. Они решительно отказались: дескать, «оный принадлежит до одних только граждан». Как ни доказывал генерал, что не одним мещанам, но всем жителям в городе нужен городской голова, «но они всего того уразуметь или не хотели, или не могли». Так и не пошло прилуцкое шляхетство на выборы... «Не видел я ни одного при том собрании из лучших людей, – писал Румянцеву Стремоухов, – но все они, отговорясь разными невозможностями при том быть, прислали свои отзывы, почему я с одними только мещанами и некоторыми, самыми нижними, чиновниками должен был учинить выбор городского головы».

И чего только не было во время выборов и составления наказов: несогласия, вражда, интриги, личные счеты, проявление эгоизма, тщеславия, сребролюбия... Бывало и так, что даже представителя коллегии не допускали до собрания: дескать, сами во всем разберемся. А потом выяснялось, что представителей мещан вовсе не оказывалось среди членов комиссии по составлению наказа. И ясно почему: мещане настаивали на внесении пункта о злоупотреблениях чиновников и казаков, которые занимались разными промыслами и рукоделиями, «не отбывая гражданской повинности». Занимали «гражданские земли», «порабощали их», то есть занимали городские земли, не имея на то никаких прав.

Румянцеву пришлось отменить происшедшие в Лубнах выборы. Войсковой товарищ Петр Назарский, первоначально избранный городским головой, с обидой писал Румянцеву, что с большим трудом одного представителя мещан удалось ввести в комиссию по составлению наказа. Но ни одно из его предложений не было принято, так как большинство комиссии состояло из шляхетства, казачества, чиновников.

И этот факт поражал Румянцева своей нелепостью. Почему Назарский, представитель «знатного рода», снискал такую популярность среди лубенских мещан и такую неприязнь чиновников и казаков? Не потому ли, что он, будучи войтом*, избавил городское население «от порабощения, нестерпимых и неудобосказанных обид и утеснений», которые они претерпевали прежде. Вот почему лубенские бурмистры и мещане доносили Румянцеву, что Петр Назарский достоин быть избранным городским головой, потому что он подходит «по разуму, достоинству и смиренному, правдивому и милосердному нраву». Вот как оценивает человека городское мещанство. А вместе с тем им не удалось провести его в городские головы.

Вот и в Погаре столкнулись знатнейшие и мещане. И снова при выборах городского головы. Вопреки воле чиновников и казаков, голосами мелкого мещанства городским головой был избран Денис Привалов. Понятное дело, на имя Румянцева тут же полетела жалоба от чиновников и казачества, в которой вновь избранный городской голова был обвинен во многих несовершенствах. В частности, в том, что он, «не сохраняя благопристойности и не почитая предстоявшего зеркала, делал многие споры, и разным из нас неучтивыми словами приключал досады, и исключил многих из нас из общества». Из жалобы погарских старшин получалось, что Денис Привалов привлек к составлению наказа «из мещанства таковых, которые и простаго письма совершенно сделать не могут». И предлагали Привалова, как «недостаточного и беспорядочного», отставить, а «на его место дозволить достойного из гражданства головою выбрать».

Такие жалобы нуждались во внимательном разбирательстве. И Румянцев не жалел сил, чтобы во всем этом сложном и противоречивом процессе разобраться неторопливо и обстоятельно. Тем более, что нашлись и такие, которые открыто отказывались выполнять повеления императрицы. Все тот же Денис Привалов сообщал Румянцеву, что шляхетство отказывалось идти на выборы депутата и полномочия избранного не подписало. А тогда, когда было объявлено слушание челобитной и наказа депутату, то войт погарский, поддержанный шляхетством, выслал Привалова из магистрата, а вместе с ним и пять членов комиссии, сочинявших наказ. Вторично, для всех граждан города, Привалов объявил о чтении наказа, но и в этот раз войт Панас не позволил провести собрание, замкнув магистрат и не пустив туда граждан города. «И тем оказал явную высокому в отряде ея императорского величества повелению противность, а мне, низжайшему,

с прочими крайнее вторичное бесчестие», – писал Денис Привалов.

Нет, все не так просто. Вот и войт Панас написал жалобу и изложил свои мотивы отказа подписаться под наказом и довольно правдиво излагает события в Погаре. Снова посылать члена коллегии разобраться в этом запутанном деле? Какое решение принять? Трудно, ох трудно... Но трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать... Как быть с теми городами, в которых давно уже не существует городских учреждений, хотя сии должны были там существовать. Ведь сколько событий драматических пронеслось над каждым из них! Поляки, татары сжигали целые города. На их месте возникали новые. Но не всегда они возрождались в прежних их формах, что-то утрачивалось безвозвратно... Вот Гадяч и Сорочинцы числились городами, а ни ратуши, ни магистрата не имелось в наличии. Ну, конечно, не было и списка жительствовавших. И, получив указания Малороссийской коллегии, там растерялись. Что делать? В Гадяче нет ни мещанства, ни купечества, а есть посполитые подданные графа Кирилла Разумовского, бывшего гетмана, да чиновники земских судов, полковые старшины, сотники и другого воинского звания люди и казаки. А в Сорочинцах – владельческие подданные генерала Гудовича, тоже чиновники и казаки. И все...

Пришлось Румянцеву разъяснить, что «в Гадяче и Сорочинцах выборы оставить, а объявить мещанам (буде оные там есть), чтобы они об общих нуждах для представления ея императорскому величеству прямо к генерал-губернатору адресовались».

И уж совсем удивило Румянцева то, что несогласия и столкновения различных мнений происходили и на казацких выборах. Казалось бы, воинская дисциплина должна здесь торжествовать. Но казаки, как и стрельцы

некогда в России, давно уже превратились скорее в деловых людей, нежели остались воинами, как во времена Богдана Хмельницкого. Полковое и сотенное начальство пыталось сделать по-своему, но казачество могло и отказаться следовать их указаниям. Так произошло в Миргородском полку. Сотенные офицеры решили отстранить казаков от выборов депутата и составления наказов. Ротмистр Гаврилов и поручик Бабиц, договорившись между собой, решили «нижних» казаков не допустить на выборы в Полтаву. Созвали их в местечко Кременчуг, продержали две недели там, а в это время сами со своими «согласниками» избрали депутата и предводителя, без всяких разногласий и споров «написали к всевысочайшей подаче прошение». А когда дело было сделано, нижайшим чином с насмешкой объявили, что они могут возвращаться по домам. «Что уже мы, нижайшие, к съезду полтавскому удобное время пропустили, а затем уже по своим желанием вовсе успеть не можем» – так заканчивали свою жалобу Румянцеву рядовые казаки Миргородского полка.

А в сорочинской сотне того же полка произошли беспорядки другого рода: там избрали депутатом сотника Гончаренко против воли начальства, которое стало протестовать, обвиняя сотника в разных пороках. Кочубей, наблюдавший эту распрю, предложил Гончаренко отказаться быть представителем казачества в высоком собрании, но и сотни, а главное казаки, не захотели выбирать другого. А когда их снова стали уговаривать, то «подняли в канцелярии превеликий и необычайный шум, будучи по большей части перепоены. А когда зачинщиков, двух казаков, Ивана Мисюра и Ивана Дубовика, было велено задержать при полковой канцелярии, то «оные собранные казаки, закричав: «Не видаймо!» – насильно вшед в контору, с собою отобрали задержанных и

отошли в канцелярии с шумом». Так рассказывал генеральный обозный Кочубей Румянцеву.

И этот факт нельзя было оставить без последствий. Важное дело, «которое велено производить со всякою благопристойною тишиною», подвергалось сомнительным атакам. На место происшествия выехал полковник Станиславский.

А сколько таких несогласий, раздоров, противоречий выявилось в ходе этой избирательной кампании!

Больше двух лет Петр Александрович Румянцев управляет Украиной. Много сделано для восстановления справедливости и законности. Но сколько еще беспорядков, недостатков, нуждающихся в исправлении и устранении! Поездка по краю, рапорты, донесения генеральной старшины, членов коллегии, письма, жалобы мещан и казачества раскрыли перед Румянцевым такую неприглядную картину, что нужно было срочно разрабатывать планы серьезного переустройства целого края.

Что ж раскрыли перед ним указы депутатам? Ведь это крик души народной. Часто задумывался Румянцев, листая эти указы... Нет, в указах не было единодушия и единомыслия. Как не было единства в самом народе. Чиновники, казаки, полковые старшины, мещане, простой народ, монахи... У каждой группы людей свои интересы, своя жизнь. Но ведь есть и общие интересы, общая земля, единое государство, единый организм, управляемый единой волей и разумом. Государство необходимо защищать от нападений врагов. Разве не все группы людей заинтересованы в том, чтобы приумножить богатство своего государства?.. И разве в указах различных малороссийских сословий не единодушно утверждается мысль о добровольном воссоединении Украины с Россией как исконной мечте

народа, некогда разъединенного в результате татарского нашествия? Ни в одном из наказов Румянцев не почувствовал стремления к провинциальной самобытности. Напротив, во всех наказах прежде всего говорилось о единстве веры, территории, родственности языка...

Но чаще всего возникал один и тот же вопрос: о размежевании земель как неотложной мере для прекращения споров и «следующих беспокойств». Совершенно справедливо просят «сочинить межевня на пергаменте» книги.

Не мог Румянцев согласиться с теми дворянами, которые требовали разрешить скупать казачьи земли. Если признать это право, то может получиться так, что и казачества не останется на Украине. А кто будет служить? Российское правительство может требовать воинской службы только от тех, кто владеет каким-нибудь земельным участком. Издавна этот пункт статуса, действовавшего на Украине, вызывал решительный протест российского правительства. Анна Иоанновна отменила его, ссылаясь на военные действия против турок. Императрица Елизавета Петровна восстановила. Но количество казачьей земли резко сократилось. Сейчас шляхетство добивалось законодательного закрепления этих приобретений.

А что делать с казаками, лишившимися земли? Ведь рассказывали, что некоторые из них, желая избавиться от воинской службы, отдавали свои земли за кружку водки. И таким образом становились свободными и от земли, и от службы. А Россия утрачивала своих исконных защитников.

Румянцева давно волновал вопрос: как наладить защиту этого обширного края?

А требования местного шляхетства, мещанства, казачества изыскать новые средства для образования! Справедливые требования! И он два года назад

сообщал императрице о необходимости улучшения образования на Украине. Тяга к знаниям здесь великая. И действительно, ничто, вспоминал Румянцев слова одного из наказов, в жизни для честного шляхетства не может быть столь полезно, а для интересов государственных потребно, как знание наук, составляющее в человеке целость его собственного благоденствия и пользы государственной. Правильно жалуется шляхетство, что до сих пор в Малой России не учреждены университеты, юношам надо уезжать в чужие страны, а это не всем доступно...

В какой уж раз Румянцев сталкивался с этим пожеланием украинского дворянства и полностью его поддерживал: «И я в своей записке писал о необходимости расширить и улучшить образование на Украине. И вот во многих наказах идет речь о том же... Да и сколько раз в разговорах с Безбородко, Завадовским возникала все та же мысль об организации университета и других учебных заведений... Предлагают учредить корпус шляхетский, воспитательный дом для благородных девиц на казенном коште... Можно, конечно, учредить и государственный заемный банк... А доход Малороссийского банка они предлагают обратить на содержание воспитательных учреждений, по примеру великороссийского... Что ж, лучше, как говорится, не придумаешь... Ну уж конечно, малороссийское шляхетство просит в своих наказах, чтобы винное курение в собственном имении, делание всяких напитков в селах, також обращение всякого рода внутренних продуктов, свободны были беспошлинно навеки. Просят уничтожить пошлину и на соль как на предмет самой крайней необходимости...»

Румянцева крайне удивляло, что в некоторых наказах просили об отмене рублевого оклада на содержание регулярных российских войск, который он

ввел вместо натуральной повинности. Он-то думал, что эта мера будет принята с пониманием. Оказывается, она вызвала недовольство. Что ж, может, и правы представители переяславского шляхетства, утверждавшие в своем наказе, что разные земли в Малой России дают разный доход. Переяславцы имеют твердейшие земли, их можно вспахать только в том случае, если впряжешь восемь волов, и на один плуг собирается по четыре, а то и по шесть хозяев. В других же местах один хозяин легко справляется с пашней и в хлебопашестве имеет тот же самый успех, что в Переяславле шесть – восемь человек.

К тому же переяславцы хлеб продают дешевле, так как расположены вдали от торговых мест. Вот и получается, что переяславцы живут беднее, не могут себя и свою семью приодеть. Постоянно нуждаются в деньгах, а тут еще рублевый налог...

Выходило, что вообще ни рублевого оклада не нужно, ни постоянной повинности, которую предлагают наложить лишь на одних городских обывателей. А что же будут делать казаки? Винокурением заниматься? Нет, этого мало... Понятны упреки в том, что организация казачьих войск не соответствует нынешним требованиям, военная служба в глазах казаков утратила всяческую привлекательность. И в этом отношении нужно что-то предпринимать, а то их войск совсем не останется, все разбегутся. Да, нужна, ох как нужна реформа военного дела! Жаль, этого не понимают составители депутатских наказов.

Или вот жалуются на обиды и притеснения мирных жителей от регулярных войск. И снова черниговское шляхетство в наказе точнее всех выразило свои пожелания: просят императрицу, чтобы солдаты не занимали домов, освобожденных от постоя, чтобы «лагерями без отводу також не становились, излишним употреблением дров и обращением огорожи и других

строений для отопления не наносили убытков, безденежно у обывателей хлебом и ничем не довольствовались».

Историк прошлого века, тщательно изучив вопрос, писал, что содержание, тон и характер наказов ясно и неопровержимо свидетельствуют, что в малороссийском шляхетстве XVIII века не существовало никаких стремлений к национальной или даже провинциальной самобытности. Оно признавало свою особенность, отдельность от русского дворянства, но вместе с тем стремилось не только сравниться с ним в сословных правах и привилегиях, но и слиться с ним. Вместе с тем, сравнивая свои домашние порядки с великороссийскими, оно неизменно отдает предпочтение последним и просит уравнивать его в правах с русским дворянством, учредить в Малороссии шляхетские корпуса, университеты, академии, воспитательные дома для благородных девиц...

Что касается практической стороны наказов, то значительная часть преобразований, указанных шляхетством, относится к области гражданской и финансовой администрации. Многие из них наверняка останутся без результатов потому, что противоречат интересам государства, а также потому, что их парализовали совершенно обратные предложения других малороссийских сословий. Но нельзя не согласиться с тем, что большая часть преобразований, предложенная шляхетством, отличалась здоровым практическим смыслом...

И Румянцев полностью поддерживал ту часть преобразований, которая «отличалась здоровым практическим смыслом».

Глава 8

Пустеют города

Малороссийская коллегия не знала покоя. Все сословия Украины призадумались о своей судьбе, а богатые участвовали в составлении наказов. Только об этом велись разговоры в домах шляхетства, казачества. Особенно тревожно было в среде мещанства. Эта тревога передалась и коллегии, и самому Румянцеву. Он дал указание внимательно следить за настроениями городского населения и докладывать ему обо всем.

Петр Александрович к тому времени побывал во многих городах Украины, хорошо знал их положение. Но описанное им в «Записке» далеко не отобразило всех их проблем. И потому с особым интересом следил за составлением наказов от городских граждан. Да и он сам вот уже два с лишним года живет в Глухове, слышит разговоры жителей, многое рассказывают подчиненные.

...Он сидел в кабинете, некогда принадлежавшем гетману графу Разумовскому. Богато обставленный заграничной мебелью, он производил внушительное впечатление.

Вошел вызванный им Завадовский, один из самых даровитых сотрудников коллегии.

- Петр Васильевич! Я просил вас узнать, прислали ли глуховские граждане свой наказ.

- Да, ваше сиятельство! Я прочитал его. Есть много интересного.

- Меня очень интересует, что они там пишут.

- Кое-что есть нового по сравнению с вашей «Запиской».

- Все, видимо, о дарованном некогда магдебургском праве?*

- И не только об этом, хотя магдебургскому праву здесь уделяют большое внимание. Прежде всего, ваше сиятельство, составители просто завидуют тем знатым городам, в которых соблюдается настоящий порядок...

- Да, в Глухове нет ни своего магистрата*, ни войта, ни бурмистров. Но есть сотник, сотенное управление, есть, наконец, Малороссийская коллегия, которая не дает в обиду горожан, - задумчиво сказал Румянцев.

- Вот как раз против сотенного управления и возражают граждане Глухова. Вот что они пишут в своем наказе: «...Лишась граждане имущества своего, домов, лавок и прочего, в крайнем разорении остались, и в сем городе Глухове мещан ныне уже остается не многочисленно, да и те за неимением над собою урядников настоящих, войта с потребными ему товарищами, будучи управляемы одним сотенным управлением, терпят крайнюю нужду, потому в безочередных и во всегдашних находятся они употреблениях в подводы, в разные беззаплатные работы, словом сказать: куда б только кем кто с мещан и подгородных людей ни востребован, туда и посылаемы бывают... И понеже сей видимый беспорядок настоит точно по причине неимения здесь магистрата, по примеру тому, как в других знатных городах имеются оные и соблюдается в них настоящий всегда порядок, для того мы, граждане города Глухова, за необходимость почли просить всевысочайшего ея Величества благоволения и указа о учреждении в городе Глухове магистрата...»

- Кто ж будет возражать против такого предложения горожан! Вот другое дело, что я слышал, будто горожане протестуют против наезжих купцов. Наезжают из других городов купцы, всякими товарами начинают торговать, и в той же купле и продаже какую хотят цену, такую и устанавливают. Вот с чем стоило бы бороться. Но как? Купец свободен торговать своим

товаром, а покупатель свободен его брать или не брать. Ну что у вас еще? – спросил Румянцев.

– Обижаются глуховские граждане на то, – продолжал Завадовский, – что не только приезжие купцы, но и проживающие в Глухове отставные офицеры и рядовые, вопреки законам, торгуют вином и другими напитками. Это наносит ущерб местным жителям.

– Обида не такая уж важная. Лучше было б, если все граждане способствовали б хлебопашеству, скотоводству. Винокурение – дело нехитрое и опасное. По прежним гетманским статьям, реестровым казакам* дозволено продавать вино бочкою, а квартами* под угрозой наказания было запрещено. Петр Великий в 1721 году повелел торговать всякому, имеющему в том промысле свободу, а полковникам и старшинам продавать в собственных своих местностях и во дворах, а казакам в домах их, заплатя налог. А ныне сей промысел учинился генеральным и беспредельным, так что в одном Глухове, городе не весьма великом, 166 шинков* находится...

Петр Александрович встал, достал книгу, в которой записаны права малороссийские, и хотел было открыть ту страницу, где говорилось о винокурении.

– В правах малороссийских, раздела 14-го, артикулом 33-м, заугольные шинки велено искоренять по причине происходящих в них своевольств, – быстро произнес Завадовский. Граф удивленно на него посмотрел. – Предписано открывать корчмы токмо при больших и проезжих дорогах, держа в оных притом и съестные припасы.

– Правильно, а я только хотел вам напомнить эту статью. И действительно, таковое ограничение сего промысла весьма основано на благоразумии, ибо чрез то отымался способ к безмерному пьянству, от коего здешний простой народ не токмо теряет охоту к

трудолюбия, но часто и жизни безвременно лишается. Я уж не говорю о том, что множество пьяных во сне и в бешенстве по дорогам, в городах и по селениям, к омерзению, всегда видеть случается. Так что, пожалуй, следует поддержать глуховских граждан. И надлежит указать, каким образом промысел винокурения и шинкования ограничить.

- Ваше сиятельство! Не только глуховские, но и черниговские, лубенские, полтавские граждане жалуются главным образом на обременительные постой регулярных войск, произвол местной администрации...

- Так мы же отменили консистенские сборы и заменили рублевым окладом, - удивился Румянцев.

- Заменить-то заменили, но не везде это соблюдается. Черниговские граждане высочайшими грамотами освобождены от всяких принудительных работ и натуральных повинностей, но эта привилегия постоянно нарушается. Город Чернигов до тех времен в лучшем довольстве пребывал, поколь привилегии оставались без нарушения. А потом - шведская война, моровая язва, пожары преужасные, так что из множества дворов граждан осталось малое число. И до сих пор на иных местах, тогда опустевших, и донныне нет строений. А все потому, что привилегированных граждан наряжали в погонщики, заставляли поставлять в войска разные материалы и инструменты, брали у них волов, седла, возы, провиант и фураж и их же самих заставляли отвозить в дальние места. В военное время они мирились с этим, но и сейчас не имеют должной свободы, непрестанно угнетаемы, утесняемы, особенно мастеровые люди. Их посылали для рубки и клеймования мачтового дерева, для поставки материалов и инструментов в Батурин, в Козелец для возки колод... Так что, пишут черниговские граждане, «к большому опустению разные мастеровые люди посходили».

- Да-а-а, - задумчиво протянул Румянцев. - Пустеют города... И все потому, что многие мещане переходят в казачество и чиновничество. А это тоже нарушение стародавних привилегий городских. Понятны жалобы горожан: выбывшие члены мещанского сословия перестают платить подати и налоги, отбывать повинности, которые исправно должно нести все меньшее и меньшее число граждан. Ясно, что время становится тяжелее. Но как с этим бороться? Есть только один способ: развивать мануфактурное производство... яко пеньковых полотен, кожевенные и шерстяные... Если это будет сделано, то мещане укоренятся в городах, будут богатеть от продажи мануфактурного производства... А значит, не пустеть городам, а привлекать своими доходами.

Румянцев увлекся своими мечтаниями и говорил быстро, точно - давно было все продумано до мелочей. Завадовский же поймал то мгновение, когда президент замолчал, и продолжил свой доклад:

- Многие города, ваше сиятельство, жалуются на то, что у них отняты принадлежавшие им владения. У одних отняты села и деревни, у других пастбища и сенокосные луга, у третьих мельницы.

В середине века соседние помещики нападали на эти уголья и присваивали их силой... Слышал об этом варварстве, многие мне рассказывали о таких случаях. Здесь тоже предстоит борьба за восстановление справедливости.

- Ваше сиятельство! Вы только что говорили о развитии мануфактурного производства, а ведь этому развитию очень серьезной помехой может быть нарушение права посполитых свободно переходить под защиту магистратов. Погарские мещане, в частности, жалуются, что многие люди, оставляя владельцам свои усадьбы, переходили в Погар, строили там жилье, приписывались таким образом к магистрату. Но

прежние владельцы разыскивали их и принуждали возвращаться на свои земли. В своем наказе они просят, чтобы такой переход посполитых людей в мещанство был свободен и чтоб владельцы довольствовались усадьбами, которые при переходе поступали в их пользу.

- Да и без того мещанство уменьшается в городах малороссийских, а тут такое нарушение. Право граждан на свободную приписку посполитых людей к городским магистратам должно оставаться незыблемым. В этом праве заключается единственная возможность пополнить убыль мещанского сословия. Если уж мещане, избегая повинностей, стараются укрыться под крылышком сильных владельцев, записываются в чиновники и казаки, то почему же запрещать свободный переход посполитых в мещанство? Тут необходимо отстаивать справедливость...

- Почти во всех наказах, ваше сиятельство, жалуются на то, что они не уравниены в правах с великороссийскими гражданами, претерпевают несноснейшие утеснения, обиды и поругания, и даже побои. А с великороссийских чиновников, от которых они частые имеют обиды и побои, никогда и удовольствия никакого не получают. И уж до того дело доходит, что никто из них не может пожаловаться на обидчика. Тем самым отъемлется у них кураж в купеческой жизни и промыслах, теряют от уныния все то, что могли произвести, а в казну снижаются таким образом взносы.

- Правильно рассуждают граждане, от их настроения очень многое зависит, в том числе и доход государства. Лениво работают - один доход, весело, с азартом - другой. Владелец на своем поле работает с азартом, а взять подсоседка - совсем другая картина получается. Простой народ чиновничьим своевољством доведен до крайнего нерадения о своем собственном.

Многие, оставляя пахотные и другие земли, бродят с места на место и, чтоб удобнее проводить жизнь праздную и распутную, остаются навсегда без грунтов, под именем подсоседков, работая лениво за корм и напой вином. Вот и давайте порассуждаем, каким способом исправить сии пороки, общенародному делу вредящие.

Завадовский влюбленно смотрел на графа Румянцева, увлекшегося своими мыслями и так точно и глубоко рассуждавшего о пользе государственной.

- Или вот взять чиновников... Откуда берется в них такая спесь, стремление раздавить любого зависимого от них человека? По статьям гетмана Богдана Хмельницкого войсковым чиновникам уравнено было жалованье денежное, а некоторым и мельницы на содержание определены были. Но после, имея великие маетности* и управляя оными по своему произволению, одни беспредельно обогащаются, другие еле-еле концы с концами сводят, а третьи вовсе ничего не имеют... Откуда прямо родятся лихоимство и насилие над подчиненными, о которых чуть ли не во всех наказах говорится...

- Ваше сиятельство! Устарело разделение Малой России на полки, во главе которых полковники, сотники, полковая и сотенная старшина. Особенно в городах много таких жителей, которые к военной организации казачества не имеют никакого отношения. И воинская дисциплина только сковывает развитие торговли, промыслов, просвещения и других направлений человеческой деятельности.

- Да, я сам уже над этим думал... Нелишне всерьез об этом помыслить, каким образом именовать части, Малую Россию составляющие, и какими им быть. Ибо вы правы, Петр Васильевич, под именем полков заключаются все и всякого звания люди. Отсюда происходит множество нарушений законных прав,

отсюда и жалобы на произвол местной администрации. - Румянцев встал, заходил по кабинету. - Ну а что ж мы никак не подойдем к наказам казачества, в былые времена славного и храброго? А ныне из семидесяти двух тысяч записанных казаков едва половина окажется годных к воинской службе. И здесь вышло много упущений...

- В наше время положение казаков резко изменилось, ваше сиятельство, они стали чем-то средним между шляхетством и мещанством, вот и переходят то в одно сословие, то в другое, то совсем спиваются...

Румянцеву был по душе этот разговор с умным и талантливым администратором, которого он выделял вместе с Александром Безбородко.

- Вольности и права, утвержденные высочайшими грамотами, у казачества есть, но не все сумели ими воспользоваться. Одни вышли в старшины, стали обогащаться, а другие утратили свои грунты и оказались лишенными своих прав, - размышлял Румянцев.

- В казацких наказах, ваше сиятельство, тоже говорится об этом процессе расслоения казачества. Но при этом снова указывается первопричина нарушения жалованных казачьих прав. Наряжали их на работы, брали подводы и лошадей под царских гонцов, и вот поэтому некоторые из них разорялись, не успевали обработать свои грунты, а значит, оставались без снаряжения казацкого, необходимого для несения обязательной воинской службы. И главным образом они и просят ее императорское величество подтвердить прежние казачьи привилегии и вольности: чтоб они по-прежнему имели избрание вольными голосами меж себя старшин... Жалуются и на то, что нет почти никакой многотрудной государевой работы, где бы малороссийские казаки употреблены не были. Более

десяти лет они делают засеки по границе с Польшей, строят редуты, расчищают в лесных местах дороги, мостят многие болотистые и низкие места, а материалы возят на собственных лошадях.

- Как же так? - рассердился Румянцев. - Ведь повелено было для сих работ высылать и мужиков.

- В скором времени, ваше сиятельство, мужики были уволены от того, а остались на этих работах одни казаки.

- Так нельзя! Это непорядок...

- А кроме того, жалуются казаки, что вот уже несколько лет посылают их на Дон строить крепости. Вот почему они приходят час от часу в крайнее оскудение и оплошность. К тому же во многих наказах говорится о страшном деспотизме выборного начальства.

- Вот-вот, сначала требуют вольными голосами выбирать себе начальство и тут же жалуются на притеснение от него... - горестно произнес Румянцев. - Да, к власти многие стремятся лишь для того, чтобы потешить свое корыстолюбие. Нет, с самоуправством старшин нужно нам всем бороться...

- Некоторые полковники и сотники иных казаков в свои партикулярные работы употребляют, и те несут двойную службу с великим отягощением. Вот почему многие казаки, оставя владельцам свои грунты поневоле, порасходились в подсоседки за рубеж и в иные места.

- Да, положение казачества стало незавидным. А ведь какие были времена и какие громкие казачьи имена выдвигала история... Тут явный разлад между привилегиями и их настоящим положением. Нищета, если уж рублевый оклад не могут выплатить. Грубая сила старшин, корыстолюбие их.

- Ваше сиятельство, в некоторых наказах говорится, что первый недостаток в Малой России что не имеется

гетмана. Того ради просят казаки у ее императорского величества, дабы повелено было избрать гетмана вольными голосами.

- Нет, этому не бывать! - твердо сказал Румянцев, хорошо зная, что на это избрание никогда не пойдет Екатерина II. - Как не бывать уже тому казачеству, которое было сто лет тому назад. Самостоятельному военному братству, видно, приходит конец. Казачество становится частью государственного организма, который нуждается в строгой, единой организации. Выборные гетманы только мешать будут процветанию этого края. Да и весь уклад казачий, с его привилегиями и вольностями, наполовину шляхетский, наполовину крестьянский, с его бедностью и нищетой даже, но требованием содержать их в чести дворянской, напоминанием великих заслуг, оказанных их предками русскому престолу и государству, почитаю устаревшим и мешающим ходу новой русской истории. Главное сейчас - это единство всех частей нашего государства. Надо утвердить наш авторитет в Европе, выйти к Черному морю, вернуть наши дедовские земли, о чем так мечтал Петр Великий. Его Прутский поход для всех нас - великая наука.

Но вскоре внутренние заботы отошли на второй план. И до Глухова стали доходить тревожные вести из Польши, Турции, Франции... Зашевелилась вся Европа, недовольная ростом могущества России. Петр Великий заставил было считаться с собой. Но почему-то чаще вспоминали неудачный Прутский поход, а не выгодный для России Ништадтский мирный договор. Но и это все было в прошлом.

Все началось в 1764 году, когда на польский престол был избран, вопреки желанию Парижа, Вены и Дрездена, Станислав Понятовский, бывший фаворит Екатерины II. Казалось бы, он словно создан для престола: острый ум, обширное образование,

прекрасная внешность, ораторские способности, обходительность и другие замечательные качества. Но он, на свою беду, обладал малодушием и слабым характером. Вот и вертели им, как ветер флюгером.

И прежде всего давление оказывала русская императрица. Сперва она потребовала от него сущую «безделицу» - предоставить равные права православным христианам. Не раз обращались к России епископы из Белоруссии с просьбой защитить их право служить Богу по православному обряду и предоставить им возможность наравне с католиками принимать участие в управлении Польшей. Этот вопрос никто не смог решить - ни Алексей Михайлович, ни Петр Великий, ни другие предшественники Екатерины II. Она же смело и настойчиво поддержала православных в их борьбе против католического фанатизма, считая веротерпимость одним из необходимых условий мира. Польские магнаты и зависимая от них шляхта яростно протестовали против равенства в правах с православными. Католические священники стремились идеологически обосновать этот протест. Так начались «замешательства» в Польше, приведшие сначала к внутренним раздорам, потом к войне Польши с Россией и, наконец, к войне России с Турцией.

О начале войны Екатерина II писала графу Петру Семеновичу Салтыкову, генерал-губернатору Москвы: «Возвратясь первого числа ноября из Царского Села, где я имела оспу, во время которой запрещено было производить дела, нашла я здесь полученное известие о заарестовании моего резидента* Обрезкова в Цареграде, каковой поступок не иначе мог принят быть как объявление войны; итак, нашла я за необходимое приказать нашему войску собираться в назначенные места, команды же я поручала двум старшим генералам, т. е. главной армии - князю Голицыну, а другой - графу Румянцеву; дай Боже первому счастье

отцовское (отец Голицына – фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын, выдающийся полководец времен Петра Великого. – *В. П.*), а другому также всякое благополучие! Если б я турок боялась, так мой выбор пал неизменно на лаврами покрытого фельдмаршала Салтыкова; но в рассуждении великих беспокойств сей войны я рассудила от обременения лета сего именитого воина, без того довольно имеющего славы. Я совершенно уверена, что, на кого из моих генералов ни пал бы мой выбор, всякий бы лучше был соперника визиря, которого неприятель нарядил. На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала; не первый раз России побеждать врагов: опасных побеждали не в таких обстоятельствах, как ныне находятся; так и ныне от божеского милосердия и храбрости его народа сего добра ожидать».

Екатерина II совершенно уверена в успехе начавшейся войны, она иронически воспринимает воинственного Мустафу III, всячески высмеивает его. «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал, – писала она графу Ивану Чернышеву. – Я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память не скоро исчезла...»

Первым делом она поручила Никите Панину сформировать совет, на заседаниях которого необходимо обсуждать все вопросы войны и мира. В совет вошли ближайšie Екатерине люди: граф Разумовский, князь Голицыны, Панины, Захар Чернышев, князь Волконский и другие. На первом заседании его были обсуждены самые неотложные вопросы: 1. Какой образ войны вести. 2. Где быть сборному пункту. 3. Какие взять предосторожности в рассуждении прочих границ империи. 4. Денежные сборы.

И так повелось, что все самые сложные и важные вопросы войны и мира обсуждались на совете, иногда в

присутствии императрицы, но чаще без нее. Затем представлялись на ее утверждение все постановления. Иной раз она возвращала на дополнительное обсуждение тот или иной вопрос или принимала самостоятельное решение.

Так, на совете были зачитаны первые победные реляции графа Румянцева, который с меньшими силами одерживал победы над татарами. А князь Голицын все топтался вокруг Хотина, не предпринимая решительных действий. Не случайно Екатерина II 13 августа «соизволила рассудить для некоторых обстоятельств генерала князя Голицына от армии сюда призвать; генералу графу Румянцеву принять от него команду, а генерала графа Панина назначить командиром над второю армиею». И тут же были прочитаны заготовленные рескрипты к командующим армиями. Румянцеву предписывалось, чтобы он войска свои таким образом расположил на зимние квартиры в 1769 году, дабы оных будущею весною можно было ранее вывести в поле.

Так что же случилось вновь в Европе, что вскоре весь юг ее запылал в огне непримиримых противоречий?

Прежде всего к этому времени обострились противоречия между Россией и Турцией, воинственный дух которой подогревали чуть ли не все европейские государства, увидевшие в России после Семилетней войны серьезного конкурента в международных делах. Россия показала себя такой же могущественной, как и при Петре Великом, а это беспокоило Англию, Францию, Австрию да и Пруссию, которая с каждым годом становилась все могущественнее и влиятельнее в европейских делах.

Россия издавна мечтала вернуть себе все земли, на которых некогда жили славяне, утраченные в период

монголотатарского нашествия. Приазовье, Северное Причерноморье были захвачены сначала татарскими ханами, образовавшими Крымское ханство, а потом Оттоманской империей, подчинившей себе и Крымское ханство. Не раз русские войска ходили в Крым, чтобы освободить свои исконные земли, но Турция, захватив чуть ли не всю Южную Европу, была по-прежнему сильна. Да и редко она оставалась без поддержки европейских государств. Так и оканчивались наши походы безрезультатно. Более того, не раз терпели крах замыслы русских государей: достаточно вспомнить Прутский поход Петра Великого.

Россия нуждалась и в Черном море, которое некогда называлось Русским, а турки за три столетия господства на нем уже привыкли считать его внутренним морем Оттоманской империи.

В 1739 году, после очередной русско-турецкой войны, были установлены границы. Но Россия считала их временными, не оставляя надежд вернуть свои земли, освободить болгар, сербов, македонцев, молдаван, румын от оттоманского ига.

К этому времени в Европе снова изменилась обстановка: Франция плела интриги против России, засылала своих агентов в Польшу, которые подбивали шляхту на восстание против польского короля, сторонника России. Распалась и дружба России с Австрией, которая заинтересована в том, чтобы Турция напала на Россию, ослабленную войной, чтобы та отказалась от видов на Польшу... Правящие круги Швеции, получающие содержание от Франции, тоже забряцали оружием, направленным против России. И Турция осмелела, почувствовав, что час ее настал. Осенью 1768 года турецкий султан потребовал от русского посла Алексея Михайловича Обрезкова немедленного вывода русских войск из Подолии.

Обрезков, ссылаясь на отсутствие таковых полномочий, отказался. Тогда Порты объявила России войну, а Обрезкова и всех членов русского посольства арестовали и бросили в подземелье башни Едикуле. В городе Баре польскими магнатами была создана конфедерация, получившая название Барской, и начались активные действия против русских войск.

Так началась русско-турецкая война...

Еще со времен Конференции так повелось, что военными действиями за тысячи верст руководили из Петербурга члены Императорского совета, члены Военной коллегии, плохо представлявшие себе обстоятельства и местные условия. Потому-то первые месяцы войны Румянцев слабо знал, какие задачи стоят перед возглавляемой им второй армией, почти ничего не знал о действиях и планах первой армии под командованием князя Голицына. «Откройте вы мне план существительный определенных действий, ибо я, подобно слепцу, хожу поднесь в темноте и только лишь по одному воображению сличаю обстоятельства», – писал он вице-президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву.

Румянцев пытался проявить самостоятельность и активность, но все его замыслы срывались пассивностью первой армии, которая топталась вокруг Хотина. Румянцев бомбардирует Петербург и Голицына своими письмами, убеждая их согласовывать действия обеих армий. Но Голицын так и не внял его советам.

18 сентября 1769 года Румянцев вступил в должность командующего первой армией. Наступила осень, военные действия поутихли, турки отошли на зимние квартиры. Румянцев стал готовить армию к активным действиям в будущем году. Прежде всего он разработал план новой кампании и послал его в Петербург. Военные действия он предполагает вести в Молдавии и Валахии, на территории дружественных

народов, освобожденных от османского ига, а поэтому он обращается к этим народам с манифестами, в которых разъясняет цели своего вторжения в их земли и обращается с просьбой не отказать в помощи продовольствием и фуражом, кроме того, призывает формировать добровольческие отряды. Так возникли отряды арнаутов.

Весной 1770 года армия Румянцева переправляется через Днестр и устремляется в глубь Молдавии.

Турки и татарская конница шли навстречу русской армии по двум маршрутам. Нельзя было допустить их соединения, а потому Румянцев разработал план поочередной атаки сначала татарской, а потом уж турецкой армий, и настойчиво проводил его в жизнь. 17 июня 1770 года у Рябой Могилы внезапным ударом по неприятелю с фланга, тыла и с фронта он разбил многотысячную татарскую конницу. Но успех мог бы оказаться еще большим, если бы были перекрыты пути бегства войскам крымского хана. Однако сделать это не удалось. И то при первых же ударах наших войск татары на быстрых конях просто улизнули от русских ружей и пушек, а конница не могла их догнать.

Это был первый урок летней кампании 1770 года, которая считается самой блистательной страницей в жизни Румянцева как полководца. А 7 июля на левом берегу реки Ларги разыгралось еще одно большое сражение, которое вошло в золотую летопись русского военного искусства.

Часть четвертая

Кагул

Глава 1

«Ты - прямой солдат»

Тяжелая русская конница под командой генерал-поручика графа Салтыкова не смогла угнаться за стремительно отступавшей турецко-татарской армией. Снова здесь, при Ларге, как и при урочище Рябая Могила, основным силам противника удалось ускользнуть, и Румянцев не в первый раз подумал о необходимости переустройства всей кавалерии в русской армии. «С какой легкостью татары и турки уходят от нас, даже если нам удастся окружить их и, казалось бы, взять в могучие клещи неотвратимой победы, – думал Румянцев, выслушивая рапорты о неудачах русской кавалерии. – И сам ты ничего не можешь предпринять, если не разрешат из Петербурга. Пока напишешь туда, пока там разберутся, сколько это пройдет времени... А война не ждет, каждый день приносит что-то новое. Ты же согласовывай, да зачастую с теми, что в военном искусстве ничего не смыслят... Ведь еще в марте в реляции на имя все милостивейшей императрицы писал, что в Европе иные армии успели пересадить большую часть своей кавалерии на легких лошадях. Ясно, что легкий всадник и в вооружении и в содержании дешевле обходится, а польза от него в бою больше... Кирасирские и карабинерские полки посажены не только на дорогих, это еще полбеда, но на слабых, тяжелой породы лошадях, которым способней участвовать в парадах, чем в изнурительных походах, сражениях или хотя бы в

разведывательных поисках. Да и сухой фураж надобно доставлять, поелику на полевом корме они быстро изнуряются...»

Румянцев живо представил себе хлопоты, которые доставляет ему и его подчиненным эта тяжелая кавалерия, и недовольно поморщился.

«А как неуклюже выглядят всадники... Сама уж амуниция есть отяготительное бремя. И как невыгодна для командующего войсками эта кавалерия... Сколько предоставлялось случаев использовать ее в прошедших операциях, но ни одного задания путного она выполнить так и не смогла. И сколько мы ни старались щадить оную, пришлось ее использовать лишь для охраны обозов да магазинов. Вот если б разрешили, я бы из двух карабинерных полков Украинской дивизии сделал два драгунских. Сей род конного войска принят во всех других армиях яко наиспособнейший к службе... Ах, если б мне разрешили произвести хотя бы реформу этих двух полков... Велел бы купить лошадей легких степных пород, которые всякую нужду легко переносят. Соответственно легче станет и амуниция людей... А сейчас – одно горе, в иных полках уже не хватает по пятьсот лошадей. Да и как сейчас покупать легких лошадей, если на людях настоящая амуниция кавалерийская по тягости своей нуждается в лошади большой и особой силы. Не так все просто, заменишь одно, тут же нужно менять и другое... Тут без особого рескрипта все милостивейшей не обойтись... А этого распоряжения с марта жду... И кому это пришла такая дурная мысль заменить легкую кавалерию на кирасирскую и карабинерскую? Не самой ли Екатерине?.. Ей было не до этого...»

Мысли эти, неотвязные, прилипчивые, то и дело возвращали Румянцева к необходимости переустройства кавалерии, которая уступала татарской и турецкой. А пока... Пока нужно учитывать эти

слабости русского оружия при разработке будущих диспозиций.

И Румянцев снова вернулся к повседневным заботам. Главная из них – как прокормить тысячи вверенных ему людей...

Объезжая покинутый неприятельский лагерь, он наблюдал, как специальные команды ведут подсчет захваченной добычи. Румянцев с удовлетворением вспоминал эпизоды недавней битвы. «Вот момент, когда наметился успех», – размышлял Румянцев, словно бы заново прокручивая события недавней битвы.

...Корпус Репнина ворвался в первый лагерь, стремительно догоняя неприятеля и оставляя за собой захваченную артиллерию. Впереди корпуса действовали со своими частями генералы Потемкин и Трубецкой. Ретраншемент с одной стороны взяли; турки и татары, бросив все свое добро, побежали. С другой, левой, стороны ворвалась бригада генерала Ржевского. А в лоб неприятельский ретраншемент атаковал генерал Боур, предварительно подавив его батарею огнем из тяжелых орудий. Затем под прикрытием картечных залпов Боур повел гренадер на штурм укреплений турок, расположенных на горе. Этого неприятель явно не ожидал и в беспорядке стремительно побежал.

Обычно в таких случаях бывало так: ворвавшись в лагерь противника, победители считали дело сделанным и, бросив преследование бегущих, кидались делить добычу. И на этот раз в покинутом лагере стояли бесчисленные палатки, набитые драгоценной добычей: коврами, дорогим оружием, провизией и разной утварью, – соблазн для солдат немалый. Турки учли это и выделили отряд легкой конницы, который сидел в засаде. Стоило только гренадерам броситься по палаткам, как отряд нанес бы неожиданный удар по

неорганизованным толпам русских. Кто знает, чем бы тогда закончилась битва.

И вот наступила решающая минута; русские полки втянулись в брошенный лагерь. Турецкая конница, зорко следившая за ними, стремительно приблизилась с тыла, выжидая момент, когда гренадеры бросятся за добычей и расстроят свои ряды, – тогда придет ее время. Но не дождалась: корпус Боура в четком боевом порядке двигался через лагерь, преследуя отходящего врага. Ни один солдат не кинулся к обозам и палаткам – батальонные командиры еще до начала боевых действий остерегли их от подобной анархии. К тому же командующий предусмотрительно выделил для прикрытия тылов батальон егерей. Такой же боевой порядок сохранили, выбивая турок из лагеря, все три корпуса. Так что удар в тыл вражеской конницы не состоялся. Чаша весов с победой упорно клонилась в сторону нашей армии. А все могло бы случиться... Стоило лишь одному броситься к палаткам, как все гурьбой побегут за ним. И кончилось бы войско, было бы стадо мародеров... А теперь, понятное дело, добыча обращена в корысть нашим войскам, вещи, посуду, скот по себе поделили.

«За сие повиновение дисциплине и в награждение их славных дел осмелюсь-ка я из экстраординарной суммы на каждый корпус выдать солдатам по тысяче рублей, – решил Румянцев. – Пусть порадуются. Столько битв им еще предстоит. Война ведь только началась. Великий визирь только переправляется через Дунай...»

А между тем главнокомандующему армией докладывали, что разбитые татары и турки бросились на юг в двух направлениях: турки – по течению реки Кагул, а татары – за реку Зальцу, в сторону Измаила, недалеко от озера Ялпук. И он отдал корпусу генерала Боура распоряжение идти впереди – атаковать рассеявшегося противника. Если столкнется с крупными

силами, тут же доносить в главную ставку: вся армия будет готова прийти на помощь.

Румянцев отдавал себе отчет в том, что Ларга – это начало большой битвы, что турки переходят Дунай, чтобы сосредоточить все свои силы против его армии. Вряд ли можно предположить, что великий визирь пойдет на помощь Бендерам. Может, послать туда вспомогательный отряд для укрепления духа крепости?

И снова мысли его вернулись к недавней победе, которая досталась вроде бы легко, урон в людях невелик, а неприятеля на поле боя побито больше двух тысяч, погребено в самом лагере до тысячи. А сколько оставлено их трупов по берегу Прута из-за того, что армия устремилась вслед за неприятелем! Но что-то саднило его душу, вызывая недовольство происшедшим. «Плохо только, что мы позволили нашим своевольным арнаутам и казакам сжигать порох. И знамен досталось лишь восемь, а сколько их было, сосчитать не удалось... Великое число их разодрал в лоскуты по невежеству кто-то из наших легких войск, идущих вслед за регулярными. Это доказывалось найденными у многих обрывками. Не пошлешь же эти обрывки императрице как доказательство своей победы...»

Прошло несколько дней после Ларги. Армия Румянцева приближалась к Кагулу...

Вскоре пришло донесение от Боура о том, что неприятель раскинул лагерь между речками Кагул и Зальца. Получив это известие, Румянцев приказал Репнину двинуть свой корпус на помощь Боуру для совместных действий против турок. Он задумал разбить неприятеля до подхода его главных сил. Он знал, что мост в Исакче из-за бурного разлива Дуная еще не окончен, а великий визирь Халил-бей до сих пор не переправил свою армию на этот берег Дуная. И этим

необходимо воспользоваться для разгрома недобитой армии турок, остановившейся у небольшого озера, неподалеку от Кагула. Два корпуса – вполне достаточно для этого. А там и он подойдет с главными силами армии.

Все было продумано, и уже офицер прибыл от Боура к Репнину для того, чтобы показать дорогу. Оба корпуса готовы были соединить свои усилия против неприятеля. Но все неожиданно изменилось.

Визирь не стал дожидаться постройки моста, поняв, что капризный Дунай не даст ему такой возможности. Он быстро переправил свою армию на судах и двинул ее в верховья Кагула, где уже сосредоточились войска, действовавшие в битве при Ларге. Визирю было известно, что армия Румянцева малочисленна, и он уже заранее торжествовал победу.

Учитывая новую обстановку, 15 июля Румянцев приказал Репнину быть готовым присоединиться со своим корпусом к армии, как только он пошлет к нему офицера. В столь ответственный момент нельзя было распылять силы. Разведчики Боура доносили о движениях неприятеля, ни на мгновение не упуская его из виду. Так что Румянцев все время имел представление о его передвижениях.

Что предпримет Халил-бей со своими знаменитыми военачальниками? Каждый день положение неприятеля меняется: то он становится лагерем и, по своему обыкновению, тут же строит оборонительные ретраншементы, то снова выступает навстречу русской армии... Эти маневры неприятеля заставляли Румянцева быть всегда в напряжении, готовым к ответным действиям. Возникал у него и вопрос: а может быть, его передвижения – это просто хитрая уловка? Чтобы ввести его, Румянцева, в заблуждение. Не исключено. И Румянцев приказывает Боуру тщательнейшим образом проверить, действительно ли вышел из лагеря

неприятель и не маскирует ли он там одни только караулы и палатки. В самом деле он вознамерился чинить атаку на нашу армию или будет, по своему обыкновению, выжидать активных действий от нас – этот вопрос не давал покоя Румянцеву и его помощникам.

Наконец 20 июля Румянцев на рекогносцировке, обозревая в подзорную трубу окрестности деревни Гречени, увидел многочисленное войско неприятеля, движущееся в сторону расположения русской армии. Примерно в семи верстах от возвышенности, на которой стояли Румянцев и его генералы, турки остановились. И было непонятно, что они предпримут: то ли продолжат движение, то ли раскинут здесь свой лагерь.

В это время, по свидетельству очевидцев, Румянцев, еще не зная, какое решение примет неприятель, сказал, продолжая смотреть в подзорную трубу:

– Если турки осмелятся и одну в сем месте разбить свою палатку, то я их в сию ж ночь пойду атаковать.

Вскоре собравшиеся на холме увидели, что турки стали разбивать свой лагерь на левой стороне реки Кагул. Одни ставили палатки, другие строили оборонительные ретраншементы. Доносились крики, ржание лошадей; самые храбрые турецкие наездники близко подъезжали к русскому лагерю, дразня и вызывая таких же храбрецов на поединок. Но Румянцев отдал приказ не ввязываться в эти схватки – бой предстоял нешуточный. Здесь собралась огромная турецкая армия, которая насчитывала в своих рядах, по словам пленных и по другим источникам, около 150 тысяч^[2]. Да 100 тысяч татарской конницы, все время стремившейся прорваться в тыл армии Румянцева, отрезать его от магазинов, расположенных в Хотине.

– Итак, господа! – снова заговорил Румянцев, поворачиваясь к собравшимся генералам. –

Приближение сие учинил наш неприятель для того, очевидно, чтобы нас атаковать спереди. Тогда как хан крымский со своей стотысячной конницей обложит весь тыл армии нашей. Возможно, визирь и хан готовятся напасть на нас уже к завтрашнему дню. Видите, как они без устали работают над подготовкой позиций. Мы не можем ждать этого нападения. Сами знаете, в каком критическом положении мы находимся. Угрозы хана оставить нас без пропитания, отрезав наши обозы, заставили меня выделить восьмитысячный корпус князя Волконского и поставить его на реке Зальце как преграду для татарского хана. Обозы с продовольствием идут. У нас остались последние крохи для пропитания войска...

Генералы и штабные офицеры внимательно слушали своего предводителя, давно поверив в его полководческие таланты и ловя каждое его слово. Высокий, ладный, уверенный в себе, Румянцев всем своим видом внушал, что он сумеет найти выход из трудного положения, в котором оказалась русская армия, и привести ее к победе.

- У нас не более семнадцати тысяч наберется. Туркам же нет числа, их в несколько раз больше нас, - продолжал размышлять вслух Румянцев. - Но мы должны их побить. Как древние римляне, мы не должны спрашивать, как велик неприятель, но искать, где только он. А нам искать его и не нужно - вот он, перед нами, по своему обыкновению, укрепляет себя ретраншементами... Возвращаемся в лагерь, обсудим наши действия. Атаковать неприятеля будем этой ночью. Времени на подготовку у нас мало.

Стемнело. Маленькими искорками светлели в ночи турецкие костры.

В палатке главнокомандующего собрались вокруг стола генералы Боур, Репнин, Племянников... На столе была раскинута карта.

- Вот смотрите, - заговорил Румянцев. - Прежде всего мы должны учесть особенности местности, будущего поля битвы. Между нами и турками - прямая линия древнего Троянова вала. Мы на севере этого вала, турки - на юге. На западе поля течет Кагул, берега которого болотисты, непроходимы. На востоке - лощина, ширина которой у Троянова вала около восьми верст, а на юге - около двух. И обратите внимание на эти вот четыре гребня высот, словно веер расходящихся к северу.

Румянцев показал высоты, которые действительно производили впечатление огромного веера.

- Получается что-то вроде мешка, на севере широкого, а на юге узкого, - сказал Боур.

И все увидели, что его наблюдение весьма точно. И Румянцев мгновенно учел это сравнение.

- Халил-бей как раз остановился лагерем в узкой части этого мешка. Посмотрите на южную оконечность второго хребта, именно здесь, в углу мешка, который образовали с одной стороны Кагул, а с другой - восточная окраина лощины, скопились его войска. Выгоды турецкой позиции несомненны: с многочисленной армией он мог бы атаковать нас в разных направлениях, используя все эти веерообразные хребты и пространства между ними. Тогда нам невозможно было бы сдержать напор. Но нападаем мы, а потому уязвимость его позиции существенна. В такой тесноте он не может развернуть свои войска, и мы этим должны воспользоваться. И необходимо учесть тот факт, что его правый фланг ничем не прикрыт, все его ретраншементы сооружаются с фронта, а мы зайдем ему с правого фланга...

Глаза Румянцева сияли, он был прекрасен. Мысли его бежали стремительно. Каждую фразу генералов он подхватывал на лету и использовал в своих решениях и приказах.

- Итак, господа! Подводим итоги нашего обсуждения. Рано поутру, построив армию в боевой порядок, начнем наступление пятью отдельными каре. К атаке неприятеля весть свои войска следующим порядком: каждой дивизии составить свое каре, имея из передней и задней линии особливую колонну, а артиллерию - в середине оных. Корпусу генерала Боура делать авангард правого крыла, а корпусу князя Репнина - авангард же левого крыла. Полкам кавалерийским - между каре князя Репнина и третьей дивизией, команде генерал-поручика графа Салтыкова - между первой и третьей дивизиями. Шести эскадронам карабинерским под предводительством генерал-майора князя Долгорукова и Ахтырскому гусарскому полку - между первой и второй дивизиями. Сербскому же гусарскому двигаться между второй дивизией и корпусом Боура. Корпусу Боура идти по высотам, ведущим к неприятельскому левому флангу, и атаковать оный. Вторая дивизия генерал-поручика Племянникова, дойдя до Трояновой дороги, должна принять оттуда влево и параллельно с корпусом Боура атаковать также неприятельский левый фланг. Первой и третьей дивизиям и корпусу князя Репнина маршировать по этим вот гребням. - Румянцев показал на карте три гребня, ведущие на левый неприятельский фланг и центр, предположенные за предмет нашей атаки. - Внимательно следить за всеми передвижениями неприятеля, особливо конницы. Она может наделать нам беды. Ну, с Богом! Вы свободны, господа!

В эту короткую июльскую ночь мало кто спал в русском лагере. Чуть перевалило за полночь, как пять каре войск вступили на Троянов вал и начали движение на турецкий лагерь. Однако там неожиданно началась сильная ружейная пальба и артиллерийская канонада. Несколько спутанных лошадей из турецкого лагеря чуть

не помешали движению русской армии. Как потом выяснилось, турки всполошились по ложной тревоге. Но с этого времени они уже не спали, хотя вовсе и не ожидали наступления армии Румянцева.

По приказу главнокомандующего дивизия Брюса свернула влево от третьего гребня, по которому до этого следовала, вошла в лощину, поднялась на четвертый гребень и присоединилась к дивизии Репнина, идущей в тыл неприятеля.

Стало совсем светло, когда в пять часов утра пять каре русской армии перешли Троянов вал и пошли на сближение с неприятелем. Врасплох турок застать не удалось.

По свидетельству очевидцев, турки, «обозревши на себя наше наступление, оказали нам все свои силы на высотах, окружавших его лагерь, и встретили многочисленную конницу, которой мы конца не видели». Жестокая канонада главной русской батареи, которой командовал генерал-майор Мелиссино, привела турок в замешательство, их словно ветром сдуло с занимаемых высот.

Румянцев во главе резерва внимательно наблюдал за начавшимся сражением. Вокруг стояли штабные генералы, вестовые, ординарцы, дежурные офицеры, готовые тотчас же исполнить его приказания. Далеко вокруг было видно поле сражения. Но гребни и лощины все-таки многое скрывали от взора.

Турки воспользовались лощиной между первой дивизией и дивизией графа Брюса, направив туда многочисленную конницу. Легкая, быстрая, за считанные минуты она оказалась между этими дивизиями, угрожая зайти в тыл русской армии и начать свои разрушительные действия.

Румянцев понял, что жесточайшие пушечные и ружейные выстрелы, которыми осыпали с двух сторон солдаты Брюса и Репнина, не остановят турок. Их силы

слишком многочисленны, чтобы обращать внимание на потери.

Густой дым покрывал поле битвы. Стрельба без передышки во всех фасах каре Брюса и Репнина. Но турецкая конница уже проникала за Троянов вал и заходила в тыл дивизии Олица.

- Довольно серьезно может повредить нам эта конница, - громко произнес Румянцев. - Всей дивизии немедленно двинуться вперед, отделить из каре резервы пехоты и охотников с пушками и наступательно вести их на неприятеля, где он сосредоточился кучами. А все каре пусть принимает влево, к ложине, чтоб конницу турецкую, забежавшую в эту ложину, отрезать.

В тот же миг отделились резервы, спешным маршем двинулись к ложине, а вслед за ними и вся дивизия Олица во главе с главнокомандующим двинулась на перехват турецкой конницы. Турки поняли всю опасность своего положения, когда дивизия грозно устремилась закрыть им пути отступления. «Сей маневр столько устрасил неприятеля, - рассказывает очевидец, - что оной под конец, боясь быть отрезан от своего лагеря, обратился во всю лошадиную прыть с криком к оному, провождаем будучи от нас наихвосточайшею пушечною стрельбою, которая порывала в густых толпах великим числом всадников, отчего встрепетала и вся прочая турецкая конница, нападавшая со всех сторон на каре Племянникова, графа Брюса, князя Репнина и Боура, и пустилась назад, примером отраженной от каре генерал-аншефа Олица. Тако сломив первое стремление на себя неприятельское, быв в огне непрерывном с 5-го часа утра по 8-й, очистили мы себе путь и удвоили свои шаги к неприятельскому лагерю...»

Стремительно и неустрашимо двигались каре Племянникова и Румянцева на возведенные за ночь

укрепления. Турки открыли пушечный огонь, целясь преимущественно туда, где находился главнокомандующий. Румянцев все время был впереди дивизии Олица, «ободряя примером собственным к неустрашимости следовавших за ним». Крики раненых, ржание испуганных лошадей, свист ядер – уже ничто не могло остановить стремительное движение русских на центр турецкой армии. Подойдя к ретраншементу, они увидели перед ним обширный, глубокий ров, в котором затаились янычары. Завязался рукопашный бой...

Между тем каре Племянникова достигло укреплений неприятеля и готово было «простереть руки на овладение» оными, как неожиданно из лощины, мимо которой оно двигалось, выскочили тысяч десять янычар с саблями в руках и всей толпой, как они обыкновенно делали, ударили на правый фас каре, в самый его угол, который составляли пехотные Астраханский и Первомосковский полки. Первый плутонг* Астраханского полка едва успел выстрелить, как тут же был смят, и турки ворвались внутрь каре. А из лощины выскакивали все новые толпы янычар, устремившихся вдоль по правому фасу, своим численным превосходством сметая каре Муромского, 4-го Гренадерского и Бутырского полков. Их удар был так стремителен и неожидан, что вскоре им удалось расстроить все каре дивизии Племянникова. Некоторые из турок оказались рядом с каре генерала Олица, где находился и главнокомандующий. В непосредственной близости от себя он увидел яростную толпу янычар и их знаменосцев.

Повернувшись к принцу Брауншвейгскому, который не покидал его все это время, Румянцев сказал:

– Теперь настало наше дело!

«И сим словом, презря грозную опасность, бросился к бегущим, кои уже перемешались с лютыми янычарами, под саблю сих последних, – вспоминал

очевидец. – Одним словом «Ребята, стой!» мог он одержать своих ретирующихся и возобновить к отражению неприятеля, велел притом ударить наижесточайше из своих батарей по янычарам, которые без того меньше минуты могли бы уже коснуться каре генерала Олица. 1-й Гренадерский полк, внимая его повелению и предводительству, весьма храбро ударил на все стремление неприятельское и оное сокрушил бодрым духом и отважною рукою, к чему споспешником ему был командир одного бригадир Озеров. Их штыки и пушки, тут случившиеся, в один момент все дело решили, и с удивительною скоростию и послушанием построенное опять каре генерал-поручика Племянникова, воскликнув единодушным гласом «Виват Екатерина!», шло вперед. Тут послал его сиятельство на сию дерзкую пехоту свою тяжелую кавалерию, с которою, с одной стороны, генерал-поручик граф Салтыков, с другой – генерал-майор князь Долгоруков, пробившись, ее посекли и силою вообще огненного и белого оружия великую часть янычар положили на месте, а остальных погнали и в ретраншемент потом вошли...»

Так свидетельствует очевидец о подвиге Румянцева, показавшего пример беззаветного мужества и личной храбрости, великого спокойствия духа и искусства находить выход из, казалось бы, безвыходного положения.

Ни на одну минуту не выпускал Румянецв нити руководства сражением из своих рук и после этого драматического эпизода.

Каре Боура зашло в тыл неприятеля и открыло сильный артиллерийский и ружейный огонь. Под дружным напором русских солдат турки попятнулись назад. В тыл их укрепленных линий зашел корпус Репнина и открыл уничтожающий пушечный и ружейный огонь. Батальон графа Семена Воронцова

ворвался в ретраншемент и в рукопашной схватке истребил множество янычар. Заняты были батареи, захвачено несколько знамен. Повсюду рукопашные схватки заканчивались победой русских солдат. Турки побежали...

И великий визирь дрогнул, поняв, что оказать сопротивление яростному напору отрядов Румянцева, лавиной идущих со всех сторон, он бессилён. Неприятель, «видя свой великий урон, бросил весь обоз и побежал толпами во все ноги к стороне Дуная, где было до трехсот судов больших, которые послужили к его переправе, но не безбедственной, а затем завладели войска турецким полным лагерем, получили в добычу всю артиллерию во сто сорок хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажом... Посреди сего изобильного лагеря, прошедши в порядке, преследовали неприятеля верст до четырех, а далее итти за ним усталость солдат не позволила, поелику продолжался непрерывный и жестокий бой с начала пятого до половины десятого часа поутру, в котором свершили уже нашу победу, а в кавалерии за отделением ее к прикрытию запасного магазина имели недостаток» – такой итог сей жаркой битвы подводит очевидец.

Часа в три, когда сражение повсюду закончилось, Румянцев впереди свиты своей объезжал турецкий лагерь. Самое страшное позади, а сколько было волнений – такая туча надвигалась навстречу! Могла и действительно накрыть его небольшую армию и залить кровью... «Что может совершить мужество войск, коими счастье имею командовать! – подумал Румянцев. – Все действовали превосходно, но наша артиллерия во главе с генералом Мелиссино превзошла все мои ожидания и надежды, метко поражая многочисленные неприятельские орудия, заставляя их замолчать... А

разве бригадир Озеров не молодец? Не растерялся и после моего «Стой, ребята!» первым бросился на прорвавшихся янычар, а уж за ним и весь его полк... А разве граф Семен Воронцов не показал пример доблести и мужества, ворвавшись в ретраншемент со своим батальоном, истребив множество янычар! Истинно побеждают не числом, а умением...»

Размышления его были прерваны самым неожиданным образом. Перед его конем выросла могучая фигура старого гренадера, смотревшего смело и уверенно.

- Ты, ваше сиятельство, прямой солдат. Все так говорят, кто видел тебя сегодня в деле. Если б не ты, кто знает, как бы оно все повернулось-то. Все солдаты просили меня передать тебе эти слова. Уж не обессудь, может, что и не так сказал.

- Спасибо, друг мой. Сегодня все превосходно себя показали... Слава победы всем принадлежит сегодня по праву. Вот его светлость принц Брауншвейгский впереди всегда находился во время жестокого сражения, презирая все опасности и оказывая добрую свою волю к пользе нашей. Равно и все наши на сем сражении с похвальной охотой поступали...

- Так-то так, вам виднее. Но ты, ваше сиятельство, прямой солдат. Вот что я тебе скажу.

Все сопровождавшие Румянцева с большим вниманием следили за разговором, прекрасно понимая, что гренадер высказал общее мнение и солдат и командиров.

А Румянцеву некогда было купаться в лучах славы. Нельзя второй раз упускать неприятеля, надо преследовать его разбитые части и довершить начатое при Ларге и Кагуле.

После краткого отдыха корпус Боура, взяв пропитание из турецкого лагеря, последовал к Дунаю за бегущим неприятелем. При виде стремительно

двигавшегося корпуса у турок началась паника. Русские открыли огонь по судам и лодкам, в которых копилась готовая к отплытию на другой берег турки. Озверевшие от страха турки рубили друг друга в борьбе за место на отплывающих судах и лодках. Тем, кому не досталось места, хватались за канаты и доски, увлекая за собой на дно перегруженные суда и лодки. «Словом, гибель тут, – как свидетельствует очевидец, – была туркам наивеличайшая, что доказывали ясно всплывающие великим числом на поверхность воды утопшие тела...»

Второй поток бегущего неприятеля устремился к Измаилу. Вслед за ним погнался отряд из бригады Игельстрема. 22 июля Игельстром, разбив арьергард турок и захватив его обоз, донес Румянцеву, что его небольшому отряду вряд ли удастся одолеть многочисленного неприятеля. Румянцев направил ордер князю Репнину: «Одно Вашему сиятельству подтверждаю, чтоб как можно поспешали вы к Измаилу, не давая неприятелю опомниться. Понтоны уже ко времени приехать не могли бы, а для переезда я на Ялпух оные отправил. Как турецкие обозы переправлялись, то вы тем путем пройти с корпусом, без сомнения, найдете себя в состоянии. Господина Ржевского взять всегда было во власти вашей, оставя какой-нибудь батальон на его poste. В Измаил вступя, дождитесь в оном дальнейшего моего повеления, которое зависит еще от тогдашних обстоятельств, а графа Подгорячани не упускайте отрядить, и тогда чтоб всюду гнать, где только услышите в сей стороне неприятеля, что будет уже делом вашего предусмотрения».

Предусмотрительность Румянцева и жесткость его приказа сыграли свою роль. Репнин, подойдя к Измаилу 26 июля, разделил свой корпус на четыре отряда и двинул их на штурм городского вала. Четыре батальона гренадер и четыре орудия полевой артиллерии под

командой генерал-майора Григория Потемкина пошли с правой стороны; вторую колонну составили два батальона егерей под командой подполковника Фабрициана; третья часть состояла из Кабардинского и Санкт-Петербургского полков и Киевского батальона и четырех полевых орудий под предводительством барона Игельстрома; четвертую колонну из двух гренадерских батальонов с двумя орудиями вел бригадир Ржевский. Конница расположилась посредине пехоты.

При виде грозно надвигавшейся на Измаил русской силы турки не выдержали: поспешно поднялись из своего лагеря, раскинувшегося недалеко от города, и ушли в сторону Дуная, чтобы скрыться за этой водной преградой. Князь Репнин, увидев отступление неприятеля, тоже повернул свои колонны вслед за ним и стал его преследовать. Турки упорно уклонялись от боя, ретировались в разные стороны: одна колонна пошла вниз по Дунаю, другая – несколько правее, к крепости Килия. За первой колонной устремился со своим отрядом генерал Потемкин, за второй – бригадир Ржевский, в подкрепление которому Репнин послал казачий полк Иловайского и два эскадрона карабинеров под командой майора Ладыженского. Оставшиеся части бригадира Игельстрома и подполковника Фабрициана Репнин расположил так, чтобы можно было их использовать для помощи как той, так и другой колонне, если таковая понадобится. Острогожский гусарский полк повернул снова к городу для «примечания и отражения всего, что бы оттоль ни показалось».

Шесть верст преследовали донские казаки, гусары и карабинеры турок, постоянно вступая с ними в бой. Но те не хотели драться, их отступление было похоже на бегство. Этим не могли воспользоваться наши легкие войска – «великое число турок срубили и взяли в плен».

Во время преследования было убито более тысячи, а взято в плен 972 человека.

Приближалась ночь. Пошел сильный дождь. Пушки то и дело застревали в вязкой почве, приходилось спешивать казаков, чтобы выволить их из грязи. Усталость людей и изнурение лошадей были настолько велики, что преследование неприятеля, направившегося к Килии, стало невозможным.

Повернули к Измаилу. Впереди с двумя батальонами егерей и батальоном гренадер шел Потемкин, вслед за ним со всем корпусом двигался Репнин. Потемкин, исполняя приказ Румянцева, послал одного из пленных сказать, «чтобы все сдались, коль желают пощады». За городским валом открыли было пальбу, но тут же прекратили, как только выслушали ультиматум. Оставшиеся в городе турки сдались. Русские войска беспрепятственно заняли вал, стоявшую на нем артиллерию, вошли в город.

На другой день из мечети и соседнего дома засевшие там турки открыли стрельбу, пришлось штурмом брать мечеть и дом. И еще небольшая стычка произошла с такими же фанатиками, засевшими на близком от города острове. Егеря, перейдя глубокий брод, «иных побили, а прочих взяли в плен».

Из допросов пленных, среди которых оказались именнейшие люди Турции, выяснилось, что в Измаиле накопилось больше двадцати тысяч разбитых под Кагулом турецких войск во главе с такими известными военачальниками, как Абаз-паша, Абди-паша и янычар-ага Капикарам. Но приказ визиря идти в Измаил, чтоб как можно дольше держаться в тамошнем укреплении, они не могли исполнить. Устрашенные поражением под Кагулом, турки больше не помышляли о сражениях, а только о спасении живота* своего, и думали лишь о том, куда безопаснее удрать. А в Измаиле, как только беглецы туда прибыли, они разграбили город,

взбунтовались против своих командиров, янычар-агу посадили под караул.

Правда, потом одумались и выпустили его. Но, напуганные таким поворотом событий, Абаз-паша, Абди-паша поспешно покинули город, переправились через Дунай. А другие командиры растерялись и не смогли взять власть в свои руки.

37 пушек, 6 знамен, великое число мулов и верблюдов с экипажами, много тысяч разного скота, около 9 тысяч пушечных ядер, 95 бочек пороха и другие артиллерийские припасы, около 500 турецких сабель и ружей, большое количество муки и другой провизии – такие трофеи достались в руки победителей.

«С нашей стороны, – доносил Румянцев Екатерине, – в сию Измайловскую экспедицию убиты: поручик – 1, капрал – 1, бомбардир – 1, служитель артиллерийский – 1, гренадер – 5, волонтеры – 2. Ранены: капрал – 1, карабинер – 1, гусары – 2, казаков – 3, егерь – 1, гренадер – 2».

Глава 2

Могучий заслон

В лагере при устье реки Кагул, где совсем недавно произошла ожесточенная битва, уже ничто не напоминало о ней. Все было убрано и приведено в порядок. Мирно паслись лошади, сновали между палатками люди, жгли костры, готовили себе пищу, вспоминали свои родные села и деревни. Так хотелось им забыть обо всем ужасном, кровавом, что было совсем недавно на этой древней земле.

Румянцев же и теперь думал о войне, о том, как наиболее успешно развить наметившийся успех в борьбе против извечного неприятеля России. Легкая победа при Измаиле вполне понятна – турки еще не успели опомниться после Кагула. Но это настоящие воины, мужественные, отчаянные, настойчивые. Конечно, немало голов слетит в Константинополе после Ларги и Кагула с турецких плеч: султан не любит побежденных, но придут другие храбрецы на их места, и борьба вновь вспыхнет с ожесточенной силой.

У шатра главнокомандующего поставили походный столик. Румянцев сидел, склонившись над картой, часто поглядывая за Дунай. Килия, куда пошли полки князя Репнина, вскоре должна пасть.

Думалось, получив уверения прибывших оттуда жителей, что сей город турки и не станут удерживать за собою. Но князь уверяет, что он обнесен валом с каменной одеждой, водяным рвом и имеет контрэскарп каменный. А притом он полагает, что и турецкому корпусу, выгнанному из Измаила, негде больше деваться, как засесть в этой крепости или в Аккермане. К тому же и крымский хан с татарской конницей стоит в десяти часах от Килии, так что может оказать помощь в

любое время... «Прав, видимо, князь Репнин, небезопасно посылать к Килии отряд, который за сто верст должен удалиться от всякого подкрепления. Не лучше ли сию экспедицию предпринять в ту пору, когда граф Панин возьмет наконец Бендеры и может тогда часть осадной артиллерии выделить нам...»

Румянцев вот уже несколько часов не отрывался от карты. Какая-то неведомая сила снова и снова притягивала к ней. «Однако ж пусть князь со своим корпусом от Измаила идет вверх по Ялпуху, чтобы быть всегда готовым пойти на Килию, – прикидывал полководец. – Вот если б граф Панин взял Бендеры и мог выделить тогда часть своих легких войск, которые вместе составили б пристойный деташемент для попытки взять Килию... Ну а пока Бендеры остаются турецкими, нам надобно держать Измаил, укреплять его, по возможности. Для этого пошлю туда инженера генерал-майора Голенищева-Кутузова... Но вот что странно, князь Репнин предлагает батальоны князя Трубецкого направить в Измаил, а свои батальоны двинуть на его место... Какой смысл он увидел в том, чтобы гонять с места на место недавно вышедших из боя солдат? Не лучше ли оставить тех, которые уже стоят в Измаиле, в покое, а с батальонами Трубецкого соединиться на походе и далее идти вместе? Неужто он, опытный командир, не увидел сразу две пользы в этом: и город не оставит без наших войск, и батальоны Трубецкого, идущие на соединение с корпусом Репнина, не будут утомляться дальним поворотом, а проделают гораздо меньший путь».

Румянцева порой удивляло и возмущало, что опытные командиры принимали такие элементарно безграмотные решения. Ему приходилось частенько поправлять их, самым деликатнейшим образом намекая на неразумность их действий и намерений.

«А может, все-таки поспешать с решительными действиями против Килии, а не мучиться над простейшим вопросом – идти или не идти? Еще ничего не видели, а только слышали, что укрепление там великое. Нужно самим разведать и убедиться, сильна ли крепость. Во всяком случае, нужно для них готовить провиант и посылать к Килии...»

Его мысли прервал вошедший генерал Ступишин, подавший рапорт генерала Олица. Прочитав рапорт, Румянцев поморщился, словно от зубной боли: «Вроде бы неплохой генерал, а вот проявил нераспорядительность и даже халатную беззаботность... Не марш совершает, а плетется еле-еле».

Он вызвал писаря и продиктовал ему ордер генералу Олицу: «К крайнему неудовольствию, подался мне случай сведать, что некоторые полки и команды, маршируя в поведенные от меня места, делают переходы в день верст по десяти и менее... не понимая, что чрез оное в настоящих военных обстоятельствах могут произойти великие конфузии и разные неожиданные неприятные приключения; для того я принужденным себя нахожу сим единожды навсегда сделать генеральное постановление, дабы всякий полк и команда, куда б идти ни случилось... отнюдь не менее: пехотные – двадцати, а конные – двадцати пяти верст в день... И чтоб оное навсегда без малейшего упущения исполнялось, ваше высокопревосходительство, благоволите в полки и команды, в вашем ведении состоящие, а в тех всем офицерам, предложить, чтоб впредь отнюдь никто неведением отговариваться не мог».

Поставив подпись, Румянцев снова погрузился в раздумья о будущих действиях русской армии: «Разумнее всего было б отделить корпус за Прут, взять Браилов и тем самым обнять весь тамошний край от

Дуная до реки Ольты. По уверению пленных, в Валахии, в Бухаресте, турки сосредоточили тридцать тысяч своих войск еще весною, и действительно, из того краю нередко они совершают покушения на наши партии по реке Серет и на здешний ее берег. Да и собранные на том берегу Дуная турецкие войска долго без действия держаться не будут. Можно ожидать, что, выждав удобное время, они пойдут на подкрепление тех тридцати тысяч, которые в Валахии действуют. Но как отделить корпус против Браилова, если не взяты Бендеры? А трудности с Бендерами действительно велики... Если сей город заражен моровою язвою* и если она еще сильнее распространится вниз по течению Днестра, то рассчитывать на помощь второй армии графа Панина в осаде и взятии Килии вовсе не приходится. Татары отступили от Каушан и оставили в нем пораженных моровою язвою тамошних жителей. Это кого хочешь может напугать... Моровое поветрие более неприятеля опасно. Бендеры, Вендоры... Вот главная препона, из-за которой вверенная мне армия принуждена терпеть ныне все невыгоды. Тут же турецкие и татарские войска стояли и истощили весь полевой корм...»

Он вызвал дежурного генерала, и тотчас явился Ступишин.

- Молдавскому дивану и генерал-майору Черноевичу, тамошнему командиру, - напомнил Румянцев, - давно дано повеление, чтоб заготовляли сено и хлеб, представив мне ведомость. Есть ли от них вести? - Румянцев выжидающе замолчал.

- Ничего нет, ваше сиятельство. Да и сомневаюсь я, чтоб тамошние жители могли дать пропитание не только нашим войскам, но и самим себе... - высказал сомнение Ступишин.

- Вот и я сомневаюсь. Нынешним летом нельзя было удержать их в своих домах и при земледельчестве... Из-

за войны и морового поветрия проживали в лесах и горах. Как бы нам не пришлось их кормить из наших последних запасов.

И столько послышалось горечи и боли в словах Румянцева, что дежурный генерал содрогнулся: «А что, не оставишь же их умирать от голода!»

- Ваше сиятельство, господин генерал-майор Буткевич из Польши сообщает, что делает запасы из нового хлеба.

- Что еще тут можно сказать, - задумчиво произнес Румянцев. - Время жатвы только началось... Тут и заподлинно знать нельзя, какой успех произойдет.

- Там тоже моровое поветрие не окончилось, - напомнил Ступишин.

- Уж об этом-то я и не говорю. От мест, ею зараженных, нет способу уклониться, когда и в самой Польше моровое поветрие расширяется... Защитником от этой опасности полагаю одного Бога.

- И наши предупредительные меры, ваше сиятельство, - подсказал генерал Ступишин.

Румянцев словно не услышал своего дежурного офицера и продолжал:

- Из Польши подвоз пропитания, даже если мы его в достаточном количестве заготовим, будет все труднее доставаться. В эту кампанию многих обывательских лошадей лишили.

- А притом, ваше сиятельство, и край польский за Днестром пустеет - жители его покидают.

- Да-а, - согласился Румянцев. - За последние годы столько пришлось претерпеть этому краю... То свои опустошают эти земли, то турки и татары устраивали набеги... Тут невольно побежишь куда глаза глядят. Плохо то, что деятели из Петербурга совсем не помогают нам. Даже не снабдили планом размещения войск на зимние квартиры. А ведь приближается время, когда армия должна удалиться к Днестру, поелику не

вижу способов для ее пропитания здесь, в Молдавии и Валахии.

- Вы хотите сказать, что мы должны оставить все то, что было завоевано? - Ступишин явно недоумевал.

- Нет, конечно. Часть армии надеюсь оставить в сих княжествах, а прочие расположить в Польше за Днестром в таком количестве, чтобы наше пребывание там не оскудило тех мест, ведь оттуда удобнее всего получать провиант.

Вошел незнакомый офицер.

- Ваше сиятельство, пакет из Петербурга от ея императорского величества, - бодрым голосом произнес офицер, но по всему видно было, что он чуть не падал от усталости.

Это были указ Военной коллегии о награждении генералов и офицеров армии Румянцева за победу при Ларге и письмо Екатерины II. С волнением стал читать Румянцев письмо:

«Граф Петр Александрович!

Вы легко себе представить можете, с коликим удовольствием я получила первые известия чрез полковника Кауль-барса о совершенно вами одержанной победе над неприятелем при речке Ларге. На другой день я со всем народом приносила Всевышнему достодолжное благодарение при пушечной пальбе в церкви Казанской Богоматери. Но наивяще чувствовала цену сего происшествия, когда 25-го числа сего месяца усмотрела из привезенных поручиком гвардии Хотяинцевым и подполковником Мордвиновым писем обстоятельные описания сей славной вам и всем в сражении бывшим войскам баталии, при которой вышнее воинское искусство предводителя было поддержано храбростию и неустрашимостью подчиненных ему воинов. Что более услуги к отечеству, то менее цены оным может определить настоящее время; одно потомство означивает степень славы

знаменитым людям всякого рода. Вы займете в моем веке несомненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю вам отдать сию справедливость и, дабы всем известно сделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие о успехах ваших, посылаю к вам орден Святого Георгия первого класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно.

В прочем остаюсь к вам, как и всегда, доброжелательна. *Екатерина*.

Р. С. Как я вспомнила, что в Молдавии золотошвей статья может мало, то посылаю к вам кованую Георгиевскую звезду, какую я сама ношу».

Орденом второго класса были награждены Племянников, Репнин, Боур; орденом третьего класса – Вейсман, Замятин, Гротенгельм, Григорий Потемкин, Юрий Трубецкой, Иван Гудович, Ржевский; орденом четвертого класса был награжден подполковник граф Семен Воронцов.

Вот уже две недели главные силы армии под предводительством Румянцева расположились лагерем у озера Ялпух. Прошло чуть меньше месяца после Кагульского сражения. Казалось бы, вторая армия могла решительней действовать против Бендер. Но время шло, а она топталась на месте.

К тому же крепость Килия, осажденная корпусом князя Репнина, отчаянно защищалась. Она была окружена каменными стенами, глубоким водяным рвом, а внутри ее возвышался замок с четырьмя башнями. Так что овладеть ею было не так-то просто. Осадной артиллерии у русских не было, а попыткам создать батареи для обстрела крепости мешали дожди, уносившие земляную насыпку. Во всяком случае, Репнин доносил, что Килия подобна Хотину, а там, как

известно, в прошлом году князь Голицын долго маневрировал с огромной армией.

Румянцев хорошо понимал положение Репнина, не имевшего необходимых средств ни для правильной осады крепости, ни для ее штурма. И вместе с тем, несмотря на кажущуюся безвыходность положения, Петр Александрович предпринял эту экспедицию с единственной целью: всячески воспрепятствовать попыткам турецкого флота использовать Килию как базу для оказания помощи гарнизону Бендер. Кроме того, Репнин прикрывал тылы второй армии, которая могла действовать без посторонних помех. Правда, Панин все чего-то осторожничал, уведомлял Румянцева, что свои легкие войска он приберегает против татарского хана, к которому якобы присоединились двадцать тысяч турок. Но откуда там туркам взяться? Ведь все разбитые турки убрались за Дунай. Буджакские ногаи, испытавшие горечь поражения при Кагуле, прекратили активные действия. Да и крымский хан Каплан-Гирей мечтает о мирных переговорах с Россией, ищет союза с нею. Так что все говорит за то, что они должны пойти на уступки...

И в самом деле, через несколько дней генерал Ступишин доложил Румянцеву, что турки готовы сдать крепость, но лишь на выгодных для них условиях. В частности, четыре тысячи вооруженных турок должны быть переправлены через Дунай, в местечко Тульчу, со всем их имуществом. Румянцев тут же согласился с этими условиями.

- Это выгодно не только туркам, но и нам. У Репнина были израсходованы почти все артиллерийские снаряды, продовольствие. А тут мы получаем всю артиллерию, все военные и съестные припасы крепости. - Румянцев был в хорошем расположении духа. Еще одна славная победа русского оружия...

- Ваше сиятельство, поручик лейб-гвардии Семеновского полка Потемкин, бывший очевидцем этой виктории, рассказывал, что Репнин, получив ключи от крепости, тут же обнял своими войсками стены, ворота, артиллерию, военные припасы и место, где лежит провиант. И уж больше ста лодок с турками отправили в Тульчу. Прочие же того города жители, армяне и жиды, коим дана совершенная воля или выезжать, или оставаться, все не выбирают, да и сами турки, купеческий промысел производившие, ищут позволения пребыть тамо с нашими войсками, - докладывал Ступишин.

- Этого вестника и самовидца отправьте в Петербург с реляцией к всемилостивейшей императрице. Такие вести ей будут приятны... А ведь не было никакой возможности взять Килийскую крепость без формальной атаки. Правда, внушил я Репнину делать разные стратегемы пред стенами, показывая вид, что делает подкопы, и иные приемы, кои могли внушить страх осажденным, а с другой стороны, через своих посланников предлагал им почетную сдачу...

- Именно, ваше сиятельство... Следуя вашим наставлениям, их сиятельство Николай Васильевич и довел гарнизон до капитуляции.

Румянцев пропустил эту откровенную лесть мимо ушей. Другое его обрадовало. И он тут же поделился со своим дежурным генералом, который нравился ему деловитостью, расторопностью, энергией.

- Конечно, большой плен неприятеля приносит славу, но нам сейчас пленные неприятели в тягость, поелику требуют прокормления. А тут своя армия постоянно нуждается в провианте. Да и охрану нужно выделять. У нас ведь пленных больше четырех тысяч.

- Гораздо больше, ваше сиятельство... Только что мне донесли, что взяли в плен две партии пробиравшихся к Дунаю турок, одну из двухсот

шестидесяти человек, а другую – более трехсот. Наши казаки принудили их без сопротивления сдаться. Кроме того, князь Репнин дополнительно сообщает, что его казаки и арнауты на сих днях на Аккерманской дороге отряд турок разбили, взяв в полон около трехсот человек. Так что уже около тысячи пленных добавляется к тем четырём, что было ранее.

– Поразительно, как на них подействовало последнее сражение. Сколько их еще скитается по степи в поисках дороги к Дунаю! И как мгновенно пропала присущая им храбрость. Где ни попадутся нашим командам, тотчас кладут оружие. Нет, пленных с нас достаточно. Нечем их кормить... Сии обстоятельства и преклонили меня дозволить выход гарнизона из Килии. Оное место, как ключ в Черное море, нам нужнее, чем пленные. Тем более другого средства, как только выпустить их по своим домам, у нас не было принудить к сдаче столь многочисленный гарнизон. Эти турки больше воевать не будут, а разнесут весть о нашем милосердии, которое они уже и сейчас превозносят. Видят, что мы не ищем кровопролития. И они ненавидят, оказывается, войну и винят в оной своего султана.

– Грозили сбросить его, – сказал Ступишин. – И восстановить мир. Потому не берут с собой ни лошадей, ни оружия. Все свое снаряжение продают на этом берегу.

– Да, эти турки уже не хотят войны. И это нам выгодно. Отметим сию победу пушечной пальбой, как и надлежит возвестить нам нашу армию об оной...

– Ваше сиятельство! Есть еще одна ведомость, правда непроверенная. Будто копятся большие силы неприятеля, которые якобы намереваются идти на Яссы.

– Вот это уже интересно, – оживился Румянцев. – Что-то давно не слышали об активных действиях

неприятеля. Мне казалось, что до будущего года уже не представится с ним встретиться.

Румянцев повеселел, оживился. Как видно, хотелось ему еще раз сразиться с неприятелем, чтобы потом не докучал.

- Тогда меняется весь план нашей поддержки Бендер. Полки Брюса мы уже не можем направить для штурма крепости. Он здесь нам пригодится...

Румянцев задумался. Наконец снова торопливо заговорил:

- Подготовьте ордер генералу Брюсу по случаю изменения наших планов. Со всяким поспешением его дивизия должна последовать к Фальче. Подчинить полковника Каковинского с его командой, что держит пост при Фальче, и майора Врангеля при Лунке-Маре на той стороне Серета генерал-поручику Брюсу. Установить связь с полковником Броуном и генерал-майором Черноевичем, которые действуют на той стороне Серета. Все эти команды тоже подчиняются по старшинству генерал-поручику Брюсу. Если все они получат точное уведомление, что неприятель идет на разорение Молдавии, пусть они немедленно переходят Прут, оставя при Фальче один батальон, и того неприятеля встретят и постараются разбить. Надеюсь, что у генерала Брюса окажется достаточно благоразумия и воинского опыта, чтобы справиться с этой несложной задачей.

- Ваше сиятельство, ведь есть еще и пост при Романе под командой генерал-майора Глебова. Он входит в подчинение Брюса?

- Без крайней нужды Глебова оттуда не брать. Там магазин закладывается. Но в крайнем случае Брюс употребить Глебова может, оставив там достаточное прикрытие.

Вскоре было получено известие от майора Врангеля, что неприятельские силы собираются в районе Фокшан.

Пока ничего серьезного не предпринимают, но от них всего можно ожидать.

И снова Румянцев склонился над картой.

«Неприятель что-то замышляет у Фокшан. Нельзя нам сидеть сложа руки. Нужно поспешно против них оборотиться, дабы не дать им время что-то предпринять, – размышлял Румянцев, четко представляя себе действия русских отрядов при этих обстоятельствах. – Итак, корпусу Брюса, перейдя реку Прут, удобнее всего последовать к местечку Текучи. Одновременно генерал-майор Глебов должен подвинуться от Романа к посту майора Врангеля и неприметным образом стать вот здесь, в конце гор и лесов, в самом жерле, откуда начинается плоскогорье...»

Он отчетливо представил себе и лес, который на карте четко обозначен условными знаками, и реку Серет, и неприятеля, скрывшегося пока в Фокшанах. Эх, если б мог он быть там во время намечающихся событий! Но нет, не главнокомандующему должно метаться то в район Фокшан, то в район Килии или Аккермана... Слишком много верст разделяет их.

«Брюсу же надлежит сделать движение по обоим берегам Серета, сковать неприятеля, находящегося в Фокшанах. А в то самое время, обойдя его с другой стороны, генералу Глебову неожиданно атаковать во фланг или в тыл, откуда неприятель не ожидает. Нужно только Брюсу согласить свое движение по времени с маневром генерала Глебова, дабы наперед себя он не открыл, до поры до времени затаившись на опушке вот этих лесов... Конечно, надо подкрепить Глебова еще одним полком. Может быть, Тегинским? А при Фальче оставить бригадира Гудовича с его Астраханским полком. К тому же, должно быть, от Килии к Брюсу уже прибыли арнауты и гусары... Так что он даст Глебову надобное число и легких войск, необходимых для

такого предприятия. Если воспользоваться всеми этими выгодными для нас обстоятельствами, можно устроить туркам новый Кагул, но уже при Фокшанах...»

А между тем в Молдавии уже лилась кровь. Турки разоряли селения, брали в плен непокорных молдаван. Казачьи посты успешно действовали против турок. В стычке с их авангардом казаки побили около ста человек. Но все это не могло остановить движения неприятельских войск. И Румянцеву пришлось бросить вторую дивизию, усилив ее гусарами и арнаутами, на место начавшихся военных действий. Взятие Бендер отошло на второй план. Защита жителей Молдавии стала наиважнейшей для русской армии задачей.

Румянцев испытывал досаду оттого, что Репнин так долго топчется около Килии. Но что тут можно поделаться... Он не мог отойти от Килии, пока не переправил весь турецкий гарнизон за Дунай, как было условлено. Лодок было немного, а турок четыре тысячи. Быстро не переправишь.

Да, если бы не Бендеры, Румянцев тут же отдал бы приказ Репнину следовать на Аккерман. А затем перебросить всю армию за Прут и начать очищение от турок Молдавии и Валахии. Ну а пока пусть Репнин двигается со своим корпусом от Килии и станет на речке Ташпунар, чуть пониже Троянова пути. Отсюда удобнее всего перебросить его к армии, если понадобится неожиданная помощь...

Бендеры сковали действия армии, но и Румянцев так расположил свои корпуса, что они образовали могучий заслон, оказавшийся непреодолимым для турецких войск, стремившихся помочь осажденному гарнизону в Бендерах. И все же граф Панин не был удовлетворен тем, что Румянцев обеспечил ему полную свободу действий, закрыв всякую возможность туркам проникать под стены Бендер. Он снова и снова просил

направить к нему в подкрепление крупный отряд пехоты.

Как это мешало планам Румянцева! Теперь снова приходилось откладывать наступление на Аккерман и четыре батальона бригадира Игельстрома направлять к Бендерам. 10 сентября Румянцев приказал князю Репнину двинуть свой корпус к Бендерам, повернув его от речки Ташпунар. И вместе с тем он никак не хотел смириться с тем, что его план захвата Аккермана откладывается. Может, бригадир Игельстром по дороге к Бендерам все-таки зайдет в Аккерман и займет его своими войсками, а потом уже последует к Бендерам?.. И он возложил эту задачу на бригадира Игельстрома. Исполнительный бригадир успешно справился с задачей: он так и поступил – по дороге к Бендерам сделал небольшой «крюк», открыл артиллерийскую пальбу по Аккерману. И тот вскоре сложил оружие. Это произошло 15 сентября 1770 года. А накануне после двухмесячной осады и кровопролитного штурма пала наконец крепость Бендеры.

Румянцев был хорошо осведомлен о положении дел под Бендерами. Особенно удивляло его упорство осажденных. По всему фронту военные предприятия были прекращены, а здесь турки совершали вылазки, всячески препятствовали осаждающим вести планомерную и спокойную осаду.

Инженер-генерал-майор Гербель, хорошо знакомый Румянцеву по недавней войне с Пруссией, разработал план осады и штурма Бендер. Для начала было пресечено всякое сообщение крепости с окружающим миром. Князь Прозоровский выделил две тысячи калмыков, которые должны были закрыть всякое сообщение по правому берегу Днестра к Черному морю.

Начались работы по возведению первой параллели назначенных к штурму траншей. Была налажена

строжайшая охрана работающих. Вскоре вокруг Бендер, на правом берегу Днестра, были прорыты траншеи, из которых грозно поблескивали пушки. Но и жесточайший огонь, открытый русскими из пушек, не сломил турок. Они, хотя и несли большие потери, часто предпринимали вылазки. В крепости возникали пожары, гибли ее защитники. Наконец батареи генерала Каменского пресекли связь осажденных с Днестром, и сразу у них подскочила цена на воду.

Вслед за первой параллелью траншей были отрыты подступы ко второй, которая столь же успешно была закончена и вооружена орудиями. Вылазки турок оказались безрезультатными против упорства и стойкости тех, кто стремительно возводил по всем правилам фортификационного искусства осадные сооружения. Были заложены батареи, возведены для их охраны редуты, отрыты ходы сообщения.

Получив реляцию о победе под Кагулом, Панин приказал отметить ее пушечной и ружейной пальбой. А вечером открыл по крепости огонь из всех орудий, нанеся неприятелю непоправимый урон. Но и это не поколебало стойкости неприятеля.

Секрет этой стойкости вскоре открылся. Перебежавший на нашу сторону валах рассказал о том, что происходило в Бендерах. Начальник крепости, оказывается, скоропостижно скончался, а на его место избрали трехбунчужного пашу – Эмина, принявшего решение во что бы то ни стало продолжать оборону. Он скрыл от соотечественников весть о поражении армии визиря при Кагуле. Напротив, внушил надежду на скорую помощь от него: визирь разбил Румянцева и скоро будет под стенами Бендер. Турки торжествовали. Эмин-паша приказал всем способным владеть оружием готовиться к решительным действиям против наших подступов. Разрушить возведенные наступательные траншеи, срыть редуты, прогнать из них русские войска

- вот какую задачу поставил перед турками Эмин-паша. Не раз он лично водил весь гарнизон против наших укреплений, но каждый раз бывал бит. Так, в полночь на 2 августа весь гарнизон вышел и в строжайшей тишине подкрался к обоим флангам русских. Затем с оглушительными криками турки набросились на рабочих и солдат траншейного прикрытия.

Русские сначала от неожиданности растерялись, но потом открыли дружный огонь и отбили приступ. Поддержанные из крепости артиллерией, турки снова бросились в атаку и ворвались в траншеи, но тут же многие были перебиты. Остальные, отброшенные назад, залегли, готовясь снова броситься на русские позиции. Генерал-майор Лебель, командовавший в ту ночь траншейным прикрытием, сам повел отряд в контратаку. Завязался ожесточенный бой, в котором никто не хотел уступать. Турки дрались храбро и мужественно, чувствуя свое численное превосходство. Но их упорство было сломлено натиском русских, беспощадных в штыковом бою. Сначала они дрогнули, а потом обратились в паническое бегство.

На подступах к крепости бесстрашный Лебель был смертельно ранен. Солдаты и офицеры окружили его.

- Я не жалею своей жизни, - сказал Лебель, предчувствуя близкий конец. - Она отдана моей государыне и государству!

С этими словами он скончался.

Схватка оказалась кровопролитной. Только с русской стороны погибло 5 офицеров и более 180 нижних чинов, ранено 14 офицеров и около 500 рядовых.

Эти вылазки неприятеля мешали успешному возведению параллелей. А тут еще пошел сильный дождь, который за несколько дней разрушил земляные укрепления, так упорно возводимые возле крепости с западной ее стороны. Залитые водой рвы, размытые

траншейные брустверы, осевшие редуты - все это производило гнетущее впечатление. Но ничего не поделаешь... И снова рабочие и солдаты взялись за лопаты, инженеры продолжали подземные работы для закладки мин.

В конце августа все уже было готово к штурму. Мины заложены, все попытки турок подвести контрмины пресечены. Разработана диспозиция, приготовлены 29 гренадерских и 29 мушкетерских рот для нанесения первого удара после взрыва. Но 29 августа, на рассвете, турки предприняли еще одну попытку помешать штурму. Взорвав мину поблизости от наших траншей, они бросились вслед за взрывом и ворвались в расположение наших передовых отрядов, несмотря на жесточайший картечный огонь и большие потери. Самые фанатичные и смелые ворвались в траншеи. Завязалась кровопролитная схватка. На русские траншеи накатывались все новые волны турок. И тут, оправившись после замешательства, вызванного взрывом турецкой мины, пришли в себя гренадеры Воронежского полка и ударили в штыки. Удар был таким стремительным и неожиданным, что турки отступили.

Вскоре после этого русские взорвали свою левую мину под неприятельским гласисом. Гренадеры и рабочие бросились к образовавшейся воронке и укрылись в ней. Турки, спохватившись, атаковали воронку, но, встреченные убийственным огнем, вынуждены были отступить, неся большие потери. Еще не раз пытались отбить они воронку, но каждый раз откатывались в крепость.

6 сентября была взорвана правая мина, и новая воронка послужила укрытием для штурмующих гренадер.

Так планомерно и последовательно шла осада крепости.

Графу Панину передали слова перебежавшего из крепости валаха, что Эмин-паша заставил весь гарнизон дать клятву сражаться до последней капли крови и для подкрепления этой клятвы ел вместе со всеми кровавую кашу. Так что бой предстоял серьезный, беспощадный.

8 сентября была обнаружена и обезврежена неприятельская контрмина как раз напротив центра наших подступающих к крепости траншей. В подземных галереях, которые вели с обеих сторон к этой контрмине, возникла ожесточенная перестрелка. И на этот раз туркам не удалось сорвать подготовку штурма.

Казалось бы, все было сделано по законам военного искусства. Инженер-генерал-майор Гербель проявил все свое мастерство и опыт. Нужно было пробить брешь в крепостной стене, захватить гласис крепости и штурмовать Бендеры. Но граф Панин все еще медлил. Его беспокоила вполне естественная мысль: «А что будет, если штурм не удастся? Снова осада?..» Он направил Румянцеву письмо, в котором еще раз убедительно просил предоставить в его распоряжение значительный отряд, способный прикрыть его войска во время штурма, а в случае неудачи повторить атаку.

В ночь на 16 сентября, получив от Румянцева уведомление, что бригадиры Игельстром и Ржевский со своими отрядами следуют к Бендерам, граф Панин отдал приказ штурмовать осажденную крепость... Вскоре раздался ужасающий взрыв: это средняя мина, начиненная 400 пудами пороха, взлетела на воздух, причинив большие разрушения в укреплениях неприятеля. К тому месту бросились штурмовые гренадерские роты, встреченные сильным огнем турок. Наступившая темь словно непробиваемым панцирем прикрыла наступающих. Только на слух можно было определить, что на валу завязался жаркий бой.

Граф Панин не стал дожидаться просьб о помощи и бросил резервные команды, взятые из дивизии генерал-

поручика Эльмпта.

Все три колонны, штурмовавшие Бендеры, почти одновременно вступили на главный крепостной ров. Тогда гренадеры ожесточенно ударили в ворота. Но прочные, обитые толстым железом ворота выдержали натиск. Попытки изрубить или разбить их тоже ни к чему не привели. Ворота остались неприступными. Но тут подоспели штурмовые лестницы...

Все колонны несли потери. Турки с поразительным ожесточением сопротивлялись. Даже и тогда, когда русские ворвались в город, бой продолжался на улицах, в домах, за каждый метр земли. Город уже пылал, повсюду в ужасе метались люди, но тушить пожар, который, казалось, охватил весь город, было некому.

Тогда турки предприняли отчаянный и смелый маневр... Ранним утром, когда бой еще продолжался, они заметили, что все русские силы сосредоточены на штурме: пехота нацелена на крепость, задние траншеи для прикрытия были заняты спешенными карабинерами, пикинерами и гусарами. Лишь кавалерийские части по-прежнему совершали объезды вокруг крепости. В этот момент 500 человек отборной пехоты турок и 1500 лучшей конницы незаметно для русских вышли через ворота, обращенные к Днестру, и по берегу, лощинами, буквально просочились на левый фланг армии. Они намеревались ударить с тыла, отвлечь на себя основные силы штурмующей армии и тем самым спасти крепость от полного разгрома.

Левый фланг армии был прикрыт несколькими эскадронами под командой волонтера Дюринга, который тут же и повел своих кавалеристов против турецкого отряда. Не ввязываясь в бой, турки быстрым маршем устремились к обозам, слабо защищенным командой нестроевых солдат под начальством генерал-поручика Ренненкампа. Расчет был точным. Уничтожить обозы – это значит нанести большой ущерб

армии. Такого она не могла допустить. И первыми увидели смертельную опасность для армии те, кто сражался на крепостном валу.

Полковник Фелькерзам, одним из первых почувствовавший опасность, приказал своим егерям выйти из боя и в спешном порядке направиться на защиту обоза. Заметив движение егерей, и другие отряды двинулись к обозам. Опытный генерал-поручик Эльмпт, которому донесли об угрозе, направил туда подкрепления. Генерал-поручик Вернее и генерал-майор Зорин привели к обозам несколько эскадронов кавалерии. Волонтеры Талызина, спешенные кавалерийские части, расположившиеся в задних траншеях для прикрытия штурмовавших, казаки наблюдательных постов - все свободные от штурма устремились к обозам.

Особую расторопность и распорядительность проявил донской полковник Иловайский, успевший со своими казаками обогнать турок и встретить у обоза, внося замешательство в их ряды.

А между тем уже большие силы стягивались сюда, беря в клещи 2 тысячи турок. Окруженный со всех сторон неприятель, хотя и понял всю безвыходность своего положения, сражался до последнего; остатки пехоты сложили оружие, и лишь два старших начальника оказались в плену, а весь отряд полег в бою.

И осажденные и штурмующие видели драматический ход событий в поле, за стенами крепости. Как только исход полевого боя был предрешен, граф Панин снова повернул все свои войска против крепости, очищая улицы от неприятеля и подходя к замку, где скрылись турки.

В восемь часов утра из замка вышли депутаты, предложившие условия сдачи.

Граф Панин гордо покачал головой:

- Поздно вести переговоры, когда весь город взят. Вы должны принять наши условия. Объявляю весь гарнизон пленниками ея величества.

Около 12 тысяч турок «обоего пола» оказались пленниками. Город, между крепостными стенами и замком, выгорел почти дотла. Так что пришлось жителей разместить недалеко от военного лагеря в землянках.

Пленные были в плачевном состоянии, а наступившие холода заставили графа Панина выдать им зимнюю одежду. Отправили их в Переяславль на подводах, Эмин-пашу в карете, старших начальников в колясках. Но до Переяславля им не довелось дойти: по слухам, там открылась моровая язва, и пленных вместе с конвоем расположили на зиму в Золотоноше, Ирклееве, Кановцах, Голмазеве, Песчаном, Липлееве, Егатине, Домантове, Хоровке и их окрестностях.

Большие деньги были затрачены на содержание пленных.

Граф Петр Иванович Панин, казалось бы, сделал все, что от него зависело. Но в Петербурге были недовольны его действиями, хотя это недовольство скрывали за высокопарными похвалами, расточаемыми в его честь как победителя Бендер.

И Панин тоже был недоволен. Ему казалось, что его труды были недостаточно вознаграждены, что он вполне достоин фельдмаршальского жезла. Он еще по инерции занимался делами второй армии, но уже начал хандрить, поругивать Екатерину II, выражая тем самым явное недовольство своим положением.

Наконец, сказавшись больным, он попросил увольнения из армии.

Глава 3

Единственный в мире

Невозможно представить себе земного уголка прекраснее, чем Царское Село в теплую и ясную погоду. Екатерина II после утренних обычных занятий выходила в сад и подолгу гуляла в сопровождении любимых собачек по ухоженным дорожкам сада, любовалась пышной растительностью, мраморными скульптурами греческих и римских героев и богов.

Последние дни сентября 1770 года она проводила в Царском Селе. Под ногами шелестели опадавшие листья, хмурилось небо. Но тучи убежали к морю, и с неба снова лились теплые лучи.

Екатерина шла к озеру. «Да, видно, правду говорят англичане, что Царскосельский сад становится единственным в мире. А уж они-то побывали повсюду, могут сравнить. И то: сколько трудов я положила, чтобы приезжавшие сюда справедливо восхищались и гордились трудами рук человеческих, – думала она, подходя к озеру. – Вот Мраморный мост уже начали возводить... Где-нибудь в центре озера нужно воздвигнуть Чесменскую колонну, дабы помнили наши потомки о славной битве на Средиземном море. И кагульскому герою нужно оставить память здесь...»

И мысли самодержицы российской потекли по привычному для нее руслу. Этот год был не только годом славных побед русского оружия на суше и на море, но и годом всевозможных дипломатических осложнений. Особенно беспокоили Екатерину встречи австрийского императора Иосифа и прусского короля Фридриха II. Коварство старого воина и дипломата она хорошо успела узнать, а пылкое честолюбие молодого императора, мечтающего прославиться в веках, тоже

вполне понятно... Так что она приложила все усилия, чтобы получить информацию об этой встрече.

«Я желаю мира от всего сердца, – думала она, – желаю не потому, что не вижу способов продолжения войны, а потому, что кровопролитие несообразно с моими чувствованиями. Если же Мустафа не оставит своей кичливости, то надеюсь, что в будущем лете мы уверим его, что лучше уступить обстоятельствам для спасения государства, нежели упрямством доводить его до крайности. Забавно, что турки уверяют, будто мы не можем долго вести войну. Если бы страсть не обладала этими людьми, то как могли они забыть, что Петр Великий вел войну в продолжение тридцати лет то с этими же турками, то со шведами, то с поляками, то с персами, а империя не была доведена до крайности. Напротив, Россия из каждой войны выходила более крепкой, чем была прежде. Каждая из этих войн порождала какой-нибудь источник, который давал новый толчок торговле и оборотам... Войны возбуждали промышленность. Если так называемые государи христианские, держащие сторону мусульман, завидуют успехам этой войны, то должны винить самих себя: кто велел им возбуждать турок против меня, не предвидя последствий? А в России все идет своим порядком. Есть области, где почти не знают, что у нас два года война. Нигде нет ни в чем недостатка, поют благодарственные молебны, танцуют и веселятся... А вот венский двор засуетился, все больше доброжелательности оказывает туркам, а на нас смотрит завистливым оком, опасаясь, как бы мы не удержали за собою Молдавию и Валахию, не сделались бы чрез то ближайшим их соседом... А если будем соседями, то в обиду единоверцев наших не дадим никому. Да, у венцев есть причины больше опасаться нашего соседства и инфлуэнции в европейских делах, нежели турецкой...»

Екатерина задумчиво смотрела на пруд, на деревья, ветки которых низко спускались к воде, а мысли ее были далеко-далеко - в Берлине, Вене, Константинополе, Стокгольме, Париже... Поразительна была ее способность вбирать в себя всю информацию и делать из нее самостоятельные выводы... Переговоры Фридриха II и Иосифа II особенно беспокоили Екатерину. Фридрих уже не раз писал ей, что Шуазель попытается извлечь как можно больше выгоды из брачного союза дофина Франции с дочерью эрцгерцогини Марии-Терезии. А это означает, что он будет всячески подталкивать Австрию к войне с Россией из-за того, что русскими заняты Молдавия и Валахия. Она тогда написала Фридриху, что не стремится к завоеванию новых земель. Но первым условием переговоров с Турцией должно стать непременно освобождение ее министра Обрезкова из Семибашенного замка и возвращение его на родину. До этого никаких переговоров она не намерена вести. Кроме того, она обязана защитить греков, выступивших в борьбе с турками на ее стороне, а потому их безопасность должна быть гарантирована.

Летом произошли такие громкие события, что сейчас, думалось ей, турки и европейские державы, опекающие их, станут сговорчивее. После Кагула и Чесмы ее надежды на скорый мир были вполне реальными и обоснованными. Одновременно с этим она хорошо знала своих «друзей» - прусского короля Фридриха II и австрийскую эрцгерцогиню Марию-Терезию, которая сделала своим соправителем сына Иосифа II. Когда Пруссия и Австрия воевали между собой во время Семилетней войны, а потом все время враждовали из-за земельных противоречий, ослабляя друг друга, Россия в это время усиливала свое влияние на европейские дела. Но сейчас, если Австрия, Пруссия и Франция объединят свои усилия и начнут помогать

Турции, то могут возникнуть всяческие для России осложнения и утраты. Так что мысли Екатерины постоянно вращались вокруг встречи двух коронованных особ в Ништадте Моравском.

«Как могла Мария-Терезия согласиться на встречу сына со своим заклятым врагом, столько отнявшим у нее и столько пролившим австрийской крови? – недоумевала Екатерина. – Да что уже с нее взять... Вот тебе религиозная и совестливая старушка, уверявшая, что она никогда не вступит в союз со своим противником и не будет воевать с Россией, никогда не обидит католическую Польшу. А похоже, что именно Польшу-то и договорились обидеть. Давно зарились Пруссия и Австрия на польские земли, а сейчас как же не воспользоваться смутами там...»

Екатерина кое-что знала о разговорах, которые вели Фридрих и Кауниц во время встречи в Ништадте. Иосиф, естественно, тоже присутствовал, но все дела вершил опытный и хитрый министр. «Торопятся, спешат договориться, как помешать мне заключить выгодный мир, – думала Екатерина. – Видно, Турция попросила Пруссию и Австрию о посредничестве...»

Екатерина оторвала взгляд от озерной глади и обернулась на шорох листьев. К ней подходит Никита Иванович Панин.

– А-а, вот вы где, ваше величество... Я осмелился побеспокоить вас по чрезвычайному делу: прибыл курьер из Потсдама с письмом от короля.

– Легок на помине, а я только что думала о нем. Не дает мне покоя встреча в Ништадте.

– Через несколько дней в Петербурге будет принц Генрих. Он уже на пути к нам, – почтительно напомнил Панин о приглашении брата прусского короля, которое сделала Екатерина после встречи короля и императора в Ништадте.

- Наш добрый и верный союзник считает в настоящую минуту, что мир необходим для избежания всеобщей войны, которую Франция старается воспламенить в Европе. Придется на Государственном совете обсудить письмо прусского короля и ответить ему. Мы тоже хотим мира, но начинать переговоры о мире не будем, пока наш посол Обрезков томится в Семибашенном замке. Его должны отпустить и тут же представить ему возможность покинуть Турцию и вернуться в Россию.

Панин, слушая Екатерину, что-то записывал, лихорадочно обдумывая, что сказать своей повелительнице.

- Ваше величество, я предполагаю, что австрийцы не случайно закладывают магазины на венгерской границе. Да и по другим моим сведениям, они готовятся к войне с нами, если мы не оставим Молдавию и Валахию.

- Да полно вам, Никита Иванович. Не поверю я, чтоб Австрия на нас напала. Фридрих уже давно меня Австрией страшит. Не хочет платить субсидию, пока я веду войну. Не мы ж напали, а Турция, так что наша война - это война справедливая.

- Платить не хочет, а приобрести что-нибудь в итоге этой войны мечтает. - Панин хорошо знал планы прусского короля. - Я вам уже докладывал, ваше величество, о разговоре с Сольмсом. Около года назад он говорил мне о политическом проекте графа Линара, за которым, подозреваю, стоит сам король. Так почту за необходимое напомнить вам, ваше величество...

- Прекрасно помню наш разговор, Никита Иванович... Граф Линар предлагает Австрии и Пруссии принять участие в войне с Турцией, а после победоносного ее окончания, в чем граф не сомневается, Австрия получает польский округ Ципс и город Лемберг с его областью, Фридрих - Польскую

Пруссию с Вармиею и право покровительства над городом Гданьском. А мы в вознаграждение за военные издержки тоже можем взять себе часть Польши.

Екатерина умолкла в задумчивости.

Панин воспользовался паузой.

- Сольмс допытывался тогда, что же возьмет себе Россия. Я сказал, что у нас и без того столько земли, что трудно с ее управлением справиться. Нам нужно только несколько пограничных областей. Да и вообще, ваше величество, стоит ли труда, чтоб таким трем великим державам соединяться только для того, чтоб отбросить турок за Днестр! Необходимо выгнать турок из Европы, освободить христианские народы в Азии... Союз трех дворов может стать лучшим и надежнейшим средством для обеспечения спокойствия христианства. Константинополь и области, которые остались бы за османами, могли бы образовать республику.

«Ох, не любит Панин самодержавных властителей! Повсюду хочется ему учредить республику на манер шведской», - мелькнуло у Екатерины. А вслух она сказала:

- Нет, Никита Иванович, не согласится на это король. Да и не забывайте про Англию, которой нужна сильная Турция, как противовес нам на Востоке и на Черном море. Турки пока плотно запирают нас в Черном море, не давая выхода на морские просторы. Чесменская битва - это только первый для них урок. Пока они начнут считаться с нами...

Екатерина замолчала, увидев в конце дорожки, по которой они шли, графа Орлова. До сих пор она любила его, радовалась встречам с ним, скучала, если он куда-нибудь пропадал. Бывало... Бывало, и пропадал. А потом являлся веселый, прекрасный, как молодой бог, и она все прощала ему.

- Так вот, Никита Иванович, пока они начнут считаться с нами, пройдет немало времени. Поэтому

надо бить их на суше и на море. Слышала я, что наши корабли вошли в Дарданеллы и угрожают Константинополю. – Высказав свою заветную мечту, Екатерина внимательно посмотрела на Панина.

Но тот сокрушенно покачал головой:

– Нет, ваше величество, слух оказался ошибочным. Алексей Орлов так и не решился на активные действия после Чесмы, промедлил, и турки пришли в себя после такого разгрома.

– Значит, не стоит ждать скорого мира. Ну что ж, будем продолжать поиски мира в Европе. Но только мы не можем согласиться на посредничество прусского короля при заключении мира с Портою. Обойдемся без посредников. В этом духе и подготовьте письмо Фридриху. Первое – это Обрезков. Второе – мы отказываемся от посредничества не только Пруссии, но и Австрии и даже Англии, которая оказала нам немало услуг.

При виде приближающегося Григория Орлова Панин забеспокоился, нервно поглядывал по сторонам, словно в поисках убежища, куда можно скрыться от надвигающейся опасности. Екатерина знала о неприязни двух близких ей людей и, понимая состояние Панина, сказала:

– Как славно обсудили мы европейские дела, Никита Иванович. Мы еще продолжим наш разговор. Надеюсь, вы сегодня вечером придете играть в карты?

– Да, конечно, ваше величество, – сказал обрадованный Панин, откланиваясь императрице.

Панин и Орлов вежливо раскланялись и гордо разошлись в разные стороны.

Григорий Орлов склонился в почтительном поклоне перед императрицей. Многое она позволяла ему, но внешне соблюдалась приличия, и он по-прежнему отдавал ей все почести, которые предписывались дворцовым этикетом.

Напряжение спало, она могла просто погулять и отдохнуть с любимым человеком. Европейская политика с ее тонкостями, противоречиями и хитростями как бы отошла на второй план, сиюминутная жизнь полновластно захватила императрицу. Глядя на Григория, который, захлебываясь от восторга, рассказывал об охоте, о забавных приключениях, которые произошли за два-три дня его отсутствия, Екатерина чувствовала, как и в нее вливается этот молодой восторг неистраченной души. «Господи, сколько уж лет мы вместе, а так увлечена им, как и в первые месяцы нашей близости... И делает со мной что захочет... Удивительный человек! Как он умеет руководить мною и направлять мои действия, но ни разу не дав понять мне это свое руководство... Неужто правда, что все гениальные люди как дети, которых надобно водить на помочах, но боже нас избавь от того, чтоб дать им понять это. Может, и я – гений, то есть дитя, которое Орлов водит на помочах?»

Екатерина улыбнулась при этой мысли. А Орлов, поняв эту улыбку по-своему, еще более разошелся. На этот раз он уже рассказывал дворцовые сплетни, которые успел услышать.

– Говорят, что принц Генрих мал ростом, толст, неуклюж, угрюм. Вот весело нам будет с ним...

«Вот она, злоба дня... Принц Генрих, а это значит балы, фейерверки, приемы... Тут неподражаем граф Орлов. И я пойду за ним, как дитя на помочах. Вот ведь удивительное состояние! Я всегда чувствовала в себе большую склонность отдаваться в руководство людям, знающим более меня, под условием, однако, чтоб они не давали мне почувствовать, что имеют желание и претензию быть моими руководителями, потому что тогда я убегаю от них со всех ног. Изю всех людей, способных приходить на помощь этой моей склонности,

я не знаю никого, кто бы так отвечал ей, как граф Орлов».

- А Панин опять приходил просить за прусского короля, без услуг которому не может и дня прожить? - неожиданно повернул свой разговор в сторону политики Орлов. Это он только слыл ветренным, а на самом деле его глубоко интересовали все те же проблемы мира и войны, которые волновали и Екатерину. Но многое из того, что творилось в мире, он воспринимал по-своему, независимо, следуя здоровому инстинкту неподкупного человека.

- Да, Панин принес письмо от прусского короля, который обещает свое посредничество при заключении договора с турками.

- А вы что решили?

- Мы отказались от посредничества и согласились на добрые услуги верного союзника.

- Ишь как торопятся с заключением мира! Ты, всемилостивейшая, не соглашайся на худой мир... Как мы их летом-то поколотили, можно многое извлечь из этих побед. А прусский король, понятное дело, торопится с заключением мира, потому что не хочет платить 480 тысяч рейхсталеров по заключенному трактату в случае нашей войны с турками.

- А если с Австрией будем воевать, то он должен помогать России войсками. Таков уговор. И хорошо, что есть такое условие, а то Австрия уже готовит магазины на венгерской границе. Ей не понравилось, что мы выгнали из Валахии и Молдавии турок и предоставили свободу и независимость христианским народам.

- Нет, пожалуй, она не против нас нацелилась, а против Польши. Вот увидишь, откусит кусок от Польши. Кто-то мне из дипломатов говорил, что в Ништадте договорились об этом. Фридрих округлит свои владения на севере, а Австрия - на юге. Но я не поверил, а тут, пожалуй, так оно и будет.

Они вошли во дворец. И сразу попали в комнаты, принадлежащие императрице. Их встретили придворные, и все пошло по расписанному ритуалу. Поклоны, любезности, улыбки...

Кабинет, где вскоре оказалась Екатерина, был скромно обставлен всем необходимым для работы. Массивный стол, письменный прибор, бумага, ровной стопкой лежавшая на привычном месте, покойное кресло. Как хорошо снова остаться одной и предаться своим размышлениям! А подумать было о чем... Столько горячих точек на карте мира привлекало ее ум и беспокойное сердце. Нет, она вовсе не хочет новых земельных приобретений, России достаточно и того, чем она обладает. Но ее раздражает растущее в Европе неуважение к русским интересам. Франция постоянно вмешивалась в ее домашние дела с Турцией и Польшей. Дела в этом году шли вроде бы неплохо, грех жаловаться. Румянцев, Алексей Орлов, Петр Панин... Одни блестяще, мужественно и бесстрашно свершили свои героические подвиги, как, например, Румянцев, другие - как Панин... А, пусть его, победителей не судят, говорили древние, не будет строго судить и она его, покорителя Бендер, от которых ничего не осталось, так что пришлось рыть землянки для местных жителей, одевать и кормить их, не говоря уж о пленных, которые дорого обошлись казне. Насколько человечнее поступает Петр Александрович Румянцев, предлагая турецкому гарнизону сдать крепость и уйти с почетом. Пусть они побеждены, но уходят с оружием в руках и снаряжением. А Панин все пожег... Правда, говорят, что и сами турки жгли свое имущество, дома, чтобы не досталось русским. В Бендерах вообще какое-то невероятное упорство показали турки. Есть мужественные воины и у них, не все в сералях растеряли свое природное достоинство...

Екатерина Алексеевна хотела мира. Победы русского оружия на суше и на море внушали ей серьезные надежды на скорое заключение мира. Турки тоже хотели мира и обратились к посредничеству Австрии. И молодой честолюбивый император Иосиф II решил воспользоваться этим обстоятельством для удовлетворения собственных выгод.

По документам нетрудно проследить влияние Австрии и Пруссии на ход европейской политики. О встрече с прусским королем в Ништадте князь Кауниц доносил эрцгерцогине Марии-Терезии: «В прусском короле я не нашел ни всего хорошего, ни всего дурного, что о нем мне наговорили. Фридрих начал разговор со мною с того, что сильно желает скорейшего заключения мира между Россией и Портою; он хотел меня уверить, что это гораздо нужнее для нас, чем для него, ибо при несомненных успехах своего оружия русские перейдут Дунай, чего мы позволить не можем и, таким образом, будем вовлечены в прямую войну с русскими...» Россия воевала, а Пруссия и Австрия продолжали за ее спиной интриговать, стараясь как можно больше урвать в результате ослабления двух воюющих держав. Во всяком случае, так думалось и Фридриху, и австрийцам.

Фридрих, чувствуя свою силу, отчетливо понимал, что австрийцы без него ничего не могут достигнуть в Европе. Но и он действительно не хотел войны, свято помня слова своего отца: «Я первый ставлю ногу в Берг, сын мой приобретет другие места, а сын моего сына – Дюссельдорф и так далее». Это был уже не тот Фридрих, который метался с западной границы своего государства на восточную, чтобы помериться силами со своими противниками, нет, это был уже осторожный, хитрый, дальновидный политик, считавший, что мирными средствами можно больше достичь, чем военными. Он платил полумиллионную субсидию по договору с Россией, но лишь бы не воевать... Кауниц во

время переговоров просил Фридриха повлиять на русскую императрицу, что вполне естественно для доброго союзника. Но, верный своей политике хитрить и набивать себе цену, Фридрих отвечал: «Вы не знаете русской императрицы, она очень горда, очень честолюбива, очень тщеславна, и поэтому ладить с нею трудно; так как она женщина, то с нею нельзя говорить, как мы говорим с министром; с нею надобно поступать осторожно, чтоб не раздражить ее...» Во время переговоров хитрый король догадался, что Австрия и Франция не решатся вмешиваться в русско-турецкие отношения из-за своей военной неготовности, даже переходу Румянцева за Дунай они не могут воспрепятствовать. Так что союз Франции и Австрии, по виду такой многообещающий, на самом деле никого не должен обмануть, в особенности короля и русскую императрицу.

А пока Фридрих и австрийские представители Марии-Терезии, Иосиф и Кауниц, пришли к заключению «Политического катехизиса»*, в котором, в частности, говорилось: «Ни один из двух дворов во всем том, что не будет прямо противно его интересам, не воспротивится выгоде другого, если дело не будет чрезвычайной важности. Если же дело будет идти о приобретениях значительных или очень важных, то об этом дружески предупредят друг друга и заблаговременно условятся о взаимной и пропорциональной выгоде, на которую один из двух дворов не только согласится, но и в получении которой будет добросовестно содействовать другому, если нужда того потребует».

Вскоре выяснилось, что Австрия воспользовалась своими правами, которые следовали из этой статьи «Политического катехизиса», еще до встречи в Ништадте, заняв польские области Ципс, Новитарг, Чорстын и богатые соляными копами Велички и Бохни

под тем предлогом, что эти земли до 1412 года принадлежали Венгрии, а в это время были заложены Польше.

С.М. Соловьев, анализируя политическую обстановку в Европе, писал: «Когда катехизис был принят Фридрихом, то венский двор и объявил, что удерживает за собою занятые земли, как прежде принадлежавшие Венгрии. Понятно, что если Австрия первая воспользовалась катехизисом, то надобно было ждать, что воспользуется им и Фридрих. По возвращении из Ништадта Иосиф и Кауниц один сильнее другого внушали Марии-Терезии, что с содействием прусского короля все пойдет хорошо, а без него нельзя ничего предпринимать, и Кауниц прямо представлял, что Фридриха за войну против России надобно вознаградить Курляндиею и Семигалиею. «Конечно, – писал Кауниц, – королю гораздо было бы приятнее получить польскую Пруссию и епископство Вармийское, но такие приобретения были бы очень значительны, и Австрия не могла бы никак согласиться на них без соответственного увеличения своих владений; это увеличение должно произойти вследствие присоединения земель от Польши и от Турции по соглашению с обеими державами». «План раздела, – отвечала Мария-Терезия, – широко задуман, но он выше моих понятий». Иосифа не останавливали эти замечания матери; после свидания с Фридрихом политика захвата взяла верх в Вене, здесь уже не боялись более русских успехов в войне с турками. По мнению Иосифа, Тугут должен был уговаривать Порту, чтоб она не заключала слишком невыгодный для себя мир с Россиею, должен был уверить ее, что сохранение Турции и ее благосостояния Австрия принимает горячо к сердцу и окажет ей сильную помощь по требованию обстоятельств и в надлежащее время. «Образ наших действий определен, – писал Иосиф брату Леопольду, –

он состоит в том, чтоб представлять королю прусскому все опасности от усиления России и предложить ему действовать вместе всеми средствами для воспрепятствования этому; если он не предложит ничего, то мы будем препятствовать скорому и постыдному миру, какой может заключить Порта. Другая кампания ослабит обе воюющие стороны и может или уменьшить выгоды России, или увеличить их в такой степени, что мы должны будем действовать».

Таково было положение в мире накануне приезда принца Генриха в Петербург, которого так ждала Екатерина и так опасалась. Она многое слышала и знала о союзе Австрии и Пруссии, Франции и Польши, Франции и Австрии. А тут еще рушились привычные отношения с Данией, другими европейскими государствами. «Все непрочно в этом мире, привыкаешь к одному, понадеешься на друзей, а не заметишь, как потеряешь, - думала Екатерина после прогулки по Царскосельскому парку. - Послушаешь графа Орлова, хочется последовать за ним, слушаешь графа Панина, получается чуть ли не противоположное... Вот два близких человека мне, а как они противоположны по своим действиям, характерам, склонностям... Не любят друг друга, постоянно предсказывают различные мнения... Вода и огонь не столько представляют различия, сколько эти люди. Сколько уж лет эти два советника напевают мне с двух сторон, каждый свое, а дела, однако, идут и идут. Зато мне приходится часто поступать как Александру с гордиевым узлом, только тогда стороны приходят к соглашению. Смелость ума одного и умеренная осторожность другого, а мне приходится выступать курц-галопом между ними. А как теперь быть? Ведь и принцу Генриху каждый из моих советников будет дуть в уши свое... Ну ничего, видно, он не будет торопиться с возвращением к брату,

поживет здесь. Закрутим его в хороводе балов, торжественных ужинов и званых вечеров... Справимся. Каждая страна способна доставлять людей, необходимых для дела, и так как все на этом свете есть дело человеческое, то люди, стало быть, могут и с этим управиться. Вот Орлов и Панин... Каждый по-своему воспользуется приездом принца Генриха. Вот и крутись между этими столь противоположными людьми... А ведь пока действительно кручусь... Никого не обидела, всех наградила, все у меня при деле, по мере сил стараются, одни в одном больше понимают, другие в другом. А одной-то разве справиться с такими хитрецами, как Шуазель, заклятый враг нашего государства и моей особы, как Фридрих, Кауниц, Мария-Терезия... Да сколько их, ведь все завидуют нашим богатствам и зарятся увеличить свои за чужой счет... Вот смысл европейской политики. И англичане такие же, только еще более хитрые и ловкие. А что, если придется начинать и третью кампанию в будущем году? Румянцев спрашивает о наших намерениях, а что мы можем сейчас сказать, когда столько еще неясного... Но пусть неясности преодолевают царствующие особы, а военные должны точно знать наши повеления и виды на будущее. Так что графу Румянцеву следует отписать, что раз он имеет в своих руках крепости Килию и Измаил, обе на Дунае, то, кажется, самое время готовить свои корпуса к переправе через Дунай к Варне или из Дуная морем для нанесения удара в самое сердце Оттоманской империи. Посеять чрез то страх и трепет, дабы ускорить восстановление мира, а то лишь разговоры идут о нем. Нанесешь чувствительные удары, скорее сообщают... И пусть Румянцев сам начинает сношения с верховным визирем, предлагая ему вступить в мирные переговоры, нам нечего ждать посредников. К тому же нужно предупредить его о флотилии Сенявина, коему предписать надлежит в

согласие вступить с ним... И удастся ли графу Петру Панину в переговорах с крымскими татарами достать Керчь и Тамань, дабы облегчить проход Сенявину...»

Подошел вечер, а с ним уже совсем иные заботы – смех, веселье, карты.

Глава 4

Торжественная встреча

Четкими колоннами во главе с фельдмаршалом (этим званием он недавно был отмечен) Румянцевым 18 ноября 1770 года приближались к Яссам пехотные полки – 1-й и 3-й Гренадерские, Новгородский, Куринский, гренадерский батальон Белавина. Навстречу русскому фельдмаршалу выехал молдавский гарнизон под командой ратмана Василия Разула. До лагеря, разбитого в двух верстах от города, Румянцева и его войска сопровождала национальная музыка молдаван, веселые, радостные улыбки, крики в честь освободителей.

В русском лагере встретили духовенство в торжественных одеждах, члены дивана, знатные бояре, дворяне, купцы, ремесленники. Румянцев сошел с коня, по обычаю христианскому приложился к кресту и Евангелию, принял благословение от ясского митрополита Гавриила Коломаки, который, как свидетельствует очевидец, «устаи общества поздравлял его со всеми знаменитыми победами над неприятелем турком, радуясь, что его мужественным предводительством свершилось благополучие». Бояре дивана также возблагодарили его сиятельство.

По окончании взаимных приветствий Румянцев пригласил духовенство и светских чинов в свою палатку. Здесь они, «приняв пристойное себе угощение», стали прощаться, пригласив завтра его в свой город.

Гости ушли, а в палатке главнокомандующего долго еще горели свечи. Дежурные генералы выслушивали приказания на следующий день, под диктовку Петра Александровича писаря писали рапорты и ордера. И,

сломленный усталостью и переживаниями трудного дня, Румянцев наконец лег на походную кровать. Но сон к сорокапятилетнему фельдмаршалу не шел, отгоняемый тяжкими раздумьями. Все напоминают ему его победы при Кагуле и Ларге. Действительно, русская армия тут победила превосходящего по силам неприятеля... Честь и слава русскому оружию! Но сколько несуразностей творится в русской армии, сколько беспорядка и столкновений происходит из-за неудовлетворенного тщеславия, из-за нераспорядительности частных начальников, а порой и просто из-за глупости, чванства, самодовольства и других человеческих пороков, лени в том числе! И много еще придется потрудиться, чтобы избавиться от них. Вот его родственник граф Брюс... Стоило ему указать на его нелепые распоряжения во время простейших операций, как он тут же подал прошение об отпуске из армии по болезни. А ведь он все разъяснил в своем ордере генералу Брюсу, нужно было лишь следовать его указаниям, но нет... Противник ушел без боя, а можно было б его окружить и разбить, и тогда сейчас были бы и Бухарест и Браилов свободными от турок... «При Фальче долго его держали какие-то непреодолимые препятствия, да и в самом начале движения его корпуса были какие-то необъяснимые перемены, которые отдаляли его от мер и предположений моих, на которые я направил вверенный ему корпус. Оставалось только сожалеть, что мои распоряжения не производят своих действий. Только слух разнесся, что турки намерены переправиться через Дунай против Браилова, как он тут же отступил, даже не видя неприятеля... И это после Кагула и Ларги! Ведь до него маленькая команда капитана Богданова все сии места держала под контролем вплоть до Никарешти, а у Брюса, по его словам, оказалось недостаточно людей, хотя он имел

такой прибавок в легких войсках... Я, конечно, знаю, какое число людей может исполнить то или иное задание, следственно, всякое мое повеление соразмерно тем словам, которые надобны, я все учел, и мои подчиненные должны точно исполнять, что им повелевается... Если б он своевременно занял Фокшаны, то сейчас мы не стояли бы около Браилова. Да и сменивший его Глебов столько сделал ошибок... Не успел принять команду, как тут же высказал опасения, что корпус его может быть атакован неприятелем со стороны Бухареста. Может! Но что из этого следует? Только прояви воинскую предусмотрительность, не более того. Ссылался на осеннее время, на дожди. Ведь и вся армия переносит ту же погоду. А в его корпусе половина людей совсем не несла трудов нынешней кампании.

И вот 24 октября Глебов послал свой корпус штурмом на Браилов... И что же? Полный конфуз. Удивляться тут нечему... Командующий штурмом, учреждая приступ на крепость, не обзрел пути, к тому ведущие, не заметил, что пред оною есть лагерь неприятельский, который и встретил штурмующих огнем. Пришлось послать еще шесть полков под командой генерал-майора Хераскова для новой атаки Браилова. Пришлось также предпринимать следующее: сикурс пришедший, что стоит под Браиловом, долго там держаться не может по той причине, яко в крепости оному поместиться неудобно. Тела же убитых людей и скота своим смрадным тлением понудят тем паче его убираться... Удивительнейшее дело, пришлось генералу Глебову все растолковывать, как ребенку. А распоряжение Глебова после отступления от Браилова, которое он дал полковнику Каковинскому? «Чтоб он потому к своей предосторожности меры взял». Вот полковник Каковинский и полз к Бухаресту, пока я не послал бригадира Гудовича с командой... Просто не

укладывается в голове, как люди берутся командовать тысячами себе подобных, не имея к тому никаких данных... Я все легкие войска направил Глебову, конечно, не для осады крепости, где их действия бесплодны, а для того, чтобы распространить ему свои действия на Валахию. Следовало бы наипоспешнее завладеть городом Бухарестом, выслав туда сразу же сильный деташемент, а он посылает туда полковника Каковинского, призывая его прежде всего «к своей предосторожности меры принимать».

Сон все-таки сморил уставшего фельдмаршала, которому так и не удалось выяснить множество вопросов, столь глубоко взволновавших его.

...Бухарест и Браилов – это последние пункты, которые необходимо было занять во время нынешней кампании. Приближалась зима, люди устали от военных тягот, обносились, лошади выходили из строя. Нужен был отдых, и Румянцев всеми силами стремился к победоносному окончанию второй кампании против турок. И все шло хорошо, но вот чрезмерная осторожность некоторых военачальников срывала весь благополучный ход кампании.

...Три недели назад Румянцев получил рескрипт Екатерины II о переходе армии на зимние квартиры, в котором она, соглашаясь со всеми его предложениями (оставить корпус для защиты Молдавии, гарнизоны в крепостях Измаил, Килия и Аккерман, второй корпус расположить в Валахии после освобождения Браилова и Журжи, главные силы армии разместить между Бугом и рекой Синюхой), высказала полное доверие к его «испытанной ревности» и «усердию к службе нашей», предполагая, что он не оставит «попечения как о удержании покоренных праведному нашему оружию мест, так о пропитании и о снабжении всем потребным наших войск и их безопасности». «Сверх того, – продолжала Екатерина, – мы за благо рассудили

поручить в ведомство ваше покоренную крепость Бендеры, но как обширность завоеванных мест не может быть обнята одною вверенною вам армиею, то и восхотели мы оную умножить шестью пехотными и двумя конными полками, кои вы вместе получите от нашего генерала графа Панина, о чем мы уже ему повелели».

В рескрипте также было рекомендовано при отходе на зимние квартиры оставить все тяжелые повозки в укрупненных местах завоеванных земель, «дабы армия ни в чем не была отягощена и тем удобнее могла оставить зимние квартиры и зачать свои действия... Мы ожидаем теперь мнения вашего о будущей кампании и надеемся, – говорилось в заключении рескрипта, – что вы, зная ныне тамошние места и способы, распорядите все к удовольствию нашему, а тогда и не оставим мы снабдить вас потребными на то время наставлениями».

Оставив лагерь при озере Ялпух, армия Румянцева 13 октября перешла реку Прут при Фальче и двинулась к столице Молдавии Яссам. Между Днестром и Прутом, вплоть до берегов дунайских, и в крепостях завоеванных Румянцев оставил корпус под командой генерала Вейсмана, которому надлежало установить взаимную связь с гарнизоном Бендер. Пользуясь рескриптом Екатерины, дававшим право на получение пехотных и конных полков из армии Панина, Румянецв определил эти полки в корпус Вейсмана. Но Панин, недовольный петербургским двором, и тут распорядился по-своему: он послал все легкие войска, оставленные при Вендорах, в сторону Очакова, к устью реки Телигул и к урочищу Гаджибея, тем самым нарушив планы Румянцева. И получалось так, что Екатерина вроде бы подчинила крепость Бендеры Румянцеву, но все это оставалось лишь на бумаге: по-прежнему войсками распоряжался Панин.

...И вот Румянцев для полного овладения Валахией и Молдавией направил сильные отряды к Бухаресту и Браилову. Браилов нужно было взять еще в сентябре. А теперь турки опомнились после тяжких поражений, укрепили крепость и получили подкрепление от верховного визиря, стоящего на правой стороне Дуная. Укреплялись и русские войска. От Панина шли осадные орудия. Бригадир Гудович пошел к Бухаресту. Из корпуса Глебова ему были выделены два батальона гренадер, Апшеронский полк, вербованные казаки, гусары и донские казаки, полевая артиллерия во главе с капитаном Карауловым. Бригадиру Гудовичу приказано было взять под команду и деташемент полковника Каковинского, которого резко осуждал Румянцев за бездарные действия и за то, что частенько ползет «вперед не скоро, а назад бежит». Румянцев приказал Гудовичу взять Бухарест, разбить неприятеля и утвердиться в том краю. Генерал Глебов должен был помочь ему, заперев неприятелю проход от Браилова к Бухаресту.

Румянцев не любил давать командирам подробных наставлений, полагаясь на их талант руководителя, личные военные способности. Но не мог обойтись без общих указаний, даже и талантливому начальнику, каким, несомненно, был Гудович. Требовал от него поддерживать дисциплину в войсках, не позволять своевольничать над местными жителями, строить укрепления после занятия Бухареста, пользоваться монастырями и «другими местами, что могут подавать к тому выгоды».

Экспедиция за Серетом все это время не удовлетворяла Румянцева. Нераспорядительность, чрезмерная осторожность, проявляемые некоторыми начальниками, вызывали законное недовольство с его стороны. Наконец, наступило время осенних дождей, холодов, слякоти и бездорожья. Пришлось сократить

наступательные операции до минимума, но держать войска в «авантажном положении», пока полки будут пополнены, подвезены военные и съестные припасы.

Генерал-аншеф Олиц возглавил все войска, действующие в Валахии. И сразу же после назначения получил предписание Румянцева выделить бригадиру Гудовичу два пехотных и кавалерийских полка для усиления. После захвата Бухареста Олицу было предписано разместить там главную квартиру и оттуда распространять свои поиски до Дуная и Ольты на западе и иметь там отделенные от легких войск посты. Второй главный пост Румянцев рекомендовал учредить в Фокшанах, третий – в Бузео. И таким образом корпус будет иметь постоянную и непрерывную связь между частями, прикрывая от турок основные дороги Валахии и держа под контролем все переправы через Дунай. Расположенные таким образом посты могут поддерживать один другого, четко взаимодействуя между собой, а главным образом могут быстро сосредоточиться в одном месте и ударить по возможным скоплениям неприятеля.

При таком расположении войск, по мнению Румянцева, можно сорвать все неприятельские замыслы по обеим сторонам реки Серет. Провиант и фураж Румянцев распорядился получать в магазине местечка Роман, недалеко от Ясс.

Двигаясь к Яссам, Румянцев 9 ноября писал генералу Олицу: «...в Валахии ж нет сомнения, чтобы не нашлось оно провианта и фуража изобильно, ежели взяты будут завременно к тому меры...»

Полагаясь на опыт и «долговременное в ремесле упражнение» старого генерала, Румянцев, тем не менее, все-таки призывает его не терять «надобной осторожности и к лучшему покою и безопасности места удобные по положениям натуральным или строением

твердым» укреплять, «чтобы на случай движений могли они малым числом быть держаны...».

После беспокойной ночи, проведенной в тяжелых раздумьях, 19 ноября фельдмаршал Румянцев покидал палаточный лагерь, чтобы занять роскошную квартиру в Яссах, приготовленную ему как главнокомандующему.

Не успел он сесть на лошадь, как увидел скачущего офицера как раз с той стороны, откуда он так нетерпеливо ждал вестей.

- Ваше сиятельство! - Офицер спрыгнул с коня и протянул ему пакет. - Бригадир Гудович взял Бухарест! Вот его рапорт о сем событии...

«Ну вот, долгожданная новость, - радостно подумал Румянцев. - Остался Браилов, и вся Валахия до Ольты, можно сказать, будет в наших руках...»

- ...Капитан Астраханского полка Григорий Шидловский...

- Отныне вы, Шидловский, секунд-майор.

- Слушаюсь, ваше сиятельство! - гаркнул обрадованный капитан.

- Господа! - обратился к сопровождавшим его генералам и офицерам граф Румянцев. - Сей вестник за свои мужественные подвиги при экспедиции бригадира Гудовича пожалован в очередной чин. Бухарест склонился пред российским оружием. Пусть эта радостная весть сопровождает нас при въезде в Яссы.

Раздались крики «ура», радостные возгласы в честь императрицы Екатерины и фельдмаршала Румянцева.

Эта весть быстро облетела Яссы, куда из Бухареста бежали многие знатные бояре, купцы, ремесленники, опасавшиеся преследований турок. И множество их вышло навстречу славному освободителю от иноземного ига. «Народ в великом собрании спешил вне города видеть столь знаменитого вождя, которого слава геройских дел всех сердца к тому воспаляла,

общество промышленников и рукодельцев, так называемые цехи, вышли за город и по обеим сторонам дороги стояли, – записывал по горячим следам событий очевидец. – Его сиятельство в препровождении чинов своего штата наперед въехал в город, с приближением его к форштадту начались пушечная пальба и колокольный церковный звон, продолжавшиеся до вступления в приготовленную ему квартиру. В городских воротах вышли встретить въезжающего командира ливанские члены и духовные чины, которые после свои поздравления приносили ему и в его квартире. Вслед за сим вступили в город и полки: прежде везена полковая артиллерия, а за оною входили в параде войски под предводительством дежурного генерал-майора Ступишина и маршировали все мимо квартиры генерал-фельдмаршала. Потом его сиятельство ходил по городу, любопытствовал видеть в оном здания и водные фонтаны, а народ упреждал везде его ход, бесконечным объят быв удовольствием и удивлением, когда господин генерал-фельдмаршал словоохотливостью со всяким гражданином, слушая терпеливо каждого подходящего к себе просьбы и делая оным немедленное удовлетворение, ознаменил в первый день блистательные свойства благодетельной своей души. В последующих днях делал визит его сиятельство преосвященному здешнему митрополиту, посещал дом Аргириябана, князя Кантакузина-вистиария и ратмана Василья Разула и у всех сих трех бояр угощен был обеденным столом, изобилие коего наибольшое в числе кушания доказывало хозяинов усердие к особе угощаемой, по обычаю, присвоенному сими людьми в род обхождения от турок».

В те же дни Румянцев получил донесения, что 10 ноября турки, как только увидели приближающийся отряд русских, без боя оставили Браилов. Гудович сообщал, что неприятель в смятении бежал за Ольту и

Дунай. Так что вполне можно было рапортовать императрице, что русские войска стали «твердою ногою на берегу Дунайском», совершив «угодное высочайшей воле вашего императорского величества».

Фельдмаршал не скрывал своей радости и удовлетворения от этой победы над турками. Правда, сначала отряды под начальством генералов Брюса и Глебова действовали не так, как он предполагал, но потом Румянцев, чувствуя всю важность этих предприятий, стал лично направлять действия генерала Глебова, не давая ему никакой возможности уклониться от выполнения поставленных задач. Да и овладеть Бухарестом и Браиловом было не так уж просто. Неприятель отступал только тогда, когда видел превосходящие и хорошо организованные силы. В этих ноябрьских операциях отличились бригадир Гудович и генерал-майор Вейсман. Усердие к службе, благоразумие, распорядительность и мужество – вот качества, которые высоко ценил Румянцев в своих частных начальниках. Румянцев давно уж распорядился, чтобы Вейсман выслал из своего корпуса деташемент в помощь Глебову для овладения Браиловом. И Вейсман блестяще проявил себя.

Румянцев в дни успешного завершения кампании этого года часто задумывался о том, что только недавно происходило на полях Молдавии и Валахии. Яссы, Бухарест, Браилов... Как обрадовался здешний народ освобождению городов и приходу русских, видя в них защиту своего спокойствия и независимости! Но сколько беспорядка в этой земле... Да и в армии под его командованием... Вот бригадир Гудович, достойный офицер, давно заслужил генерал-майорский чин, все его сверстники – генералы, а вот он все еще бригадир. Фортуна не ко всем достойным благоволит. Сколько уж он сам, фельдмаршал, находится в армии без отпуска, силы, кажется, совсем истощены, а вот не пускают,

говорят, нужен здесь... А ведь уж тридцать шесть лет непрерывной военной службы, от самого солдатства до нынешнего фельдмаршальского звания, измотали его, увечные болезненные припадки все чаще стали приковывать его к постели... И в эти минуты тяжелых телесных страданий ему приходили в голову мысли совсем оставить не только армию, но и службу вообще.

«Пусть все милостивейшая государыня отыщет себе другого такого военачальника да поручит ему не только командовать первой армией, но и завершить возложенные на меня переговоры с крымскими татарами, – думал в такие минуты Румянцев. – Да, но Крым – наиважнейшее дело, тонкое, дипломатическое; пожалуй, ничуть не менее важное, чем все завоевания за Днестром и Дунаем. Нет, нельзя бросать дело на полдороге... Напишу-ка нашей все милостивейшей императрице, что нуждаюсь в лечении и отдыхе, дабы воспрепятствовать ослаблению моих гаснущих сил... А может, дозволит остаток жизни окончить в свободе от всякой службы? Нет, нельзя бросать дело, которое не завершено. Молдавию, Валахию нельзя оставлять без нашей помощи, раз мы обещали... Да и Крым нельзя оставлять таким же вредным, каким он был много веков».

Казалось бы, Петр Александрович Румянцев был наверху своей славы и признания. Почести так и сыпались на него. Фельдмаршальское звание, Георгий первой степени, деревня, деньги – ничего не жалела Екатерина II для вознаграждения прославленного военачальника. Она знала, что за все нужно платить в ее просвещенный век... Но она знала также и то, что такого, как Румянцев, она не найдет в своей богатой талантами стране. Румянцев был не только великий главнокомандующий ее победоносной армией, но и выдающийся администратор, способный в короткий

срок преобразить завоеванную территорию Молдавии и Валахии, взыскать с этих княжеств военные издержки.

А 29 ноября Петр Александрович Румянцев пригласил к себе знатных бояр Николая Дудескула, Михаила Кантакузина, Николая Бранковано, Радукана Кантакузина и Павла Филепескула и вручил им манифест. Он рекомендовал им, как членам правительства, вернуться в Бухарест и донести содержание документа до жителей всей Валахии.

Манифест прежде всего гарантировал жителям княжества безопасность и спокойствие. Напомнив о славных победах русского оружия, Румянцев с горечью признает справедливость обвинения в том, что русские весной покинули Бухарест, оставив на произвол и гонения местных жителей... Конечно, местные жители претерпели от турок, когда русские войска ушли из Бухареста и других городов княжества Валашского, и военные резоны они считают недостаточно убедительными, но нельзя забывать и о том, что русские войска готовы были помочь жителям Валахии, если б неприятель стал бесчинствовать, разорять и тиранствовать над жителями.

«Ныне, - говорилось в манифесте, - когда все силы неприятельские разбиты и за Дунай прогнаны, когда победоносные войски российские, покрывая берег Дунайский, подают спокойствие всем сегобочным жителям, восхваляя Бога, помощника нашего, да обратится каждый из них к упражнению, обычному его званию: земледелец да прилагает руки к полевым работам, художник к своему мастерству, а торгующий на обращение своего промысла, верив моему толь истинному обнадеживанию, что войски, от всемилостивейшей государыни мне вверенные, крепкий щит уже собою поставили против всех таковых наветов, что могли бы в чем ни есть рушить утверждаемое

благоденствие народам, присоединенным державе ее императорского величества...»

Манифест брал под свою защиту не только православных христиан, но и всех жителей, «какого бы рода и веры ни были, хотя бы и сами турки», если они «заблаговременно и из доброй воли прибегнут под защиту и власть самодержицы всероссийской и против войск ее не восстанут на сопротивление». В этом случае они останутся в своих домах, «и войски российские не коснутся к их особам ни имение и ни в каком случае не лишат их участия во благах».

И так каждый раз... Сколько бы ни писал Румянцев ордеров, реляций, манифестов, чуть ли не в каждом ему приходилось напоминать, что армия его нуждается в провианте, фураже, снарядах, пушках, лошадях и пр. и пр. И в этот раз он напомнил жителям Валахии, что его воины жертвовали самым ценным – жизнью – ради освобождения христиан от турецкого ига, и пусть они уделят из обыкновенной пищи своей пропитание его воинам.

Глава 5

Надежды на мир

Лишь 4 декабря Екатерина II и великосветское общество Петербурга вздохнули с облегчением: больше двух месяцев гостивший в Северной столице принц Генрих, брат короля Пруссии Фридриха II, отбыл в Москву для знакомства с древней столицей России.

Даже самые ревностные любители балов, маскарадов и других увеселений были пресыщены двухмесячными празднествами. К тому же дважды не побываешь на празднестве в одном и том же платье. Так что всем приходилось раскошелиться, и даже самые богатые уже начинали подумывать об отъезде принца с облегчением.

У всех, однако, в памяти остался замечательный маскарад, данный для принца в Царском Селе. «...Как скоро смерклось, – восстанавливает картины празднества историк, – императрица, великий князь, принц Генрих и разные придворные особы, числом 16, сели в огромные сани, запряженные шестнадцатью лошадьми, и поехали из Петербурга в Царское Село; сани сии были обставлены двойными зеркалами, отражавшими бесчисленные предметы внутри и снаружи; за ними следовало более 2000 других саней; сидящие в них все были маскированы и в домино. В семи верстах от Петербурга они проехали сквозь огромные Триумфальные ворота, великолепно освещенные. Потом через всякие семь верст находилась пирамида, искусно иллюминированная, и против нее гостиница; в каждой из них помещены были люди различных наций, которых можно было узнать по их одеянию, пляскам и музыке. На Пулковской горе был представлен Везувий, извергавший пламя. Сие

искусственное извержение продолжалось во время ночи, пока гора была в виду поезда. От Пулковской горы до Царского Села были навешаны между деревьями фонари в виде гирлянд. Внутренность Царскосельского дворца была великолепно освещена. После танцев, по сделанному выстрелу из пушки, бал прекратился, огни были погашены, все встали у окон и увидели великолепный фейерверк. Пушечным выстрелом дан снова сигнал – зажечь опять свечи; за сим последовал великолепный ужин; по выходе из-за стола танцы продолжались до утра».

Принц Генрих прибыл в Петербург по приглашению Екатерины после того, как она узнала о встрече императора Иосифа и Фридриха II в Ништадте. Как умная и проницательная правительница, она поняла, что ее «верный» союзник что-то задумал против нее и вот теперь стремится к союзу с Австрией, своим давним неприятелем, у которой совсем недавно отторг лучшие ее земли. Конечно, она могла написать Фридриху, как это не раз уже бывало, и разузнать о его намерениях и планах на будущее. Но это было бы чересчур упрощенно. Все можно было обставить элегантно и одновременно просто. Так и возникло это приглашение принцу Генриху побывать в Петербурге и познакомиться с Россией и русским обществом.

За месяцы беспокойного веселья Екатерина не раз заводила с Генрихом разговор и каждый раз оставалась недовольной этим по-солдафонски прямолинейным, порой до резкости грубым принцем, который чуть ли не угрожал всеевропейской войной, если Россия не пойдет на мировую с турками.

Однажды во время очередного празднества в честь принца она отвела его в сторону и сказала:

– Ваше высочество! Мне все время приходят мысли, что мы ошиблись, задержавшись на этой стороне Дуная... – Екатерина явно провоцировала

простодушного в своей откровенности принца. - Следовало бы уже в этом году перейти этот Рубикон...

- Ваше величество, это было бы ошибкой. На это никогда не согласится Австрия. Да и Франция будет протестовать. И если вы перейдете Рубикон, то может возгореться всеобщая война.

- Так мы должны заключить мир! - Екатерина рассмеялась. - Я хочу мира, но султан - человек дикий, и французские подушания не позволят ему быть благоразумным.

- Король, мой брат, образумит его, если ваше величество вверите ему свои интересы, - напыщенно произнес принц.

- Прежде января дело не уяснится... - Встретив вопросительный взгляд принца, Екатерина продолжала: - Наш генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев отправил верховному визирю послание, в котором ясно и точно излагает наши планы прекратить народные бедствия и пролитие невинной крови, если Порты изъявит добрую волю к миру. А для этого нужно благопристойное освобождение нашего министра господина Обрезкова. Только после этого мы можем вступить в переговоры для скорейшего пресечения военных бедствий. Уполномоченных комиссаров с достаточными наставлениями можем направить в город Измаил, яко открытое и удобное место для обеих сторон.

Принц Генрих прекрасно понимал, что Екатерина отказывает в посредничестве прусскому королю и желает сама вести мирные переговоры. Это нарушало планы короля, мечтавшего мирным путем приобрести новые земли.

- Двойные переговоры - и через Румянцева, и через прусского короля - не принесут успеха, - сказал он раздраженно.

- Посмотрим... Если верховный визирь согласится с нашими предварительными условиями, то мы будем готовы начать мирные переговоры.

- Вряд ли он имеет на то полномочия. Ваше послание он направит султану, а тот тоже не скоро решится на что-либо определенное.

- Ну что ж, будем готовиться к третьей кампании...

Екатерина легким кивком дала понять, что разговор пока окончен, и пошла сквозь расступившуюся перед ней толпу придворных. А из головы не выходили замаскированные угрозы принца Генриха. «Вот все поражаются простоте, которая воцарилась при моем дворе, и прямоте моего характера и моих отношений... А этикет суров, никто не волен нарушить его... Во дворцах, где есть престолы, существуют свои неписанные правила, и попробуй не склонись передо мной...» - Екатерина испытывала чувство горделивости и недовольства собой одновременно.

- Престолы и восседающие на них особы представляют прекрасное зрелище, но лишь издали... Не в ущерб моим многоуважаемым собратьям, я полагаю, что мы, сколько нас ни есть, все должны быть пренесносными особами в обществе... Я знаю это по опыту: когда я вот вхожу в комнату или вот сейчас двигаюсь по залу, я произвожу впечатление Медузиной головы - все сразу столбенеет и прирастает к тому месту, на котором находятся. Вот говорят, что я другая, но ежедневный опыт убеждает меня, что я такая же, как и другие, и не найдется более десяти или двенадцати лиц, которые не стесняются моим присутствием... Ну, конечно, принц Генрих не входит в это число... Он, видимо, хорош на коне, когда приказывает своим полкам действовать на поле брани... Говорят, что он действительно обладает недюжинными военными способностями и именно ему принадлежит честь спасения короля после поражения под

Кунерсдорфом, когда тот растерялся настолько, что думал о самоубийстве как достойном выходе из создавшегося критического положения... А вот наружность его так холодна, что на крещенские морозы похожа. Но что умен, то уж очень умен, сказывают, что как приглядится, то будет обходителен и ласков. Да где уж, сколько времени прошло, а он такой же, как и при первом свидании, легок на руке, как свинцовая птица...»

Екатерина подавила улыбку при воспоминании о шутках и остротах, которыми делились придворные остряки, потешаясь над непривлекательной наружностью принца, особенно над его необыкновенно густыми вьющимися волосами, зачесанными в огромный тупей. Сравнивали его с Самсоном и подтрунивали над будущей Далилой.

Екатерина хорошо знала, что принц Генрих все эти дни переписывался с братом, получал от него инструкции. Знала и о том, что он не во всем соглашался со своим коронованным братом, что порождало взаимные недовольства. Ну что ж, пускай поспорят, пускай думают, что российская императрица пойдет у них на поводу. Нет, никто ей не позволит предавать интересы России – ни Панин, ни Орловы, ни Румянцевы. Стоит ей перестать отстаивать русские интересы, как и ее скинут с престола так же безжалостно, как и Петра III.

Но мрачные раздумья императрицы тут же словно отлетели, как только она вошла в небольшой, уютный зал, где стоял карточный стол, около которого весело суежилась старейшая гофмейстерина ее двора графиня Мария Андреевна Румянцева, а по углам толпились ближайшие ее помощники и сотрудники: граф Кирилл Разумовский, граф Александр Сергеевич Строганов, граф Головин, князь Голицын, шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, фрейлины, камер-юнкеры...

Любой из них, кого она назовет, с радостью сядет с ней за этот карточный стол. И она старалась не обижать никого, называя гоф-мейстерине Румянцевой «сегодняшние» имена, графиня передавала «приказание» гофмаршалу, который и приглашал очередных партнеров. Так было и на сей раз. Непринужденно и весело было за столом, где строго воспрещалось говорить о делах и где все были как бы равны между собой.

Очевидцы рассказывали об одном забавном случае, который однажды произошел за карточным столом: «...у нея часто был партнером пренеприятный и задорный игрок Чертков. Раз, играя с нею и проигрывая, он с досады бросил карты на стол. Она ни слова не сказала ему и, когда кончился вечер, встала, поклонилась и молча ушла в покои. Чертков просто остолбенел от своего поступка. На другой день, когда гофмаршал вызывал лиц, которые были назначены к ее столу, Чертков стоял в углу ни жив ни мертв. Когда гофмаршал произнес его имя, он просто ушам не верил, и когда нерешительно подошел, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла с ним по комнате, не говоря ни слова. Возвратясь же к столу, сказала ему: «Не стыдно ли вам думать, что я могла быть на вас сердита? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себе никаких неприятных следов?»

Непринужденное веселье воцарилось за карточным столом, как только началась игра. Но как ни отгоняла от себя Екатерина серьезные мысли, нет-нет да и задумывалась, путала карты, мысли ее убегали в Берлин, Вену, Константинополь, Париж... И, только встретив чей-нибудь удивленный взгляд, вновь возвращалась к карточной игре. Россия переживала трудные времена, и императрица вынуждена была

постоянно думать о том, чтобы европейские державы не обманули ее при решении политических вопросов.

Фридрих II тоже не знал покоя, постоянно решая самые сложные задачи европейской политики. Он уже давно хотел не ввязываться в военные конфликты, как он это делал по молодости. Уже тридцать лет он на отцовском престоле... И сколько уже сделано для процветания королевства, для родного Бранденбургского дома... Поселившись в Потсдаме, он редко наезжал в Берлин, ведя уединенный образ жизни. Любимые книги в библиотеке, любимые картины в галерее, любимый ландшафт за окнами дворца в Сан-Суси – вот его собеседники в долгие зимние и осенние дни и вечера... Но он не скучал, предаваясь постоянным размышлениям о сложностях и противоречиях современной жизни. И чаще всего мысли его вертелись вокруг запутанных отношений Пруссии с Австрией и Россией.

«Россия – это страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа, – думал Фридрих, изредка поглядывая за окно, где вдали виднелись развалины замка, похожие на греческие. – Русские скоро могут напасть на Запад и заставят австрийцев страдать и раскаиваться в том, что по своей ложной политике они призвали этот варварский народ в Германию и научили его военному искусству. И теперь я не вижу другого средства против этого опасного потока, как союз между сильными государями, союз между Пруссией и Россией, Австрией и Пруссией...»

Фридрих взял последние письма брата Генриха и тяжело вздохнул... Брат хорош на коне, а хочет влиять на события не только на поле боя, но и за столом переговоров. Нет, он слишком прямолинеен и скор в решениях. Да и аппетиты у него чрезмерные. Ему уж кажется, что союз Австрии и Пруссии позволит разделить всю Германскую империю на две части, как в

давние времена делили Октавий и Антоний Римскую империю. Нет, ничего из этого не получится. Пусть хоть Мария-Терезия, австрийская императрица, остынет от ненависти к нему, королю Пруссии. Пока существует союз Пруссии с Россией, Австрия ничего не может предпринять. А Генрих нетерпеливо призывает брата к скорейшему улучшению отношений с Австрией в надежде на серьезные земельные приобретения. Он прав только в одном: пока идет война между русскими и турками, пока Франция и Англия ослабляют друг друга, Пруссия и Австрия могут «округлить» свои владения за счет Польши. Раздел Польши напрашивался как бы сам собой, как естественное право сильных. Но будет ли Россия стоять за этот раздел? И как отнесется к этому Турция? А что скажет Франция? Во время переговоров с Кауницем и Иосифом Фридрих попросил их припугнуть Румянцева, предупредив его: если он перейдет Дунай, то Австрия объявит войну России, а Франция пошлет сто тысяч войска на помощь австрийцам. Но Кауниц отверг его затею, назвав ее «детской идеей». Ан нет, это не простодушие прусского короля. Это была всего лишь очередная маска хитроумного политика. Как только Кауниц отверг эти средства, он, Фридрих II, сразу смекнул, что тот страшится открытого разрыва с Россией. В любом случае, даже если русские перейдут Дунай, Австрия не пойдет на разрыв. Значит, думал король, нужно искать другие средства борьбы со все возрастающей мощью России и ее влиянием на европейские дела. Русская императрица очень горда, честолюбива, тщеславна. С ней надобно поступать осторожно, чтобы не раздражить ее. Правда, австрийцы объявили, что они устраивают магазины на венгерской границе, но эти приготовления не напугают Россию. Так что вряд ли императрица пойдет на те условия мира, которые желательны для Турции. Хорошо, что в Дании,

дружественной России, произошел политический переворот и сбросили Бернсторфа. Наверное, это событие отторгнет Данию от России, что может оказаться выгодным для Пруссии, которая останется единственным союзником России. Вот тогда-то уж она запросит любого мира, пусть и худого... Хватит войны... Но Турция никогда не согласится заключить мир на условиях, которые выдвинула Екатерина. Конечно, она права, требуя освободить русского министра Обрезкова. Можно согласиться и с тем, чтобы Азов и Таганрог отошли наконец к России, но Екатерина требует свободы передвижения для ее купеческих судов по Черному морю; амнистии всем тем, кто поднял оружие против Порты; независимости крымским татарам; независимости Молдавии и Валахии; требует Дунай объявить границей турецкой. Высоко занеслась амбиция российской императрицы! Вряд ли можно согласиться с ее условиями. И снова война? Снова платить России союзнический годовой долг? С этим пора кончать...

Фридрих, решив как-то повлиять на ход событий, пригласил нового австрийского посланника при его дворе барона фон Свитена. Приведем этот любопытный разговор, ставший известным историкам:

«Король. Надобно заключить мир, поверьте мне, надобно заключить мир!

Фон Свитен. Мы не желаем ничего более, как видеть заключение мира, но на сносных условиях.

Король. Что вы называете условиями сносными?

Фон Свитен. Такие, которые не будут содействовать усилению России, настоящему или будущему, и не ослабят Турции в такой степени, что ее существование

сделается ненадежным... А присоединение Крыма к России по своим последствиям не может принадлежать к числу сносных условий.

Король. Ах да, Крым! Я об нем и забыл! Русские хотят, чтоб он получил независимость. Это можно им уступить.

Фон Свитен. Эта независимость Крыма - пустое слово; рано или поздно страна эта, населенная народом воинственным и обладающая гаванями на Черном море, сделается русскою провинциею и усилит могущество России в очень значительной степени.

Король. Но можно сделать так, как говорил мне князь Кауниц в Ништадте: позволить установить независимость татар, а потом посредством интриг побудить их снова подчиниться Порте.

Фон Свитен. Русские за это время утвердятся на Черном море и в Крыму, они увидят возможность делать самые смелые предприятия...»

И снова полетели письма в Петербург, Вену, Константинополь... Прусский король и австрийский император хотели мира, но лишь для того, чтобы «урвать» что-нибудь для собственной выгоды.

В конце декабря из Москвы вернулся принц Генрих, и в Петербурге возобновились балы, званые вечера, роскошные обеды... Однако принц был невесел. Ходили слухи, что в Москве будто бы объявились случаи чумы... Но он был расстроен совсем другим: Фридрих отзывал его из Петербурга, веселого, хлебосольного, гостеприимного...

«У меня волосы стали дыбом, когда я получил русские мирные предложения, - писал Фридрих. -

Никогда не решусь я предложить их ни туркам, ни австрийцам, ибо поистине их принять нельзя. Условие о Валахии никоим образом не может приладиться к австрийской системе: во-первых, Австрия никогда не покинет французского союза; во-вторых, она никогда не потерпит русских в своем соседстве. Вы можете смотреть на эти условия как на объявление войны. Над нами смеются. Я не могу компрометировать себя в угоду России; я им сделаю несколько замечаний насчет последствий их предложений, и если они их не изменят, то я их попрошу поручить дело какому-нибудь другому государству, а я выхожу из игры, ибо вы можете рассчитывать, что австрийцы объявят им войну, это слишком, это невыносимо для всех европейских государств! Государства управляются своими собственными интересами; можно делать угодное союзникам, но всему есть границы. Этого проекта я не сообщу ни в Вену, ни в Константинополь, ибо это все равно что послать объявление войны. Итак, если не умерят проекта во многом, то я отказываюсь от всякого посредничества и предоставляю этих господ собственной судьбе; вам больше ничего не остается, как удалиться приличным образом, ибо нечего больше делать, нечего даже больше надеяться на этих людей».

Принцу Генриху действительно больше нечего было делать в Петербурге. Здесь много говорилось о том, что Австрия захватила два польских староства, ссылаясь на то, что они якобы больше трехсот лет назад принадлежали Венгрии. Многие недоумевали, некоторые осуждали, но находились и такие высокопоставленные лица при дворе, что спрашивали мнение короля по этому поводу. А Генрих не знал, что говорить.

Так, во время одного из предновогодних придворных вечеров с принцем о мирных русских условиях заговорил Никита Иванович Панин. Он давно

предлагал заключить тройственный союз России, Пруссии и Австрии против Турции, победить ее в войне и «округлить» свои земли за счет ее европейских владений. Но король решительно возражал против любого участия Пруссии в войне, надеясь получить земельные приобретения мирным путем. Он заявлял, что не пожертвует ни за что благом и выгодами своей страны завоевательным намерениям другой державы. «И какую там конвенцию хотят они заключить со мною? – писал он брату. – Какую землю они мне обещают? Для приобретения этой земли я должен навязать себе на шею все военные силы Австрии и Франции, не имея ни одного союзника, который бы меня поддержал! Это не соответствует ни нашим истощенным в последнюю войну силам, ни настоящему положению Европы. Итак, чтоб там не переходили Рубикона, и не нужно мне никакой конвенции. Будем стараться заставить их как можно скорее заключить мир, или пусть ведут войну с кем угодно. Я заключил союз с Россиею для своих выгод, как Австрия заключила союз с Франциею, а не для того, чтоб под русскими знаменами вести пагубную войну, от которой мне ни тепло ни холодно. Жду известия, хотят ли русские продолжать войну. Ты им напомнишь, что мои обязательства не простираются так далеко, я не могу вовлечься в предприятие, где весь риск на моей стороне, ибо я рискую потерять все мои прирейнские владения».

После того как стало известно о захвате Австрией двух польских староств, русские стали смелее разговаривать с принцем Генрихом.

– Молдавия и Валахия и после заключения мира с турками на какое-то время останутся за Россиею. Христианское население радостно встретило свое освобождение, – сказал Панин принцу Генриху, оставшись наедине с ним.

Генрих, «нашпигованный» идеями и замыслами своего брата и не отличавшийся дипломатической сдержанностью, тут же выпалил:

- Австрия никогда не уступит этих княжеств России.

- Тогда эти земли можно сделать независимыми, - быстро ответил Панин, заранее готовый к такому обороту дела.

- Но кому в таком случае они будут принадлежать? - допытывался принц, не признававший обходных маневров записных дипломатов.

- Это для императрицы все равно, лишь бы не туркам, - равнодушно ответил Панин.

- Но если Австрия их потребует себе? - настаивал принц Генрих.

- Почему же нет, - продолжал вести свою линию Панин, - если Австрия станет поступать прямо и захочет быть другом с нами и с вами?

Принц с недоумением посмотрел на Панина, но, по своему обыкновению, промолчал. Так он всегда поступал, когда твердо не знал, что ответить. А затем, раскланиваясь с гостями, среди которых у него уже было много знакомых, подумал: «Если бы венский двор не так крепко держался Франции, то был бы в состоянии выгодно обделать свои дела. В Вене имеют неправильное понятие о здешнем образе мыслей. Здесь согласились бы на все, лишь бы только вознаграждения были на счет Турции, здесь были бы довольны меньшею частью добычи... То же и генерал Бибииков говорил мне о выгодах, какие венский кабинет может получить при заключении мира. А он в милости у императрицы и друг Панина. К тому же и прибавил: было бы справедливо, чтоб и Пруссия также получила выгоду».

К принцу подошел генерал-адъютант и сказал, что его зовет к себе императрица. «Ясно, что будет спрашивать о нашем мнении о действиях австрийцев... А наше мнение - два полка прусских вошли в Великую

Польшу и расположились вдоль по Варте, в любую минуту готовые последовать и дальше», – подумал принц Генрих, склоняясь перед русской императрицей.

– Как вы нашли, принц, нашу древнюю столицу? – лучезарно улыбаясь, спросила Екатерина. – Вы ведь пробыли там три недели...

– Все увиденное произвело на меня большое впечатление. Но самое большое – это фельдмаршал Петр Семенович Салтыков, победитель Фридриха Великого при Кунерсдорфе. Он совсем не похож на военного.

– Не все то золото, что блестит, – так гласит русская пословица, ваше высочество... Фельдмаршал Салтыков – великий знаток военного искусства. Староват становится, ему на смену выросли у нас большие военачальники.

– Самый великий – это Румянцев, ваше величество. Его действия при Ларге и Кагуле – выше всех похвал. Турки до сих пор никак не могут опомниться после этих сражений. И просят о заключении мира.

– Да, знаю... Но похоже, что этими победами первыми воспользовались Австрия и Пруссия... Мы кровь проливаем, а кто-то жар загребают, чтобы теплее было и уютнее. Вы уже знаете, должно быть, что австрийцы захватили два староства в Польше и установили на их границах свои императорские знаки, – говорила Екатерина, и нельзя было понять, глядя на нее, довольна она этим или огорчена: она улыбалась, но говорила с горечью и скрытой досадой. – Но почему же и другие не будут брать таким образом? А что думает король, ваш брат?

– Два прусских полка стоят на польских границах, но их не перешли, – сдержанно ответил принц Генрих, не понимая, к чему клонит Екатерина II.

– Но отчего же и не перейти? – засмеялась императрица. – Ведь пришло время. Австрийцы

первыми это почувствовали и перешли от слов к делу.

После разговора с императрицей к принцу Генриху подошел граф Захар Чернышев, который после обыкновенных любезностей прямо спросил:

- Зачем вы не займете епископства Вармийского? Надобно, чтоб каждый получил что-нибудь.

Эти слова вице-президента Военной коллегия были восприняты принцем Генрихом как шутка, но уж очень знаменательная: при русском дворе одни осуждали агрессивные действия австрийцев и всячески поощряли к активным действиям против Польши прусского короля, другие поддерживали захватнические планы Пруссии и Австрии, рассчитывая воспользоваться смутным положением в Польше и вернуть некогда утраченные русские земли.

В конце декабря 1770 года принц Генрих писал Фридриху: «Хотя все это говорилось в шутку, однако видно, что разговоры эти имеют значение, и я не сомневаюсь, что для тебя открывается большая возможность воспользоваться этим случаем. Граф Панин недоволен поступками австрийцев, овладевших польскими землями. Он мне ни слова не сказал о епископстве Вармийском. Все это происходит от разделения мнений между членами совета; те из них, которые желают увеличения русских владений, хотят, чтоб все взяли, а вместе со всеми и Россия, тогда как граф Панин стоит за спокойствие и мир. Однако я постараюсь уяснить это дело и остаюсь при том мнении, что ты не рискуешь ничем, если овладеешь под каким-нибудь предлогом Вармийским епископством, в случае если действительно справедливо, что австрийцы овладели двумя староствами».

Принц Генрих отбыл из Петербурга в Берлин 12 января 1771 года. За три месяца пребывания в Петербурге и Москве неофициальный посредник прусского короля много раз разговаривал с Екатериной

II, Паниным, Орловым, Чернышевым и другими сановниками России и вынес твердое убеждение, что наступают времена, когда Пруссия может воспользоваться слабостью королевской власти в Польше и захватить, по примеру Австрии, лакомую часть ее территории, о которой давно мечтал Фридрих II.

И в этот январский день 1771 года Екатерина встала рано утром и принялась за обычные хлопоты: разожгла камин, сварила кофе и уселась в покойное кресло, мелкими глотками попивая вкусный напиток. Но вскоре очарование уюта и покоя прошло, и лицо ее из доброго, мягкого превратилось в жесткое, волевое, голубые глаза стали суровыми, словно какой-то волшебник стер с ее лица одни черты и мгновенно нанес другие. Почти все современники отмечали эту ее невероятную способность меняться в зависимости от житейских обстоятельств. Она вспомнила, что до сих пор не ответила на письмо Фридриха II, в котором прусский король обнаруживал свой характер ловкого и хитрого интригана, придерживающегося всегда одного правила: дать поменьше, а взять побольше. Не раз она замечала стремление Фридриха дипломатическими средствами уменьшить возрастающую силу России, ослабить ее влияние на политическую атмосферу в Европе. Вот вроде бы и добрый союзник, но с каким удовольствием и даже сладострастием он описывает возможные затруднения при заключении мирного трактата с Турцией.

Уж сколько раз Екатерина Алексеевна вновь и вновь возвращалась к положению в мире, мысленно перебирая поступавшие через Панина донесения ее полномочных министров в различных странах, нередко подробные и точные, написанные ярко и со знанием дела, с пониманием обстановки, характеров главных

деятелей страны, их индивидуальных пристрастий и привычек.

Она нашла письмо Фридриха на привычном месте – на столе – и вновь перечитала его. Фридрих писал: «Если б зависело от меня, я без труда подписал бы мирные условия, требуемые от Порты... В приобретениях ваших я видел бы усиление первого и самого дорогого из моих союзников, и приятна была бы мне возможность дать ему этот новый знак моей преданности. Но надобно обращать внимание на множество различных интересов в таком сложном деле, как мирные переговоры, и потому не всегда можешь позволить себе то, чего желаешь. В этом положении нахожусь и я теперь. Ваше и. в-ство увидите из нового объявления Порты, сделанного мне и венскому двору, что г. Обрезков будет освобожден немедленно, как только будет принята статья о посредничестве. В. и. в-ство спрашивает меня, каково мое мнение насчет образа мыслей венского двора. Я имею право думать, что он искренне желает возобновления мира в своем соседстве и в случае посредничества будет действовать беспристрастно, однако не согласится на мирные условия, прямо противоположные его интересам. Внушения Франции до сих пор не поколебали его системы нейтралитета; но я не поручусь за его поведение в случае войны...»

Из этих рассуждений получалось, что мирные условия России оказывались чрезмерными, и он, боясь повредить русским интересам, опасается доводить их до сведения как Вены, так и Константинополя. Получается, что как только Вена узнает об этих условиях мира, так сразу начнет вооружаться и готовиться к войне с Россией... Турки не уступят Молдавию и Валахию, будут решительно возражать против того, чтобы русские заняли какой-либо остров в архипелаге Средиземного моря. Да и независимость

крымских татар весьма подозрительна. Уж не претендует ли Россия вообще на Крым? И что же? Россия может получить лишь две Кабарды, Азов с округом да свободное плавание по Черному морю... И это за два кровопролитных года войны?

«А я-то думала, что совершаю великий подвиг умеренности, предлагая план мирных переговоров. Можно ли было предполагать еще вчера, что в прусском короле найду адвоката турок? Что уж говорить о венском дворе... Неужели им приятнее иметь соседями турок в Молдавии и Валахии, чем государя, независимого как от турок, так и от русских и австрийцев? И все пытаются чем-то пугать нас. До сих пор никак не могут понять, что пора перестать постоянно нам показывать вооруженную или просто поднятую руку Австрии, ибо Россия, если подвергнется нападению, сумеет защититься, она не боится никого...»

Екатерина резко поднялась, повернулась к камину, внимательно всмотрелась в пылающие дрова. Чуть расшевелила их щипцами – посыпались искры, резко потянуло в дымоход. Пламя огня повеселело. И лицо Екатерины снова размякло, стало добрее, проще.

«А с другой стороны, мы ведем переговоры с турками, а не с венским двором, с которым у нас нет войны. Крым дальше от Вены, чем Молдавия и Валахия, а потому о нем не может быть и речи в переговорах с Австрией, для которой, может быть, выгоднее, чтобы Крым был независимым. В рассуждениях Фридриха видны большое неудовольствие, мелкая зависть и скрытые угрозы... Но эти угрозы не прямо от него, а все сваливает на венский двор. Но нет, угрозами ничего они не выиграют. Будем держаться крепко и ни шагу не сделаем назад, не отступимся от своих выгод... Все обделается как нельзя лучше. Не будем спешить. А если увидят, что мы гонимся за миром, то получим мир

дурной... И все же пора обдумывать в деталях следующую кампанию, Румянцев уже спрашивал, что мы собираемся делать в 1771 году. А что делать, когда не решен главный вопрос: мир или война? Да они и тянуть будут с решением этого вопроса для того, чтобы усыпить нашу бдительность... Дунай стал Рубиконом, который необходимо перейти для утверждения наших успехов. Нет, пожалуй, в будущем году нам этот Рубикон не перейти, нет судов, нет флотилии, способной поддерживать связь между двумя берегами... В будущем году необходимо принудить крымских татар отложиться от Порты и стать независимыми. Действия второй армии станут главнейшими, а Румянцев пусть охраняет Молдавию, Бессарабию и Валахию, пусть действует по своему усмотрению, не пускает неприятеля на левый берег, готовит армию к будущим победам. Видно, не скоро уступят турки нашим условиям, да и не столько турки, сколько наш союзник будет воду мутить, сталкивая всех между собой... Больше всего интересует его Польша, возможность что-нибудь от нее урвать... Как не воспользоваться моментом польской смуты, когда король слаб, не пользуется никакой поддержкой в народе, а магнаты – каждый сам по себе, каждый тянет на свою сторону, никак не могут ни о чем договориться».

Екатерина ранее твердо верила, что благодетельствовала Польшу, навязав ей с помощью русских полков Станислава Понятовского в качестве короля. Прошло шесть лет с тех пор. И только сейчас она начала понимать, что, возможно, поторопилась. В надежде на помощь Франции Понятовский попытался противодействовать русским интересам в Польше. Несколько месяцев назад в письме к Екатерине он, рассказывая о драматическом положении своего народа и государства, писал, что никакие страдания и муки не

заставят поляков покориться чужой воле. Она хорошо помнила его слова о том, что общее расположение умов в Польше таково, что скорее согласятся терпеть и погибать, чем связать себя каким бы то ни было образом, что поляки будут «смотреть на мир как на дело насильственное, если он будет им дан без содействия держав католических», что Польша «будет постоянно надеяться получить большее с их помощью, как только ваши войска удалятся из страны».

Это особенно раздражало императрицу. Она послала войска для умиротворения страны, для ее покоя и тишины, а похоже, никто не хотел этого умиротворения. «Признался бедный Понятовский, что его уверяют со всех сторон, где искать ему защиты: самым настойчивым образом просит согласиться на вмешательство католических держав в дело польского усмирения. И без нашего согласия в дела польские давно вмешиваются Франция и Австрия. Говорят, что уже действует на польской территории французский полковник Дюмурье... Австрия захватила два польских староства. А он все еще продолжает доверяться людям коварным и скрывающим честолюбивые замыслы. Не могу себе вообразить, что он сам собою нашел возможным и благодетельным посредничество католических держав в настоящих делах Польши. Конечно, кто-то повлиял на него. Но кто? Да, немалые препятствия ставит успеху дел наших упорство и легкомыслие польского короля... Забыл, видно, благоденствия наши и собственную безопасность, доверился старикам Чарторыйским... Сколько бы король по лукавым советам дядей своих Чарторыйских ни старался о примирении с мятущейся частью своего народа, это примирение никогда достигнуто быть не может... А может, князь Волконский слишком стар, чтоб исполнять такую должность? А кем его заменить? А может, предоставить на некоторое время польские дела

их собственному беспутному течению? Нет! Стоит только ослабить свой нажим, как тут же этим воспользуются Франция и Австрия, а Пруссия погрееет руки... Странные поляки! Ведь я указала объявить им, что для сбережения рода человеческого не велю за ними гнаться, если они разойдутся по домам и будут жить спокойно, и что целый год им амнистия дается только с тем, чтоб нигде кучи не было... Нельзя, чтоб всем не надоели мор, голод, разоренье, разбой, и опять нельзя же, чтоб не было способов к примирению. Не так черт страшен, как иногда кажется... Но при всех поворотах польской жизни неминуемо согласие с прусским королем... Надо отписать ему...»

Екатерина пододвинула чистый лист бумаги, взяла перо и уже принялась писать ответ Фридриху II. Но что-то затормозилось в ее сознании, мысли неожиданно переметнулись к внутренним делам двора: «Сколько неудобств возникает от разногласий графа Панина с Григорием Орловым! А отсюда и многие упущения... Пока дело дойдет до меня, пока я их примирю, проходит время, а этим пользуются наши враги. Вот в Швеции снова побеждает злонамеренная партия, живущая на французские деньги. Да и я не жалею денег... Сколько Остерман просит, столько я и даю, но все как в пропасть ухает. Правда, принц прусский уверял, что королева будет сдерживать действия шведов против нас, но какой уж теперь союз с ними. Да и Дания отошла от нас... Как случайности властвуют в политике! Христиан VII заменил Бернсдорфа на посту министра графом Ранцау, враждебным России, и все изменилось, ни о каком союзе не может быть и речи. А вот почему? Так, видно, захотел любовник юной королевы в угоду опять же Франции. А король ничего не видит или делает вид, что все происходящее на его глазах – нормально, уверяет меня, что удаление от дел графа Бернсдорфа не ухудшит наших отношений.

Наивный молодой король... Если б я послушалась графа Орлова и удалила от дел Никиту Панина... Нет, никогда этого не будет... Я давно подарила его своим доверием вследствие важности его заслуг и неизменной дружбы. Так что Григорий пусть терпит эту дружбу... А что было б, если б я во всем слушалась графа Орлова? Нет... Мне уже за сорок, у меня, быть может, есть некоторая опытность. Перемена старых слуг, старых друзей, ревностных, искусных, разумных, есть всегда великое зло для государства, потому что всякая перемена сама по себе есть уже зло, если общее благо не требует ее непременно. Переменой в Дании непременно воспользуются французы и дадут многим делам не только в Дании, но и повсюду, такой ход, какой надобен для их отдаленных видов. Начнется бесчисленное множество интриг, движений и гадостей. Это уже сбывается в Швеции. Слава государя требует великого постоянства в его планах, но какое может быть постоянство, когда люди часто переменяются или постоянно боятся перемены, когда люди самые опытные заменяются людьми, имеющими меньшую опытность. Только время дает опытность, никакие качества, никакой ум ее не восполнят. Вот хотя бы все тот же граф Бернсдорф... Двадцать лет я изучала его, следила за его действиями, и признаюсь, что относительно нашего Северного союза я питала полное доверие к нему. Я на него смотрела как на второй экземпляр графа Панина... И вот пришлось отозвать своего посланника из Копенгагена под предлогом его расстроенного здоровья...»

За дверями ее кабинета давно началось движение: хлопотали слуги, придворные дамы собирались к ее выходу в туалетную. Обычно за утренним туалетом Екатерина Алексеевна словно забывала о серьезных международных и внутренних делах и весело и беззаботно разговаривала с близкими ей придворными

дамами. Но сегодня заботы не отпускали ее, и она продолжала думать о международных неполадках, и чаще всего она снова и снова возвращалась мысленно к положению в Копенгагене, не потому, что двор этот имел такое уж великое влияние на ее дела, но просто любопытство разбирало ее и пробуждало в ней смутные чувства. Да и все ее зарубежные корреспонденты понимали ее положение, ее переживания и чувства и сообщали новые безобразия, которые происходили при датском дворе. Как тут не вспомнить письмо госпожи Бельке, к которой она питала высокую доверенность, а та внимательно следила за датским двором, да и не только за датским...

«Да, граф Ранцау уже начал разгонять людей достойных и министров искусных, а этот ребенок-король соглашается с ним, ну что ж, тем хуже для него... Другие государи употребляют все усилия для отыскивания подобных людей, а он прогоняет таких, как граф Бернсдорф... И если граф Ранцау произведет перемену системы, как пишет госпожа Бельке, то это будет мастерское произведение глупости, и мы увидим, кто от этого будет сильнее кусать себе пальцы... Только сумасшедшие молокососы и дети могут судить о других по себе и жестоко ошибаться... Вот уже господин Остен – министр иностранных дел. Будет ли он участвовать в нелепостях графа Ранцау? Если Остен не потерял здравого смысла, то он, конечно, не решится участвовать в нелепостях графа Ранцау... А там кто его знает... При виде постоянной суеты в Дании можно сказать, что эта страна кишит людьми, способными занимать важные места... Каждую минуту там происходят перемещения... Переменяют людей с такою же легкостью, с какою королева переменяет юбки, если только она их еще носит. Бедный король... Он верит льстецу Ранцау, сказавшему, что он служит удивлением всей Европе... Действительно, король оказался в таком

положении, которое не может не удивлять всю Европу, положении, когда любовник королевы Струензе, он же ее лейб-медик, вмешивается в дела государства... Вот докатились до чего, приходится бороться против лейб-медика... Да, говорят, она и не ограничивается только им одним... А, пусть себе тешится... Чем больше королева даст помощников этому Струензе, тем более надежды, что она охладет к нему. Все это и королевские оргии приводят в ужас... Вот ребяташки, которых надобно бы посечь... Только Бог может спасти эту несчастную страну...»

Екатерина Алексеевна наконец взглянула в большое овальное зеркало и усмехнулась, вполне довольная собой: ей пока лишь чуть за сорок, она все еще хороша собой, вполне здорова, а дела империи, ей вверенной судьбой, идут вполне сносно, особенно удачным был только что минувший 1770 год, год Кагула и Чесмы... Слухи о моровой язве в Москве, конечно, встревожили ее, но она вполне уверена была, что твердый и распорядительный главнокомандующий древней столицы Салтыков вполне справится с грозящей опасностью и предотвратит ее. Справился же Румянцев и не допустил эту заразу в армию, были лишь единичные случаи... Так будет и в Москве...

Как обычно, до обеда она принимала секретарей, министров, членов совета, потом гуляла по Эрмитажу. Вечером играла в карты, а на следующий день написала письмо Фридриху, которое она не успела написать 19 января.

«Государь, брат мой, так как вашему величеству я обязана удовольствием, какое доставило мне пребывание в этом городе принца, вашего брата, то я не могу видеть отъезжающим его королевское высочество, не поблагодарив искренно ваше величество за то, что вы соизволили согласиться на это свидание, которого я желала и которое доставило мне столь

великое удовольствие. Отменные чувства дружбы и высочайшего почтения и уважения, какие я питала к вашему величеству и ко всем тем, кто принадлежит вам, скрепились, смею сказать, еще более чрез свидание с принцем, присоединяющим к высоким добродетелям чувства искреннейшей дружбы к вашему величеству, и чрез непрерывные удостоверения, повторенные им о дружбе ко мне вашего величества...»
- писала Екатерина II.

Одновременно с этим Екатерина направила прусскому королю еще одно письмо, в котором изложила свое отношение к мирным переговорам с Портой со всей откровенностью. Она напоминала о непременном условии: не соглашаться ни на какие переговоры о мире, пока ее министр Обрезков не будет освобожден и возвращен в Россию. Порта не обращает внимания на это требование. И напрасно. Она согласна на конгресс только при этом условии. Явно несправедливо была начата против России война, Бог благословил русское оружие, дав ей великие победы, а она не требует для империи никаких приличных приобретений. Обе Кабарды и область Азовская суть земли, неоспоримо ей принадлежащие. Это ничуть не увеличит могущество России, как и не уменьшило его, когда были отделены от нее, став пограничными областями. Эти владения могут послужить лишь для охраны жилищ ее подданных от набегов хищников и разбойников. Эта страна, населенная несколькими тысячами семейств, не приносящая никакого дохода, представляет древнее владение России и по праву должна принадлежать ей. А свободное плавание в Черном море - нормальное состояние мира между народами. И если Россия до сих пор не пользовалась этим правом, то лишь потому, что потворствовала варварским предрассудкам Порты из любви к миру. А раз этот мир Порта нарушила, то с этим предрассудком

должно быть покончено: Россия имеет естественное право на Черное море. Так что остается одно неперемное требование – Валахия и Молдавия должны остаться независимыми, как и было прежде. И тогда все решится само собой. Говорят, что с поражением Турции и установлением «худого» мира для нее нарушится равновесие Востока. Но разве это равновесие справедливо, если границы турецкого владения простираются за Днестр? И что тут несправедливого, если эти самые границы будут отодвинуты к Дунаю?

Екатерина II настаивала и на еще одном неперменном условии мира с турками – на восстановлении независимости татар. Целый народ добивается своего естественного права быть независимым, и она не может отказать этому народу в своем пособии. И восстановление этого естественного права татар не может уменьшить могущества Порты, как и не прибавит к могуществу России. Единственное, чего она добивается, заключается в том, чтобы обеспечить как можно лучше границы свои против всякого нападения Турции.

Направляя это письмо, Екатерина выражает надежду, что все изложенное останется пока между ними и не станет известно ни в Константинополе, ни в Вене. Потом, когда дело дойдет до конгресса, она вместе с Паниным предоставит разработанные более детально условия мира с Портой.

Екатерина II надеялась на мир, но так не скоро сбудутся ее надежды.

Глава 6

Запоздалое падение Журжи

Первые месяцы 1771 года не доставляли особых беспокойств фельдмаршалу Румянцеву. Жизнь в Яссах наладилась и пошла по обычному своему руслу армейских будней. Некоторые генералы и офицеры были отпущены для лечения и отдыха после изнурительной летней кампании. Но оставшиеся по-прежнему не знали покоя и отдыха и в зимнее время. Военно-походная канцелярия главнокомандующего работала с полной нагрузкой, принимая рапорты, составляя донесения и другие важные государственные и военные бумаги, направляемые в десятки различных мест огромной державы Российской. Около здания штаба армии постоянно толпились дежурные офицеры, ординарцы, курьеры... В любую погоду жизнь здесь, как говорится, била ключом.

Неусыпной деятельностью отмечена в эти дни и жизнь Румянцева. Казалось бы, зимняя пора давала ему время для отдыха после походов, стычек и сражений. Так и поступали многие генералы и офицеры, отпросясь в свои деревни, для лечения на воды, в Петербург и Москву для развлечений. Но этот традиционный порядок ведения войны был противен деятельной натуре Румянцева. Еще в битве под Кольбергом он поломал его, лишь в декабре, в стужу, закончив победой свои действия. Понятно, масштаб деятельности под Кольбергом и здесь совсем иной: там он командовал корпусом и стремился овладеть одной крепостью, а здесь ристалище раскинулось на сотни верст, и он должен направлять многих подчиненных начальников. И тут необходимо уже совсем иное искусство...

Нет, Румянцев не может жаловаться на то, что ему не подчиняются. В своих войсках он признанный вождь, победитель оттоманов. Но это не снимает с него долга ныне заниматься повседневными, будничными делами армии.

С первых же дней пребывания в Яссах Румянцев столкнулся с такими упущениями, о которых даже не мог предполагать. На той стороне Прута положение в Молдавии ему представлялось более устойчивым и надежным. По уверению очевидцев, все христианское население чуть ли не восторженно воспримет свое освобождение от турецкого ига, вольется в ряды борцов против Порты, сформирует отряды добровольцев и вместе с русскими поведет борьбу. А все оказалось сложнее, противоречивее, тоньше. И чем больше Румянцев вникал в обстоятельства, тем яснее понимал, как много еще нужно сделать, чтобы достичь взаимопонимания между русскими, молдаванами и валахами. И получалось так, что даже прежние его предложения остались невыполненными то ли из-за преждевременной смерти генерала Штофельна, не приведшего дела в должный порядок, то ли из-за коварства и алчности членов местного правительства, ради собственной корысти управлявших делами народными. Пришлось Румянцеву дать отставку генерал-майору Черноевичу и отпустить его в Россию, а на его место назначить генерал-майора Ржевского.

Пусть им недовольны здешние бояре, но Румянцев знает теперь, почему они недовольны: он строго исполняет свои обязанности. А без этого нельзя обходиться с молдавскими чинами. Они привыкли к турецким обычаям необязательности и бесконтрольности, так что любая строгость и порядок вызывают у них ярость и негодование.

Всем отдых, а у Румянцева не иссякали заботы и тревоги. Вот только сейчас, 3 марта 1771 года, он

может вздохнуть с облегчением: наконец-то генерал-аншефу Олицу удалось взять крепость Журжу. С неподдельной радостью встретил он вчера генерал-майора князя Трубецкого, привезшего ему такую приятную весть. И вот он торжественно возносит Богу молитвы с пушечной пальбой. И сия знаменитая победа послужит славе русской армии и укрепит дух ее. Румянцев не замедлил поздравить Олицу, генералов, офицеров и всех участников, проявивших ревность в сем подвиге. А главное – ходатайствовал о высочайшей милости императрицы ко всем отличившимся в этом деле. А что касалось его, то он не замедлил наградить их в той степени, в какой дозволялось ему.

Приятна весть о совершенном изгнании неприятеля из Журжи, но если уж быть до конца честным перед самим собой, то немало и удивительного можно отметить во всем этом деле. И прежде всего то, что генерал Олиц не доложил ему ни о походе своем к Журже, ни о первых своих действиях пред стенами оной. Если б Румянцев узнал обо всем этом, то указал бы генералу Вейсману употребить свой корпус для отвлечения неприятеля. Да и вообще всякое действие подчиненных ему, как главнокомандующему, должно быть известно. А сколько Румянцев прежде тербил генерала Олицу, взывая к более активным действиям сразу же после того, как он принял от Гудовича команду над корпусом в Валахии... Еще в начале декабря прошлого года Румянцев требовал от Олицу принять меры к захвату города Крайова и очистке от турок всей Западной Валахии. Одновременно с этим необходимо активизировать свои действия против Журжи, захватить ее и таким образом взять под контроль весь левый берег Дуная. Но генерал Олиц больше трех месяцев медлил с посылкой войска к Журже, не воспользовался поражением неприятеля в Бухаресте, дал ему опомниться и подготовиться к

отражению возможной атаки. И вот Журжа взята, вроде бы радостно, еще одна победа русского оружия. Но Румянцева раздражала медлительность его подчиненных. Вот и теперь, анализируя действия Олица за последние три месяца, он испытывал кроме удовлетворения горечь и досаду. «Ведь у него было достаточно сил, чтобы послать деташемент на овладение Журжею. Познанные в битвах опыты должны были подсказать ему, что если неприятель лучшие свои крепости не мог удержать, то сию крепостицу вряд ли бы вознамерился защищать, стоило только пойти смело... Там, где мы так поступали, везде брали верх. А опытный генерал все требовал доставки артиллерии, как будто не понимал, что в декабре, когда стояла дождливая погода, невозможно было доставить ни артиллерийские орудия, ни припасы к оным... Далеко, грязь несусветная, зябко... Однако послал к нему старых вооруженных солдат, а сверх того, амуниции на тысячу человек для прибывающих рекрутов... Поиск на Журжу и очищение берега дунайского как можно далее и как можно скорее – вот задача, которую можно было выполнить еще в декабре. Помнится, прибыл в середине декабря подполковник граф Миних и доложил, что войска, введенные в Валахию для распространения своих завоеваний, стоят без всякого действия. И никакого объяснения своему бездействию предводитель корпуса не мог дать. Смехотворно его объяснение, что видели неприятельский разъезд около монастыря Комин... Ну и что же? Нужно было направить войска вслед за этим разъездом, дабы оградить себя от действий турок с этой стороны. Еще Гудович мне писал, что мог бы взять Журжу, теперь же пришли новые полки, сил стало больше, а Олиц все бездействовал, чего-то опасаясь. Как странно все-таки назначать командиров по старшинству, следовало бы по таланту.

Тогда же Гудович взял бы Журжу, и не было столько с этим излишних хлопот. Настоящий полководец должен не только знать, как победить неприятеля, но и уметь своими победами воспользоваться. Если б Олиц использовал время и обстоятельства своего положения и сразу бросил на Журжу достойный деташемент, а не такое малое число... Ну что такое батальон егерей подполковника Фабрициана, ни страху не наносит неприятелю, ни пользы нашим войскам, лишь одно беспокойство за его судьбу...»

Румянцев много раз посылал ордера Олицу с требованием взять Журжу (историки подсчитали, что таких предписаний было девять!), но Олиц все медлил с решительными действиями и упустил подходящий момент, не сумел воспользоваться выгодными обстоятельствами. Дело дошло до того, что небольшие неприятельские партии проникали в тыл русского корпуса, чтобы узнать его расположение. Получив такое донесение от браиловского коменданта полковника Борзова, Румянцев возмутился наглости турок, которые могут беспрепятственно действовать в тылу армии, но еще больше удивляла его бездеятельность опытного генерала Олица... Странный генерал... Впрочем, что ж тут странного, просто старый генерал, привык действовать по старинке, по отжившим схемам фельдмаршала Миниха и ему подобных в Европе. Все искал причины отложить взятие Журжи. Ссылался на малочисленность людей в полках. «Сия жалоба, – думал Румянцев, – сделалась всеобщей, но разве они не видят, с каким числом солдат мне самому вести войну приходится?»

Или вот другая причина бездействия Олица. Дескать, для взятия Журжевской крепости необходимы мортиры. Неужто не понимает опытный генерал, что сие оружие наиболее потребно, чтоб оным разрушать крепкие своды в погребах или магазинах? А в Журже

нет подобных зданий. Видевшие тамошний замок говорят, что он стоит в сорока сажнях от берега, так что вполне можно было обойтись одними пушками... Упустил выгодный момент, а турки не сидели сложа руки, воспользовались бездействием русских в Валахии и возвели новые укрепления. Теперь же взятие Журжи обошлось русским двойной ценой. А сколько раз Румянцев в ордерах к Олицу указывал ему, чтоб не упустил момент! Но нет, не воспользовался, тянул время, выставляя все новые причины своей медлительности, или вовсе не уведомлял о своих действиях, что, естественно, приводило в ярость фельдмаршала, которому совершенно непонятно было такое отношение к делу. Румянцев отчетливо понимал всю важность Журжи: раз крепость в руках неприятельских, то русские не могут утвердиться на берегу дунайском. Более того, чем больше русские медлили со взятием этой крепости, тем больше возникало трудностей для ее овладения, и турки до того осмелели, что и сами начали действовать на левом берегу Дуная. А это нарушало планы Румянцева...

...В конце января 1771 года Румянцев понял, что третьей кампании не избежать: султан не согласился с предварительными условиями мира, которые предложила ему Екатерина. А это означало, что нужно разрабатывать план действий целой армии. Для этого же следовало предугадать возможные действия неприятеля. И Румянцев поставил себя на место неприятеля и тщательно продумал план кампании за турок.

Он наметил три возможных варианта будущих действий турок. Первый: высадив пехоту на берег Черного моря, а конницу переправив через Дунай на левую сторону Прута, начнут отбирать у них завоеванные крепости Аккерман, Килию и Бендеры, чтоб тем самым помешать наступательным действиям

второй армии в Крыму. Второй: переправившись через Дунай, основные силы свои бросят в Валахию, чтобы опустошить этот богатый край, затруднить действия русских войск и помешать развитию их добрых отношений с молдаванами и валахами, снова подчинить их своему магометанскому игу. Третий: турки, напуганные поражениями прошлого года, ограничатся оборонительными действиями, стремясь лишь к защите противоположного берега Дуная.

В предвидении возможных действий неприятеля Румянцев и расположил свою армию, разделив ее на три корпуса, так чтобы пресекать попытки неприятеля форсировать в том или ином месте Дунай, а затем перенести действия на его левый берег.

Разрабатывая план кампании, Румянцев большую роль отводил второй армии, действия которой в прошлом году вызывали много нареканий. Польза общего дела, думал Румянцев, требует, чтобы обе армии действовали в согласии, помогая друг другу. Поэтому вторая армия заблаговременно должна начать движение за реку Днестр, не дожидаясь, когда река разольется, как в прошлом году.

Но за Днестр второй армии идти не пришлось. Русское правительство решило направить ее на Перекопскую линию, «а потом, по своему усмотрению, и на самый Крым с содействием, сколько будет возможно, Азовской флотилии». Вице-адмиралу Сенявину было предложено, «чтоб он для опознания плавания старался, во-первых, дабы два судна могли пройти из Азовского в Черное море, и чтоб он содействовал с остальными в поисках сухопутных войск». Румянцеву же предписать, что действия его армии «предоставляются собственному его предусмотрению, учреждая оныя на сей стороне реки Дуная до Ольты, так, чтоб... воспретить неприятелю переход с своей стороны за Дунай, на ту же сторону сей реки посылать

разве только некоторые партии, если иногда он за надобно найдет; при всем том, однако ж, свободнее оставить ему руки воспользоваться возможным при удобном времени и случае».

Такое решение принял Государственный совет после обсуждения проекта будущей кампании, который представил граф Григорий Орлов. Решение было одобрено и Екатериной II. Главное, что устраивало Румянцева в этом решении, так это предоставление ему полной самостоятельности.

Скорее всего, активные поиски за Дунаем развернутся лишь в следующем году, если мирные переговоры не начнутся к тому времени. А текущий год будет подготовительным. И столько нужно успеть сделать!

Так, уже в январе он приказывает провести полную разведку Дуная, в точности узнать, где фарватер для прохода судов и где следует иметь пристани. Для этого - отыскать способных к тому людей и расспросить местных жителей. Но это лишь полдела. Предстояло сражаться на Дунае, а для этого необходимо самим строить речные суда.

Румянцев видел невероятные трудности, которые возникнут при этом. И прежде всего потому, что сам он знал в этой науке лишь первые правила теории. Так что пришлось ему довериться присланному из Петербурга капитану морской службы Нагаткину. И уж дело морского департамента определить количество нужных судов, способы построения флотилии.

А флотилия неприятельская производила внушительное впечатление. По Дунаю издавна производились торги чуть ли не всей Европы с Царьградом и другими местами. Более тысячи купеческих судов ежегодно проходили здесь. К ним необходимо добавить и военные суда, с помощью которых турки осуществляли контроль в завоеванных

ими странами. Да и на многих купеческих судах имелись пушки и другое военное снаряжение.

Румянцев сомневался в том, что возможно за один год создать флотилию, способную противостоять турецкой, многочисленной и хорошо вооруженной. «Но есть ли, однако ж, и неудобность одолевать надобно, – писал он в реляции Екатерине II 15 марта 1771 года, – то заблаговременно нужно, чтоб сюда прислать потребное число всех чинов, знающих морскую службу и строительство флота, не меньше и определить снабжение всеми к тому потребам, ибо из здешних ее жителей совершенно знающие сему делу не находятся. Бедствия военные, а заразительная болезнь и того более, здешний край подвергнули во многих местах опустошению в людях».

Но если Румянцев соглашался, что строить речную флотилию необходимо, преодолевая все возникающие при этом препятствия, то решительно возражал против прожектерских настроений графа Орлова, предложившего выделить сорокатысячный корпус из армии Румянцева для похода на Царьград. «Легкой, видно, кажется сия кампания из Петербурга, – размышлял Румянцев, получив сведения об этом проекте графа Григория Орлова. – Построить за один год речную флотилию, переправиться через Дунай, дойти до Варны, оттуда водным путем перебросить корпус к Царьграду и штурмовать его... Понятно, что, кроме победы русских, другого исхода при этом штурме не предполагается. Только победа! И уж ясно, что после этого турки будут умолять о мире, который их сиятельство благосклонно подпишет на выгодных для России условиях. А стареющий фельдмаршал Румянцев брюзжит и возражает против столь блистательного и победоносного похода. И буду возражать! Согласиться с этим – просто погубить все дело! А может, их сиятельство граф Орлов не так уж опрометчив и глуп?..

Ведь эту мысль о походе он высказал еще тогда, когда мы не овладели Крайовом и Журжей, не приобрели всех пространных завоеваний, что имеем теперь на берегу дунайском. При этом за первое правило поставлял он, предопределяя сию экспедицию, что прежде всего необходимо усилить армию как числом, так и способностью для исполнения его блистательного замысла. Вроде бы и прибавили в сию армию шесть полков из второй, вроде бы определили к нам 20 тысяч рекрутов. Но рекрутский набор только начинается, а шести полков прибавки не хватит и для гарнизонов, коими должен я снабдить завоеванные крепости в такой пропорции, чтоб они могли по крайней мере воспротивиться на первый случай неприятельским покушениям. Вряд ли стоит объяснять петербургским воителям разницу в способах ведения войны наступательной и оборонительной. Даже всемилостивейшая государыня изволит знать различные свойства одной пред другой. Полководец, ведущий свои действия по правилам войны наступательной, прежде всего имеет главный пункт атаки и к оному устремляет все свои силы, поелику одолением сего пункта сразу достигает желаемого. Но в оборонительной войне нельзя взять предмет такого равновесия, ибо тут потребны на все части и силы и внимание по отражению поисков неприятельских. Сие есть мое настоящее положение, в этом году мне предназначено вести войну оборонительную, сохраняя отвоеванные земли. И в этом случае я должен соразмерять число моих сил с великим пространством объятной земли, которую должно защищать, дабы снова не попали под турецкое иго местные жители, уповающие на щит оружия своих братьев по православной вере. А если не обеспечить потребной стражей и ополчением отвоеванные крепости, то их

следует разорить, иначе они могут достаться неприятелю.

В Петербурге легко и просто рассуждать и строить планы. Они там подсчитывают только на бумаге... И вроде бы не знают, что и наступающая кампания 1771 года принесет довольно оскудение и убыль в людях, ежегодно бываемые в армии по естественным законам своего бытия... Нет, невозможно отделить от моей армии корпус в сорок или тридцать тысяч за Дунай на овладение Царьградом. Если отделить такое число, то что останется на здешней стороне для ее защиты и для поддержки одного корпуса? Если хотят всерьез предпринять такую экспедицию, то армию следует удвоить, а не подкреплять ее шестью полками и после этого надеяться отделить от армии корпус для похода на Царьград. Лучше бы подумали о том, как оградить покушения турок со стороны крепости Очаков. Гарнизон сей крепости турки, естественно, усилят и могут смелее действовать как против второй армии, так и против моей, если мы начнем свои действия за Дунаем... Вот здесь-то необходим достаточный деташемент для стражи их поисков против нас...»

Все большее внимание Румянцева привлекал молодой генерал-майор Григорий Потемкин, сменивший Кречетникова на посту предводителя отдельного корпуса, действовавшего в районе Крайова, за рекой Ольтой. Корпус занимал важное положение между крепостью Турно, все еще остававшейся в руках турок на левом берегу Дуная, и сильной крепостью Виддин, в которой сосредоточивались обычно большие силы турецкой армии для перехода через Дунай. Оказаться в окружении турок – опасное положение, и Румянецв внимательно следил за всеми событиями, которые происходили в той стороне, на правом фланге его армии. Тем более по всему чувствовалось, что генерал-аншеф Олиц не справляется с возложенными на него

предводительскими обязанностями, слишком много случаев нарушения дисциплины наблюдалось в его корпусе, слишком медленно и с какой-то непонятной натугой исполнял этот генерал предписания. Все это было непонятно Румянцеву и раздражало его.

Глава 7

Жажда успеха

Не только фельдмаршал Румянцев был недоволен медлительным движением русской армии в Валахии. Честолюбивый, горящий жаждой успеха молодой генерал-майор Григорий Потемкин тоже возмущался тем, что генерал-аншеф Олиц не проявлял инициативы в борьбе с турецкими войсками. А ему так хотелось отличиться, стать заметным, чтоб весть о его подвигах дошла до Петербурга и отозвалась хоть чуточку в сердце государыни. Он не сомневался в том, что она выделила его из толпы стоящих у трона. И дело не в росте и прекрасной наружности. Таких много и в гвардии, и среди штатских. Смекалка, находчивость, быстрый ум, необыкновенная память, проницательность, умение разбираться в людях, преданность Отечеству и престолу – вот что прежде всего отличало его. И Потемкин верил в свою звезду.

Рано оставшийся без отца, Потемкин вместе с матерью переехал в Москву, где сначала учился в учебном заведении Литкела в Немецкой слободе, а потом – в только что учрежденном университете. Уже в то время ему хотелось выделиться. Но как? То он мечтал скупить все дома за Яузой и построить огромное здание; то заявлял своим товарищам, что непременно станет архиереем или министром. Понятно, эти мечты вызывали лишь иронические улыбки – сыну бедного смоленского дворянина трудно было рассчитывать на достижение подобных целей. Правда, в Москве служил родственник матери Григорий Матвеевич Козловский, занимавший довольно высокий пост президента Камер-коллегии. Вот если бы он помог...

Григорий Потемкин рано распознал механику людских отношений: бедный родственник должен быть почтительным и услужливым. И он всячески помогал детям Козловского – и в учебе, и в будничной повседневности. А сам с увлечением изучал латинский и греческий языки, богословие, поэзию, классическую литературу, философию, страстно любил спорить, доказывать свою правоту. И одно время всерьез подумывал над тем, чтобы посвятить себя монашеской службе, и тщательно вчитывался в богословские книги. Но и увлечение богословскими проблемами его привлекало не само по себе, а как возможность быть первым и «командовать попами». Целыми ночами он просиживал за книгами, а иной раз его заставляли спать в библиотеке на бильярдном столе.

Эта увлеченность принесла первые плоды: за успехи в учебе университетское начальство наградило его золотой медалью. В числе лучших учеников он был направлен в Петербург, где удостоился чести быть представленным императрице Елизавете Петровне.

Блеск и роскошь петербургского двора пленили сердце честолюбивого юноши, и он окончательно решил пробиться к вершинам славы и богатства. Но как? Снова этот мучительный вопрос стал разъедать его душу. Он действительно мог бы стать ученым или монахом и достигнуть вершин на этом пути. Но каким долгим и мучительным казался ему этот тернистый путь! Только к старости он мог достигнуть такого положения, чтобы «командовать попами». А хотелось уже сейчас, сию минуту...

Он забросил занятия в университете, неожиданно срывался из дома, ходил по монастырям, часами беседуя с монахами о догматах веры. Полюбилось ему беседовать с архиепископом Крутицким и Можайским Амвросием Зертис-Каменским, о котором впоследствии напишут, что «Амвросий имел просвещенный ум; был

чужд всякого суеверия и лицемерия; в обхождении со всеми учтив; к подчиненным строг, но правосуден; к высшим почтителен, к низшим снисходителен, к разным благосклонен, а в подавании милостыни бедным, особливо странным и пришельцам, был щедрым без тщеславия... судия нелицеприятный, любитель наук и покровитель учащих; в дружбе искренен и в трудах неутомим...». Великолепно знал греческий и латинский языки, сам переводил богословские книги, занимался историей российской церкви. Но больше всего юного Потемкина привлекала его библиотека с редчайшими книгами, подаренная Елизаветой Петровной.

Не раз отец Амвросий благожелательно выслушивал честолюбивые мечтания Григория Потемкина, чувствовал томления искавшей выхода богатой натуры. И посоветовал ему пойти проторенными в то время путями быстрого восхождения к славе и успеху – стать военным и на этом пути дерзать. В то время шла еще война с Пруссией, и многие молодые люди сделали успешную карьеру на военном поприще. Вот как Петр Румянцев...

К тому времени Григорий Потемкин был исключен из университета «за нехождение». Узнав об этом, он снова пришел к преподобному Амвросию и высказал ему заветное желание отправиться служить в Петербург. Но где взять денег хотя бы на первое время? Мать, Дарья Васильевна, ничем помочь ему не могла. И Амвросий поддержал намерение юноши служить на военном поприще и дал ему пятьсот рублей.

Еще в 1755 году Григорий Потемкин, по дворянскому обычаю, был зачислен в конную гвардию, через два года получил чин капрала, а еще через два года – каптенармуса. Во время царствования Петра III обратил на себя внимание фельдмаршала принца Георга Голштинского, взявшего его к себе ординарцем.

Но быстротечной оказалась карьера голштинского принца в России: она окончилась вместе с Петром Федоровичем. Хорошо, что Потемкин продолжал служить в конной гвардии, где многие чуть ли не открыто выступали в пользу Екатерины Алексеевны. И тут молодой честолюбец понял, что ему нужно делать, и примкнул к свите Екатерины, когда она, подняв мятеж против законного властителя, направлялась во главе гвардии в Петергоф.

Потемкин часто вспоминал счастливый эпизод, когда на него обратила внимание Екатерина.

...В гвардейском мундире, со шпагой в руке двигалась Екатерина на лихом коне во главе гвардии. Но отсутствие темляка на шпаге, замеченное ею, беспокоило ее. И на эту «мелочь» обратили внимание и другие, но никто не решался предложить ей свой темляк. Пришлось семнадцатилетнему Григорию набраться дерзости и, подъехав к ней, предложить ей свой, унтер-офицерский. Екатерина с благодарностью приняла темляк и продолжала свой путь. Разгоряченный конь Потемкина никак не хотел слушаться своего хозяина и продолжал идти рядом с конем государыни, а это было чрезвычайным нарушением придворного этикета. Но Екатерина улыбнулась, внимательно посмотрела на красивого унтер-офицера, ловко сидевшего в седле, спросила, как его зовут. А память у нее была превосходная... После смерти Петра III она узнала и о том, что среди стражников покойного императора, заточенного в Ропшу, был и Григорий Потемкин, стоявший, как рассказывали очевидцы, у дверей той комнаты, где скончался император.

Корнет, подпоручик, камер-юнкер, 2 тысячи рублей наградных, поездка в Стокгольм с известием о восшествии на престол императрицы Екатерины II, поручик, камергер, служба в Синоде, наконец, высокий

чин секунд-ротмистра конной гвардии – вот ступеньки его пути возвышения при дворе. Но это не удовлетворило его. Он хотел большего, удача братьев Орловых, получивших, казалось бы, все земные блага, на которые могли рассчитывать выходцы из бедной дворянской семьи, не давала ему покоя. Он знал о слабости Екатерины II, равнодушной к красивым сильным мужчинам. И, бывая при дворе, стремился любым путем обратить на себя ее внимание. Григорий Орлов как-то рассказал Екатерине о великолепном умении Потемкина подражать чужим голосам, и она пожелала убедиться в этом. И смеялась до слез, когда Потемкин, отвечая на вопросы, в точности скопировал ее голос, вплоть до тончайших оттенков.

Это свидание окрылило Григория, вдохнуло в него еще большую уверенность, что Екатерина равнодушна к нему, что он ей нравится. По свидетельству очевидцев, он старался ловить ее взгляды, тяжело вздыхал при виде ее, давая понять всю безнадежность своей влюбленности, дожидаясь в коридоре дворца и, когда она проходила, падал на колени и, целуя милостиво поданную руку, успевал сказать комплименты, смысл которых был для нее совершенно ясен. Но в то время сердце ее было безраздельно занято красавцем Григорием Орловым, за которого она всерьез подумывала выйти замуж, – так она его любила.

Вскоре на эти вздыхания обратили внимание братья Орловы, не терпевшие соперничества ни в кулачном бою, ни в картах, ни в застольях, ни в любовных утехах. Они задумались над тем, как устранить со своей дороги вполне возможного соперника. Но тут «помог» им несчастный случай: настойчивый вздыхатель лишился глаза (разное говорят об этом в мемуарах). С ужасом увидел он свое обезображенное лицо. Почти полтора года молодой

Потемкин не выходил из дома, погруженный в чтение книг не столько из-за природной любознательности, сколько чтобы отвлечься от своего несчастья.

Возвращение ко двору, последовавшее после этого добровольного затворничества, ничуть не обрадовало Потемкина: по-прежнему там царствовал Григорий Орлов, еще более вошедший за это время в силу. Потемкин затосковал... И начало войны с Турцией воспринял как избавление от тоски и возможность отличиться и обратить на себя высочайшее внимание.

24 мая 1769 года, находясь в ставке князя Прозоровского, Григорий Потемкин обратился с письмом к императрице, в котором изъявил желание «кровь пролить» для славы ее величества. «Сей случай представился в настоящей войне, и я не остался в праздности», – писал он.

Григорий Потемкин был произведен в генерал-майоры и провел несколько успешных самостоятельных операций против турок. На смелого, инициативного генерала обратил внимание Румянцев и после знаменитых своих побед при Ларге и Кагуле писал в реляции Екатерине II: «Ваше Величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потемкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сколько сия причина... преклонила меня при настоящем конце кампании отпустить его в С.-Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Императорского Величества».

Но напрасно поспешил Потемкин в Петербург. Место возле Екатерины еще не освободилось. Братья Орловы крепко держались в Зимнем дворце. Свою Chesменскую победу торжественно праздновал Алексей Орлов, прибывший со Средиземного моря и пышно встреченный царским двором.

Время Потемкина еще не пришло. И он с еще большей ревностью отдался воинской службе. Тем более, что Румянцев назначил его командовать отдельным отрядом, действующим за рекой Ольтой. Большое доверие оказал ему фельдмаршал. И Потемкин старался оправдать это доверие. Тем более, что у него возникла определенная надежда, потому что вернулся в армию он не с пустыми руками. «Вручителя сего, господина генерал-майора Потемкина, я Вам рекомандую как человека, наполненного охотою отличить себя... - писала Екатерина II фельдмаршалу Румянцеву 23 ноября 1770 года «в собственноручном письме». - Также ревность его ко мне известна. Я надеюсь, что Вы не оставите молодость его без полезных советов, а его самого без употребления, ибо он рожден с качествами, кои отечеству могут пользу приносить...»

В том же письме Екатерина II от всего сердца поздравляла Румянцева «с занятием города Браилова».

Потемкин знал о благоволении к нему императрицы и ловил каждый случай, чтобы доказать, что он действительно «рожден с качествами, кои отечеству могут пользу приносить».

Румянцев, назначив его командующим корпусом, предписал ему спешно ехать в город Крайов и приступить к немедленному осуществлению обширного замысла главнокомандующего. Прежний командующий корпусом генерал-майор Кречетников был подвержен болезненным припадкам, и потому многое им упущено. И Потемкину предстояло в полной мере проявить свои организаторские способности.

Прибыв к корпусу, он убедился в том, что действительно местные жители готовы «ратоборствовать против турка», как говорил Румянцев, и отдал распоряжение формировать отряды арнаутов.

«Не так уж много арнаутов в корпусе, но лиха беда начало, потом будет больше, - удовлетворенно размышлял Потемкин, получив очередное донесение об арнаутах. - Как прозорлив фельдмаршал: действительно сей народ храбр и при державе цесарской был отличных способностей для военного дела. Не угасла в нем и природная вера, как турки ни отваживали его от имени Христова. Конечно, больше тридцати лет прошло, как Крайовский банат* отошел по Белградскому миру от Австрии к Турции, и многое здесь изменилось, но воинственный дух в народе трудно истребить... Не так уж много пришлось употреблять способов, чтобы привлечь их к военному ремеслу... Ласковое обращение с ними, обещание воздать по заслугам каждому. А цель у нас должна быть одна - победить турок».

Потемкин занимал обширный дом, в котором разместилась вся его штабная канцелярия. Слуги, ординарцы, флигель-адъютанты - все были под рукой. Стоило шевельнуть, как говорится, пальцем - и любой из них готов был тут же выполнить поручение молодого генерала. Все знали о его честолюбивых замыслах, о его связях при дворе и побаивались его. А он не очень-то распространялся о своих неудачах, больше говорил о встречах в Зимнем дворце, о веселых куртагах, беседах, точно копируя каждого из власть имущих...

Но это не мешало ему реально оценивать складывающуюся обстановку: «Вот фельдмаршал призывает вспалить сердца народные к единодушию с нами, причем не только в стране Крайовской, но и за рекой Дунай, у болгар, сербов и прочих племен веры православной. Но как вдохнуть в них надежду на покровительство и милосердие ее императорского величества? Если б действительно можно было послать за Дунай верных эмиссаров, которые могли б безбоязненно внушать местному населению мысли о

скором их избавлении от нечестивого ига магометан, о скорейшем вторжении туда победоносного оружия русского... Надобно найти эмиссаров, способных к военному делу, чтобы они разузнали, в которую сторону знаменитее турки обращают и войско, и все приготовления свои. Как велика их армия и чем они располагают для будущих действий против нас?..»

Потемкин оказался в трудном положении: с одной стороны, фельдмаршал Румянцев полностью передал ему командование корпусом, но одновременно с этим он должен обо всем докладывать генералу Олицу, «как в том краю полному командиру». А старческая медлительность Олица со всей категоричностью юности отвергалась Потемкиным. Такая раздвоенность порой угнетала его, но не надолго – желание действовать побеждало все сомнения, слабости, восполняло нехватку опыта командования столь большими соединениями.

Узнав о взятии Журжи, Потемкин понял, что вскоре действия корпуса Олица будут перенесены к крепости Турново. Это единственное место на левом берегу Дуная, которое все еще оставалось за турками. А фельдмаршал Румянцев поставил главнейшую задачу армии – очистить весь левый берег от неприятеля.

Потемкин не раз посылал небольшие отряды на разведку и из их донесений понял, что турки всерьез взялись за укрепление Турново, вовсе не собираясь покинуть этот важный для них стратегический пункт. Более того, сосредоточивают свои силы вверх по Дунаю для того, чтобы, перебравшись на левый берег, совершить нападение на его корпус в районе Крайова.

Потемкин в донесениях Румянцеву обращал внимание на движения больших турецких отрядов вверх по Дунаю, об их попытках перейти на левый берег реки. И тот приказал генералу Олицу выделить Потемкину на усиление пехотный полк, батальон егерей

и батальон гренадер. «От отделения такого не оскудеет ваш корпус, – писал фельдмаршал генералу Олицу, – ибо сверх того, что вы можете из внутренних своих постов, которые я вам писал, подвинуть на Дунай, заменить сию убыль, еще вы тем беспечнее останетесь, когда ту часть своей команды, которая ближайшею приходит по положению к лицу неприятеля, приведите в состояние, надежное сопротивляться оному и отвлекти вопреки показанием наступления, ежели бы оной и на ваш край восхотел покуситься».

И это подкрепление Румянцев дал Потемкину не только для защиты, но и для того, чтобы быть готовым к перенесению «оружия нашего на супротивный берег Дуная», чтоб не дать покоя неприятелю.

Но если б только Румянцев давал указания, а то и генерал Олиц пытался руководить действиями Потемкина, что не всегда служило пользе дела. В начале марта он направил корпус к Турново, но потом, узнав, что неприятель скапливается в большом количестве на том берегу Дуная, снова вернул Потемкина в Крайову. А ведь и без этих пустых движений было ясно, что как только корпус уйдет из города, так сразу неприятель воспользуется ослаблением этого места и устремится сюда.

И естественно, Олиц, вернув Потемкина на прежний пост, приостановил свои наступательные движения против крепости Турново, расположенной как раз при впадении Ольты в Дунай. А как быстро можно было б, двинув с двух сторон на крепость войска, овладеть ею! Но Олиц опять промедлил.

Глава 8

Письмо императрицы

21 марта 1771 года Румянцев получил рапорт от Потемкина, в котором сообщалось о наступлении на Крайов больших неприятельских сил. На этот случай фельдмаршал предлагал «оттуда уклониться в места безопасные, каковые суть тамошние горы, дабы, усмотрев потом удобность, воспользоваться лучшим авантажем над неприятелем с слабой его стороны...».

Румянцев предвидел эти действия турок и еще до рапорта Потемкина направил к нему подкрепление из Бухареста. Турки проявили обычную военную осторожность, стянув свои силы туда, где легче всего можно было форсировать реку. «Турки не могли не догадаться, что мы хотим перейти Дунай, а переход нигде так не удобен, как в том краю, где река уже, – размышлял Румянцев, составляя очередной ордер Потемкину. – Натурально посему турки и должны обратить к той стороне свое внимание. Но чтоб все их силы против Потемкина двинулись в сию уже пору, как он доносит, того еще неприметно. Откуда им взяться, если по всему супротивному берегу Дуная везде видим непременно пребывающие по-прежнему их войска? Ну а если его сведения достоверны? И в этом случае можно с честью выйти из трудного положения... Не подвергая свой корпус явной опасности, отойти и расположиться в удобном месте, используя горы, лощины, овраги, лес, а потом, выбрав время, неожиданно ударить по неприятелю. Ну а уж если действительно великое число турок устремится на этот берег и землю Крайовскую, Потемкин может перейти обратно Ольту и соединиться с корпусом Олица для того, чтобы тем надежнее оградить от дальнейших покушений завоеванные

места... Но тут встает другой вопрос... При отступлении необходимо упредить неприятельскую корысть и вывезти оттуда все, что только можно, а главное – самих жителей. Но не насильем их принуждать, а внушениями преклонять их добрую волю».

Румянцев вспомнил, как не раз уходили русские войска с завоеванных территорий, и горько ему стало от этого. «Надо напоминать жителям о том, что делают турки с теми, кто остается... И если мы что-либо вывозим оттуда, то сие чиним для их же добра, дабы отнять у неприятеля способы утвердиться в той земле. Пусть со всеми своими пожитками на какое-то время и сами удалятся оттуда... Ну а уж если не захотят вместе уходить, то не чинить при выступлении тамошнему народу никаких озлоблений, ни ограблений, ни пожаров, никаких насилий, соблюдая при этом всю строгость военной дисциплины...»

Вскоре донесение Потемкина о сосредоточении на правом берегу превосходящих сил неприятеля подтвердилось. Турецкие войска нацелились на Крайовский банат сразу с трех сторон – из Виддина, Орсова и Кладова. Понимая всю опасность создавшегося положения, Румянцев предписал генералу Вейсману атаковать противоположный берег Дуная в районе города Тульчи и таким образом отвлечь крупные силы неприятеля.

Генерал Вейсман с небольшим отрядом вышел 23 марта из Измаила и на заранее подготовленных судах отправился к Тульче. Через несколько часов достигли мыса Четал, миновали устье речки Сомовы и высадились на неприятельский берег. Но подойти к крепости незамеченными не удалось. Как только гренадеры двинулись через тростник, плотной стеной стоявший перед крепостью, турецкий пикет заметил их и, предупредив выстрелами своих, ускакал. Нечего было уже рассчитывать на внезапность атаки, а в крепости

было около тысячи человек гарнизона. Вейсман, храбрый и мужественный генерал, много раз уже отличавшийся в сражениях, заколебался: стоит ли ввязываться в кровопролитный бой в этот раз, если не уверен в его исходе? К тому же гарнизон Тульчи может быть усилен через несколько часов: Исакча и Бабадаг совсем недалеко, а там находятся основные силы турок. Но другого раза просто может не представиться: турки удвоят предосторожности и не дадут прорваться даже сюда, под стены крепости. А сейчас, если и не застали их врасплох, то не успеют они собрать все свои силы для отражения атаки...

И Вейсман решил продолжать атаку. Разделив на две колонны свой деташемент, он приказал овладеть батареями, охранявшими подступы к крепости. Прозвучавшие в Тульче три сигнальных выстрела лишь прибавили скорости колоннам, стремительнодвигающимся с разных направлений к одной цели – уничтожить батарейные посты и прорваться к крепости. Пушечный и оружейный огонь неприятеля не остановил гренадер, почти одновременно ворвавшихся на батареи. Пятнадцать пушек стали трофеями энергичных гренадер Вейсмана и генерал-майора Озерова, возглавившего вторую колонну...

Но в это время турки бросили на русских свою конницу. Оставив небольшой заслон, Вейсман с основными силами стремительно пошел на крепость. С другой стороны вел гренадер генерал Озеров. Выбитые из домов предместья, турки бросились к замку, все еще надеясь на свою конницу, пытавшуюся прорваться сквозь малочисленный заслон и ударить в тыл русским колоннам. Но меткая пальба всякий раз заставляла их откатываться назад к горной гряде, окружавшей Тульчу. Тем временем гренадеры во главе с храбрым премьер-майором Пеутлингом ворвались на четыре батареи, стоявшие около каменной мечети, и овладели

четырнадцатью пушками. В мечети, где скрылись турки, разгорелся рукопашный бой. Более ста турок было убито, и тридцать взято в плен. А конница, не раз предпринимавшая свою излюбленную атаку со всех сторон, была отражена метким огнем. Но замок взять так и не удалось. Большая часть турецкой пехоты отступила к Бабадагу.

Утром следующего дня, когда задача в основном была выполнена, Вейсман приказал отходить в Измаил. К тому же на Дунае со стороны Исакчи показались семь судов, по дороге спешили турецкие подкрепления. Неприятельская конница чутко продолжала следить за действиями русских.

Вечером 24 марта отряд Вейсмана возвратился в Измаил с греками и молдаванами, опасавшимися оставаться в Тульче.

Получив рапорт от Вейсмана, фельдмаршал Румянцев подумал, что удачный поиск на Тульчу смешает планы турок и они откажутся от попыток переправиться на левый берег Дуная со стороны Виддина, Орсова и Кладова, чтобы угрожать своими активными действиями в Крайовском банате и Восточной Валахии. Во всяком случае, он надеялся, что после этой экспедиции неприятель вынужден будет поделить свои силы и перебросить из Виддина в Тульчу часть своих войск. И в реляции от 30 марта Румянцев, высоко оценивая действия Вейсмана и личное его мужество, писал Екатерине II: «В заключение осмеливаюсь, всемилостивейшая государыня, просить... удостоить знаком, каковым благоугодно Высочайшей Вашей Милости, генерал-майора и кавалера Вейсмана, так он между генералами отличает себя искусством и усердием в службе, показав тому отменные опыты в произведенной собою экспедиции на супротивный берег Дуная».

Перед началом кампании этот успех имел большое значение для всего войска. А потому Румянцев оповестил всю армию о поиске Вейсмана для того, чтобы вдохновить солдат и офицеров на большие дела. Пусть армии отведена роль вспомогательной, как и в прошлом году. Но охрана огромной завоеванной территории тоже требовала больших усилий и воинского искусства. Наверняка в этом году турки попытаются отобрать у русских завоеванные ими в прошлом территории. Всю зиму они готовятся к кампании всерьез, сосредоточивая в Виддине до 80 тысяч войска, в Никополе до 20 тысяч. Идут войска из Боснии, готовятся к отправке 300 кораблей с войсками в Константинополе. И вся эта громада обрушится на левый берег Дуная, где на больших расстояниях друг от друга разбросаны несколько корпусов армии Румянцева.

От перебежчиков, из допросов пленных, от казачьих постов, которые постоянно наблюдали за передвижениями неприятеля, Румянцев знал, что военной мощи турок нанесен крепкий удар в прошлом году. Мало кто из пленных хотел воевать, все мечтали о мире. Женщины в Константинополе как-то окружили султана, проезжавшего верхом по столице, умоляя его окончить войну поскорее: тошно и скучно им без мужей, отцов, сыновей, братьев. Такое неповиновение в другое время было бы строго наказано, а тут султан ничего не мог сделать.

Румянцев видел, что турки пытаются нападать на левый берег, но все их поиски не увенчивались успехом еще и потому, что главной целью этих разрозненных нападений был грабеж. Не воинскую доблесть показать, а хоть что-нибудь урвать. А потому при первых же стычках они отступали не раздумывая, даже если вдвое превосходили русских по численности.

Беспокоил Румянцева корпус Олица, который должен был взять Турново, единственное место на левом берегу, где турки, сосредоточив 6 тысяч войска, сохраняют твердое намерение отстоять свою крепость. Генерал Потемкин двинулся было к Турново, но турки, узнав об этом, напали на местечко Чернец, взяли в плен прапорщика гусарского полка Требинского, убили двенадцать арнаутов и сожгли местечко. Распространившееся известие о нападении больших сил неприятеля на Кранов со стороны Орсовы и Чернеца было вполне реальным, а потому генерал Олиц велел Потемкину возвращаться в Крайов.

Такое топтание на месте не нравилось Румянцеву, и он приказал послать к Потемкину еще один полк пехоты, батальон гренадер. Вскоре эти войска выступили из Бухареста.

«Турно, Турно – вот помеха всем нашим планам, – часто думал Румянцев. – Это как живая артерия, которая снабжает кровью надежды турецких военачальников. Здесь можно сосредоточить не только шесть тысяч, но гораздо больше, и распространить свои устремления туда, куда захочешь: и на Бухарест, и на Измаил, и на Яссы... За Турно они будут держаться, как малое дите за руку матери... А мои генералы топчутся на месте, тешатся детскими забавами, скачут туда-сюда и распространяют сказки. Нужно сделать все возможное, чтобы захватить эту крепость...»

От пленных Румянцев знал, что турки готовятся напасть на него в нескольких местах в день Светлого Воскресения, в день Пасхи. И действительно, 27 марта из Силистрии вышла флотилия из больших и малых судов с десантом, направившаяся к Ликорештам. Меткая пушечная пальба по флотилии, открытая по приказу полковника Брауна, помешала приблизиться туркам к берегу и высадиться на нем. Пришлось им высадить десант на острове. Но и здесь их доставали

русские ядра. И две тысячи конницы и тысяча пехоты снова вынуждены были сесть на суда и отплыть к своему берегу. Так была сорвана попытка внезапного нападения турок.

Предполагался десант из Тульчи и Исакчи, но умелые действия Вейсмана сорвали и эту попытку. Были и другие атаки левого берега Дуная, но и они повсеместно были отбиты.

Тяжело заболел генерал-аншеф Олиц. Он сдал командование корпусом генерал-майору И.В. Гудовичу, а 7 апреля скончался в Бухаресте.

В начале апреля турки снова попытались закрепиться на острове против местечка Ликорешты, где находился пост полковника Брауна. И снова действия русских увенчались успехом: неприятелю пришлось покинуть остров и уйти в Силистрию.

Комендант Браилова, в свою очередь, провел успешную операцию на правом берегу Дуная. Высланная им партия незаметно, от острова к острову, пробралась на тот берег. Напала на деревню Сципинягу, переколола до 50 турок. Разыскала спрятанные ими в деревне лодки и перевезла на левую сторону Дуная 124 христианских семейства, около 550 человек.

Все это была проба сил, разведка боем. Она воспринималась Румянцевым как подготовка к решительным действиям военной кампании 1771 года. Его заинтересовали показания пленных, которые сообщили, что в низовьях Дуная сейчас едва ли наберется тысяча турок, но через месяц в Бабадаг, затем в Исакчу прибудет большое войско из Румелии. Удивило Румянцева и сообщение о том, что турки посылают 300 судов в Крым для того, чтобы забрать оттуда находящиеся там войска и высадить их в крепость Узу... Неужто они еще не знают, что главные события в этом году ожидаются именно в Крыму, куда

устремятся основные усилия России? Это было странно, потому что сколько уж раз Румянцев убеждался: все, что замышляется в Петербурге, тут же становится известным в Европе, а потом находятся доброхоты, которые ставят в известность и Константинополь.

Во всяком случае, пока в Бабадаге и Исакче не много турок, Вейсман может повторить поиск на Тульчу или Исакчу. Необходимо еще раз показать наши серьезные намерения на правом берегу Дуная. А то уж что-то очень упорно они накапливают силы в Виддине и Никополе. «А почему в Виддине?» – мелькала мысль у фельдмаршала. Однажды кто-то подсказал ему, что у турок есть поверье, будто с падением Виддина наступит конец всей Оттоманской империи... «Нет, пожалуй, дело не только в суеверии и предрассудках турок, – решил Румянцев. – Виддин – это стратегическая дорога к сербам, болгарам и вообще к христианским народам, которые поддерживают нас и жаждут помощи от нас в святой борьбе за освобождение от ига турецкого... Молодец генерал Потемкин, что укрепляет связь с болгарскими арнаутами, снабжает их оружием и деньгами, обещает им разные выгоды и преимущества за активную борьбу против турок».

Странное впечатление производил Потемкин. Вот в таких мелочах, как организация связи с болгарскими арнаутом, распространение слухов о возможных его действиях, организация арнаутов в отряды, – тут энергия его так и клокочет. А как только необходимо организовать экспедицию с чисто военными целями, тут он теряется, как младенец, и требует всяческих указаний, словно боится сам распорядиться своими силами. Ведь сколько раз Румянцев, прекрасно понимая всю стратегическую важность задачи, стоявшей перед корпусом Потемкина, посылал туда подкрепления, ровно столько, сколько необходимо для сдерживания скопившихся в Виддине турок. Недавно по его приказу Гудович тоже выделил

Потемкину подкрепление. Ну и что же?.. Турно - по-прежнему в руках турок, а Потемкин и Гудович никак не договорятся о совместных действиях. Молодые генералы, не привыкли еще командовать самостоятельно... Вот пошлет Гудовичу генерал-квартирмейстера Боура, вернувшегося из Петербурга, он эти места хорошо знает, пусть он наметит, как лучше расположиться всем корпусом. Может, сие новое расположение войск и приведет к восстановлению связи между корпусами Гудовича и Потемкина и окажется благоприятным для защиты землям, которые им надлежит заграждать...

Турки готовятся перейти на левый берег Дуная, Вейсман видел и приказал сжечь великие приготовления для моста. Пленные сказывали, что визирь еще в Бабадаге держится. Но на речи пленных нельзя полагаться, надобно самим примечать склонение неприятельское, в которую сторону оно идет, ибо до сих пор нельзя сказать ничего определенного, в какое место целит неприятель своими силами. Вот не успели взять Турно, упустили время после взятия Журжи, а сейчас с каждым днем все труднее, турки умеют укреплять свои крепости, такие возведут земляные валы и ретраншементы, что понадобится целая армия, месяцы правильной осады, чтобы сломить их сопротивление. Но только Потемкин и Гудович могут знать, что им предпринять. Пусть Потемкин тоже попробует атаковать правый берег Дуная в районе Орсова и Цымбры... А перед этим Вейсман нападет на Исакчу. Туркам нельзя давать возможности спокойной подготовки для собственных диверсий. Пусть они не знают покоя в этом году...

...Снег уже растаял, только в горных местах еще кое-где белели остатки посеревшего снега, окруженного весело зазеленевшей травкой. Но воды кругом накопилось много, что не успевала стекать в

реки, и активные действия с обеих сторон были на какое-то время приостановлены. Активизировалась лишь работа в штабах, вырабатывавших планы очередных операций. Румянцев прекрасно понимал, что турки, напуганные прошлогодними поражениями, вряд ли скоро осмелятся на открытые бои, скорее всего, предпочтут осторожные операции, создавая численный перевес...

Во всяком случае, Румянцев был доволен тем, что наступает пора решительных действий, возвращаются его боевые генералы, неплохо отдохнувшие в Петербурге и в своих деревнях. Боур, князь Репнин, а несколько раньше Потемкин и другие генералы и полковники... Всем можно отдыхать, только не Румянцеву...

Вернувшиеся из отпуска генералы немало рассказывали ему о Петербурге, о светских новостях, и прежде всего о пребывании в России прусского принца Генриха, который, по словам бывавших у него генералов, высоко отзывался о нем, Румянцеве, передавал ему слова одобрения. И вот недавно он прислал фельдмаршалу личное письмо: «Господин граф! Мне очень приятно видеть из письма Вашего ко мне, что Ваши друзья сообщили Вам о питаемых мною к Вам чувствах. Мог ли я не интересоваться подвигами человека, достоинства и великие военные дарования которого привлекают на себя внимание всей Европы и ее рукоплескания? Если бы в числе сожалений, ощущаемых мною по поводу разлуки с Вашею августейшею императрицею, могло бы иметь место еще какое-либо другое, то, без сомнения, оно было бы порождено тем, что я принужден был покинуть Россию, не имев удовольствия Вас видеть. Я, впрочем, милостивый государь, несколько в этом утешился уверенностью, что чрез это увеличится слава русского оружия. Это соображение должно иметь перевес над

моим личным удовольствием тем более, что я нисколько не сомневаюсь, что новыми подвигами Вы еще более увеличите громкую известность, Вами уже приобретенную, выгодные же последствия оных не замедлят породить достославный мир для Вашего отечества и обеспечить за Вами почетное место среди великих полководцев. С величайшим уважением к Вам остаюсь Ваш искренний друг *Генрих. Берлин. 7 апреля 1771 года*».

И слова, переданные несколько недель назад, и это письмо радовали Румянцева, не лишенного, как и все люди, честолюбия. Тем более они исходили от человека отважного и искусного в сражениях.

Польстило Румянцеву и письмо от польского короля, врученное ему генералом Мальчевским. Вот оно:

«Господин фельдмаршал граф Румянецв-Задунайский! Я избрал подателя сего письма, генерал-майора Мальчевского, состоящего при украинской дивизии войск республики, для выполнения очень близкого моему сердцу поручения, в содействии которому с Вашей стороны я тем более уверен, что постоянно, в продолжение минувшей войны, доставившей Вам столько славы, находил в Вас, милостивый государь, самое благосклонное расположение ко всему, что могло уменьшить бедствия войны для обывателей Польши и тем самым укрепить добрая отношения между двумя народами.

Я убежден, что если Ваше сиятельство имели бы возможность находиться в Польше с год тому назад, то не накопилось бы столько столкновений с Вашими войсками... Ваш справедливый образ действий в минувшую войну в отношении крепости Каменец отстраняет во мне всякое сомнение, что и в настоящее время Вы не откажетесь, в самом скорейшем времени, отменить приказание, на основании которого отряд русских войск стоит около самого Длучка...

Чем сильнее великий полководец сумел заставить трепетать врагов его государыни, тем несравненно более будет стараться удовлетворить друзей той же государыни человеколюбивый правитель и хороший политик. Вот двойная похвала, которую до настоящих дней никакой военачальник не заслужил в большей мере, нежели Вы, милостивый государь. Убежденный, что Вы пожелаете заслужить эту похвалу равным образом и в будущем, я совершенно надеюсь на полный успех поручений, возложенных мною на генерала Мальчевского, которому завидую предстоящую ему возможность лично беседовать с героем, ознаменовавшим славою свой век, и которого с величайшим удовольствием остаюсь искренно преданным *Станислав Август король. Варшава. Сего 10 апреля 1771 года*».

И снова, в какой уж раз за последние дни, фельдмаршал Румянцев стал перебирать в памяти события, происшедшие в Польше и Пруссии и ставшие ему известными из переписки и устных донесений... Оторванный от столичного общения с первейшими лицами в государстве, лишенный информации из первых рук, Румянцев, тем не менее, стремился быть в центре всех наиболее значительных событий прошедших месяцев. Конечно, он не знал всех подробностей и тонкостей, которые мог бы получить, непосредственно общаясь с теми же Никитой Ивановичем Паниным, Александром Алексеевичем Вяземским и другими государственными лицами, от которых во многом зависела внешняя и внутренняя политика государства Российского. Он не мог покинуть обширнейший завоеванный край, одна водная граница которого по Дунаю простиралась на шестьсот верст, от Орсова до устья Дуная... Кроме того, из Малороссии постоянно приходили письма, в которых ставилось много беспокойных вопросов. Десятки сложнейших

задач необходимо было решать каждодневно. Не хватало времени даже на сон... И сейчас столько беспокойства вошло в его сердце, а голова была забита постоянными политическими комбинациями... Польские события заботили его больше всего. В сущности, эти события и были причиной разгоревшейся войны. Турция, поддержанная Францией, не захотела усиления влияния России в Польше. А Россия, чувствуя свою возрастающую силу и мощь, приняла вызов турецких гордецов, не забывавших о своем былом могуществе в Европе...

Ах, если бы побольше Румянцев знал, что творится в европейских дворах, определяющих мировую политику! Сколько раз просил он графа Панина о снабжении его, главнокомандующего армией, полным наставлением о делах иностранных... Нет, не из простого любопытства он хочет знать больше, а единственно из-за того, что дела иностранные сплетаются с делами военными, на него возложенными. Неужели граф не понимает, что каждое его наставление как свет доселе ходившему в потемках... Больше трех месяцев назад с Григорием Александровичем Потемкиным прислал он дружеское письмо, в котором было обещано рассказать о положении дел международных, в общей связи, но так и не сдержал слова. А насколько ему было бы легче, если б он знал положение тех дел, от которых зачастую зависят и все его действия и военные операции. Человеку, просто взирающему на предстоящее своим глазом, нельзя той видеть пользы, которую видит тот, кто знает тайные, сокровенные причины происходящего. Легко ошибиться полководцу, не имея сведений о той части дел политических, которые дают правила военным. Он как человек без этих сведений может что-то просмотреть, недооценить какого-то факта или события... Не зная предмета в полном объеме или видя его с какой-либо одной стороны, он не может

порой принять правильного решения... Вот почему он ищет прибежища в графе Панине как сушем милостивце и друге, прося всепокорно дать ему со всей откровенностью и полнотой сведения о положении российских политических интересов в настоящее время.

А вот газеты пишут, и посторонние слухи подтверждают, якобы рушилось согласие русского двора с датским и будто цесарцы свои войска выводят на границы, обеспокоенные нашим противостоянием и нашими победами на правом берегу Дуная. А ведь сии известия могут оказаться всего лишь ложными слухами, которых ох как много распространяют враждебные круги...

Так что рассуждать обо всех слухах, которые здесь распространяются, он просто не имеет права без необходимых наставлений и руководства графа Панина. Вот почему он так ждет каждой весточки из Петербурга, будь то рескрипты Екатерины II или ее дружеские письма, будь то наставления его сиятельства графа Панина или сдержанные письма графини Румянцевой... Здесь он видит лишь малую часть того большого, что свершается сегодня в мире. Даже и то, что он видит, не всегда может решить на свой страх и риск, хотя нечего ему вроде бы бояться, да и вообще не из трусливых. Но как вот поступить с господарем Гиком, который прибыл сюда для посредства мирных переговоров? В сем деле ему участвовать не удалось, все обратилось по другим каналам, и он, не видя своего жребия, которым его обнадежили, явно находится в смущении. А что ему было поручено и что обещано за посредство этих мирных переговоров? Румянцеву неизвестно... Более того, он не знает, что с ним делать, хотя из разговоров с господарем он понял, что это человек, хорошо познавший дела не только турецкие, но уже довольно свыкшийся с делами российскими. К тому же не подает

он ни малой причины подозревать его верность России, но, с другой стороны, граф Панин должен знать, что господарь Гик оставил в Турции свою семью и все богатство как наидрагоценнейший залог верности султану...

Нельзя не оглядываться на сей предмет... Вот почему только в Петербурге могут глубже и точнее предвидеть и сообразить сие обстоятельство, а он, фельдмаршал Румянцев, может только доложить об этих обстоятельствах и точно выполнить все данные ему предписания... Где его поместить? Если держать его по-прежнему при армии, то снова придется тратить на него и его свиту большие расходы, да и людей лишних нет для его караула и услуг. Конечно, господарь Гик мог бы помогать Румянцеву в управлении обоими завоеванными княжествами, но кто тут может указать порядок, где оно и тень ни во что не проникла, когда наглость, ложь, обман и хищение полным образом в сих землях княжит. Он теперь все видит своим глазом и, сколько можно, вмешивается в управление княжествами, хотя все только учреждается... А так нужен порядок, который будет только способствовать премногим военным нуждам и пресекать очевидные бездельства. Но что он может поделать без наставлений из Петербурга?

Или вот еще один старый вопрос, который мучил Румянцева и не давал ему покоя... Писал он Панину, испрашивая руководства в решении этого сложнейшего вопроса... Как поступить с поселившимися в Молдавии раскольниками? Больше года назад граф Панин, предоставив ему возможность начать мирные переговоры, предложил высказаться и по этому вопросу. Румянцев высказался, но раскольники решили обратиться в Петербург. И вот дело затянулось. Теперь раскольники просят у фельдмаршала, как главноначальствующего, и в княжествах определить к

ним управителя из русских, а все потому, что молдавское начальство погрязло в безделье и сребролюбии... А выбранный из них депутат давно еще отъехал в Петербург и до сих пор еще не возвратился... И сколько таких вот вопросов возникает ежедневно в канцелярии фельдмаршала Румянцева, и каждый из них, даже самый, кажется, малюсенький, нуждается в его личном участии... За каждым из них – судьбы людские...

Румянцев окинул взглядом заваленный бумагами огромный письменный стол, на котором горделиво возвышался подсвечник, подаренный местными купцами, приготовленные перья для письма... Взгляд его наткнулся на красивую шкатулку, в которую он складывал самые важные бумаги. Вот три письма императрицы. Два-то из них не так уж важны, а вот третье... Румянцев взял в руки недавно полученное письмо. Чуть больше месяца прошло с тех пор, как императрица отправила его из Петербурга, около месяца назад впервые он прочитал его, а до сих пор слышится ее наставительный голос:

«Граф Петр Александрович! Российская есть пословица: на Бога надейся, да сам не плошай. Сия пословица заставляет меня ныне писать к вам в рассуждении наших обстоятельств. Весьма, конечно, желателен мир, но, не видав сему желанию начала, не то чтобы конец, нужно, несомненно, думать о будущем; в том разуме отправлены к вам морские офицеры для вымерения рек и осмотра лесов; но то и другое бесконечно будет, если вы да Я не примемся прямо за дело. Построение судов, и какие суда строить, в том большая нужда, если в 1772 году поспешить смелым предприятием – конец бед рода человеческого; и для того прошу вас приказать наискорее сделать какое ни на есть положение, что строить, где, кем и из чего, одним словом, разбудить нерасторопность господ

морских, и дайте жизни и живости сему предприятию, дабы время не ушло понапрасну и чрез то Мы б не были принуждены нести еще несколько лет тягостное бремя военного пламени. Впрочем, остаюсь, как и всегда, к вам доброжелательна».

Видно, действительно, Яссы, где находится главный штаб первой армии, становятся в какой-то степени центром европейской политики, если такие царственные особы, как Екатерина II, принц Генрих и король Станислав Понятовский, обращаются к нему, фельдмаршалу Румянцеву, с письмами и указаниями, просьбами и наставлениями... Ну что ж, он готов принять бремя руководства двумя княжествами, и краем, и армией, и Малороссией, и принять участие в любых переговорах, которые возникнут по ходу событий. А пока нужно осуществить несколько успешных операций на том берегу Дуная, чтобы турки не позабыли о Кагульском сражении.

И повседневные дела вновь закружили Румянцева: он посылал ордера Вейсману, Потемкину, Гудовичу, наставлял своими советами управителя княжествами Римского-Корсакова, диктовал письма в Петербург, Берлин, Варшаву...

Часть пятая
Тревожные будни в Яссах

Глава 1

«Будет исполнено, ваше сиятельство»

В эти солнечные апрельские дни тревожно было на душе у отважного генерала Вейсмана. Казалось бы, живи и радуйся солнцу, небу, которое с каждым днем становилось все выше и выше, словно раскрыв купол над русскими войсками, траве, зеленым ковром покрывавшей буджакские степи и дававшей корм для лошадей, истомившихся за зиму на голодном рационе. А тревога с каждым днем росла: в Исакчу, на которую по приказу Румянцева Вейсман собирался напасть, каждый день прибывали неприятельские войска и усиливали ее гарнизон. Все это могло расстроить так хорошо продуманный план нападения. Лодки, суда давно были подготовлены для переправы на тот берег Дуная, 1400 гренадер, 200 мушкетеров, 40 артиллеристов, необходимых для того, чтобы заклепать захваченные орудия, две пушки для отражения атаки неприятеля. Ждали только сигнала к началу операции.

14 апреля Вейсман с detachmentом направился в сторону известного нам мыса Чатала. Сильный встречный ветер и быстрое течение Дуная с трудом преодолевали гребцы. И лишь поздно вечером флотилия достигла мыса. Если продолжать движение к Исакче, то крепости можно достигнуть лишь через несколько часов, а в это время наступит полный рассвет, и их сразу же обнаружит неприятель... Какое уж тут внезапное нападение! Посовещавшись с

испытанным в боях генералом Озеровым, Вейсман принял решение отойти на девять верст назад и притаиться там на острове до вечера, с тем чтобы атаковать крепость в ночь на 16 апреля.

Здесь, на острове, Вейсман получил предписание Румянцева, в котором предлагалось сделать нападение на Исакчу и сжечь тамошние магазины. Приказ был прочитан собравшимся офицерам и войскам. Настроение повысилось: все хорошо знали, что фельдмаршал не обойдет их наградами.

И еще одно известие получил Вейсман: в Исакчу вошел новый отряд неприятельских войск. Но генерал не дрогнул. В четыре часа пополудни он приказал погрузиться на суда и лодки и вновь плыть к мысу Чатал, где предусмотрительно был оставлен авангард из двухсот человек. Но все расчеты генерала рухнули из-за того, что командовавший авангардом секунд-майор Иохимсен ушел с мыса на несколько верст вниз по Дунаю. А неприятельский пикет занял его как раз в тот момент, когда русская флотилия приближалась к мысу, не подозревая о неприятном происшествии, которое могло спутать все их планы.

Так оно и вышло. Турки увидели приближающуюся флотилию с гренадерами и открыли пальбу. Вскоре они уже плыли по направлению к Тульче, предполагая, что именно сюда, как и в марте, направят свои суда русские гренадеры. Это несколько успокоило и обрадовало Вейсмана. Пусть так и думают, это на руку. Главное, чтобы в Исакче не прознали о поиске. Но, как на беду, впереди них шло турецкое судно, которое могло опередить их и дать сигнал тревоги. Вейсман приказал догнать судно и захватить его. Туркам ничего не оставалось, как пристать к левому берегу и скрыться в камышах. Захваченное судно оказалось набитым соломой, предназначенной для гарнизона Исакчи. Так

что предосторожность, проявленная и на этот раз генералом, оказалась нелишней.

В четыре часа пополудни отряд гренадер тихо и незаметно высадился на правом берегу Дуная, недалеко от неприятельских батарей. Построившись в две колонны, с авангардом впереди, быстро занял две батареи и лагерь. Ошеломленные турки были настолько растеряны, что не успели сделать ни одного выстрела из пушек и обратились в бегство.

Правая колонна русских, поддерживая авангард, двигалась к пристани по берегу, а левая – во главе с Вейсманом, преодолевая горы и лощины, подходила к крепости с другой стороны. На рассвете турки обнаружили приближающихся гренадер и против Вейсмана выслали кавалерию, а против Озерова – янычар, засевших за плетнями в виноградном саду. Янычары устояли после удара авангарда, поливая его свинцовым дождем, но в это время с правого фланга, перескочив через плетень и открыв сильную ружейную пальбу, ворвались в сад гренадеры капитана Калонтаева и ударили в штыки. После упорной рукопашной схватки янычары отступили к кладбищу, где продолжалась отчаянная борьба.

Генерал Озеров заметил, что неприятельские пушки, защищавшие замок, стоявший на берегу, так тяжелы, что повернуть их от реки в сторону атакующих оказалось почти невозможно. Нельзя было медлить, надо было воспользоваться оплошностью турок. И тогда по его приказу авангард Иохимсена устремился вперед и овладел двумя важнейшими батареями в количестве двадцати двух пушек. В это время остальная колонна, преодолевая упорное сопротивление засевших на кладбище янычар, заставила обратиться их в бегство и овладела еще одной батареей, непосредственно прикрывавшей подступы к городу.

С другой стороны к городу подходила колонна Вейсмана. Ее встречала многочисленная конница неприятеля, как всегда, атаковавшая сразу с трех сторон – лишь правый фланг русских невозможно было атаковать из-за гористой местности. Колонна мгновенно перестроилась таким образом, что три ее фаса, управляемые опытными командирами, успешно отразили кавалерийскую атаку неприятеля. Меткая стрельба, мужество и хладнокровие гренадер спасли положение. Отброшенная турецкая конница затаилась в лощинах недалеко от города.

Захватив две батареи, прикрывавшие город с этой стороны, Вейсман вновь двинулся к Исакче. С другой стороны к городу подходил отряд генерала Озерова. Соединившись, обе колонны построились в одну линию, заняли высоты, с которых город был виден как на ладони. Снова и снова накатывались на гренадер неприятельские всадники, но каждый раз с большим для них уроном атаки бывали отбиты. Этому способствовало и то, что были пущены в дело захваченные батареи неприятеля.

Между тем необходимо было уничтожить склады неприятеля, лишить его довольствия. Вейсман выслал секунд-майора Кафтырева со 160 гренадерами для разгрома магазинов, расположенных у реки и охраняемых батареей из пяти пушек. Штыковой атакой гренадеры выбили турок с позиции и, взяв батарею, бросились к замку, которым тщетно пытался овладеть Иохимсен. Но замок оказался неприступным для лобовой атаки. Высокие каменные стены его можно было разрушить только большими ядрами. Но набралось только тридцать таких ядер, а этого было явно недостаточно. К тому же турки уже переполошились и вскоре станут стягивать сюда резервные войска, которых малочисленному отряду русских не одолеть.

И Вейсман приказал держать неприятеля в замке до тех пор, пока гренадеры не оставят Исакчу. Но что делать с тремя большими провиантскими магазинами? Не оставлять же их противнику... И вскоре деревянные склады ярко запылали.

А в это время премьер-майор Циглер, назначенный с командой для охраны лодок и судов, проявил находчивость и смекалку. Поднявшись вверх по Дунаю на судах, он приказал сжечь остатки моста, высадил на берег половину своей команды и бросился в город для истребления складов. Неприятельская конница, словно разгадав его намерения, пыталась рассеять команду. Но Циглер истребил магазины и отошел к берегу с несколькими взятыми на турецких батареях пушками.

И, только дождавшись, когда все склады сгорели до самой земли, как заметил историк, Вейсман в четыре часа пополудни отошел к судам, готовым к отплытию. Зная неукротимый нрав своих неприятелей, русские отходили в строгом порядке, с авангардом и непременным арьергардом, который до самой реки отражал атаки выскочивших из замка янычар. В полночь Вейсман с отрядом благополучно возвратился в Измаил.

В рапорте Вейсмана графу Румянцеву от 18 апреля 1771 года говорилось о большом успехе поиска к Исакче, в которой было больше 6 тысяч человек и 51 орудие на стенах замка и на батареях, охранявших замок и город. Истреблены огромные запасы продовольствия, взяты или испорчены пушки всех батарей вокруг города, захвачено 7 знамен, сожжено множество судов, вывезено 30 болгар, работавших на починке турецких судов и понтонов, взято в плен 86 турок, вывезено множество семей армян и молдаван по их просьбе; 27 захваченных больших судов были спущены вниз по Дунаю и через какое-то время доставлены в Измаил.

В рапорте говорилось о храбрости генерала Озерова и подполковника Блюхера, руководившего схваткой в саду и под стенами замка. Впрочем, писал Вейсман, все офицеры были до того усердны, что при снаряжении экспедиции никто не хотел оставаться в Измаиле и все неотступно просили взять их с собой.

Подполковник Блюхер, посланный с рапортом к Румянцеву и с захваченными трофеями, ласково был принят фельдмаршалом, который так ждал этого радостного для всей армии события. Блюхер рассказал о том, что сообщили пленные турки. Особенно ценную информацию дал грек Георгий Рензыев, который был вхож ко всем турецким начальникам, в том числе и к самому визирю.

2 мая 1771 года... В этот день Румянцев ждал прибытия в Яссы генерал-поручика князя Репнина, с которым они совершили первый поход в 1748 году на Рейн, участвовали в войне с Пруссией, сражались вместе при Кунерсдорфе... Тридцать семь лет генералу Репнину, а сколько уже он повидал на своем веку: был во французской армии и принимал участие в Минденском сражении, во взятии Берлина корпусом Чернышева, а спустя годы принимал участие в переговорах в Берлине с датским двором о голштинских делах. Потом Репнина назначили полномочным министром русского двора в Польше. Но полезной ли была там его деятельность? Румянцев так и не мог ответить на этот вопрос. Во всяком случае, ему казалось, что король Станислав-Август, для избрания которого так много сил приложил князь Репнин, не пользуется доверием ни в Варшаве, ни в Петербурге... Скорее всего, дипломатическая деятельность князя Репнина, прибегшего к силе как средству достижения своих целей, породила Барскую конфедерацию и отряды конфедератов «для защиты веры и древних

республиканских свобод»... А вот участие Репнина в войне оказалось более успешным. Румянцев видел его в сражении при Ларге и Кагуле, успешно действовал он и при Измаиле и Килии... Но вот что странно. В Польше сменил он умершего графа Кейзерлинга, в прошлом году был назначен командующим Валашским корпусом вместо умершего от чумы генерала Штофельна, а теперь вот – вместо скончавшегося генерала Олица. Каждый раз словно рок расчищает ему очередное место, думал Румянцев.

Вошедший дежурный генерал доложил, что князь Репнин приехал в Яссы, но слег в постель в жесточайшей горячке.

– Прикажете навестить его от моего имени, – сказал огорченный фельдмаршал. – Уж не заразительная ли болезнь? Узнайте...

– Будет исполнено, ваше сиятельство. Но говорят, ничего опасного, обычная горячка.

Генерал вышел, а Румянцев сокрушенно покачал головой. Сколько уж раз такая вот нелепая случайность вмешивалась в его планы! Он так надеялся на приезд опытного и искусного военачальника, столько предстояло сделать в Валахии, которая, скорее всего, станет театром военных столкновений в текущем году. А Гудович еще не обрел достаточного опыта, в нем есть все необходимые свойства большого военачальника, но в каждом деле нужно постепенно накапливать умение и искусство. Может, когда-нибудь и станет большим военачальником, но только не сейчас... Потом стали приходить один за другим дежурные офицеры, докладывали об очередных делах, главным образом о подготовке выступления основных сил армии к местам летнего расположения войск. Наступала пора активных действий всей армии, нужно было быть поближе к месту предстоящих баталий, чтобы вовремя дать совет

или подкрепления. Яссы же слишком далеко отстоят от главных событий кампании.

Лишь через несколько дней выздоровевший князь Репнин прибыл в штаб армии. Румянцев тепло принял его. И потек разговор старых соратников. О Петербурге, о знакомых и друзьях, о графе Панине, принце Генрихе, гостем которого часто бывал князь Репнин, об императрице.

- Вы только что прибыли из Польши, - наконец перевел разговор Петр Александрович на волновавшую его тему. - Как там новый полномочный министр Салдерн? А то ходят какие-то слухи...

- Вы знаете, это мой старый знакомый. Он бывал у меня, но быстро убедился, что дела в Польше тогда были так запутаны, что нельзя рассчитывать на скорое их решение, а потому быстро сбежал.

- А как его там встретили ныне? - интересовался граф Румянцев.

- О, лучше встретить и невозможно было! Он приехал в первых числах апреля. Патриоты встречали его карету и проводили до апартаментов, там были даже и при разувании его - честь неслыханная иностранному послу. Но он обошелся с ними холодно. Всех ругает последними словами, примаса Подоского обзывает саксонцем, у которого нет ни закона, ни веры, ни кредита, дескать, его не уважает народ, его презирают сильные, ненавидят слабые. С ним ни один честный человек, говорил Салдерн, не согласится совместно действовать. Критически относится и к епископу Виленскому Мосальскому, называл его лукавым, ненадежным, воеводу калишского обозвал трусом преестественным, воеводу подляшского - продажным, деньги, дескать, единственное божество его. Великий канцлер коронный епископ Познанский Млодзеевский, по его словам, Макиавелли Польши, продающий себя тому, кто даст дороже. Маршал

литовский Туровский – человек умный, но без чести, через него лучше всего выведывать чужие тайны...

– Что ж, неужто ни одного честного человека нет, преданного России? – недоумевал Румянцев.

– По Салдерну, граф Флеминг, воевода померанский, единственный твердый и надежный человек, друг России по внутреннему убеждению.

– Не так уж много наших сторонников в Польше, как видно. А может, он не знает? Как вы-то думаете? Ведь вы много там служили, должны знать людей, да и обстановку. От этого очень многое зависит и в нашей борьбе с турками...

– Я понимаю вас. Но я так мало был в Варшаве, по сути, проездом сюда, а со времени моей службы там прошло уж несколько лет. Так давно, что многое изменилось за это время. Польша – это такая страна, где все может каждую минуту, если не секунду, измениться. Вот даже Салдерн... Все знают его как жесткого, сильного человека, а приехал туда – и через несколько дней не узнать его: сама умеренность и кротость. Он пытается сблизиться с Чарторыйскими, воеводой русским и его братом – канцлером. А воевода русский сделал все для того, чтобы заставить короля удалиться от России.

– Если Салдерн сближается с Чарторыйскими, – задумчиво поглядывая на князя, размышлял Румянцев, – то, значит, он меняет курс русской дипломатии. Во всяком случае, сворачивает с той дороги, по которой шел его предшественник князь Волконский, успевший за короткое время своего пребывания поссориться как с королем, так и с Чарторыйскими. А как же без них-то завоевать симпатии Польши? И неужто Салдерну удастся вновь покорить короля?

Румянцев, может, впервые за последние месяцы с таким удовольствием погружался в далекий для него мир большой дипломатической игры, и он чувствовал,

что и князь Репнин с охотой поддерживает этот разговор.

- А королю деваться некуда, кроме как поддерживать дружбу с Россией. Салдерн говорил мне, что король плохо кончит. Сердце короля, говорит, хорошее, но беда в том, что голова его испорчена. И вряд ли возможно ее вылечить: трудно излечить мозг, пораженный постоянными иллюзиями. И прежде всего Салдерн задумал помирить короля и его друзей с императрицей и Россией, а потом уж заняться примирением поляков между собой.

- Что же он предполагает сделать для этого? Недавно я получил письмо от короля. Так он вполне уверен в своих повелениях и просьбах.

- О, он еле-еле сводит концы с концами, как говорится. И Салдерн говорил, да и сам это знаю, что он все время сидит без денег. Ему нечего есть и нечем платить своим служителям, он живет в долг. Он задолжал почти каждому жителю города, и нищета его окружает. На второй же аудиенции Салдерна он просил у него денег, ибо он совершенно уверен, что наша все милостивейшая императрица не оставит его в таком крайнем положении.

- Но сколько же может продолжаться сие крайнее положение? - посуровел вдруг граф Румянцев.

- А что оставалось Салдерну, когда польский король со слезами просил денег: предстояли королевские именины, а во дворце ничего нет для пиროвания. Ясное дело, Салдерн дал пять тысяч на следующий же день утром, а вечером у короля - роскошный бал с ужином.

- Неужели такими подачками можно приобрести доверие короля? - Графу Румянцеву трудно было представить такое положение.

- Конечно, этими подачками он хочет заслужить доверие короля, а потом заставить действовать его согласно с интересами России. До каких же пор будет

идти эта внутренняя польская смута, которая просто раздирает государство! Число конфедератов увеличивается с каждым днем. Салдерн задумал организовать реконфедерацию, и король должен помочь ему в этом.

- А что наши войска бездействуют? Ведь там их немало? - Сколько уж раз задавал этот вопрос Румянцев самому себе, но так и не находил ответа, получая из Польши отрывочные сведения.

- Большая часть наших командиров хотят этой малой войны. Во время ее они могут безнаказанно грабить, притеснять, злоупотреблять своим положением. Наши офицеры успеют сделать Польшу пустынею, если их сейчас не остановить. А каждое злоупотребление порождает новое число конфедератов: поляк не терпит надругательства над собой и своими ближними, он вспыхивает как порох и взрывается яростным отмщением.

- А генерал Веймарн, видимо, ничего поделать не может.

- И здесь опять сошлюсь на Салдерна, который столь же решительно, как и обо всем, заявлял, что Веймарна необходимо убрать из Польши, как человека неспособного управлять военными действиями, как человека робкого, нерешительного, мелочного, желчного. Он прямо высказывает ту мысль, что не может надеяться на успех, если останется главным военным начальником генерал Веймарн. Можете себе представить, что в Варшаве свободно разгуливают конфедератские вербовщики...

- Неслыханное дело! - воскликнул фельдмаршал, пораженный новостью.

- Более того, ваше сиятельство. Бросают камнями и черепицей в русские патрули, бывает и так, что стреляют из ружей и пистолетов. Еще Вяземский жаловался на эти преступления великому маршалу, а

тот находил всегда тысячу уверток, чтобы оградить виновных от правосудия.

- Поразительное, неслыханное дело. Выходит, мы теряем честь нашего славного оружия там? - Репнин явно разбередил душу фельдмаршала. - И что же, нет там добрых русских офицеров и солдат, способных проучить конфедератские шайки? Вот совсем недавно какой-то летучий отряд конфедератов оказался в Полтаве, ограбил там купцов, а мне шлют жалобу...

- Да как нет? Есть доблестные и неустрашимые солдаты и офицеры. Вот генерал-майор Суворов, полковник Лопухин.

- О Суворове знаю. Славный военачальник, был у меня в команде под Кольбергом, смелый, решительный командир.

- Ну а другие военачальники порой наносят мелкие щелчки по конфедератским отрядам. Соберут добычу по мелким шляхетским усадьбам, расположатся по квартирам, едят, пьют, гуляют, пока вновь где-нибудь не соберутся конфедераты и не ударят по нашим отрядам. А бывало и так, что наши вместе с конфедератами пировали.

Время проходило незаметно, а между тем фельдмаршалу необходимо было принять еще множество людей, которые нуждались в его резолюции и помощи.

- Как жаль, Николай Васильевич, что у нас так мало времени для столь важного разговора. Дела, дела...

Князь Репнин встал, полагая, что пора уходить. И действительно, приказ Румянцева он уже получил, все его распоряжения знал. Так что он в курсе всего того, что должен был сделать в Валахии, куда немедленно отправлялся.

- Важность поста командующего в Валахии, Николай Васильевич, вы прекрасно понимаете. Знаете и расписание, кто из генералов определяется в ваш

корпус и какие полки его составляют. Вам предстоит разделить корпус на бригады и выбрать в начальство над Бухарестом такого человека, который мог бы исполнять все намеченное в ваше отсутствие. Такого лица пока нет в Бухаресте. Вы примете на месте все до сего корпуса принадлежащие письменные дела...

- Ваше сиятельство, - наконец спросил князь Репнин, - а какие вообще планы намечаются на эту кампанию? Сколько неприятеля сосредоточено против нас, на той стороне Дуная?

- Вот о главном-то, как всегда, в последнюю очередь... - Фельдмаршал минуту помолчал, а потом так же точно и строго заговорил: у него все было давно уже продумано и все взвешено. - Турно, Турно - вот эта крепость, как соринка в глазу, застряла на нашем берегу. На высокой горе она расположена, как бы под охраной пушек Никополя на той стороне Дуная. Между этими крепостями существует крепкая связь, такая, что нам не удастся ее пока разорвать. Никополь и подкармливает Турно, снабжает припасами оружейными и орудийными и всяческими другими. Так что в Крайове вы можете оставить лишь легкий отряд, который мог бы беспокоить неприятеля в случае, если он действительно вторгнется в тот край. А если не сможет удержать превосходящих сил, то всегда успеет скрыться в горах, лежащих в верхнем течении Ольты. Главное - взять Турно и не дать туркам свободно действовать на нашем берегу, расположить сторожевые посты так, чтобы невозможно было пройти незамеченными, чтобы они были связаны между собой и помогали друг другу. Я послал генерал-квартирмейстера Боура, тоже недавно вернувшегося из Петербурга, с предписанием обследовать все места будущих сражений, осмотреть и назначить пункты для сторожевых постов, способных воспрепятствовать переходу неприятеля на наш берег. Вам надлежит с

ним встретиться и разработать точный план охранения нашего берега Дуная.

- А дороги, мосты, питание? И когда армия выступает с зимних квартир? - Репнин прекрасно понимал, что фельдмаршал вовсе не должен был обо всем рассказывать ему, но не мог не спросить о том, что беспокоило его как военачальника.

- Починкой дорог и мостов в вашем корпусе занимается подполковник генерального штаба Нефедьев. Он конкретно вам доложит об их состоянии. А с пропитанием сложнее... Тамошняя земля вполне могла дать такое с избытком. Но только, к сожалению, недавно я получил рапорт генерал-майора Гудовича, из которого стало ясно мне, что о том прежде никто не позаботился и сии дела запущены. Так что, ваше сиятельство, сделайте все для восстановления порядка, накажите сурово виновных и дайте жителям возможность собрать урожай. Какое дело жителям до наших столкновений, да и нам найдется что купить, если будет хороший урожай... Провиант для вас я приказал доставить из Романа в Фокшаны, чтобы иметь запас под руками. Обо всем рапортуйте, ваше сиятельство. А я со своей стороны буду извещать вас и о движении армии, и о задачах вашего корпуса.

Крепко пожав руки и пожелав друг другу успехов, Румянцев и Репнин расстались довольные встречей и разговором. Когда-то еще им удастся поговорить наедине...

Глава 2

Пепел и тлеющие головешки

С наступлением мая корпус генерала Потемкина пришел в движение. Отовсюду шли слухи, что неприятель собирает силы к Рущуку и Виддину. А от Виддина до Крайова – рукой подать, нужно только переправиться через Дунай. Сначала Потемкин двинул свой корпус к Турно, этой маленькой крепости, оказавшейся такой неприступной. Но потом, узнав, что в Варне скапливаются главные силы турок и татар и ожидается их скорое прибытие на берега Дуная, решил осуществить давно задуманный им поиск на ту сторону реки. Ему хотелось отличиться, как, допустим, генералу Вейсману, а случая все не доводилось. Конечно, взятие Турно могло бы выделить его из всех генералов. Но взять ее невозможно с такими силами, в крепости, говорят, не меньше 6 тысяч войска. Со своим корпусом он мог предпринимать только мелкие поиски. Но и тут можно проявить и храбрость, и находчивость, и инициативу.

Пока не поздно, пока не подошли основные силы турецкой армии, Потемкин распустил слух, что он нападет на местечко Орсово, что между Никоподем и Виддином. И сам расположился напротив. Турки перебросили свои отряды из Ломана и Цымбры, чтобы воспрепятствовать русским переправиться на их берег. Но Потемкин, посадив свой отряд на рыбацьи лодки и паромы, спустился вниз по Дунаю и высадился в Цымбре, откуда турки только что ушли к Орсову. Распущенный слух о нападении на правый берег сделал свое дело: турки с семьями успели убежать в глубь страны, бросив все свое имущество. Но в огородах засели турки, оставленные для охраны берега и для

того, чтобы обезопасить выход из города мусульманского населения.

Бросившиеся в штыковую атаку егеря и гренадеры во главе с подполковником князем Кантемиром быстро овладели огородами и ворвались в город, где остались только христианские семьи. На берегу были сожжены суда, которые невозможно забрать с собой, потоплены пушки, четыре склада с мукою и сухарями, после того как оттуда взято все, что можно унести, зажжены. Поднявшийся сильный ветер разнес искры по всему городу, занялись дома, и вскоре от прекрасного города Цымбры остались лишь пепел да тлеющие головешки.

В первом часу пополуночи основные силы отряда переправились на свой берег, а оставшиеся во главе с премьер-майором Реком занялись перевозкой около трех тысяч христианских душ мужского и женского пола. Кроме того, на левый берег было отправлено четырнадцать больших неприятельских судов, два из которых наполнены съестными припасами, да около ста малых лодок и судов.

И как же был обрадован Потемкин, когда узнал, что его предусмотрительность была вознаграждена! Дело в том, что, уходя из Орсова, куда сошлись немалые турецкие отряды, Потемкин оставил там полковника Бегичева во главе двухсот гренадер и с четырьмя пушками. Турки в надежде пожить после легкой победы над слабым заградительным отрядом переправились на левый берег и напали на пикеты, не зная о том, что позади пикетов расположились эскадрон карабинеров и сто пятьдесят гренадер. Они-то и нанесли неожиданный удар с тыла. Лишь немногие из четырехсот турок достигли лодок и ушли от погони.

Но граф Румянцев был явно недоволен действиями Потемкина и Гудовича. 18 мая он писал Потемкину: «Ваш поиск на город Цымбру я хотя приемлю за опыт похвального рачения вашего в своем poste, но должен

вам и то сказать, что сие предприятие не приносит по себе совершенно тех успехов, по коим бы лучше могли мы утвердить свое положение в той стороне. Город Турно, на нашем берегу и в руках неприятельских беспрепятственно состоящий, есть большим объектом для нас, нежели переходы маловременные на сопротивной берег. Вы с г. генерал-майором Гудовичем несколько уже времени продолжаете условливаться о взаимных предприятиях на овладение сим городом... Но предположение такое возьмет ли, и когда, свое действие? О том вы меня не уведомляете...»

Румянцев предупреждал, что корпус Потемкина подвергается серьезной опасности в том случае, если неприятельские силы выйдут из Турно и атакуют его. А как раз в это время стало известно, что в Турно из Никополя прибыло 13 тысяч турок с 13 орудиями, готовых устремиться на Потемкина. А он же вместо того, чтобы следовать разработанному плану и идти на соединение с корпусом Гудовича для совместных операций, увлекшись славой легких побед, уводит свой корпус на Цымбру.

Получив этот выговор от главнокомандующего, Потемкин немедля двинулся к Ольте на соединение с Гудовичем, с другой стороны подходившим к реке, в устье которой и расположилась крепость Турно. И тут, словно бы в доказательство серьезных опасений Румянцева, из крепости вышел четырехтысячный отряд турецкой конницы и двинулся на перехват Потемкина. Неприятель сбил передовые пикеты, разгромил авангард, состоявший из арнаутов, и пошел на основные силы корпуса. И в этот момент снова отличился подполковник Кантемир, смело и отважно действовавший со своими эскадронами карабинеров. Меткая стрельба карабинеров остановила турок, а за это время к сражению изготовился и весь отряд Потемкина. Был открыт огонь из пушек по коннице

неприятеля, которая, не выдержав, откатилась на исходные позиции. Казаки и арнауты устремились за отступавшими, преследуя их до самой Ольты, нанесли ощутимый урон.

Увлечшись преследованием, Потемкин забыл о тыле. А турки тем временем вывели из Никополя суда с пехотой, поднялись вверх по Дунаю и, высадив большой отряд на левый берег, устремились в тыл русских. Турки хорошо рассчитали предоставившуюся им возможность окружить и уничтожить корпус Потемкина. Но на деле плохо осуществили свой план: пехота опоздала и подошла тогда, когда Потемкин успел расправиться с конницей и повернуть свой отряд фронтом для встречи неприятеля. Столкновение с русским корпусом ничего хорошего не обещало туркам, и они возвратились в Никополь.

Получив с верховьев Ольты паромы, Потемкин 28 мая переправил свой корпус через реку и соединился с отрядом Гудовича. Русские легкие войска подошли к Турно и тут же сбили турецкую конницу, скрывшуюся за стенами крепости. Наши войска заняли деревню Мигурены. Отсюда виден был Дунай, переправа, связывавшая крепость с Никополем, в котором было сосредоточено 11 тысяч пехоты и кавалерии и 6 тысяч арнаутов.

Гудович и Потемкин готовились к решительным действиям против надоевшей им крепости. Но 25 мая прибыл выздоровевший князь Репнин и принял от Гудовича команду над Валашским корпусом. О дальнейшем повествует автор книги «Жизнь князя Потемкина-Таврического»: «Князь Репнин, получив начальство над войском, находившимся в Валахии, отправился в Бухарест, а оттуда к городу Турно, где стояли тогда соединенные корпуса генералов Гудовича и Потемкина. На другой день (мая 26-го) он смотрел крепость; ее положение, сильный гарнизон и разные

другие обстоятельства побудили князя Репнина отойти немедленно от сего места. Во время отступления получил он известие, что турки сделали сильное нападение на левой берег Дуная, несколько выше Журжи. Репнин поспешил туда, желая встретить неприятеля. Потемкин остался под Турно, для прикрытия сего обратного похода. Турки, узнав об отступлении Репнина, призвали свежие войска из Никополя, напали (мая 27-го) на корпус Потемкина. Пехота их устремилась со стороны крепости, а конница заехала в тыл русским. Неприятели, несравненно превосходнейшие числом, ожидали для себя счастливых следствий от сего предприятия. Но Потемкин принял их с величайшею неустрашимостью, опрокинул во всех местах, принудил к отступлению и покрыл трупами врагов широкое поле.

Князь Репнин, услышав, что неприятель приступает к Журже, пошел туда с возможною скоростию; но, прибыв на место, к чувствительнейшему огорчению, нашел сию крепость уже в турецких руках. Не слишком предприимчивый комендант сего города сдал туркам Журжу на договор, получив от них позволение выступить с войском своим со всеми военными почестями и отправиться в Бухарест».

За этими скупыми строчками историка – целая драма, развернувшаяся вслед за сдачей Журжи.

Все эти майские дни Румянцев занимался подготовкой похода среднего корпуса, который был под его непосредственной командой. По приказу из Петербурга его армия была усилена пятью полками. И чтобы местным жителям она показалась еще многочисленнее, он приказал прибывающим полкам входить в Яссы не одновременно, а в течение нескольких дней. Пусть неприятель подумает, что он сильнее, чем на самом деле. А что местные жители

донесут туркам о каждом передвижении его полков, Румянцев не сомневался. Сколько уж раз убеждался в этом, а потому порой и распускал ложные слухи. Иной раз удавалось ввести в заблуждение неприятеля.

17 мая из Ясс в Фальчу, где назначено быть походному лагерю, выступила первая дивизия. Авангард возглавил генерал-квартирмейстер Боур. Через день двинулся отряд генерала Глебова, еще через день – отряд генерала Замятина, еще через день – артиллерия во главе с генералом Унгерном. И фельдмаршал добился того, что местные обыватели, наблюдая за ежедневными перемещениями войска, разносили преувеличенные слухи о могуществе русской армии. А на самом деле Румянцев хитрил не от хорошей жизни. За эти несколько месяцев зимнего отдыха ему так и не удалось восполнить потери прошлого года. Да и в нынешнем велика была естественная убыль... Странно, но сколько он ни писал в Петербург, верховное руководство никак не может понять, что армия ежедневно несет потери, даже если не участвует в сражениях. Люди мрут от болезней, несчастные случаи уносят множество жизней. И восполнение этой убыли должно быть строго регламентировано. Императрица не раз сообщала, что по всем его представлениям о снабжении армии даны высочайшие повеления. Однако этому помешали меры предосторожности, которые были предприняты против известной заразы...

Перед началом новой кампании Румянцев получил письмо от Екатерины II, в котором она подробно излагала состояние внешних и внутренних дел Российского государства. А перед этим столь же подробное письмо прислал Панин. Так что у Румянцева складывалась более четкая и ясная картина предстоящего с неприятелем. И вместе с тем он не мог умолчать о тех упущениях, которые больно били по боеспособности его армии.

Ведь в Петербурге хорошо знают, сколько опасностей таит распространившаяся здесь заразительная болезнь. И ему немало приходилось заботиться о ее нераспространении не только до наших границ, но и в Польше. Одновременно с этим он видел неизбежное оскудение армии, если перекрыть все путидороги и оказаться в таком неприступном кольце, не пропускающем никого и ничего из тех мест, где обнаружены признаки болезни. Вот и в Москве, говорят, вспыхнула эпидемия проклятой чумы. Так что же делать?.. Нет, уж лучше, соблюдая все возможные предосторожности, действовать осмотрительно, чем остаться безоружными против воюющего с нами неприятеля.

А сколько неполадок с пополнением! Армия далеко ушла от собственных границ, и набранные рекруты, идущие на укомплектование, за короткое время делая непомерный путь, лишаются сил, и большая часть их в дороге погибает. Те же, кто добирается до своих полков, приходят в такое время, когда армия уже выступает в поход для проведения летней кампании. И как может утомленный и истощенный человек без роздыха взваливать на себя бремя полевых трудов! Сколько раз, получая молодых солдат, Румянцев с жалостью смотрел на них, изнемогающих после проделанного тысячеверстного пути, и посылал в лазареты. Такая помощь со стороны Петербурга оказывалась бесплодной, более того, вместо пользы он получал дополнительные заботы, уж не говоря о денежных суммах, которые шли на излечение больного, измученного человека. И пока он войдет в строй, пройдет много времени...

А почему бы не сделать иначе?.. Никто ведь не знает, сколько продлится война. И чем дольше будет война продолжаться, тем больше будут убытки и потери и тем труднее будет их восполнять при

существующей системе укомплектования армии рекрутами и припасами. Не лучше ли, заблаговременно набирая рекрутов, назначить им ближайшее к армии место, куда бы они исподволь отправлялись? А прибыв туда, вместе с необходимым отдыхом обучались бы военному делу и по мере надобности вливались в армию. Надобно также определить людей, которые заранее могли бы закупать в России лошадей и прочие вещи для снабжения армии и держать их наготове, чтобы тут же отдать их посланным для приема армейским офицерам, минуя заставы.

Конечно, Румянцев чем только мог пособлял в прошедшую зиму прохождению наших транспортов. Но порой он просто диву давался нераспорядительности высокого начальства. Бывало так, что рекруты приходили на место, а вслед за ними на подводах подвозили их обмундирование. А если бы их одели и обули в Киеве, то освободилось бы великое число подвод, столь необходимых для доставки сюда пропитания...

Конечно, он выскажет в письме императрице свои предложения, но будет ли толк от этого... Сколько уж он писал, а все идет по-старому.

Только теперь, получив письмо Екатерины II, Румянцев смог разобраться во всех сложностях и противоречиях европейской политики. И больше всего его тревожили слухи о том, что венский двор готовит свои войска для войны с Россией... Как все быстро меняется в политике! Вроде бы еще недавно вместе дрались против прусского короля, а сейчас пути-дороги разошлись, бывшие союзники ведут хитрую дипломатическую войну против друг друга. Сейчас Вена поддерживает Париж, а Франция, известное дело, возбуждает Турцию. Вот почему так туманно ответил ему визирь на предложение о мире прошлой осенью. И оказывается, в то самое время, когда Румянцев сделал

предложение о мире, Порта выбрала медиаторами в переговорах Австрию и Пруссию и через них искала нужного себе мира.

И дипломатическая карусель завертелась. Князь Голицын довел до сведения венского двора о наших предварительных предложениях, венцы оказались податливыми и согласились, как и прусский король, способствовать освобождению Обрезкова. Отправили курьера в Царьград, а венскому послу в России князю Лобковичу, лечившемуся на водах, было предложено в срочном порядке возвращаться в Петербург. И князь действительно вскоре приехал в Северную столицу и привез новые заверения в дружбе и добром согласии его двора с петербургским. Так что все слухи о скоплении австрийских войск на границе, слава богу, не подтверждаются. Плохо другое: венцы снова стали заигрывать с королем прусским, забыли все обиды, которые он им нанес за последние годы, отобрав чуть ли не самые значительные их города и области... Но что поделаешь против сильного и дальновидного политика?.. Только замириться с ним, иначе вообще их проглотит со всеми потрохами... «Хорошо, что русской императрице через прусского короля удалось склонить Вену на нашу сторону, во всяком случае, с венской стороны нам опасность теперь не угрожает. Другое дело смерть шведского короля, которой немедленно воспользуются наши исконные ненавистники – французы: дадут новому королю большие субсидии и уговорят его пойти на конфронтацию с Россией. Но императрица призывает спокойно наблюдать за окончанием сейма в Швеции, авось пронесет мимо злой ветер с Балтики. А если уж дерзнет на злое предприятие против нас, то императрица готова оборонить ту часть границы нашей, во всяком случае, она не отдаст ни пяди нашей земли... Может, и нужды в этом не будет, но придется держать там войска... А

войска эти могли бы пригодиться здесь, на юге России... Черное море, Крым, придунайские княжества, славянские земли болгар, сербов, македонцев, греческие земли... Сколько нужно освободить христианских народов от турецкого ига! А тут еще шведы завозились вблизи наших северных границ...»

Так думал Румянцев в майские дни 1771 года, когда начались серьезные столкновения с турками.

В это время и произошло событие, которое своей неожиданностью произвело самое неблагоприятное впечатление на фельдмаршала Румянцева, стоявшего лагерем в Водянах. Князь Репнин, принявший команду над Валашским корпусом, вскоре ушел из-под Турно, получив донесение, что большие силы неприятеля, переправившись через Дунай, атаковали Журжу. В семи верстах от крепости он узнал, что она уже в руках турок, а гарнизон с комендантом майором Гензелем во главе капитулировал. Основные силы корпуса остались под Турно, с Репниным было не более трехсот человек. Нечего было и думать с таким малочисленным отрядом ввязываться в сражение с трехтысячной конницей неприятеля. Репнин отступил к Бухаресту, куда стали стягиваться все отряды его корпуса.

За несколько дней до этих событий Румянцев, узнав, что корпус сосредоточился под Турно, забеспокоился, предугадывая, что может произойти, если вовремя не предупредить командующего об опасности. 3 июня Румянцев в ответ на рапорт Репнина, в котором тот сообщал об отступлении от Турно, писал ему, что неприятель, беспрепятственно перейдя на левый берег в районе устья реки Дымбовицы, где должен был расположиться Валашский корпус, пошел на Журжу.

Гудович же увел весь корпус к Турно, не оставив здесь ни одного заградительного отряда. И эта экспедиция не осталась незамеченной для неприятеля, который тут же этой ошибкой воспользовался...

- Да здесь не только к Журже, но и к Бухаресту свободно можно пройти, - говорил между тем Румянцев, склонившись над картой, занимавшей чуть ли не весь большой стол, вокруг которого стояли генералы Боур, Ступишин, Салтыков... - Что там происходит теперь?.. Несколько дней уже мучит неизвестность.

Генералы молчали, понимая, в каком душевном состоянии находится главнокомандующий, обдумывая военные события, которые послужили началом кампании решающего, как многим казалось, года.

- Князь Репнин почему-то почувствовал сразу свое бессилие перед слабенькой крепостью Турно и приказал повернуть два полка к устью Дымбовицы, чтобы прикрыть отверзшийся вход неприятелю не только к Журже, но и к Бухаресту. А не опоздал ли он со своим решением? Турки легко маневрируют и пользуются своим преимуществом в живой силе... Еще бы лучше он сделал, если б вообще не начинал своего движения к Турно. Нет, все туда потянулись и ничего не могли сделать...

Румянцев словно ждал, когда стоявшие здесь генералы выскажут свое мнение. И Боур решительно и резко заговорил:

- Ваше сиятельство! Устье Дымбовицы - очень важное место. Оно как раз между двумя сильными крепостями на правом берегу, между Рущуком и Силистрией. Неприятель свободно может здесь маневрировать и, как только почувствует где-то у нас слабину, сразу туда устремляется. Это видит даже неопытный генерал. А для поиска на Турно вполне могло бы хватить корпуса Потемкина, который уже не раз оказывал сильное противодействие неприятельским силам. Да и Гудович недалеко был от него и всегда мог выделить из своего корпуса часть для его подкрепления.

- Вот это-то меня и тревожит все это время. - Румянцев недовольно поморщился. - Оголили весь левый берег на десятки верст, словно приглашая неприятеля свободно переходить на наш берег... Да и Потемкину я не раз внушал, что он спокойно может оставить Крайов и соединиться с Гудовичем. Но они сделали все по-своему, вот до сих пор Турно и не можем взять. На днях дал указ князю Репнину - не раздроблять своих сил и стараться занять такое положение, чтобы сохранить то, что уже имеем. Есть сведения, что неприятель готовит поиск на Журжу. Уверен: Репнин уже встретился с турками и сделает то, что подскажет ему его искусство и предприимчивость.

Не успел Румянцев произнести эти слова, как к штабной палатке подлетел курьер и передал пакет от Репнина. Вручивший его князь Вадбольский устало переминался с ноги на ногу, глядя, как фельдмаршал мгновенно побагровел, прочитав первые же строки рапорта.

- Господа! Поразительная новость, неожиданная и неприятная. Журжа в руках неприятельских... Ведомость сия просто оскорбительна для меня... Подобно этому происшествию никогда я еще не познал, где только носил я звание военного командира...

Никто не перебивал фельдмаршала, зная его быстрый и неукротимый нрав. Ему не попадайся под горячую руку.

- Я передал князю Репнину корпус Потемкина для того, чтобы он совместно с ним действовал под Турно. Но кому же могла прийти в голову такая нелепая мысль - обнажить всю Валахию! Пусть даст мне знать, - повернувшись к Ступишину, сказал Румянцев, - какие нужды заставили его удалить весь корпус с назначенной ему позиции. Пусть также разберется в том, почему наш гарнизон был доведен до сдачи крепости. И произошло сие, я думаю, от малодушия

коменданта и всей его команды. Ведь там же был большой запас провианта и снарядов, крепкие стены... Странно все это, странно... Пусть арестует всех офицеров гарнизона, я сам буду заниматься их судьбой. Пусть немедленно установит непрерывное сообщение с Браиловом, а то и сия крепость окажется в осаде, если не принять мер. А мы для лучшего обеспечения сего края сделаем движение к реке Яломице.

Фельдмаршал переживал первую неудачу начавшейся кампании глубоко и болезненно. Зная его давно генералы видели, как тяжело ему давались спокойствие и выдержка...

В эти июньские дни штаб армии во главе с фельдмаршалом Румянцевым ускорил свое движение к Дунаю. Оставались позади Фальча, Крицаны, Водяны, Фальтешти... Учрежден был госпиталь в Фальче, наведены мосты для связи с корпусом Вейсмана, выставлены роты для охраны мостов и госпиталя. И наконец, достигнув деревни Фальтешти, расположенной в устье реки Кагорлуй, Румянцев решил временно остановиться здесь, в двух переходах от переправ на Серете и Пруте. Здесь было наилучшее расположение для оказания скорейшей помощи войскам, сражающимся с неприятелем.

Одно за другим стали поступать сведения из разных мест об активности турок, окрыленных сдачей Журжи, в которой было много провианта, пушек и снарядов. Они свободно переправлялись на левый берег и атаковали наши посты в устье Яломицы, казачьи посты против Мачина. Хотя эти атаки и были отбиты с большими потерями для турок, но по всему чувствовалось, что наступают решающие события этого года. Узнав от перебежчиков и пленных, что в Бабадаге вместе с визирем осталось не больше двух тысяч, а все войска направлены вверх по Дунаю к Силистрии, Рущуку и Никополю, Румянцев решил вновь использовать

атакующий талант генерала Вейсмана. Он приказал ему нанести удар по Бабадагу.

«А вдруг нельзя будет произвести этот поиск? – обожгла неприятная мысль Румянцева. – Мало ли какие обстоятельства возникли в Измаиле... Начинаются активные действия в Крыму, а за Крым будут ожесточенно драться, опасаясь потерять его вообще. Тогда пусть хотя бы демонстрациями угрожает неприятелю, будто собирается напасть на его берег... Да, кстати, пусть огласит для города и в народе, что я приказал ему готовить все суда, дабы сплавить их вверх к Карталу для того, чтобы, соединив их с новопостроенными и спущенными в реку Прут, переправить всю армию через Дунай... Потому-то, дескать, Румянцев и приближается к берегу Дуная. Кроме того, нужно посоветовать ему, чтоб он, ради подтверждения этих слухов, собрал у себя людей, умеющих управлять судами и знающих дороги на супротивном берегу. Вот тогда, может, поверят. Сейчас без военной хитрости не победишь».

Румянцев распорядился направить ордер с изложением его рекомендаций генералу Вейсману и перестал об этом думать – словно уже все его рекомендации были выполнены отважным генералом и все пошло по заранее намеченному плану. Теперь левый берег Дуная больше всего волновал фельдмаршала. Казалось бы, все мысли его должны быть устремлены на правый, где сосредоточились большие силы турок. Но со взятием Журжи неприятель делал постоянные попытки перебраться через Дунай то в районе Гирсова, в устье Яломицы, то недалеко от Браилова. А потому для обеспечения крепости и поста на Яломице Румянцев выслал туда передовой отряд во главе с опытным генералом Боуром. Ну а вся дивизия пока останется в Фальтешти, до тех пор пока достоверно не станет

известно, в какую сторону армия турецкая будет наносить главный удар.

Сколько уж раз за последние дни Румянцев вспоминал о сдаче Журжи, испытывая страшные мучения и болезненные припадки, доходящие до ярости. Вот и теперь, узнав во всех подробностях действия коменданта крепости, он в какой уж раз со всей остротой переживал неудачу... Не такими уж большими силами высадились турки, чтобы атаковать крепость. Только увидев робость нашего коменданта и всего гарнизона, который слабо им сопротивлялся, начали подвозить подкрепление. А что, если это была лишь военная хитрость, чтобы запугать робких?.. Действительно ли это было подкрепление? А может быть, неприятель делал стратагему, обвозя на судах кругом по нескольку раз те же самые войска, для того чтобы умножить страх убоявшихся?.. Ну что ж, пусть понесут заслуженную кару струсившие, и пусть это послужит назидательным примером всем, кто находится в рядах русской армии...

Поход армии начинался в неблагоприятных условиях. В самом начале военной кампании потеряли важную крепость Журжу. А тут еще природа словно пыталась противостоять затянувшейся войне. Все время лил дождь, то затихал, то, будто опомнившись, вновь обрушивался на многочисленные палатки армии. Дороги раскисли, а реки вышли из берегов. Переправа через Прут и Серет стала возможна только на лодках.

А тут давнишняя беда снова дала о себе знать: Румянцеву сообщили, что в Бессарабии в гренадерском батальоне майора Пеутлинга у нескольких рядовых появились приметы опасной болезни – чумы. Сколько строгих указаний было разослано по армии для принятия мер против оной, но вот снова и снова то в одном, то в другом месте она дает о себе знать. Надо

принимать меры, чтобы болезнь не получила распространения.

...Преодолевая трудности, армия подвигалась вперед. Авангардный корпус под командованием Боура был выдвинут на двадцать верст вперед и встал лагерем при деревне Толчешты. Предполагалось, что он будет действовать против турок, расположившихся на правом берегу Дуная в районе Галаца.

Румянцев надеялся, что, нацелив три сильных корпуса на правый берег Дуная, принудит неприятеля выдать свои замыслы. Так оно и оказалось. Вскоре он двинулся под Бухарест, где и разыгралось одно из серьезных сражений года.

Глава 3

Проливные дожди

Князь Репнин наконец-то соединил все свои войска в Капучанах, недалеко от Бухареста. И соединение произошло не только потому, что этого требовал фельдмаршал. Слухи о том, что из Журжи и от Гирсова через Слободзею идут двумя потоками турецкие войска, заставили всех насторожиться и готовиться к желанной встрече. Разведчики доносили, что вражеские войска, сбив яломицкие посты, направились навстречу Репнину, занявшему со своим корпусом оборону.

Как только Румянцев получил донесение о движении турок, он тут же послал авангардный корпус Боура к Слободзее. И Боур, перейдя Серет у Максимен, устремился в сторону неприятеля. Догнав его, он мог оказаться в тылу и напасть на него. Турки вынуждены были замедлить движение. А между тем поток их от Журжи уже невозможно было остановить. Получив известие о том, что Репнин покинул Валахию, они поспешили к Бухаресту в надежде на поживу в крупном городе. И просчитались...

Князь Репнин хорошо понимал, что хочет от него фельдмаршал: разбить войска турок и во время их отступления ворваться вместе с ними в Журжу, восстановив прежние позиции на Дунае. Легко сказать, но трудно сделать... Репнин отдавал себе отчет, что чем больше проходит времени, тем более неприступной становится крепость: турки умеют укреплять занятые ими позиции, работая под командой опытных французских инженеров. Не дать им времени на то – вот задача, которую надлежало выполнить корпусу. Но как?.. Репнин не мог рисковать вслепую: он не знал численности неприятеля. Знал лишь, что его войско

значительно превосходит корпус, а ведет его опытный сераскир Ахмет, трехбунчужный паша, которого султан вызвал из Аравии. К тому же за рекою Аргис, откуда идет Ахмет, трудная местность: дефиле, леса, дурная речка Клинешты, которую не так-то легко перейти с пушками и другим снаряжением. В случае неудачи турки скроются в лесах, быстро ускачут на своих легких конях. Ищи ветра в поле...

А за спиной русских строптивая речка Сабор, которая может причинить много неприятностей при отступлении. Есть о чем задуматься.

Между тем события стремительно разворачивались... Репнин, маневрируя, отступил за речку Сабор. Турки, почувствовав, что добыча уходит, бросились вслед за ним. Уже торжествуя победу, они перешли речку вслед за Репниным. И 10 июня подошли к монастырю, где расположился корпус князя Репнина. До Бухареста оставалось всего лишь несколько верст.

Жаркая схватка продолжалась недолго. Двинувшиеся навстречу колонны Репнина опрокинули турок в речку Сабор. И перешли к преследованию, гнали их больше одиннадцати верст. И здесь отличились егеря и конница генерала Потемкина, преследовавшие неприятеля вплоть до реки Аргис. Все эти версты были усеяны трупами противника. Не раз врбался в толпу отступавших неприятелей храбрый князь Кантемир. Отважно вел себя генерал Потемкин.

Более восьмисот убитыми оставил на поле сражения неприятель, часть обоза и экипажей, 5 знамен и 21 пленный попали в руки русских. У них был убит 41 и ранено 5 офицеров и 104 нижних чина.

Но правее Журжи через Дунай переправилась еще одна группа турецких войск, она напала на пост в Негоештах и окружила полковника Бекельмана. Тот успел послать за помощью к генералу Ржевскому, немедленно выступившему из Обилешти с

Ингерманландским полком карабинеров и добровольцами еще из двух полков. 11 июня, в тот же самый день, что и под Бухарестом, и здесь разыгралась скоротечная битва, которая быстро закончилась в пользу русских. Атакованный Ржевским с тыла, неприятель растерялся и побежал, преследуемый с двух сторон.

Турки скрылись в кустах и лощинах. Генерал Ржевский приказал перекрыть им возможные отходы к Дунаю. Рассеянные турки вновь собрались вместе и ударили по обозу Ингерманландского полка. И вновь им пришлось бежать после столкновения с двумя эскадронами того же полка, посланными на выручку обоза.

Князь Репнин вполне мог быть довольным, отразив повсюду неприятеля. Но он хорошо знал, что Румянцев хочет вернуть Журжу, падение которой изменило обстановку на Дунае: турки от оборонительной войны постепенно переходили к активным действиям, пробуя свои силы то в одном, то в другом месте. Пока они повсюду отбиты, но потери их все-таки незначительны. Основные силы, попытавшиеся проникнуть внутрь Валахии, повернули назад.

Румянцев 14 июня писал Репнину, выражая явное недовольство его пассивным образом действий после сражения под Бухарестом: «Во всякое другое время сие бы происшествие могло знаменитым быть, но теперь всяк, кто Вам нелицемерно усерден, скажет, что оно подвержено критике». Фельдмаршал упрекал Репнина за то, что он не воспользовался отступлением турок и не преследовал их. А между тем они, отступая в трудных условиях, могли стать легкой добычей.

Выражал надежду, что Репнин восстановит свою репутацию и приступит к активным действиям против Журжи.

Репнин занял выжидательную позицию. Никто не мог тогда предугадать, какие действия предпримут турки на левом берегу Дуная и где они сосредоточат главные свои силы. Слухов носилось множество... Вот и до князя дошел слух, да и пленные подтверждали его, что у Виддина собирается до 100 тысяч турок во главе с известным своей предприимчивостью виддинским комендантом, получившим прозвище Усмиритель Морей. Жестокий и отважный, комендант Виддина мог нанести сокрушительный удар со стороны Крайовского баната по Бухаресту и занять его, а после этого и все Валашское княжество. Да и в Журже было сосредоточено не менее 15 тысяч турок, которые всегда могут вновь оказаться под Бухарестом. Зажмут корпус с двух сторон, и не успеешь вырваться из этих беспощадных клещей.

После долгих размышлений князь Репнин воспользовался предоставленной ему самостоятельностью не самым лучшим образом. Вместо того чтобы преследовать разбитого неприятеля, побежавшего к Журже, и попытаться захватить крепость, он, напуганный слухами и показаниями пленных, увел свой корпус к Бухаресту, увел заблаговременно, опасаясь, что не успеет перейти три речки, вставшие преградой на его пути, - Клинешты, Аргис и Сабор. Да и дороги после проливных многодневных дождей стали непроходимыми. Это обстоятельство при наступлении неприятеля могло стать гибельным для корпуса.

Репнин принял корпус в плачевном состоянии. Повсюду обнаруживались нехватки то одного, то другого. Румянцев говорил ему, что продовольствия заготовили много, а вышли в поход, и оказалось, что провианта можно взять с собой лишь до 1 июля, а июль-то вот он, не за горами, через две недели. В романском магазине его действительно было более чем

достаточно, но как его сюда доставить? Доставили запасы в Фокшаны, где каждый отряд должен был получать продовольствие самостоятельно. Но по таким дорогам можно передвигаться только на волах. Покойный же генерал-аншеф Олиц допустил ряд промахов. Он поручил валашскому дивану собрать 3 тысячи волов, но не проследил за выполнением своего приказа. И получилось так, что к началу кампании в корпусе имелось волов и лошадей в упряжках лишь половина положенного.

Энергичный Гудович чуть-чуть поправил создавшееся критическое положение с доставкой провианта, но так и не смог исправить допущенные ошибки. А Репнину просто и времени не было, чтобы разобраться во всех этих просчетах прежнего командира. Только прибыл – и сразу в бой... И вот только сейчас, после отбитой атаки неприятеля, он вошел в дела корпуса и понял, что необходимо исправлять положение.

«Вот граф Румянцев сердится, а если б он знал, в каком положении корпус... Посмотрел бы он на храбрых сподвижников генерала Потемкина, – горько размышлял Репнин, расположившись со своим штабом в одном из богатых домов Бухареста. – Ходят чуть ли не голыми и босыми... Для обозов и артиллерии недостает многих лошадей. А веревочная упряжь до того гнила, что чуть ли не каждые сто сажен приходилось останавливаться для исправления порвавшихся постромок. В отряде же Брауна вот уже целый месяц дают вместо хлеба какую-то мешанину из проса, кукурузы и пшеничной муки... Ну если б хотя бы просо и кукуруза были свежими, а то ведь от долгого лежания где-то в подвалах это зерно протухло, и хлеб оказался непригодным к употреблению. Да одежда и обувь солдат во всем корпусе, а не только у Потемкина, весьма неприглядна. А что можно здесь поделать?.. Ну,

приказал я валашскому дивану перевезти провиант из Фокшан в Бухарест... Ну, пришлось пригрозить им, что если не исполнят приказ, то пошлю арнаутов для сбора всего нужного с населения. Но вряд ли подействует угроза... На местное население не стоит рассчитывать. Сколько уж забирали от жителей волов и лошадей... Конечно, платили за них, а сколько злоупотреблений было! Вот это и озлобило население, разбежавшееся по лесам, не только опасаясь заразы, но и от излишних требований наших властей. Какая тут Журжа, о наступлении нечего и думать, лишь бы удержать Валахию... Хлынут отовсюду, из Виддина, Никополя, Журжи. Да и разве в этом дело? В многочисленности неприятеля? Голод и дурные дороги сделают больше для разрушения корпуса, чем все неприятели, вместе взятые... Больше семнадцати тысяч, и всех нужно обути, одеть, накормить...»

Князь Репнин впервые командовал таким огромным отрядом. Он мог успешно выполнять задания, которые ему давал главнокомандующий, в том случае, если тот мог его поправить, оказать помощь, содействие, посылая своих адъютантов с пакетами или устными распоряжениями. А тут он остался наедине со множеством людей, которые смотрели на него с ожиданием и укором... И не выдержал: болезненные припадки снова дали о себе знать. Князь занемог и вскоре подал рапорт об увольнении из армии по состоянию здоровья.

Недовольный действиями князя Репнина, Румянцев искал случая дать туркам вновь почувствовать силу нашей армии. И как только он узнал, что в Тульчу и Исакчу вскоре придут по Черному морю значительные отряды турок на судах, сразу подумал о новом поиске Вейсмана. Надо основательно попортить победное настроение неприятеля, которое, судя по всему, у него возникло после взятия Журжи.

Фельдмаршал поделился своими раздумьями в штабе. На совещании присутствовали испытанный многими ночными бдениями генерал Ступишин, прибывший Боур, точно знавший местность района военных действий, Салтыков, Безбородко, мечтавший получить в правление Нежинский полк...

- Господа! Я собрал вас для того, чтобы сообщить об увольнении князя Репнина и о назначении на его пост генерал-поручика Эссена.

Это была действительно новость, потому что все знали о больших связях Репнина при дворе и о доверии, которое оказывала ему императрица.

- Жестокие, болезненные припадки, от которых, как вы знаете, Репнин страдал еще в Яссах, свалили его и лишают возможности командовать корпусом. Новому командиру я приказал оставить Бухарест и со всем корпусом пойти к реке Аргис и принудить неприятеля показать, намерен ли он держаться за наш берег или ударится в бегство, как это было уже не раз. А распознав его намерения, генерал-поручик Эссен сможет уже без ошибки брать свои меры против неприятеля.

- Ваше сиятельство! - заговорил Боур, пользуясь паузой. - Ходят слухи, что из Виддина идет большая армия неприятеля под командой Усмирителя Морей.

- Князь Репнин тоже опасался этой армии и отступил к Бухаресту. Но потом он послал в Рымник на Ольту партию арнаутов, те спустились вниз по реке и убедились, что между Бухарестом и Ольтой нет неприятельских войск... Да и по моим сведениям, полученным от разведчиков и перебежчиков, виддинский комендант не имеет еще такого войска, чтобы безбоязненно пойти для освобождения придунайских княжеств...

- Ваше сиятельство, только что поступили сведения: в устье Дуная вошли десятки неприятельских судов с

войсками. – Ступишин передал Румянцеву донесение командира наблюдательного поста.

– Думаю, что Вейсману снова нужно ударить по Тульче, чтобы отвлечь из Виддина неприятеля вниз по течению Дуная... В начале июня ему помешали противные ветры, может, теперь ему будет сопутствовать Фортуна, богиня смелых и отважных... При этом считаю необходимым использовать запорожское войско, которое вот уже много времени охраняет крепость Килийскую. Как по ее достаточному укреплению, так и по мелководью здесь Черного моря, крепость эта не подвержена большой опасности нападения неприятельского флота... Надо употребить запорожское войско, подкрепив его нашей пехотой, против неприятельских судов, используя их древний обычай нападать на суда и брать их боем... – Румянцев внимательно взгляделся в карту устья Дуная. – Вот посмотрите сюда. Расположить их на острове Шулин, где они, скрывшись в камышах, перехватывали бы все суда, идущие из устья вверх. Ну, конечно, военные корабли им не одолеть, но все другие, с малым вооружением, захватывать или, по крайней мере, делать им остановки. А для этого пусть утвердят там свой пост.

– Так просто запорожцев нельзя заставить воевать... Они любят покорыстоваться на войне, – высказал сомнение генерал Салтыков.

– Я думал над этим. Вряд ли возможно отсюда, не зная тех мест, предписывать способы для производства решительных мер. Тут я полностью полагаюсь на искусство генерала Вейсмана. Пусть сам поищет способы, как одержать верх над неприятелем, посоветуется со старшинами запорожскими... Я же, со своей стороны, могу обещать, что если они отобьют у неприятеля военный корабль или инако разорят его

флот, то, кроме денежного награждения, будут отличены особливými знаками монаршей милости.

Румянцев задумался, словно вспоминая историю запорожского войска, совершившего столько славных и геройских дел на Черном море.

- Вспомните, какой у них накопился опыт за эти столетия. Сколько раз они, преодолевая большую опасность, спускались по Днепру на своих лодках, внезапно оказывались под Очаковом и разбивали неприятельскую флотилию... Пусть тот же дух храбрости подвигнет их против кораблей в Дунай.

- Но, ваше сиятельство... - замялся Ступишин.

- Говорите, говорите.

- Вы ведь знаете, что казаки - народ вольный, они могут отказаться от сего предприятия, напомнят о своей независимости.

- Знаю о свойстве сих казаков, нельзя приказывать им... К строгости они непривычны. Их ласкою надо ко всему преклонять, привлекать их на свою сторону. Пять тысяч рублей золотыми империялами выделяю на сие предприятие. Все будут довольны - и предводители, и казаки... - Внимательно посмотрев на своих славных сподвижников, Румянцев закончил: - Пусть генерал Вейсман во всяк день присылает ко мне курьеров. Надо знать обо всем, что у них происходит.

Привычная жизнь в лагере при деревне Фальтешти продолжалась. Все эти дни лил сильный дождь, и Румянцев опасался, что поиск Вейсмана против Тульчи снова окажется неудачным. Но вот 21 июня у штабной палатки появился очередной курьер. Его тут же ввели к фельдмаршалу.

- Ваше сиятельство, ваш приказ выполнен. Вот пакет от генерала Вейсмана.

Румянцев, взглядываясь в рослого красивого сержанта, подумал, что вот такой же рослый и красивый у него старший сын, который скоро прибудет

в его армию из Петербурга. Хватит ему там скучать при дворе да при маменьке. Поучился немного в кадетском корпусе, пора за дело приниматься.

- Давай, давай. Два дня уже жду известий от их превосходительства. Сам-то участвовал в поиске?

- Так точно, ваше сиятельство. Все время был при генерале Вейсмане как адъютант.

- Как звать-то? И расскажи о поиске!

- Сержант лейб-гвардии Семеновского полка Осип Судьенков. К армии прибыл волонтером, ваше сиятельство.

Румянцев бегло прочитал рапорт Вейсмана и кинул довольный взгляд на сержанта.

- Славная победа! Вейсман разбил трехбунчужного пашу Ахмета, предводительствовавшего восьмитысячным корпусом. Убитых с неприятельской стороны более тысячи, а в полон взято сто шесть человек... Понятно, что обстоятельный рапорт он еще пришлет мне, но мне сейчас хочется узнать, как все это было. Ведь такая противная погода могла все предприятие сорвать. Расскажи-ка, милейший сержант, как было дело.

- Ваше сиятельство! Мы тоже боялись, что дождь и противные ветры сорвут нам весь поиск. Десять дней назад мы уже предпринимали попытку высадиться на мысе Чатале. Но там раньше оказался неприятель и встретил нас сильной ружейной пальбой. И раз нас ждали, то решили отойти в Измаил. И тогда генерал Вейсман разработал новый план нападения. Все мы видели, что неприятельские суда стоят вдоль правого берега Дуная, а там недалеко от Тульчи есть островок...

- А ну-ка, покажите на карте, - попросил Румянцев.

Сержант подошел к карте и показал остров, расположенный как раз против Тульчи.

- Остров сильно заболоченный, покрытый кустарником и высоким камышом. Вот здесь-то и решил

наш генерал расположить батареи для того, чтобы отсечь неприятельские суда и лишить их возможности маневрировать и оказывать помощь Тульче. Он направил прежде всего команду для проложения дорог через остров и устройства на нем мостов через ручьи. За четыре дня работы все было сделано и поставлены батареи.

- Но ведь через островок этот протекает узкий рукав Дуная? - вглядываясь в карту, сказал Румянцев.

- Да. Но для его перехода было сделано шесть небольших паромов на лодках и складной мост.

- И неприятель не заметил этих работ? - спросил Боур.

- Нет, ваше превосходительство, не заметил, все было проделано очень скрытно, больше работали по ночам. 18 июня на остров прибыли три батальона пехоты, четыреста казаков и восемь пушек под командой генерал-майора Черешникова. В ночь на 19-е все было готово. В три часа ночи мы должны были подойти к намеченному диспозицией пункту, а генерал Черешников - открыть огонь по судам.

- Какой состав десанта выделил генерал Вейсман?

- Из Измаила вышли семь батальонов гренадер, всего две тысячи человек, шесть полковых пушек. Но беда в том, что вечером начался сильный дождь и ветер в верховьях Дуная, и плоскодонные суда с трудом продвигались вверх по течению. Волнение на реке было настолько сильным, что наши легкие суда сталкивались друг с другом, у некоторых поломались рули. Потому лишь к девяти утра, с опозданием на шесть часов, мы прибыли к мысу Чатала. И это спутало все наши планы: ведь в три часа ночи, как было условлено, Черешников открыл огонь по судам. И конечно, турки обнаружили его на острове, начали орудийный обстрел его позиций. Обнаружили и нас и тоже готовились встретить...

- Да, коротки июньские ночи, - задумчиво сказал Румянцев.

- К тому же проливной дождь продолжался. У многих намокли патроны, после ночной борьбы с непогодой люди смертельно устали. А днем высадка десанта на берег сопряжена с большой опасностью: турки как раз под Тульчей воздвигли двадцатичетырехпушечный ретраншемент. - Сержант на минуту замолк, словно вновь переживая трудное положение, в котором оказался десант. - Наш генерал уже подумывал над тем, чтобы отдать приказ о возвращении в Измаил. Но столько уже было отдано сил, такая подготовка была произведена... А тут началась такая канонада по отряду Черешникова, что Вейсман не мог оставить его без помощи: вдруг турки пойдут штурмом на остров и сомнут не столь уж многочисленный его отряд... И Вейсман приказал двигаться дальше к устью реки Сомов. Стоявшие там неприятельские суда открыли по нас огонь, но легкие, быстрые запорожские суда атаковали их и заставили замолчать. Турки бросились в камыши, оставив у берега свои суда. Так мы закрепились в устье Сомова. Высадив десант, бросились на батарею, стоявшую на высоте и открывшую по нас огонь. Вскоре четыре пушки и семь пленных оказались нашими первыми трофеями. Затем разгромили высланную нам навстречу конницу. А когда весь десант был на берегу, мы, разделившись на две колонны, двинулись к Тульче. Вейсман вел правую колонну по горам, генерал Озеров вел свою колонну вдоль берега. Постоянно на нас нападала неприятельская конница, но каждый раз с уроном для нее бывала отбита... Продолжал лить сильный дождь, трудно было двигаться по горам, но все прошли благополучно и вышли к городу. И тут мы натолкнулись на весьма крепкий неприятельский ретраншемент. Двадцать четыре пушки, рвы, как потом мы подсчитали,

в две сажени глубиною и шириною, с крутыми каменными одеждами...

Может быть, многим ретраншемент показался неприступным, турки безостановочно палили, у нас же патроны были подмочены, и невозможно было ружейной пальбой сбить неприятеля с занятых ими валов. И только наш генерал не растерялся. Он вспомнил о взятых на всякий случай лестницах. Гренадеры их тут же разобрали и бросились вслед за генералом и майором Булдаковым в ров, а вскоре, карабкаясь по лестницам, мы преодолели вал и оказались в амбразурах. Штыковой бой повсюду заканчивался нашей победой.

Румянцев слушал этого храброго сержанта и думал о выгодах, которые можно извлечь из этого еще одного успешного поиска против Тульчи.

Сержант рассказывал бойко, называя имена и фамилии известных своей отвагой и храбростью офицеров и солдат, отразивших несколько сокрушительных атак конницы и янычар, а Румянцев слушал и живо представлял себе, как его солдаты, отразив очередную атаку неприятеля, ложились измученные на политую дождем, размокшую землю и вновь вставали, как только звучал сигнал тревоги. Даже в восемь часов вечера, когда уже по всем законам войска отходили на отдых, турки возобновили нападение на позиции отряда Вейсмана. Но и эта атака была с большими для них потерями отбита...

Удивленный такой настойчивостью неприятеля, Вейсман вскоре узнал, что визирь прислал подкрепление из Бабадага и фирман, в котором приказывалось непременно взять город и ретраншемент. За невыполнение приказа коменданту крепости грозила смерть. Ясно было, что визирь не успокоится, пока не разобьет отряд Вейсмана. И командующий отрядом принял решение об отходе в

Измаил, тем более что на острове, как доносили курьеры, произошли тяжелые бои с десантом неприятеля, задумавшего во что бы то ни стало выбить оттуда батарею русских.

Но дело было сделано, рисковать больше не имело смысла, и Вейсман, погрузившись с отрядом на суда, вернулся в Измаил.

- Надобно всю нашу армию известить о сей знаменитой за рекою Дунаем победе, - сказал Румянцев. - Передайте мои поздравления виновнику оной прехраброму и столь предприимчивому генералу и кавалеру фон Вейсману. Из сего донесения, - Румянцев показал на пакет Вейсмана, - я вижу, что вы везде были в сих атаках как храбрый адъютант при храбром генерале, везде доставляли повеления войску. Генерал ваш, - Румянцев сделал ударение на последнем слове, - рекомендует вас как расторопного и неустрашимого воина. И с удовольствием я послал бы вас к всемилостивейшей императрице нашей с реляцией, предавая вас высочайшему ее императорского величества благопризнанию, но не могу рисковать... Не могу отправить вас из-за карантинных кордонов, где вы, как новенький, можете долго просидеть, а в Петербурге не любят долго ждать победных реляций: перемена курьера задержит сие известие.

...Шли дни, недели. Румянцеву стало известно, что нападение на Тульчу оказало серьезное воздействие на дальнейший ход военных событий. Оказывается, накануне сюда прибыл сам визирь и остался доволен прочностью укреплений, внешним видом отборных войск, которые в скором времени он предполагал бросить на Измаил... И вот две тысячи русских храбрецов на виду всего гарнизона захватили сильно укрепленный ретраншемент, отбили несколько атак конницы, нанеся ей серьезный ущерб, уничтожили множество неприятельских двух-и трехмачтовых

кораблей, галер и кончебасов, восемь орудий забрали с собой, а пятнадцать заклепали. Так Вейсман сорвал готовящийся неприятельский поиск. После этого турки и думать перестали о нападении на Измаил и в ужасе причитали:

- Видно, пришла воля Божья, чтоб погиб народ наш!

Но все это были лишь частные столкновения. Румянцев ждал активных действий со стороны турок. По его сведениям, Константинополь всерьез готовился продолжать битву за Дунай и придунайские княжества, а потому необходимо быть готовым ко всяческим неожиданностям. Тем более что невозможно предугадать, где визирь собирается начать военные действия. Во всяком случае, в любую минуту мог начать их виддинский комендант Муссун-оглы: в Крайове наших войск уже не было, и он легко и беспрепятственно мог идти на Бухарест. В Бабадаге, Тульче и Исакче тоже было сосредоточено немало турецкого войска.

Румянцев выжидал, внимательно наблюдая за всеми передвижениями неприятеля. Особо беспокоил его правый фланг, Валашский корпус, где так часто менялись командующие и где так много происходило всяких беспорядков. Турно и Журжа, как занозы в здоровом теле, все больше напоминали о себе.

Румянцев сделал все для того, чтобы Валашский корпус мог перейти к активным действиям против так позорно отданной неприятелю Журжи. Слева безопасность его обеспечивает сильная команда генерала Ржевского. Неподалеку - корпус генерала Боура, который в случае чего может быстро прийти на помощь и тому и другому. Румянцев предписал Эссену собрать военный совет и обсудить, «как бы наилучше - попытками ли прямыми или движением, кажущим оные, - утеснить неприятеля и изгнать из нашего

берега и вывести свой корпус из нынешнего недвижимого состояния».

Но в июле активные действия прекратились. Обильные дожди переполнили многочисленные речки и ручьи, разлившись повсюду, дороги развезло. Дунай с его притоками вышел из берегов и стал непреодолимой преградой для военных действий с обеих сторон.

В эти дни высокого паводка Румянцев острее ощутил необходимость сильной речной флотилии, такой же, как у турок. Кое - что русские отбили у них, кое-что успели построить, запорожские суда стали активнее использовать в наших военных операциях. Но это было очень мало... Со всякою поспешностью Вейсман и ему подчиненный капитан Нагаткин должны снарядить приведенные в Измаил захваченные турецкие суда для дела на воде.

Все эти размышления фельдмаршала воплощались в ордера, которые штаб его рассылал по назначению. Заботило Румянцева и полное отсутствие связи с командующим Валашским корпусом Эссеном. Июльское наводнение было настолько сокрушительным, что сорвало мост в Максименах и унесло в Дунай, реки Аргис и Сабор вышли из берегов, образовав обширный общий бассейн, мосты на Дембовице и Яломице были разрушены. С большим трудом было доставлено донесение Эссена, в котором он выражал готовность начать наступательные действия против Журжи. Румянцев не понимал этих странных намерений нетерпеливого генерала, не желавшего считаться со стихийным бедствием, которое играло на руку неприятелю, скрывавшемуся за крепостными стенами. А генерал Эссен, вместо того чтобы подождать, пока спадет вода и реки войдут в свои берега, намеревался двинуться к Журже обходом справа, минуя реки Сабор и Клинешты, тогда как надо стараться выманить противника в поле, заманить его в какую-нибудь

неудобь и нанести поражение. А потом уж идти к Журже и попытаться с ходу ее взять. Румянцев отменил эту операцию Эссена как недостаточно продуманную и советовал ему более тщательно, используя знание местных условий, готовить наступательные действия.

Вода начала спадать, повсюду были видны следы ее разрушительного действия.

Эссен двинул свой корпус к Журже, но высланные вперед разъезды нигде не встречали неприятеля. И вскоре стало ясно, что никакие маневры русского корпуса не заставят неприятеля выйти из крепости. В ней, как сказали захваченные пленные, было уже около 15 тысяч войска, из них 10 тысяч конницы. Стало также известно, что неприятель собирается покинуть Журжу, потому что не запасает провианта впрок, а подвозит лишь на два-три дня.

3 августа неприятель наконец-то заметил приближение корпуса Эссена и выслал на разведку конный отряд. Казаки и арнауты заманили его в поле и навели на Ахтырский гусарский полк. Стычка между ними была недолгой. Выскочившие из засады гусары налетели на турок, которые тут же ушли в крепость, оставив на поле убитыми до тридцати человек. Этот частный успех, видимо, вскружил Эссену голову, и он решил без тщательной подготовки идти на штурм крепости.

Атака Журжи 7 августа 1771 года была настолько неумело и торопливо проведена, что стала горьким уроком для всей армии. Военный историк Петров, тщательно изучив рапорты и донесения оставшихся в живых участников этого штурма, писал: «Главною причиною неудачного приступа к Журже была чрезвычайная потеря в офицерах, которые, находясь всегда впереди, подавали пример мужества солдатам, но зато первые и стали жертвою своей храбрости. Оробевшие солдаты, не видя более своих начальников,

с которыми были готовы на все, – видя убитыми храбрейших из своих товарищей, не могли уже решиться идти по их следам. К тому же неприятель, вопреки полученным о нем сведениям, имел твердую решимость защищать Журжу, углубил ров ретраншемента и впустил в него воду, что было нам неизвестно. Наконец, Эссен мало обратил внимания на совет Румянцева и почти не воспользовался действием своей артиллерии; а для штурма было взято мало лестниц, так что только по десяти человек в каждой колонне могли всходить разом на бруствер. Ясно, что неприятель мог легко сбивать их в ров пиками и крючьями. Напротив того, если бы для атаки войска каждой колонны были разделены на батальоны с общим резервом, тогда, во-первых, огонь неприятельской артиллерии не вырывал бы глубоких рядов общей колонны; во-вторых, силы его были бы раздроблены, и на вал могло бы взойти втрое или вчетверо большее число атакующих».

Эссен, простояв сутки у Журжи, ушел со своим корпусом за реку Аргис. И августа в рапорте Румянцеву, рассказывая о подробностях штурма, называет его «несчастьем, которое, предохранив его от великих опасностей, обременяет его жизнью».

Это было несчастьем не только для Эссена, но и для Румянцева... За несколько часов потерять почти всех офицеров, потерять нити руководства штурмом и почти треть всего корпуса – такова была цена этого ночного безумия генерала Эссена. В реляции Екатерине II Румянцев писал, что он не смеет, не будучи свидетелем делу, «заочно положить нареканий ни на чьи упущения в сем неприятном случае. Смерть и раны многих свидетельствуют, сколь довольно тут было стремительного усердия приобрести победу, жребий коей не всегда в человеческой власти». Но вместе с тем он четко высказывал обвинения в адрес главного

командира, который не употребил в пользу сведения инженеров и генералов о положении тамошних укреплений... Сколько уж раз была сия крепость в их руках, а, узнав об укреплениях, можно было бы так направить движения колонн для произведения нужного дела, чтобы не испытывать больших затруднений, кои можно было бы предусмотреть. «Велел ему, - писал Румянцев, - во-первых, начать попытку на ретраншемент действием артиллерии, стреляя залпом из многих пушек... чем бы и прикрывать могли свой приступ, и отнюдь не сходно то с моими мыслями, что он атаку зачал ночью, когда все случаи к смятению легко происходят, и, приступ делая на ретраншемент, тащили с собою бесплодно пушки, из коих семь досталось в руки неприятелю... Впрочем, сия потеря под Журжею еще ни в чем не переменяет нашего положения, и неприятель, есть ли бы покусился после сего на какой шаг, везде будет принят достаточным сопротивлением...»

Конечно, не хотелось фельдмаршалу Румянцеву брать на себя «чужой» грех, а потому в реляции Екатерине он высказал всю правду о неудачливом генерале... Вот когда удачно совершает поиск генерал Вейсман, то фельдмаршал тут же сообщает императрице о прекрасном таланте подчиненного ему генерала. Но что же сказать ему о Журже и атаковавшем ее генерале? Провалил операцию, которую он, Румянцев, так ждал и готовил...

Глава 4

Лошадиное терпение

29 августа 1771 года фельдмаршал Румянцев писал Екатерине II: «Всемиловнейшая государыня! Недавно приехал ко мне в армию старший сын, которого по Всемиловнейшему, Вашего Величества, благоволению, я имею своим генерал-адъютантом. Осмеливаюсь, Всемиловнейшая Государыня, благодарение всеподданнейшее принести Вашему Императорскому Величеству за сей вновь и толь чувствительный мне знак Монаршей Вашей милости...»

Редко видел фельдмаршал своих сыновей. Ратная служба не давала ему покойно наслаждаться семейным уютом. А потом крепкие разногласия с супругой Екатериной Михайловной совсем отдалили его от дома. Лишь письма ее частенько напоминали ему о детях.

Как быстро мчится время! Кажется, только вчера он, возвратившись после взятия Кольберга в Москву, видел своих детей совсем маленькими. Правда, десятилетний Миша уже тогда мечтал о сражениях и походах, лихо скакал на коне, воображая себя бесстрашным рубакой. А теперь ему уже скоро исполнится двадцать... Да и младшим немногим меньше. Николай уже при дворе, и лишь Сергей остался при матери. Так вот не успеешь оглянуться, как подойдет старость, и останутся после тебя только взрослые дети да память о выигранных сражениях... Хорошо, что сейчас здесь затишье, пусть Михаил присмотрится к походной жизни – не так уж она сладка, как может показаться юношескому воображению...

Румянцев достал заветную шкатулку, в которой держал письма и самые важные документы, и стал перебирать их. Столько уже накопилось писем

Екатерины Михайловны! До сих пор он так и не мог разобраться в своих чувствах к ней. Ясно, что не любил ее, но ведь она была женой, хозяйкой дома, матерью его детей... Сначала она просто приглянулась ему, красивая, статная, даже величественная. Но потом все чаще стала упрекать его в изменах, о которых узнавала; конечно, семейные сцены ему надоедали, он стал меньше бывать дома, к тому же действительно столько красивых женщин встречалось на его беспокойном пути...

Вот и разошлись их пути-дороги. Попыталась она пожить вместе с ним в Глухове несколько лет тому назад, но из этого тоже ничего не вышло. И вот – только дети и роднят их... Да вот эти письма. Просматривая их, он вновь словно бы заново переживал свою жизнь...

15 ноября 1770. Москва. «Батюшка мой Петр Александрыч. С час назад, как курьер от тебя мне письмо привез, в котором меня поздравляешь с именинником Мишею, я думала – ты и забыл, когда кто родился. Граф Брюс сегодня приехал, которого я не видала, а дети были у него и его застали у Екатерины Александровны. Я сожалею, что столько больных генералов у вас в армии. Боже, дай свою милость, чтобы все желаемое тобою было исполнено. Я чаю, Озеров приехал, тебе живая грамотка обо мне. Курьер из Глухова купчую на Топаль привез, только из Петербурга не воротился, все там живет»...

Нет, невозможно разобрать ее корявый почерк, хоть бы отдавала переписывать кому-нибудь. Уж на что у него самого плохой почерк, а у жены ничуть не лучше. А вот еще одно горькое письмо, полное показного покорства и тайного недовольства. И снова – все о детях...

9 декабря 1770. Москва. «Батюшка мой Петр Александрыч. Письмо твое, батюшка, через Лунина получила, радуясь, что ты здоров, а что в нем писано,

на все отвечать не знаю как, а лучше, думаю, умолчать, все в твоей воле состоит, я и дети всегда тебе повинуюемся... Только об том прикажи себе сказать, что вы пишете, что у меня ништо не спорится, правда, денег лежачих нет, и долгу не уплатила, а из доходов в два года на строение дома в Москве одиннадцать тысяч положила; скажете, да кто велел? Верь Богу, крайняя нужда, негде жить было... Ежели бы да не посещение Божеское пожарами, что Чебарчино выгорело, я бы и нонеча у тебя не просила; а как дети скоро едут в Петербург, то непременно принуждена занять - их отпустить. Поверьте Богу, в Москве жить так, как я живу, сено, дрова покупаючи, - не дешевле других мест. Что же я писала про петербургскую езду - это не для своего удовольствия, чтобы я с родными своими видеться хотела, потому что я знала, что брат будет в Москве, которого на сих днях и ожидаю, а единственно то же думала, что и вы пишете, для детей бы что полезное, их куда бы послать, - заочно этого сделать не можно, пускай же еще хотя год так проживут...большой - страсть великую к службе имеет и меня часто упрекает, что я причиною его волонтером не пустила, а считает - конечно бы, ты его взял, да моей воли на то не было. Принца прусского сюда ожидают, я и тут принуждена себе сделать излишнее, потому - куда его ни звать ни будут - мне везде быть с ним на обедах, и уже и звана от многих; так видишь, батюшка, что не самоизвольные я лишние расходы делаю, а единственно уже по чину и чести принуждена...»

Да, тут ничего не поделаешь, расходы увеличились, нужно соблюдать чин и честь, правильно она пишет...

Румянцев с грустью перелистывал письма... «Вчерась курьер от тебя приехал, с которым я писем не имела, и очень меня огорчило в обстоятельствах тех...» Господи! Как будто у меня не хватает дел, чтобы с каждым курьером писать жене. Может, курьеры-то и

часто ездят, да не с каждым пошлешь письмо, ведь его нужно написать или продиктовать. А сколько всего накопится за день, не успеваешь ордера-то рассылать, а тут... «Я одного только уже и прошу, что в этом мое удовольствие сделать, хотя бы своей рукою да имя подписывать...» Ну это уже совершеннейшие пустяки, чувствительность какая-то чрезмерная... А вот и о детях! «...Детей я на сих днях отпускаю в Петербург, которым не отменно надобно верховых лошадей, следственно и убор, чепраки шитые, как знаю, что у тебя есть, пожалуй, буде не надобны тебе которые, пришлите ко мне, а то я принуждена буду купить им обоим. Достается в адъютанты в нынешний новый год, в доклад поданы, матушка ко мне пишет, и я принуждена теперь все излишнее еще для них сделать, лошадей и уборы, и людей прибавить им, и расходу...»

Никуда не денешься, сыновья фельдмаршала должны быть снаряжены соответствующе их положению и чести! И сыновья это уже прекрасно понимают. Вон уже как пишут Михаил и Николай: «...И я вам, милостивый государь батюшка, приношу мой низжайший поклон, притом доношу, что сегодня получили письма от бабушки, что мы оба с братом в доклад поданы в адъютанты полковые, а как вам неизвестно, что излишния надобны лошади и уборы, а у меня хотя, по милости вашей, и есть, только не для парада, также и лошади не очень хорошие; и предаю себя в милость вашу и на оное буду ожидать вашего приказания. Ваш всенижайший и всепокорнейший слуга и сын г. *М. Румянцев*... И я, милостивый государь батюшка, возобновляю братнину просьбу и, предав себя в милость вашу, остаюсь ваш, милостивый государь батюшка, низжайший слуга и сын г. *Николай Румянцев*».

Екатерина Михайловна писала часто, старалась не пропустить ни одной почты, ни одного курьера, ни одной малейшей оказии. И ее беспокойство понятно.

Она уже понимала, что мужа не вернуть и не будет ей спокойной семейной жизни. Но беспокоила ее судьба детей: им нужен был отец, его положение, да, наконец, и его деньги, чтобы встать на ноги и самостоятельно пойти по бурному морю житейскому. Потому и сообщала она фельдмаршалу, что отправила детей в Петербург, а для этого понадобилось занять 2 тысячи рублей для их приготовления, дала с собой, потратила на них 1500 рублей, были и другие расходы, и «осталось 380 р., чем мне жить и людям жалованья раздать».

Она беспокоилась о его здоровье, по-прежнему любила его и делала все, что ни скажет. И просит, чтоб он курьеров не пропускал, «особливо в нынешних обстоятельствах, что чума нас так страшит всех и уже и здесь, в главном госпитале и кругом, везде караул стоит». Это Екатерина Михайловна написала ему 25 декабря 1770 года, как раз в канун светлого Рождества Христова...

Чума дошла и до Москвы, и Румянцев немало провел дней в смятении и беспокойстве, опасаясь за детей и Екатерину Михайловну. Но, слава богу, все миновало... И вот сын Михаил стал его генерал-адъютантом, привез много новостей, забавно рассказывает о бабушке своей, славной гофмейстерине императорского двора Марии Андреевне Румянцевой, тетке, Прасковье Александровне Брюс, статс-даме... Да и мало ли знакомых, друзей в Петербурге, сколько родственников, и все они занимают высокое положение при дворе. Не дадут пропасть его детям, если с ним что случится...

Но эти тревоги и заботы о родственниках, о матери и детях, которые не так уж часто посещали сурового воина, как-то незаметно для него начали словно бы таять, оставляя в душе его легкую грусть. Тянет его уже к покою, семейному уюту – сколько уж лет он постоянно в походах, в палатках, без необходимых удобств и комфорта! А так хочется понежиться в своем

родном доме, где все привычно и все знают, чего он хочет и что любит.

Да не до того сейчас. Война идет, и неизвестно, сколько она еще продлится... Многие зависит от настроения в Порте, а сведения оттуда поступают скупо. Вот если только Алексей Михайлович Обрезков что расскажет.

Со дня на день Петр Александрович ждал приезда из Турции посла Обрезкова, которого наконец-то выпустили из заточения в Семибашенном замке, где он просидел больше двух лет. Еще в июле Румянцев получил письмо, в котором он давал знать о своем освобождении, о том, что после карантина из Землина «возьмет путь» через Темишварский банат в город Чирк-Гумеш, лежащий на Трансильванской границе, а затем может заехать в Яссы. Румянцев тут же послал нарочного для того, чтобы сделать все возможное и ускорить его приезд в Молдавию. В записке просил, раз уж он все равно будет в Яссах, побывать у него, пока экипажи его будут чинить и готовить для дальнейшего пути. «От него я могу получить сведения из первых рук, как от лучшего знатока турецких дел. А сведанное от него на пользу службы пойдет», – думал Румянцев.

И вот наконец Обрезков в Яссах. После непрерывных веселых застолий и общего разговора, в котором принимали участие многие генералы и старшие офицеры, Румянцев и Обрезков наконец-то остались наедине.

– Алексей Михайлович! А ведь вы с батюшкой моим еще служили...

– Да, как же... Служил еще при Анне Иоанновне. Больше тридцати лет назад дворянином посольства впервые побывал в Турции, да вот с тех пор сколько переживаний с ней связано... Помню, что мы с Александром Ивановичем везли портрет Анны Иоанновны. Да слишком долго пробыли в Киеве, пока

нам разрешили тронуться в путь в Константинополь. А пока приехали в Турцию да пока вели переговоры, вместо Анны Иоанновны императрицей стала ее племянница. Когда же мы вернулись - на отцовском троне сидела Елизавета...

- Алексей Михайлович! А что в Порте? Меня очень интересует положение там. От этого, сами знаете, очень многое сейчас зависит.

- В Константинополе все очень плохо, народные массы недовольны войной, женщины криком кричат, требуя вернуть мужей... Люди голодают... Султан тоже хочет мира, да не может преодолеть свою спесь... Как же, владыка мира! Но и он почувствовал, что стране нужен мир. С какой пышностью отпустил меня! Только на Востоке такое возможно. Сначала посадил меня в Семибашенный замок и грозил расправой, а потом, как только вмешались наши медиаторы, прусский и австрийский послы, так сразу же все переменялось... - Тут Обрезков спохватился: - Но что же все я говорю да я...

- Оно и понятно! - улыбнулся фельдмаршал. - Сколько месяцев вам не приходилось общаться с русскими людьми...

- Расскажите, Петр Александрович, что здесь происходит.

- У нас тут такое дело возникло, Алексей Михайлович... Широко разнеслась по Молдавии и Валахии весть о том, что вас выпустили. И всем стало понятно, что переговоры с турками скоро начнутся. Распространяются слухи, что Молдавия и Валахия снова отойдут к Турции и снова начнется резня тех, кто был эти годы с русскими, помогал продовольствием, участвовал в нашей армии. Тот же брат здешнего господаря Якувакий, упомянутый вами, прислал из Константинополя письмо к боярам города Браилова, в нем он сообщал, что будто бы эти переговоры уже

начались и что оба дунайских княжества вновь присоединятся к Турции. Представляете, какая началась паника... Напуганные жители всяческими способами уклоняются от помощи нашим войскам, убегают в горы, скрываются в лесах...

- Да, проезжая по Молдавии, я видел какое-то оскудение, забитость жителей... А так мало их...

- Край действительно оскудел. Война его истощила, а теперь еще и страх возвращения к Турции. Я пытаюсь успокоить жителей как могу, велел брать под арест всех, кто распускает вредные для нас слухи.

- Это правильно, ничего нет страшнее слухов...

- И вот что получается. Несколько раз писал я Никите Ивановичу, прося об определении места для пребывания господаря молдавского князя Гика, но не получал никакого уведомления. А теперь вновь имею причину для беспокойства... Сей князь, узнав, что мир с Турцией заключается помимо его посредства, стал ныне пугать здешних жителей тем, что их ожидает тогда, когда вновь отойдут под владычество турок.

- Петр Александрович! То, что вы говорите, точно соответствует характеру Гиков. Все они такие. Где сила, там и они. А что-нибудь явного он сделал?

- Склонял на неверность нам исправника брайловского, чтоб он доброжелательствовал туркам.

- Так надобно привлечь его за измену, за распространение слухов, - оживился Обрезков. - Как вы узнали об этом?

- Этот разговор, от первого до последнего слова, передал нам сам исправник. Но поелику были они наедине, то я рассудил, что нельзя еще обличать князя в явной измене. Только тут же написал графу Панину, чтобы с первым же курьером уведомили меня, что мне с ним делать и не лучше ли его вообще забрать в Россию и развязать меня с ним вовсе.

- Да, здесь его держать опасно, возникает множество всяческих предосуждений нас. - Обрезков тоже был в затруднении. - В Петербурге доложу о сем Панину.

- Да что поделаешь с Петербургом? Как-то уж очень лениво внимает он моим просьбам.

- А каковы, ваше сиятельство, ваши боевые планы? До меня доходили какие-то смутные слухи о поражении нашем под Журжей. Ваши друзья приуныли, а враги торжествуют и распространяют вредные легенды о вас как главнокомандующем?

- Сплетни пускай ходят. Без них завистники никак не могут жить. А под Журжей в самом деле мы потерпели поражение. - Лишь на какое-то мгновение Румянцев умолк, вспоминая обстоятельства этого печального события в армии. - Впрочем, сия потеря под Журжею ни в чем не переменяет нашего положения. И неприятель, если бы где и попытался развить успех, везде получит достаточный отпор...

- В Валахии командует генерал-поручик Эссен?

- Да. Он разослал повсюду своих лазутчиков и арнаутов, использовал и сведения, которые получил от выходцев с той стороны. И по всему получалось, что турки не держатся за Журжу и готовятся ее оставить... А оказалось, что неприятель хорошо подготовился к обороне крепости. Встретил нас таким уничтожающим огнем, что погибли в первые же минуты чуть ли не все офицеры. И даже наши храбрые гренадеры растерялись и залегли. Некому было их поднимать и вести на штурм. И отошли, убедившись, что не в состоянии превозмочь отчаянное сопротивление неприятеля. Не подготовлена была атака ни артиллерийской пальбой, ни разведкой.

- Печально все это, - сказал Обрезков. - А как наша императрица отнеслась к этому поражению? Ох, не любит она проигрывать! А от вас она ждет таких же чудес, как и под Кагулом.

- Только что прибыл курьер от нее. Вот собственноручное ее письмо. Хотите - прочтите. Письмо философского содержания, тайн тут никаких.

Обрезков взял письмо и вслух прочитал:

- «Граф Петр Александрович! В удачных предприятиях я Вас поздравляла; ныне, в неудачном случае, когда генерал-поручик Эссен не успел взять Журжу, но сам с большею потерей остался, я Вам также скажу свое мнение: я о том хотя весьма сожалею, но что же делать? Где вода была, опять быть может. Бог много милует нас, но иногда и наказует, дабы мы не возгордились; но как мы в счастии не были горды, то надеюсь, что и единую неудачу снесем с бодрым духом. Я надежна, что Вы не оставите оное поправить, где случай будет. Более всего мне прискорбна великая потеря храбрых людей; еще ни одна баталия во всей войне столько людей не стоила; стараться буду оную потерю вознаградить и привести армию в наипочтительнейшее состояние, нежели еще была. Впрочем, пребываю к Вам с всегдашнею доверенностию и с непременною доброжелательством благосклонна. *24 августа 1771 года*».

- Хорошее письмо... Как наша всемилостивейшая умеет вовремя сказать одобрительное слово! Поддержала она меня в Турции. Если б не она, я до сих пор бы торчал в Семибашенном замке или в обозе турецкой армии... Льщу надежду принять участие в мирных переговорах, если таковые произойдут. Венцы и король прусский будут мутить воду. А там еще Франция то и дело вмешивается.

- Мирные переговоры начнутся после того, когда как следует ударим по супротивному берегу Дуная и вышвырнем турок с нашего берега. Вот тогда они согласны будут и на мир. - Румянцев заговорил страстно.

- Да, Петр Александрович, это лучший способ заключить побыстрее мир. Разгром армии неприятеля всегда помогает утвердить наши границы и наши интересы в других странах.

- Никак не пойму, что замышляет верховный командир турок. Сам сидит все время в Бабадаге, а в верховьях Дуная, если верить слухам, собирается сотысячная армия знаменитого Муссун-оглы и вот-вот, в ближайшие дни, пойдет на Бухарест. Из Турно в Журжу уже прибыл значительный корпус при сераскир-паше.

- Наверняка, Петр Александрович, султан тоже хочет добиться хоть какого-нибудь успеха для того, чтобы начать переговоры.

- Пока что ничего не знаю о его наступательных намерениях. Донесли мне только о том, что он твердо решил удержать Журжу, углубляет рвы, заполняет их водой, еще выше поднял бруствер ретраншемента. И пленные показывают, что Муссун-оглы, спешив всю иррегулярную конницу, выступил из Турно на Бухарест. Это было бы прекрасно. Я давно жду полевого сражения, всеми способами стремлюсь выманить его из крепости.

Обрезков залюбовался Румянцевым: столько в нем было порыва и страсти!

- Пусть Муссун-оглу даст генеральное сражение под Бухарестом.

- Говорят, что бегут из турецкой армии, - сказал Обрезков.

- Да, пленные подтверждают, что многие разбежались, но и все-таки турецкая армия очень еще многочисленна. У того же виддинского коменданта не менее сорока тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. А сколько в Мачине, Силистрии, Руцуке да и в том же Бабадаге, где сам верховный визирь ждет своего часа для наступления на наш берег... Ничего

определенного нам не известно, все пленные по-разному говорят. Никому верить нельзя, а лазутчики редко возвращаются назад, турки научились их вылавливать.

Румянцев на мгновение умолк, как бы собираясь с мыслями, обдумывая все тот же вопрос Обрезкова.

- Неприятель по сю пору кажет виды, что он стремится лишь укрепиться на супротивном берегу Дуная. При Мачине, где его сильнейший пост, вседневно занимают земляными работами, укрепляя свой стан. Вверху Дуная уже не кажутся их великие силы, а приметно больше их обращение вниз, в Бабадаг, к визирю.

- Так что, возможно, отсюда он и пойдет на наш берег Дуная? - Обрезков внимательно следил за всем, что говорил Румянцев. Ему, человеку невоенному, тем более было интересно послушать фельдмаршала, слава которого прочно утвердилась во всех европейских столицах, не говоря уж о Константинополе, где произносили его имя с трепетом и страхом. Никому не хотелось столкнуться с этим прославленным победителем под Кагулом.

- Скорее всего, турки пойдут в двух-трех местах через Дунай. Мы не дадим им спокойно жить и на правом берегу. А если уж сюда пожалуют, мы будем только рады. Здесь им несдобровать, хотя, к сожалению, не все так получается, как задумываешь. Вот потеря под Журжей очень печальна, а ведь все могло быть по-другому, если бы Эссен получше подготовил штурм. К сожалению, есть такие генералы, которые везде находят для себя трудности и препятствия.

Обрезков оживился при этих словах Румянцева.

- Да, Петр Александрович, сколько еще таких у нас... Сделают на копейку, а растрезвонят на тысячи. А если ничего не сделают, то столько приведут всяческих

причин и обстоятельств в оправдание, что и за несделанное хоть орден давай.

- Вот у меня тоже есть такие. И не везет Валашскому корпусу с командующими. То Олиц там был, то князь Репнин... Стоило мне высказать Репнину несколько замечаний, как он тут же подал рапорт о невозможности продолжать службу в корпусе по болезни. Прискорбнее всего мне это видеть. Чуть занемог - и сразу же в кусты. А сейчас вот подал рапорт об увольнении из армии, очень хочется ему на воды, полечиться.

- Племянник Паниных. А с ними нужно осторожно.

- Но мы-то страдаем от таких вот капризов. Сколько я ни старался привести в порядок этот корпус, прекратить тот развал, который может повести его к гибели, ничего не могу поделать из-за его отдаленности от меня...

- Трудно уследить за такой армией, которая простирается на сотни верст, - посочувствовал Обрезков.

- Вот именно. Мне же невозможно самому побывать во всяком месте. Некоторые пункты Дуная привязывают меня неотлучно к себе, отовсюду можно ожидать нападения, а я должен держать связь со всеми, чтобы вовремя помочь резервами.

- Трудно вам, Петр Александрович, ох как трудно. Далеко от своей земли, помощи ждать приходится долгонько, а прийти может поздно...

- Да, привести армию в хорошее состояние стоит действительно многих трудов. И притом же при удаче какой-либо одной части всю славу, по справедливости, отношу к командующему оной, а неприятные приключения принимаю на свой счет... И вот, Алексей Михайлович, про себя только то могу сказать, что терпение лошадиное имею. Чего только не приходится переносить! Переносу лихорадку, смертоносную язву, а

об мече и огне уж и не говорю – это наше ремесло. Но чувствую себя в крайнем изнеможении и слабости. И вы должны понять мое состояние. Ведь сколько уж месяцев мы употребляем уксус, а ведь употребление его не на всех равное действие оказывает. Тут где только кисло может быть, а мне нередко и горько бывает.

И столько грусти и скорби было в словах Румянцева, что Обрезков поразился внезапной перемене в, казалось бы, несгибаемом человеке. Трудно было поверить, что совсем недавно Румянцев горел порывом разбить неприятеля, мощью и силой так и веяло от него, а сейчас внезапно точно что-то оборвалось в нем.

– Настоящее положение на столь великом расстоянии, каковое мы теперь объемлем, – устало продолжал Румянцев, – и при малом моем искусстве и небольшом еще числе людей, не представляет мне никакой перспективы к получению звучных авантажей. Пока я должен все соединять и руководить всеми частными авантажами, сливая их в общую победу над неприятелем...

– Мало кто способен на это, Петр Александрович... Ведь до сих пор воевали только частями, а у вас, я чувствую, все эти части соединены в одну армию, хотя армия эта раскинулась на сотни верст.

– Э, да вы, Алексей Михайлович, я вижу, не только дипломат, но и по военной части можете давать советы.

– Столько лет только войной и занимаемся, Петр Александрович. Особенно при турецком дворе... Там не может быть дипломатом тот, кто не разбирается в военном деле... А кто этот молодой адъютант, который дважды уже заглядывал сюда?

– Старший мой сын, Михаил, названный так в честь деда, фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына... Рвался сюда с прошлого года, все мать уговаривал, но все милостивейшая императрица по-своему

распорядилась его судьбой. Сначала направила детей моих к великому князю, а потом старшего сделала моим генерал-адъютантом.

- Славный офицер будет! А мои пошли по дипломатической линии.

- Да вот и я намерен был послать среднего своего сына, Николку, к господину Салдерну в Варшаву, воображая себе, что посредством сего именитого мужа там восстановится порядок и покой и будут случаи что-либо для молодых людей увидеть и чему поучиться. Но по настоящим там оборотам не нахожу для них ни малейшей пользы.

- Ведь Россию все же должен представлять русский человек. А то что же... Совсем недавно он служил одному хозяину, сегодня - другому, а куда переметнется завтра... В Варшаве должен быть природный русак... Странный Салдерн человек, судя по всему... - медленно говорил Обрезков, словно подбирая слова для характеристики коллеги.

- Господин Салдерн, если можно судить издалека, многого не зная, кажется крутенек. Разбудил он и тех, коих князь Михайло Никитич Вяземский, может, и не исправил, но кротостью своей усыпил. А сейчас там снова все отношения обострились... А там, где замешательства пресекли всякое сообщество и обхождение, там почерпнуть молодым людям нечего... Вот почему я разрешил старшему сюда приехать, а младшего и среднего я повелел направить для того в Берлин, где, как в высшей школе военного искусства, можно чему-то научиться. - Румянцев говорил тепло и грустно.

- Дворянами посольства?

- Да... Дворянами посольства при министре нашем, если только соизволение все милостивейшей государыни на то воспоследует... Благодеяние немалое... Служить надобно с юных лет... Я вот с

пятнадцати лет на службе государей российских... И как стыжусь я за своих многих земляков, которые в настоящее военное время уклоняются от поля боя на домашний покой.

Долго еще продолжался разговор. Но как говорится, всему бывает конец. Обрезков ушел, а Румянцев вновь и вновь мысленно возвращался к судьбе этого славного человека.

И сентября 1771 года Румянцев писал Панину: «... Алексей Михайлович Обрезков по просьбе моей заезжал ко мне в армию и, погостя тут дня два, на третий, то есть 1-го числа сего месяца, отправился обратно в Яссы, хотел не медлить нимало в своем оттуда пути в С.-Петербург. В проезд его чрез Молдавию старался я... уготовить ему возможные выгоды, сколько в том позволить могла здешняя во всем скудость, и предварил приказанием и в Польше наши команды о выгоднейшем его равномерно препровождении по дороге до Киева. А во время свиданья моего, паче же при отъезде из армии, я ему предлагал ко всему мои услуги, но ни слова не сказал он мне о деньгах, ниже о другом чем-либо, что имеет нужду...»

Глава 5

Бегство великого визиря

В середине сентября все еще не предпринималось ничего серьезного. По-прежнему турки распускали слухи о своем наступлении на левый берег Дуная. Во всяком случае, пленные и местные жители утверждали, что в Турно, Виддине, Журже и Крайове накапливаются большие силы неприятеля, которые вот-вот должны обрушиться на Бухарест.

Румянцеву много раз докладывали об этих слухах. Но слухи всегда должны иметь свое подтверждение, чтобы в них поверили. А эти никакого подтверждения не имели, а посему вызывали справедливые сомнения: не распускает ли их неприятель сознательно, дабы ввести в заблуждение русских военачальников?

Доложили Румянцеву и о сбежавшем из турецкого плена прапорщике Милковиче. Никопольский паша, допрашивая его, несколько раз говорил, что доблестный Муссин-оглу с большим войском вскоре пойдет на Бухарест... Зачем говорил? И к тому же подозрительно просто сбежал Милкович из плена. Никто его, по сути дела, не охранял. Он сел в лодку и оказался на левом берегу Дуная, где его и подобрала казачья пикета. Значит, думал Румянцев, турки хотели, чтобы прапорщик доставил нам эти сведения? Зачем? Чтобы ввести в заблуждение? Ведь никаких признаков этого наступления в верхнем и среднем течении Дуная не наблюдается. Нет, скорее всего, наступательные действия начнутся в нижнем течении, начнутся из Бабадага, где по-прежнему находится визирь с пятидесятитысячной армией. Накапливаются войска в Мачине, Гирсове, Исакче... К тому же между Гирсовом и Мачином заметно оживление в стане неприятеля.

Вокруг Мачина возведены 12 батарей и общий ретраншемент, на пристанях скапливаются лодки, галеры с пушками. Запорожские лазутчики подсчитали, что там уже около 40 тысяч турецкого войска.

И Румянцев пришел к выводу, что именно от Мачина и Гирсова могут ударить на Браилов турецкие войска. К тому же и Бабадаг может подкреплять своими резервами этот поиск.

«Пожалуй, пора повидаться с генералом Вейсманом и сделать распоряжение на будущее время, – подумал Румянцев, прикидывая на карте возможные варианты ответных действий. – Главное сейчас – взаимная связь между корпусами. Каждый из них должен быть готов встретить неприятеля во всеоружии. А для этого необходимо хорошо подготовиться...»

Особо беспокоил Румянцева корпус Эссена. И не только потому, что командир его менее распорядителен и строг, но и потому, что корпус этот, наиболее удаленный от армии, получал меньше провианта и амуниции, да и контроль за ним со стороны походной канцелярии и самого фельдмаршала был послабее.

«Надобно указать Эссену, чтоб наладил разведку городов, лежащих на правой стороне Дуная. Пусть сыщет сведущих людей, которые дали бы нам точные расстояния от Гирсова до Силистрии, Рущука и Никополя, и от каждого из оных колико расстояния до Варны, Бабадага и до Черной Воды и Карасу... Ведь как же воевать на той стороне, если мы не знаем, какие там дороги, гладкие ли, гористые, с частыми ли переправами чрез малые или большие реки, или болотистые... Да мало ли что нужно узнать для того, чтобы не блуждать как в потемках, если доведется туда пойти...»

Румянцева беспокоила не только пассивность командующего. Ну, о разведке мало кто думает... До этого действительно он мог не дойти собственным

умом. Но как мог командир не видеть, что состояние его корпуса нуждается в скорейшем поправлении? Ведь когда навалится стотысячная армия Муссун-оглы, поздно будет наводить порядок. Полки же его корпуса так малы в людях, что едва их достаёт на службу полковую в мирное время. А он-то, Румянцев, хорошо знает, что ничто так не приводит в бессилие людей, как непрерывное бдение и беспокойство. А сколько было беспокойства этому корпусу!.. Сколько беспорядков было там!.. Сколько больных!..

Румянцев посмотрел расписание войск по Валашскому корпусу и предложил Эссену «сочинить два батальона, каждый из восьми рот, а именно: первый – 2-го Гренадерского, Ярославского, Ширванского и Азовского; второй – Пермского, Низовского, Нижегородского и Апшеронского полков, и к ним батальонных командиров определить из штаб-офицеров по рассмотрению своему, а ко мне об них отрапортовать».

В заботах и трудах шли дни... И однажды дежурный генерал Ступишин доложил, что прибыл командующий Бессарабским корпусом генерал Вейсман.

– Просите! – обрадовался Румянцев. Он давно ждал этого храброго и умного генерала.

После обычных приветствий и расспросов Румянцев высказал давно его волновавшее.

– Вы, конечно, понимаете, ваше превосходительство, что недавний разлив реки, разделяющий нас с неприятелем, не давал нам случая нанести удар по туркам. И потому, кажется, всяк с нетерпением ожидает конца сей кампании, чтобы в будущем выйти из положения столь скучного.

– А нам, ваше сиятельство, не было скучно, – сказал Вейсман.

– Знаю ваше усердие. А вот чтобы стало еще веселее, давайте обсудим положение в вашем корпусе

и его возможности еще в этом году... Я предчувствую, что турки, несмотря на осеннюю погоду, попытаются взять где-нибудь авантажи. Без этого они не могут склониться к мирным переговорам.

- Ваше сиятельство! Мои наблюдатели заметили умаление палаток и войска в неприятельских лагерях при Тульче и Исакче. Возможно, неприятель подвинул отсюда силы вверх по Дунаю или для усиления своего поста у Гирсова?

- Мы тоже заметили их приготовления против Браилова и против части наших войск, находящихся в Валахии. Генерал Боур со своим корпусом ждал их нападения. Но они почему-то отложили поиск. Уж не до следующего ли года?

- Вряд ли, ваше сиятельство. Уж очень приободрились они одержанной победой под Журжей. Да и потом, много накопилось их на той стороне, и все жаждут нападения, чтобы пограбить. Все они мечтают попасть в Бухарест, и только для того, чтобы урвать что-нибудь там... Воинские успехи и слава оружия их, кажется, меньше всего волнуют.

- Да, попытка Боура, которому я доставлял все необходимое для поиска против неприятеля, стоящего при Гирсове, тоже оказалась неудачной.

- Ваше сиятельство! Мы в срок отправили суда из Измаила, как вы и повелели.

- Так вот он на этих судах рекогносцировал остров Тиски. Он оказался занятым неприятелем, который открыл тут же огонь. Так что поиск был сорван. Но все-таки рекогносцировка оказалась полезной: при Гирсове Боур заметил неприятельский лагерь, гораздо увеличившийся за последние дни. И главное, он увидел, что турки делают новый ретраншемент на том месте, где он намерен был учинить десант.

- Значит, турки не дремлют и кто-то доносит им о наших планах?

- Вполне возможно. Так что сии обстоятельства переменили план его атаки...

- А наша флотилия? - напомнил Вейсман о своем детище, которому уделял столько внимания и сам фельдмаршал.

- Доносят, что запорожские суда пресекли в этой части Дуная всякое сообщение между турецкими городами по воде. Так что ваша флотилия действует с пользой.

- Для запорожских казаков каждое турецкое судно - это добыча. Они охотно идут на эти поиски. Да и мои солдаты идут в Тульчу или Исакчу не менее охотно, потому что их тоже там ждет добыча. А кто не хочет поживиться на войне?

- Лишь только после боя, после победы над неприятелем. Но сейчас не об этом речь, ваше превосходительство.

Вейсман приготовился внимательно выслушать фельдмаршала, почувствовав, что самое главное в их разговоре только начинается.

- Возможно, решительные действия произойдут в ближайшее время. А может быть, нынешняя кампания так и останется скучной, какой была весь год. Но мы должны все предусмотреть.

И вот что я могу по настоящим обстоятельствам предложить...

- Слушаю, ваше сиятельство!

- От Валашского корпуса непрерывно уведомляют, якобы паша Муссун-оглы из-за Ольты поведет сто тысяч сразиться с нашими тамошними войсками. И хотя сии разглашения не стоят веры, но я вынужден быть осторожным и приказал бригадиру Милорадовичу перейти со своими полками к Браиллову и выбрать место для лагеря так, чтобы неприятель хорошо мог разглядеть его приход. Браилловскому коменданту я тоже отдал все распоряжения, что принадлежат до

сбережения самой крепости. Бригадир Милорадович поставил свой пост на острове, противоположащем Браилам, сделал на нем укрепления и батареи, так что неприятель побоится приблизиться к крепости. А капитан Нагаткин получил приказание встать так со своими судами, чтобы воспрепятствовать неприятелю совершить всякое покушение на сей остров и стоящий там пост. Капитан Бишов получил от меня повеление начать работы по наведению моста через Дунай, уповаю, что на это неприятель станет взирать с великою тревогою...

- А какие приказания будут нашему корпусу? Мы всегда готовы!

Эта готовность порадовала Румянцева. «Вот если б все мои генералы были бы такими помощниками и споспешниками моим делам», - промелькнуло в голове у Румянцева.

- Я надеюсь на искусство и проницание вашего превосходительства. Вам надлежит отвлечь внимание неприятеля на себя, коль скоро удостоверитесь, что он ослабил против вас свои посты.

- Уже сейчас могу сказать, ваше сиятельство, что количество палаток в Тульче и Исакче уменьшается. То ли турки разбегаются по домам, то ли перебрасывают свои войска в другие места по Дунаю. Не более пяти-шести тысяч осталось на супротивном нам берегу...

- Я не предписываю вам ни способов, ни поры, ни характера поиска, а только предлагаю, как генералу, прославившемуся отменною предприимчивостью, мои идеи... Любым способом нужно показать противостоящему неприятелю, что вы готовитесь поставить твердую ногу на его берегу. И как только ваши суда будут готовы, разглашайте в народе слух о намерении вскоре перенестись за Дунай. Он непременно дойдет до ушей неприятеля. И тот должен будет свое бдение обратить против вашей части. Нам

нужно, чтобы неприятель нигде не мог сосредоточить превосходящие силы. Пусть думает, что вся наша армия переходит за Дунай при Браилове, а вы тем временем совершите нападение на какой-либо его слабый пост. Напустите страха на неприятеля, а если представится случай, то и разбейте его...

И столько страсти послышалось в голосе фельдмаршала, что хладнокровный Вейсман вздрогнул. Ни свист пуль, ни оглушительная пальба орудий не выводили из себя всегда храброго и стойкого генерала, а тут...

- Генералу Райзеру велел я два орудия двенадцатифунтовых с потребным числом служителей и снарядов к вам отправить, - добавил Румянцев.

- Спасибо, ваше сиятельство! Пригодятся в поиске...

«Как быстро меняется его настроение», - подумал Вейсман, глядя на успокоившегося фельдмаршала, который уже думал совсем о другом. И действительно, Румянцев спросил Вейсмана:

- Ваше превосходительство! В конце августа я направил вам ордер о состоянии санитарной службы в войсках...

- Да, ваше сиятельство! Я получил сей ордер, и многое уже сделано для улучшения состояния больных... Мала была сумма для учреждения лазаретов поблизости от полков. А теперь, когда сумма вашими ходатайствами прибавлена, можно действительно учреждаемый лазарет поместить там, где здоровее воздух и чище воды, как вы рекомендуете, и выбрать такое место, которое было бы безопасным со стороны неприятеля. И в выборе места для лазаретов я повелел советоваться с медицинскими чинами.

- Эти особливо учрежденные полевые лазареты должны комиссариатскими комиссиями снабжаться всем потребным. Столько еще бесчестных людей, лихоимцев... Вы не обижайтесь, ваше

превосходительство, дошли ко мне неприятные известия, паче ожидания моего, что больные вашего корпуса, стоящего в Мултянии, разбросаны по разным местам, порой без пищи и без медикаментов. А находящаяся там комиссия ничего не делает для исправления оногo положения. И даже никому знать об них не давали...

Неприятно было выслушивать Вейсману выговор за плохое состояние санитарной службы в корпусе. Он, получив ордер Румянцева, со всей решительностью, на какую был способен, занимался приведением в порядок этой службы корпуса, но сказать, что лечение больных было улучшено, он пока не мог, а потому чувствовал себя не очень-то хорошо.

А между тем Румянцев продолжал:

- Из повседневных рапортов видно, что число больных умножается, а не уменьшается. И что может служить причиной, кроме сущего небрежения по отношению к больным? А потому напоминаю вам прежние свои повеления. Командиры должны сами заботиться о призрении больных.

- Ваше сиятельство, - спокойно сказал Вейсман, - как только мы получили ваш ордер, мы собрали все комиссариатские комиссии и потребовали от них строгого снабжения полевых лазаретов потребными для покоя вещами, съестными и питейными припасами, выделили из прибавленных для этого денег, дали необходимые наставления офицерам, снабдили их книгами, в которые они должны заносить приход и расход прибывающих и убывающих больных, доставку медикаментов и прибытие потребного числа лекарей и подлекарей в помощь дивизионным докторам.

- За всеми надобно следить, - грустно сказал фельдмаршал.

- И мы установили наблюдение за офицерами, чтоб не дерзали они употреблять во зло данную им доверенность и не обращали в свою пользу принадлежащего больным... Так что отныне, ваше сиятельство, мои больные ни в чем не будут чувствовать недостатка. Буду сурово наказывать за малейшие провинности. - И при этих словах глаза Вейсмана холодно блеснули. - А выздоравливающих, нимало не мешкав, офицеры, надзирающие за ними, будут отправлять к полкам, а тех, кто одержим хроническими, или продолжительного требующих лечения будем отправлять в генеральные, особо учрежденные госпитали, как вы повелели в том ордере.

«Какой замечательный человек и командир!» - подумал Румянцев, пристально глядя на взволнованного командующего корпусом.

- Благодарю вас за службу ее императорскому величеству и России, ваше превосходительство. Непременно сообщу о ваших трудах всемилостивейшей императрице.

Вейсман ушел, а Румянцев снова погрузился в раздумья над картой придунайских княжеств. Не давало ему покоя положение корпуса Эссена. Кажется, все предусмотрел он, перебрал все возможные варианты действий коварного и сильного неприятеля. Как ловко обвел он вокруг пальца Репнина, заманив весь его корпус к Турно, а сам тем временем захватил Журжу. Комендант крепости и его офицеры получат свое, суд разжалует их и сошлет на рудники. Но сколько прольется еще крови, прежде чем Журжа снова станет нашей. А Эссен, удивительное дело, еще сентябрь на исходе, а он уже думает о зимних квартирах. И как он может расположить свой корпус на кантонир-квартиры, если все еще идут слухи о турецком нападении на Бухарест? А если действительно пойдет Муссун-оглы на Бухарест, что с

его стороны было бы вполне разумно? Сил у него накопилось достаточно для того, чтобы сокрушить и два таких корпуса, как корпус Эссена...

И снова мысли Румянцева устремились к Журже, саднящей ране на его уязвленном самолюбии... Нет, не о зимних квартирах должен думать Эссен. Румянцев вспомнил разговор с арнаутским капралом Станчей, который близко и незаметно подходил к лагерю Муссун-оглы и получил очень важные сведения. Оказывается, лагерь привольно раскинулся по берегу Дуная и даже не примыкает к ретраншементу. Ясно почему: турецкий корпус состоит почти из одной конницы, которой негде там поместиться. К тому же лагерь – вне досягаемости выстрелов крепостной артиллерии. И внезапное нападение дало бы русским возможность одержать верх. Вот о чем сейчас должен думать Эссен, а не о зимних квартирах!

И Румянцев, позабыв обо всем, с увлечением начал разрабатывать план атаки на корпус Муссун-оглы. «Пусть Эссен действительно разгласит, что его корпус располагается на зимние квартиры. И под видом того можно поставить часть войска между Бухарестом и Аргисом. А другие части войска скрытно направить к Журже, сохраняя постоянную связь между отрядами для того, чтобы совместными усилиями ударить по лагерю, когда придет время. Ударить внезапно... Э, вот размечтался... Эссен тут же начнет ныть, что трудно переходить Аргис, разорены половодьем мосты. Но ведь есть понтоны. Найти удобные к тому места и кинуть оные через Аргис. Нет, не справится с этим тайным делом и снова может провалить смелое предприятие...»

Опасаясь провала, Румянцев И октября 1771 года предупреждал Эссена, чтобы он, «сделав все предположения свершения такого предприятия по лучшему вашему на месте осведомлению и наблюдая при том, чтоб оное не могло расстроить вашего

порядку, есть ли бы неприятель от своей стороны между тем предварил супротивным движением ваши намереваемые действия, имеете такову свою диспозицию прислать ко мне, не делая прежде моей на оную апробации исполнения».

Но произошло самое неожиданное: турки, не дожидаясь активных действий русских, сами пошли на Бухарест. Это было вопреки всем известным их обычаям в осеннее время. А в эту кампанию они вообще боялись выходить в открытое поле. Тут же сами искали сражения. «Видно по всему, что турки учатся у нас», – думал Румянцев, читая очередное донесение Эссена о появлении больших неприятельских отрядов, неуклонно идущих к Бухаресту.

Не знал фельдмаршал Румянцев, что турки вышли из своего лагеря под Журжей после серьезных разногласий со своим начальством, которое действительно не собиралось нарушать обычаев ведения военных действий. И только потом, от пленных, Румянцев узнал, что в турецкой армии произошел бунт солдат, которые потребовали похода на Бухарест в надежде на легкую добычу. Старому полководцу удалось уговорить взбунтовавшихся обещанием исполнить их требование после того, как армия запасется продовольствием и всем необходимым. И бунт не прекратился, пока турки не вышли на Бухарест. Но вел их уже не Муссун-оглы, сказавшийся больным, а Ахмет-паша.

События между тем стремительно развивались. Приподнятым было настроение у фельдмаршала. Казавшаяся скучной кампания 1771 года обещала теперь быть столь же значительной, как и прошлая. Не раз думал Румянцев о том, что нынешняя кампания неудачно складывается для русской армии. То из-за дождей, которые обильно выпадали в этом году и мешали активным действиям его армии, то из-за

бурного разлива Дуная и его притоков, то из-за июльского необычного наводнения, сорвавшего чуть ли не все мосты и переправы... Все это мешало действию его армии и угнетало моральный дух. И думалось ему, как бы в конце кампании прогнать неприятеля, утвердившегося на нашем берегу Дуная. Но все его скромные ожидания и предположения опрокинули сами турки, пошедшие, словно в ловушку, на Бухарест. Столько раз пытались выманить их в поле, а тут сами пошли... Было чему радоваться.

Каждый день прибывали рапорты из Валахии. 7 октября Эссен послал к Журже сильный отряд подполковника Куроедова для разведки неприятельского положения и вступить с ним в сражение, если часть его удалось бы выманить из лагеря. Но подполковнику не пришлось идти к Журже, чтобы встретиться с неприятелем: уже 9 октября большая часть пехоты и конницы турок, выйдя из лагеря, расположилась в деревне Пятре. 12 октября подполковник князь Репнин, брат известного генерала, столкнулся с еще одним крупным неприятельским отрядом, передовой пикет которого был разгромлен и два турка были взяты в плен. Пленный показал, что на Бухарест идет 40 тысяч конницы и 10 тысяч пехоты, а с Муссун-оглы осталось не более 10 тысяч, но все они уже вошли в ретраншемент.

Получив эти донесения, Румянцев понял, что необходимо немедленно начать боевые действия, и приказал Вейсману и Милорадовичу, возглавившему корпус генерала Боура, отбывшего с реляцией в Петербург, переправлять свои отряды через Дунай.

Пока накапливались неприятельские силы под Бухарестом, а Эссен с помощью Румянцева разрабатывал диспозицию главного сражения года, Вейсман вышел из Измаила и по давно изученному пути переправился за Дунай. Утром 20 октября ворвался в

Тулчу и овладел городом, замком, захватив большой турецкий лагерь с брошенной в спешке артиллерией. Одновременно генерал Милорадович одержал победу при Мачине, овладев городом, большим количеством пушек и военным снаряжением.

За Вейсмана и Милорадовича Румянцев был спокоен. Уже не раз они предпринимали действия против неприятеля на том берегу Дуная, и всегда успешно. Конечно, в Бабадаге стоит сам визирь с большой армией, всякое может случиться. Но предчувствие подсказывало ему, что здесь, на этом берегу, развернутся главные события года. Диспозиция Эссена состояла в следующем: покинуть свой лагерь при деревне Добрини и объединиться с корпусом генерала Долгорукова, расположившимся в четырех верстах от Бухареста. Избранная позиция была очень удобна для встречи неприятеля. И совершенно правильно генералы разрешили туркам беспрепятственно перейти речку Аргис. Пусть думают, что мы их опасаемся, чувствуем свое бессилие перед напором. Пусть, пусть, главное – не спугнуть. А слева Гудович вместе с Текелли должны образовать превосходный фронт действий. Но успеют ли они соединиться?..

Как трудно ждать известий о ходе сражения... Нетерпение обуревало фельдмаршала, хотя курьеры сновали непрерывно между ним и Эссеном. Вот последние сообщения: уже часть неприятеля переправилась чрез Аргис и находится на полпути к Бухаресту, неподалеку от деревни Добрини... И главные события если не начались, то вот-вот должны начаться.

Лишь бы Эссен постоянно держал связь с отрядами, а то ведь стоит оставить без поддержки какую-либо часть своего войска, как тут же неприятель может навалиться всеми силами и по частям всех разбить и уничтожить. Да нет, этого не должно случиться, все продумано, учтено, и командуют отделенными частями

опытные и умные начальники: князь Долгоруков, Гудович, Текелли... Не раз доказали они свою отвагу и умение вести полевой бой.

Вошел улыбающийся генерал Ступишин:

- Ваше сиятельство! Прибыл курьер от его превосходительства генерал-поручика Эссена.

- Просите! - предчувствуя успех, воскликнул Румянцев.

Тут же вошел статный офицер и доложил:

- Капитан Швейковский, ваше сиятельство, прибыл со словесным донесением от генерал-поручика Эссена. Приблизившийся к Бухаресту в великих силах неприятель атакован, разбит и прогнан...

Но радость от полученного известия померкла при этих словах бравого капитана. «Прогнать турок ничего не стоит, - подумал фельдмаршал. - Надо их уничтожить».

- А взяли в клещи неприятеля, как я повелел? Как по диспозиции было положено сделать?

- Неприятеля преследуем. Он уже за Аргисом. Получили в добычу лагерь, обоз и артиллерию, - тускнеющим голосом продолжал рапортовать капитан Швейковский, чувствуя, что фельдмаршал вовсе не так уж доволен, как ожидалось. - Ваше сиятельство! - решительно заговорил капитан в надежде поправить впечатление от своего неудачного рапорта. - Генерал Эссен сказал, что все произошло так, как было намечено в диспозиции...

- Рассказывайте! Ведь вы же все видели? Участвовали в деле?

- Так точно, ваше сиятельство!.. И ваш сын, граф Михаил Петрович, во главе батальона славно атаковал турецкий ретраншемент около деревни Попешти.

- А на карте где это? - Румянцев явно подобрел, услышав о сыне добрые слова. - Ну-ка, покажите...

Капитан, почувствовавший, что наконец-то он нашел нужный тон в разговоре с фельдмаршалом, осмелел и бойко стал рассказывать:

- 19 октября турки перешли реку Аргис и по правому берегу речки Сабор двинулись вверх по течению для того, чтобы прорваться в Бухарест. Небольшие отряды стали показываться на нашем берегу. Примерно вот здесь, недалеко от деревни Добрини, турки раскинули свой лагерь. А передовые наши посты внимательно за их действиями следили. Так что мы знали обо всех их замыслах. - Капитан увлекся, смело показывал на карте места боев, рассказывал о совсем недавно пережитом.

Румянцев, глядя на Швейковского, представлял его в бою, под градом пуль и снарядов. По давнему обычаю, курьерами посылали всегда отличившихся офицеров, расторопных, смелых, отважных.

- Утром 20 октября обер-квартирмейстер Гандвих известил генерала Эссена о начавшемся движении турок к Бухаресту, - продолжал курьер.

- А численность неприятеля?

- Если судить по палаткам и количеству коней, то силы неприятеля наши передовые посты определили в тридцать - сорок тысяч кавалерии и в семь-восемь тысяч пехоты. Вел этот отряд сераскир Эмир-Махмет. Как утверждали пленные, он сверг Муссун-оглы и добился силой своего назначения на командный пост.

Румянцев одобрительно посмотрел на осмелевшего капитана.

- Покажите на карте, как были расставлены войска генерала Эссена.

- Узнав, что турки, подойдя к деревне Попешти, в шести верстах от нашего расположения, начали возводить ретраншемент, наш генерал построил войска в три каре. Левый фланг, которым он командовал сам, чуть ли не касался монастыря Вокарешти, в центре был

отряд Игельстрома, а правый возглавлял князь Долгоруков.

- А куда девался Гудович? - поинтересовался Румянцев.

- Отряд генерала Гудовича расположился в предместьях Бухареста, недалеко от монастыря Котрачани, чуть сзади и правее каре Долгорукова.

- Нужно было немедленно атаковать турок, пока не закончили они возведение ретраншемента, - нетерпеливо заговорил Румянцев.

- Так, ваше сиятельство, наш генерал и приказал. Мы немедленно пошли вперед, получив известие, что отряд генерала Текелли уже стоит в тылу неприятеля и ждет нашего сигнала, затаившись в густом кустарнике.

- Вот молодцы! - одобрил Румянцев.

- Фронтальная атака и удар с тыла отряда Текелли опрокинули неприятеля. Но в это время значительная часть турецкой кавалерии вновь перешла на левый берег Дымбовицы - вот здесь, недалеко от Лакоцель, есть брод - и устремилась к Бухаресту. Наверное, турки знали, что там мы оставили наш обоз... Но мы вовремя заметили этот маневр, и князь Долгоруков выслал навстречу подполковника Кантемира с легкими войсками и пятью эскадронами кавалерии. Но совершенно ясно было, что такой малой силой не остановить трехтысячную турецкую кавалерию. И тогда наш генерал послал отряд Гудовича. Тот пушечным огнем сбил неприятеля с марша. А подполковник Кантемир, возобновив атаку на неприятеля, заставил его уйти на ту сторону речки. И только тогда мы снова двинулись на укрепления неприятеля. Турки бросили свою конницу на каре Долгорукова, но, встреченная пушечным огнем, она откатилась назад, потеряв часть своих людей. Каре Игельстрома и князя Трубецкого открыли пушечную пальбу, сопротивление турок ослабевало, и, наконец, с левого фланга ударил отряд

подполковника Кантемира, тоже перешедший вброд реку Дымбовицу и неожиданно появившийся в тылу неприятеля. Турки, выбитые из укреплений, побежали. Не раз они еще огрызались, переходя в атаку на преследовавшую их конную бригаду Панина. Но тут с тыла напал на них генерал Текелли и окончательно привел их в замешательство. Восемь верст гнались за ними, но наступившая ночь помешала преследованию...

- Ну и что же? - Румянцев снова нахмурился.

- Отряды князя Долгорукова и Игельстрома продолжают преследовать неприятеля, побежавшего к Журже. А генерал Эссен поведет весь корпус вслед за ними.

- Вот сейчас самое время взять Журжу, укрепиться там и спокойно переходить на зимние квартиры. Без Журжи не будет нам никакой передышки. А пора уж... Столько помотались наши войска в эту кампанию. Спасибо, подполковник Швейковский.

- Капитан, ваше сиятельство, - поправил капитан.

- Ну, мне лучше знать, господин подполковник, в каком вы чине. Генерал Ступишин оформит производство и направит в Военную коллегию.

Ступишин и Швейковский ушли, а Румянцев еще долго всматривался в карту военных действий, где так стремительно разворачивались победные для русской армии события.

Все последующие дни октября курьеры привозили победные вести.

Легкие войска подполковника Кантемира, преследуя неприятеля, подошли к Журже. Заметив растерянность неприятеля, командир действовал решительно и смело. С рассветом 24 октября он вошел в первый наружный ретраншемент и, встретив лишь слабое сопротивление подавленного неприятеля, стремительно ворвался во второй. Захватили замок и самую крепость и открыли пушечную стрельбу по

неприятелю, скопившемуся на острове. Затем по подъемному мосту русские ворвались на остров и пошли на лагерь неприятеля. Конница турок попыталась отбить наступление, но безуспешно. Стремительный натиск наших войск обратил их в бегство, а большая часть пехоты, попытавшаяся переправиться вплавь, скрылась в осенней пучине Дуная.

Радовали вести и от Вейсмана и Милорадовича. После разгрома неприятеля под Тульчей и короткого отдыха Вейсман устремился со своим отрядом на Бабадаг, против армии великого визиря. На рассвете 21 октября, пройдя семиверстное дефиле, которое оказалось без охраны, Вейсман разбил небольшой заградительный отряд турок. От захваченных в плен узнал, что верховный визирь с сорокатысячной армией по-прежнему стоит лагерем под Бабадагом. Больше чем в десять раз превышали силы турок. Но отважный Вейсман ничуть не усомнился в своей победе. «Решившись уже на сие важное предприятие, не помышлял я о сравнении числа войск наших с числом неприятеля, но уповал на храбрость солдат и ревность моих подчиненных офицеров, - писал Вейсман в донесении 31 октября фельдмаршалу Румянцеву. - А дабы не дать медленностию времени визирю или встретить себя, или обозреть мои силы, поспешал я с крайнею возможностью. Должен признаться я Вашему сиятельству, что лестно было мне видеть ревность идущего со мною войска, соответствующую прямо Вашим высоким намерениям; ибо я видел, что всякий шел с тем, чтобы или остаться там на месте, или победить. А сие самое уже и предвещало мне победу, замечая, что не число, а твердость духа и добрая воля торжествует».

С ходу атаковал Вейсман обширный лагерь верховного визиря. Высланные ему навстречу отряды

конницы были тут же рассеяны пушечным огнем. Попытки визиря отогнать от лагеря каре Вейсмана и Озерова были тоже безуспешными: две наши полевые батареи точным огнем подавили батареи неприятеля, окружавшие его лагерь. Армия визиря ретировалась, оставив богатую добычу.

Вейсман хотел атаковать Мачин, но получил известие, что он уже взят генералом Милорадовичем, начавшим свой поиск от Браилова.

Воспользовавшись растерянностью турок, узнавших о сдаче Бабадага, Тульчи и Мачина, подполковник Якубович с небольшим отрядом осадил Гирсов. Русские открыли сильную пушечную пальбу. Одно из ядер вскоре попало в пороховой погреб. Мощным взрывом была разрушена часть крепостной стены, после чего отряд Якубовича штурмом взял крепость. Значительная часть турок вместе с комендантом крепости была уничтожена. Заклепав или уничтожив пушки неприятеля, взяв немалую добычу, отряд Якубовича вернулся на свой берег Дуная, о чем рапортовал Румянцеву.

Между тем Вейсман продолжал успешное продвижение по неприятельской стороне Дуная. На этот раз он двинулся к Исакче, где должен был стоять сильный гарнизон. Выслав подполковника Блюхера на дорогу для того, чтобы отрезать путь неприятелю к Мачину, сам Вейсман пошел по Бабадагской дороге и вскоре оказался у Исакчи. Город был сильно укреплен: 26 больших пушек, 2 мортиры, 53 пушки охраняли его стены. Но ничто уже не помогло туркам, сломленным неудачами. 24 октября Вейсман взял крепость, занял замок. И с большой добычей вернулся в Измаил.

31 октября Вейсман доносил Румянцеву об успешном завершении всей экспедиции, в итоге которой было убито 800 турок и взято в плен 123, захвачено 170 пушек и мортир, 4 больших кончбас, 27

плоских шаек, 5 булав и 18 знамен, сброшено в Дунай 3 тысячи бочек пороха, множество бомб, ядер, серы, свинца и прочих боевых припасов. Все это военное снаряжение невозможно было взять с собой. После этой экспедиции перестали существовать укрепления Исакчи и Тульчи, их замки были разрушены, мечети и дома сожжены. Около 16 тысяч жителей переправлено на левый берег Дуная. Убыток, нанесенный неприятелю, по заявлению Вейсмана, превосходил 4 миллиона рублей.

Румянцев вместе со своей походной канцелярией 31 октября вернулся в Яссы.

Кампания завершилась успешно. Бегство великого визиря с деморализованной армией из Бабадага – лучшее тому свидетельство.

Жизнь в Яссах постепенно налаживалась. Начались празднества, балы... Генералы и офицеры уехали в свои деревни, в Москву, Петербург, лечиться на воды. А фельдмаршал Румянцев снова вынужден был оставаться при армии.

В конце октября отбыл в Петербург верный его помощник генерал Ступишин с письмом Панину, в котором Румянцев подводил итоги кампании текущего года. «...При благодати вседарствующего Бога, поразили войска, мне вверенные, и визиря, и все силы турецкие, на расстоянии, простирающемся до 400 верст на здешнем и супротивном берегу Дуная. Горело у нас чрез дней три неутолимо военное пламя, и в одни часы на разные места, столь между собою отдаленные, ведены были атаки, и потому слух одной победы, встречался с другою, приводит турков зреть свою опаснейшую погибель. Все крепости от Тульчи, даже за Гирсов, взяты, все их лагеря, все их припасы и всю многочисленную артиллерию отбили и перевезли на свой берег, кроме ненужного, и чего перевезть было

неудобно, то предали огню, равно как и все укрепления, служившие к укреплению ноги неприятелю, до основания разрушены чрез пороховые подрывы; напоследок, последствием сего, и крепость Журжевскую выручили мы дешевою с нашей, но не дешевою с неприятельской стороны ценою. Славный Мусун-оглы весь свой лагерь и экипаж потерял, и крепость нам досталась с полными артиллерийскими и съестными припасами. Подробнее рассказать все сии успехи предоставляю подателю сего, г. генерал-майору Ступишину...»

А через месяц после этого Румянцев отправил Вейсмана с письмом Екатерине II, где говорилось: «Всемиловнейшая Государыня! Генерал-майор фон Вейсман искал щастия повергнуть себя к освященным стопам Вашего Императорского Величества и поднести обстоятельный план действий, им произведенных за Дунаем... Он сколь храбрый и искусный генерал, так человек усердный и готовый всегда на службу Вашего Императорского Величества...»

И сколько таких писем написал в эти дни фельдмаршал Румянцев, рекомендуя обратить внимание на того или иного его сподвижника. Писал матери, сестрам, супруге. Делился своими планами, замыслами, надеждами, мечтал о мире, которого наверняка теперь запросят турки.

В эти дни Румянцев получил рескрипт и собственноручное письмо Екатерины II, в котором она рекомендовала употребить «всевозможные и деятельнейшие способы... у нашего неприятеля, не компрометируя, однако, себя, чтоб его как-нибудь склонить и довести до того, чтоб с вами вступили в переговоры о мире».

В прошлом году, после Кагульской баталии, Румянцев писал визирю. Так что опыт дипломатической переписки у него уже имелся. Конечно, он напишет

письмо, может, не такое сухое, как там было подготовлено в Петербурге. У него есть тут замечательные помощники, умеющие писать красочные письма. Но опять-таки неясно, какие условия предъявлять при этих переговорах. Он понимает, что условия мирного договора вырабатываются в ходе переговоров, но все-таки какие-то предварительные наброски должны уже быть сейчас... А их нет! И снова он будет ходить как в тумане. Видны лишь контуры предмета, а вся суть, красочность его расплываются, ускользают от взгляда... Ничего определенного не скажут, а сами ждут положительного итога. Вот так же получилось со строительством Дунайской флотилии. Кому непонятно, что это необходимое и важное дело! А как оно было поставлено практически? Прислали от Адмиралтейства капитана флота Нагаткина, который вроде бы ретиво взялся за дело, а потом искренне и не обинуясь признался, что он сам несведущ в части построения судов и не способен распоряжаться строительством судов. А потом вообще свалился в тяжелой болезни, и никто не смог его заменить, теперь же подал челобитную об отставке. И разве он, фельдмаршал Румянцев, чистосердечно не изъяснялся пред ее императорским величеством, что ему тоже отнюдь не знакомы дела вооружения морского? Так не вняли его просьбе и не освободили его от этих дел. А если уж Петербург считает, что надобно и здесь производить строение, в таком случае пусть определяют человека, знающего все части ремесла морского, который бы своим появлением снял бы с него заботы совсем неизвестных ему дел... Вот так и всегда... То мысли вертелись вокруг высоких масштабных дел, то вокруг совсем ненужного ему дела. Мелкие дела всегда имеют способность заслонять великие. Сколько уж раз было говорено, чтобы обращались к своим непосредственным начальникам! Нет, всем нужна

резолуция самого фельдмаршала, а потому и в отпуск не пускают... Столько дел накапливается за день, что и ночью приходится работать.

7 декабря 1771 года Румянцев, умоляя освободить его от забот о строительстве Дунайской флотилии, писал Екатерине II: «...На сие ожидаю Всемилостивейшего повеления...»

Эта мольба была услышана в Петербурге, и вскоре в Яссы прибыл адмирал Нольс, которому были переданы все дела капитана Нагаткина, и Румянцеву оставалось лишь «удовлетворять его требованиям, отдав теперь всех офицеров флота с их командами в его ведомство и суда, которые он найдет годными к морскому плаванию».

Не успел избавиться от одного, как новые заботы захлестнули фельдмаршала.

Шла весна 1772 года.

Глава 6

Время дипломатических игр

Румянцев проснулся и потянулся, пораженный мгновенно наступившей тишиной. Только что он явственно слышал ржание коней, топот ног, выстрелы и крики, ощущал горьковатый дым лагерных костров и запахи немудреной солдатской пищи...

И все это исчезло так же внезапно, как и возникло... Значит, это ему приснилось?

Что ж, не так уж плохо оказаться после стольких дней лагерной жизни снова в мягкой постели, под роскошным шелковым одеялом. Вот стоит ему сейчас дернуть за шнурок, как в дверях появится камердинер с готовой одеждой... Но рука, уже готовая дернуть этот волшебный шнурок, замедлила свое движение и упала на одеяло. К чему спешить с утренним туалетом, кажется, ему некуда торопиться? Дела все сделаны еще вчера, отправлены письма, отданы распоряжения по управлению Молдавией и Валахией... Но разве можно сказать, что все дела сделаны? Нет! Постоянно возникают новые и новые, столь же неотложные и важные.

Вот сколько уже дней он ждет ответа визиря на предложение о перемирии... А его все нет и нет. Сколько ж можно проливать кровь народов! Еще в декабре прошлого года казалось, что мир близок. Только начать переговоры, как тут же мирный договор можно подписывать, настолько казалось все ясным и простым: Россия не может больше терпеть такого соседа на южных своих границах, как крымские татары, принесшие своими разбойными набегами столько горя русскому да и кавказским народам. Как не может Россия больше жить и торговать без Черного моря. Два

важнейших вопроса должны быть наконец-то решены раз и навсегда. Сама жизнь уже решила их, нужно только утвердить их в договорах между державами... Так думал не только он, фельдмаршал Румянцев, но и российская императрица. Правда, кажется, и она излишне поторопилась, посчитав, что стоит ей высказать прусскому королю свои заветные желания, как тут же они будут исполнены. Пока король передал своему министру Цегелину в Константинополь, пока тот согласовывал свои действия с австрийским министром Тугутом, пока вместе они не обратились к визирю, пока...

С октября прошлого года ведется эта дипломатическая игра, но так ничего определенного и не достигнуто. А Екатерина уже в конце декабря отправила из Петербурга всякую провизию для полномочных министров. Ее люди ждут в Василькове приказаний, куда далее им ехать, а что он может им сказать, если до сих пор сам ничего не знает... Где будет проходить конгресс? От Измаила турки сразу же отказались. В Журже? Бухаресте? Никто не может сейчас этого сказать определенно.

Как хотелось бы хоть одно утро не думать о делах, таких сложных, запутанных, порой необъяснимых...

Но... только он встал, открыл окно, тут же в дверях появился камердинер и сообщил, что его ждет курьер из Константинополя. «Ну вот наконец-то лед тронулся. Да и в самом деле, уж март на дворе, пора. Через каких-то недели две и в России начнется ледоход», – подумал фельдмаршал. И жестко сказал:

– Пусть подождет! Я его дольше ждал... Видите, я еще не одет, – добавил Румянцев, пытаюсь смягчить свое раздражение против тех, кто так не вовремя нарушил его покойное уединение. «И вот так всегда, только чуть-чуть увлечешься собственными мыслями, как тут же тебя спустят на землю очередными делами.

Ах, курьер из Константинополя... Ведь я его уже несколько месяцев жду...»

Румянцев быстро оделся, привел себя в порядок, и жизнь его снова закрутилась, подчиняясь крутому распорядку дня главнокомандующего русской армией.

В канцелярии, куда пришел Румянцев, курьер вручил ему пакет, в котором содержались письма от министров их императорских величеств Тугута и его королевского прусского величества Цегелина. Не успел Румянцев прочитать и первые строчки письма Цегелина, как ему доложили, что прибыл чегодарь верховного визиря Мегмета Муссун-оглы. «Вот и дождались важных событий, – мелькнуло в голове фельдмаршала, – а то что-то скучно было».

С восточной церемонностью вошел турецкий курьер и вручил Румянцеву письмо визиря.

Ласково принял Румянцев столь долгожданных курьеров. Теперь все зависело от него и его канцелярии. Нужно было тщательно изучить письма, чтобы не попасть впросак в будущем, когда начнутся переговоры. Тут каждая строчка что-то должна обозначать, и без опытного дипломата не обойтись. Хорошо, что в Яссы прибыл Симолин, много лет прослуживший резидентом в Дании, Австрии, при имперском сейме Священной Римской империи, так что подобный опыт у него должен быть. А то пришлось бы писать Никите Ивановичу, чтоб прислал он образцы, по коим можно сочинять свои ответы на письма визиря.

Румянцев вопросительно посмотрел на вошедшего дежурного адъютанта.

– Иван Матвеевич Симолин просит принять его, – бесстрастно доложил адъютант, догадавшийся, что этому посетителю фельдмаршал будет рад.

– Легок на помине. Просите! – оживился Румянцев.

Иван Матвеевич уже знал о прибытии курьеров и посчитал необходимым присутствовать при разборе

писем визиря и министров дружественных стран. После обычных в таких случаях приветствий Румянцев вручил ему письма из Константинополя и попросил тут же с ними ознакомиться и высказать свои суждения.

Симолину, как и Румянцеву, не понадобился переводчик: и верховный визирь, и прусский, и австрийский министры великолепно владели французским языком, широко употребительным в дипломатической переписке. Нужно лишь некоторое время, чтобы вникнуть в сущность писем.

Фельдмаршала удивляло то, что венский и берлинский дворы вмешиваются столь беззастенчиво в отношения России с турками, диктуют, в сущности, условия перемирия и мира. «Мы проливаем кровь на полях сражений, выигрываем битвы, а они потирают от удовольствия руки и загибают себе выгоды от наших сражений, – с возмущением думал он. – И самое страшное, если Молдавия и Валахия снова отойдут к Турции. Слух об этом уже широко распространился среди местного населения. Надо же додуматься до того, чтобы играть двумя большими, самостоятельными княжествами, как в карты: отдайте Валахию и Молдавию Австрии, которая вернет их туркам, а турки отдадут ей Белград. Если дворы добиваются равновесия в Европе, которое якобы нарушено Россией, то нужно просто предоставить этим княжествам самостоятельность. Можно подумать, что мы начали войну, а не турки, подогреваемые Францией и Австрией. Все боятся усиления России – вот основная причина затянувшихся переговоров с турками. Все европейские дворы хотят новых приобретений, вот и выгадывают, чтобы никто не взял больше другого. Ведь дело склонялось к тому, что венцы стали готовить армию против России и якобы ждали момента, чтобы напасть на нас. Пришлось ведь предупредить генерала Эссена не нарушать ни под каким видом границ земель ее

величества императрицы, не подавать ни малейшего повода к каким-либо неприязненным действиям...»

Румянцев все эти дни и месяцы мысленно часто возвращался к прошлой кампании, блистательному ее завершению в конце октября, когда вся турецкая армия повсеместно была разгромлена и огромные трофеи перевезены на левый берег Дуная. А потом все больше его захватывала политическая игра, которая развернулась вокруг переговоров о мире... «Удастся ли России воспользоваться победами над неприятелем и обеспечить наконец-то безопасность своих хотя бы южных границ, отделив Крым от Турции и поставив вечных беспокойников наших в зависимость от Петербурга?..» Этот вопрос давно волновал Румянцева и все время стоял перед ним, как только он прибыл в Глухов и познакомился с положением на юге России. А теперь ему предстоит воплотить в жизнь свои давние замыслы и мечтания. Пусть он лишь выполняет чужую волю, но он исполняет то, к чему давно уже душа его была подготовлена самостоятельными размышлениями.

Симолин закончил наконец чтение писем. Некоторое время задумчиво молчал.

- Ну что, Иван Матвеевич? - нетерпеливо спросил фельдмаршал.

Как не похожи были эти два человека, которым предстояло решить сообща столь важное дело!.. Огромный Румянцев казался еще выше и массивнее рядом с невысоким и худощавым Симолиным. Маленькие глаза и продолговатый, острый нос Симолина резко выделялись на лице, сразу приковывая к себе внимание. И - курносый, с округлым овалом лица, излучавший добродушие и силу Румянцева, уверенный в себе, быстрый на решения.

- Прочитать-то прочитал, - осторожно начал Симолин, - но как бы тут не ошибиться. Блистательная

Порта не любит проигрывать, тем более что она опирается на поддержку австрийского двора.

- Хорошо, что положено хоть начало переговоров. Они знают основные условия соглашения между нами, а значит, на них пойдут.

- О, ваше сиятельство, это только внешняя сторона дела. Турки хитры и коварны, долго будут стоять на своем, пока не добьются немалых выгод.

- А что вы думаете о месте встречи наших уполномоченных? Что обычно предлагается в этих случаях? Где возможен конгресс? - размышлял Румянцев вслух.

Симолин вовсе и не собирался отвечать на эти вопросы, которые фельдмаршал явно ставил самому себе и не нуждался в совете, потому что знал местные условия лучше, чем только что прибывший сюда Симолин.

- Если бы согласились на Бухарест, то лучше этого места ничего нельзя придумать. Только здесь уполномоченные комиссары могут пребывать с удобствами, - говорил Румянцев, внимательно разглядывая Симолина. - Да, пожалуй, так, поелику нет другого удобного на сей стороне Дуная селения, в котором бы мог поместиться комиссар со своей свитой... Так что, Иван Матвеевич, заготовьте письмо визирю и паспорт для его уполномоченного. И не забудьте отдать повеление о принятии и препровождении оногo с пристойными его чину почестями.

- Ваше сиятельство, в Бухаресте уж слишком много наших войск. Согласятся ли турки пребывать в оном, когда каждый день они будут зреть своих неприятелей, гордо разгуливающих по их городу?..

- Ну, если турки не согласны будут на Бухарест, то можно предложить им Журжу. Я согласен и на Журжу. Нельзя больше медлить с определением сего дела, которое положит основание к заключению мира.

- Да все равно, как мы ни торопимся, времени пройдет много. Пока курьер в Шумлу прибудет, потом в Константинополь, потом снова к нам... Месяца два пройдет, не меньше. Турки и будут тянуть с открытием переговоров. - Симолин за свою более чем тридцатилетнюю дипломатическую деятельность всякого насмотрелся и не питал никаких иллюзий на быстрый успех.

- Нам тоже нужна передышка, а потому перемирие до 1 июня - удобное время и для нас. После зимы нужно время, чтобы привести армию в боевое состояние.

- А что вы скажете, ваше сиятельство, на их предложение продолжить перемирие на три месяца, если мирные договоры будут прерваны? - спросил Симолин.

- Нет, вот с этим мы никак не можем согласиться. Если мирные переговоры будут прерваны, то отсрочить возобновление военных действий еще на три месяца можно только с согласия наших повелителей. А пока положение армий с обеих сторон на все время перемирия должно быть то же самое, что и ныне. Главное течение Дуная должно быть признано линией разделения между армиями. Я считаю, что на обоих берегах сей реки нельзя вновь производить никаких укреплений и возобновлять разоренные в конце минувшей кампании такие города и крепости, как Бабадаг, Тульча, Исакча, Мачин и Гирсов...

- Думаю, что они должны с этим согласиться, как и с тем, что и военные действия в Азии должны быть прекращены. Дабы, по получении взаимных уведомлений о перемирии, все земли, крепости и другие места остались в тех руках, в которых они тогда находились. Но вот о судоходстве в Черном море...

- А что о судоходстве? Перемирие простирается до всего Крыма и до Черного моря, так что никакое вооруженное судно не может выйти из Черного моря в

устье Дуная и ниже ходить, вдоль по Бессарабии, к устью Днестра. Равным образом да не показываются суда турецкие при берегах и пристанях крымских.

- С этим они вряд ли согласятся... Сколько тут, на Дунае, у них судов! Да и Черное море для них - это внутреннее море, и никто не вправе им указывать...

- Ну уж теперь-то мы вправе указывать. Наши корабли уже показались в Черном море. А с прибытием адмирала Нольса к нашей армии и успешным строительством Азовской флотилии под руководством вице-адмирала Сенявина морские дела наши пойдут еще успешнее. Скоро наступит такое время, когда из Крыма будут ходить наши корабли по Дунаю и Днестру. Только опять вот плохо - нет карт у нас... А Дунай капризен: то глубоководен, то мелководен, пора бы нам изучить берега его, движение ветров в разное время года, описать положение и высоту воды в устье и послать все эти данные в коллегию Адмиралтейства. А уж оттуда переслать адмиралу Сенявину для дачи наставлений при отправлении сюда судов от крымских берегов. Пора налаживать такую связь между нашими армиями, и флот должен содействовать тому. А по Дунаю пусть их суда ходят, только мало таковых найдется. В прошлую кампанию мы много у них пожгли или к себе забрали. Так что вряд ли турки много судов наберут. Готовьте письмо верховному визирю и дружественным послам в Константинополь.

Румянцев и Симолин долго еще говорили о возможных осложнениях во время переговоров, о тех хитростях, которыми турки обычно пользуются в общении с европейцами, объясняя все разногласия восточными постулатами веры и обычаями старого Востока.

- А пожалуй, мне пришла благотворная мысль, - вдруг прервал плавный разговор Румянцев. Симолин удивленно посмотрел на него: что ж, дескать, тут

удивительного, немало уж высказано... – Нет, чисто военная мысль. Вот ведь как бывает, говоришь об одном, а мысли крутятся-вертятся возле другого. Уже сейчас нужно отдать распоряжение генерал-майору Энгельгардту... Сейчас, с наступлением весны, может быть, неприятель вознамерится вводить свои суда из Черного моря в Дунай. Пока пойдут переговоры о перемирии, мы должны перекрыть реку имеющимися судами. А также учредить сухопутную стражу на острове Шулине, наладив между этими двумя постами непрерывную связь и взаимную помощь для того, чтобы как можно надежнее отражать неприятельские попытки прорваться чрез устье Дунайское. Потребным считаю и на супротивный берег распространить свою стражу.

– А если неприятель бросит туда большие войска? – поддержал разговор Симолин.

– Ну, в этом случае всегда нужно иметь столько судов, чтобы всякий раз можно быстро убраться оттуда. Разумеется, начальник поста должен быть такой, что никогда не растеряется, никогда не утратит бдительность.

– Ваше сиятельство! Раз уж вы заговорили о военных действиях, хотя и только что думали о мире...

– Никогда не должно забывать о военных приготовлениях, если хочешь выиграть мир...

– Это верно. Но у нас-то есть план будущей кампании, которая вполне может начаться, если мы ни о чем не договоримся. – Симолин должен был знать, начиная свои приготовления к переговорам, о том, что мы могли предъявить туркам.

– Вы видите, как рано наступила теперешняя весна. Нет никаких известий о приготовлениях неприятеля к полевым действиям. Но я посчитал необходимым отдать некоторые распоряжения генералу Потемкину, который командует войсками, находящимися ближе всех к

неприятелю. И чтобы предупредить неприятельские покушения на наш берег, я приказал ему избрать для своего корпуса удобное место. Потемкину, как только он выступит с зимних квартир, предстоит так расположить свой корпус, чтобы отделенные от него посты могли вести самостоятельные действия против неприятеля и быть всегда связанными между собою... - На секунду Румянцев умолк.

- Но мы так и не знаем, что происходит на том берегу, - воспользовался паузой Симолин.

- Каждому начальнику приказано посылать шпионов в расположение неприятельских войск. Используем любые средства, чтобы узнавать о положении неприятеля. Меня снабжает сведениями полковник Борзов, комендант Браилова, - он часто посылал разъезды на тот берег. Две недели назад сообщил через капитана Дарабана, что неприятель попытался переправиться на наш берег против Каралаша. Турки, может быть, надеялись, что мы потеряли осторожность, и вздумали нанести удар. Но просчитались и были отброшены нашими пикетами. Так что готовимся к новой кампании, хотя и говорим о перемирии.

- Нам во время переговоров нужно точно знать, что мы не опасаемся военных столкновений, как бы они нам ни угрожали.

- А вы и не опасайтесь. Все три предыдущие кампании мы их били и бить будем, если они откажутся от наших условий заключения мира. - И столько было уверенности и силы в словах Румянцева, что Симолин, обычно осторожный и терпеливый, обрадованно вскочил со своего места и крепко пожал руку фельдмаршалу.

- Ваше сиятельство! Как мне повезло, что вы здесь командуете армией! Теперь мы своего добьемся, где бы ни собрались: в Бухаресте, Журже, Измаиле, Фокшанах...

- Я то же самое могу сказать и про вас. Я уж писал Никите Ивановичу Панину, что нуждаюсь в помощнике на дипломатическом поприще. Я человек военный, канцелярские дела превосходят собственные мои ресурсы, и без вас, Иван Матвеевич, в подобных изворотах я довольно надсадил бы свою и без того слабую уже голову...

- Ну уж, ваше сиятельство, не прибедняйтесь, вы все правильно делали. А с формулярами разбираться предоставьте действительно мне, за десятки лет я научился составлять всяческие бумаги, как положено, со всеми изворотами, как вы изволите выражаться. У нас действительно есть время, чтобы тщательно подготовиться к переговорам о перемирии. Да и Никита Иванович не оставит вас без своих наставлений.

- Пока придут эти наставления, я не могу уже сейчас согласиться с желанием Порты произвести с нами перемирие под гарантией цесарского и прусского министров в Константинополе. Мне это не по душе. Почему третьи страны вмешиваются в наши отношения? Как трактовать сие, Иван Матвеевич? Мы ж отказались от их посредничества, а они опять нам навязывают свою волю.

- Раньше посредничество было весьма распространено.

- Ну, то было раньше, а теперь, когда Турция разваливается на глазах, мы можем обойтись и без посредников.

Давно волновали эти мысли Румянцева, и так захотелось высказать их знающему человеку, к которому почувствовал доверенность.

- Нет, ваше сиятельство, Порта еще не скоро развалится, как вы выразились, она еще сильна. И сколько лет она еще будет нас терзать своими неутолимыми притязаниями... Хоть Крым бы нам отвоевать пока! - И столько надежды слышалось в

голосе Симолина, что фельдмаршал еще больше проникся симпатией к этому невзрачному дипломату, сыну шведского проповедника в Ревеле, столь много уже сделавшему для упрочения авторитета России при европейских дворах.

- Неужто только за Крым будем биться? А Молдавия и Валахия? - И неподдельная горечь послышалась в голосе бесстрашного фельдмаршала. - Столько русской крови пролито за то, чтобы освободить наших братьев по Христовой вере от османского ига!

- Австрия только тогда и согласилась на мирные переговоры, если мы пойдем на уступку завоеванных княжеств. Лишь 1 февраля прибыл из Вены в Петербург курьер с письмом нашего полномочного министра там князя Голицына. В оном подробно передан его разговор с князем Кауницем. И как только Кауниц уведомился о согласии ее императорского величества на возвращение Молдавии и Валахии, он тут же с удовольствием повелел своему министру в Константинополе объединиться с прусским министром и склонять Порту к скорому отправлению полномочных на конгресс для заключения перемирия. Так вот обстоят дела... К тому же о татарах венский двор предпочитает с Портой пока не изъясняться. Лучше, говорят в Вене, трактовать о том на конгрессе.

- Это опять какой-нибудь изворот. В Петербурге не сомневаются, что между Австрией и Турцией заключен секретный трактат о взаимной помощи, уж больно венский двор склоняется за Турцию... - Румянцев помрачнел. Не любил он дипломатические хитрости.

- Турки, говорят, дали много золота за эту помощь, а мы пообещали Австрии долю польских земель при разделе ее по секретному договору с прусским королем... Вот венцы и склонились в нашу сторону.

Румянцев хорошо понимал, что приехавший только что Симолин получил в Петербурге подробную

инструкцию о соглашении с уполномоченными Константинополя о перемирии... Так что кому же знать о положении в мире, как не статскому советнику, давнему приятелю Панина, наделившего его всяческими полномочиями. Но он также отчетливо сознавал, что миру скорому не быть.

- Почему-то думается мне, что нам надо готовиться к новой кампании. Столько запутанного открывается накануне переговоров, что не скоро разберешься во всем этом. Пора всерьез готовить войска к новым битвам, тем более столько прорех, что не залатаешь многие месяцы.

- Граф Орлов не раз на императорском совете поднимал вопрос об экспедиции на Константинополь в сем году. И все решили, ваше сиятельство, что вам надлежит распорядиться ею.

Симолин надеялся порадовать фельдмаршала оказанным ему доверием, но получилось совсем наоборот: Румянцев вскочил и зашагал широкими шагами по приемной дворца. И, лишь немного отойдя от ярости, которая клокотала в нем, почти мирно сказал:

- Как все-таки легко и просто воевать, находясь за тысячи верст от полей сражений! Это ж надо - сказать, что экспедиция может состояться уже в этом году! Да что они там, не читают, что ли, моих реляций? Разве они не знают, что армия намного уменьшилась по сравнению с прошлым годом? Сколько убитых, больных, пополнения почти нет...

Румянцев снова подошел к столу, порылся в бумагах, но ясно было, что он не может так скоро найти то, что пытался найти.

- Мне довелось узнать кое-что о заседании этого совета, ваше сиятельство, - тихо заговорил Симолин. - Так вот, в присутствии ее императорского величества граф Чернышев, отвечая на ее вопросы, заверил, что действия войск вполне обеспечены пополнением.

Рекрутов собрано двадцать тысяч с небольшим. Были, конечно, затруднения в том, но можно, по его словам, укомплектовать армию к июню. В этом же месяце он и предлагает послать экспедицию в Константинополь, дабы можно было к тому подготовиться...

Симолин умолк, видя, как Румянцев меняется в лице. От недавней ярости уже почти ничего не осталось. Брови его взлетели вверх от удивления, а потом он расхохотался. Столь неподделен был его смех, что и Симолин осторожно улыбнулся.

- Неужто так и говорил: через три месяца можно будет отправляться в Константинополь? - заговорил наконец Румянцев.

- Более того, граф Чернышев сообщил государыне и членам совета, что расстояние от Дуная до Константинополя всего лишь триста пятьдесят верст, а потому на всю экспедицию нужно не более трех месяцев. Надо взять с собою пропитание и все, нужное в походе. Переправа чрез Балканы не так уж трудна. Турок не стоит опасаться из-за их неустройства, так что, где бы они ни встретились, их опрокинуть можно будет...

- А что же государыня, неужто согласилась со всем этим бредом? - Румянцев перебил Симолина.

- Государыня изволила спрашивать членов совета, может ли посылка корпуса к Константинополю способствовать заключению мира. И все выступавшие рассуждали, что вполне может. Граф Орлов твердо заверял, что экспедиционный корпус лучше всего направить к Варне, а часть его посадить на суда. Для того и прислали вам Нольса, чтобы он строил суда, потребные для экспедиции. Часть Азовской флотилии тоже можно употребить для этой цели. А два фрегата уже готовы выйти с Дона для прикрытия транспорта и очищения Черного моря от неприятельских судов.

- Подумать только, уже все решили и даже назначили меня на должность главного начальника! - Румянцев давно посерьезнел. Симолин говорил о делах далеко не шуточных, экспедиция, которая сначала представилась ему бредом сумасшедшего, становилась реальным фактом. - Поразительные дела Твои, Господи! Я-то думал, что в Петербурге откажутся от губительной экспедиции в этом году...

- А я ж не случайно спросил вас о планах нынешней кампании. Я надеялся, что до вас уже дошли эти разговоры на совете, - говорил Симолин, а сам сожалел, глядя на Румянцева, что рассказал ему о слухах, которые ходили по Петербургу.

- Пока в Петербурге готовятся через три месяца пойти на Константинополь, я выскажу им правду о состоянии нашей армии. Соглашение с Портой, чувствую, пойдет медленно, могут и вообще прерваться мирные переговоры, в то же время приближается открытие нынешней кампании, а высочайших повелений, по коим бы я мог определить действия войск в наступающую весну, до сих пор нет. Неужто они хотят с такой армией идти на Царьград? А приехавший ко мне курьер из Царьграда говорил, что везде видел за Дунаем, как турецкие войска собираются в великом количестве. Как же нам распространять вдаль свои военные действия с таким числом вверенного мне войска, которое вряд ли способно удержать завоеванные земли и крепости на таком грандиозном пространстве?.. Конечно, рано еще говорить о нынешней кампании в сторону Царьграда, тем более что до тех пор всякое может произойти... Может, не понадобится столько нашего войска в Польше, раз венцы и берлинцы вводят свои войска. Кто знает... Кто знает! Вообще мало извещают меня о своих намерениях, чуть ли не последний узнаю о замыслах

Петербурга. Ну да ладно, будем заниматься своими делами.

Иван Матвеевич понял, что пора уходить, тихо откланялся. А Румянцев вызвал секретаря и продиктовал ему очередной циркулярный ордер, в котором предписывал всем генералам продолжать обучение рядовых: кавалерийские полки должны проходить обучение согласно «сделанному мною в 1770 году обряду непременно, а пехотные – по приложенной «Записке». Она называлась так: «Записка в облегчение людей на настоящее время, чему, отложив все прочее, прилежно обучать и при экзерцициях и смотрах делать».

И дела в главной квартире в Яссах пошли своим чередом. Связи Румянцева с корпусами были многогранными и чуть ли не ежечасными. То и дело по улицам города мчались нарочные, курьеры, ординарцы, адъютанты, в колясках катили генералы, спешащие по вызову фельдмаршала.

Глава 7

Перемирие

В конце марта 1772 года Румянцев вызвал генерал-майора Игельстрома. Он давно знал его как искусного и исполнительного дипломата и командира. Еще под Кольбергом барон Игельстром выделялся предприимчивостью и смелостью и за усердие в службе был пожалован подполковником. Потом служил под началом князя Репнина в Польше и там отличился, арестовав влиятельных польских вельмож, восставших против равноправия с диссидентами (т. е. православными. – *В. П.*). А как он получил полковника и орден Святого Станислава? Об этом рассказывают просто анекдоты...

Обаятельный и любезный, он завоевал сердце любовницы самого короля Станислава Понятовского и узнавал от нее самые сокровенные тайны своего господина. Но как только началась война с турками, тут же оставил дипломатическую карьеру и попросился к фельдмаршалу Голицыну. И славно сражается. Как он успешно покорил крепость Килию, до сих пор памятно графу Румянцеву. Аккерман же сдался ему после десятидневной осады с 70 пушками, 80 мортирами и 3 гаубицами на крепостных валах. Это не так просто... Так что вполне подходящий человек – этот сын лифляндского дворянина – для того, чтобы доверить ему важное поручение.

– Осип Андреевич! – сказал Румянцев Игельстрому, как только они обменялись приветствиями. – Ее императорскому величеству благоугодно было уполномочить меня заключить перемирие с верховным турецким визирем. С Мегмет-пашою мы договорились послать своих комиссаров в город Журжу. От нас туда

едет статский советник Иван Матвеевич Симолин... Как только господин Симолин сообщит вам все артикулы заключенного договора перемирия, вы со своей командой должны свято соблюдать законы перемирия, чтобы никто из военных чинов, под страхом смертной казни, не делал против турок никаких враждебных действий. Все требования господина Симолина вы должны удовлетворять беспрекословно. Эта важная миссия возложена на него ее императорским величеством... Ежели потребуются конвой турецкому комиссару от берега дунайского, так определите пристойную команду из гусар или пикинеров.

- А что вы со мной даете? - спросил барон Игельстром.

- В ваше распоряжение поступает отряд войск, находящийся при Журже. Вы ведь служили по дипломатической части, если память мне не изменяет?

- Да, ваше сиятельство, в Польше, при нашем полномочном министре князе Репнине.

- Ну, с Богом, Осип Андреевич! При съезде комиссарском поступайте в согласии со статским советником Симолиным, долговременная практика не случайно возвысила его в делах политических. Я напишу ему письмо, вы передадите...

В письме Симолину Румянцев писал, что главная квартира в Яссах сделала все, чтобы переговоры с турецким комиссаром о перемирии завершились успешно. Пункты согласованы, ничто не может вызвать, казалось бы, затруднений в решении обоюдного дела. Все наши требования основаны на пользе и необходимости наших выгод. Турки, потерпевшие поражения в трех кампаниях, должны пойти на уступки, чтобы не потерять большего.

Другое беспокоило фельдмаршала куда больше. С заключением перемирия статский советник справится. А вот что будет, если турки откажутся пойти на

перемирие? До сих пор главнокомандующий не имел генерального плана кампании и повелений на сей счет. Неужто в Петербурге все еще всерьез мечтают об экспедиции в Константинополь? Во всяком случае, приезд адмирала Нольса и его высокие полномочия готовить все годные суда к морскому плаванию и строить новые, а также состоявшийся разговор с ним убеждали Румянцева в том, что императрица не оставила мысли напасть на Константинополь с двух сторон: граф Алексей Орлов со стороны Средиземного моря, а экспедиционный корпус со стороны Дуная...

Для того и прибыл сюда адмирал Нольс, чтобы подготовить суда для перевозки части корпуса морем. И генерал-майор Евгений Кашкин, сопровождающий адмирала в качестве полномочного представителя Военной коллегии, и сам адмирал сообщили о том, что их направила сюда императрица для починки захваченных у неприятеля судов и постройки новых для экспедиции, которую Петербург намерен предпринять. Сто тысяч рублей выделено на эти нужды.

Из разговора с прибывшими из Петербурга посланцами Румянцев понял, что императрица рассчитывает, что от 10 до 15 тысяч войска могут идти морем, а для этого нужны суда. У турок, как сказал адмирал Нольс, от шести до восьми ветхих линейных кораблей, которые не смеют тронуться из Дарданелл. Не станут они преградой и при высадке русского десанта.

Более того, из разговора с адмиралом Румянцев понял, что в Петербурге царит победное настроение. При дворе говорят, что у турок хоть много галер и купеческих судов, но немало плохих лоцманов и моряков, которые ничего, дескать, не смыслят в управлении кораблем и не слушают никого, даже тех, кто ими командует. «Когда атакуешь, надо ожидать сопротивления, - повторил адмирал слова

императрицы, - но если по прошедшему можно заключать о будущем, то должно предполагать, что дело будет трудное, но вполне возможное...»

В Петербурге все кажется легким и вполне возможным, а как только окажешься здесь, в завоеванных княжествах, то все становится на свои места... И адмирал Нольс уже трезвее смотрит на положение дел: то того нет, то другого. А сколько раз Румянцев сообщал в Петербург обо всех нехватках, о которых говорит и адмирал. Да и капитан Нагаткин, боевой мореход, занимался не своим делом. Выходит, что, несмотря на переговоры о перемирии, императрица намерена восполнить как-то промедление. Из того же разговора с адмиралом и Евгением Кашкиным, молодым человеком, восприимчивым и кротким, блестяще знающим несколько языков, развившим бурную деятельность, Румянцев понял, что успех готовящейся экспедиции близок сердцу императрицы. И если мир не будет заключен, то миссия адмирала окажется весьма кстати. Вот почему и сейчас, когда ведутся переговоры о перемирии, адмирал ничуть не сбавил своих приготовлений. «Напротив, - говорил он, - чем более мы будем готовы действовать и особенно нанести этот решительный удар, тем вернее дело мира ускорится». Ясно, что он говорил с чужих слов... Но неужто, кроме экспедиции в Константинополь, в Петербурге не возникло иных мыслей о генеральном плане будущей кампании?

По неведомым путям эти сомнения Румянцева дошли до Петербурга. Вскоре фельдмаршал получил письмо Екатерины II, смысл которого полностью подтвердил его самые худшие опасения: кто-то выдал его сомнения императрице.

«Граф Петр Александрович! Написав письмо от 13 марта, имею на теперешний случай сказать Вам.

1. Мне сдается, что здесь, так, как и в ваших местах, есть люди, кои большое предприятие, о коем Вы известны, ищут всячески отдалить, не могши оному препятствовать, зная, что на то моя воля решительная есть.

2. В Вашем проекте о перемирии, в той статье, где оговорено о судах, чтобы не входить им ни в Дунай, ни во Днестр и не приближаться к бессарабским берегам, я нашла двоякость слов и что они неясно и невнятно изображены, нашим ли то делать судам или турецким запрещается. Для того, если есть еще время, надлежит оную речь поправить; ибо без того нашим морским приготовлениям может учиниться от двоякости тех слов помеха, и найтись может, если б разорвался конгресс, в недостатке тех приготовлений, кои теперь идут, как то: ни донские лодки, кои наряжены, ни азовские фрегаты до устья Дуная не могли бы тогда дойти. Есмь навсегда к Вам доброжелательн а...»

Даже подчеркнутые последние слова не улучшили настроения фельдмаршала, которому это письмо было явно не по душе. Вот начинаются те самые извороты, которые он так не любил ни в личной жизни, ни в военном деле, ни в политике... Какая же тут двоякость слов и что же тут неясно и невнятно изображено? Никакая из сторон не должна иметь преимуществ и выгод во время переговоров о перемирии... Но, оказывается, эта статья вредна для приготовлений, которые предприняла Екатерина II. Как будто можно сразу делать два противоположных дела в одночасье!

Конечно, Румянцев по долгу службы тут же сообщил Симолину о необходимости изменить этот пункт соглашения. Он писал, что Петербург «не желает, чтоб всякое с Дунаем вообще из Черного моря сообщение, а с ним и хождение судов по берегам Бессарабии пресечены были, а напротив, чтоб употребить всевозможное попечение к приложению пункта в наших

предложениях относительно до Черного моря таким образом, как оный начертан в проекте конвенции, здесь сообщаемой, а именно, чтоб обеих сторон военные и другие суда имели взаимно свободу ходить и плавать при берегах, оружиею каждой части подвластных, и между оными до крайнего с своей стороны устья Дуная-реки на том и другом берегу ее, не преступая уже отнюдь и ни под каким предлогом за сии черты, а еще менее касаясь до берегов и мест, неприятелем занятых...».

Естественно, Румянцев наказывал Симолину исполнить волю правительства и найти способы для утверждения сего артикула о судоплавании в Черном море и Дунае. Пусть турки свободно сообщаются и со своей Очаковскою крепостью, только бы нам получить свободу плавания к берегам Бессарабии, не опасаясь встреч с неприятельскими судами...

Получив проект новой конвенции, Румянцев тут же послал в Журжу курьера в надежде упредить подписание договора, намеченное на 22 апреля. Еще раньше Симолин писал, что турецкий комиссар – человек веселого и обходительного нрава, не упорствует, как опасались, а, напротив, весьма благосклонен к решению спорных вопросов, и удостоверял, что вскоре перемирие, на основании наших предложений, будет утверждено. Но вот эти новые предложения могут все испортить...

И действительно, верховный визирь, получив уведомление о новых предложениях русских, в письме к Румянцеву высказал недовольство таким поворотом событий. «По согласию посредствующих держав, – писал визирь, – переговоры о перемирии состояли из трех пунктов и приходили уже к концу; ваше превосходительство ввели еще один пункт, а уполномоченный г. Симолин представил еще новый пункт, – которые все и были нами приняты и

присоединены к трем первым; на этих основаниях должна была открыться конференция; так что если я отправлю к моему государю последние условия, предписанные вашей императрицею, то его величество султан будет очень изумлен, увидев в них полную разницу с теми условиями, которые были мною ему представлены прежде.

...Каким же образом, если во время войны русские корабли никогда не имели плавания по Черному морю, они покажутся на нем теперь, когда дело идет к соединению обеих империй и общему замирению; и когда оканчиваются переговоры об учреждении конгресса? Можно ли ограничивать плавание турецких кораблей по своим морям, как будто они не составляют уже собственности империи?.. Все это рождает различные размышления. Если условие, едва принятое сегодня, завтра будет уже изменено - то это значительно ослабит наше дело. Две державы поставляют свои решения - и потом отвергают их! Делать предложения и условия, которые не ведут ни к чему!.. Это поведет только к проволочке дела; и я льщу себя надеждою, что, по искренней и глубокой дружбе вашей, вы сами найдете неудобным такой порядок вещей. Я надеюсь, что, зная правила государственных сношений, ваше превосходительство будете с точностью обозначать требуемые формально условия».

Горько получать такие отповеди от неприятеля, с которым ему, военачальнику, лучше встречаться в сражениях, нежели на дипломатическом поприще. Тем более, что старый сановник Турции во многом прав: нельзя сегодня принимать одно условие, а завтра его отменять, потому что нашли более подходящее для своих выгод...

Придется, видно, и ему, русскому фельдмаршалу, изворачиваться и доказывать, что ничего не изменилось в последнем проекте, напротив того, все артикулы

остаются одинаковы и гласят о равных правах сторон. Удивляет только то, что верховный визирь до сих пор рассматривает Черное море как свое внутреннее море, чуть ли не как собственность своей империи. Неужто ему не известно, что с прошлого года наши суда в море не только ходили, но и одержали первые победы над турецкими моряками! Но вот стоит ли настаивать на новых пунктах, если существует уже выгодная для России договоренность между уполномоченными комиссарами? Раз ему, Румянцеву, поручили вести переговоры о перемирии, то так он и сделает: все возьмет на себя, семь бед – один ответ.

10 мая Румянцев писал верховному визирю: «...я стараюсь привести к желаемому концу дело, на нас возложенное, не представляя в том ничего более, кроме выгод равного взаимства на обе стороны, на коих основаны все пункты конвенции. В таком случае, в удостоверение, что я всю власть имею от всеавгустейшей моей императрицы располагать перемирием, велел я своему комиссару, если вам то непременно надобно, заключить перемирие на тех прежних пунктах, которые согласились было подписать в 22-й день апреля оба наши комиссара...»

А 19 мая Иван Симолин и Абдул-Керим подписали конвенцию о перемирии, и через несколько дней Румянцев и великий визирь Муссун-оглы Мегмет-паша утвердили ее своими подписями и печатями.

Глава 8

Крушение надежд

Пожалуй, никогда еще Румянцев не оказывался в таком тяжком душевном состоянии. Все было не мило, ничто не радовало его. Даже успешное завершение переговоров о перемирии, письма верховного визиря, расточавшего по его адресу медовые похвалы... И не страшна ему возможная немилость после того, как он отказался исполнить инструкции Петербурга и взял на себя полную ответственность сохранить известный пункт о запрещении хождения вооруженных судов по Черному морю и Дунаю во время перемирия и проведения конгресса о мире... Сколько уж раз он бывал на грани опалы из-за своего прямого характера, не способного к уловкам и тонким хитростям, которыми не брезгают другие ради корысти и любочестия. Талант полководца, в котором никто не сомневался, спасал его всегда от немилости. Спасет ли на этот раз? А если нет? Но не опала пугала его. В конце концов, перемирие заключено под русскую диктовку. Только слепые могут не заметить этого факта...

Страшила его та легкость, с которой царствующие дворы распоряжались судьбами народов и целых государств. Только два года назад, в тех же Яссах, он, фельдмаршал Румянцев, торжественно уверял, что русские пришли в Молдавию и Валахию для того, чтобы освободить братские народы по Христовой вере от османского ига, дать им свободу и независимость, дать им спокойствие для мирных занятий: пусть земледелец прилагает свои руки к полевым работам, художник – к своему мастерству, а купец пусть занимается своим промыслом. Тогда он призывал народы двух княжеств верить, что войска, ему подчиненные, поставили

крепкий щит против всех злодеяний и тиранства, которыми прославились турецкие захватчики, обнадеживал, что теперь наступит время, когда великодушие, милосердие и человеколюбие самодержицы российской будет простираться не только к правоверным христианам, для которых ее милость и щедроты вполне естественны, но и на все города и земли турецкие, на всех жителей этой земли, какой бы ни были они веры и рода, лишь бы они против ее войск не восставали... Пусть все живут в своих домах, войска российские не коснутся ни их имущества и ни в каком случае не лишат их участия во благах... И сколько было надежд и упований на то, что усердие и добрая воля всех и каждого из жителей Молдавии и Валахии, видевших подвиги российских войск в сокрушении общего врага, будут устремлены ко взаимному благоприятствованию...

Так и было до начала прошлого лета. Все это время Румянцев налаживал справедливое управление княжествами, наказывал виновных, поощрял тех, кто стремился к бескорыстному сотрудничеству. И что же? Он думал, что возглавляет войска державы, которая приносит счастье народам... А что получается на самом деле? Теперь дело идет к тому, что княжества будут возвращены ненавистной Порте. Кому же захочется сотрудничать с такими ненадежными союзниками?

Перед Румянцевым лежала инструкция генерал-майору Каменскому, которому следовало уступить австрийцам наши передовые посты. Австрийские войска, вступающие в Польшу, этого потребовали... А он, главнокомандующий русской армией, должен повелеть своим войскам не только никакого помешательства не чинить, но паче оказывать им, яко войскам дружественным, всякую помощь и содействие.

К чему может повести вторжение австрийских войск в пределы Польши, Румянцев не знал и не предполагал.

Он мог бы как главнокомандующий выдвинуть свои резоны против занятия австрийцами определенных мест, необходимых ему, «ибо иначе нанесены будут неизбежные трудности в доставлении необходимых снабжении для армии нашей и во взаимной связи ее с корпусами, в Польше пребывающими».

Но инструкции генералу Каменскому были категоричными, хотя бы на частичное изменение их рассчитывать не приходилось.

А Каменский вызывал у Петра Александровича серьезные опасения. Опытный генерал, успевший отличиться еще в войне с Пруссией, пылкий, отважный до безрассудности, умный, образованный, Михаил Федотович Каменский вроде бы был как раз подходящим для столь щекотливого поручения. Но до Румянцева доходило немало известий о его безудержной жестокости. А что, если и в данном случае пылкий Каменский не пресечет возможных столкновений русских с австрийцами, надменными, ведущими себя порой вызывающе? Кто за сие отвечать будет?

И снова мысли главнокомандующего перенеслись в Яссы, где он провел столько времени в трудах и заботах об этой земле, стараясь навести добрый здесь порядок, ничуть не нарушая самостоятельности и государственных законов... Может, он что-то не понимает, столько событий происходит в мире, а до него доходит самая малость... И как терзают его до сих пор сомнения в необходимости русской экспедиции на Константинополь. Где-то, видимо, обронил он фразы о своих сомнениях, и вот уже всемилостивейшая императрица в письме намекает ему, что она не потерпит никаких препятствий в исполнении задуманного ею... А то как же ему понимать эти слова, которые просто врезались ему в память: «...Мне сдается, что здесь, так, как и в ваших местах, есть

люди, кои большое предприятие, о коем Вы известны, ищут всячески отдалить, не могли оному препятствовать, зная, что на то моя воля решительная есть...» Да, стоит шепнуть, даже лишь подумать про себя о чем-то, как в Петербурге откликнется... Сыскное дело поставлено отменно. Вот так бы организовали починку и постройку судов Дунайской флотилии...

Так бывает. Проходят дни, недели, месяцы... Мелькают события, мелькают лица. Все привычно и обычно. Одни приказывают, другие исполняют. Но вот приходит день, час, мгновение, когда хочется нарушить этот заведенный порядок и крикнуть хотя бы самому себе: «Стой! Остановись! Ты делаешь не то, что по совести и справедливости необходимо...»

В таком состоянии оказался Румянцев накануне встречи с графом Орловым.

...Как царствующая особа, въехал Григорий Орлов в Яссы. «Сборы к отъезду графа Орлова изумили всех великолепием: ему было пожаловано множество драгоценных платьев, из которых одно, осыпанное бриллиантами, стоило миллион рублей! – писал историк об этой поездке. – Назначенная к нему свита составляла целый двор: тут были и маршалы, и камергеры, и пажи; одних придворных лакеев, разодетых в парадные ливреи, насчитывали до двадцати четырех человек. Обоз посла должен был состоять из роскошно сформированной кухни, погребов, великолепных придворных экипажей и пр. Одним словом, по замечанию Гельбига, сборы к путешествию могущественнейшего государя не могли бы обойтись дороже этой командировки временщика».

Конечно, Румянцев оказал Орлову все подобающие почести. Пусть не такие, какие оказала Екатерина II своему любимцу после возвращения его из Москвы: тогда Петербург встретил графа Орлова как

триумфатора, как величайшего полководца, сломившего сопротивление злодейского неприятеля, казалось, что все население города в этот день вышло на улицы, чтобы рукоплескать избавителю Первопрестольной от чумы. В Царском Селе, по дороге в Гатчину, императрица приказала воздвигнуть Триумфальные ворота из разноцветных мраморов, построенные по рисункам известного Ринальди. Говорили, что на воротах, со стороны Царскосельского парка, приказала написать торжественные слова об этой его поездке: «Когда в 1771 году на Москве был мор на людей и народное нестройство, генерал-фельдцейхмейстер Григорий Орлов, по его просьбе, получив повеление, туда поехал, установил порядок и послушание, сирым и неимущим доставил пропитание и исцеление и свирепство язвы пресек добрыми своими учреждениями». А со стороны Гатчины на этих же воротах красуется стих: «Орловым от беды избавлена Москва...»

А что будет, если переговоры здесь завершатся успешно? Наверное, прикажет на руках носить своего любимца или отольет из золота его статую и поставит где-нибудь на видном месте в Зимнем дворце... Да и что он имеет против этого баловня судьбы, и сам не раз пользовался благосклонным вниманием графа Орлова, бывал у него в имении, охотился вместе с ним, пользовался его хлебом-солью, как говорится... Но нынче слишком великое разногласие возникло между ними: Орлов был за экспедицию на Константинополь, за войну до победного конца, не считаясь с материальными и человеческими жертвами, а Румянцев вместе с Паниным были за мир с Турцией на условиях, выгодных для России... Только вот почему-то граф Панин неожиданно изменил свое отношение к Молдавии и Валахии... Эти мысли тревожили и растрavляли душу фельдмаршала Румянцева. Только

недавно он был хозяином этого обширного края, а сейчас многие уже побежали с докладами к Орлову, да и не с докладами, а с доносами, с доносами на него, фельдмаршала российского. Как теперь поведет себя любимец Екатерины II?.. Ведь мало что осталось от того Орлова, которого он помнил и знал. Другая осанка, другой взгляд, появилась непререкаемость в голосе и привычка повелевать. Хотя внешне он остался все таким же благородным и вроде бы бескорыстным заступником русских интересов при императрице. «Но как можно заключать мир при условии возврата завоеванных земель?» – снова и снова сокрушался Румянцев, вспоминая при этом письма графа Панина, в которых тот извещал его об этом намерении русского двора.

«Кажется, 1 января прибыл сюда курьер из Петербурга, привез два письма Никиты Ивановича, которые нанесли мне столь чувствительный удар, и началась та карусель, которая и посейчас крутится... Курьеры через Журжу в Руцук к сераскир-паше, курьер прусского посла так и засновали туда-сюда, потом сераскир стал верховным визирем... У них это быстро: то вверх, то свалится вниз, а ведь некоторым главнокомандующим и головы отрубили... Ну уж если полномочный министр России оказался в Семибашенном замке, то что уж говорить о своих... Но неужто в Петербурге действительно считают, что завоевать землю легче, чем удержать оную? Столько крови пролито за эту землю, столько сами молдаване восставали против турок, чтобы снова стать свободными и независимыми, а тут такая открылась возможность... Да и вникнувши чрез откровение Панина в неизвестную мне доселе связь событий и явлений, вижу, что выход из создавшегося положения может найти только великое благоразумие мужей, искусившихся в политике... Но оправдает ли это

решение искушенных политиков народ Молдавии и Валахии?»

Румянцев мрачно смотрел на будущее переговоров, но не видел и выхода из создавшегося положения. Все было запутано и противоречиво. В Петербурге считали, что самым важным сейчас является утверждение независимости Крыма, и ничуть не сомневаются в том, что сей народ почувствует благотворения от руки русской и будет навсегда привязан к тем, кто освободил их от турецкой зависимости. Но так ли получится на самом деле? Ведь часто бывает так, что ожидаешь одно, а получаешь другое, прямо противоположное ожидаемому... Так в жизни, но так бывает и в политике.

Граф Орлов прибыл в Яссы 14 мая, и Румянцев писал Екатерине II по этому случаю: «Вчерашний день на вечер имел я удовольствие принять здесь графа Григория Григорьевича и видеть его в добром здоровье, после понесенных трудностей и невыгод в далеком пути.

Теперь я нахожусь в полном обрадовании, всемилостивейшая государыня, что он будет очевидным свидетелем пред Вашим Императорским Величеством положению здешних дел и моего ревностнейшего усердия к службе. А засим я беру смелость донести только о всеглубочайшем моем благоговении...»

Граф Орлов весело проводил время в Яссах. А начало конгресса все откладывалось по вине Турции. Верховный визирь после заключения перемирия уверял Румянцева, что русские и турецкие полномочные министры должны прибыть в одно время в Фокшаны, где из-за недостатка дворов житье в шатрах, «отложив все мелочные и бесполезные церемониальные обряды». Он же обещал в ближайшее время известить фельдмаршала, когда придут на берег Дуная его министры, сколько понадобится лошадей для того, чтобы отвезти их, уверял в искренности и дружбе. Но

шли дни, недели, а представители Турции все еще пребывали в Константинополе. Наконец 13 июня Румянцев получил письмо от верховного визиря, из которого узнал, что «действительно находящийся в великом достоинстве первого президента императорской печати (тури или вензеля), прославленный прежним обладанием разных высоких императорских чинов, искусный в секретах вечного императорского кабинета, славный между первейшими и великими, собрание честей и похвал, почтенный Осман-эфенди, да утвердит Господь навсегда знатность его, нарочно определен от стороны империи Оттоманской первым уполномоченным для утверждения мира». И через несколько дней он прибудет в турецкий лагерь под Шумлой.

Однако «через краткое время... именованный полномочный представитель Блистательной Порты Осман-эфенди» так и не приехал.

Снова разгорелись споры вокруг места проведения конгресса. Вроде бы уж совсем договорились собраться в Фокшанах. Но вот снова верховный визирь упоминает Бухарест как место «наипристойнейшее к мирному конгрессу». Тут вмешался граф Орлов и твердо сказал, что этот вопрос уже не раз обсуждался на Государственном совете в присутствии императрицы и всех членов совета. Они признали, что даже если только часть Бухареста определена быть может для конгресса, то и в этом случае необходимо объявить его свободным, и тогда таким образом Россия лишалась «правления оным, и следовательно, всюю Волошскою землею».

Вскоре Румянцев узнал от находившегося в Шумле и возвратившегося в главную квартиру русской армии капитана Зумбатова, как торжественно встречали турецкое посольство войска верховного визиря: пятнадцать верст посольство двигалось под радостные

клики войска, растянутого сплошной линией по ходу его движения.

- Верховный визирь, ваше сиятельство, - докладывал капитан Зумбатов фельдмаршалу, - задумал показать мне и всем иностранцам, там пребывающим, боееспособность и многочисленность своей армии, готовой продолжать войну с нами.

- Знаем мы эти турецкие фокусы, - спокойно сказал Румянцев, выслушав доклад капитана. - Все они жаждут военных действий лишь как возможности для грабежа. Как только Керим-эфенди, подписав с нами договор о перемирии, прибыл в Руцук, то гарнизон сразу взбунтовался. Четыре тысячи босняков, только что прибывших перед этим, захватили три галеры, попытались овладеть всей флотилией, но были остановлены комендантом крепости и их командиром Мустафа-пашой. А могли бы сорвать перемирие.

В эти дни Румянцев внимательно следил за передвижением турецкого посольства. Верховный визирь писал ему: «Мы назначили того, который 30 лет тому назад имел великую дружбу с покойным отцом вашим и у Абдула-аги-паши, бывшего верховного визиря, славного и блаженной памяти отца нашего, был доверенным секретарем... 3-го числа луны Ребиул Ахыр, в прошедшее воскресенье, приехал в лагерь наш под Шумлюю, вместе с уполномоченными министрами дворов венского и берлинского; и тотчас по прибытии своем вышеупомянутый эфенди представился к нам. По истолкованию дружелюбных писем ваших, мы оные ему показали, и он также, соглашаясь с нашим мнением, изъявляет великую склонность ехать отсюда и ускорить прибытие свое к месту конгресса...»

Приближались важные события, и Румянцев готовился к ним как к решающему сражению. И большие надежды при этом фельдмаршал возлагал на

Обрезкова. Еще 25 мая Румянцев писал Панину: «Вчера поутру имел я удовольствие принять здесь Алексея Михайловича Обрезкова. При первом свидании я удостоверился наисильнейше о том его расположении душевном, которым я льщусь пользоваться и удовлетворить во всем полным образом вашей дружеской откровенности, начертанной своеручно».

Не раз Румянцев делился своими мыслями с Алексеем Михайловичем, входившим в число доверенных лиц графа Панина, вершившего всеми иностранными делами России. Так что им, связавшим свою судьбу с судьбой Никиты Ивановича и цесаревича Павла, было о чем поговорить. Эта доверительность и откровенность у них установилась еще при первом свидании, в военном лагере при деревне Фальтешти.

Однажды после шумного обеда, перешедшего в ужин, у графа Орлова Румянцев предложил Обрезкову зайти к нему на главную квартиру. И когда они остались одни, сказал:

- Алексей Михайлович! Все чаще стали доносить мне о новых случаях заразной болезни. Вам с графом придется в ближайшее время покинуть Яссы и уехать в Фокшаны. Там вам будет спокойнее и безопаснее во всех отношениях.

- А что, так опасно здесь? - встревожился Обрезков.

- Да! Мы-то уж привыкли к этой опасности, знаем, что делать и как оберегаться, а вам с непривычки придется туго. Императрица мне не простит, если что случится с графом Орловым.

- Она же сама называла его после возвращения из Москвы профессором по уничтожению этой болезни!

- В Москве - это совсем другое дело. Да к тому же там легче, чем здесь. В Яссах столько скрытых источников распространения этой заразы, всех не учесть. Так что не будем рисковать особой его сиятельности.

- Мне кажется, Петр Александрович... - Обрезков надолго замолчал, словно не решаясь произносить то, что у него уже вертелось на языке. - Мне кажется, что ее величество несколько охладела к графу Орлову...

Румянцев, в свою очередь, был озадачен таким сообщением. Как можно в таком случае отправлять его с такой торжественностью и пышностью? С удивлением смотрел Румянцев на славного дипломата, который тоже мог ошибиться в таких тонкостях придворных отношений.

- Во всяком случае, после Москвы граф Орлов уже не пользовался на заседаниях императорского совета такой полной поддержкой, как до отъезда в Москву.

- Казалось бы, столь пышно она его встретила и объявила чуть ли не спасителем Москвы, - продолжал недоумевать Румянцев.

- Да, все знаю, и Триумфальные ворота с надписями с двух сторон, и золотая медаль, выбитая в его честь, на одной стороне медали изображен сам граф Орлов, а на другой - Курций, бросающийся в пропасть, с надписью: «И Россия таких сынов имеет». Знаю даже, что первоначальная надпись гласила: «Такового сына Россия имеет». Но когда императрица вручила ему медали для того, чтобы он роздал их своим друзьям и близким, тот отказался принять их, сказав, став на колени: «Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов Отечества».

- Ну и что же? Неужто изменили надпись? - спросил Румянцев.

- Всемиловитейшая императрица повелела перечеканить медали и передала их с исправленной надписью... Я много раз слышал, как превосходно он справился с истреблением заразы в Москве. Граф и сам говорил, что тамошние начальники много сделали для того, чтобы уменьшить распространение той смертной болезни. Но то, что он сделал, поражает своей

смелостью и какой-то безрассудной неустрашимостью. Прежде всего он собрал две комиссии об умерщвлении архиепископа Амвросия. Первая комиссия занялась изучением вопроса, почему народ испытывал отвращение к больницам и карантинам. И вскоре выяснилось, что врачи и должностные лица были крайне недобросовестны в исполнении своих обязанностей. Все виновные были наказаны, и граф сразу тем самым завоевал доверие.

- К тому же он добрый, красивый, щедрый, приветливый... Природа наделила его удивительным обаянием, - говорил Румянцев, а сам вспоминал, сколько раз этот баловень судьбы выручал его и поддерживал... И совсем недавно Орлов помог его сыновьям поступить ко двору цесаревича Павла.

- Да, и граф Григорий Григорьевич сам обходил больницы, строго наблюдал за пищей и лекарствами, заставлял при себе сжигать платье, белье и постели умерших от чумы.

- Мне рассказывали курьеры из Петербурга, что он не боялся являться и среди зачумленных, утешал их, всем бодрым видом своим внушая им надежду на избавление от тяжкого недуга.

Румянцев хорошо знал, что Панин ненавидит Орлова как своего антипода в жизни и в политике. Но в то же время чувство справедливости в отношении к графу Орлову ни на минуту не покидало его в разговоре с Обрезковым, который, видать, тоже испытывал противоречивые чувства, оценивая деятельность и личность фаворита императрицы.

- Судьба фаворитов часто бывает печальной, ваше сиятельство, - сказал наконец Алексей Михайлович. - Знаете, как кончил любовник королевы датской? На эшафоте...

- До меня дошли лишь смутные и путанные сведения об этом перевороте в Дании. Расскажите, Алексей

Михайлович, поподробнее о том, что происходит в мире... Я знаю лишь то, что ничего не знаю, как сказал известный вам мудрец.

- Да уж, в такой дали от Петербурга, куда сходятся все новости... Так вот мне приходилось читать всю почту, которая приходит к нашему благодетелю графу Панину, на многое открываются после этого глаза. И всемилостивейшая наша императрица не раз выражала недовольство всем, что там происходило. Дания жалка, говорила она Панину, там большие дети не умеют сами вести себя, как же вы хотите, чтобы они управляли другими? В них нет ни мудрости змеиной, ни силы львиной. А господина Струензе, любовника королевы Матильды, она называла жалким господином, который производит адское несварение желудка в государстве, в коем управляет.

- Ну а как они там дошли до того, что доверили управлять государством лейб-медику? - спросил Румянцев.

- Видимо, королева Матильда посчитала, что ей все дозволено, а король - действительно суший младенец - на все закрывал глаза, а когда открыл, то ужаснулся. Ведь дело дошло до того, что полк отказался повиноваться, а управители Дании уступают его требованиям, вместо того чтобы строго наказать его. И все это доказывает, как мало они понимали, из каких нитей свит канат... А со смертью графа Бернсдорфа, который удалился от дел при возвышении Струензе, но призванный снова ко двору после его падения, наши дела в Дании будут непрочны...

И потекла беседа, неторопливая, спокойная, дружеская, - беседа, в которой неуловимо точно выявлялись взгляды и суждения собеседников.

Обрезков после возвращения из Константинополя был щедро награжден Екатериной II, получив орден Святого Александра Невского и 200 тысяч рублей, и

назначен членом Коллегии иностранных дел. За эти несколько месяцев пребывания в Петербурге он стал просто необходим Никите Ивановичу Панину, ведя дипломатическую переписку. Так что он уже был знаком со многими сложностями и противоречиями европейской политики. Обрезков знал о решениях императорского совета и резолюциях и «апробациях» Екатерины II.

Обрезков рассказал Румянцеву не только о перевороте в Дании, последствием которого были арест королевы Матильды, расторжение ее брака с королем Христианом VII, ссылка в Ганновер, казнь ее фаворита Струензе и некоторых его приспешников. Главное, понял Румянцев, заключалось в том, что датские волнения и перемены начались и обострились после смерти шведского короля еще в начале 1771 года.

Молодой шведский король Густав III слыл ярим приверженцем Франции и самодержавной власти у себя. Ясно было, что он будет упорно противостоять России и ее интересам в Европе. Так оно и оказалось. Граф Остерман тут же потребовал денег для подкупа «благонамеренных патриотов, устремляющихся на сохранение национальной вольности». Екатерина II внимательно следила за развитием событий в Швеции и поняла, что «лучше дать денег, нежели видеть в Швеции самодержавство и с ним войну посредством французских денег и интриг», предложив выдать Остерману более 300 тысяч рублей. Фельдмаршал граф Ферзен и вся его партия «неблагонамеренных», мечтавшие об установлении самодержавия в Швеции и возвращении утраченных по Ништадтскому договору земель, развернули бурную деятельность и в печати, и плетя сеть интриг, вовлекая все больше сторонников в свои сети. Поэтому русское правительство было заинтересовано в том, чтобы, во-первых, удержать в целостности старую форму шведского правления, во-

вторых, всячески помешать молодому королю развернуть подготовку к войне против России хотя бы на тот срок, пока она ведет «жестокую и обширную войну» с Турцией, помешать не только началу «действительной войны, но и от наружных оной оказательств, дабы иначе не могло родиться в публике сомнение и пустой страх»... Так писал Панин Остерману.

На первых порах молодой шведский король заверил противоборствующих в сейме, что он будет выступать за соглашение французской и русской партий в сейме, будет выступать за национальное единство. Но все это было лишь игрой для отвода глаз простодушных политиков. Искушенные дипломаты не могли не заметить, что в Швеции назревала серьезная оппозиция России и русским интересам. Король всячески поощрял культ Франции и уничтожение России. Все чаще стали появляться статьи, в которых Россия представала крайне истощенной, изнемогающей от непосильного бремени войны. С другой стороны, в «Политических рассуждениях» королевского библиотекаря Гервеля указывалось на деспотическое влияние России на соседнюю Польшу, указывалось, что Россия является причиной всех бедствий польского народа. И если Швеция попадет под влияние России, то ее ждет такая же участь, как и Польшу.

Ну, что Франция занимала враждебную позицию по отношению к России и всячески настраивала шведского короля противодействовать ее политике в Европе, говорил Обрезков, – это естественно. А вот активнее стала действовать в Швеции Австрия, и особенно император Иосиф II, – это было удивительно и неожиданно...

Остерману удалось заполучить реляцию шведского посланника при венском дворе, в которой посланник излагал свой разговор с австрийским императором. Из

разговора стало ясно, что Австрия подогревает пыл молодого короля, ласкает его честолюбие и тщеславие, восхищаясь его великими как природными, так и приобретенными с помощью воспитателя графа Тессина качествами. Иосиф лицемерно сожалел, что Швеция из сильной некогда державы, наводившей страх на своих соседей, превратилась во второстепенную из-за внутренних распрей и раздоров и не может даже противостоять ослабленной России, не способной, конечно, вести войну на юге и на севере своей страны. Указав на Польшу и на Данию как на страны, в которых Россия распоряжается как в своих вотчинах, австрийский император намекал шведскому посланнику, что Швеция должна резко выступить против известных замыслов России возвеличить себя над всеми своими соседями и не поддаваться ласкательствам русской императрицы, а, соединившись с Данией, которая до сих пор забавляется беспрестанными переменами в правительстве, повести свой союз к унижению России, потребовав у нее утраченные земли.

Но главное, рассказывал Остерман, все полномочные министры, словно сговорившись, дудели в одну дуду: Россия истощена, в армии нет пропитания, снаряжения, а потому Турция ни в коем случае не должна соглашаться на все условия России при заключении перемирия и договора о мире. Франция обещала 24 тысячи своих солдат в помощь Турции и Австрии, если Австрия начнет военные действия против России. Положение складывалось критическое. И шведский посланник при венском дворе советовал своему королю воспользоваться благоприятными условиями для того, чтобы избавиться от вредного влияния России. Тем более, что Австрия пошла на заключение секретного договора с Турцией и получила от нее многомиллионное вознаграждение за то, что

будет всемерно способствовать выгодам Турции при переговорах с Россией. И Австрия до сих пор могла бы противодействовать переговорам о мире, если б не предложение Фридриха II воспользоваться тем, что Австрия захватила польские земли под благовидным предлогом, что они, дескать, некогда принадлежали Венгрии...

А предложение Фридриха II заключалось в том, чтобы последовать примеру Австрии и, в свою очередь, занять те польские земли, которые бы выгодно «округлили» границы Пруссии и России. Если Австрия не согласится на это предложение, то можно вполне обойтись и без нее: Россия и Пруссия могут спокойно одолеть Турцию и Австрию даже и в том случае, если им поможет Франция своим экспедиционным корпусом... Так и возникла мысль раздела Польши для того, чтобы избежать всеобщей европейской войны. Австрия, конечно, попыталась отделить Фридриха II от союза с Россией, но прусский король твердо держался своей близкой выгоды: Россия поможет ему «округлить» его владения без шума и кровопролития, а Вена все еще помнит недавнюю войну, в ходе которой утратила Силезию и другие свои земли... Но тайная ненависть Вены против русских «превосходит всякое вероятие, – писал Фридрих II, – и смею сказать, что только я стараюсь препятствовать взрыву этой ненависти». Прусский король совершенно уверен был в том, что Австрия бессильна без крепких союзников и вынуждена будет делать все так, как продиктуют ей Пруссия и Россия... Но Австрию пугает одно: что сила России увеличивается, и если она будет следовать своим широким планам укрепления границ, то сила ее станет страшною для всех соседей со всех сторон. И уговаривают всех своих возможных союзников, в том числе и прусского короля, стремиться к ослаблению России любыми способами.

- И самое удивительное, - продолжал говорить Алексей Михайлович, - что князь Кауниц, услышав о предложении прусского короля разделить Польшу, так обрадовался, что возмечтал воспользоваться случаем и осуществить свой давний план: если Пруссия приобретает такие большие земли в Польше, то не может ли она уступить Австрии часть Силезии и графство Глац... И Кауницу уже казалось, что Россия сломлена: раз уступила, отдавая Молдавию и Валахию, значит, и второй, и третий раз можно ей диктовать свои условия... И согласилась за большое вознаграждение - говорят, запросила 34 миллиона гульденов - содействовать Турции в заключении благоприятного для нее мира, не хуже Белградского... Но Панин, опираясь на мнение всемилостивейшей императрицы нашей, твердо сказал Сольмсу: «Мы не позволим Австрии предписывать нам законы».

Обрезков на минутку умолк, переводя дыхание: так хотелось показать фельдмаршалу, что действительно легче завоевать земли, чем удержать их, учитывая все сложности и противоречия, то и дело возникающие в европейской политике.

- А я не могу успокоиться с тех пор, как узнал о возвращении завоеванных княжеств. Отнять у турок эти земли - это означает навсегда лишить их возможности беспокоить Россию посредством Польши. Конечно, лучше всего для нее, если эти княжества окажутся независимыми, как это было в старину. Но лишь бы турки не владели ими... - высказал Румянцев свою затаенную думу.

- Да вы знаете... Об этих княжествах столько было разговоров и споров. Их предлагали Австрии, которая может выменять их у Турции за Белград. Хотели даже предложить Польше за те земли, которые будут у нее отобраны Австрией, Пруссией и Россией... Так что завоеванные вами земли, ваше сиятельство, служат как

бы разменной монетой в большой политической игре, в которой участвуют чуть ли не все европейские державы...

- Но никто не подумал, что будет чувствовать народ, братский нам по вере христианской, снова попадающий под оттоманское иго... А во всех бедах этого народа виноват будет венский двор, показывающий явное недоброжелательство к делам нашим.

- Теперь они клянутся в вечной дружбе, - напомнил Обрезков.

- Это все лишь внешнее, а на самом деле они засылали сюда своих агентов и стремились вложить в сердца здешних жителей ненависть и отвращение к нам... Они обещали здешним народам свое заступничество. А если они откажутся от этой помощи, то, дескать, их ждет гибельная опасность. И народ заколебался. Так что австрийцы уже нам тут навредили. Особенно то скажется, если с турками примирение не возымело бы желаемого конца. Хотя бы в сем последнем полный успех мы получили, все равно ведь княжества отойдут к Турции. А это для меня больно... И вы знаете, Алексей Михайлович, я уже просил об увольнении меня от дел.

Обрезков с удивлением посмотрел на фельдмаршала.

- Не удивляйтесь, ваше превосходительство! Без отдыха я уж долгое время нахожусь здесь... Столько дел, забот, мучений... Часто изнемогаю от болезненных припадков, которые истощают мое здоровье. Есть необходимость уехать на излечение. Не хочу быть зрителем при заключении договора. Ибо, Алексей Михайлович, сами можете представить себе, как неприятно для меня видеть народ, обреченный вновь на бедствия...

«Можно ли было представить себе в этом счастливом полководце на поле брани такие мучения и

страсти по такому ничтожному для политиков поводу?»
- пронеслось в сознании дипломата.

- Э, граф, не принимайте так близко к сердцу выверты европейских дворов. Одно время князь Кауниц так возомнил о себе, что спокойно делил Европу, как огородник свои грядки... Хорошо, что этому горделивейшему из людей, который возомнил себя распорядителем дел Севера и Востока, противостояла наша императрица. Она перечеркнула его притязания на господствующую роль в европейской политике.

Обрезков с увлечением рассказывал о том, как сталкивались в переговорах между венским, прусским и российским дворами интересы трех государств, не желавших ни в чем уступать друг другу.

- А что ж, ваше сиятельство, неужто вы так и не отдыхали все эти три кампании? - перевел разговор Алексей Михайлович. - Скольких боевых генералов и полковников я видел за это время в Петербурге - на балах, на званых вечерах и обедах, на куртагах ее величества! Видел Потемкина, Боура, Вейсмана, Ступишина и многих других...

- Нет, не отдыхал... А когда попросил уволить меня от командования, граф Панин сообщил, что общая польза не позволяет уволить меня... Но партикулярные мои неудовольствия, Алексей Михайлович, уже не трогают меня, я к ним притерпелся. Течение лет и службы моей не скрыто от знания двора, уж там-то хорошо знают, больше ли приятного или трудного и прискорбного доставалось всегда на мою долю.

Обрезков смотрел на Румянцева с удивлением и состраданием: сколько уж времени прошло с тех пор, пока они откровенно говорят о тайных пружинах европейской политики, о петербургской жизни, о здешних сложностях и противоречиях, а еще такого скорбного лица не видел он. По всему чувствовалось, что фельдмаршал касается сейчас самого затаенного,

смутно ворочавшегося до сих пор в подсознании и лишь сейчас вышедшего наружу...

- Если б только от меня зависел отъезд в Петербург или еще куда-нибудь подальше от этих мест... - продолжал свои признания Румянцев. - Да и как уехать, если каждую кампанию я начинал рано, а заканчивал поздно? И так мало времени оставалось от полевых действий, что тут не до отдыха. Зимой же все мое время и труд уходят на приготовление вновь поступающих солдат, на подготовку к новой кампании. Вы вот только что говорили, что многих из моих генералов видели в Петербурге. Действительно, многие генералы, и даже те, кому надлежало бы быть здесь постоянно и неотлучно, удалялись под разными предлогами. И только вам да графу Панину признаюсь: настолько плохо себя чувствую, что боюсь под бременем сим поникнуть.

- Ну что вы, граф, смотрю на вас и радуюсь вашей мощи и энергии! Таких героев, как вы, мало на свете. - Алексей Михайлович стремился вдохнуть в Румянцева прежнюю его уверенность и силу.

- Какая уж тут мощь и сила! Чувствую, Алексей Михайлович, как плетутся вокруг меня придворные интриги, кто-то стремится очернить меня. Сколько раз я давал сведения в Петербург о сущих нуждах войска! А мои доклады не удостоены уважения: дескать, нет времени поговорить о состоянии армии. А вместо того постоянно вмешиваются в мои дела, вот, в частности, вновь выдают штаты генерал-квартирмейстерские... И что я могу подумать о таких вмешательствах? Есть ли здесь радение о пользе войск или только ни к чему не нужная прихоть? Если я говорю об улучшении состояния армии, так я ведь знаю, что предлагаю. Ведь я ничего лишнего не прошу. К тому же распространяют про меня клевету...

Столько горя послышалось в голосе Румянцева, что Обрезков вздрогнул от неожиданности. «Вот ведь... Кто бы мог подумать, что такое происходит в душе знаменитого фельдмаршала?» – мелькнуло у Обрезкова.

– Представляете, кто-то уведомил графа Панина, будто я уволил деревни Потоцких и Мнишек от поставок в армию провианта... Если б я знал, кто этот уведомитель, клевета которого неожиданно до самой деликатности против меня идет...

– А на самом деле? – спросил Обрезков, понимая, что не может быть дыма без огня, как говорится.

– Деревни Мнишека действительно облегчены по требованию о том бывшего посла нашего в Польше князя Волконского, который рекомендовал для него сию выгоду, объявив, что он будет шефом нашей партии в Короне. А считается ли он или Потоцкий за людей подозрительных в размножении польских замешательств, я ничего того о сем не знаю. Напротив, со своей стороны, за все время моего командования в этом краю я ничего не заметил от Потоцкого такого, что бы явило следы его недоброхотства для наших войск. Войска в его деревнях всегда стояли и теперь стоят, давал и дает и ныне он без послабления все для армии нужные поставки со своих маетностей. И вот думаю, что если б я так не сделал, то они давно бы стали конфедератами.

А с поляками нельзя поступать как с врагами, нельзя на них так нажимать, как это делает наш посол Салдерн... Уж больно круто и жестко ведет себя...

– Никита Иванович тоже недоволен им. Его поведение способствует не уменьшению конфедератов, а их увеличению, – сказал Обрезков, вспоминая все прочитанные донесения из Варшавы. – Чуть-чуть смиряет его жесткий нрав Александр Ильич Бибилов, сменивший Веймарна. Салдерн признавался Панину, что его не любят в Польше и боятся. Он оттолкнул от себя

даже тех, кто сочувствовал нам и поддерживал в борьбе против конфедератов.

- Пожалуй, он недолго будет в Варшаве. Он совсем не подходит для своей роли. Как вы думаете? - спросил Румянцев.

- Скорее всего, вы правы... Да и он сам чувствует, что не справляется. Уже жалуется на расстроенное здоровье и на то, что страдает от постоянных интриг, что окружен людьми, которые подставляют ему ногу. «Ни дух, ни тело мое ни минуты не знают покоя», - писал он Панину уже через несколько месяцев после своего назначения в Варшаву.

- Беда его в том, Алексей Михайлович, что он с презрением относится к полякам вообще, считает, что все они вздорны и развращенны, что король Станислав слабый, пустой и глупый человек, которого презирают не только в народе, но даже и в своей семье. Сколько приезжали из Варшавы и рассказывали мне, что он там вытворяет, обвиняя короля в неправдивости, мелочности и увертках. И уповаet только на силу.

- Да, он твердо уверен, что без употребления силы нет твердой надежды на будущее. Середина между мягкостью и силою решительно вредна, мягкость портит головы в Польше и несовместна с достоинством и превосходством России, - сказал Обрезков.

- Нет, я решительно не согласен с этим... Вот совсем недавно к нашему посту, которым командовал мой подполковник Гантвиг, прибыл поручик Глумбицкий с одним хорунжим и трубачом с просьбой, чтоб отряд их был допущен без оружия к нашему посту. Гантвиг сие им дозволил, заранее зная, что я одобрю такое решение. И действительно, все они явились - в числе двухсот восьмидесяти человек, а ведь они - часть барских бунтовщиков, волею судьбы оказавшихся в Турции. И они, не желая пристать к бродящим в горах бунтовщикам, просили принять их. Я повелел князю

Долгорукову, учиня им поименную перепись и отобрав от них рецессы*, что они более ни в какие действия и сообщения не войдут со злонамеренными, отправить их к господину Браницкому, который действует совместно с нашими войсками. А кто хочет возвратиться безмятежными к своим домам и спокойно жить, тем пообещали мы полную безопасность от нашего оружия. Конечно, офицеров расспросили, почему они отпущены от турок из-за Дуная, о всех обстоятельствах их жизни в Турции вместе с бунтовщиком Потоцким за все это время, с Барской конфедерации до сих пор. А мы ведь вполне могли их взять под стражу как наших супротивников.

- Вы совершенно правильно рассуждаете, ваше сиятельство. Нельзя в Польше вести себя как в завоеванной стране. Надо считаться с поляками, уважать их гордость, независимость, учитывать пылкость их нрава, помогать осознать, что мы хотим помочь им избавиться от бунтовщиков и направить Польшу по пути твердой независимости. - Обрезков чувствовал, что говорит что-то не то. Ведь он хорошо знал, что уже принято решение между тремя государствами о разделе польских земель, но привычка дипломата скрывать половину своего знания и здесь взяла верх. - А что, граф, слышал я о какой-то большой победе турок в Египте? - Обрезков явно переводил разговор в другое, менее опасное русло.

- А-а, это мой курьер, возвратившийся от визиря, привез известие, будто турки разгромили Али-бея* и отсекли ему голову, и уже отпраздновали победу над ним. А оказалось, что Али-бей вместе с четырьмя близкими ему унес свою голову и набирает свежие войска. Турки умеют и любят приврать...

- Да уж, за свое там пребывание я в этом убедился.

- Да и поляки любят похвастать. Вот тоже мой курьер доносил: повстречал на той стороне он двух

поляков, ехавших в Шумлу. Оказалось, что это два курьера от графа Потоцкого к визирю и к цесарскому министру Тугуту с известием, что он в Польше командует семьюдесятью тысячами войск и отобрал у нас семь крепостей. Представляете?

- Ну и что вы?

- Я велел своему чегодарю дать знать турецкому комиссару о весьма противном тому положении мятежников в Польше, сказать, что их везде давят как мух и великая часть их уже отдалась в наши руки, прося пощадить их жизнь... Ох, как все сложно, противоречиво, путано в этой нашей жизни!

Алексей Михайлович засобирался к себе. Да и Румянцев понимал, что всех вопросов, которые накопились у них, не успеют обсудить.

Обрезков, попрощавшись, ушел, а Румянцев еще долго устало сидел за столом, бездумно уставясь в разложенную на нем карту. Он думал лишь об отдыхе как об избавлении от тех противоречий и страданий, которые он испытывал от двойственности своей позиции в изворотливой дипломатической игре, невольным участником которой он был.

Вскоре Румянцев писал Панину: «Милостивый государь мой, граф Никита Иванович!.. 8 июня г-н Симолин без замедления отправился отсюда. В особе его я имел для себя помощника искусного и рачительного в деле, которое удостоили ваше сиятельство своей апробации. Я никогда не перестану чувствовать, сколь милость моего благодетеля была велика в облегчении меня от труда чрез посредство человека столь отменных способностей. Я не могу ничем живее изобразить моей благодарности, как поставить самого его пред вашим сиятельством... После того, что я перенес и что еще встречается, признаюсь, милостивый государь, что ничего я больше не желаю, как видеть конец здешним делам, и чтоб последствием

таким мог я возыметь удовольствие персонально изъяснить мои чувства другу и милостивцу, которого добросердечие и благодеяния ко мне ни с чем я не могу сравнить, разве с собственной моею признательностью. Я наперед себя обнадеживаю воспользоваться тогда вашею помощью в получении выгод, относящихся к отдохновению, которое нужно для человека, всю жизнь проводившего в подвигах, истощающих силы душевные и телесные...»

Но время для отдыха еще не подошло... Столько еще трудов придется положить, чтобы добиться выгодного мира. А пока медленно, с необъяснимыми задержками, двигались турецкие послы на переговоры.

Граф Орлов и Обрезков выехали в Фокшаны. А турецкие полномочные все еще были в Рущуке, готовясь к переправе через Дунай. И лишь 8 июля они, а также прусский и австрийский министры на одиннадцати галерах отплыли в Журжу. Здесь их встретили орудийным салютом и торжественно приветствовал через переводчика начальник гарнизона крепости генерал-майор Игельстром. По воспоминаниям очевидцев, Осман-эфенди, церемонно ответив на приветствие, сел на богато убранную лошадь и двинулся к своему шатру, который отстоял от пристани, покрытой зеленым сукном, не более чем на двадцать шагов. Генерал-майор Игельстром вместе с полковником Петерсоном, знатоком турецкого языка, нанесли визит вежливости Осман-эфенди, рассказали о предстоящей поездке в Фокшаны. Игельстром затем посетил также австрийского и прусского министров.

На следующий день и Осман-эфенди, и Тугут, австрийский министр, и Цегелин, прусский министр, нанесли визиты начальнику гарнизона Журжи генералу Игельструму...

Наконец турецкое посольство выехало в Фокшаны. Ехали торжественно, не торопясь, согласуя свое

движение с показаниями астролога, который не посоветовал въезжать в город в четверг 19 июля – несчастливый день. 20 июля турецкое посольство, состоявшее почти из пятисот человек, торжественно вступило в Фокшаны. Великолепным украшением этого шествия стали покрытые богатыми попонами красивые кони, предназначенные в подарок участникам конгресса.

Так торжественно и многообещающе начался Фокшанский конгресс.

Часть шестая
Русские за Дунаем

Глава 1

Интересное событие

Всего лишь три недели после отъезда графа Орлова в Молдавию в Царском Селе стояла благоприятная погода. А потом на целых шесть недель навалилась изнурительная жара. Тенистые аллеи и пруды не спасали от нестерпимого зноя. Жизнь, словно замиравшая днем, когда солнце палило нещадно, вновь оживала лишь к вечеру. И в том была повинна российская самодержица, склонная после утренних и дневных трудов к шутке и веселью, тем более что в эти недели она сблизилась с шестнадцатилетним сыном Павлом и его молодым окружением.

Екатерина II, оставаясь наедине сама с собой (любимое ее время, когда она без помех могла полностью отдаться своим мыслям), невольно размышляла: почему же так весело и непринужденно стало в Царском Селе? Никогда петербургский двор так не веселился, как после отъезда графа Орлова. Как она счастлива, что подружилась с сыном, который становится красивым мальчиком! «Утром мы завтракали, – вспоминала она проведенные дни. – Как прелестна та зала, что расположена близ пруда... Вроде бы ничего тут не было необычного, но сколько непринужденности и веселья было за столом, каждая мало-мальская неловкость или острота вызывала хохот, бурный и долго несмолкаемый... Потом обедали, а часов в шесть – прогулка или спектакль. А вечером поднимали шум по вкусу всех шумил, которых набралось тогда

большое число. Невозможно буквально представить себе веселость безумнее и безумие разумнее нашего... Неужели это прекрасное расположение духа оставила я у ворот Царскосельского дворца?»

Не выдержав жары, 25 июня 1772 года Екатерина II покинула любезное ей место, Царское Село, и отправилась в «отвратительный, ненавистный» Петергоф, чтобы отпраздновать там день ее восшествия на престол и день святого Павла. Чтобы оттянуть время приезда туда, она выбрала самую дальнюю дорогу, а на ночь остановилась в охотничьем доме, где с тоской вспоминала недавнее время в Царском Селе...

Ранним утром следующего дня она уже сидела за столом и собиралась писать своей приятельнице госпоже Бельке, которой давно уж поверяла свои сердечные и политические тайны. Да и как же не делиться с ней самым сокровенным, если она узнает от нее столько подробностей и анекдотов о шведском и датском дворах! О, эта любознательная дама многое знала. Откуда бы она, Екатерина, с такими подробностями узнала о молодой королеве датской Матильде? Ведь от госпожи Бельке русская императрица впервые узнала о том, что Матильда весьма легкомысленна, любит скакать на лошадях в кожаных панталонах, ботфортах и куртке. Конечно, удобно и легко, но слишком мало покрывает наготу. И ей сразу же по такой маленькой подробности туалета стало ясно, что у молодой королевы ум такого же хаотического свойства, как и у ее матери. Если уж королева оделась в одежду почтальона, то тут не жди ничего хорошего...

Да и о шведском молодом короле впервые Бельке предупредила ее, когда тот был всего лишь наследником. Его рассеянный вид, небрежные манеры, желание показать, что все привычное ему наскучило,

непомерное честолюбие уже два года назад настораживали Екатерину. А теперь, когда он стал королем, ей доносят отовсюду, что шведский король в ближайшее время задумал совершить переворот в пользу абсолютной монархии, отказавшись от привычной формы правления государством. А ведь происки никогда не должны быть оружием царей и цариц, они не могут быть главою одной части своих подданных, не отказавшись от господства над другой. Эта роль не может к ним идти.

Совсем другое дело в России с тех пор, как она стала императрицей. Нет, она вовсе не преувеличивает свою роль, но как же она может забыть один весьма примечательный разговор? Два года прошло с тех пор, а она до словечка его помнит. Фельдмаршал князь Голицын рассказывал, как подошел к нему как-то пленный знатный турок и сказал: «Вы – удивительный народ. Идет война, а вы задумали грандиозный памятник Петру Великому, да и вообще много строите... Вы должны для блага обеих империй отослать кого-нибудь из нас домой, чтобы он мог сказать, что в Петербурге строятся, веселятся и не чувствуют войны. Так как у нас все в беспорядке, то думают, что и у вас то же, а я вижу совершенно противоположное». Умный турок, пришлось его действительно отпустить. Пусть рассказывает о том, что Россия вовсе не истощена, и, может, поуменьшатся слухи, что она не может вести продолжительной войны.

Страсть ослепила этих людей, а иначе как могли они забыть, что Петр Великий тридцать лет вел войну то с теми же турками, то со шведами, то с поляками и персами и империя не была доведена до крайности? Напротив, Россия всегда выходила из каждой войны более цветущей, чем была при ее начале... И эти войны давали толчок развитию промышленности, всякая война

порождала в России какой-нибудь новый источник, который оживлял торговлю и обороты...

Екатерина сидела в уютном, небольшом кресле, за грубо сколоченным крепким столом, и все не решалась начать письмо. Ей было приятно отдалить наслаждение, которое она всякий раз испытывала, взявшись за перо. В этом случае она не сдерживала себя, ни в чем не ограничивала, чтобы высказать все, что накопилось на душе. Может и прихвастнуть, может и погордиться своими делами и свершениями, особенно теми, которые делались на театрах войны. Можно написать о братьях Орловых... Вот кто без страха исполнит любую возложенную на них миссию. Вот герои, от которых можно ожидать всего. Ни в уме, ни в мужестве, ни в честности, ни в знании дела - ни в чем у них нет недостатка. Пожалуй, это особенная порода людей, созданная для великих дел. А их братское согласие может служить также редким примером, дружба и уважение связывают их... А где-то теперь ее милый и любезный Григорий Орлов, десять лет бывший ее помощником в важнейших государственных и домашних делах? Почти ничего не делала она в последние годы, не посоветовавшись с ним... И сколько она воевала с ним за то, чтобы он не превращал свой кабинет в музей природной истории! Нельзя природу заключить даже и в огромный дворец, но он знал свое, все тащил туда, что приглянется ему... Удивительный, единственный человек, который с таким же самозабвением, как и она, был одержим плантоманией, и он тоже любил сажать, сеять, наблюдать, как проклевываются, всходят первые росточки, идут в рост. И вместе с тем никого так не смешила ее плантомания, как графа Орлова. Сколько ей приходилось сражаться с садовниками-немцами, которые привыкли все делать по старинке, все новое, что она предлагала, выводило их из себя, они отказывались исполнять ее повеления, она

сердилась, а граф Орлов смеялся, тут же находил какого-нибудь послушного мальчика, и все быстро исполнялось так, как она хотела.

«Привьются ли кедры в Царском Селе? – думала Екатерина II, все еще не решаясь пуститься в плавание по белому листку бумаги. – Прелестное место, потому что я там сажаю и сею. Мои кедровые деревья уже выжили с мизинца... Как страстно я люблю теперь сады в английском вкусе, кривые линии, пологие скаты, пруды в форме озер, архипелаги на твердой земле, и глубоко презираю прямые линии!»

Императрица вспомнила недавний рассказ Алексея Михайловича Обрезкова, передававшего свой разговор с одним из турецких министров, который из своих семидесяти сорок лет провел на службе. Говорили о римском императоре, турок слышал о нем. Но когда зашла речь об императрице-королеве, то оказалось, что он не знает этой дамы, много лет управлявшей соседней с Турцией империей.

«Милостивая государыня, – привычно начала писать Екатерина II, – я не знаю, добрее у меня сердце, чем у вас; я очень дорожу соблюдением справедливости, но, признаюсь, я при этом держусь правила, что злым надобно делать как можно менее зла; зачем следовать примеру злых? Зачем в отношении к ним становиться жестоким? Это значит нарушать обязанности к самому себе и к обществу, и вот что случилось в Дании. Эти люди, если сказать напрямик, поступили как сумасшедшие, позволив уму, склонному к тирании, действовать по его естественному расположению, и от этого непременно произойдет одно из двух: либо король будет заключен, либо мы увидим, что еще много голов полетит с плеч...»

Бег пера замедлился, и она с ужасом вспомнила все, что происходило совсем недавно в несчастной Дании...

Екатерина II жадно читала донесения своего полномочного министра в Копенгагене Местмахера, письма госпожи Бельке, расспрашивала графа Панина о предпринимаемых Россией шагах по улаживанию возникшего конфликта: Дания хотела владеть Голштинией, а это герцогство принадлежало ее сыну Павлу. Предчувствие давно ее томило, что миром эта «альковная» интрига не закончится. Так оно и было. Бесцеремонное и наглое поведение королевы Матильды и ее любовника Струензе, ставшего первым министром, вызвало взрыв негодования, таившегося до поры до времени в недрах общества. И первой почувствовала необходимость активных действий вдовствующая королева. Ночью, после веселого маскарада, когда утомленные главные действующие лица видели лишь первые сладостные сны, в покои короля Христиана вошла мать с наследным принцем Фридрихом и графом Ранцау. Совместными усилиями они убедили проснувшегося короля, что нельзя больше закрывать глаза на постыдную любовную связь королевы Матильды и бывшего ее лейб-медика и делать вид, что ничего преступного и постыдного не происходит в их королевстве. Вся Дания возмущена бедственным положением короля и жаждет его освобождения от супруги. Наконец король подписал указы об аресте Матильды, Струензе и его близких помощников. И народ радостными криками встретил это известие, собравшись на дворцовой площади. И вот тут-то молодой король мог бы найти в себе силы и стать истинным пастырем своего народа, и прежде всего вернуть все дела в естественный их порядок и течение и до конца истребить всю прежнюю необузданную ветреность. Необходимо было строго наказать виновных, но ни в коем случае не казнить их, милосердием можно было завоевать сердце народа своего и уважение всей Европы...

Граф Панин тогда же передал ее мнение Местмахеру для того, чтобы тот довел его до сведения датского двора. Но представления русского посла ни к чему хорошему не повели. Казнь Струензе и графа Бранта произвела на нее тогда ужасное впечатление, она до сих пор без содрогания не могла думать о датских событиях. «Господи, как можно было отрубить головы этим несчастным... Их казнили за то, что их государь не умеет быть государем. Если бы он был другим человеком, то как бы все это могло случиться? Теперь датчане должны беречь свои головы. Или я очень ошибаюсь, или подо всем этим кроется замысел лишить короля свободы. У него отняли жену против его воли; сколько раз он, одумавшись, просил ее возвратить ему, и бог знает, что еще сделают с ним и что заставят его сделать... И жалко его, мое сердце вооружено против бесчеловечий и людей бесчеловечных. Конечно, они в свое оправдание говорят, что боялись народного возмущения, если б поступили милостиво, но это дурное оправдание. Неужели царствующие особы должны свои поступки и действия соотносить с чувствами и вкусами всякой сволочи?.. Это самая несчастная и самая презренная из ролей, какую только можно было выбрать...»

Гневом запылало лицо российской самодержицы. Красивые черты ее лица исказились, широкий и открытый лоб, греческий нос с небольшой горбинкой, двойной, тяжеловатый подбородок императрицы покрылись красными пятнами, прекрасные глаза ее еще больше потемнели.

«Может, я сегодня не в духе, - спохватилась Екатерина II, - но датские события заставляют думать и о многих событиях в моей империи... Кто же в самом деле устоит против жестокости? Я ее ненавижу везде, где она ни является, а тут она во всей наготе... Мир необходим нашей обширной империи: мы нуждаемся в

населении, а не в опустошениях... Мир нам доставит более уважения, чем случайности войны, всегда разорительной... Ну а если война продлится, нам останется только взять Византию. И в самом деле, я начинаю верить, что это не невозможно... Но если б взялся за это рискованное дело граф Румянцев и возглавил экспедиционный корпус в Константинополь, но он возражает... Румянцев - вот кто служит препятствием нашим с графом Орловым замыслам...»

И снова глаза ее потемнели, засверкали недоброй вспышкой. Как ни подсказывал ей здравый рассудок, что Румянцев сейчас единственный выдающийся полководец, способный претворить в жизнь ее честолюбивые планы, но сердце не лежало к этому своенравному человеку, который мало считался с ее мнением по военным вопросам... «Нет, надо быть мудрой и говорить вместе с теми, которые утверждают, что мир лучше самой счастливой войны. Все теперь зависит от господина Мустафы, султана турецкого. Я готова как на то, так и на другое. Пусть себе говорят в Европе, что Россия истощена, мы еще не коснулись тысячи источников, которые другими государствами давно исчерпаны. За эти три года войны я не увеличила ни одного налога, не потому, что этого нельзя было сделать, но потому, что у нас достаточно всего, что нам нужно для победы. И пусть в Париже разглашают, что я беру в рекруты каждого восьмого, кому-то нужна эта грубая, бессмысленная ложь...»

И, словно спохватившись, что время стремительно бежит, и скоро придут ее придворные, и жизнь закрутится в привычном вихре, Екатерина II снова вернулась к неоконченному письму: «...Мои ангелы мира, я думаю, теперь беседуют лицом к лицу с этими гнусными турецкими бородачами. Граф Орлов, который, без преувеличения, первый красавец своего времени, должен действительно казаться ангелом перед такими

деревенщинами; у него свита блестящая и отборная, и мой посланник не враг пышности и блеска. Однако ж я готова биться об заклад, что его личность подавляет все его окружающее. Этот посланник изумительное существо».

Покинув охотничий домик, Екатерина почти два месяца прожила в ненавистном Петергофе, который оказался не таким уж «гадким», несмотря на ее решительное отвращение к этому месту – ведь здесь была резиденция ее ненавистного супруга. И тут, недалеко от теплого моря, петербургский двор жил своей прежней жизнью. «В самом деле, нет, я думаю, двора, где так много смеются и чувствуют так мало стеснения, как при моем, как скоро я перееду на дачу, – признавалась Екатерина II все той же госпоже Бельке 9 августа 1772 года. – В городе другое дело: там мы чиннее; впрочем, и там часто непринужденность берет верх».

Но веселье и отдых – это для двора. Сама же императрица по-прежнему немало времени отдавала делам, тем более что из-за раздела Польши обострились отношения между всеми европейскими государствами, а в Фокшанах дело мира затормозилось, скорее всего, из-за того, что шведский король узурпировал всю полноту власти и всерьез угрожает северным границам России.

16 и 23 июля Екатерина II присутствовала на заседаниях императорского совета, на которых обсуждались прежде всего вопросы, касающиеся конвенции трех государств по разделу Польши. Зачитаны были депеша князя Кауница русскому министру в Вене, ответ венского двора о своем согласии участвовать в разделе, секретнейшая декларация князя Кауница о договоренности с турками выступить совместно против России, депеша прусского короля, который советуется согласиться на требования венского

двора оставить ему Львов как возможный центр всей занятой Австрией польской территории...

А сколько всевозможных депеш, реляций, писем от Румянцева, графа Орлова, Обрезкова, Симолина, князя Долгорукова, генерала Щербинина, полномочного министра России в Австрии князя Голицына... Из Стокгольма, Копенгагена, Лондона, Парижа, Варшавы... И все эти важные вопросы обсуждались на совете, принимались решения, которые отвергались или чаще всего утверждались Екатериной II.

Конечно, совет бессилён что-либо предпринять без ее согласия. Даже прошение генерала Эссена о годичном отпуске для лечения на водах не обошлось без ее «апробации». Но он немало времени высвобождает у нее на другие дела. А без совета она б утонула в текущих повседневных делах и не имела времени оглядеться вокруг себя и посмотреть вдаль. А смотреть надобно. Австрию вот никак не насытишь, требует все новых и новых приобретений. Панин спорил с ними, доказывал, что австрийская доля при разделе – вся Галиция, вся Червонная Русь – чрезмерна и составляет столько же, сколько прусская и русская, вместе взятые. Он попытался вырвать у австрийцев город Львов и соляные копи польского короля, приносившие тому доход в миллион талеров. В этом споре с Австрией Панина поддерживал Фридрих II, но нетерпение его овладеть польской Пруссией было так велико, что он в конце концов готов был все уступить австрийцам, лишь бы взять свою долю.

Переговоры между петербургским и венским дворами еще не закончились, а австрийцы уже начали занимать свою «долю», не дожидаясь принятия конвенции. 9 июля Иосиф II писал брату, что австрийские войска под командованием генерала Дальтона заняли соляные копи и крещкий монастырь Тынец, который был захвачен конфедератами.

И перед Екатериной II и ее министрами возникли два пути, которые могут дать выход из создавшегося затруднительного положения: либо обострять конфликт с Австрией и противостоять ее алчности, либо уступить и решить таким образом умиротворение Польши. Фридрих II писал своему послу в Петербурге Сольмсу, что после зрелых размышлений он пришел к выводу, что лучше всего кончить этот спор добром и принять австрийские условия: «Переговоры с Портою не привели еще ни к чему; Франция и Англия дурно смотрят на раздел Польши. Быть может, оба эти двора употребляют все усилия, чтоб оттянуть венский двор от русско-прусской системы и заставить его скорей войти в соглашения с Турциею. Если эта интрига им удастся, то мирный конгресс рушится, дела запутаются снова гораздо сильнее, чем прежде, и для распутания их встретятся неодолимые трудности».

Естественно, прусский посол известил Панина о полученной королевской депеше, который не замедлил поставить в известность об этом Екатерину II, а затем и совет.

В те же дни поступило письмо князя Кауница, в котором он настаивал оставить в «доле» Австрии Львов и соляные копи, но соглашался исключить Люблинское и Хелмское воеводства, передав их для «кормления» польскому королю вместо соляных копей. Пруссия и Россия согласились с этими требованиями.

Осталось лишь выработать положения манифеста, что и было в ближайшее время согласовано между тремя правительствами. И, обо всем договорившись, приступили к практическим делам.

Об этих практических делах можно судить по протоколам совета, заседания которого не прекращались в это беспокойное время. Так, 13 августа Екатерина II, присутствуя в совете, утвердила заготовленные действительным тайным советником

графом Паниным рескрипты: один - к генералу графу Чернышеву о вступлении между 1-м и 7-м будущего сентября во владение присоединяемых от Польши земель; другой - к посланнику графу Остерману о его поведении на случай, если в Швеции произойдет перемена образа правления. Рассмотрена также реляция генерал-фельдмаршала графа Румянцева о полученных им от визиря письмах, в которых тот высказывает удивление, что по сию пору не установлено в архипелаге перемирие и продолжаются стычки между русскими и турками.

16 августа на совете генерал граф Чернышев доложил о полученных от Выборгского обер-коменданта рапортах, в которых сообщалось о показаниях перешедшего границу шведского офицера. Тот известил, что полковник Спренгпорт принуждает несколько городов принимать присягу королю и об отъезде сего полковника с двумястами солдатами для сего же предприятия в Стокгольм водою. Из этого и других фактов делается вывод: в этом году шведы, занятые своими внутренними проблемами, вряд ли решатся на войну с Россией. Однако для предупреждения угрозы не помешает двинуть к шведской границе находящиеся в Финляндии войска легкой полевой команды. Надобно также поторопиться со спуском и вооружением нескольких кораблей и галер на воду и повелением капитану флота Базбалу, чтоб он крейсировал в Финском заливе.

Так весь август прошел в волнениях и ожиданиях. Екатерина II ждала вестей из Фокшан, ждала с нетерпением радостных и ликующих писем графа Орлова. Но письма приходили унылые, грустные. Во всяком случае, того успеха, которого так ждала от него императрица, не получалось. Но, как ни странно, и не жалела об отсутствии своего любезного помощника во

многих государственных делах. Что-то надломилось в ней, и ей стало казаться, что близость с графом Орловым уже не принесет ей блаженного покоя и радости, порой она чувствовала, как он стремится возвыситься до первого в государстве лица, встать с ней вровень, а может, и подчинить ее своему влиянию. Его стремление возглавить экспедицию на Константинополь, в то время как со стороны Дарданелл ударит его брат Алексей с русским флотом, стало ее страшить. И она поняла, что ошиблась, вознаградив Григория после Москвы такими высокими почестями. Граф Орлов, как и всякий оказавшийся в его положении, не выдержал проверки славой и вознесся гораздо выше, чем ему полагалось...

Фокшанский конгресс рушился, она это чувствовала и считала себя в том виноватой. Нужно было довериться Обрезкову, опытному дипломату, который хорошо знал обычаи и нормы поведения хитроумных турок, да и не позволял бы себе нести «отсебятину», как это порой делал граф Орлов. И в то же время она чувствовала необходимость отдалить его от себя. Поведение Григория все больше вызывало нареканий со стороны графа Панина и многих других государственных мужей... Были и другие причины охлаждения к фавориту. Совсем недавно императрица обратила внимание на милого, застенчивого поручика Васильчикова, командира небольшого отряда гвардейцев, сопровождавших ее во время переезда из Царского Села в Петергоф. Тогда она подарила ему золотую табакерку «за исправное содержание караулов». Никто не обратил на это внимания, только самые интимные друзья поняли, что происходит в ее душе. Но вскоре это становится известным и тонким наблюдателям жизни петербургского двора. Один из них, прусский посол граф Сольмс, писал Фридриху II 3 августа 1772 года: «...Не могу более воздерживаться и

не сообщить Вашему Величеству об интересном событии, которое только что случилось при этом дворе и которое привлечет внимание как России, так и других государств. Отсутствие графа Орлова обнаружило весьма естественное, но тем не менее неожиданное обстоятельство: Ея Величество нашла возможным обойтись без него, изменить свои чувства к нему и перенести свое расположение на другой предмет. Конногвардейский поручик Васильчиков, случайно отправленный в Царское Село для командования небольшим отрядом, содержащим караулы во время пребывания там двора, привлек внимание Государыни... Наиболее выигрывает от этой перемены граф Панин. Он избавляется от опасного соперника, хотя, впрочем, и при Орлове он пользовался очень большим влиянием, но теперь он приобретает большую свободу действия как в делах внешних, так и внутренних. Удаление Орлова уже произвело хорошее действие в том отношении, что Императрица сделалась ласковее к Великому Князю... Впрочем, что-то будет дальше и как отнесется ко всему этому родня Орлова? Есть и недовольные этою переменою, например оба Чернышева... Сам Орлов извещен обо всем происходящем, и трудно решить, какое влияние будет иметь это известие на успех его поручения. Продлит ли он свое отсутствие или же поторопится возвратиться сюда?..»

Когда события в Петергофе приняли столь драматический характер для Григория Орлова, в Фокшанах четыре заседания конференции не дали никаких положительных результатов. И граф Орлов в ультимативной форме заявил, что если турки не признают татар в Крыму независимым народом («Понеже история и испытания всех времен доказывают ясно, что главнейшею причиною раздоров и кровопролития между обеими империями были татары, то для истребления той причины для переду надлежит

признать сии народы независимыми», – говорил он на третьей конференции 1 августа), то нечего больше собираться и говорить обо всяких «мелочах».

Ультиматум был передан австрийскому и прусскому послам для того, чтобы они передали его Осману. Дважды возражал против этого шага Обрезков, но упрямый Орлов не согласился с этим предложением. Он понял, что продолжать переговоры, не добившись главного – признания Крыма независимым государством, – это значит унижать достоинство России; после покорения татар силой оружия российской императрица дарует им вольность и независимость по их просьбе. Право завоевания, считал граф Орлов, – это высшее право в международных отношениях.

И 18 августа Орлов отправил в Петербург депешу, в которой объяснил свою позицию, что после многих попыток не удалось доказать право татар на независимость от турецкого султана, что турецкие послы намерены возвратиться в свой лагерь. А он, граф Орлов, предлагает фельдмаршалу Румянцеву, как только закончится перемирие, нанести туркам чувствительный удар.

Румянцев вскоре узнал о бесплодности дипломатических усилий в Фокшанах и 21 августа писал графу Орлову: «Получа теперь уведомление от Алексея Михайловича, что упорство турецких уполномоченных разрушает меры, предположенные для взаимного добра обеих империй, и вводит нас и паки в продолжение войны, хотя могу еще думать, что мой милостивый граф, постигая, может быть, притворство оттоманов, вооружится против того терпением, но если бы ничего только не было верного, как разрыв совершенной Вашей неготиации, в таком случае прошу я Вашего сиятельства предварить меня уведомлением, нужно ли теперь ознаменовать уже движением войск к

Дунаю наши меры, относящиеся к военным действиям?..» Конечно, нанести «чувствительный удар» сейчас невозможно, потому что в армии много больных «и многолюдства нельзя нам показать на нашем берегу». Но он, фельдмаршал Румянцев, сделает все, чтобы продемонстрировать силу и мощь русской армии.

Известия о неудаче переговоров, которые Румянцев получал из Фокшан, огорчали его. Он хорошо понимал положение, в котором оказалась Россия, с нетерпением ждущая мира и не достигшая его. Она снова оказывалась в тенетах случайностей войны. Мир или случайности войны – такого вопроса для Румянцева не существовало. Конечно, мир.

На несколько дней, как только послы отбыли из Ясс в Фокшаны, он покинул главную квартиру и уехал в небольшую молдавскую деревню. Хотел отдохнуть и набраться сил для новой кампании, которая может начаться в сентябре – октябре, если переговоры окажутся безрезультатными. Но даже эти несколько дней он провел в опасении, что в Яссах что-то может произойти экстренное и вынудит его покинуть этот спокойный уголок. Хотя и тишина-то была кажущейся: то возникали конфликты с австрийцами, жаждущими отхватить как можно больше польской земли, подлежащей разделу, то на море возникали стычки между турецкими и русскими кораблями, то из Польши приходили недобрые вести.

Послал однажды Румянцев галиот из Измаила для промера Черного моря подле буджацких берегов под видом якобы перевозки провианта в Аккерман и Гаджибей. Но судно попало в жестокий шторм и вынуждено было зайти на рейд турецкой крепости Очаков. Сначала тамошний паша растерялся, опасаясь, что за галиотом последует и весь русский флот, но потом поверил в случайность происшествия. Оказав дружескую помощь в починке галиота, обратился к

командующему корпусом в Бессарабии, чтобы прислали офицера за потерпевшим судном и его командой. Румянцев повелел послать туда офицера для свидетельства добрых намерений судна и его команды и для того, чтобы попутно осведомиться о положении и силах тамошней крепости.

Вот еще один случай: турки напали на наш корабль. Нужно ли писать о нем в Петербург? Или же умолчать, посчитав сие недоразумением?

А сколько возникает новых и непрестанных забот из-за алчности Австрии, стремившейся занять и Вельский повет, и Червонную Русь с округом Львовским! Румянцев, выполняя высочайшее повеление, старался остановить идущих на полном марше австрийцев, писал графу Гадику письма. А тот ссылался на повеление своего двора. С другой стороны, из Фокшан к нему приходят вести о двуручнической возне австрийского посла Тугута, противодействующего русским на переговорах... Вот тут и пойми, какую позицию по отношению к России занимает венский двор. Петербург же не торопится ответить на мучительные вопросы фельдмаршала, все приходится решать самому, на свой страх и риск, хотя хорошо знал: в случае неудачи последует окрик из Петербурга.

Как мало он знает, часто думал Румянцев, чуть ли не каждый день сталкиваясь с необходимостью решать именно крупные вопросы политической жизни России. И чувствовал в себе силы великие, но постоянно ограничивал себя, по опыту зная, что в Петербурге почтут это превышением своих полномочий. Но неужто в Петербурге не видят, что польза России от дружбы с венским двором только в том случае будет, если цесарцы проявляют действительную искренность? В том же случае, если ее не будет, то невозможно предвидеть, чем это кончится.

На первый взгляд покойно, тихо в маленькой деревушке, где вот уж несколько дней отдыхает фельдмаршал Румянцев. И сюда, конечно, привозили срочные пакеты, донесения, депеши, реляции. Ни одного дня не проходило без того, чтобы кто-нибудь да не приехал.

1 августа 1772 года Румянцев писал Панину, что он, «пользуясь тишиною повсеместною и происходящими в сие время договорами между послами о мире, взял себе отдохновение на несколько дней в сей маленькой деревеньке, которую одну я нашел с выгодами, хотя и скудными, для человека моего состояния, то есть что я передал себя совсем в руки докторские, ища поправить мое здоровье, которое претерпело до крайности от разных болезненных припадков, что тем удобнее расширились, когда во все три прошедшие кампании выдерживал я зной и стужу, худое имея против них защищение в палатке...».

Но события на конгрессе приняли столь драматический характер, что Румянцеву вскоре пришлось вернуться в Яссы. Прибывавшие из Петербурга курьеры разнесли по Яссам слух, что дни графа Орлова как фаворита императрицы сочтены, что она уже нашла ему замену, а его оставляет в армии под началом графа Румянцева. Слух этот и радовал, и огорчал Румянцева. Григорий Орлов не так уж мало сделал для него хорошего в первые годы пребывания императрицы у власти. Но последнее время все больше и больше возникало между ними разногласий по стратегическим вопросам. А Орловы, Чернышевы, Разумовские, Вяземский, Голицыны и некоторые другие влиятельные при дворе деятели всеми силами и средствами стремились избавиться от Панина, сторонника гибкой политики в международных отношениях. Румянцев же крепко связал себя с Паниным, который покорила его многогранностью своих

познаний, умением разобраться в самых сложных закулисных интригах и великолепным пониманием интересов России, не только ближних, сиюминутных, но и дальних, от которых зависели грядущие успехи Отечества.

Личные симпатии фельдмаршала всегда отступали перед интересами России. Сколько раз граф Орлов и здесь, в Яссах, упрекал Румянцева за то, что он не готовит «чувствительнейший удар» по туркам после перемирия, которое вот-вот может закончиться. И на все резоны ничего не хотел слушать; давай ему «удар», и все тут... Никак не хотел понять, что июль, август и сентябрь – это как раз то время, когда турецкие войска собираются в самом полном виде и в лучшем ополчении. Теперь и многочисленный флот неприятеля появился в Черном море, а к осени снова уйдет зимовать в Царьград из-за того, что в Очакове худой рейд. «К чему же сейчас готовить «удар», если можно ударить тогда, когда разбредется половина войска турецкого по домам, как они это делают ежегодно?.. И как сейчас начинать бои, если собирается жатва с полей? Ведь этой благодатной поры жители были лишены все три кампании. Пусть уж воспользуются теперешним спокойствием, ведь в этом году они засеяли свои поля, слыша постоянные разговоры о мире, и мы могли бы этим урожаем воспользоваться и несколько обновить наши запасы...»

Да и какой «удар», да еще чувствительный, он может нанести? Внутреннее состояние армии хуже некуда, как ни старались привести ее в боевое состояние генералы и высшие офицеры. В частях большая доля новоприведенных и еще не обученных рекрутов, особенно в кавалерии. Есть и такие полки, где больше половины составляет сия слабая неуч. И что же – бросать ее, необстрелянную и неопытную, на сильную турецкую кавалерию? Нет, тут нужно подождать,

выучить ее. К тому же и непривычка к климату, и дальний путь, который прошла эта неуч, ослабили ее настолько, что всякая болезнь липнет... И если их употребить к прямым военным действиям, то легкой жертвой они станут для турок.

Так что пусть граф Орлов успокоится, в эти месяцы Румянцев не поведет свои корпуса на турок. Нужно продлить срок перемирия хотя бы до октября, а то они могут воспользоваться этим временем, когда они в полном сборе.

Так думал Румянцев, ожидая вестей из Фокшан. А приходящие вести мало радовали его. А вскоре и совсем разочаровали. В Яссы, без свиты, той пышной, которая поражала воображение еще совсем недавно, примчался граф Орлов и вскоре, в сопровождении самых близких своих друзей, в простой курьерской кибитке, запряженной парой лошадей, спешно отбыл в Петербург. Румянцеву стало ясно, что слухи о падении графа Орлова, скорее всего, действительно не лишены оснований... Сколько уж на его веку таких перемен в судьбах некогда блестящих вельмож мира сего! А может, еще удержится? Красив, умен, ладен, но вот упрям... А таких не долго любят.

Глава 2

Поездка по Дунаю

Через две недели после поспешного отъезда графа Орлова из Фокшан Румянцев получил письмо от верховного визиря, в котором выражалась надежда, что мирные переговоры вскоре возобновятся, а пока необходимо для выгод обеих империй продлить перемирие. «Известно Вашему сиятельству, - писал визирь, - что от начала правления моего и по сей час, всегда имел я намерение приобрести мир обеим империям, для общего их блага и взаимного благоденствия их подданных. Мне известно, что мысли Вашего сиятельства ни к чему иному устремлялись, как ко благу и миру... При получении сего станет Вам известно, что теперь нарочными уже разосланы императорские повеления, дабы все мусульманские войска, находящиеся у берегов Дуная, соблюдали перемирие во все предписанное время...»

21 сентября 1772 года Румянцев подписал соглашение «на продолжение вновь перемирия, от сего месяца, на 40 дней».

Снова началась обычная в таких случаях переписка между Румянцевым и верховным визирем, между Петербургом и Яссами. Граф Панин в своих письмах давал подробные наставления Румянцеву и Обрезкову, которым предстояло продолжать мирные усилия России.

Переговоры состоялись в Бухаресте с 29 октября 1772 года по 9 марта 1773 года, но закончились, в сущности, столь же безуспешно, как и в Фокшанах. Турецкий уполномоченный упрямо отказывался признать независимость крымских татар. Даже тогда, когда Россия подписала договор с татарами,

начинавшийся с провозглашения «союза, дружбы и доверенности между Россией и Крымским ханством». Россия признавала самодержавную форму правления при выборном хане, причем «ни Российская империя, ни Оттоманская Порты и прочие посторонние, никто и ни один, ни в чем вмешиваться да не имеют». Крымское ханство признавало древние права России на Большую и Малую Кабарду, обязывалось «противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом» не оказывать помощи. Договор точно определял территорию Крымского ханства, сохраняя крепости Керчь и Еникале за русскими войсками, которые могли гарантировать Крыму свободу и независимость.

Кроме договора татары провозгласили также декларацию о своей независимости и призывали Блистательную Порты и все другие государства «формально признать Крымский полуостров с ногайскими ордами свободным, неподначальным и собственную его власть ни от кого не зависимою».

Но в Бухаресте ни договор, ни декларация не произвели желаемого воздействия на турецкого уполномоченного. По-прежнему турки отказывались признать право России на использование Черного моря для свободного плавания ее кораблей и право крымских татар на свободное и независимое существование.

Екатерина II, узнав об упорстве Порты на переговорах в Бухаресте, о трудностях, которые ждут Обрезкова в Бухаресте при заключении мирного договора, прислала записку в совет, содержащую «в себе рассуждение Ея Величества, что если при мирном соглашении не будет одержана независимость татар, ни кораблеплавание по Черному морю, ни крепости в проливе из Азовского в Черное море, то со всеми победами не выиграли мы ничего, и что такой мир

будет, в рассуждении обстоятельств, столь же постыден, как Прутский и Белградский...».

Так было записано ее мнение в протоколах совета. Ясно было, что Екатерина II не отступится от своего даже в том случае, если начнется шведская интервенция, о которой ходило столько слухов по европейским дворам.

Что же происходило в Швеции в это время? Историки и мемуаристы много внимания уделяли шведским событиям. Лишь спустя время опытные политики поняли, что ошибались, принимая слова шведского короля и его приспешников за реальные дела. Молодой шведский король, тяготившийся противоборством французской и русской партий в государстве, своей зависимостью от государственных чинов, без позволения которых он не мог сделать и одного самостоятельного шага, в августе 1772 года захватил всю полноту власти и объявил сейму новую конституцию. Повсеместно стали приводить к присяге, которая обязывала граждан повиноваться всем повелениям короля. Это событие вошло в историю как шведская революция, и на этот переворот в форме правления Швеции будут не раз указывать и Екатерина II, и Панин, и Румянцев... переворот был совершен на деньги Франции и при полной ее поддержке. Это был наиболее чувствительный удар по внешней политике Екатерины, и она прекрасно понимала, что эти перемены на севере решительным образом могут повлиять на переговоры о мире с Турцией. Так оно и получилось.

Угроза войны на севере, пусть и не сиюминутная, а отдаленная, поставила перед правительством России новые серьезные задачи. Первые же поездки на шведскую границу графа Апраксина и самого вице-президента Военной коллегии графа Чернышева убедили совет и Екатерину II, что необходимо укреплять

пограничные крепости Фридрихсгам и Вильманstrand, а между ними возвести еще одну.

Шведский король Густав III успокаивал Екатерину II, что перемена в форме правления в его государстве ничуть не меняет его дружеских чувств по отношению к Великой России и к ней лично как родственнице и союзнице Фридриха Второго, которому он поклонялся не только как племянник своему дяде, но и как военный человек великому полководцу. Но Екатерина II едко высмеивала шведского короля как зарвавшегося в своих амбициях мальчишку.

И в конце августа 1772 года Екатерина II спрашивает Вольтера: «...Кстати, что вы скажете о революции, происшедшей в Швеции? Вот нация, которая менее чем в четверть часа теряет свой образ правления и свою свободу. Государственные чины, окруженные войском и пушками, в двадцать минут обсудили пятьдесят два пункта, которые они принуждены были подписать. Я не знаю, приятное ли это насилие, но я вам ручаюсь, что Швеция утратила свободу и что король этой страны такой же деспот, как турецкий султан, и все это через два месяца после того, как государь и весь народ взаимно поклялись строго сохранять обоюдные права свои. Не находит ли отец Адам, что совесть у весьма многих в опасности?»

Шведский король надеялся не только на поддержку Франции, но и на одобрение его действий со стороны Фридриха II, которому тоже приходилось не так уж давно противостоять чуть ли не всей Европе. Но Фридрих II был уже не тем отчаянным забиякой, который воевал с Австрией и Россией во время Семилетней войны и требовал сиюминутных выгод для своей страны. Он теперь больше сидел за «карточным» столом, то и дело раскладывая политический пасьянс, и с меньшими потерями выигрывал многое. Поэтому он прежде всего постарался образумить своего

племянника, внушая ему мудрые мысли, к которым он пришел за долгие годы своего царствования. Он хорошо понял, что если существуют в государстве две партии, враждующие между собой, как, например, «шляпы» и «колпаки» в Швеции, то король должен начать с их примирения и этим утвердить свой престол. Это нужно делать спокойно и не спеша, а главное, не слушать злых внушений, исполнение которых может поссорить с сильными соседями. И прусский король не исключал возможности войны против родного племянника, если он не образумится. Екатерина II ценила такую твердость союзника, но вместе с тем не скрывала своего уязвленного самолюбия, не скрывала, что эта «революция» во многом нарушила ее политические планы. «Все это было бы для нас семейным делом, – писала она прусскому принцу Генриху, – мы погоревали бы, побеспокоились. Но, к несчастью, шведская революция имела другие причины. Ваше королевское высочество это хорошо знаете. Переворот произведен интригой и деньгами Франции, а не опасностью, которой подвергался король, не желанием возвратит свободу нации. Будучи уверена, что переворот произведен державою, самую враждебную моим делам, и что государь, связанный со мною самыми близкими кровными узами, обманут ею, будучи проникнута горестию как родственница, что я должна чувствовать как русская императрица, обязанная заботиться о безопасности своего народа?»

Екатерина II не скрывала своего раздражения, узнав о том, что в Швеции поощряются антирусские настроения. Она писала своему послу Остерману, чтобы он довел до сведения шведов, что она не обманута «пустыми комплиментами вероломного короля», а Россия должным образом встретит нападение шведов на русские территории, если таковое произойдет. А пока соседи Швеции будут оставаться относительно ее

в оборонительном положении и наблюдать за происходящими событиями.

И фельдмаршал Румянцев в эти месяцы не знал покоя. Внимательно следил за начавшимися переговорами в Крыму, подолгу разговаривал с приехавшим из Фокшан Обрезковым о причинах разрыва мирного конгресса, о графе Орлове, его судьбе, о придворных интригах в Петербурге и как они мешают нормальному свершению военных и политических дел. Потом, когда Алексей Михайлович уехал в Бухарест для продолжения переговоров о мире с Турцией, Румянцев надеялся, что большой дипломатический и жизненный опыт его друга окажется сильнее и действеннее в спорах с турецкими дипломатами и наконец-то здравый рассудок победит амбиции воюющих империй и мир будет заключен. Но даже выдающиеся дипломатические способности русского тайного советника не смогли преодолеть каменной стены рутинерства и высокомерия Блистательной Порты. В начале нового, 1773 года стало уже ясно, что мирные переговоры зашли в тупик: турки упрямо твердили, что на земле не может быть двух независимых государей магометанской веры, один из них должен подчиняться другому или погибнуть. Так что независимость Крымского ханства Турция признать не может. Это упорство удивляло Румянцева, ведь верховный визирь так доказывал в письмах к нему свою склонность к миру, видя в этом волю Божию, а на поверку выходили все те же дипломатические «увертки» и «извороты», которые Румянцев по своей прямодушной натуре не любил и презирал.

В середине февраля 1773 года, понимая, что новая кампания неминуема, фельдмаршал предпринял поездку по Дунаю от Браилова до Журжи для знакомства с состоянием вверенных ему войск.

Встречаясь с командирами дивизий и корпусов, Румянцев откровенно признавался, что еще неизвестно, какие результаты ожидаются на конгрессе в Бухаресте. Но время перемирия подходит к концу, а потому и нужно быть готовыми к военным действиям не позднее 9 марта. А так как в это время невозможно действовать крупными, совокупными силами наступательно, то нужно принять необходимые меры для того, чтобы преградить неприятелю доступ на наш берег. Ну а если неприятель где-либо станет переходить Дунай, то и к этому непредвиденному случаю нужно быть готовыми. Для этого заранее заложить магазины с сеном для кавалерии и для провианта на подступах к реке, необходимо также иметь сено в кипах, ролями увитых, чтобы брать с собою во вьюках. Румянцев не любил вмешиваться в распоряжения своих командиров, но тут давал указания чуть ли не на все возможные случаи военных действий.

Как только время позволит, указывал Румянцев, и появится первая трава, надо установить лагерь непосредственно в тех местах, где будут происходить военные действия. При этом использовать все выгоды своего местоположения для скорейшего и выгоднейшего отражения неприятельских сил и для сохранения своих складов, постоянно поддерживать связь с соседними дивизиями и корпусами. Он предлагал в ожидании какого-либо генерального действия вести разведку, открывать слабости неприятеля, пользоваться ими, делать вид, что атакуешь главные его посты, а в это время разбивать отдельные его отряды и меньше других укрепленные места, им занятые. В военном наступательном искусстве это стало общим правилом, но своевременно напомнить его Румянцев считал нелишним. «Учреждать согласно свои предприятия» – вот о чем не уставал напоминать Румянцев.

Проезжая к Дунаю и по Дунаю, Румянцев видел, что не везде мосты и переправы между дивизиями и корпусами содержатся в исправном состоянии. И если не поправить их, то как смогут наладить взаимодействие соприкосновенные дивизии и корпуса? И Румянцев снова и снова напоминал эти общие правила военного искусства, где добром, а где учинял подлинный разнос за нерадивость и плохое исполнение своего служебного долга.

После поездки по Дунаю Румянцеву стало многое яснее и виднее, и 28 февраля 1773 года в циркулярном письме командирам дивизий и корпусов он изложил свои рекомендации и мысли. «...Известная мне ревность и амбиция всех начальников обнадеживают меня их бдением, как со стороны осторожности, так и в приобретении себе славных случаев неусыпным рачением. Но я не даю сим повеления открывать военные действия прежде окончания срока перемирия, которое должно свято сохранять, а говорю, чтоб приготовились только к производству предприятий... и об осторожности, которую всегда хранить должно», – писал Румянцев.

В послании генералу Потемкину фельдмаршал приказывал принять уведомление Обрезкова о прекращении переговоров «за прямую ревнительность к брани». А в оставшиеся дни перемирия «сделать завременно всякие приготовления и учредить» связь со второй дивизией, в частности с генерал-майором князем Трубецким установив взаимные сношения, договориться о совместных действиях против неприятеля, предварительно разведав его силы и намерения.

Это предупреждение фельдмаршала совсем не лишнее. Уж очень вольготно чувствует себя молодой красавец на зимних квартирах. Не раз Румянцеву доносили о гульбе и попойках, которые он устраивал. Да и вообще пора было подтянуть дисциплину в армии,

которая за время мирных переговоров частично утратила свои боевые качества, накопленные за годы войны. Вот недавно Румянцев проезжал по второй линии первой дивизии. На отводном пикете увидел поручика. Фельдмаршал подъехал к нему и спросил, что зависит от его поста и знает ли он Обряд службы от 8 марта 1770 года. Оказалось, что поручик Каховский не только не знает Обряд службы, но даже и не читал его.

Вернувшись в главную квартиру, Румянцев тут же издал приказ по армии: всем полковым командирам надлежит строго спрашивать со всех своих подчиненных за твердое знание Обряда службы, и предупредил: впредь фельдмаршал никаких оправданий принимать не будет и станет строго наказывать тех, кто не будет хорошо его знать. Всем рекомендуется иметь его в кармане, для того чтобы всегда был под рукой. «Поручика ж Каховского за незнание точной должности арестовать немедленно, приказав исправлять должность, и в походе перед полком весть пешком две недели».

Поездка по Дунаю была полезной, но погода стояла суровая, ледяной ветер пронизывал теплую одежду. И, вернувшись из поездки, Румянцев почувствовал себя больным. Первое время крепился: столько было неотложных дел. Но в середине марта Петр Александрович почувствовал себя совсем плохо и по настоянию доктора слег в постель. Старые болезни навалились на него в самое тревожное время: Обрезков писал ему, что предъявленные пункты его ультиматума Турция оставила без ответа, а уполномоченный посол собирается покинуть Бухарест. А это означало лишь одно – снова война...

Болезнь временами немного отпускала, и Румянцев чувствовал себя лучше, вставал, накидывал теплый халат, добирался до стола и медленно перебирал письма, высочайшие рескрипты, собственные записи,

накопившиеся за годы войны. Никто ему не мешал, и он спокойно размышлял о собственной жизни, о текущих делах, о недавно пережитом, о друзьях, которые сопровождают его многие годы. И получалось, что многое в жизни его не удовлетворяет. Нет, он вовсе не скептик, брюзжащий по каждому поводу, недовольный всем и вся. Вот совсем нет...

В августе прошлого года получил он письмо от императрицы, в котором она извещала его о том, что его сыновья Николай и Сергей пожалованы в камер-юнкеры высочайшего двора; разве это может не радовать отцовское сердце, когда перед его сыновьями открывается столь лестный жребий! Что может быть больше этой радости? Или вот получил он уведомление о пожаловании ордена Святого Александра давнему его другу и сослуживцу еще по Семилетней войне Александру Ильичу Бибикову, и эта весть обрадовала его, ибо сей знак высочайшей милости получен в воздаяние славных трудов, Отечеству полезных. Румянцеву был по душе этот благородный, честный, талантливый генерал, который без тени недовольства поехал в Польшу, принял начальство над русским корпусом и своим обходительным отношением быстро завоевал сердца короля Станислава-Августа, его министров и влиятельных магнатов. Он соединил раздробленные русские отряды в несколько крупных и расположил их таким образом, чтобы контролировать положение в стране, лишив конфедератов прежней свободы действий.

То кротостью и снисхождением, то твердостью и суровостью, то бескорыстием и любезностью славный друг Румянцева завоевал доверие многих польских вельмож, а главное, снискал благосклонность красивейших женщин, которые всегда оказывали столь значительное влияние на дела в государстве. Король, его братья и дядья почувствовали слабую сторону

Бибикова: легко увлекается женщинами; вот и командуют им то жена маршала Любомирского, то жена гетмана Огинского, то другие красавицы, подставленные королем. Чарторыйский – канцлер, эта старая лисица, вызвал с той же целью из Литвы дочь Пршездецкого. Бибикову не дают ни одного дня отдыха: то охота, то загородная прогулка, то бал, развлечения всякого рода, сопровождаемые самой низкой лестью и угодничеством со стороны поляков. И таким образом держат его в цепях. «Нет, Бибиков не только «пожиратель женщин», но и замечательный человек, полезный своему Отечеству. Он еще покажет себя у нас, в нашем Отечестве. Не зря ж его избрали маршалом депутатского собрания, на котором зачитали большой наказ, вечный памятник мудрости Екатерины II, который можно назвать всеобщим законоположением и всем земным обладателям наставлением. Пусть женщины... А кто устоит перед красотой и наслаждением, от них испытанными? Ведь и наша императрица не отказывается от наслаждений, что нам-то, грешным, остается...»

Румянцев вспоминал красивое умное лицо своего друга, который не раз бывал у него в Глухове. Не раз сидели они за общим столом, поверяя друг другу сердечные тайны.

Крепко угнездившись в кресле и перебирая на столе памятные бумаги, Румянцев вдруг обнаружил под рукой высочайший рескрипт, который императрица прислала ему сразу же после крушения Фокшанского конгресса. Послание было отправлено 4 сентября, где-то недели через две получено, когда верховный визирь и он, фельдмаршал Румянцев, начали переговоры о возобновлении мирной конференции. И она, российская императрица, выражает надежду на возобновление прерванной негоциации, но для этого необходимо возбудить в турках новую к тому склонность и

собственное желание. «Вроде бы не мы навязываем им мир, а они сами его желают». «Испытав многими и отличными опытами искусство ваше, – читал Румянцев дорогие ему слова рескрипта, – купно же и патриотическое усердие к службе нашей и отечества, имеем мы наперед твердую надежду, что вы потщитесь в полной мере оправдать нашу в толь важном случае на вас возлагаемую доверенность...»

Конечно, что греха таить, ему было лестно читать признание его полководческих заслуг и высокое доверие, которое ему оказывали и на этот раз, представляя к новым лаврам. И этот случай состоял в том, что если переговоры с турками не возобновятся, то она предлагала, нимало не теряя времени, нанести неприятелю чувствительный удар. В чем же может состоять этот удар? Или в том, что он, Румянцев, разгонит главную армию верховного визиря; или в том, что он разгромит какой-либо знатный корпус его войск. В обоих случаях она предлагала произвести поиски таким образом, чтобы этой победой закончить очередную кампанию.

Конечно, ничего нет лучше, чем разгромить главную армию верховного визиря, войти в Константинополь и предъявить султану ультимативные требования. Но в жизни так не бывает, особенно в войне: и турки желают победить, а не только русские. Привыкли в Петербурге к нашим победам и думают, что они легко достаются. А на деле совсем не так.

Тогда, в сентябре – октябре 1771 года, пронесло опасность. К счастью, возобновились переговоры, за это время поуспокоились дела со Швецией и Польшей. Несколько улучшаются отношения с Францией. Возвратили те несколько полков, которые в испуге отобрали у него после шведской революции. И вот сейчас снова требуют нанести чувствительный удар... И даже не спросят, в каком состоянии армия. Может ли

она нанести этот удар? А сколько ошибок, просчетов допустил Петербург в прошлом году... Румянцеву тяжело было вспоминать все события, которые так ослабляли его армию. К тому же еще в октябре прошлого года снова почувствовал болезненные припадки, которые довели его еще тогда до полного изнеможения. «А кому какое дело до того, что ты чувствуешь и переживаешь? - думал Румянцев, вспоминая чувствительные удары по его самолюбию за последние месяцы, когда так обострилось положение России на международной арене. - Только другу сердечному Никите Ивановичу Панину я мог тогда признаться, как больно ударила меня весть, которую бросил в Яссах граф Орлов, в спешке отбывая в Петербург: если нельзя срочно нанести чувствительный удар по крепостям турецким, лежащим на супротивном берегу Дуная, то нужно приуготовить здешние крепости к подрыванию, опустошить здешний край и вывезти всех жителей в пределы Российской империи, обеспечив их всем необходимым. Как можно было даже думать об этой возможности? Понятно, в это время опасались не только турок, но и цесарцев, заключивших с ними тайный договор и тоже стремившихся в пределы этих княжеств. Но мог ли я исполнить эту монаршую волю? Как можно сгонять людей с веками насиженных мест? Другое дело, когда предлагаем им покинуть поле будущего сражения, особенно по берегам Дуная. Тут они сами уходят, как только видят, что наши войска разбивают лагерь, уходят в леса и горы; там, конечно, безопаснее. А потом-то снова возвращаются! Тут ничего не поделаешь - война за свободу от магометанского ига, тяготы известные. Но как можно подрвать все крепости и взять всех жителей? Такое решение Петербурга кого угодно приведет в наичувствительнейшее прискорбие и смущение. Однако кто же знал, что именно граф Панин предложил эту

крайнюю меру, а граф Орлов только повторил его слова, может впервые в жизни согласившись с ним. Сейчас настает нужда в приумножении сил военных. Сюда нужно присовокуплять войска из других частей, и только после этого можно нанести чувствительный удар, о котором так мечтает всемиловейшая. А пока...»

Горько стало Румянцеву при воспоминании о том, в каком состоянии находятся его войска. Строго спрашивает он с командиров дивизий и корпусов, наказывает тех, кто не блюдет дисциплину, порядок в армии. Но беда в том, что жизненные обстоятельства бывают иной раз выше всех личных устремлений, и усилия всего личного состава армии оказываются в борьбе с ними тщетными. Сколько раз он писал в Петербург о разрушительном действии моровой язвы, сколько погибло от нее в Москве, в Крыму истреблен язвою почти целый Селенгинский полк... Еще в сентябре 1772 года Румянцев писал Панину, что сама по себе война с турками «не страшна и не тягостна подлинно, как многие ее воображали по свойствам и силе неприятеля, но по неразрывно с оною совокупленным болезням – прямо пагубна... Бывшая в Фокшанах команда, заразившись оною, и поныне ее претерпевает, а сие наибольшее мне смущение наносит. Боже отврати, чтоб она далее не распространялась и не коснулась вновь пределов наших!».

Графу Панину открывал Румянцев «наичистосердечнейшим образом внутреннее и наружное» свое состояние.

По письмам его действительно можно судить, что в это время фельдмаршал внимательно следит за всеми мало-мальски заметными событиями военной и политической жизни, ведет обширную переписку с влиятельными людьми своего времени, получая из первых рук сведения из Польши, Крыма, Петербурга,

Москвы... Он хорошо осведомлен о положении в Швеции, Франции, переписывается с австрийскими генералами, регулируя многие спорные вопросы, возникавшие при разделе Польши. Высказывал дельные мысли по текущим делам...

Поддерживал Румянцев постоянную связь и с генералом Щербининым, который вот уже давно добивался заключения с татарами Крыма договора о вечной дружбе как с самостоятельным и независимым от Порты государством. Именно успехи Щербинина подали ему мысль, которую он тут же сообщил в Бухарест Обрезкову: «...не лучше ли, под пристойными видами, продлить время, не решаясь ни на что, до крымских дел касающееся, и особливо на упомянутые два артикула, до получения от г-на Щербинина дополнительных уведомлений, между чем будем снабжены и от Двора наставлениями по новым переменам относительно к сей материи. Известие о заключении переговоров с татарами каналом своим неминуемо и вскоре дойдет и к сведению турков, из чего и настанет большее удобство, по познанию их мыслей и намерений, расположить нам свои, и надлежит ожидать, что коль татары торжественным актом изъявят свое согласие с нашими предположениями, то надежда к развращению их и ухищрению турков исчезнет, и сии последние в намерениях и предложениях своих преклоннее будут к соглашению с нашими».

Активно вмешивался Румянцев и в переговоры об установлении сроков перемирия. Петербург стоял за короткие сроки, чтобы, если договор не состоится, успеть нанести чувствительный удар. Румянцев был против этого и настаивал на длительных сроках. Со всей откровенностью признавался он Панину, что не нужно думать о выгодах от этого перемирия лишь туркам, что оно послужит их усилению. Перемирие

прежде всего выгодно нам, если учитывать расстояния, которые предстоит преодолеть нашим обозам и рекрутам. Краткие же сроки перемирия порождают в турках подозрения и заставляют их содержать войска во всегдашней готовности к военным действиям, они остаются в местах, близких к Дунаю, в ожидании выгодного для себя оборота дел. Разбойник ждет наступления ночи, чтобы напасть на путника, не ждущего этого нападения. Так и турки...

Нет, Румянцев вовсе не считал, что турки в столь суровое время года могут отважиться на какое-либо серьезное предприятие. Но они вполне могут совершить в целях разбоя и обогащения нападение на какой-либо его отдельный отряд. К чему нарушать покой и занятия солдат и офицеров, так нуждающихся в отдыхе? И Румянцев настоял на перемирии до 9 марта 1773 года.

В то же время Румянцев активно вмешивается и в практические дела по разделу Польши, резонно считая, что Австрия пытается занять такие селения, которые издавна служили местом для хранения провианта и снаряжения русской армии. Как могли в Петербурге согласиться на такие уступки Австрии, не переставал удивляться Румянцев, получая письма графа Гадика, в которых тот заявляет свои права на Броды, на вступление своих войск в Волынию и Подолию, в которых ему поручено занять Почаев, Вишневец, Горынец, Грудек и Смотрич с окрестностями. Из писем австрийского генерала получалось, что Румянцев должен был знать об этом, но, конечно, русского фельдмаршала не поставили в известность, он никаких сведений не имел, а главное, не знал, по взаимному ли соглашению Петербурга и Вены происходит это движение австрийских войск или же самовольно.

Румянцев обращается к Панину с этим вопросом потому, что считает себя учеником его в делах, в которых проявляется неразрывная связь военного

искусства с системой политической. И в этом случае он выражает надежду, что получит необходимые наставления, которые разрешат все его затруднения и разъяснят, каким образом должно поступать в этих обстоятельствах, не нарушая договоренностей царствующих дворов в Вене и Петербурге.

Но «счастливого оборота» дел так и не произошло. И ясно почему... Алексей Михайлович Обрезков никак не мог сломить турецкого уполномоченного в таких артикулах, которые составляют главнейшее «запинание» в делах его. Да и почему турки должны торопиться признать Крым независимым государством и открыть свободное мореплавание по Черному морю для русских? Ведь они отправляют к шведской границе, в Псков, еще восемь пехотных полков. А значит?..

И этот испуг Петербурга немедленно отозвался на ходе переговоров, дав новый прилив упорства турок и новые затруднения в достижении главной цели – мирного договора. Румянцев-то хорошо знал в то время, какой огромный интерес проявляли турки к отношениям Швеции и России. И не было, в сущности, ни одного самого простого турка, который бы не проявлял этого любопытства.

В душе Румянцев беспощадно осуждал Петербург за скоропалительные решения, так не оправдавшиеся впоследствии. 27 декабря 1772 года он писал Панину: «В депешах Алексея Михайловича, при сем доставляемых, ваше сиятельство найти изволите, сколь рано начали, к сожалению, оправдываться предчувствия мои... По слабому моему мнению, источника оказавшейся со стороны посла турецкого перемены искать надлежит не в собственном к тому его побуждении, но наиболее во внушениях и обнадеживаниях дворов, не доброжелательствующих нашему. С курьерами ли, пред последними конференциями к нему прибывшими, получил он в том

наставления, или же, может быть, достигла знания его сделанная в войсках диверсия; поелику после того явил он новое высокомерие и упорство...»

Он понимает, что для своей же пользы нельзя быть докучливым, нельзя быть строптивым, нельзя иметь по каждому военному и политическому событию свое собственное мнение, которое порой резко отличается от указов и наставлений, идущих из Петербурга. Но что он с собой мог поделать?.. Может, и в самом деле он излишне наскучивает его сиятельству, столь «частыми объяснениями и размышлениями», которые могут и не совпадать «с прямым делом состоянием»?

Одним из первых в России Румянцев разглядел двурушническую позицию австрийского и прусского послов в Константинополе, которым поручено было своими правительствами оказывать добрые услуги России при заключении мирного договора с Турцией. Но Зегелин и особенно Тугут своими действиями и поступками внушали серьезные подозрения в их искренности. Вот почему и Румянцев писал Панину: «Знаю, мой милостивый граф, сколь чувствительно должно быть Вашему сиятельству, когда, вместо пособия и облегчения, от добрых услуг ожидаемого, новые и вящие только затруднения умножаются. Боже, пособи Вам преодолеть их и успеть наисчастливейшим образом в устроении пользы Отечества и удержании равновесия посреди недоброжелательств и препятствий!»

А сколько самому Румянцеву еще предстоит преодолеть препятствий и недоброжелательств! Вот опять сейчас начнутся указы и наставления, а у него как на грех сил уж почти не осталось...

Глава 3

Разговор с сыном

Тихо, спокойно в кабинете. Все думают, что фельдмаршал спит, а потому и никто не беспокоит его. А то даже больному покоя нет...

Румянцев взял перо, белый лист бумаги и вывел: «Марта 27-го дня 1773 года. Милостивый государь мой, Алексей Михайлович! Два почтеннейших Ваши от 23-го сего течения с приложениями я имел честь получить и приношу мою благодарность за доставление письма моего рейс-эфенди. В ответ на письмо визирское, заключающее в себе ратификацию конвенции, между Вашим Превосходительством и Полномочным Оттоманским заключенной, я посылаю тут в равной силе мое, в котором старался я держаться мыслей Ваших, в постскрипте Вашем преднаписанных, прося Вас все прилежно доставать оное, а ежели что-либо находите несходственное, мне возвратить, подав Ваши в том дружеския наставления...»

Отложив перо, Румянцев бессильно опустил руки. «Нет сил, потом продиктую писарю, – сокрушенно подумал Румянцев. – Сколько уж дней ощущаю я болезненные припадки! И раньше они бывали, но не такие мучительные. Сколько уж дней почти не вылезаю из постели...»

В дверь постучали. Фельдмаршал недовольно повернулся на стук, но при виде входящего сына Михаила лицо его разгладилось, глаза ласково засветились.

– Вот уж не ждал, – начал было вставать фельдмаршал Румянцев, но сын легко преодолел расстояние от двери до кресла и крепко обнял отца. – Какими судьбами оказался здесь в такую непогоду?

- Да ведь, батюшка, скоро начнутся, глядишь, бои, так и не увидимся. И Григорий Александрович Потемкин разрешил мне навестить тебя. Твой старик, говорит, заболел, поди съезди к нему. Не ровен час, долго его не увидишь.

И столько неподдельной радости было в его словах, такой отвагой и решимостью дышало его лицо и вся его статная, сильная фигура, что отец невольно залюбовался им. «Вот уже стариком величают, а старику-то всего лишь сорок восемь лет. И как еще он хочет пожить на белом свете, половить мирно рыбки в собственном озере или пруду, на худой конец, помянчить внуков...» - промелькнуло в голове у Румянцева.

- Да ты садись, устал, поди, с дороги-то. - Румянцев позвонил в колокольчик и вошедшего камердинера попросил принести чаю и «что-нибудь покрепче».

- Батюшка, вовсе я не устал. Лучше скажи, когда выступать? Ведь перемирие-то закончилось! - В каждом слове молодого подполковника чуялось нетерпение, желание поскорее броситься в гущу неприятеля и сражаться, сражаться, как это было в октябре прошлого года под Бухарестом, где Михаил Румянцев получил боевое крещение.

- А тебе еще не надоело воевать-то? Как чувствуют себя в дивизии?

- Ждут не дождутся конца перемирия. Все рвутся в бой, батюшка, это уж точно.

- Скорее всего, рвутся в бой такие вот юнцы, как ты. А вот мне так хочется мира, тишины, покоя. Надоело мокнуть под дождем, кости разламываются от боли.

- Нет, батюшка, рвутся не только такие, как я, но и такие, как генерал Потемкин.

- Ну, а этот хочет отличия по другим соображениям. Хочется ему быть на виду, авось заметят и позовут в Петербург.

- Как вы себя чувствуете, батюшка? И матушка в своих письмах о том все время спрашивает.

- Не знаю, что уж говорить о здоровье... Век ли уже мой достигнул той степени, с которой неразрывно сопряжены ослабление и болезни? Не знаю... До сих пор как лучшее средство к поправлению здоровья я употреблял движение. Теперь вот ощущаю, что и оно не помогает. Ну да что там про болезни-то говорить! Доживешь до моих лет, сам поймешь, как чувствуют себя в моем возрасте люди, которые все свое усердие и рвение отдают службе своему Отечеству и престолу.

Молодой Румянцев слушал отца и переживал за него. Но все время думал о том, что Потемкин послал его сюда не только для того, чтобы проведать отца, что вполне естественно, но, главным образом, чтобы узнать, когда армия будет выступать к Дунаю и что предстоит ей свершить в летнюю кампанию. 1772 год - год мирных переговоров - он считал потерянным для себя, потому что негде было отличиться, а тут снова начинаются бои, снова можно блеснуть отвагой.

- Батюшка, а чем все-таки закончились переговоры? До нас дошли какие-то смутные слухи, что будто бы турки хотели остаться в Бухаресте и продолжать вести переговоры в то время, как перемирие закончится и начнутся военные действия... Можно ли сие?

- Скажу тебе по секрету, что там, в Бухаресте, сложилась очень трудная обстановка. Представляешь, срок перемирия кончается, а нам ничего не известно. Послали к султану ультиматные требования, а от него никакого ответа. Турецкий же посол продолжал оставаться в Бухаресте. Но если посол в Бухаресте, то, выходит, турецкие курьеры имеют право проезжать по нашей территории и попутно примечать все, что потребуется для будущих военных действий. Я решительно не мог с этим согласиться... Представляешь, в каком положении мы оказались, если

б турецкий посол не захотел выехать по истечении срока перемирия? Обрезков спрашивает меня, что делать; я тоже нахожусь в полном недоразумении. Ты знаешь, конечно, что город стал главной нашей опорной базой. И пребывание в нем неприятеля во время войны недопустимо.

- Да, батюшка, в позапрошлом году турки за несколько переходов преодолели расстояние от своих крепостей до Бухареста, - вспомнил Михаил Румянцев год своего боевого крещения.

- Вот-вот, а что мы можем сделать, чтобы не дать им пользоваться этой дорогой? Ничего! И представь себе, в многолюдном городе проживают не только верные нам друзья, но и под видом добронатурных могут скрываться наши недруги.

- А нельзя ли было, батюшка, оставить сколько-нибудь войска там, в Бухаресте, на этот случай? - обрадовался молодой Румянцев пришедшей внезапно догадке.

- Молодец, Миша, соображаешь! - сдержанно похвалил фельдмаршал подполковника. - То же самое предложил и Алексей Михайлович. Он тоже попросил оставить два полка для безопасности посольства, но сие отделение двух полков послужило бы только к умалению наших сил, а у меня сейчас каждый здоровый солдат на счету.

Петр Александрович замолчал, в какой уж раз обдумывая создавшееся положение. Военные действия пора было начинать, прошло уже три дня после конца перемирия. Но турецкий посол находился еще в Бухаресте. Румянцев отклонил предложение Обрезкова продолжать переговоры, считая такое положение недопустимым для чести русского оружия.

- Батюшка, пожалуй, ваши опасения относительно жителей Бухареста напрасны...

Румянцев удивленно посмотрел на осмелевшего сына: «Мой характер, вот шельмец!»

- ...Вам всякий скажет, кто видел в позапрошлом году военные действия под Бухарестом, что жители, коль скоро неприятель показывается на нашем берегу, разбегаются в леса и горы не только из прибрежных поселений, но и далеко отстоящих от Дуная.

- Да, конечно, это я знаю, но предосторожность никогда не помешает, когда речь идет о выгодах Российской империи, мой сын... Если бы я думал только о военных действиях. Да, кстати, Потемкин начал боевые действия, как я повелел?

- Да, ваше сиятельство, - перешел вдруг на официальный тон подполковник Румянцев. - Я вручил донесение генерала Потемкина дежурному генералу.

- Ну и что там у вас произошло? Докладывай! - принял тон сына фельдмаршал Румянцев.

- 21 марта генерал Потемкин, получив ваше повеление о начале военных действий, заметил, что неприятель усиливает пост свой в Гуробале. И отрядил туда подполковника барона Ферзена, премьер-майора Шепилова и майора Волкова. Каждый из них на восьми запорожских лодках с командой в сто человек атаковал с трех сторон стоявшего в Гуробале двухбунчужного Мустафа-пашу арнаутского.

«Ох, как загорелся! - подумал Румянцев, глядя на раскрасневшегося сына. - Действительно, кажется, в меня».

- Ну-ну, и что же? - подбодрил Петр Александрович.

- Майор Волков и запорожский полковник Дуплин со своими отрядами тихо прокрались в деревню Еникею, спавших там турок почти поголовно истребили, а всех христиан с их семьями забрали на наш берег. В это время подполковник Ферзен и майор Шепилов со своими гренадерами спустились вниз по Дунаю и атаковали засевшего в шанцах неприятеля. Но вскоре

больше тысячи конницы, прибывшей из деревни Козлуджи, опрокинулось на Ферзена. Но сколь горячо конница ни пыталась, она повсюду была отбита оружейным огнем и запорожскими пушками. А потом к Ферзену присоединились Шепилов и Волков со своими отрядами, и неприятель совсем был обращен в бегство. Он потерял на месте убитыми более ста человек, и среди них пашинского кега и одного знатного Умар-агу.

- А наши потери? - хмуро спросил Румянцев.

- Убиты егерский сержант да два казака. И ранено несколько человек. Перевезено множество христианских семей и до семисот голов разного скота.

- А где ты был в это время?

- Все сие происшествие был рядом с генералом Потемкиным, он не отпускал от себя. - И столько недовольства прозвучало в голосе молодого Румянцева, что отец тут же успокоил его:

- Ничего, ты еще будешь в настоящем деле... Кампания только началась. На этом все дело и кончилось?

- Нет! Неприятель атаковал в свою очередь наши Ликарешты, надеясь, что мы все оттуда ушли. Но генерал Потемкин предусмотрел этот неприятельский маневр и оставил там, у устья речки Борща, восемь запорожских лодок с двумястами гренадерами и казаками. Они и встретили неприятеля орудийным огнем. Урон им нанесли немалый. После этого турки забеспокоились, по всему берегу началось движение. В Силистрии день ото дня судов прибавляется...

- Да... Снова началась война, а мы еще ничего не знаем о наших планах.

- Как? - вырвалось у молодого Румянцева.

- А так, Миша! То, что я скажу тебе сейчас, - большой секрет! Никому не проговорись, даже генералу Потемкину! В свое время я напишу ему. А то у нас

секреты не держатся. Не раз я примечал, что некоторые, любопытствуя о недозволенном, запросто приходят в канцелярию и справляются о таких делах, кои их совсем не должны интересовать и в тайне должны содержаться. Не раз напоминал я своим о строгом соблюдении военной тайны, а поэтому приказал о таких любопытствующих нашими делами немедленно докладывать своему начальству. Так что и тебе должно быть известно сие.

- Да, этот приказ мы получили еще в январе и строго блюдем его, батюшка. Но что ты говоришь о будущей кампании, никак в толк не возьму.

- Получилось так, что все надеялись на мирный трактат, а снова приходится употреблять оружие. Недавно я получил от графа Чернышева частное письмо, в котором он предупреждал, что военный совет решил не продлевать перемирия. А какие действия против неприятеля предпринять, он еще не мог сказать... И только недавно прислали нарочным курьером всевысочайший рескрипт с повелением о переходе, как можно скорее, с армиею или ее частью на супротивный берег реки Дуная. И я предложил командирам корпусов тревожить неприятеля, показывая виды на его укрепленные посты, нападая на некоторые из них, как это было в Гуробалах, таким образом разделяя его войска. Вот Потемкин да еще князь Трубецкой и открыли военные действия, учинили некоторые поиски. Но уже сейчас чувствую, что лучше бы подождать с началом военных действий хотя бы до половины апреля. Сам знаешь, какая была осень, потом зима, особенно там, где наши посты на Дунае и в устье оного. Там не было пристанища, даже кровли над головой. Великие трудности переносили от необычайной и несносной стужи с бурями и великими выпадавшими снегами. До половины апреля мы смогли бы лучше снабдить свои войска всем необходимым.

Но что им, в Петербурге, до этих мелочей! Они хотят получать лишь победные репортажи. А военные дела более других требуют осторожности и осмотра. Каждый полководец, Миша, должен решать подобные важные дела по своему понятию и соображению, я же все время должен исполнять чью-то чужую волю. Петербург мне все время что-то предписывает, водит меня на помочах, как малого ребенка...

Румянцев, позабыв про свою болезнь, быстро поднялся во весь рост. Но потом столь же быстро обмяк, снова опустился в кресло, почувствовав новые боли. Но продолжал рассуждать о положении в армии, надеясь, что этот урок не пройдет даром для сына, которому прочил военную карьеру.

- Понимаешь, чувствую от частых припадков слабость и оскудение в силах. Так и написал императрице: дескать, не могу больше полагаться на свое собственное разумение и способности, а посему представил на ее решение свои скромные мысли относительно того, что Петербург мне предлагает на сию кампанию. Сам посуди, армия расположена по одному Дунаю на семистах пятидесяти верстах. Всем войскам предписано оберегать завоеванные земли, соблюдать необходимую здесь и в Польше внутреннюю тишину и спокойствие, поддерживать непрерывное сообщение между отдельными корпусами и дивизиями. Уж не говорю о том, что армии должным образом нужно встретить неприятеля, если он покусится на наш берег.

Румянцев говорил, преодолевая боль, разрывавшую все его тело.

- Вот посмотри на карту, - продолжал фельдмаршал свой наглядный урок по военному искусству. - На той стороне Дуная - сильная крепость Шумла, где сосредоточил свои главные силы верховный визирь. Его предлагает разбить мне императрица. Но Шумла, обрати внимание, превосходно защищена

придунайскими крепостями, такими, как Руцук, Туртукай, Силистрия, хорошо укрепленными и снабженными большою артиллериею. При этом в одной Силистрии, как утверждает в своем рапорте генерал Потемкин, около восьми тысяч неприятельского войска. На пушки в лоб не пойдешь, сам понимаешь. Значит, нам нужно совершить большие обходы. Может, ударить сначала на Туртукай, что выше Силистрии? А может, снова ударить на Гуробалы, о которых ты уже рассказывал? Но в любом случае не думаю, чтобы сие предприятие имело желаемое действие на стан верховного визиря. Как только мы перейдем Дунай, верховный визирь, если он в малых силах, скрывается в горах до нашего прихода. А ежели его войска довольно сильны, идет на помощь этим городам, чтобы овладение ими оплатили мы дорогой кровью. А при случае он вновь спокойно удалится в свои горы, где каждый проход ему известен. Мы же можем найти там погибель.

Так что при самом лучшем исходе нашего поиска мы не можем удержаться на той стороне. Но изнурим людей и, пролив немало крови, вынуждены будем возвратиться на наш берег. Может произойти и крайнее: мы потерпим неудачу. И такое нужно предвидеть, ведь мы не знаем, какие силы ждут нас там, за Дунаем... При атаке сих крепких городов неизбежны большие наши потери, турки люто обороняются, это уж мы неоднократно испытали, вспомним хотя бы Вендоры, Килию, Хотин, Тульчу, Исакчу... Но это одна сторона картины. А вот посмотри другую... Видишь: вверху течения Дуная есть мощная крепость Виддин, чуть ниже – Никополь, Турно... Кто может поручиться, что отсюда и при самом открытии кампании не могут произойти важнейшие следствия? Неприятель атакует нас от Виддина, Никополя и Турно во фланг и тыл, быстро проходит это расстояние до

Бухареста, занимает и Журжу, пока мы сражаемся на той стороне Дуная... Вот почему я не могу ослаблять корпус генерала Текелли в банате Крайовском, он сдерживает неприятеля. Беда в том, что сей корпус, конечно, слаб, чтобы действовать самостоятельно и противостоять сильному неприятелю. Поэтому придется его придвинуть ближе к Бухаресту, перевести на сию сторону Ольты, для закрытия Валахии и наблюдения в ней тишины...

- Неужто нужен целый корпус для наблюдения тишины в Валахии? - спросил недоуменно Михаил Румянцев. - Ведь жители были так хорошо к нам настроены, были так приветливы, добры, гостеприимны.

- Часто бывает, сын мой, что мир меняется, порой и мы бываем тому виною. Ждем одного, а получаем другое. Так в жизни часто бывает... Вот послушай, что со мною не так давно призошло... Получил я от его величества короля прусского его портрет, усыпанный бриллиантами. Ну, в бриллиантах, сам понимаешь, я не очень-то разбираюсь, но возник закономерный вопрос, могу ли я принять его. Случившийся тут Григорий Александрович Потемкин заверил меня, что я принять могу сей портрет, не испрашивая высочайшего на то позволения. А он вроде бы в дворских этикетах знает толк. Но я засомневался и послал с майором Тиром, отбывавшим в Петербург, письмо к графу Панину с этим вопросом. И что же потом я узнал? Думал, что майор Тир быстро прибудет в Петербург, а на самом деле он оказался в карантине, а оттуда, как ты знаешь, скоро не выходят. Вот и получается так, что ждешь одного, а получаешь другое. Так и в этом случае, конечно более сложном... Жители Молдавии и Валахии встретили нас действительно хорошо. Еще и в октябре, когда открылся в Бухаресте конгресс, нашего посла Обрезкова встречали с радостью и любопытством, целый час его карета пробиралась сквозь

многочисленный, всякого звания, люд, при непрестанном колокольном звоне и игрании на разных инструментах, а как только наступила темнота, то несли перед каретой факелы. Но вот прошло время, и мы снова в беспокойстве, не знаем, как поведут себя валахи. За это время турки им многое наобещали. Одновременно с этим наша сторона предложила им лишь одно: как только по мирной договоренности мы покинем их княжества, то они могут с нами же покинуть их земли, отходящие к туркам.

- Как можно покидать родные места?! - воскликнул Михаил Румянцев.

- Вот так! При этом мне ничего не сказано, куда и в какое место таковое переселение назначается. Почему и я не нахожу себя в состоянии отвечать на делаемые мне о том вопросы. Сам понимаешь, слухи быстро разлетаются, их не соберешь в коробочку и не закроешь на замок, вот и приходится мне снова и снова краснеть за чиновный Петербург, где возникают несуразные мысли, за которые никто не отвечает...

- А что предстоит нашему корпусу, ваше сиятельство? - переменял разговор молодой Румянцев.

- Корпусу предстоят большие дела...

- Батюшка, да у нас ведь не больше трех тысяч наберется. Какие уж тут большие...

- Потемкин не один будет действовать. Ваш корпус стоит как раз против Шумлы, против визирского стана. Рядом с вами будет команда генерал-поручика графа Салтыкова. А барону Вейсману прикажу от Измаила сделать диверсию на Базарджик, где Абда-паша квартирует, дабы он не подал Шумле усиления. Вот такой план. Все наши силы будут выполнять одну задачу, взаимодействовать между собой, а неприятеля разделять и поодиночке разбивать.

Михаил Румянцев испытывал чувства, которые до сих пор ему никогда еще не приходилось переживать:

первый раз отец так подробно рассказывал ему о своих планах, доверял ему военную тайну...

- Но дело не в этом, не в отдельных поисках против неприятеля. Мы должны ударить по Шумле всей армией. А это уже совсем другое дело... Ты посмотри, как расположены главные силы армии: главный ее корпус под моим непосредственным командованием - в центре, а по бокам расположены другие корпуса и дивизии. Только такое расположение дает возможность удерживать неприятеля на том берегу, уничтожать все его замыслы и твердо пребывать здесь, в Яссах, Бухаресте, Измаиле. Вот предлагают мне со всей армией перейти Дунай и нанести удар по главной армии визиря. Как я могу поспеть к Силистрии или Рущуку, если не могу без большого осмотра перейти даже Яломицу: а вдруг турки уже перешли в больших силах и ждут там меня? Так что уж говорить о переходе через Дунай, это дело серьезное, тут нужно все обдумать за всех. Вот сложил бы ежечасные попечения об общих делах на другого, взял бы отдельный корпус и пошел бы на поиски визиря... Если б ты знал, Миша, как разорены здешние и польские жители. Можно бы их взять всех на службу, как это бывало в прежние войны, но нет у меня достаточных сил, чтобы взять их из домов, особенно из гор понудить, могут разбежаться в пути. А с другой стороны, опасаюсь, что они за это время так озлобились, что могут против нас затеять какие-либо неприязненные действия. В посольских донесениях говорится, что некоторые валахи если не прямо питают приверженность к нашему неприятелю, то, по крайней мере, турки внушили им страх за время беспрепятственного с ними сообщения и внушения о скором возвращении их под турецкое иго. И конечно, многие заколебались, нет уже в них прежнего к нам усердия и единомыслия с нами...

Вошел доктор Аш. Румянцев принял лекарство, лег в постель, но попросил сына не уходить: столько хотелось ему высказать наболевшего, столько накопилось на душе... Сколько раз Румянцев не сдерживал своего недовольства распоряжениями Петербурга, распоряжениями, далекими от действительных потребностей завоеванного края, но каждый раз его недовольство становилось известным в Петербурге. А это походило на то, что в его близком окружении находился доносчик, регулярно сообщавший о том в Петербург. Так что пусть сын подождет, пока он снова придет в себя и сможет продолжить разговор.

Михаил Румянцев внимательно изучал портрет Фридриха II, щедро усыпанный превосходными бриллиантами.

- Ничего не понимаю в бриллиантах, - сказал Румянцев, следивший за сыном. - Но, кажется, портрет хорош, точно передает лукавый, умный, талантливый характер прусского короля. Вот кто своей выгоды никогда не упустит.

- Григорий Александрович очень много рассказывал о принце Генрихе, остроумном и мрачном одновременно.

- Да, Потемкин твой только и мечтает о Петербурге, ему бы не воевать, а балами командовать, интриги плести и выгоды извлекать из этого. Ну, он еще себя покажет.

Сложные отношения завязались у Румянцева с Потемкиным. Вроде бы и дружеские: не раз Потемкин, бывая в Москве, привозил от жены письма, посылки фельдмаршалу, рассказывал новости, анекдоты. Но что-то Петра Александровича настораживало в нем - уж очень рвался в Петербург.

- Батюшка, ты хотел мне поведать о положении в Валахии и Молдавии...

- Что тут говорить! Проиграли большую игру за овладение этими княжествами и душами наших братьев по вере христианской... Вот уже и ныне говорят, что при возобновлении военных действий люди разбежались в горы. И вот я не только вынужден напрягать все свои силы для того, чтобы сдержать неприятеля, но и принужден искать доброхотства местных жителей, избегая насилия. Раз уж придется оставить Валахию по договору, то лучше это сделать сейчас. Но самомалейшая утрата завоеваний причиняет нашей императрице великое неудовольство и подлинно служит к ободрению неприятеля. Но я с этим не могу согласиться. Неприятеля ничем не проймешь, если его поддерживают с одной стороны Франция, а с другой стороны двурушническая политика Австрии и Пруссии... Мы ж разгромили неприятеля в конце 1771 года ничуть не меньше чем под Кагулом, но что дала нам эта победа? Да в сущности, ничего. Склонили их к переговорам, которые лишь оттянули время и дали им возможность подготовиться к новой войне, к новой кампании... Людские ресурсы у них ничуть не меньше наших... Но мы не умножили наши силы, которые сейчас способны только защищать завоеванные земли, но никак не наступать. Для наступления у меня нет сил. Следственно, переходить Дунай ради решительного поиска, по моему мнению, есть предприятие рискованное, много прольется понапрасну людской крови. У неприятеля несравненные преимущества: близость крепостей и укрепленных мест, несомненные выгоды к снабжению себя всем необходимым, прекрасное знание местности и выгоды этого знания для произведения разных диверсий против нас. Нет, конечно, сомнения, что неприятель не воспользовался временем переговоров и не употребил против нас всех сил и средств своих.

- А ты кому-нибудь говорил о своих сомнениях в исходе поиска задунайского, батюшка? - задумчиво спросил молодой Румянцев.

- Высказал свои сомнения, сын мой, в письме самой императрице. Пусть почитает мои рассуждения и соображения и воззрит на оные оком милосердия. А если все же прикажет, я точно следовать буду ее повелениям. Мы, Миша, солдаты, и наш с тобой удел - повиноваться.

Глава 4

Пора выступать

Сколько ни пытался фельдмаршал Румянцев отговорить сильных мира сего от перехода через Дунай со всей армией, ничего у него не получилось. Петербург вовсе не думал вести оборонительную войну, как в 1771 году. Он требовал наступательных действий.

Еще 18 февраля 1773 года в присутствии Екатерины II на совете обсуждался вопрос о действиях первой армии после разрыва конгресса, который был уже в то время неизбежен. Генерал граф Чернышев сказал, что действия первой армии «должно оставить на распоряжение командующего ею генерал-фельдмаршала, поруча ему перенести оныя за Дунай». Действительный тайный советник граф Панин присовокупил к тому, что, по настоянию турок о возобновлении перемирия, можно заключить, что они еще не готовы к боевым действиям. Поэтому надобно поспешить нанести им внушительный удар и заставить их пойти на мир.

Эти мнения членов совета и послужили основой плана кампании этого года. Вскоре Румянцев получил рескрипт, «повелевающий перейти с армиею или с частию оной за Дунай».

Внимательно следя за ходом переговоров и видя упорство турок, подогреваемое послами некоторых европейских стран в Константинополе, Румянцев предчувствовал, конечно, что скоро придет и его пора. Но где-то в глубине души таилась у него надежда на благоразумие Петербурга. Получив же рескрипт, понял, что амбиции двора взяли верх над здравым смыслом.

Там жаждали раздавить главную армию верховного визиря или, по крайней мере, нанести ей

чувствительный удар.

Все дни подготовки к переходу через Дунай Румянцева мучили мрачные предчувствия. Не с такой армией следовало бы форсировать реку и начинать наступательные действия. Нет, не с такой! Да и разве заключение мира зависит от ударов по неприятелю? Достаточно вспомнить Ларгу и Кагул, чесменское поражение турок на море... А конец кампании 1771 года? На той стороне Дуная разбили и верховного визиря, и всех пашей, командовавших в укрепленных местах по побережью Дуная, завладели их полными станами и всей многочисленной артиллерией, разрушили города и крепости, служившие к их опоре, а все сие, думал Румянцев, не принудило Порту ни к чему больше, как только начать переговоры о мире, которые и по сие время завершились лишь одними разговорами... Что может сейчас превысить сделанное теми победами? Кагульская победа одержана подлинно с малым числом людей над превосходным, но в октябре 1771 года неприятель был разбит гораздо знаменитее. Только в Петербурге этого не поняли... Допустим, что русские перешли Дунай. И что может их ожидать там? По известиям, которые имеет главнокомандующий армией, неприятель нигде еще не сосредоточил свои великие силы. Можно, конечно, еще раз овладеть опустошенным ранее городом или крепостью или победить какой-либо малочисленный их пост, но ни для русских эти авантюры, ни для турок не произведут сколько-нибудь значащего, вся сила их будет сохранена, а русским один только труд и изнурение.

И это еще не все... Те же известия гласят, что если русские распространят свои поиски вдаль на той стороне реки, то столкнутся с еще одним неудобством: даже небольшие частицы турецких войск претерпевают страшную нужду в своем прокормлении, а простые жители просто мрут от голода.

Говорят, что в Петербурге недовольны тем, что он, фельдмаршал Румянцев, медлит с переходом через Дунай... Странные люди! Нет, он ничуть не медлит. Еще в Бухаресте шли переговоры, а он, заранее предчувствуя, чем они кончатся, подготовил вверенные ему войска, чтобы возобновить военные действия, когда придет к тому срок... И теперь умело расположенные войска на Дунае готовы не только отразить всякое неприятельское покушение на их берег, но и самим учинить поиски на тот берег.

Конечно, хорошо бы: не успел получить рескрипт, сразу же бросился на неприятеля и одержал быструю победу. Но в военном деле такого не бывает... Вся армия вот так, вдруг, выступить в поле не могла. Только что окончилась зима, чувствовалось еще ее дыхание, не имелось еще подножного корма, трава даже не проклюнулась. Правда, он приказал запастись командам зимним кормом для лошадей. Но много ли можно взять с собой? Всего на несколько дней! А пока учредишь магазины, пройдет время. Да и потом, против кого он мог повести всю армию в конце марта? Наши наблюдательные посты не обнаружили ни одного крупного сосредоточения войск неприятеля, ни подготовки какого-нибудь военного предприятия.

На все запросы главнокомандующего командиры корпусов и дивизий отвечали, что они ждут возвращения разведчиков, тайно посланных в неприятельскую сторону. А пока ничего не известно достоверного ни о силах, ни о приготовлениях неприятеля. Только потом положение стало постепенно проясняться. Отдельные поиски генералов Салтыкова, Потемкина, Вейсмана несколько раскрыли и намерения турок, и состояние их войск.

В ордере Салтыкову Румянцев писал: «...желаю получить от Вашего сиятельства, как командующего по положению вблизи и прямо против стана визирского,

ежели оный донныне пребывает в Шумле, Ваше мнение, как и каким образом с Вашей стороны поиск учинить на его стан, а особливо к овладению Рущука, которого атакою и начать надобно, располагая по его укреплениям, числу в нем войска и артиллерии, коликое число и каково именно войска и артиллерии для сего поиску надобно...»

В это же время Румянцев предложил генералам Потемкину и Вейсману высказать свои мнения относительно собственных действий против неприятеля.

В главную квартиру в Яссах начали стекаться все сведения о неприятеле, сведения многочисленные, противоречивые, порой и заведомо ложные. Румянцев и его штабные помощники их сверяли, сопоставляли с другими данными, приходили к каким-то определенным выводам. И только после этого главнокомандующий принимал решение.

Турки, встревоженные поисками отрядов Потемкина, Салтыкова, Вейсмана, укрепляли свои посты и крепости, спешно возводили новые укрепления вместо разрушенных. В начале апреля все супротивное побережье пришло в движение. По Дунаю началось судоходство. Отдельные небольшие отряды Румянцева то в одном, то в другом месте захватывали суда. Эти мелкие действия давали обширную информацию о состоянии и положении турецкой армии. Кроме того, от перешедших Дунай валахов и сербов стало известно, что в Руцук начали прибывать войска, крупный склад пополняется провиантом, старые укрепления приводятся в порядок, обыватели отправили свои семьи и имущество в горы, а ночные караулы везде усилены. Вернувшийся из Никополя и Турно лазутчик («проведыватель») показал, что в городе не менее десяти тысяч войска. В Турно и его окрестностях также не менее трех тысяч человек.

Во всяком случае, каждый информатор вносил что-то новое в картину, которая таким образом возникала перед глазами Румянцева. Но главное, что его волновало: все жители готовятся к сопротивлению. И другая новость озадачила... Вот он собрался пойти со своей армией на Шумлу. А говорят, что верховный визирь вознамерился покинуть сей стан и перейти в Плевен, для этого уже собрано необходимое число подвод. «Подлинное ли сие известие? – размышлял Румянцев. – Или неприятель вводит в заблуждение, пытаюсь скрыть местопребывание своего главного стана? Вдруг он располагает его позади Руцука, Никополя и Виддина для того, чтобы, собрав войска, напасть на банат Крайовский и потом нанести удар по Валахии?»

Конечно, было над чем поразмышлять фельдмаршалу Румянцеву. Столько противоречивых сведений поступало от местных жителей, от специально засланных в лагерь неприятеля проводывателей, от пленных, от послов дружественных держав из Константинополя! И на основе их надо было принимать решения.

Румянцев требовал от всех своих подчиненных генералов «достовернее и обстоятельнее» наведываться о положении неприятельском, следить за каждым его движением. Особенное внимание Румянцев обращал на защиту баната Крайовского, учитывая те слухи, которые до него доносились, о намерении визиря перенести свой главный стан в Плевен. Указывал на необходимость постоянного взаимодействия этого корпуса со второй дивизией графа Салтыкова, «дабы неприятель по буйству своему... не покусился безбедно на дерзкие против нас предприятия».

Румянцев писал в Военную коллегию и самой Екатерине II, что армия еще не готова для таких действий, но последовал строгий указ не медлить с

нанесением чувствительного удара по стану верховного визиря. И Румянцеву ничего не оставалось делать, как согласиться с этим. И тогда он избрал другую тактику в переговорах с Петербургом: он согласен пойти с армией за Дунай, он сделает все, что от него будет зависеть, но никто не заставит его губить людей ради удовлетворенного тщеславия.

В состоянии такой внутренней «двойности» Румянцев жил все эти дни. Наконец он получил письмо от Алексея Михайловича Обрезкова, в котором наш посол в Бухаресте предупредил, что надо готовиться к военным действиям. Фельдмаршал уже тогда понимал, как трудно ему придется: рекруты еще не прибыли, получена лишь часть запасов для «одеяния», и только в середине февраля принялись «обшивать солдат».

Кампания началась, а первая армия «ни по числу сил, ни по готовности... полного снабжения» не может приступить к серьезным военным действиям. Можно, конечно, сославшись на болезненные припадки, сдать армию и уехать на воды, но это означало бы отдать в чужие руки дело всей жизни. Нет, он сам поведет армию за Дунай.

«Да, я живу всегда вопреки русскому присловию: хоть не рад, да готов», – часто говаривал Румянцев о своей военной судьбе. «Я так ждал мира, так хотел Обрезкову удачи, так хотел продлить перемирие хотя бы до половины апреля. А вот Алексей Орлов, вкусивший победу над турецким флотом, ропщет на здешние перемирия, запинаящие ему путь к новым победам. И будто я во всем виноват. А я? Ни собою, ни военными делами не распоряжаюсь, это дело Петербурга. А я и еще от одного правила добровольно отстать не могу: чтобы ценою великой утраты в людях достигать приобретений. Вот этого не могут понять в Петербурге. Сейчас, конечно, можно сделать поиск за Дунаем на какой-либо близлежащий город и истребить

его. Но ухудшит ли это положение неприятеля, если он в эту пору уже стоит в лагерях, разбитых на побережье Дуная? А если нет, то какой смысл губить людей, расходовать боевые припасы, с которыми и так негусто. И ради чего? Жаль, что все еще не доводилось бывать в счастливом положении, чтобы по собственному желанию действовать. Что на меня возлагали, то я и исполнял без всяких жалоб. А теперь вот болезненные припадки так меня обессиливают, что я едва могу препроводить короткое время в седле. Уж не это ли мое состояние порождает столь мрачные предчувствия? А если еще одна зимняя кампания мне предстоит? Нет, вряд ли я смогу выдержать эту кампанию... Что уж говорить о дальнейших продолжениях! Для несения военных трудов надобна естественная сила, а я уже лишился оной. Военные схватки всегда кровопролитны. Потерпевшему поражение редко удастся подняться на ноги. Военные битвы и способы их ведения быстро становятся известными всей публике, и, следовательно, суд и обвинение тут неизбежны, а оправданию едва бывает место... Вот стоит мне потерпеть хоть одно поражение, как двор тут же позабудет все мои заслуги и будут шипеть на меня злые духи в Петербурге. Нет, я доведу дело до конца, добьюсь доброго мира для нас...»

В эти дни Румянцев не отходил от карты. Принимая генералов, штабных офицеров, знакомясь с очередными сведениями о неприятеле, он все время посматривал на карту, где жирной голубой чертой Дунай разделял две армии, вновь вступившие в единоборство. «Если справедливы слухи, – размышлял Румянцев, – и верховный визирь уйдет из Шумлы в Плевен, сосредоточив большие силы в верхней части Дуная, то тогда можно предположить, что он задумал обременить одно наше правое крыло. В этом случае совершенно необходимо сорвать его предприятия в верхней части Валахии... В этом случае корпус генерала Салтыкова

приобретает главенствующее значение. И не случайно командующий уведомляет меня о том, что неприятель лишь за последнее время произвел несколько покушений на наш берег. Понятно, что генерал Салтыков повсюду отбил попытки неприятеля перейти на нашу сторону, но не авантажнее ли будет, если он сам атакует неприятеля, избрав для этого какое-либо удобное место. Да и Потемкину пора переходить к более активным действиям...»

Утром 19 апреля 1773 года Румянцев вызвал дежурного генерала. Вскоре вошел к нему старый, испытанный в совместных делах генерал-поручик Ступишин. И первым заговорил:

- Ваше сиятельство! Вейсман доносит, что его деташемент, три дня тому назад успешно перешедший Дунай, разбил в первом же столкновении турецкого агу, державшего пост при Тульче, и взял его в плен. Теперь Вейсман простирает свой поиск на город Карасу.

Фельдмаршал тут же устремил свой взгляд на карту Задунайского края.

- Даже на этой карте, хотя она и не лучшей достоверности, - задумчиво сказал Румянцев, - сей город лежит чуть выше Гирсова.

- Да, Гирсов не больше двух-трех переходов от Карасу, - уточнил Ступишин, еще не понимая, к чему клонит фельдмаршал.

- А посему пора вступать в дело генералу Потемкину. Нахожу потребным ему занять теперь замок в Гирсове. Он говорил, что для этого ему надобно тысяча человек. Пусть в сие число употребит он батальон имеющихся у него егерей и гренадерские роты Пермского и Ростовского полков. Может взять еще и пеших запорожцев, которые из укрепленных мест хорошо стреляют. И на нашем берегу у него останется довольно сил, чтобы удержать атаки неприятеля со стороны Силистрии.

- Вы же предлагали графу Салтыкову произвести поиск против Систова, ваше сиятельство? - растерянно спросил Ступишин.

- Граф Салтыков резонно считает, что от Журжи к Систову его суда не имеют другого прохода, кроме как против течения. А это как раз будет происходить на глазах неприятеля, который не замедлит, конечно, воспользоваться нашей оплошностью и сильным огнем уничтожит наши суда. А в легких войсках, державших там стражу по Дунаю, от чрезвычайных морозов и долговременной зимы лошади пришли в крайнее изнурение. Вот и воюй с такими...

- Ну, скоро пойдет подножный корм, зеленеет трава, солнце уже растопило весь снег.

- Кто бы мог подумать, что, кроме других препятствий и недостатков, будем испытывать тягости от холодов, столь несвойственных здешнему климату в сие время. Но сейчас, ваше превосходительство, не об этом речь. Всегда у начальников найдутся отговорки. Но надобно преодолевать преграды, встающие чуть ли не на каждом шагу. Вот Вейсман две недели тому назад тоже докладывал о невозможности послать за Дунай сильную партию: дескать, нет полевого корму, а фуража с собою конница более чем на двое суток взять не может. А сейчас вы уже докладываете о первых победах его на том берегу Дуная. Значит, наша задача помочь развить его успех... С Потемкиным понятно. А вот граф Салтыков...

- Ваше сиятельство! Перебью вас, чтобы напомнить: все командующие дивизиями и корпусами считают переход за Дунай наиделикатнейшим шагом. Каждый, согласно вашим повелениям, смотрит, рассчитывает, сколько потеряет он людей при овладении бережными крепостями, которые легко схватить нельзя, поелику неприятель и числом войск, и всеми запасами, потребными к обороне, довольно в них

обеспечен. Они, как и вы, малой кровью желают достигнуть великих авантажей.

- Да, все правильно, простых вопросов в нашем положении нет, и вряд ли будут. И для обеспечения спокойствия надобны войска. Необычайно долговременная зима больно ударила и по местным жителям, у которых от недостатка корма много скота погибло. Я велел, как вы знаете, везде по пути движения армии запасти фураж. Но пришлось отказаться от этой мысли, оставить его ради нужд самих жителей.

- Бегут, ваше сиятельство, из своих жилищ - нечем кормить свой скот, не только удовлетворять наши надобности. Бегут в горы, в леса, там лучше переживут лихую годину, - сказал Ступишин.

- Жалко людей, ни в чем не повинных детей, а некоторые из наших генералов не хотят перемирия, им лучше бы война ради их собственных лавров. Ну да что же делать-то? Нам нужно всем навалиться на неприятеля. Может, действительно одумается и запросит мира?

Произнося эти слова, Румянцев неотрывно смотрел на карту, словно ожидая от нее ответа на вопрос, который в это время его волновал: как наиболее успешно направить имеющиеся в его распоряжении войска для того, чтобы нанести существенный удар по неприятелю?

- Алексей Алексеевич, помните, граф Салтыков предлагал поиск вместо Систова направить на Туртукай? Пожалуй, это место не из самых укрепленных. Вряд ли неприятель будет цепляться за него в начале кампании. Пусть Салтыков разработает эту операцию и пошлет туда расторопного боевого командира.

- Итак, ваше сиятельство, вы наметили три удара по супротивному берегу? - задумчиво произнес Ступишин,

внимательно разглядывая карту Задунайской Болгарии.

- Нет, Алексей Алексеевич! - улыбнулся фельдмаршал. - Не могу с вами согласиться.

Ступишин удивленно посмотрел на него: как же так, только что говорили о Вейсмани, перешедшем уже Дунай и активно действовавшем против турок, о Потемкине, которому предстоит в ближайшее время захватить замок Гирсова, и о поиске графа Салтыкова против Туртукая.

- Нет, не три удара, а один... Все эти три удара должны как бы слиться в общий удар, дабы поставить неприятеля в повсеместное замешательство. Свершение одного будет зависеть от успеха другого. Одновременно с этим Салтыков должен показать неприятелю в Рущуке, что он намерен ударить на сей город. Пусть его гарнизон будет обеспокоен собственной защитой, а не думает об оказании помощи тому же Туртукаю. И Потемкин пусть установит крепкую связь с графом Салтыковым, поможет ему судами и людьми, а сам двинет часть своих войск к Силистрии. Вот когда все эти поиски пройдут успешно, тогда встревоженный неприятель откроет нам лучший способ узнать его силы и слабости.

- Ваше сиятельство! А что делать с прибывающими рекрутами?

- Поздно они прибывают, - раздраженно сказал Румянцев. - Дни долгого перемирия не пошли нам впрок. Снова наспех кампанию готовим. Все другие держатся правила, что, если желаешь твердо мира, надобно быть готовым к войне. А у нас по-другому: рекруты только подходят, а многих нужнейших амуниционных вещей еще не подвезено... Вы видели, в каком состоянии они прибыли к нам?

- Дальний путь изнурителен, ваше сиятельство, сами знаете.

- Вот в том-то все и дело, что сейчас им необходимо дать некоторое отдохновение. Потом нужно время для учения хотя бы первоначальных правил службы, а то мало чем они будут полезны в полках. Необходимо выделить для них лекаря и несколько подлекарей, барабанщиков, цирюльников... Из рекрутов необходимо сделать добрых солдат, только тогда посылать их в дело.

Обдумав детали будущих совместных действий передовых отрядов армии, Румянцев отдал приказ о движении главного корпуса.

Наступило тепло, сошли последние снега, и вскоре зазеленела трава. «Пора выступать. Мало в полях травы, но делать нечего... Пора! На сих днях отдам приказ корпусу двигаться к реке Серету. И без того суровая погода и нехватки подножного корма задержали выступление армии в поле», - твердо решил Румянцев в эти апрельские дни.

Его радовали солнце, вся пробудившаяся природа, пение и щебетание птиц. Но он, как полководец, прежде всего радовался тому, что в поле появилась трава, а значит, есть подножный корм для отощавших лошадей и волов, для скота вообще. Он радовался и тому, что местные жители наконец-то вздохнут свободнее, эта зима и для них была изнурительной, много пало скота от бескормицы.

Перед выходом в поле Румянцев разослал всем начальникам циркулярный ордер, в котором напоминал важнейшие принципы ведения начинающейся кампании: «1773 г. апреля 22-го. Яссы. В течение прошедших кампаний часто подавал я всем и каждому наставления, касающиеся до отправления службы в поле и наблюдения в вышней степени ею предполагаемых всякому должностей, и о приведении

нижних чинов в лучее оных познание, о имении к ним и лошадям призрения...»

Незадолго до отправления армии в поход фельдмаршал Румянцев получил рапорт коменданта Браилова полковника Борзова, сообщавшего, что генерал Потемкин снял из гарнизона крепости Пермский полк и направил его к устью Яломицы. Румянцев был явно раздражен этим нелепым распоряжением и не скрывал своего недовольства:

«Почему он нашел пребывание оногo полка там потребнее, чем в Браилове? Не могу понять! Расписанием по армии для ведения кампании 1773 года четко определено пребывание сего полка в гарнизоне Браилова. И вот через неделю после моего приказа Потемкин проявляет самовольство! Вполне возможно сие, но должны быть для этого серьезные мотивы. Пермский полк создает определенное военное равновесие в силах. Неужто Потемкин считает, что раз нет там судов неприятельских, значит, и нет опасности внезапного нападения на Браилов? Так может рассуждать лишь сущий младенец в военном деле...»

И Румянцев потребовал от Потемкина объяснения причины перевода Пермского полка из Браилова к устью Яломицы: «...Я хочу столько знать, что настояло в вашей части в переводе сего полку, сколько и быть всегда и без замедления уведомляем от вашего превосходительства во исполнение моих до сего повелений о всякой тамо перемене, которую учинить вы в позиции войск или в чем другом найдете по обстоятельствам за потребно...»

Ясно, что такие выговоры от главнокомандующего были не очень-то по душе самолюбивому генералу. Пройдет совсем немного времени, и Потемкин станет фаворитом Екатерины II. И вот тогда...

А пока все шло по разработанному Румянцевым плану. 24 апреля Потемкин занял Гирсов и стал

укреплять его земляными валами. 10 мая Суворов овладел Туртукаем, захватив артиллерию, суда и всю там найденную немалую добычу. Главный корпус армии под непосредственным командованием Румянцева подошел к Фокшанам и расположился здесь на несколько дней лагерем. Петр Александрович вместе со своим штабом прибыл в Браилов и осматривал берега Дуная в поисках наиболее удобного места для переправы.

Течение здесь было настолько стремительным, что нечего и думать о наведении моста. Полковник Борзов, сопровождавший Румянцева, рассказал, что турки редко наводили мосты в этом месте, потому что бурный разлив реки весной почти всегда сносил их. Отказался главнокомандующий и от мысли переправить армию там, где обычно это делал Вейсман со своим корпусом. Не мог он сосредоточивать всю армию на левом фланге и удалиться от Валахии, куда мог в любую минуту устремиться сильный корпус турок из Турно. Хотел было он направить главный корпус к устью реки Яломицы, напротив Гирсова, занятого уже Потемкиным, и действовать в согласии с корпусом Вейсмана, который в ближайшее время должен был перейти Дунай и двигаться по направлению к Карасу. Но и этот маршрут потом отверг: между Браиловом, Фокшанами и устьем Яломицы – безводная пустыня, а переправа и здесь оказалась неудобной. А потому решил он пойти со всем корпусом к Браилу, готовить суда для переправы и действовать по обстоятельствам. И в то же время крепко держал бразды управления всей армией.

Перед нами два его ордера генералам Вейсману и Потемкину. И тому и другому он повелевает готовить свои корпуса к переходу через Дунай, но какая разница в тоне!

13 мая Румянцев направил свой ордер Вейсману. Два дня он «ждал охотно» его прибытия в Фокшаны,

надеясь при встрече подробнее поговорить «о мероположениях для действий военных», договориться о взаимодействии, так как время не терпит отлагательства. Но встреча не состоялась. Вейсмана задержала подготовка корпуса к переходу через Дунай. Так что фельдмаршал, не дожидаясь встречи, спешит «сим ордером» предписать ему, чтобы он со своим корпусом «с получения сего перешли за Дунай и сделали движение до Карасу». «Дорога ваша будет, как я вижу по карте, на Бабадай (Бабадаг), коль нельзя ожидать, чтоб тут нашлись в большом количестве неприятельские войски на воспрепятствование вашего пути, то и будет делом вашего искусства воспользоваться сим местом, а благоразумной предприимчивости простерта свой поиск на самого Абды-пашу, который, по известиям, находится в околичностях Карасу».

Два полка Румянцев направляет Вейсману для усиления его корпуса, из числа которых один он может по своему усмотрению взять с собой и переправить при Исакче, а другой употребить для подкрепления остающихся войск в Бессарабии. Как всегда, Румянцев не касается подробностей похода, полностью полагаясь на благоразумие и военное искусство Вейсмана. И вместе с тем даже такого способного генерала предупреждает, что необходимо взять провианта на пятнадцать дней, а прочий запас погрузить на суда и отправить вверх по Дунаю к Гирсову, который становится вроде перевалочного пункта для снабжения всей армии.

А на следующий день Румянцев направляет ордер Потемкину, в котором напоминает ему азбучную истину военного искусства: если он во исполнение своих командирских замыслов перемещает из одного места в другое части, то тотчас же должен давать знать об этом всем командирам «прикосновенных к вам корпусов

с приложением маршрутов, на какие места маршировать, и которого дни, где именно они находятца должны будут, дабы всякий знать мог, где их во время надобности без труда сыскивать и к своему иногда подкреплению брать, или же о имени от неприятеля предосторожности им сообщать».

В ответ на это Потемкин пытался объяснить свои перемещения военной необходимостью. Фельдмаршал, в свою очередь, соблюдая вежливый этикет того времени и с удовольствием отмечая отменное его усердие к службе, жестко указывает на односторонность пользы его перемещений. Он видит только необходимость подкрепления Гирсова, занятого уже его войсками, но не учитывает того, что армия предпринимает поиск против Абды-паши совместными силами.

Румянцев все обдумал, все взвесил, силы распределил так, чтобы неприятель не мог нигде оказаться сильнее его и одержать победу. И стоило только Потемкину сдвинуть и переместить какие-то свои части в другое место, как вся четко продуманная операция против Карасу пришла в расстройство. Конечно, Румянцев своевременно это заметил, тем более что и Абды-паша со своей конницей стремительно передвигается по знакомым ему местам. В Карасу он поджидает Черкес-пашу, а потом двинется навстречу Вейсману в Бабадаг. Румянцеву ясно, конечно, что край тот Абды-паша не оставит без своей защиты, а поэтому фельдмаршал должен предпринять против него надлежащие меры.

А главное, все части его армии должны помогать друг другу при достижении общей цели, которую поставил перед ними главнокомандующий. Успех одного должен был немедленно поддержать другой, а в случае неудачи одного другой должен был немедленно спешить на помощь. «По сим обстоятельствам, – писал

Румянцев Потемкину, - и считаю я засходственнее и полезнее вашему превосходительству, оставаясь еще на месте вашем настоящем, несколько раз показать неприятелю, против вас стоящему, виды отступления, вводя его чрез то в искушение, переправиться на сию сторону и, сим воспользовавшись, его поражать...»

Румянцев удовлетворил просьбу Потемкина и увеличил число казаков в корпусе. Оставил пехотный Пермский полк в его полном распоряжении, рекомендуя, правда, при этом «употребить» его для усиления поста в Гирсове «или держать оной при Ораше на надобной случай».

«Ваше превосходительство по благоискусству вашему не оставите, - писал Румянцев в заключение, - на основании сих моих предписаний, сделать из оных лучшее на пользу употребление. Об островах близ Гирсова, лежащих между реками Дунаем и Борщом, я ожидаю вскорости вашего уведомления: сухи ли они и во всякое ли время и удобны ли, чтобы на оных поставить войски и иметь посты?»

Наконец Румянцев получил долгожданную весть от генерала Вейсмана, что он перешел Дунай и занял большой Бабадагский мост, в 28 верстах от Тульчи. Потом подошел к Карасу и 27 мая рано утром атаковал двенадцатитысячный корпус под командованием Абдуллы-арнаута, Черкес-Хасан-паши и татарского хана Башмет-Гирея. И одержал над ним полную победу: у них 1100 убитыми, 100 пленными, кроме того, захвачены 16 пушек, весь неприятельский лагерь и обоз. Таковы потери неприятеля, который упорно сопротивлялся, и пришлось вести бой в его укреплениях. Наши потери - 2 офицера и 50 рядовых.

Но не успели смолкнуть пушечная пальба и благодарственные молитвы Всевышнему в честь этой победы, как Румянцеву пришла и дурная весть: попал в плен полковник князь Петр Репнин.

...С небольшим отрядом он перешел на другую сторону Дуная и атаковал неприятельский пост, который оказался гораздо многочисленнее, чем предполагалось. В завязавшейся перестрелке князь Репнин был трижды ранен, но продолжал руководить боем. Турки схватили его в тот момент, когда он последним покидал неприятельский берег, собираясь вернуться вслед за отрядом на свою сторону.

Случай этот привлек внимание Румянцева вовсе не тем, что небольшой отряд потерпел поражение в стычке с многочисленным неприятелем. На войне всякое бывает, и ничего необычного в том не виделось. Прискорбно было то, что солдаты и младшие офицеры даже не попытались освободить попавшего в плен своего предводителя. Вот это – позор для них и для всей армии.

Выяснив все обстоятельства этого прискорбного случая, Румянцев приказал «держаться военный суд по всей строгости закона, чтобы впредь подобные и непростительные офицеров отговорки места не имели, ибо всегда во всяком благополучном действии офицеры присвоят себе весь успех и получают воздаяние, то равным образом отвечать они должны за все случившееся ко вреду, не слагая на одних солдат, коим они должны давать собою пример...».

Этот случай еще раз убедил Румянцева, что необходимо соблюдать военные предосторожности и в малых операциях, не говоря уж о таком предприятии, как переход всей армии через Дунай. Нужно все предусмотреть, все рассчитать, все взвесить.

Румянцев побывал на той стороне Дуная, в замке Гирсова, на высоте, где действовал Вейсман. И убедился, что здесь невозможно переходить всей армии. Двадцать шесть сильных гребцов на легкой запорожской лодке едва за четыре часа одолели перевоз через Дунай и его протоки. А когда высадились

и Румянцев осмотрел окрестности, то увидел, что дороги к Силистрии очень плохи. К тому же выяснилось, что из-за труднопроходимой местности невозможно установить бесперебойную связь с корпусом Вейсмана, успешно действовавшим за высотами Гирсова.

Тогда Румянцев поднялся вверх по Дунаю и решил переправлять на тот берег всю армию у местечка Гуробалы. Началась подготовка к решительным действиям. Но слишком противоречивы были сведения о неприятеле. И хотя большую награду пообещал фельдмаршал за пленного турка, но все они как сквозь землю провалились – ни одного не смогли достать. Но вскоре после победы Вейсмана под Карасу – целая толпа пленных турок, выбирай кого хочешь... Тридцать тысяч войска в Силистрии при шести пашах, визирь еще стоит в Шумле со своим войском, и все лето там же пробудет. Понятно, Румянцев всегда с осторожностью относился к известиям от пленных, но нельзя было не считаться с этими показаниями, которые свидетельствовали, что неприятель тоже готовится к встрече с ним, а это не сулит ничего приятного. К тому же и Потемкин рапортовал о том, что с верху Дуная к Силистрии подошли двадцать судов и высадили войска. Знал Румянцев и о том, что к месту намеченного перехода войска стягиваются турецкие войска. Так что эти сведения заставляли его соблюдать все меры военной предосторожности как на левом, так и при переправе на правый берег Дуная.

Главнокомандующий, взвесив все данные, решил атаковать отряд турок у Гуробал корпусом Потемкина с одной стороны, а Вейсман ударит с тыла, из глубины Задунайской области. А главный корпус армии одновременно с этими активными действиями изготовится к переправе. И в это же время Суворов вновь должен обрушиться на Туртукай. Так что все корпуса армии будут приведены в движение, а турки

будут лишены возможности помогать друг другу,
озабоченные своей защитой.

Глава 5

Разведка боем

В первые дни июня Румянцев не знал отдыха. Болезненные припадки, совсем недавно еще терзавшие его, отступили, и он целые дни проводил на коне или в штабе за картой. Курьеры к нему и от него скакали то и дело. Барона Вейсмана предупреждал, что он должен уведомлять его о всем происходящем с его корпусом «наичастее», «что вы предпримете и что в рассуждении положения неприятельского приметите собственным обзором или по известиям», советуя ему: «своих курьеров ко мне отправляйте чрез реченный пост наш Гирсовский». Фельдмаршал снова выражает недовольство Потемкину, который после первого рапорта, уведомлявшего о попытках неприятеля захватить один из островов по Дунаю, умолк на некоторое время. «Ваше превосходительство вышеупомянутым своим обещанием о переправе неприятельской обратили все мое к Вам внимание, но... я не имею от Вас доселе... уведомлений, которые должны следовать... без промедления, потому и примите Вы навсегда за правило, чтоб есть ли где откроются неприятельские действия, столько о первом их явлении, сколько и как продолжаться будут или же исчезнут, подавать бесперебойно...»

И понятно, что к Румянцеву стекалась вся информация о неприятеле и о том, что предпринимают против него все отдельные корпуса армии. Он прекрасно понимал, что в такой ответственный момент армия должна соблюдать строжайшую дисциплину, и наводил ее железной рукой.

Перед тем как перейти в Задунайскую область, фельдмаршал обратился к населению ее с манифестом,

призывая турецких жителей к спокойствию во время движения русских войск. На турецком, болгарском, «волоском» и греческом языках объявлялось всем жителям, как «благочестивым христианам, так и исповедующим закон Магометов», что русская армия в прошлом году не распространила «вдаль завоеваний и всякое неприязненное действие» только потому, что Порты Оттоманская искала мира. Теперь же, «по единой Порты непреоборимой претительности к восстановлению покоя и тишины», «с окончанием перемирия восприяла российская императорская армия и паки свои военные действия, приступая теперь перенести твердым образом свое оружие за реку Дунай». «Предуведомляя о том всех и каждого жителей супротивной стороны Дуная, – говорилось в манифесте фельдмаршала Румянцева, – подаю я им вместе и то им обнадеживание, что лютость и грабление никогда не были и не будут свойством российских войск, что меч казни и отомщения простираем мы только на одних противящихся неприятелей и благотворим, напротив, всякому прибегающему под защиту российского оружия и оному повинующемуся. Примером сего последнего суть все обыватели, покойно всем своим добром пользующиеся, в странах, завоеванием в руки россиян доставшихся, и еще пример новейший подают многие семьи самих турков, которые теперь, при разбитии неприятеля при Бабадаге и при Карасу, добровольно просили себе приселения на левый берег Дуная и приняты здесь нами с обязательством всякого им благодеяния...»

Этот манифест был объявлен при вступлении в задунайские области. И Румянцев свято соблюдал его положения и свое слово.

Казалось бы, все готово к переходу армии через Дунай. Но Румянцев вновь и вновь посылает ордера Суворову, Потемкину, Вейсману, чтобы еще раз

напомнить своим подчиненным о необходимости взаимодействовать друг с другом для достижения общей цели - безопасной переправы через реку главного корпуса армии и стремительного нападения на крепость Силистрию. 4 июня он, минуя графа Салтыкова, непосредственно обращается к Суворову, уведомляя его о тех предприятиях, которые задуманы им для осуществления переправы: 7 июня генерал Вейсман рано утром атакует неприятельский пост в Гуробалах. Одновременно с ним, переправившись на тот берег на судах, поведет наступление на Гуробальский пост Потемкин. В тот же день и главный корпус армии выступит к Гуробальской высоте и займет исходное положение для переправы. «При таких наших предположениях, - писал Румянцев Суворову, - от сей стороны рекомендовал я г. генералу и кавалеру графу Салтыкову усилить вашу часть потребным войском, дабы вы, пользуясь смятением внизу неприятельским... учинили от своего поста поиск на Туртукай». Румянцев рекомендует Суворову, если возникнут серьезные препятствия для осуществления поиска, просто озаботить неприятеля «демонстрациями своих к тому намерений», «чтоб он по вниманию на ваши предприятия не мог к другим местам дать помощи»; а если он будет повергнут в смятение, то этим можно воспользоваться по своему усмотрению.

Забегая чуточку вперед, скажем здесь, что Суворов, не добившись от Салтыкова усиления своего отряда «потребным войском», написал рапорт о болезни и отбыл в Бухарест. 12 июня Румянцев, получив рапорт о том полковника А.С. Мещерского, оставшегося за Суворова, объясняет растерявшемуся командиру: «Действия на Туртукай и от Чеканешт предлагал я г. Суворову не за такое дело, чтоб побить ему турецкие сильные корпуса. Нужно есть и тогда было, чтоб каждая часть с своей стороны занимала чем можно

неприятеля, буди нет сил на поиск прямой, то хотя демонстративно, и не оставалась бы в недействии в такую пору, когда другие на него наступают и сражаются. Сим образом я хотел, чтоб г. Суворов в заметание неприятеля от Чеканешт показался с войсками в то время, как наши действия на Силистрию огнем будут ознаменены. Есть ли больше нужно вам пехоты, нежели усилить может батальон, присланный от генерала графа Салтыкова, то что вам мешает и карабинер, которых у вас много, а дела для них нет, спешить и в красных камзолах употребить так властно, как пехоту, ружья для них, я думаю, найдутся в полку Астраханском и батальоне Апшеронского полку излишние по недостатку людей. Благоразумный начальник свой недостаток в силах часто заменять может способами военной уловки; хотящему и пекущемуся нет ничего трудного, а мне только не легко подавать отсюда наставления о избрании способов, которые у вас под глазами и кои распорядить вам удобнее...»

Наконец главный корпус армии начал переправу через Дунай.

А в это время Вейсман зашел в тыл неприятельскому посту в Гуробалах, Потемкин с фронта подошел туда же. И неприятели, увидев согласованные движения русских отрядов, не выдержали и «в великом смятении и страхе изо всего своего лагеря, разделившись на три части, побежали они от первых выстрелов вверх, схватя с собою пушки и закрывая оные и пехоты своей бег конницею». Десять верст преследовали русские бежавших, достигали их, и более трехсот турок было убито во время преследования.

Прогнав неприятельский пост из Гуробалов, Румянцев стремительно переправил всю армию через Дунай: 9 июня началась переправа, а 11-го рано утром на правом берегу был и сам фельдмаршал. Столь

быстрая переправа целой армии легко объяснима, если учесть огромную подготовительную работу, которая была проделана главнокомандующим и его главным штабом. Всем офицерам Румянцев рекомендовал не брать экипажей, увеличивающих обозы. Нужно рассчитывать только на легкие повозки. Это ускорило и переправу, и движение вперед к Силистрии – первому пункту атаки.

В тот же день Румянцев осмотрел дорогу, ведущую к Силистрии. Перешедшие раньше подсобные войска во главе с генерал-майором Муромцевым, исполняющим обязанности генерал-квартирмейстера армии, проложили по берегу две дороги, расширили тесный проход, навели мосты через речку Галицу, впадающую в Дунай.

Уже 12 июня Румянцев приказал передовым корпусам Ступишина, Вейсмана и Потемкина следовать один за другим через узкие места побережья и мосты и встать лагерем. Но планы эти не удалось осуществить. Только корпус Ступишина, перейдя речку Галицу, подошел к близ раскинувшейся высоте, чтобы разбить здесь свой лагерь, как на передовые его части напали турки, вынырнувшие из-за соседней высоты. Завязавшаяся перестрелка между легкими войсками обеих сторон превратилась в серьезное дело.

Оказалось, что в пяти верстах от Силистрии вниз по Дунаю разбил свой лагерь Осман-паша. Как только он узнал, что разбит их пост при Гуробалах и русская армия начала переправу, двинулся навстречу. Но, как выяснилось, не ожидал столь стремительной переправы и плохо подготовился к встрече. Высланная им вперед конница была разбита, а ее отступление внесло в ряды турок такое замешательство, что Ступишин и Потемкин со своими войсками ворвались в лагерь и, пользуясь полной их растерянностью, овладели станом, всей артиллерией и запасами.

Читая рапорты о первых успехах, Румянцев не раз про себя поругивал графа Салтыкова, который проявлял непонятную пассивность и ничего не сделал, чтобы задержать корпус Осман-паши, еще недавно стоявший против него. А если бы поиск на Туртукай был произведен одновременно со всеми отрядами русских, то не сюда пошел бы Осман-паша, а наверняка ему пришлось бы двигаться к Рущуку, Систову, Турно... А это облегчило бы задачу всей армии. Подвел граф Салтыков... Ничего не предпринял. К тому же и ничего не дает о себе знать. Мучительная неизвестность!

Сейчас, когда неприятель после поражения угнетен, надо бы воспользоваться моментом и показать свое усердие и искусство... «Нет, все оставит так, как и было, не воспользуется нашей предприимчивостью и все свои части оставит в бездействии. Вот ведь кому выпадает на долю безмерно трудиться, а кто не воспользуется нашей победой и не сумеет распространить наши успехи против неприятеля... А может, я зря его ругаю и он атакует супротивный берег? Ну хотя бы уведомил меня, какое место для своей переправы через Дунай изберет его отряд и сколько возьмет с собой на поиск, а сколько оставит на левой стороне...»

...Румянцев ехал на коне в окружении штабной свиты и смотрел, как быстро переходят по двум мостам через Галицу его войска. Четко и слаженно пока идут. Каждый отряд знает свое место, точно выполняя предписание главнокомандующего. После того как войска перешли мосты, части его главного корпуса заняли места, обозначенные квартирмейстерами.

А вечером в штабной палатке кипела работа. Допрашивали пленных, писали ордера, разрабатывали диспозицию предстоящих боев за Силистрию.

В палатке главнокомандующего собрались Ступишин, недавно назначенный командовать корпусом, Потемкин, Вейсман, дежурный генерал князь

Юрий Долгоруков. Фельдмаршал заслушал их рапорты о стычке с Осман-пашой.

- Ваше сиятельство! - заговорил князь Долгоруков. - Мы допросили только что приведенного молдаванина, сбежавшего из Силистрии. Он объявил, что третьего дня от Рущука пришло туда до сорока судов с провиантом без всякого прикрытия.

- Как же так! - воскликнул Румянцев. - Сколько раз уже я предлагал графу Салтыкову пресечь ход по Дунаю неприятельских судов, а вот смотрите... Мы тут кровь льем, а он бездействует!

- А что в том краю делать-то, ваше сиятельство? - заговорил энергичный Потемкин, воспользовавшись минутной паузой. - По дошедшим до меня известиям, как из самого города Крайова, так и из его околичностей все жители разбежались, ушли в леса и горы, а неприятель и вовсе не показывается на нашем берегу в той стороне. Я ведь те места хорошо знаю. Там скучно воевать, просто не с кем.

Потемкин совсем уже собирался перейти на шуточный тон, но тут вновь заговорил Румянцев:

- Вы не знаете, Григорий Александрович, что третьего числа сего месяца неприятель напал на наш пост в Черной. Дело оказалось пустяковое, но граф Салтыков привел весь свой корпус в боевое положение. И с тех пор никаких уведомлений от него.

- Если бы неприятель вступил туда большими силами, то мы давно бы знали об этом. А то в той стороне ни одного выстрела, - тихо произнес Вейсман.

- Вот это мудрые слова, - обрадовался Румянцев, ласково поглядев на отважного командира. - А если неприятель не вступил в тот край, а жители скрылись в горы и селения пусты, то почему граф Салтыков для бережения того края использует чуть ли не весь свой корпус, столь нам необходимый для поиска на этой стороне? Подумать только: для поиска на Туртукай дал

Суворову лишь один батальон Апшеронского пехотного полка половинного состава, гренадерскую роту и две пушки. И вы, Григорий Александрович, не совсем правы: и там не скучно воевать, если должным образом знаешь свое дело. Не только надзирать надобно в том краю, чтоб неприятель не зашел в наш тыл и пошел напрямиком к Бухаресту, нужно действовать самому против неприятеля, чтоб он все время помнил о присутствии русских и держал там свои войска. Хоть бы полковник Мещерский, услышав наши пушечные выстрелы под Силистрией, догадался побеспокоить неприятеля, отвлечь его внимание.

- Вряд ли, ваше сиятельство, без Суворова он осмелится пойти на какое-либо активное действие. Уж очень нерешителен и робок, - сказал Ступишин, который, много лет прослужив дежурным генералом при главной квартире армии, хорошо знал командный ее состав.

- Вот в этом-то и беда. Все там в корпусе графа Салтыкова стали нерешительными, особенно после дела при Мавродине, когда в плен попали князь Репнин, братья Дивовы и некоторые другие офицеры.

- Мы слышали об этом несчастном случае, но ничего толком не знаем, ваше сиятельство, - снова заговорил Потемкин.

- Не знаю, кто больше виноват, то ли сам князь Репнин, то ли граф Салтыков. Коротко расскажу, чтобы не было кривотолков... Верстах в двадцати ниже Рущука турки установили свой пост для того, чтобы помешать хождению наших судов: четыре орудия и небольшой отряд. Граф Салтыков, решивший наконец-то проявить активность, приказал князю Репнину с Апшеронским пехотным полком и гренадерскими ротами Низовского полка, командой казаков и двумя эскадронами кавалерии при четырех орудиях полковой и двух - полевой артиллерии на легких судах и шайках

отправиться в поиск против этого неприятельского поста. Отправиться ночью, чтобы нападение было неожиданным, и к рассвету возвратиться в свой лагерь. Но суда вовремя не подошли, посадка на них затянулась, и отряд вышел только к рассвету...

И фельдмаршал рассказал, как хорошо задуманная операция провалилась из-за многочисленных ошибок и упущений.

- ...Превосходящие силы турок окружили арьергард отступающих. Репнин с горстью своих людей руководил посадкой на суда. Конечно, началась суматоха, паника, которую уже ничем не остановишь. Те, кто был в арьергарде, пробивались через плотную стену турок, оказавшихся уже на берегу, представляете, что там творилось...

Румянцев долго молчал. И все собравшиеся понимали его состояние, зная о его отношениях и с Никитой Ивановичем Паниным: попавший в плен Петр Васильевич Репнин был племянником Панина.

- Так и не прорвались несколько наших лодок через турецкий заслон, - мрачно закончил свой рассказ Румянцев. - Турки с риском для жизни хватались за борта лодок и не давали им хода. Да и наши, спасаясь от неприятеля, теряли мужество, бросались к лодкам, хватались за них и тоже мешали двигаться к судам. Так что некоторые сели на мель, а на шайке Репнина обрубили руль, его снесло вниз по течению, а пристать без руля к нашему берегу так и не смогли. В низовьях реки шесть неприятельских лодок преградили путь нашей, окружили ее. Репнин отбивался до последнего снаряда, которым и потопил одну из лодок, в рукопашном бою на штыках и тесаках Репнин получил три раны, но турок было столько, что отбиться не удалось.

- А что известно о наших пленных? - спросил Вейсман.

- Сразу же я послал письмо визирю с просьбой обменять князя на какого-нибудь знатного пашу, за время войны у нас их много накопилось. Но визирь отказал, обещая содержать князя в Константинополе достойным образом. Как видите, энергичный, мужественный Репнин допустил множество ошибок при исполнении простого задания, за что и поплатился пленом. И ведь никто не пришел на помощь командиру. Позор!

Новый приступ ярости Румянцева продолжался недолго. Через несколько минут, дав понять собравшимся, что пора и за дела, он подошел к карте Задунайской области.

- Господа! Мы сейчас находимся примерно в семи верстах от Силистрии, лагери ваши в трех-четыре верстах. Я осматривал город, выезжая за крайних часовых, и нашел сию крепость вокруг окопанной и со многими батареями. Ну и вы, конечно, все смотрели туда же...

- Неприятель снарядов не жалеет. Как только приметит наши разъезды, так сразу открывает пальбу, - откликнулся Потемкин.

- Так вот, сегодняшняя победа над Османом - это разведка боем. Это еще не победа. Турки умеют беречь свои силы, понимая, что наша главная цель - это Силистрия, что мы не пойдем в глубину Болгарии, пока в тылу у нас будет сильная крепость с тридцатитысячным гарнизоном. Вот и Осман побежал туда же, за каменные стены. Кроме Силистрии есть Руссук, Никополь, Виддин, Базарджик, Варна, наконец, Шумла с верховным визирем... И повсюду немалые неприятельские корпуса. Мы не можем, как князь Петр Репнин, не поискав броду, как говорится, бросаться в воду. Тщательно наблюдайте за неприятелем, допрашивайте пленных, присылайте их ко мне. Будем вместе думать над тем, как лучшим способом и с

меньшими потерями взять эту Силистрию. Так что я повелел графу Салтыкову перейти Дунай, оставя лишь часть войска для обеспечения левого своего берега. И нападать на неприятельские посты. Прощайте, господа! Завтра тяжелый день...

Генералы, попрощавшись с фельдмаршалом, ушли, а Петр Александрович еще долго сидел за столом, подводя итоги дня. Что ж, вот он и за Дунаем. Может, взяв Силистрию, пойти в глубь страны задунайской и навести страх на турок? С ним 13 тысяч отборного войска, всего лишь корпус по численности. С оными готов он предпринять наступательные действия... Но что, если неудача постигнет? Тогда турки хлынут на тот берег и сметут русские посты на всем пространстве, от моря до Ардыша. Уж очень слабые посты повсюду, большей частью из рекрутов последнего привода, коих не имели времени и обучить как следует. Так что эти посты больше для маскирования, а не для крепкого ограждения предназначены. Ну хоть не беспечны были б на том берегу, пока он действует здесь, на другой стороне. По добром-то надо было б сидеть всей армией на той стороне да оборону держать. Но как он мог иначе поступить? Надо выполнить волю императрицы! Но проливать понапрасну русскую кровь не станет, при первой же возможности вернется на тот берег. И без того завоевано много земель, да что в них толку, все равно придется вернуть. А как обрадовались молдаване и валахи его победам при Ларге и Кагуле, как торжественно встречали его прибытие в Яссы, где вот уж три года он ведет дела придунайских княжеств, вникая в заботы повседневные всех жителей, так возжелавших свободы и независимости. Вроде бы по праву завоевания петербургский двор должен диктовать судьбу этих народов, но, оказывается, нет, успехи русского оружия настолько взволновали все европейские дворы, что в решение этого вопроса

вмешиваются все, кому только не лень... Как ни скрывают свои действия цесарцы и берлинцы, но даже из писем Тугута и Зегелина, которые он во множестве получает, можно извлечь нечто похожее на русскую поговорку: «и волчий рот, и лисий хвост».

Вот они-то и посеяли чувство претительности всем намерениям русских в душах турецких как в Константинополе, так и в Фокшанах и Бухаресте. А какой ужас почувствовали жители этих княжеств, узнав о том, что они снова подпадают под власть неверных! Изодня в день ужас и смятение нарастали в их сердцах от разраставшихся слухов. Фельдмаршал и его канцелярия старались всячески заградить дорогу к таковым разглашениям. Но шила и в мешке не утаишь... И как трудно было ему, фельдмаршалу российских войск, успокаивать митрополита Молдавского, вручившего ему от лица всех своих сограждан общие прошения. Конечно, он отправил эти прошения ко двору. Но что он получил в ответ на эти прошения граждан молдавских? Петербургский двор ничего нового не мог придумать, как возобновить старое предложение: оставляя Молдавию и Валахию, русские войска должны опустошить эти княжества, уничтожить все крепости, возведенные турками на этих землях, а жителей увести с собой, конечно без принуждения. Государственный совет принял решение выделить на вспоможение всем желающим переселиться в Россию, на Волгу, между старой и новой линиями, и в Малороссию, сто тысяч рублей... Сто тысяч рублей! А платье Григория Орлова, в котором он здесь, в Яссах и Фокшанах, блистал, стоило, как говорят, около миллиона.

Понятны были фельдмаршалу беспокойства и бояр, которым вовсе не хотелось менять свой образ жизни, уходить из своего отечества. Румянцев советовался тогда с многоопытным другом своим Алексеем

Михайловичем Обрезковым, что делать в таких случаях... Турецкие уполномоченные во время конгресса в Бухаресте не преминули посеять в народах здешних плевелы, склоняя на свою сторону одних обольщениями, а других страхом угроз. Необходимо было что-то сделать, чтобы вернуть доверие граждан этих княжеств. Румянцев уже подумывал в то время издать манифест, в котором он мог бы разрушить неприятельскую лесь и угрозы, заражающие сих жителей, и вывести их из сомнения и смущения, внушить им ободрение надеждою покровительства ее императорского величества и отвращение от всяких поманок неприятельских и его угроз, обещая благонамеренным воздаяние и милость, а злодействующим и недоброжелательным казнь. Смущало Румянцева одно: не раз уж он обращался к народам, на территории которых действовала его армия, а сколько раз его обещания не соответствовали делам, которые приходилось ему вершить против своей совести... Горько, но что он мог поделаться... Он уже истощил все слова на обещания и обнадеживание сих бедных народов. Нечего уж ему опасаться за свой авторитет и свое слово, все уж давно скомпрометировано. Но он снова готов был выступить со своим словом, лишь бы подобные обнадеживания оказались бы достаточными для того, чтобы снова привести в порядок все дела, расстроенные во время негоциации в Фокшанах и Бухаресте... Не обинуясь поступил бы на сие, думал Румянцев, предпочитая пользу ее императорского величества всем собственно к нему относящимся нареканиям. Пришлось уверить митрополита в общих выражениях, что Молдавия и Валахия могут уповать на высочайшую милость и сильную защиту, но никаких точных уверений он не мог тогда подать... О страхе и смущении бояр не раз писал ему и Обрезков. Тогда же Румянцев спрашивал

выехавшего из Трансильвании Гику, брата господарского, были ли от них какие письма к верховному визирю. И тот сказал ему правду: да, бояре писали к нему, и решиться на то должны были из единой предосторожности, которую им присоветовала опасность увидеть себя снова во власти турок. Вряд ли сие обращение к верховному визирю нужно разуместь как выражение их сердечной воли и приверженности к Порте. Но что им оставалось делать, когда и для них не стало тайной уведомление петербургского двора о том, что многие знатные их фамилии преднаписаны к гибели.

Нет, Румянцев не будет причастен к выселению ни знатных фамилий, ни желающих добровольно покинуть свое отечество. У него другие задачи, тем более он болен, его постоянно мучают болезненные припадки. Пусть другие, ну хотя бы и сам Алексей Михайлович, друг его милостивый, занимаются удалением тех людей, поведение которых их собратия находят подозрительными. За три года пребывания в этих княжествах он хорошо узнал некоторых знатных бояр. Ни за одного из них он не может поручиться. Каждый из них подобен Янусу, имеющему два лица и два сердца, и оба лукавые. Не раз им замечено, что для своих частных корыстолюбивых видов здешние бояре могут пожертвовать даже родством, лишь бы только суметь извлечь свою пользу из этой гибели. А все потому, что Петербург не привлек их своей твердостью и надеждами окончательно освободиться от магометанского ига. Что ж им оставалось делать... И сейчас у него, фельдмаршала Румянцева, нет никакой уверенности, что после его похода за Дунай отношения с жителями княжеств улучшатся. Только сокрушительная победа над неверными способна повернуть к улучшению этих отношений. Но тринадцать

тысяч русских не могут победить сто тысяч турок, засевших в крепостях и в малодоступных горах.

Как ни мрачно был настроен Румянцев в эти часы накануне решительных боев в Задунайской области, могучий и сладостный сон все-таки его одолел. И на следующий день он встал бодрый и стремительный, как всегда в минуты высокой ответственности...

Глава 6

Военный совет

Внимательное изучение местности показало Румянцеву, что Силистрия – твердый орешек, который не так просто разгрызть. Он приказал Потемкину выдвинуть свой корпус еще ближе к крепости и встать на левом фланге армии. Главный корпус продвинул вперед и раскинул лагерь на самом берегу. Отсюда взору Румянцева и собравшихся вокруг него генералов и адъютантов открылась прекрасная картина неприступной крепости, воздвигнутой самой природой. Величественный Дунай бесстрастно катил вниз свои воды, крутые горы возвышались над берегом, а у самой подошвы горы, на берегу Дуная, окруженная со всех сторон пропастями и впадинами, покрытыми густым зеленым лесом, раскинулась Силистрия.

– Вон там, ваше сиятельство, – сказал князь Долгоруков, – был лагерь Осман-паши.

Румянцев посмотрел в подзорную трубу в ту сторону, куда показывал князь. Покинутый ретраншемент, сноровисто и добротнo сделанный турецкими солдатами, мастерами этого дела, пустынно манил к себе. Потом снова повернулся к Силистрии.

– Опасный город! Как удобно он расположился! Всюду высоты и впадины, всюду лес, где столько неприятельских войск может затаиться, – вслух размышлял Румянцев. – И снизу и сверху лес, ни по высотам, ни по впадинам нельзя послать своих людей без риска оставить их отрезанными.

– Вот прямо перед нами, ваше сиятельство, сильно укрепленный неприятельский редут, – показал Долгоруков в сторону редута, расположенного с южной стороны крепости.

- Да, это ключевая позиция всего укрепленного лагеря турок, - согласно кивнул Румянцев. - Не сломя сей преграды, нельзя к городу и подступиться. К тому же сильны и другие полевые сооружения, весьма удобно расположенные. По-пробуй-ка взойди на высоты эти и сбей турок оттуда. Тяжеленько придется.

- Кажется, ваше сиятельство, уже тяжеленько становится генералу Потемкину. Смотрите, правый его фланг атакует значительный отряд конницы, а левый - отряд пехоты.

Румянцев видел, как от корпуса Потемкина отделились с левого фланга казаки, а справа - кирасиры и гусары и двинулись навстречу туркам.

- Хорошо, что вовремя заметили атаку турок. В открытом бою они у нас еще ни разу не выиграли. Но на всякий случай пошлите, князь, - обратился Румянцев к дежурному генералу, - два кавалерийских полка к Потемкину. Кто их знает, сколько скрывается турок в лесу.

Появление двух кавалерийских полков сразу образумило горячие головы турецких начальников. Атака захлебнулась.

И снова Румянцев повернулся в сторону турецкого редута, откуда изредка раздавалась пушечная и ружейная стрельба.

- Турки называют этот редут Нагорным, ваше сиятельство.

- Да, редут нужно брать, если мы хотим штурмовать Силистрию, - словно про себя сказал Румянцев. - Пока стреляют, примечайте, где стоят их батареи. Туда и направить смельчаков для штурма, а перед этим поразить нашим пушечным огнем. Это хорошо, что они стреляют.

В свите фельдмаршала были и артиллеристы, и квартирмейстеры во главе со своими генералами, которые знали, что вскоре после этого Румянцев

потребуется от них высказать свои соображения перед составлением общей диспозиции.

- Думаю, что корпус Потемкина и овладеет этим редутом. Надобно ему только хорошенько изучить все подступы к редуту и точно распределить войска по направлениям. Ну, есть еще время подумать о диспозиции. Спешить не будем. Может быть, командующий крепостью сложит оружие без боя? Князь, от имени Ступишина напишите сераскир-паше, на каких условиях он может нам сию крепость сдать. Опишите, что корпуса его разбиты под Гуробалами, разбит также Осман-паша, что город его отрезан теперь ото всех, а войска, хотевшие оказать эту помощь, разбиты и прогнаны. Верховный же визирь озабочен лишь одним - спасти самого себя от позорного разгрома. Мы не хотим причинять городу лютые бедствия, так как знаем, что в нем есть жены и дети турецких воинов. Им мы обещаем безопасность и спокойствие... Ну что, господа, пора и за дело! Представьте свои соображения дежурному генералу князю Юрию Долгорукову. А уж мы потом подумаем над диспозицией и разошлем по корпусам.

Письмо генерал-поручика Ступишина было отправлено 15 июня с капитаном Зимбатовым, хорошо знавшим турецкий язык. В следующую ночь сераскир-паша с тем же капитаном прислал ответное письмо, в котором горделиво отказывался сдать крепость: «Силистрию, по приказу самого нашего Государя, я должен охранять, и потому я, оную на волю Всевышнего предав, покуда жить буду, ни одного из Силистрии камня выдать не намерен...»

А 16 июня сераскир-паша атаковал с многочисленным отрядом передовые пикеты Потемкина и выбил их с занимаемых позиций. Турецкими войсками были заполнены все окрестные сады. И Румянцев

послал на помощь Потемкину Рижский и Рязанский кавалерийские полки.

После этой демонстрации силы Румянцеву стало ясно, что прежде всего необходимо взять штурмом Нагорный редут. И вся диспозиция будущего боя была составлена так, что Потемкин и Вейсман со своими корпусами и 1200 гренадер главного корпуса, согласно взаимодействуя между собой, ранним утром 18 июня начинают атаку Нагорного редута. Одновременно с этим отряд барона Игельстрома и часть корпуса генерала Ступишина проходят по береговой дороге, обходят крепость и «делают неприятелю разными демонстрациями заботу, чтоб он на подкрепление или усиление атакованным на горе не мог вспомоществовать». В это же время запорожцы на своих судах должны войти в залив, поставить батареи на берегу Дуная и открыть пушечную пальбу по крепости. А потом искать возможные способы ворваться в укрепления неприятеля. Если поиск на редут окажется удачливым, то продолжать атаку на городской ретраншемент и действовать по обстоятельствам, вплоть до захвата самого города.

В диспозиции, разосланной 17 июня, Румянцев напоминал, что командиры корпусов, на которые возлагается проведение атаки на редут, сами должны предвидеть все детали и подробности операции и на месте руководить действиями своих отрядов. Ступишину приказал быть готовым на тот случай, если атакующие колонны придут в беспорядок, и сразу же войти на их место «с построенным войском». Предупреждал предводителей колонн, чтобы «наистрожайше подтвердили своих частей артиллерии командирам, чтобы пункты, на которые их действия стремиться будут, жестоким огнем очищаемы были, не упуская из внимания и то, что, когда тех пунктов пехота достигать будет, обращали бы свои орудия поспешно в

те места, которые в распространение к поражению неприятеля и ко очищению окажутся нужными или где наиболее неприятель к отпору одного стремиться будет».

Обращал внимание Румянцев и на то, что атака Нагорного редута будет производиться с двух сторон, а посему нужно остерегаться перекрестных выстрелов артиллерии, не приносить вреда самим себе.

С рассветом 18 июня Румянцев выехал к корпусу Потемкина и расположился на высоте, которая господствовала над местностью, где должны были происходить главные события дня. Отсюда Петр Александрович видел город, сады на кряжах гор, Нагорный редут. А за спиной его была дорога на Базарджик, а чуть левее - на Шумлу, где скрывается верховный визирь, которого требует Петербург разбить и склонить силой оружия к миру... Там, на Шумлинской дороге, в тридцати верстах отсюда, только вчера разыгралось сражение. Хорошо, что он послал майора Любимова с отрядом разузнать особенности той дороги. И послал-то с ним всего лишь 160 карабинеров, эскадрон пикинеров и не больше трехсот казаков и арнаутов. А он разгромил неприятельскую партию числом не меньше полутора тысяч под водительством Мегмет-аги.

Как-то сложится сия битва? Перед выступлением он сам осмотрел людей, говорил с ними о задаче, которую предстояло им выполнить, как о подвиге во славу Отечества и русского оружия. И с внутренним удовольствием отмечал про себя, что офицеры и рядовые проявляют отменную ревность и бодрость духа. По опыту Румянцев знал, что столь усердная воля может быть лучшим предвещением желаемого успеха...

Вспыхнула сигнальная ракета там, где расположились войска Потемкина. Пушечными выстрелами загремели русские батареи. Фельдмаршал

Румянцев всеми помыслами устремился туда, где решалась судьба, может быть, всей Задунайской операции... Где-то там и батальон графа Михаила Румянцева.

Колонны Потемкина под прикрытием артиллерийского огня пошли на неприятельский редут. Правую вел Ярославского пехотного полка полковник Лукин, левую – полковник Языков, третья – во главе с премьер-майором Фаминцыным – следовала по дороге к Силистрии для очищения горы от засевших там неприятелей. В резерве остался отряд под командой подполковника Розенберга. Всеми атакующими войсками командовал генерал-майор Каковинский.

Румянцев залюбовался четкостью движения колонн. Турки открыли жесточайшую стрельбу из всех батарей Нагорного редута и крепости. Но огонь их причинял атакующим мало вреда. Правая колонна скрылась на некоторое время в овраге, подходившем близко к редуту, и неожиданно появилась перед редутом. Но турки открыли такой огонь, что сразу скосили многих. Убит был и полковник Лукин. Воспользовавшись замешательством колонны, потерявшей предводителя, турки в то же мгновение выскочили из окопов и, яростно сверкая саблями, ударили на атакующих. Застигнутые врасплох, не ожидавшие такой стремительной контратаки, русские дрогнули и побежали. Столь же неудачно сложилось наступление и для левой колонны, на которую обрушились турки.

Легкая тень тревоги легла на лицо Румянцева, когда он увидел бегство двух наступающих колонн. Радостные крики турок раздавались со стен крепости, наблюдавших за действиями войск у Нагорного редута. Почти все защитники редута умчались вниз по горе, преследуя бегущих. «А где же Вейсман и Игельстром со своими отрядами? И почему молчат запорожцы? – мелькнула у Румянцева мысль. – Самое время ударить с

тыла на редут, когда там никого не осталось. Неужто не воспользуются оплошностью его защитников?»

Румянцев с надеждой смотрел на быстро приближающегося курьера.

- Ваше сиятельство! Генерал-майор Каковинский просит подкреплений, полковник Лукин убит. Мы отступаем... - доложил прибывший офицер.

- Ах вот в чем дело! Убит полковник Лукин...

- Ваше сиятельство! - крикнул князь Долгоруков. - Смотрите, на горе наши и атакуют неприятеля, вышедшего из редута! Турки не знают, куда бежать... Что ж там произошло?

Румянцев снова повернулся в ту сторону, где замелькали русские мундиры на горе.

Вскоре Румянцеву доложили, что в Нагорный редут ворвался со своей кавалерией полковник Кличка, посланный Вейсманом. А премьер-майор Фаминцын направил туда же с другого фланга 300 пехотинцев во главе с подполковником Циглером. Действуя согласно, пехота и кавалерия уничтожили оставшихся защитников редута и овладели им. Потом немедля открыли огонь из десяти захваченных пушек по атакующему неприятелю.

Картина боя мгновенно изменилась, когда полковник Леонтьев, подойдя к редуту со своим Кабардинским полком и оценив обстановку, послал своих кавалеристов в тыл атакующим туркам.

Турки, прекратив преследование, повернули к своему редуту, но оттуда открыли по ним такой губительный огонь, что их конница, оказавшись между двух огней, стала нести значительные потери. Для них оставался только один выход - и турки отчаянно рвались отбить редут. Но в это время приведенные в порядок колонны Потемкина, усиленные по приказу Румянцева резервом генерала Ступишина, вновь устремились к редуту. Объятая ужасом, турецкая

конница рванулась к спасительным стенам крепости. Вслед за ней повернулись и русские пушки, посылая в ее ряды ядро за ядром, делавшие свое смертоносное дело.

- Князь! Прикажете барону Вейсману занять со своим корпусом Нагорный редут. Мы вскоре двинемся туда. Завладев редут, мы достигли только первого рубежа. До полной победы еще далеко. Неприятель все усиливает стрельбу из крепостных батарей по нашим полкам, объемлющим гору.

Курьер помчался к барону Вейсману, а Румянцев в окружении свиты тихо поехал в сторону Нагорного редута. Он должен был сам посмотреть на крепость с этой горы, где только что разыгрались столь кровавые события. Как-то там действовал батальон графа Михаила Румянцева? Храбрый мальчик. Не сносить ему головы... Но Бог милостив, может, удержит меч судьбы...

Подъезжая к горе, Румянцев вздохнул с облегчением: вдали он увидел крупную фигуру своего сына, радостно махнувшего ему шпагой.

Вейсман со своим корпусом был уже на горе. Неприятельские батареи, не умолкавшие все это время, усилили огонь по бывшему своему редуту, как только в него въехал фельдмаршал со свитой. Румянцев велел еще ближе подвинуть батареи к городу и открыть ответный огонь.

- Ваше превосходительство! - обратился наконец он к Вейсману. - Вы остаетесь здесь полновластным хозяином и употребите все для того, чтобы утвердиться на этой высоте, которая повелевает сим городом.

- Я сделаю все, ваше сиятельство, чтобы твердой ногой встать на этой высоте.

- Генерал-поручику Ступишину приказываю со своим резервом вернуться в лагерь главного корпуса.

Вместе со Ступишиным, Вейсманом, Потемкиным и другими генералами и штабными офицерами Румянцев объехал войска и осмотрел окрестности Нагорного редута и места, которые подступали к самому городу.

- Господа! Расстройка в колоннах генерала Потемкина, случившаяся в начале атаки редута, помешала вместе с тем штурмовать город другими колоннами, стоявшими на подступах. А может, это и к лучшему. Вы сами видите, как велико число обороняющихся. В будущую ночь мы зажжем город, немедленно сделайте надлежащие к тому приготовления. Если мы не подготовимся, то много напрасной крови прольется. Алексей Алексеевич! Уводите свои войска к главному корпусу, пусть чуточку отдохнут.

Ступишин поехал к своему корпусу, Вейсман поднялся в окопы Нагорного редута. Потемкин хотел что-то спросить фельдмаршала, но тут к фельдмаршалу подскочил разгоряченный офицер и доложил, что неприятель большими силами наступает на их тыл по Базарджикской дороге. «Как раз там, видно, где мы недавно стояли на высоте и наблюдали за сражением», - как-то спокойно подумал Румянцев.

- Ваше превосходительство, Григорий Александрович! - обратился он к Потемкину. - Хорошо, что вы не уехали. Берите всю вашу кавалерию и обратите ее против неприятеля, а наш вестник покажет вам дорогу. Вслед за кавалерией пусть поспешает и весь ваш корпус.

Не успел Румянцев отъехать от горы, как увидел корпус Потемкина в боевом порядке, спешивший к дороге на Базарджик. «Пошлю-ка из главного корпуса ему в помощь кого-нибудь, - подумал Румянцев. - Вот ведь местность - одни холмы, впадины, горы, леса, овраги... Не зря ведь говорят: страна разбойников.

Действительно, хорошо здесь скрываться тем, кто готовит тайные нападения».

Не успел Румянцев, скакавший к главному корпусу без всякого конвойного сопровождения, преодолеть и полпути, как навстречу выскочил офицер, на лице которого написаны испуг и растерянность.

- Ваше сиятельство! Туда нельзя! Вы отрезаны от главного корпуса!

- Как, ведь только что мне докладывали - неприятель на Базарджикской дороге, - удивился Румянцев.

- Нет, ваше сиятельство! Конница Черкес-паши ворвалась сюда и сбивает все наши заградительные посты. Вы и сами сейчас ее увидите...

«Ничего себе, фельдмаршал российских войск в плену у турок! Хорошенькое дельце! Может, Ступишин успеет вызволить своего главнокомандующего? Хорошо, что я приказал ему поспешать к главному корпусу», - думал Румянцев, затаившись в лесу, где застал его уведомитель.

Через несколько минут на дороге показалась неприятельская конница. Она двигалась совсем близко от Румянцева, казалось, бесконечной лентой.

В это же время генерал Ступишин, поспешая к главному корпусу, неожиданно увидел неприятельский сикурс и, мгновенно развернув боевые порядки своих полков и батальон Михаила Румянцева, приказал им атаковать. Грянула пушечная и оружейная стрельба. Неприятельская конница дрогнула, стройные ряды ее смешались.

Фельдмаршал Румянцев в сопровождении небольшой группы штабных офицеров поскакал в лагерь главного корпуса. Оттуда по его приказу тут же помчались на помощь Ступишину Тверской и Московский кавалерийские полки. С другой стороны подоспели кавалеристы генерала Потемкина. И турки

заметались, окруженные со всех сторон. Бросились на Шумлинскую дорогу, которая, по их расчетам, была свободна, но и там их встретил премьер-майор Любимов. Силы их, конечно, были неравны, но отряд премьер-майора отважно бился с неприятелем.

От захваченных пленных Румянцев узнал, что этот неприятельский корпус в семь тысяч конницы был послан Нуман-пашой, как только раздались пушечные выстрелы около Силистрии, для оказания помощи осажденным. Теперь Нуман-паша идет от Базарджика с двадцатью тысячами пехоты и конницы, идет скорым маршем и остановился не далее тридцати верст отсюда. Цель его – ударить с тыла по атакующим и освободить Силистрию от осады.

Появление свежих войск во главе с опытным полководцем резко меняло обстановку. Румянцев должен был теперь думать не только о Силистрии, где вплоть до сумерек корпус Вейсмана вел неумолчную оружейную и пушечную пальбу, но главным образом о достойной встрече неприятеля, пытающегося окружить его с тыла. Двадцать тысяч Нуман-паши да тридцать тысяч гарнизона Силистрии – это уже серьезная сила, которая может сдавить в своих объятиях так, что и жив не будешь... К тому же турки, энергично действуя против отряда барона Игельстрома, сбили его с занимаемых позиций недалеко от крепости и заставили отойти.

К вечеру Румянцев решил собрать военный совет. Обстановка складывалась так, что ее необходимо было обсудить. Один за другим прибывали генералы Ступишин, Потемкин, Унгерн, Вейсман, Василий Долгоруков, Игельстром, Волков, Тургенев, Ригельман, Муромцев.

Перед самым советом, словно для утешения, Юрий Долгоруков доложил об успешном поиске на Туртукай. С рассветом 17 июня четырехтысячный отряд Суворова,

переправившись на правый берег, разгромил деташемент турок, которые потеряли в этом сражении 800 человек убитыми, в том числе и одного из своих предводителей. Захватив богатую добычу, в том числе много продовольственных товаров, 25 новых шаек, 6 мачтовых судов и 4 лодки, Суворов вернулся на свой берег Дуная, потеряв 6 человек убитыми и 96 ранеными.

- Господа! Я пригласил вас на военный совет по обстоятельствам чрезвычайным, - обратился Румянцев к собравшимся генералам. - Обстановка круто изменилась. Вы все уже знаете, что к нам идет Нуман-паша. Знаете также, что барон Игельстром, известный в наших войсках своим мужеством и отвагой, вынужден был отступить от городских стен Силистрии, желая сохранить своих людей от жесточайшего урона. И хотя мы добились успеха и завладели Нагорным редутом, но также испытали, сколь велики силы неприятельские и с каким отчаянием и мужеством он укрепления защищает. Следственно, если город брать приступом, нельзя избежать в людях великой утраты. Тем более, что у нас нет большой артиллерии и лишних снарядов для бомбардировки города, а использование полевой артиллерии, вы видели, желаемого успеха не дает. Вы знаете также наше деликатное положение, когда все наши припасы, в том числе и пропитание, за Дунаем. А пред собою и в округе мы имеем многочисленного неприятеля. Напомню также вам, что город Силистрия нам нужен только для того, чтобы не оставить его в нашем тылу, если мы пойдем на верховного визиря в Шумлу, где он обретается. Но, по известиям, полученным от пленных, визирь, послав войска на оборону Силистрии и Нуман-пашу в наш тыл, остался почти без войска, держится налегке и может каждую минуту, заметив наше движение к нему, уйти в горы. Решайте, господа!

Поздно вечером военный совет в составе четырех генерал-поручиков и четырех генерал-майоров постановил: «Корпус генерал-майора барона Вейсмана вывести из ретраншемента неприятельского и присоединить в ту же ночь к корпусу генерал-поручика Потемкина, а по соединении им обоим взять позицию на левом крыле главного корпуса, дабы соединенными силами при всяком покушении неприятельском удобнее было его поразить; а и главному корпусу взять другой лагерь, поелику тогдашний был между лесом, за которым неудобно было открывать и самого ближнего движения неприятельского».

В ту же ночь генерал Вейсман, сняв артиллерию, покинул с таким трудом захваченный ретраншемент и раскинул свой лагерь рядом с корпусом Потемкина. А к вечеру того же дня, когда словно разверзлись небеса и шел нескончаемый ливень, Вейсман и Потемкин заняли свои места рядом с главным корпусом.

Главный корпус армии отошел 20 июня к мостам на реке Галице, которые охранял полковник Огарев с Пермским пехотным полком. В тот же день Огарев прислал к фельдмаршалу своего нарочного доложить, что его людьми замечен большой неприятельский лагерь между деревнями Кучук-Кайнарджи и Биюк-Кайнарджи. Румянцев немедленно отправил в том направлении генерала Муромцева с командой для рекогносцировки.

К вечеру того же дня Румянцев узнал, что значительные силы неприятеля расположились в долине Кайнарджи, а это серьезно угрожало безопасности его тылов и Гуробальской переправе, которая дает возможность бесперебойного снабжения армии всем необходимым.

- Лагерь неприятеля, ваше сиятельство, пространный, - рассказывал генерал Муромцев. - Точно число войск невозможно определить, поелику они стоят

в таком глухом месте, что близко туда никак не подойти – кругом густой лес, узкие дефиле...

– А если корпус неприятеля значительный, то почему он не нападает на небольшой пост полковника Огарева? – недоумевал Румянцев. И тут же сам себе отвечал: – Скорее всего, можно предположить, что в том крепком месте затаился разбитый неприятель. А может, небольшой detaшемент охраняет свои обозы, кои не может провезти в Силистрию? А может, это просто затаился неприятель, чтобы примечать наши движения? И если мы пойдем штурмовать Силистрию или при возвращении к Гуробалам через дефиле, может зайти к нам в тыл? Следите, Матвей Васильевич, за неприятелем. Он хитер, коварен. Сколько раз уж так бывало, что он обманывал нас многочисленностью своих палаток, а потом многие из них оказывались пустыми. Конечно, это очень важное известие, я приму необходимые меры. Вы будете сопровождать барона Вейсмана к расположению неприятеля.

Дежурному генералу Юрию Долгорукову он приказал вызвать Вейсмана и, передав в его распоряжение Троицкий, Кабардинский, Невский и Ширванский пехотные полки, два батальона гренадер, карабинерные Московский и Тверской, Харьковский гусарский, пикинерный Елисаветградский и полк донских казаков, направить сей detaшемент к местоположению неприятеля, атаковать его и, по возможности, разбить.

– Пусть выступают на рассвете, Юрий Владимирович. Генерал-майор Муромцев пойдет вместе с бароном Вейсманом. Ему известно положение неприятельское.

В полдень на следующий день от Вейсмана прибыл подполковник граф Девиер.

– Ваше сиятельство, – доложил он, – барон Вейсман, сближаясь с неприятелем, подошел к путям

непроходимым. Местность так пересечена оврагами, лесом и дефиле, что невозможно к лагерю и подступить.

- Ищите удобства! Нужно найти такой путь, который позволил бы незаметно подойти к туркам и ударить внезапно. Ищите проход! В случае же если не будет к тому никаких возможностей, пусть держит под наблюдением дорогу к Гуробалам, чтоб неприятель не захватил ее. Ради обеспечения безопасности армии и чтоб упредить всякие вредные намерения неприятельские, завтра, 22 июня, двинем главный корпус к реке Галице, постараемся пройти через мосты, миновать все большие горы и тесные дефиле и выйти к высотам, которые лежат в шести верстах от нашей переправы. Корпус Потемкина пойдет сим же путем вслед за мною. Так что передайте барону Вейсману, что мы будем готовы прийти ему на помощь, если там окажется больше неприятельского сикурсу, чем мы предполагаем.

Граф Девиер поскакал к Вейсману. А фельдмаршал Румянцев отдал приказ выступать из лагеря по направлению к мостам через реку Галицу.

Глава 7

Смерть генерала Вейсмана

Рано утром 22 июня во время движения главного корпуса с южной стороны, из долины Кайнарджи, послышалась пушечная пальба. «Значит, – подумал Румянцев, – Вейсман пошел на неприятеля».

Шум сражения глухо доносился оттуда, но никаких известий не поступало. Тревожно было на душе у Румянцева. На всякий случай движение армии строго охранялось правой колонной, шедшей в боевой готовности. Наконец Румянцев увидел испуганного всадника, скакавшего к нему.

– Ваше сиятельство! Корпус Вейсмана разбит, все в панике побежали... – пролепетал заикавшийся от страха пикинер.

– Не может быть сего! – вскричал фельдмаршал. – Вейсман не мог допустить до того! Взять его и посадить под арест как вредного беглеца и паникера!

Но после этого сообщения тревога прочно поселилась в душе фельдмаршала. «Вот и подтверждаются мои предположения. Нельзя идти сюда с тринадцатитысячным корпусом, выдавая его за могучую армию. Подвергать опасности жизнь вверенных мне людей... И ради чего? – приходили Румянцеву все те же мысли, которые не давали давно уж ему покоя. – Но что с Вейсманом? Разбит? Нет, не верю...»

Вскоре прискакал нарочный: генерал Муромцев сообщал в своем наспех написанном рапорте, что многочисленный неприятель полностью разбит, наши полки овладели его лагерем и всей артиллерией, ведется преследование бежавших с поля боя.

Легче стало на душе. Шум боя удалялся. Румянцев послал Потемкина с кавалерией для преследования побежавшего неприятеля. Она верст тридцать гнала его от места боя.

Вслед за радостным известием пришло и скорбное: генерал-майор и кавалер барон Вейсман фон Вейсенштейн, преодолев все неприступные места, торжествуя победу над превосходящими его лучшими турецкими силами Нуман-паши, был сражен пулей, которая пронизала насквозь его грудь и сердце. Смертельно раненный, он еще находил в себе силы ободрять своих подчиненных.

Румянцев, глядя на устало бредущих солдат, приказал остановиться на ночлег. Вокруг началась привычная суэта, а фельдмаршал, усевшись на раскладной стульчик под купой деревьев, еще и еще раз сопоставлял словесные и письменные рапорты, полученные в этот день. Как противоречивы все эти известия, то горечью и тревогой обольют сердце, то радостью и ликованием наполнят его, то снова нахлынут страдания и боль... Румянцев просматривал письма, найденные в турецком лагере, документы. Не все понимал, но смысл отчетливо доходил до него. «Да, еще один корпус побежден в полевом сражении. А ведь Нуман-паша считается между турков астрологом и искусным полководцем, успешно пред сим командовал в Грузии. Да и Ибраим-, Черкес- и Курт-паши – опытные воины. Не помог им и грозный приказ визиря, не помогли и десять тысяч далкаличей, фанатичных и алчных, присягнувших сражаться одной только саблей... Верховный визирь грозил и султанским гневом, и Божиим судом, призывая его напасть на наши войска во взаимодействии с силистрийским корпусом. И действительно, он прав, этот верховный визирь: тогда бы и смогли они зажать меня в своих объятиях, да так, что не спаслась бы ни одна нора наша. Но Бог милостив

к нашему оружию. А может, и мы еще не разучились соображать, попадая в сложные и безвыходные положения? Ведь если бы не случайность, то мы бы ничего не узнали об этом лагере, так хитро скрытом в глухом месте и недоступном. Нуман-паша был готов пресечь нам проходы к переправе и ударить с той стороны, откуда мы не ждем нападения. Вовремя мы разгадали коварство астролога! Но если б не корпус Вейсмана, его личная храбрость и великое усердие к службе нашему Отечеству, то Нуман-паша выполнил бы свое намерение. Ах, Вейсман, Вейсман!.. Какая горькая потеря... Кто его заменит?»

Поздно вечером, когда жизнь лагеря вошла в привычное русло, Румянцев получил донесение от генерала Голицына, который временно, как старший по чину, заменил убитого Вейсмана. Из его рапорта Румянцев узнал подробности атаки и сражения, узнал, что победители, захватив неприятельский лагерь с многочисленным обозом, разделили по себе захваченную добычу, истребили то, что не смогли взять. Вся артиллерия неприятеля – двадцать пять орудий – захвачена. Эта победа не могла не радовать, она освободила армию от засады, которая могла повлечь за собой всякие неожиданности и случайности. И на следующий день в честь этой победы «принесли мы Всевышнему, нам в том помощнику, благодарные молитвы в главном корпусе с пушечною пальбою», признавался Румянцев.

В этот же день вернулся Потемкин, посланный на преследование турок. Он сообщил, что в той стороне, куда бежал неприятель, нигде не нашел его войска. Гарнизон Силистрии тоже не предпринял против отходящей русской армии никаких действий. Перед фельдмаршалом Румянцевым возникли трудные вопросы. Он допускал, что разбитый неприятель действительно побежал к Базарджику, а возможно, и к

Шумле. Так что дорога на Шумлу свободна, и можно беспрепятственно идти туда. Но что ждет армию, если она доберется туда, преодолев «узкие дороги с чрезвычайными горами и ущельями» и безводные пространства? Визирь, если у него мало сил, каждую минуту может подняться в горы и уйти за Балканы. А если у него много войск, то что может сделать с ним изнуренная после боев и тяжелого перехода русская армия? И что сейчас он может предпринять против неприятеля, многократно разбитого его армией? Но эти сражения не прошли и для его людей бесследно. Он видел, как от постоянных сражений люди его доведены до бессилия. Вся кавалерия пришла в плачевное состояние... И ничего тут не поделаешь! Лошади ни на час из-под седел не выходили, все время были в деле, в непрерывном движении, а кормили же лошадей одним тростником, травы ж на сих гористых местах отнюдь не было... Да и за тростником нужно было каждый день далеко ездить, опять же гонять лошадей. А если не доставлять каждый день тростник, то он стареет и становится непригодным к корму... Люди-то выдержат и нечеловеческие условия, а вот с лошадьми ничего не поделаешь, если они обессилели.

После тяжелых раздумий Румянцев созвал 24 июня второй военный совет. Собравшимся генералам он сказал:

- Господа! Перед нами стояли две задачи - покорить Силистрию и разгромить верховного визиря в Шумле. Посланного верховным визирем против нас Нуман-пашу мы разгромили и прогнали к Базарджику и Шумле. Дорога туда свободна. Но дорога, к тем местам ведущая, столь тесна между гор и ущелий лесных, что не только артиллерию, но даже наших повозок, надобных для перевозки провианта, протянуть по оной нет возможности. А еще на больших переходах и воды достаточно не имеется... Так что пройти к Шумле с

большим корпусом невозможно, а сюрпринировать* визиря – еще меньше. Ибо, как известно, он, послав свои войска на помощь Силистрии и в наш тыл, остался совсем налегке. Так что даже в том случае, если мы достигнем Шумлы, его там не застанем, он удалится в горы. Вывод – поиск на Шумлу не только неудобен, но может оказаться и бесполезным. Итак, нам остается вторичное покушение на Силистрию. Но вы знаете, что в ней больше тридцати тысяч войска. Об этом говорится в письмах Осман-паши, которые мы нашли в походной канцелярии Нуман-паши. Да и сам город весьма укреплен и снабжен довольно артиллерией. И мы наверняка потеряем несколько тысяч людей, чтобы захватить город. Да и сумеем ли его взять? Ведь у нас нет никаких осадных и штурмовых приспособлений. Но даже в том случае, если б мы одержали успех, то неминуемая утрата в людях довела бы нас до того, что мы не смогли бы не только на здешнем берегу действовать, но и в случае надобности подать помощь на оба свои фланга в Валахии и Бессарабии. И последнее, что хочу я вам сказать. Овладение Силистрией вовсе не решает всех задач нынешней кампании – это лишь промежуточный шаг. Я уж не говорю о том, что кавалерия наша изнурена до крайности, вы это все хорошо знаете. Решайте, господа, я подчинюсь вашему мнению, если вы найдете лучший выход из создавшегося положения, чем возвращение на левый берег Дуная.

Но на этот раз все генералы были единодушны. И после обсуждения положения армии в Задунайской области «согласно постановили... перейти главному корпусу здесь при Гуробалах чрез Дунай на свой берег и там расположиться...».

В тот же день снялся с лагеря Бессарабский корпус под командой генерал-майора Викентия Викентьевича Райзера и ушел в Измаил. 25 июня начала переправу

армия Румянцева, сначала главный корпус, а затем корпус Потемкина. 27 июня Румянцев благополучно возвратился на свой берег Дуная и занялся приведением в порядок оборонительных постов, прекрасно понимая, что вскоре турки осмелеют и устремятся большими силами на русские полки.

Лагерь главного корпуса расположился там же, где и был перед походом за Дунай, при деревне Жигалее. Снова началась лагерная жизнь, полная тревог, неудобств и сомнений... Сюда уже стекались донесения командующих корпусами, приходили письма. Одно из них порадовало фельдмаршала: «Граф Петр Александрович! Сего утра я получила письма Ваши от 14 дня июня, из которых я, к большому моему удовольствию, усмотрела счастливый Ваш переход с армиею чрез Дунай, с чем Вас от всего сердца поздравляю, желая при том Вам божеской помощи во всех впредь за Дунаем предприятиях; а как Вы сей празднования восшествия моего на Всероссийский Престол сделали весьма на сей день радостным, то я пожаловала и сына Вашего графа Михаила Румянцева полковником. Пребывая, впрочем, к вам доброжелательна...»

Ясно, что Екатерина II писала это письмо 28 июня, в день своего восшествия на российский престол... Если бы она узнала, что он уже возвратился на левый берег Дуная, то вряд ли такое уж удовольствие испытала в тот день, а граф Михаил Румянцев не стал бы полковником. Вот ведь действительно пути Господни неисповедимы, не знаешь, что ждет тебя завтра.

После возвращения в свой лагерь Румянцев много работал: писал письма, ордера, давал устные распоряжения своим подчиненным, собирал сведения о потерях и выигранных сражениях. На одно составление реляции Екатерине II ушло несколько дней. И это естественно. Нужно было подробно изложить ход

событий за две недели пребывания армии в Задунайской области и причины возвращения ее на левый берег.

Отмечая мужество и усердие рядовых и офицеров, описывая события, в ходе которых малыми силами побеждали «превосходное число неприятеля», Румянцев просил ее императорское величество оказать свое высочайшее благоволение за «несравненный труд» и «оказанные подвиги» тем, кто участвовал в этом походе. Прежде всего он называет Ступишина, барона Унгерна, Потемкина и князя Долгорукова, которые «в трудах и действиях против неприятеля были мне помощники и с полною ревностью к пользе службы, где кому был случай, употреблялись...». «Достохвальное мужество и рачение» при исполнении своего долга воинского проявили генералы Тургенев, Ригельман, Мелиссино, Муромцев, полковники Петерсон, Воронцов, Кличка, Чертов, Левиз, Увалов...» Ни одного мужественного поступка не пропустил Румянцев, называя и иностранных волонтеров, и камер-юнкеров, и поручиков, и флигель-адъютантов, и корнетов, и сержантов...

«Счастливым я себя признаю, - писал Румянцев Екатерине II, - то, перенесши оружие за реку Дунай, удостоился к славе оною приобрести там новые успехи, но не меньше к счастью моему обращаю и то, что без всякой потери учинил я обратную переправу и стою уже на своем берегу. Не мог я гоняться по местам непроходимым за особою одного верховного визиря. Предложения Ваши были, всемилостивейшая государыня, чтоб разбить визирскую армию, доколе она не будет еще в полном собрании на той стороне. Сие мною и учинил я, победив те войска, которые он против меня отряжал и боле коих не имел уже у себя».

Но в реляции всего не скажешь. И Румянцев решил написать еще и письмо, в котором высказал более

смело и откровенно свои мысли и переживания, предчувствуя торжество своих врагов при дворе, когда они узнают о его мнимой неудаче: «Предвидя, что персональные мои неприятели выводят меня на пробу жестокую, тогда как силы, мне вверенные, приведены в великое ослабление, дерзнул я... по чистой совести и долгу всеподданнейшему, донести Вашему Императорскому Величеству о всех трудностях в настоянии перехода за Дунай. Воображения мои тогдашние с испытанием настоящим в том только разнятся, что казавшееся с сей стороны многотрудным далеко больше найдено неудобным. Будучи на той стороне, бывшие со мною там генералы остаются свидетели, сколько я старался до последней черты, не щадя ни трудов, ни жизни, выполнить высочайшую волю Вашего Императорского Величества, имея токмо под именем армии корпус небольшой в 13 т. пехоты на все действия с визирскими силами, которые, однако ж, побиты и рассыпаны; словом, не испытано разве только то, чего одолеть не может человечество. Чрез сей поход многотрудный весьма утомлены люди, а лошади дошли до крайнего изнурения, и я не могу сокрыть пред Вашим Величеством угнетающих меня трудностей по пункту оборонительного положения, в которое нелегко мне попасть с прежнею твердостью, рушившись из оногo до самой пяты.

Еще я дерзаю, всемилостивейшая государыня, изъяснить пред вами дух усердного и верного раба о положении супротивного Дунайского берега по очевидному уже моему дознанию, что есть ли продолжать на нем военные действия, то не удвоить, а утроить надобно армию; ибо толикого числа требует твердая нога, которой без того иметь там не можно в рассуждении широты реки, позади остающейся, и трудных проходов, способствующих отрезанию со всех сторон, для прикрытия которых надобно поставить

особливые корпуса, не связывая тем руки наступательно действующего, который чрез леса и горы себе путь сам должен вновь строить... Сознаю пред Вашим Императорским Величеством, что, служа не первую войну, пять лет сряду ощущал я ослабление в себе душевных и телесных сил, и, полагая счастье свое во угождении высочайшей воле Вашего Императорского Величества и в благе Отечества моего, охотно я такового желаю увидеть на своем здесь месте, кто лучше находит моего способы удовлетворить обоим сим драгоценным предметам...»

Глава 8

Письмо Екатерины II

В эти летние месяцы после Задунайского похода в военных действиях наступило относительное затишье. Сразу же после возвращения Румянцева на свой берег Дуная ликующие турки устремились вслед за ним, надеясь, что русские вообще покинут побережье. Визирь распорядился начать наступление из Силистрии, Рущука, Никополя, Турно и Виддина. И действительно, в конце июня турки попытались перейти на левую сторону реки, но повсюду были отбиты и отброшены за Дунай.

По донесениям наблюдателей и по рассказам пленных, на той стороне Дуная продолжалось оживление и шло накопление сил. Но новых попыток наступления турки не предпринимали. И эта передышка была необходима русским для укрепления оборонительных линий и организации новых постов.

Свой лагерь Румянцев перенес к устью реки Яломицы, поближе к Гирсову, единственной крепости, занятой русскими на правом берегу Дуная. По новому расписанию центром стал командовать Ступишин, в распоряжении которого оказались генерал-поручики Федор Глебов и Юрий Долгоруков, генерал-майоры барон Игельстром, Милорадович, Волков, князь Григорий Волконский. Правым крылом армии по-прежнему командовал граф Салтыков, а в подчинении у него были генерал-поручик Михаил Каменский, генерал-майоры Петр Текелли, Юрий Трубецкой, Силим Энгельгардт, Карл Камеен, Сергей Колюбакин. Левым крылом армии, или Бессарабским корпусом, стал командовать генерал-поручик барон Унгерн, а отдельными частями его – генерал-майоры Викентий

фон Райзер, Гаврила фон Траубенберг, Николай Чорб. В резервный корпус под командой генерал-поручика Потемкина входили отдельные отряды генерал-майоров Александра Суворова, Николая Каковинского, князя Петра Голицына. Дежурным генералом при главной квартире стал генерал-майор Василий Долгоруков.

Румянцев точно обозначил каждому корпусу место его расположения, задачи и цели, наказав держать тесную связь с соседними войсками, согласовывать с ними свои действия, оказывать в случае нужды помощь, извещать их о собственных действиях и движениях.

В эти месяцы ничего особенного не происходило. Лишь небольшие отряды перемещались то в одну, то в другую сторону по берегам Дуная. Но по всему чувствовалось, что серьезные события назревают. И Румянцев спокойно ожидал их, укрепляя прежде всего Гирсов – вполне вероятный пункт нападения турок. А чтобы сорвать возможный поиск неприятеля, он приказал барону Унгерну перейти на правый берег Дуная и атаковать Бабадаг. Затем Румянцев вызвал Александра Суворова и в беседе с ним показал все значение для русской армии небольшой крепости Гирсов.

– Вы, Александр Васильевич, за короткое пребывание в нашей армии снискали себе славу вашим искусством и усердием к службе. Два похода на Туртукай послужат к вашей славе и славе русского оружия. Гирсов значителен не только сам по себе, но и как пункт, необходимый для связи на том берегу. Вы, стоя тут, у Гирсова, держите всегда в напряжении неприятеля, не допускайте его войска до соединения куда-либо совместно... В эти дни неприятель и сухим путем, и на судах приближался вновь к Гирсову, Милорадович недавно отогнал его, но ясно, что он не успокоится до тех пор, пока не овладеет сим замком, в котором мы удерживаем твердую ногу. Чтобы сорвать

их поиск, я приказал Потемкину переменить свою позицию и придвинуться к берегу Дуная, к Чеканешты, для ложной демонстрации, чтобы навести на неприятеля страх и воспрепятствовать его устремлению к Гирсову. Рекомендую ему высадить какую-либо партию на супротивный берег между Туртукаем и Силистрией, а может, и в каком другом месте. В эти же дни я подвину и от себя бригаду к устью Яломицы, готовую атаковать неприятеля, если он решит приступить к обложению Гирсова. Так что помощь вам будет обеспечена.

Суворов ушел, а Румянцев подумал, что только Суворов, пожалуй, может сейчас восполнить потерю погибшего Вейсмана.

Не довольствуясь словесными объяснениями, 4 августа 1773 года Румянцев направил Суворову ордер, в котором, в частности, были и такие слова: «По настоящему укреплению в Гирсове и числу состоящих там войск не может быть опасным покушение неприятельское без надлежащих орудий и приготовлений к атаке. Я же, ведав образ ваших мыслей и сведений, предоставляю собственному вашему искусству все, что вы по усмотрению своему и пристройке нужным найдете прибавить там на вящую пользу.

Делами вы себя довольно в том прославили, сколько побудительное усердие к пользе службы открывает вам путь к успехам.

На сие, как и на искусство ваше, весьма мне известное, довольствуюсь я возложить сохранение и оборону сего нужного поста и придать делу собственного ж вашего предусмотрения воспользоваться иногда случаем к поиску каковому-либо над неприятелем, как равно и открывать оной...»

Суворов укреплял Гирсов, налаживал связь с Унгерном, продвигавшимся по правому берегу Дуная;

граф Салтыков тоже вел приготовления к встрече с неприятелем, беспокоя его порой неожиданными атаками. Потемкин, занимавший позицию между Гирсовом и Журжею, тоже должен быть всегда готовым к встрече неприятеля.

Так что оборонительные посты Румянцеву удалось не только восстановить, но и усилить их готовность, потому что слухи о нападении турок на левый берег Дуная подтверждались данными разведки.

В эти дни Румянцев, получив письмо Екатерины II, вновь и вновь мысленно возвращался к Задунайской экспедиции, переживая обостренное недовольство Петербургом и его стремлением давить на него своими бессмысленными командами.

Вот оно, письмо из Петергофа, от 18 июля сего года: «Граф Петр Александрович, любя истинное благо империи и для того желая не менее многих восстановления мира, чистосердечно Вам скажу в ответ на Ваше ко мне партикулярное письмо из лагеря при деревне Жигалее от 30 июня сего года, что известие о возвратном Вашем перешествии через Дунай не столь мне приятно было, как первая Ваша с армиею переправа чрез сию реку, с которою я Вас столь искренно поздравила письмом моим от 28 числа прошедшего месяца, ибо мню, что возвращение Ваше на здешний берег не будет служить к ускорению мира...

...Теперь приступаю я к другому предмету Вашего письма, то есть к живому описанию положения Вашей армии, о которой вы пишете, что под именем армии не более имеете, как корпус небольшой в 13 000 пехоты на все действия с визирскими силами. Признать я должна с Вами, что армия Ваша не в великом числе, но никогда из памяти моей исчезнуть не может надпись моегоobeliska по случаю победы при Кагуле, на нем начеканенная, что Вы, имев не более 17 000 человек в

строю, однако славно победили многочисленную толпу, предводимую тогда визирем Галил-беем, с которым считалось до полутора ста тысяч человек, что весьма во мне утвердило правило, до меня римлянами выдуманное и самыми опытами доказанное, что не число побеждает, но доброе руководство командующего, совокупленное с храбростию, порядком и послушанием войск... Все, что делать ныне могу, есть то, что я из польского корпуса приказала к Вашей армии послать несколько еще полков для усиления оной, и надеюсь, что они еще ко времени к Вам приспеют, ибо полагаю по нынешним Вашим мне уведомлениям, что большая часть летнего времени исчезнет, и, следовательно, обыкновенное время кампании сей, прежде нежели Вы в состоянии будете паки принудить Вашими действиями неприятеля к ускорению мирных договоров, в сем и прочем я Вам руки не связываю, как теперь, так и прежде в совершенной Вашей воле состоит наносить неприятелю все те удары, которые по мере сил Ваших Вам бог на сердце положит... Что же Ваши телесные силы чрез войну, водимую пять лет сряду, пришли в ослабление, как Вы о том ко мне упоминаете даже до того, что Вы охотно желаете увидеть такого на Вашем месте, который бы так, как Вы, полагал счастье свое в угождении воле моей и в благе отечества, о сем осталось мне сердечно жалеть, и конечно, колико Бог подкрепит телесные и душевные силы Ваши к предводительству орудий российских, империя не инако, как с доверенностию от Вас ожидать должна дел, соответствующих уже приобретенной Вами ей и себе славы, но со всем тем есть ли бы по человечеству свойственным припадкам Вы, к общему сожалению и моему, не в силах себя нашли продолжать искусное Ваше руководство, то и в сем случае я бы поступила с обыкновением моим ко всем в подобных обстоятельствах находящимся уважением. С победами,

полученными Вами за Дунаем, от всего сердца поздравляю Вас и желаю, чтоб Вы завистникам всегда ответствовали победами. Смерть храброго генерал-майора Вейсмана мне чувствительна весьма была, и много об нем жалею. Впрочем, остаюсь к Вам доброжелательна. *Екатерина*».

Сколько уж раз Румянцев читал и перечитывал это письмо, вникая в смысл каждого слова. Письмо, конечно, чуть-чуть приободрило его. Но державный тон так и сквозил в каждой строчке. И особенно больно ударили по его сердцу последние фразы. А кем она может заменить его? Возможно, когда-нибудь его заменит Александр Суворов, но пока он проявил себя как отважный и искусный полководец лишь в частных операциях и поисках. Сумеет ли он командовать хотя бы корпусом? Надо предоставить ему такую возможность, дать проявить себя как полководцу...

Сколько тут еще предстоит дел и забот!.. Нет, он не может оставить свой пост, слишком многое связано с этим краем, столько вложено собственных сил и здоровья. Но как мучительна несправедливость, и боль его душевная не исчезла после письма императрицы, как ни отговаривается она, будто не знает о его личных недоброжелателях и завистниках. Конечно, знает. И он сам знает, что происходило при дворе, когда там получили известие о его возвращении на левый берег. Сколько злобных слов расточалось по его адресу! А некоторые негодяи даже обвиняли его в том, что он бросил Вейсмана на верную гибель из-за того, что, дескать, позавидовал славе отважного генерала. Какие подлецы! Если б знали они, как тяжело переживал он гибель генерала, столь необходимого для исполнения его замыслов. Вон граф Григорий Орлов, отставка которого из покоев императрицы вовсе не устранила его с политической арены и он, как член совета, продолжает обладать влиянием при дворе, писал ему,

фельдмаршалу российских войск, что, дескать, он не пользуется благоволением придворной публики, что она осуждает его и предъявляет ему большой счет. Жалкое судилище! Если бы такой парламент был, в который он мог бы позвать общество на суд... Вот хоть такой, какой Древняя Греция имела под именем ареопага, в котором дела решались примером судилища. Он бы сам предъявил счет той публике, кто прав: он ли, предъявляя счет неблагодарной публике, или публика, незаслуженно обвиняя его в нераспорядительности и прочих грехах...

Сколько лет он провождает в поте и трудах, а не вкусил еще той радости, которую получают люди при воздаянии своим заслугам! Все люди имеют меру и цену своим делам, лишь только ему предоставлено всегда делать и тем только заслуживать негодование. Пускай забыты прежние победы, он их тоже вспоминать не будет. Но неужели настоящее его положение не трогает публику, когда его войска торжествуют над оттоманами? Из Древнего Рима и из Греции недовольная публика прогоняла лучших полководцев. Их заслуги припоминали лишь в нужде; иногда это бывало поздно. Неужто и его жребий таков же? Неужели и ему уготована к старости судьба отверженных полководцев? Нет, не в праздности и неге проводит фельдмаршал Румянцев время, а в поте и трудах. Они еще узнают правду о деяниях российских войск. Нет, не в праздности, как внушает о нем глас придворной публики, провождает он время. Скоро, скоро будут его войска вновь пить воду дунайскую...

До Румянцева доходили не только письма Екатерины II, графа Орлова, но писал ему и Обрезков, и граф Панин, писали близкие и родные. Так что он хорошо представлял себе, что творилось при дворе на пышных балах и приемах. Уж он-то не раз бывал предметом судилища этих господ.

«С полным военным звуком переходил я Дунай в оба пути, и, одолевши необычные трудности, подробно описав все, что там приключилось, мог ли я предполагать, что выкажут такое недовольство... Нет! Хоть знал я, на какую жестокую пробу выставляют меня, но, однако, и мое воображение не постигало еще того, что встретилось зрению в той земле, которую турки называют Делиарман – лес разбойничий. В сей раз Бог помог нам преуспеяниями довести неприятеля до того, что он не смел наступать по следам нашим, – думал Румянцев в эти августовские дни.

– О сколь трудно исполнять по чужим планам! Завидую счастливой способности тех людей, кои легко соображать могут и дела головоломные, а моя доля та же, что ослиная: носить всегда тягость, под которой приходится упасть. Если бы предположители операций сами посмотрели задунайские места, где, так сказать, сама натура противится образу нашего вооружения, что ни пешему, ни конному строю нет пути, и где от самих жителей шайки разбойничьи могут останавливать целую армию, признали бы они сами, что действия, ими предназначаемые, великих сил требуют... Пусть воины спекулятивные попробовали бы испытать то, что испытали мои воины. Тогда не так бы завидовали мне. Но если эти спекулятивные воины, хорошо воюющие только в своем воображении и не далее Петербурга, Петергофа или Царского Села, полагают нашу пользу в разбитии полевых войск, то сие исполнено с полным успехом. Пусть скажут, что больше можно сделать с тринадцатью тысячами войск в такой стороне, где нет пути, а камней протыкания и на совершенное падение весьма довольно...»

Румянцев испытывал не только мучительную душевную боль, порожденную сложными обстоятельствами. В эти августовские дни физические

страдания приковали его на несколько дней к постели. Суровая походная жизнь, лишения, которые он поровну делил с воинами своей армии, сказывались. К тому же и погода снова не радовала: дождь, ветер, пронизывающий до костей, а потом – испепеляющая жара, и снова дождь и ветер... Такая погода кого угодно может сломить, и не случайно в армии много было больных.

В один из дней, когда Румянцев, сломленный тяжким недугом, лежал в постели, в палатку главнокомандующего вошел генерал-поручик Ступишин и после обычных приветствий подал рапорт. Румянцев, прочитав его, недоуменно посмотрел на своего верного соратника, которому совсем недавно поручил командовать главными силами армии.

– Прошу об отставке, ваше сиятельство. Силы мои на исходе, не могу больше. Да и дела мои расстроены, – с грустью глядя на лежавшего фельдмаршала, сказал Ступишин.

– Неволить не могу, ваше превосходительство, понимаю, как тяжело приходится. Сам нахожусь при крайнем истощении сил. Вот доктора советуют отлучиться куда-нибудь под кровлю. Трудно терпеть суровость воздуха, необычную в здешних местах по такому времени, да и жестокие перемены погоды окончательно разорили мое здоровье. Но, видите, не могу я оставить армию в такое время. Да и никогда не удалялся я от случаев, где службой моей могу принести пользу Отечеству.

– У вас, Петр Александрович, совсем другое дело. Вон какая махина висит на вас. Да и вы – настоящий чудо-бога-тырь великорусский... Нам-то куда уж там, сил совсем нет. Устал настолько, что даже сон уже не берет и не дает отдохновения, – махнул рукой Ступишин.

- Эх, Алексей Алексеевич, это внешность у меня одна могучая, а силы тоже подорваны. Сколько уж лет без отдыха! Вон князь Репнин третий год на водах лечится, а моложе меня...

Румянцев давно знал Ступишина, верил ему и хотел ему, верному сподвижнику, раскрыть свою душу, хотя откровенность и не была принята в те времена.

- А пуще непогоды не дают мне покоя раны душевные, - продолжал Румянцев. - Своеручное письмо ее императорского величества я получил, чувствую премного отрады от слов и милостей ее, но боль душевная, какую я испытал, возвращаясь сюда через Дунай, никак не покидает меня. И знаю, что так поступить я вынужден был сложившимися обстоятельствами, знаю, что большего достигнуть не было возможностей, а душа болит... Вы слышали, какой крик подняли в Петербурге?

- И не только в Петербурге, ваше сиятельство, но и в Берлине, Париже, Вене и других европейских дворах. Стокгольм, говорят, тоже храбрится и пыжится. Но скажу я вам, ваше сиятельство, что злословия недоброхотов все равно не избежать, что бы вы ни делали. Слишком заметная фигура, а потому завистников много. А возвращаться с той стороны нужно было рано или поздно. Но вернулись-то мы по собственной воле, трижды разгромив неприятеля. Так что вернулись победителями, а теперь пусть он сюда сунется.

Ступишин говорил слова, которые лучше всяких лекарств воздействовали на больную от уязвленного самолюбия душу познавшего славу фельдмаршала. Сколько раз он думал об этом, но с такой простотой и откровенностью впервые слышал столь утешающие его слова. А Ступишин, почувствовав, что его слова чуточку облегчили душу дорогого ему человека, деловито продолжал:

- И то сказать, ваше сиятельство... Ведь до вас всегда мы уходили в конце каждой кампании на зимние квартиры. А теперь? Уже в первую кампанию вы поставили твердую ногу на берегу дунайском, распределив посты так, что каждый корпус, пребывая сам на зимних квартирах, мог в любую минуту дать отпор в случае неприятельского нападения...

«Господи! Какой бальзам он льет мне на душу! Хоть один человек оценил мою новизну...» - мелькнуло у Румянцева.

- ...Так что мы не начинали военные действия с прежнего пункта зимних квартир, а и на зимних квартирах продолжали удерживать перед этим завоеванную территорию. Не только в Кагуле и Ларге мы его разбили, но и тут...

- Как жаль, что вы уходите от меня! Конечно, я отправлю ваш рапорт в Петербург. Вы прекрасно понимаете меня, не зря, значит, так много прослужили вместе. Кагул, Кагул, - вздохнул Румянцев. - Вот и всемилостивейшая императрица вспоминает Кагул... Кагульская победа подлинно одержана с малым числом людей над превосходным. Но в октябре 1771 года низвержение неприятельского оружия было куда знаменитее. Сияние действия под Тульчей, Исакчей, Бабадагом и Бухарестом всячески затемнено. Хотя следствием оных побед стало прекращение дальнейших военных действий и начало мирных переговоров. И это понятно, потому что неприятель в упомянутых сражениях потерял всю многочисленную артиллерию, так что теперь пушки, что мы берем, все вылиты в 1772 году.

- Если бы войну выигрывали полководцы и их войска, ваше сиятельство, то мы давно бы праздновали победу и мир. Даже во время нашей недавней экспедиции неприятель потерял не меньше двадцати пяти тысяч человек. А сколько снаряжения мы

захватили! В том-то и дело, что упорство его на переговорах не есть упование на оружие, но на те страны, которые ему упасть не дают. А как только начинает падать, то тут же поднимают. Вот в их-то столицах больше всего и злословят сейчас...

- Верно, верно, Алексей Алексеевич! Сколько уж раз я думал об этих наших недоброхотах! Мешаем им полновластно господствовать в Европе, вот они и злобствуют... Ну, может, хоть теперь в Петербурге поймут, что нельзя в такую экспедицию посылать тринадцатитысячный корпус для того, чтобы разбить верховного визиря в Шумле с его многочисленным войском, которое может в любое время быть подкреплено из Варны, Адрианополя и даже Константинополя... А сколько раз я писал в Петербург о неудобствах, в которые приведена была наша пехота и кавалерия! Но там ничего и не сделано до сих пор. А сколько раз я докладывал, что нынешний способ комплектования армии - поздний привод рекрутов - не подкрепляет, а обременяет армию!

Румянцев подтянулся на кровати и лег повыше на подушках. Ступишин воспользовался минутной передышкой и, хорошо зная заветные мысли главнокомандующего, сказал:

- И как в Петербурге не понимают, что этих неучей, толпой к армии приходящих, нужно охранять и учить, а для этого необходимо расходовать опытных служащих! Вот потому-то, ваше сиятельство, и не пополняется наша армия, хотя рекрутские наборы каждый год ведутся.

- То проделки моих недоброжелателей в Петербурге! - словно обрадовался Румянцев: опять верный друг и сподвижник угадал его давние мысли. - За пять лет сряду на таком посту нажил я много завистников и недоброжелателей. Если б вы знали, какими новоизобретениями они пользуются, чтобы

опровергнуть мои мысли и предложения! Идут даже на прямую фальсификацию, показывая счет войска на бумаге вовсе не такой, какой есть на самом деле. И тем ставят меня в ложное положение при исполнении непреодолимых обстоятельств: либо неготовым, либо неискусным, вот как с этой Задунайской экспедицией...

- Против турецких крепостей невозможно с малыми силами сражаться. Другое дело в поле, тут мы всегда их побеждали, - сказал Ступишин.

- Не отказывался я никогда действовать с малыми силами. Но почему-то только у меня так получается вторую уж войну...

- А все-таки, ваше сиятельство, нет храбрее русского солдата, особенно если с ним по-человечески обходиться, тут он готов гору своротить, - задумчиво сказал Ступишин, словно вспомнив, как совсем недавно Румянцев, отрезанный от главных сил своей армии, чуть было не попал в плен к туркам, да спасли его солдаты.

- Храбрость, конечно, заменяет во многих случаях недостаток числа, - продолжал развивать свои мысли Румянцев. - Это могло бы стать неременным правилом, если бы сей редкий талант души врожден был каждому. Но помните, как побежали наши с Нагорного редута, достигнув уже его вершины? Вот почему некоторые генералы, собираясь на поиск, меряют свои силы числом, а не мужеством да уменьем солдатским.

- А что вы предполагаете успеть еще в этом году, ваше сиятельство? Может, мне не придется участвовать в последних битвах, но хочется знать о ваших планах, - спросил Ступишин.

- Конечно, попробуем еще раз сходить за Дунай, если турки здесь не возьмут верха над нами... Вы знаете, что я всегда оборону на своем берегу так прочил, чтоб удобнее было производить всякий поиск на супротивной стороне. Так что, возвратившись из Задунайской экспедиции, я помышлял не об одной лишь

обороне, но и о действиях наступательных. Доказательством тому может служить удержание замка Гирсовского на супротивном берегу, который опорной базой нам послужит. Сей важный пост поручил я теперь Суворову. Уж дважды неприятель устремлял свой поиск против замка, но не отваживался вступить в близкий бой. А за Дунаем, в Бабадаге, барон Унгерн свой пост установил. Оттуда он может быстро перейти в Измаил, и я могу усилить всякое его действие. Лишь граф Салтыков никак ни на что не отважится. Он, пожалуй, на все мои предложения совершить поиск за Дунай находит отговорки: опасно, говорит, у турок войска много... Вот такой у нас командующий в Верхней Валахии. А поделаться с ним ничего не могу: сильная рука у него при дворе... Жаль, что вы, Алексей Алексеевич, уходите, хорошим помощником мне были. Жаль...

Ступишин поднялся и, отдав честь фельдмаршалу и пожелав ему скорого выздоровления, ушел.

«Вот еще один опытный генерал покинул меня. Репнин, Боур, князь Долгоруков, князь Щербатов... Теперь вот Ступишин. А через месяц-другой многие генералы подадут рапорты об отпусках. И я их должен отпустить, а то обидятся, скажутся больными... – невесело размышлял Румянцев. – Одна надежда – есть Суворов, Каменский, оба задиристые, обидчивые, но отважные и талантливые командиры. Ох, побыстрее бы мир, так надоела война... Сколько ж можно проливать кровь христианскую...»

Глава 9

Русские за Дунаем

Сентябрь не сулил спокойствия. Впрочем, в июле – августе, прошедших в мелких стычках, покоя также не было. Много времени Румянцев и отрядные начальники уделяли боевому обучению войска, укреплению дисциплины, а также сбору разведывательных данных о неприятеле. Трудность тут заключалась в том, что из разных мест приходили разноречивые сведения о числе турецких войск и их предполагаемых действиях.

В конце августа Румянцев приказал Потемкину встать со своим корпусом на Дунайском побережье и показать Силистрии, что всерьез намерен вновь осадить ее. Это, по мнению Румянцева, привяжет неприятеля к крепости и не позволит свободно маневрировать своими войсками. Сюда же была направлена часть запорожских казаков с лодками для того, чтобы они своевременно преграждали турецким судам проход между Рущуком и Силистрией.

И как раз в то время, когда корпус Потемкина стал лагерем напротив Силистрии, неприятель собрался напасть на Гирсовский замок. С этой целью Нуман-паша, стоявший в Карасу, послал больше восьми тысяч пехоты и кавалерии под командой Джафер-паши, снабдив его артиллерией и всем необходимым. А в сторону Бабадага, где стоял корпус барона Унгерна, направил опытных военачальников с особыми отрядами, чтобы тем самым обеспечить тыл своих войск, действовавших против Гирсова.

Главный штаб русских получил также сведения и о намерениях турок напасть на Журжу, а из Никополя и Турно распространить свой поиск в Верхнюю Валахию.

Но вот где он ударит основными силами, Румянцев не знал.

И 3 сентября турки стремительно подошли к Гирсову. Но Суворов, ожидая их, приказал батареям замка подпустить их поближе, а свою пехоту и конницу расположил так, что отдельные отряды, скрытые от глаз неприятеля в оврагах и за высотами, в любой момент могли бы ударить по флангам рвавшегося вперед неприятеля.

Турки уже хозяйничали около замка, устанавливали свою батарею на небольшой высоте, вовсе не подозревая о хитрости русских. Наконец открыли огонь наши батареи. И тут пришло время действовать Суворову. С двух флангов ударили из засады русские на шедших тремя линиями (спаги на флангах, янычары в центре) турок. Не привыкшие сражаться в линейных порядках, турки смешались и вскоре побежали, уничтожаемые огнем и штыками. Казаки и гусары преследовали их более тридцати верст. Больше тысячи убитыми потеряли турки в ходе этого сражения, оставили на поле боя семь орудий и множество военных запасов. Русские потеряли десять человек убитыми.

По случаю этой победы «торжественные молитвы Всевышнему принесены в армии Вашего Императорского Величества», сообщал 7 сентября Румянцев Екатерине II, отметив, что Суворов «не только по-надлежащему строил свое против сего сильного и внезапного нападшего неприятеля сопротивление, но ко времени и к стати движением бригады, в запас на острове держанной, опроверг его опрометчивость и, преследуя бегущих турок верст до 30, отбил у них артиллерию, обоз и весь снаряд, привезенный для атаки укреплений...».

Только в начале сентября Румянцев получил уведомление от главнокомандующего войсками в Польше Бибикова, что полки, предназначенные для

укрепления его армии, вскоре выступят к нему. К Измаилу Румянцев приказал перевести из Бендер и Аккермана гренадерские роты и часть мушкетеров. Это потребовалось, чтобы обеспечить безопасность устья Дуная и оказать помощь корпусу Унгерна, который по-прежнему стоял в Бабадаге.

В середине октября Румянцев по разрешению Петербурга перебрался в Фокшаны. И пока не наступило время уводить войска на зимние квартиры, решил послать князя Юрия Долгорукова с тремя пехотными и одним кавалерийским полками через Дунай у Гирсова. Здесь он, соединившись с корпусом Суворова и установив связь с корпусом Унгерна, должен был совместно произвести поиск на Карасу. Сюда, по данным разведки, под команду Нуман-паши, стекались турецкие деташементы сераскир-пашей Омера и Дегистанли. Если не отогнать неприятеля с побережья, то нынешнее расположение его ничего хорошего не сулит русской армии во время пребывания на зимних квартирах.

Одновременно с этим Потемкин должен был, установив батарею осадных орудий на острове напротив Силистрии, открыть по ней огонь и зажечь город. Полагаясь и в этом случае на искусство и распорядительность командующего, Румянцев предложил ему, если «откроется удобность», и по Туртукайскому посту ударить. Генералу Салтыкову повелел учинить в каком-либо удобном месте поиск на супротивном берегу. Ну а уж если граф Салтыков не найдет возможности на такой рискованный шаг, то хотя бы попытался огнем своей артиллерии нанести вред городу Рущуку.

Теперь неприятель будет одновременно занят на всех участках и привязан к обороне. Так что думать о совместных действиях или хотя бы подать малейшую помощь кому-либо из своих он не сможет. И ежели в той

или другой части успех будет отвечать его намерениям, думал Румянцев, то уж он не упустит случая, чтобы развить и укрепить его. Если бы еще вовремя прибыли полки из Польши... Как он их ждал, не открывая заключительную часть кампании! Но в молдавские границы они вступили только в середине октября, да и то командующий ими генерал-майор Лопухин сразу же рапортовал, что по случаю суровой осенней погоды в полках увеличилось число больных, а многие повредили ноги на марше, и потому колонны вынуждены делать малые переходы. Ясно, что приход этих полков только умножит тягость расходов на их пропитание.

Октябрь был на исходе. Болезнь, чуть-чуть отпустившая фельдмаршала в сентябре, когда установилась теплая, ясная погода, снова скрутила его, как только пришло ненастье. К этому времени все европейские армии располагаются, по обычаю давно принятому, на зимние квартиры. А у него, Румянцева, половина армии еще воюет, и он не может точно предсказать, когда нынешняя кампания закончится, а главное, чем она закончится.

Получив разрешение от императрицы, Румянцев перебрался в Браилов. Но близость Дуная по-прежнему сказывалась на его состоянии, а потому он удалился в Фокшаны, где было несколько поменьше ветров и сырости. Два жестоких припадка, от которых он находился в «тягчайшей слабости», приковали его на какое-то время к постели еще в лагере. Врачи советовали ему покинуть неустроенность лагерной жизни, но ради службы Румянцев не щадил себя. Он не удалился ни от службы, ни от дел. Конечно, он понимал, что для пользы службы должен быть подвижным, чтобы вовремя одушевить и поддержать свои войска, знал также и то, что начальствующее лицо многое утрачивает в своих распоряжениях, если оно находится в болезненном положении и не может собственными

глазами видеть состояние своих войск. Но у него все было под рукой: карты, схемы движения корпусов, донесения и рапорты начальников и командиров.

Мысли его были прикованы к Задунайской области, где действовали два корпуса под водительством барона Унгерна и князя Юрия Долгорукова. Сначала Румянцев был доволен их действиями, активными и согласованными. Так, полковник Денисов, проявив воинскую смекалку и хитрость, заманил неприятеля в ловушку и уничтожил пятьдесят турок и взял семерых в плен. И потом два корпуса, согласно между собой действуя, обратили в бегство неприятельские силы под Карасу, уничтожая сопротивляющихся и забирая в плен складывающих оружие. Убитыми турки потеряли около полутора тысяч, а взято в плен 772 человека, в том числе трехбунчужный Омер-паша, Испир-чауш, Мегмет-паша, Осман-чорбаджи. Убегая, турки оставили весь лагерь с палатками, И пушек, 18 знамен, 3 бунчука и немалое число ящиков со снарядами и разных экипажей.

Пленные показали, что совсем недавно под командой Нуман-паши в Карасу было до двадцати пяти тысяч войска, но визирь лишил его чинов и сослал в замок Кавалакалеса «за... худые его успехи в сражениях». Вновь назначенный сераскир – трехбунчужный Дегистанли-паша – приказал отступить обозам и части пехоты, оставив всего лишь 15 тысяч войск, но и эти войска при виде стройных каре Унгерна и Долгорукова «бросились в бег». Дорого обошлось им это бегство... Пленные потом рассказали: Черкес-паша, высланный для рекогносцировки вперед, доложил сераскиру, что русских идет около 60 тысяч, и тут единственным спасением, с их точки зрения, был стремительный бег...

Румянцев был доволен и тем, что Унгерн и Долгоруков овладели городом Базарджиком, обратив в

бегство трехтысячную конницу все того же Черкесаши. Жители покинули город, кроме малого числа обедневших христиан и турок. Победителям досталось 18 пушек и 1 мортира, «несколько муки и довольное число ячменю и сена», что и послужило для продовольствия русских войск, на несколько дней оставшихся в городе для того, чтобы отдохнуть после изнурительных маршей.

Румянцев, предчувствуя военную удачу, которая наконец-то точно совпадала с планами Петербурга, предложил барону Унгерну «по лучшему его на месте усмотрению простерти свои поиски на Шумлу и на Варну, ища всего того лишить неприятеля, где бы он в той стороне мог иметь на зиму себе снабжение и убежище». Он приказал также генерал-поручику Глебову, ставшему вместо Ступишина командующим главным корпусом армии, выступить с полками от устья реки Яломицы к Гуробалам, разбить свой лагерь на высотах на берегу Дуная и демонстрировать свои намерения переправиться на правый берег.

Через несколько дней и Глебов, и даже граф Салтыков перешли на супротивный берег Дуная и готовы были, установив связь с передовыми корпусами, идти к Шумле. Но обстоятельства оказались вновь неблагоприятными для исполнения планов главнокомандующего.

В доме тепло и уютно. Румянцев в этот день поднялся с постели и с надеждой глянул в окно. Нет, погода ничуть не улучшилась. «Господи, за что ж Ты так прогневался на нас? – подумал Румянцев. – Три недели сряду беспрерывно льет дождь, а иногда и со снегом и жестокими бурями. В Петербурге и Москве-то это неудивительно, ноябрь на дворе, но здесь-то такая суровая и студеная погода в сию пору вроде бы необычайна. Дождь залил многие селения, а иные,

говорят, и с жителями снесло... Вон граф Салтыков доносит, что все мосты на реках снесло, а на Дунае и других реках многие суда наши оказались разбитыми...

Это как-нибудь переживем, ничего не поделаешь. Но как быть, когда на многие дни пресечена связь с корпусами? Если раньше курьеры по неделе дожидались переправы через реки, то теперь, когда совсем порушились коммуникации, и того больше. К несчастью, непогода как раз тогда, когда дорог каждый день и многое зависит от поспешного изворота в делах. Что там мои генералы предприняли после Базарджика? Взяли Варну? Пошли на Шумлу?»

Вошел Василий Долгоруков, дежурный генерал, с которым Румянцев близко сошелся за время болезни. Внимателен молодой генерал ко всем его замечаниям и предложениям, своевременно готовит все бумаги, необходимые для отсылки в Петербург и в корпуса.

- Ваше сиятельство! Барон Унгерн рапортует, что Варну ему взять не удалось, атака была отбита с потерями. А князь Юрий Долгоруков доносит, что его отряд, высланный к Шумле, столкнулся с авангардом армии верховного визиря и тоже отошел сначала в Базарджик, а потом в Карасу, - четко доложил дежурный генерал, передавая рапорты главнокомандующему. - Курьеры только что прибыли, еле живые, ваше сиятельство, насквозь мокрые. Они потом, когда приведут себя в порядок, передадут вам и словесные рапорты командующих корпусами.

- Что ж господа генералы делают?! - не выдержал Румянцев. - Они ж без ножа меня режут! Погубят, ей-богу, погубят такую кампанию! Ведь мы уже диктовали туркам свою волю... М-да-а-а... Вот когда пожалеешь, что Вейсмана нет, а Суворов слег больной. Мой план был рассчитан на самостоятельность и отвагу командующих.

Редко когда Василий Долгоруков видел фельдмаршала в таком возбужденном состоянии. И не толки Петербурга волновали его, а бездеятельность подчиненных командиров.

- В Шумле не может быть никакой визирской армии, а посему и авангарда не может быть. Может, какой-то разъезд разведывательный приняли за авангард? - размышлял Румянцев.

В дверь постучали. Князь Долгоруков открыл и пропустил вперед незнакомого офицера гвардии.

- Ваше сиятельство! Граф Салтыков приказал мне срочно вручить вам свой рапорт.

Василий Долгоруков взял рапорт и передал Румянцеву. Офицер еле стоял на ногах от усталости.

- Идите отдыхайте. Потом я вас вызову, - сказал Румянцев, лицо которого при чтении рапорта светлело. - Ну вот наконец-то и граф Салтыков 3 ноября перешел на супротивный берег Дуная у Марутин, занял там неприятельский лагерь, взял его пушки и простирает свои замыслы на Руцук и вовнутрь Задунайской земли. Вот посмотри...

Румянцев вернул рапорт Салтыкова Долгорукову, а сам вновь устремил свой взгляд на карту. Ее он знал, кажется, до мельчайших подробностей, но каждый раз вглядывался так, будто взглядом мог подтолкнуть в нужном направлении стоявшие там русские войска.

- Неужели и там, на том берегу, так же весьма ненастливо, как и здесь? И карты, карты нет, которая бы точно передавала особенности местности! Даже невозможно себе представить, чтобы в Европе кто-либо из полководцев вел войну вот так же, почти вслепую... Там вся земля, до последней стежки, со всеми в натуре ее неудобностями, описана, а здесь супротивный берег Дуная нам неизвестен.

- Да, ваше сиятельство, неверность карт, которые на ту сторону имеются, познаем из собственного

испытания. И токмо те ближние части земли нам знакомы, которые были под нашей пятой.

- И то польза от нашего там пребывания! Но когда же, если не сейчас, когда при наступлении наших войск неприятель толико стеснен и нуждою и страхом, что бежал при виде наших войск, не воспользоваться этим?

Трудно было Румянцеву отказаться от столь четкой и продуманной атаки на Шумлу, и он решил вновь попытаться направить войска в желаемых направлениях.

- Ну что ж, ваше превосходительство, неудачный поиск на Варну не может остановить нас в достижении своих предположений. Как не может еще оно неприятелю подать великого ободрения. Но никак вот не пойму, почему князь Юрий Долгоруков возвратился с пути, не дойдя до Шумлы... Никак не пойму. Ну да ладно... Подготовьте ордер барону Унгерну... Ежели от неприятеля никакого действия против себя барон Унгерн не примечает, то пусть он, отправив раненых и оставив надежный деташемент в Карасу, который бы прикрывал его транспорты и обеспечивал безопасность со стороны моря, соединился бы с Долгоруковым и двигался к Кайнарджи, установив связь с корпусом Глебова. А после всем сообща устремиться к Шумле, где, по новейшим известиям, визирь находится с малым числом войск. Вот когда барон Унгерн может проявить свое искусство и благоразумие, если ему удастся объединить все наши деташементы, посланные мною на это предприятие. Не забудьте написать ему, что я рекомендовал графу Салтыкову в сторону Шумлы тоже послать свои отряды. Потемкин по-прежнему будет действовать против Силистрии, так что пусть не опасается с этой стороны.

- Странно то, ваше сиятельство, что наши корпуса отходили к Карасу, разоряя по пути приморские неприятельские селения с найденными в них запасами,

а турки их даже не преследовали, – высказал томившее его недоумение Василий Долгоруков.

– Я думаю, что штурм Варны посеял страх в оборонителях. Куда им преследовать столь сильные корпуса, какие у князя и барона! Самое-то удивительное в том, что граф Салтыков и генерал-поручик Глебов перешли на супротивный берег Дуная, чтобы оказать содействие Унгерну и Долгорукову, но возвращаются назад... И представляете, что получается? Четыре наших корпуса на той стороне, в сущности, бездействуют, а на нашу сторону, оставшуюся кое-где оголенной, может устремиться неприятель. Вот соберет силы против одного какого-либо поста нашего да и ударит... – Румянцев снова устремил взгляд на карту. – Как обидно, что мы не воспользовались растерянностью неприятеля... А ведь Юрий Долгоруков – опытный генерал, сколько уж мы с ним вместе воевали, и под Кольбергом он командовал Невским полком. И сколько уж служил у меня дежурным генералом... Да и летом он все время помогал Потемкину командовать корпусом.

Румянцев прильнул к оконному стеклу, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в дождливом мраке.

– Нет, ничего не видно. Тяжко в такую погоду в поле... Отправьте с нарочным ордер генералам Долгорукову и Унгерну, чтобы они соединились в Кайнарджи с генералом Глебовым и, установив связь с графом Салтыковым, произвели поиск на Шумлу...

– Будет немедленно исполнено, ваше сиятельство. Но найдут ли они сие предприятие удобным теперь к исполнению и как оно расположат?

– Пожалуй, ты тут прав. Теперь все от моих генералов зависит. И как тяжело вот так лежать в постели, когда происходят решающие кампанию события!

- Ваше сиятельство! Вы обещали послать меня с реляцией в Петербург. Ехать-то пора, а реляции нет, а уж спрашивают из Военной коллегии о наших планах на будущую кампанию.

- Эта кампания еще не кончилась, а они уже спрашивают. Странные люди! Сначала нужно посмотреть, как закончатся предполагаемые действия и расположение войск в зимние квартиры, поколику и то и другое обстоятельство войти должно в рассуждение о будущих мероположениях. Да и сам посуди! Загадаешь одно, а при сближении с неприятелем выявляются такие обстоятельства, которые невозможно было предвидеть. И предается сие предприятие на искусство военачальника.

- В таком смысле и говорить там, в Петербурге, если я поеду?

- В таком смысле и говорить. То есть ты должен словесно внушить Петербургу мысль, что главнокомандующий армией сам должен располагать своими действиями. Ему на месте виднее, что делать и как поступать. Хорошо бы им там, в Петербурге, внушить мысль, что огромное пространство, нами завоеванное, нужно удержать, а для этого нужны войска. И если мы устремим наше оружие на супротивный берег, то необходимо удвоить, а то и утроить армию. Стоит только нам туда устремить свои помыслы и перевести армию, как он тут же может пойти на этот берег и совершить диверсию против нас... Нет, нужно все твердо рассчитать, как на шахматной доске, а тогда уж двигать свои войска. Нельзя на турок смотреть как на толпу. Они завоевали полмира и держат в рабстве многие христианские народы. Случайно ли это? Вот то-то и оно... Главная задача на будущую кампанию - это достижение мира, прочного и выгодного для Отечества нашего. А для этого всем надобно потрудиться. И ты тоже внушай мысль, что

множество неудобств и опасностей нужно преодолеть и испытать, прежде чем утвердиться армии за Дунаем. Трудности перенесения главных сил наших за Дунай просто неисчислимы... Я тут кое-что набросал для реляции в Петербург, ты возьми эти листочки...

Румянцев подошел к столу и взял несколько листов бумаги, полистал их сокрушенно.

- Ты ведь разбираешь мой почерк? Редко кто понимает его... Только жена. Ну, посмотри, а потом я продиктую... В Петербурге нужно показать, что представляет собой наш правый фланг: тут Рушук, Никополь, Виддин и Белград, здесь не только много всегда войска, но и турецких жителей, которые, как только надобно, быстро вооружаются и к военному делу все свойства имеют. Посмотри, что у нас происходит с левой стороны... Здесь неприятель полным образом господствует на Черном море, премного имея военных и транспортных судов. Крепости Очаков и Кинбурн крепко стоят на нашем берегу и не могут упасть сами собою, пока им свободна коммуникация водою, чрез которую оные не только весь военный и питательный запас получают, но даже и дрова судами им туда привозятся. Так что покудова сии крепости в руках турецких, крымские татары всегда будут питать надежду заимствовать помощь чрез оные от турок. А значит, и не исчезнут в Крыму волнения и умыслы против наших войск, пока не будут покорены Очаков и Кинбурн. И это нужно иметь в виду, если мы будем переносить свои действия за Дунай. Так что и левая наша сторона требует необходимого обеспечения во время перехода армии за Дунай. Нужно на этой стороне оставить достаточное войско для обороны этого края?

- Конечно, ваше сиятельство! Неужто сомневаются там, в Петербурге? - удивился Василий Долгоруков.

- Может, там и понимают, но они хотят, чтобы Румянцев побеждал малым числом, как при Кагуле...

Теперь слушай о самом главном, о переходе через Дунай. У нас уже накопился какой-то небольшой опыт, знаем, что нас ожидает... Итак, переправить армию через Дунай мы можем только на судах. Навесть мост в некоторых местах можно... Трудно, но можно. Но как удержать его? И помыслить нельзя, потому что наводнение в сей реке, многократно за лето происходящее, все снесет.

Румянцев сокрушенно замолчал, понимая все трудности, которые возникнут при составлении реляции Екатерине II. Да и поверит ли? Столько недругов появилось у него за то время, что он командует армией. Особенно после того, как пожаловали ему фельдмаршальское звание.

- А сколько внутренних недостатков нам необходимо преодолеть, чтобы подготовить армию к переходу чрез Дунай! И главное - нужно наладить с питанием и снаряжением армии. Пропитание мы доставляли из Польши, но за годы войны и она оскудела, часть жителей вымерли от морового поветрия, другие обнищали чрез всегдашние употребления на службу войскам... Едва ль не до последка потеряли свой скот, доставляя транспорты сюда. И теперь перевозка провианта в толи-кую уже цену обходится, что трудно отыскать и подрядчика... А тут еще новые хозяева объявились - цесарцы, которые дают по четыре крейцера в день на содержание всем, кто будет селиться на отошедших к Австрии польских землях. Вот и бегут туда и поляки, и даже молдаване и валахи. А я сколько ни старался отсюда высылать выходцев из этих княжеств, ничего так и не получается до сих пор: побудут в карантине нашем, проживут весь свой достаток и назад возвращаются. И чем далее мы пойдем за Дунай, тем более неизмеримые трудности будем испытывать с пропитанием.

Румянцеву трудно было говорить, он задышался, горло сводила судорога. Василий Долгоруков с состраданием смотрел на него, хотя и пытался скрыть свое чувство.

- Вот видишь, в каком нахожусь весьма печальном состоянии. Чрез долговременные и жестокие болезни лишился я всего здоровья. Я бы хотел искать пользы в теплое время у вод целительных, но и на сию дорогу не останется ни здоровья, ни денег, да и не отпустят... Потемкин уже просится в Петербург, ты поедешь с реляцией, Игельстром... Все получают какую-то передышку от тягот войны, лишь мне придется тянуть за всех лямку солдатскую... Пожить бы сейчас в уединении, половить рыбку, выйти по первому снегу за зайцем. А тебя никто не разыскивает, ты спокойно отдыхаешь душой...

- А где вы будете жить после войны, ваше сиятельство? В Петербурге или Москве? - спросил Долгоруков.

- Коварный вопрос... Не могу я на него ответить, мой милый князь... Помышляю об уединении как ближайшем средстве излечения от всех своих недугов, а не знаю, где его найти. Весь свой век радел я о службе, а не радел о домоводстве, и не имею и теперь я своего жилого угла. Вот какие обстоятельства... Не о том сейчас забота. Поспешите, князь, с ордерами.

- Будет немедленно сделано, ваше сиятельство, - с готовностью отозвался генерал.

Князь Долгоруков ушел, а Румянцев долго еще размышлял о том, удастся ли генералам осуществить его замысел уже в нынешнюю кампанию или все-таки придется и в будущем году все начинать сначала: переходить Дунай, брать Базарджик, Карасу и идти к Шумле.

Потом мысли его повернулись совсем в другом направлении: действительно, где же ему жить после

войны? Семья совсем рухнула, сыновья выросли, начали самостоятельную жизнь, вон уже камер-юнкеры, а старший – полковник. И графиня Румянцева пошла на службу, приняв предложение императрицы стать статс-дамой у юной супруги наследника престола Павла. Вся в делах и хлопотах, так что ей некогда писать ему письма... А мать по-прежнему проводит время за картами и в придворных интригах и хлопотах. Сестры тоже живут своей жизнью. Впрочем, скорее бы наступил мир. Где-нибудь найдет себе пристанище, чтобы залечить свои хворобы, телесные и душевные.

Почти два месяца Румянцев ждал весточки от князя Василия Долгорукова, уехавшего в Петербург. Но так и не дождался. Екатерина II ответила на его реляцию, а дежурный генерал, как только вышел из-под его подчинения, тут же закрутился в вихре интриг и досужих домыслов о фельдмаршале. Румянцев не выдержал и написал: «Не только знаю, что ты приехал, но и, к удовольствию моему, получил от ея императорского величества удостоверение, что ей благоугодно было принять о тебе собственное мое свидетельство. Но, зная сие, не знаю, однако ж, где ты усел, а вижу, что тебя нет с нами. Письма я от тебя ни одного не получил, а вверил я тебе о многом учинить донесение; по крайней мере, коротко скажи: времени ли нет, или уже никакого места не имеют здешние обстоятельства, чтоб внимать истинному их положению и выслушать, что есть нужно и что неудобно? Пожалуй, уведомя не обинуясь; слух мой к всему отверзну! Ежели не доселе, то дальше твое молчание будет мне прискорбно. После твоего отъезду приятного и радостного у нас ничего не было, а от болезни, в которой ты меня и оставил, изнемогаю я пуще на всякой день и до самой уже крайности. Прости, и будь ты уже здоров!»

Чем объяснить это молчание? Румянцев рекомендовал императрице князя как ревностного к службе генерала. И вот молчит... Потемкин тоже молчит. Ну, этот давно ждал своего случая, этот не пропадет. Но что же случилось с Василием Долгоруковым? Неужели он обиделся за брата Юрия Долгорукова, генерал-поручика, который столь неудачно возглавлял поиск против Шумлы, за что получил выговор от фельдмаршала? Но как же было его не отчитать, если он, в сущности, сорвал успешное завершение кампании 1773 года? Правда, князь Юрий Долгоруков пытался объяснить свою трусость и беспомощность тем обстоятельством, что Унгерн отступил от Варны и что ее гарнизон мог бы преследовать его и отрезать от корпуса Унгерна... Детские объяснения, недостойные опытного генерала, командовавшего таким корпусом, который самостоятельно мог действовать против Шумлы! И когда завершилась кампания и генералы возвратились для объяснений с фельдмаршалом, то Румянцев высказал им все, что долгие дни носил в своем сердце.

Много лет спустя, в 1817 году, престарелый Юрий Долгоруков, вспоминая свой поход за Дунай в «Записках», написанных для дочери, решил «отомстить» Румянцеву за этот выговор. Читатель сам разберется в сложных взаимоотношениях фельдмаршала со своими подчиненными, прочитав один отрывок из «Записок»: «...Казалось, что сие (Унгерн и Долгоруков захватили только что Базарджик. – *В. П.*) должно быть концом нашей экспедиции, но в это время мы получили от фельдмаршала ордера, в коих он, по обыкновению своему, точного повеления не давал, а писал: нет ли возможности сделать покушение на Шумлу, где сам визирь?» (И здесь автор «Записок» делает очень важное

примечание, все пронизанное незатухшей обидой на фельдмаршала: «Сей великий предводитель своего времени мастер был войска расставлять и пропитать: в сих частях он не имел себе подобного. Но по несчастю для подчиненных, все их удачи относил к себе, а неудачи падали на подчиненных. Например, вся армия знает, что в Кагульской баталии, когда янычаре рассеяли каре Племянникова, то брат мой с тремя эскадронами в них ударил, гнал их в ретраншемент и сам, будучи ранен, туда вскакал. В реляции о сей атаке ничего не сказано; а говорится, что победа была потому выиграна, что фельдмаршал закричал первому гренадерскому полку: стой! И вся слава отдана гренадерскому полку, к которому и на ружейный выстрел турки не подходили». И эта неправда о фельдмаршале широко распространилась в литературе того времени, в частности в сочинении Полевого о Суворове. Но в то время еще живы были современники Румянцева, воспоминания которых опровергли распространение домыслов обиженных. – В. П.)

Но продолжим цитирование «обиженного»: «Я объяснился с Унгерном. Он сказал, что сего предпринять не может, ибо сие отдалит его от квартир, но что он намерен идти к Варне, посмотреть, не удастся ли ему сделать какого поиска. Я отвечал, что если он пойдет к Варне, то усерднейше прошу его этой крепости не атаковать: крепость довольно важная, а корпус его большею частию из легких войск, и неудача может быть большая. Он обещал следовать моему совету и только мимоходом Варну рекогносцировать. О своем же корпусе я ему объявил, что, видя желание фельдмаршала, коему по службе всячески должен угождать, снабдя себя в Базарджике провиантом на десять дней, думаю сим временем дойти до Шумлы. Мы отправили наши рапорты к фельдмаршалу, упомянув о нашем выступлении. На другой день фельдмаршал

приказал Потемкину и графу Салтыкову перейти за Дунай. Мы так удалены были от главной квартиры, что все его распоряжения до нас доходили (здесь явно пропущено слово, допустим: поздно. – *В. П.*), и один из моих курьеров захвачен был турками.

Накануне нашего выступления пошел дождик и шел всю ночь; не знаю, к счастью или несчастью? Когда я выступил, то во всех дефилях такая сделалась дорога, что, отошед пятнадцать верст, и люди и лошади замучились. Я, себе представив, что если сие продолжится, то с таким малым провиантом не только делать операцию, но даже и до Шумлы дойти нельзя, притом боясь войско, изо всей армии лучшее, вовсе изнурить, решился возвратиться и потом обратно перейти Дунай.

Барон Унгерн не сдержал своего мне обещания: подошел к Варне и штурмовал крепость, но так несчастливо, что много потерял людей, был отбит и принужден ретироваться».

Эти «Записки» были напечатаны в 1840 году. И отрывок я привел лишь для того, чтобы дать понять читателю, какими непростыми были отношения Румянцева даже со своими ближайшими помощниками, которые, чуть что, тут же подавали рапорты по болезни и отбывали из армии. И никто им ничего сказать не мог, тем более удержать в армии.

Расположившись на зимние квартиры, многие генералы, сославшись на болезни и необходимость восстановления здоровья, отбыли в свои имения, в Москву и Петербург. Среди них – князя Долгоруковы, Потемкин, Суворов. Таковы были обычаи того времени. В Яссах по-прежнему руководил всеми делами, гражданскими и военными, фельдмаршал Румянцев, которого своими «своеручными» письмами ободряла Екатерина II.

В привычных хлопотах и заботах проходила зима 1774 года.

Часть седьмая
Оливковая ветвь мира

Глава 1

Перемены в Константинополе

Наступила весна 1774 года. Шестой год шла война с Турцией, тяжким бременем давившая на трудовое население воюющих стран. В России и Турции мечтали о мире, особенно в Петербурге. Все шире охватывало империю пламя народного восстания под водительством Пугачева. Посланные против него карательные войска терпели поражения. И Петербург всерьез забеспокоился, устремив все помыслы свои на подавление восстания. Александр Ильич Бибииков, назначенный командующим правительственными войсками, просил прислать в помощь ему опытного генерала, явно намекая на Суворова, успешно действовавшего вместе с ним в Польше против конфедератов. Но Суворов нужен был на Дунае, куда посланы новые полки для того, чтобы скорее завоевать мир в успешных баталиях.

Не раз совет в присутствии императрицы приходил к выводу, что заключение мира целиком и полностью зависит от действий армии Румянцева за Дунаем. Президент Военной коллегии З. Чернышев, министр иностранных дел Н. Панин да и сама Екатерина II не раз высказывались, что необходимо предоставить полноту военной власти фельдмаршалу Румянцеву и «отдать ему на волю, где и каким образом признает он лучше производить за Дунаем действия для доставления отечеству того, столь ожидаемого им, блага». Вместе с тем Румянцеву было предписано, «чтоб он в будущую

кампанию, по взятии Варны и разбитию визиря в Шумле, не полагал Балканы пределом военных действий»...

В рескрипте все получалось гладко и легко. Императрица уверяла Румянцева, что в архипелаг отправлена новая эскадра в четыре линейных корабля и два фрегата и теперь тамошний флот настолько силен и могуч, что может делать неприятелю «частую и сильную диверсию», а следовательно, неприятель будет держать на берегах Средиземного моря «знатную часть азиатских войск». Азовская флотилия станет такой сильной, что не только будет охранять берега Крыма, но и отвлечет на себя турецкие корабли в Черном море. Екатерина II честно признается, что вторая армия сейчас «при открывшемся от некоторого времени внутреннем и вам известном неустройстве в Оренбургской губернии», то есть во время восстания Пугачева, не может оказать Румянцеву серьезной помощи своими активными действиями против Очакова и Кинбурна, тем не менее и вторая армия «будет отвлекать на себя немалую часть сил неприятельских». Во всяком случае, вторая армия покажет вид, что серьезно намерена в эту кампанию взять Очаков, а для того «и для лучшего маскирования перехода первой армии за Дунай повелели уже мы снарядить и заготовить с большею огласкою к действительному отправлению знатное количество осадной артиллерии».

Екатерина II согласна и с тем, что вполне возможно разгласить слух: Румянцев озабочен лишь обороной и вовсе не думает о наступательных операциях за Дунаем. Она полагается на его искусство полководца и его «патриотическое усердие», лишь бы эти «ложные мысли и заключения о будущем устроены были таким образом, дабы оные нимало не могли препятствовать действительному перенесению театра войны на супротивный берег Дунайской».

Все победоносные действия Румянцева за Дунаем должны приблизить «вожделенный мир»: «От благости Всевышнего, от разумного Вашего предводительства и от храбрости вверенных Вам войск, несомненно, ожидаем мы счастливых успехов, коим не предел Балканские горы при всех их трудностях, есть ли только мужественный ваш дух в течение побед усмотрит и найдет некоторую возможность к преодолению их по мере неприятельского ослабления и уныния».

Высочайшее повеление фельдмаршал Румянцев получил 3 февраля. Болезни еще мучили его, и он чувствовал от них «великий упадок телесных сил». Но работать не переставал ни на один день: то пребывал в Яссах, то выезжал в небольшое селение Корнешты, куда посоветовали ему выехать доктора: свежий воздух, покой, сельская тишина. Но и сюда прибывали курьеры и командующие отрядами. И через два дня Румянцев послал Екатерине реляцию.

Граф Салтыков в эти дни известил его, что умер султан турецкий Мустафа III. Никаких официальных известий он не получал, но бежавший из плена арнаут доложил, что в Рущуке, где он находился в плену, был обнародован указ о возведении на престол нового султана, младшего брата умершего. В тот день производилась пушечная стрельба. Об этой продолжавшейся целых три дня стрельбе сообщили и наши сторожевые посты, стоявшие напротив Рущука и Силистрии.

Это предвещало большие перемены в Царьграде, и Румянцев послал своего нарочного к визирю с письмами пленных пашей в надежде удостовериться в случившемся.

А 10 февраля Румянцев писал Обрезкову: «Имея недоверку к часто разглашаемым здесь по-пустому известиям, удержался я вашему превосходительству сообщать по оным о смерти султана. Но как теперь

возвратился ко мне из Шумлы посланный офицер с письмом моим к верховному визирю, препровождавший туда письма пленных пашей, который, там будучи, слышал от самого рейс-эфенди, что их султан умер и возведен по нем на престол брат его, Абдул-Хамид, то и спешу я о сем подать вам достоверное известие, прося вашего превосходительства сообщить мне ваши мысли по довольному своему и сведению и примечанию в делах, обещает ли что-нибудь лучшее сия перемена в царствующих?»

Обрезков в своем письме, видимо, высказал свое отношение к «перемене в царствующих», и уже 13 февраля Румянцев писал ему в ответ: «Мысли Вашего превосходительства, чего можно ожидать от воцарившегося вновь султана, подтверждают во всем им сходные уведомления, которые прежде кончины брата его были писаны и которые для прочтения сообщаю Вам. Лучший в том удостоверитель будет нам время, весьма уже близкое, для которого, чтоб быть готовым, несую теперь и вяще прежнего утомляющие меня заботы...»

А утомляющих забот действительно было хоть отбавляй. После перемен в Константинополе до Румянцева стали глухо доходить слухи и подлинные известия о возможных переменах и в Петербурге. Все большую силу приобретал там Григорий Александрович Потемкин. Как пойдут дела после его «воцарения» в Зимнем дворце? Во всяком случае, как военный он не пользовался большим уважением в армии. Многие, в том числе и Румянцев, видели в нем человека «ума пребольшого, но к военной службе ниже малейших способности не имевшего»: «и корпус его так был расстроен, что в армии корпус сей прозван был мертвым капиталом» (из «Записок» Юрия Долгорукова). Потемкину пожаловали чин генерал-адъютанта ее величества, перевели в покои Зимнего дворца. А уж это

всем было ясно, что значило в те времена: он стал новым фаворитом, сменив Васильчикова.

Но опасения Румянцева оказались напрасными. Из писем Екатерины Михайловны многое стало ему известно о придворной жизни, о переменах, происходящих в Петербурге. А главное – не болит душа о судьбе сыновей: Михаила полюбил Потемкин («Мишу очень ласкает и сам к нему часто ходит»), а младшие получают образование под руководством знаменитого барона Гримма. Из письма супруги Румянцев узнал, что к нему в Яссы вскоре придут принцы Дармштадтский, Голштинский, братья Вальденские. А из приписки Михаила он узнал, что сын «прошедшее воскресенье обедал у государыни» и она с ним «долго говорила».

И Румянцев с нетерпением стал ждать сына, который, по словам матери, много новизны ему откроет о переменах при дворе. Что же, Румянцеву приходилось с этими переменами считаться. С братьями Орловыми он установил хорошие отношения, хотя и не все их поступки и мысли ему были по душе. А в общем-то все они, славные патриоты, сильные, могучие красавцы, высоко ценили его как полководца, помогали ему чем могли. Что-то будет теперь?

Хотелось бы в этом году побыстрее выйти в поле и показать неприятелю свою готовность к боевым действиям. Но вот снова помешали неблагоприятные погодные условия и задержали войска на зимних квартирах. Прошла первая неделя апреля, а еще нигде нет подножного корму. А все потому, что после того, как сошел снег, подули холодные ветры, продолжающиеся повседневно. Они-то засушили землю так, что без обильного дождя трава в рост не пойдет. А дождя все нет и нет. Вот ведь как бывает... В прошлую осень дождь залил всю округу так, что его курьеры по неделе сидели на берегах Дуная и не могли

перебраться с одного берега на другой, а сейчас ни одной капли дождя...

Еще в конце февраля Румянцев получил из Царского Села рескрипт, в котором Екатерина II высказывала уверенность, что смерть Мустафы и возведение на турецкий престол его младшего брата Абдул-Хамида должны произвести в серале внутреннее волнение, а потому и некоторую расстройку в общих политических делах и военных приготовлениях Порты Оттоманской. Она предлагала воспользоваться возможной оплошностью в делах неприятеля и послать против него достаточно войска на супротивный берег Дуная и ударить одновременно или порознь на Силистрию и Варну.

Нет, она вовсе не настаивала на немедленных действиях, весьма деликатно и осторожно полагаясь на его искусство и благоразумную предусмотрительность в организации такой экспедиции. Варна и Силистрия ей нужны как необходимые и действительные средства к принуждению турок к столь вожделенному миру. Она правильно рассуждала, что турки после такого поражения, вполне возможно, будут испытывать страх оказаться в плачевном состоянии и, вполне возможно, запросят возобновления мирных переговоров. Вот на этот случай государыня уполномочивает его, фельдмаршала Румянцева, вести переговоры с верховным визирем для того, чтобы выиграть время и сократить всякие затруднения. Только теперь он получил полную доверенность Петербурга для ведения военных и мирных дел своего Отечества.

Румянцев прекрасно понимал, что теперь многое будет зависеть от его искусства военачальника и благоразумной предусмотрительности полномочного министра в переговорах. И было бы странно, если б он при решении столь важных государственных дел выказывал торопливость, понимая, что кампания 1774

года должна быть последней в этой войне. И потому так тщательно выверяет он каждое свое распоряжение, каждое действие подчиненных ему войск и своей походной канцелярии. Он возобновил переписку с верховным визирем, с рейс-эфенди, с Обрезковым, по-прежнему проживавшим в Романе, местечке недалеко от города Яссы.

Только сейчас, в эти дни, Румянцев почувствовал себя гораздо лучше. Болезни словно уходили из него по мере возрастания его полномочий на Дунайском театре военных действий. Он еще жалуется в письмах близким на свое здоровье, но дух его ликует, свобода действий его обеспечена высочайшим рескриптом. При этом Румянцев вовсе не думал, что перемена в Константинополе непременно поведет к расстройству в неприятельских войсках. Скорее бывает наоборот: наследники империи Оттоманской, получив наконец власть, могут решиться на самое безрассудное воинское дело. И действительно, новый султан, как стало известно, призывает новые войска, обещая им больше вознаграждения. И каждый паша выражает готовность в ознаменование нового царствования сразиться с русскими, для чего и собираются вскоре переправиться на их берег.

Так что неусыпные его попечения сводились к подготовке войска встретить неприятеля на своем берегу: хотелось Румянцеву показать новому турецкому султану силу русского оружия, которым был часто поражен его предместник Мустафа.

Но вот пока исполнить повеление императрицы как можно скорее ударить на Варну и Силистрию он не может. Да и как спешить с исполнением такого повеления, если стужа нестерпимая стояла в поле, а рекруты еще не пришли к армии, где-то застряли! Конечно, он все понимает, зима была непостоянная, дороги плохие, все их развезло, здешняя земля

оскудела от продолжающейся войны, порядок в княжествах так и не удалось навести из-за того, что русские не сдержали свое слово, пообещав им свое покровительство, а потом вновь возвращая их туркам... Иные полки всю зиму ждали снаряжения, только недавно начали обшивать своих солдат, иные же до сих пор ждут, а без снаряжения нельзя выступить в поле.

Пришлось Румянцеву пояснить Екатерине II, что не может он исполнить ее повеление и послать корпус, перешедший на скорую руку за Дунай, к Силистрии и Варне: первая крепость лежит на Дунае, а другая отстоит от оногo более чем на двести верст, куда нельзя ни скоро, ни скрытно дойти, тем более действовать в таком отдалении... Другое дело в прошлом году. Тогда он послал достаточные корпуса, которыми вполне возможно было не только овладеть Варной, но и отразить все силы неприятельские, которые мог бы послать им на помощь верховный визирь, находящийся в Шумле. Нет, сейчас нельзя спешить. Но как только наступит время, он использует все средства, чтобы достигнуть желаемого успеха на том берегу. И главное, теперь он воспользуется новой доверенностью к нему со стороны императрицы, уполномочившей его к возобновлению и заключению мирного дела.

И вовсе Румянцев не предполагал, что новые его полномочия так больно ударят по самолюбию его ближайшего друга и единомышленника Обрезкова, мечтавшего довести дело мира с Турцией до конца. Румянцев-то, сообщая другу столь радостную весть, надеялся получить от него советы, как поступить в том или ином случае: верховный визирь и рейс-эфенди возобновили с ним мирные переговоры. Конечно, предварительные. Намеками и «изворотами», но все-таки возобновилась переписка между главнокомандующими армиями. А это уже кое-что.

Румянцев послал в Шумлу своего офицера для сопровождения чегодаря верховного визиря Сеида, прибывшего в Яссы за письмами пленных пашей. Офицер вернулся с посланиями верховного визиря и рейс-эфенди к нему, фельдмаршалу Румянцеву. В канцелярии перевели письма на итальянский язык, но точно ли перевели, Румянцев сомневался. А поэтому переправил к Обрезкову подлинники и перевод их на итальянский, «чтоб Вашему превосходительству яснее выражаемую в них силу познать, нежели мне это удобно, не имея у себя переводчиков, совершенно знающих тот и другой язык». «Предавши Вам все сии депеши, - писал Румянцев, - которых содержание отъемлет, кажется, сомнение, чтоб Порта не искала теперь отверзти к примирению прямую дверь, нужен мне есть совет Ваш, как мужа испытанием и искусством одаренного в сих делах, как друга моего, и как чрез доверенность, могущую содействовать мне, обязанного самым тем предписаниям, которым я уполномочен ныне к миротворению непосредственно...»

В ответном письме Обрезкова чувствовалась скрытая обида. И Румянцев постарался смягчить удар по самолюбию опытного дипломата. 21 марта 1774 года он писал Обрезкову: «Почтение и дружба, вовек неизменные к Вашему превосходительству, дали бы мне почувствовать всю прискорбность, если повеления, которые я получил от Двора, трактовать с визирем о мире, причинить могли что-либо для Вас неприятное. Язык и сердце мое не знают против Вас двойкости, и я чужой труд, тем меньше особы, которую привык я почитать, нимало не удобен обращать единственно в славу собственную. Ваше превосходительство сами можете вообразить, что нам с верховным визирем для лицезрительных договоров не позволяют многие обстоятельства где-либо съехаться, а перепискою сочинять трактат было в пучину ввергнуться медления

и работы. И так сие дело, как Вами уже основанное, если Бог благословит, и до желаемого конца должно быть доведено посредством Вашего личного участия, о чем я, конечно, учиню предложение визирю, следуя во всем Вашей мысли, ежели только он о последних кондициях не сухой ответ даст...»

Глава 2

Новости из Петербурга

Утром 11 апреля фельдмаршал Румянцев работал в своем кабинете. Последние дни Петр Александрович весь ушел в дипломатические дела. Военные приготовления уже давно шли полным ходом. На левом фланге, в Измаиле и его окрестностях, получив в командование третью дивизию, энергично действовал Михаил Каменский. Он доносил, что уже переведены на супротивный берег все легкие войска и егерский батальон подполковника Мекноба и заняли Бабадаг. Посланы небольшие партии для разведки в сторону Карасу и Кюстенджи. Вскоре после этого Каменский послал на тот берег еще четыре полка пехоты. Но с переправой кавалерийских полков пока повременил: в тех местах совсем еще нет травы, а без подножного корма конница бессильна.

Двойственное впечатление производил на Румянцева этот генерал-поручик. Впервые, как и многие его сподвижники, он отличился в годы Семилетней войны. Показал себя в первые же годы войны с оттоманами отменным храбрецом, и в битве за Хотин, и при штурме Бендер, награжден орденами Святой Анны и Святого Георгия третьего класса, недавно пожалован чином генерал-поручика. Умный, проницательный, сведущий в военном искусстве. Но вместе с тем, говорят, он жесток, вспыльчив, обидчив. Ну а пока Румянцев доволен первыми распоряжениями нового командира третьей дивизии: он обеспечил свою безопасность от неприятельских судов, выслав в устье Дуная необходимую стражу, и уже действуют на супротивном берегу его войска.

И Суворову, только что получившему чин генерал-поручика, Румянцев поведал о повелении ее императорского величества и предписал ему: напасть на Варну и Силистрию и действовать по своему усмотрению, избирая те способы, которые наилучшим образом могли бы привести к успеху, а два пункта держать в обороне – Гирсов и Силистрию. От Гирсова он должен был установить связь с Каменским и, как только тот перейдет Дунай, действовать совместно. И графу Салтыкову Румянцев предложил действовать наступательно, и прежде всего предохранить от возможных покушений неприятеля их берег.

Так что все отдельные части армии приведены в боевое состояние. Но пока нет подножного корма, не может быть и активных действий за Дунаем...

Вчера возвратился из Шумлы Мельников вместе с чегодарем верховного визиря; они привезли письма и Румянцеву и Обрезкову... Конечно, нужно время, чтобы тщательно изучить письмо, но и поверхностное ознакомление с ним убедило фельдмаршала, что пока миру не бывать, уж слишком несерьезно повел разговор верховный визирь...

В дверь постучали, и в проеме ее показалось знакомое круглое лицо улыбающегося молодого графа Румянцева. Рослый красавец бросился к отцу.

– Ну наконец-то! – сказал Румянцев, обнимая сына. – А я уж и не чаял тебя увидеть... Скоро выступать, а тебя все нет да нет.

– А мы ж с матушкой писали вам, батюшка. Хотелось с братьями повидаться, а то ведь они надолго уезжают за границу учиться. Это тебе письма и от их сиятельства графа Никиты Ивановича Панина, и от матушки. Да писем тут много набралось, когда узнали, что я в армию еду.

И молодой граф Румянцев стал распаковывать большую кожаную сумку.

- Вот как раз от графа Панина.

Румянцев торопливо стал распечатывать конверт столь долгожданного письма. Наверняка здесь должны быть новые наставления, которые так необходимы сейчас для ведения дипломатической переписки с верховным визирем. Неторопливо прочитал.

- Ты знаешь содержание письма графа Панина? - спросил задумчиво Петр Александрович.

- Нет, но в Петербурге много было разговоров о конференциях совета, где обсуждались новые условия мирного трактата с турками. Венский и берлинский дворы снова предлагают свое посредничество в примирении нас с турками. И граф Панин выступал на совете и предлагал пойти на новые уступки.

- Что говорил граф Панин, я вижу из его письма. Получается, что мы зря проливали кровь в эту войну? Мы должны отказаться от Керчи и Еникале и беспредельной свободы всякого кораблеплавания по Черному морю. Он предлагает удовольствоваться получением вместо Керчи и Еникале Кинбурнской крепости и также одним плаванием торговых судов, которые, дескать, в случае нужды могут быть превращены в военные.

- Уж очень, батюшка, в Петербурге все желают по настоящим обстоятельствам скорого мира.

- Что ж, Александр Ильич Бибииков не справляется с бунтовщиками? Ему, видишь ли, Суворова подавай. А он мне здесь нужен. Здесь будет решаться спор между двумя империями. Но нельзя же все время уступать под давлением наших так называемых доброжелателей в Европе. Мы кровь проливаем, а они жар чужими руками загребают и греются около чужого костра. Вот ведь что получается из этого посредничества. Вчера я получил визирские письма. И совершенно ясно, что тщетно нам возлагать успех на скорый мир. Порты противятся нашему стремлению обладать крымскими крепостями и

правом неограниченного мореплавания. Двукратно разрушены были наши миролюбивые переговоры, когда мы настаивали на наших требованиях. И визирь во вчерашнем письме спрашивает меня, не смягчим ли мы свои условия. Я-то думаю, что наши условия, напротив, нужно ужесточить, и уж подготовил черновик ответа ему... Столько умеренности и снисходительства проявляет Россия при том благополучном производстве оружия своего, столько отняли у неприятеля завоеванных им некогда земель, столько раз громили его, что он мог бы пойти на какие-то уступки. Так нет! У наших неприятелей есть поддержка в Европе. И не только Франция, но и Австрия и даже Пруссия ведут двойную игру. Вот истинная причина его претительности. Нет, сама справедливость дает неоспоримое право империи Российской требовать больше, учитывая учиненные в войне издержки, нежели как она требовала два года назад. А самое главное: мы вполне можем отказаться от возвращения завоеванных провинций, положение российского оружия здесь прочно и незыблемо.

Румянцев говорил то, что у него наболело на душе. Пусть знает сын, что думает его отец, играющий не последнюю роль в этих событиях.

- И еще я хотел сказать верховному визирю, что мне лестна слава участвовать вместе с ним в примирении обеих держав. Но когда с их стороны предлагаются неприемлемые условия, тут выбора быть не может. Надо пускать в ход оружие. Да война, в сущности, уже началась...

- А что, батюшка, были уже баталии? - Столько было нетерпения в этом вопросе, что Румянцев улыбнулся.

- Да, стычки уже начались. Правда, неприятель нигде еще активности не проявляет. По-видимому, из тех же соображений, что и мы: нет подножного корму. Лишь только учинил покушение против наших войск в

банате Крайовском. Начальствующий там генерал-майор Энгельгардт доносил мне, что неприятель, чрез Дунай переправивши до трех тысяч пехоты и конницы, сбил наши бекеты и поутру приблизился к монастырю Стриган. А тут стояли арнауты, егеря и карабинеры подполковника Паткуля.

- Ну и что же? Наших-то было меньше?

- Меньше в пять-шесть раз! Три часа продолжалось сражение. Турки было окружили отряд со всех сторон, но наши богатыри сражались так отчаянно, что, наконец преодолев сего неприятеля в бою, прогнали его от монастыря назад к Чернецу с немалым уроном. Одних убитых тут легло до семидесяти турок.

- Почему туда как пчелы на мед летят турки? Почему там всегда что-нибудь да происходит? Как разведка, что ли, нашей готовности?..

- Ты прав, мой мальчик! Таково положение баната Крайовского. Сие почти неизбежно, особенно этих покушений ждать должно тогда, когда турецкие войска движутся сверху к своим нижним постам. Вот мимоходом, как бы по пути, и покушались они и на Стриганский монастырь в расчете, как бы чем поживиться.

- А получили отпор и тут же убежали!

- Подумай и о другом! А если б там не было наших войск? Три тысячи турок уже двигались бы к Бухаресту, а вслед за ними устремились бы из Турно и Никополя. Нет, невозможно предвидеть, что может быть, если не держать там оборонительные войска наши. Но главная задача тех войск в том, чтобы притянуть внимание неприятеля и отвлечь его силы от основных направлений нашей атаки. Ведь ему тоже необходимо иметь там полную стражу для безопасности своего берега. А если ее не будет, то даже легкие обороты там нашего войска могут в страхе держать неприятеля чрез нападение на его слабые и оплошные посты.

- Но, батюшка, у нас ведь там не так уж много войска. А если турки воспользуются слабостью нашего отряда и направят туда не три тысячи, а хотя бы десять или пятнадцать? Ведь сомнут отряд...

- И на этот случай у нас есть выход. Наш деташемент может уклониться в горы и не только примечать, но и задерживать движение неприятеля, нанося ему вред своими действиями. Ты видишь, там же горы, пересеченная местность, малым числом можно противостоять великому. Генерал Каменский рассказывал мне, что сей монастырь Стриганский с его крепкими стенами и удобным расположением может послужить хорошей крепостью. И если держать там пост, то можем возбранить неприятелю вход в горы, ради чего я и наказал сохранять оный под твердой нашей стражей.

- Мне много рассказывал о том крае Потемкин...

- Да, кстати, расскажи, как произошло его внезапное возвышение? Матушка твоя кое-что писала мне о том, но бегло. А ты с ним, говорит, в очень хороших отношениях.

- Да, ничто не предвещало перемен при дворе. Григорий Александрович был принят, как обычно, участвовал в вечерах, балах, играл в карты. Потом он загрустил и написал императрице письмо: дескать, определил он свою жизнь для службы ее величеству, не щадил ее отнюдь, где только случай был к прославлению ее высочайшего имени. Никогда не думал о наградах, если замечал, что его усердие соответствовало воле ее величества, все время войны находился командиром отделенных и к неприятелю всегда близких войск, не упускал он наносить всевозможного вреда оному. Никому он не завидовал, но вот некоторые моложе его получили знаки высочайшей милости, а он обойден и задает вопрос: неужто он менее достоин? Вот что терзает его душу, а

потому он просит, если служба его замечена всемилостивейшей императрицей, пожаловать его в генерал-адъютанты. Сие не будет никому в обиду, а он станет наверху блаженства, потому что будет от нее непосредственно принимать премудрые повеления и тем служить ей и Отечеству. На следующий же день Потемкин удостоился своеручного письма, в котором ее величество находила его просьбу весьма умеренной, а потому приказала изготовить указ о пожаловании его генерал-адъютантом. Да и похвалила его за то, что он обратился с этой просьбой сразу к ней, а не искал побочных дорог.

- Ну и что? Мало ли генерал-адъютантов у ее величества? Ведь не все же...

- Ну, батюшка, вы же знаете Григория Александровича. Разве он мог удовлетвориться столь малым... Лишь несколько дней он был веселым, всех передразнивал, потешая придворных и матушку-государыню, а потом снова загрустил, задумчиво поглядывал на ее величество. Вскоре и вовсе исчез. При дворе забеспокоились. Он же, оказывается, удалился в Александро-Невский монастырь, отпустил бороду, облачился в монашеское платье, распустил слух, что хочет постричься. Ну и, говорят, поехала за ним тетка - Прасковья Александровна Брюс. По приказу ее величества велела ему привести себя в порядок, а потом повела к врачу. Ну, батюшка, вы сами понимаете. А на следующее утро весь двор лебезил перед ним.

- Наконец-то он добился своего. Долго шел он к своему возвышению, но слишком силен был граф Орлов и уж очень красив и обаятелен. Вот бесславный путь к славе, не ищи такого пути.

- А он, батюшка, горой за вас, хочет помочь вам и войсками и снаряжением. Он-то знает, в каком состоянии армия, он так и говорил, что помогу Петру Александровичу выиграть эту кампанию.

- Я еще ни одной не проигрывал, - резко бросил фельдмаршал.

- А Потемкин перед отъездом двора в Царское говорил мне, что он просил государыню не вмешиваться в твои, батюшка, дела, а предоставить тебе все полномочия на ведение войны и мира. На ее же вопрос, почему фельдмаршал Румянцев доселе не мог принудить турок к желаемому миру, он открыл государыне, что до тех пор не будет заключен желаемый мир, доколе фельдмаршал будет связан в операциях военными предписаниями, нередко противоположными настоящему положению армии. Кроме того, необходимо дать ему средства, чтобы повсюду мог вести наступательные действия. А сейчас, говорил он матушке-государыне, для наступательных действий армия не имеет ни достаточного количества войска, ни вооружения. Говорил он и о рекрутах, которые мало пользы армии доставляют, как люди новонабранные, не привыкшие к несению военных трудов. Прежде чем употреблять их в дело, их нужно сначала научить владеть оружием, а для этого армия должна отделять своих старых, опытных солдат и унтер-офицеров, а значит, и ослаблять себя.

- Какой молодец! Изложил ей полностью мою программу, о чем я много писал и в Военную коллегию, и самой государыне. Но не было поддержки...

- А сейчас будет, как он мне говорил. Для подкрепления армии уже отправлены четыре пехотных полка, один батальон егерей и гусарский полк из Польши. Да сверх назначенных для укомплектования армии рекрутов тысячи старых солдат отправлены на почтовых. Что-то около пятнадцати тысяч старых солдат ты получишь вскоре...

- Вот так Григорий Александрович! Ай да молодец! Стоило ему туда поехать! Стоило! Может, действительно он там полезнее, чем здесь? Ну, Михаил

Петрович, действительно, много новизны ты мне привез. Иди отдыхай, тебе все приготовлено. А там решим, что ты будешь делать.

Молодой Румянцев ушел, а фельдмаршал снова сел за письма. Нужно было дописать послание Обрезкову, а с письмом к верховному визирю теперь придется подождать: граф Панин упоминал о высочайшем рескрипте, который вскоре будет доставлен. А это означало новые предложения, которые он должен будет передать верховному визирю.

Лишь через две недели Румянцев послал письмо верховному визирю, в котором изложил новые предложения и объяснил причину задержки с ответом: «Причиной тому дни поста и по ним наставшего святого праздника, упражняющие нас особливými обрядами во удовлетворение закону, и еще к тому прибыли ко мне в сию пору знатные гости».

В одном из писем графини Румянцевой сообщалось об отбытии в русскую армию принцев Дармштадтского, Голштинского, Ангальтского и др. Так вот все эти принцы в сопровождении знатных дворян прибыли на Пасху к Румянцеву. И лишь через неделю после Пасхи он писал визирю, что испытывает желание «довести до вожделенного конца спасительное дело». Но продолжать его необходимо с того, чем закончился конгресс в Бухаресте, а там было подписано десять мирных артикулов. Не возвращаться же к их обсуждению! Из двадцати восьми мирных артикулов лишь два пункта были спорными: это уступка России Керчи и Еникале с их уездами и «беспредельная свобода» всякого кораблеплавания в Черном море. Румянцев предлагал идти к соглашению прямым, кратчайшим путем, потому что и главнокомандующий, и верховный визирь вовсе не должны постоянно испрашивать мнение своих дворов, а могут самостоятельно принимать решения. Вот почему

Румянцев надеется получить от него «примечания» на те пункты, которые не успели обсудить на конгрессе, «так и дозволяемые ныне от Блистательной Порты модификации, вместо не принятых и течение неготиации остановивших статей».

Но, занимаясь возобновлением мирных переговоров, Румянцев ни на минуту не ослаблял подготовку к решительным военным действиям. По всему Придунайскому фронту отдельные корпуса и части его армии заняли свои позиции на левом и правом берегах Дуная, нацелившись на основные укрепленные пункты неприятеля. Суворов в Гирсово, Каменский в Карасу совершали разведывательные поиски, устанавливая связь между корпусами для совместных действий по требованию фельдмаршала. В частности, Суворову Румянцев писал 12 мая: «...Я ожидаю от вашего благоразумия и искусства, толь уже в военных делах испытанных, что вы тут расположите свои меры, как бы удобнее неприятельское внимание своими вам движениями разделять на разные пункты и отклонять его во ослабление тех, на которых целить будете прямым нападением, и где вы удобнее можете быть подкреплены в ваших предприятиях, или полегчение во оных иметь чрез диверсии от пребывающих на сей стороне войск наших... Первой дивизии я прикажу подвинуться вперед, и она у Ораша будет 15-го сего месяца. Хотя не имел бы я нужды изржать здесь о начальстве, которое предписано военными регулами, но как нередко случалось, что в сем пункте встречались затруднения, то и схотел я здесь упомянуть, что я надеюсь, яко ваше превосходительство по соединении своей части с корпусом г. генерал-поручика Каменского наблюдать будете весь долг тот, каков в подобных случаях определяет чиноположение младшему пред старшим». Младшим из них был Суворов.

Глава 3

Сопrotивление повсюду сломлено

Активные действия начались, как только зазеленела трава, а значит, появился и подножный корм для лошадей. Каменский и Суворов со своими корпусами, которые насчитывали около 25 тысяч солдат и 37 орудий, кроме полковых, с двух сторон устремились по уже разведанным в прошлом году дорогам к Базарджику и Козлуджи.

Главные силы армии под непосредственным руководством фельдмаршала подходили к Дунаю и брали гирсовскую стражу под свое наблюдение. Князь Репнин, возвратившийся после длительного лечения в армию и получивший в командование вторую дивизию, должен был совершить нападение на Силистрию. А затем обложить ее таким образом, чтобы неприятель не мог совершать походов как на левом, так и на правом берегах Дуная, тем более отделять часть своих войск против Каменского и Суворова.

И конечно, все корпуса должны были оказывать взаимное содействие друг другу. Глебов, Репнин, Каменский, Суворов и Салтыков были предупреждены фельдмаршалом, что каждый из них со своими частями должен строго выполнять его указания и быть всегда готовым к активным действиям в «глубине супротивного берега», а также оказать помощь друг другу. Не случайно Румянцев упомянул о подчинении младшего генерала старшему, когда посылал ордер Суворову. Слишком много было случаев, когда приступы самолюбия военачальников одерживали верх над здравым рассудком, и от этого порой проигрывали в главном.

Проанализировав сведения, полученные от пленных и выходцев с той стороны, Румянцев понял, что неприятель вовсе и не думает вести в этом году наступательные действия: он всемерно укрепляет свои крепости, возводит новые земляные валы, сооружает каменные стены. И ведет себя с чрезмерной осторожностью. А поэтому фельдмаршал, соблюдая необходимую предосторожность, решил переправить большую часть армии и, как в прошлом году было задумано, окружить со всех сторон Шумлу и принудить верховного визиря к сдаче.

Да, он знал, что в Силистрии собраны немалые запасы для наведения моста через Дунай и для атаки наших постов. Знал и о том, что из Царьграда часто ходят суда в Очаков, а оттуда неприятель посылает свои отряды для ведения разведки. Так что соблюдать предосторожности всегда необходимо, даже тогда, когда чувствуешь, что неприятель озабочен лишь тем, чтобы отсидеться в своих крепостях.

Румянцев поставил перед всеми командирами задачу: стремиться выманить неприятеля из крепостей и укрепленных мест и бить его в открытом поле. Снова выманивать и вновь бить. А после того как неприятель потеряет немало войск, можно наступать и на укрепленные его посты.

Все, что касалось чисто военных планов, шло нормально. Но тяжело было преодолевать давнее неустройство армейской жизни - сколько уж он потратил сил для организации своевременного пропитания армии! Доставка пропитания здесь оказалась делом самым тягостнейшим. Вот своевременно заключили контракт с добрыми и серьезными подрядчиками на поставку провианта для отдаленных магазинов, предназначенных каждому корпусу, самостоятельно действовавшему в Болгарии. Денег в этот раз Румянцев не жалел. Однако

подрядчики не выполнили условия контракта и не успели доставить к сроку провиант. Пришлось делать дополнительные поставки хлеба, как ни дорого это ему обошлось, но не оставлять же без провианта наступающие в глубь Болгарии войска...

Медленно, с большим нарушением намеченных сроков, двигались части армии к Дунаю и за Дунаем. Снова вмешалась непогода, нарушив планы: зачастили проливные дожди, развезло дороги, поднялся уровень воды в реке. И лишь в начале июня на огромном фронте по берегам Дуная начались военные действия. Граф Салтыков, разгромив неприятеля при Туртукае, устремился к Рущуку. Генерал Каменский занял Базарджик, разбив пятитысячный отряд конницы под командованием старого знакомого – сераскира Дагистанли-паши. В этом деле хорошо показали себя майор Денисов, есаулы Ежов и Астахов, принц Петр Голштинский, оба принца Вальдекские мужественно перестреливались с турками на пистолетах.

Резервный корпус Суворова, пройдя трудным и тесным путем через горы и лесные чащи, прибыл к Базарджику через день после его занятия Каменским. Через несколько дней оба генерала получили приказ Румянцева: воспользоваться паникой в лагере неприятеля и идти к Шумле, «яко главному предмету, делающемуся таким по пребыванию в оном городе верховного визиря». Румянцев приказал Каменскому присоединить к себе такую часть войск от Суворова, сколько он признает необходимым для атаки Шумлы. А резервный корпус Суворова будет подкреплён двумя полками пехоты и одним кавалерийским полком, как только главный корпус армии перейдет у Гуробалов Дунай.

Пленные показывали, что верховный визирь, находясь по-прежнему в Шумле, двинул немалое число своих войск под водительством рейс-эфенди Абдур-

Резака, бывшего в Бухаресте главным уполномоченным на мирном конгрессе. Медлить было больше нельзя, и Румянцев, подготовив переход большей части армии через Дунай, писал Екатерине II: «Я смею уверить ваше императорское величество, что при перенесении настоящего оружия за Дунай вначале я приложу старание мои поставить там все части во взаимную связь, чтоб подкреплять могли одна другую в действиях. Я стану потом елико можно притеснять неприятеля и вывлекать его на бой в поле из укрепленных мест, на которые без крайности и доколе неприятель чрез действия другие не будет в них ослаблен, не почитаю я полезным вести поспешно атаку и отваживать в начале кампании людей на большую потерю...»

Все это время Румянцев ждал ответа из Шумлы на свое письмо. Но полученный ответ не вызывал сомнений: умеренные его предложения, облегчающие заключение мирного договора, вызвали удивление у верховного визиря, написавшего, что если Российская империя, кроме Азова, от всех претензий не откажется и обещает и впредь не претендовать на какую-либо часть в границах высочайшей империи, то всякие сношения о заключении мира «совсем тщетными останутся».

Стало ясно, что верховный визирь крепко надеется на внутренние расстройства Российской империи, на восстание Пугачева, которое должно настолько ослабить ее, что Турция сама будет диктовать условия мира. От благодушия в переписке не осталось и следа. Румянцев жестко ответил, что он тоже крайне удивлен предосудительным требованием визиря, «исключающим всякую пользу и удовлетворение для державы, по сей день в войне преуспевающей».

В ночь на 10 июня фельдмаршал Румянцев прибыл на берег Дуная к Гуробалам, где войска продолжали

переправу. Через день сам переправился на правый берег и раскинул свой лагерь при озере Голтин. Здесь он получил радостное известие от Каменского о полном поражении сорокатысячного корпуса рейс-эфенди Абдур-Резака при Козлуджи.

Больше всего Румянцев опасался, что два самолюбивых генерала - Каменский и Суворов - поссорятся между собой, а от этого проиграет дело. Но из донесений, а потом и показаний очевидцев и пленных узнал, как происходила эта битва. Каменский и Суворов вместе выехали для рекогносцировки, вместе разрабатывали план общих действий. Но турки смешали все их планы, первыми атаковав выходящих из дефиле казаков. Тогда Каменский приказал подполковнику Бибикову с эскадронам пикинеров и двумя эскадронами харьковских гусар встать у дефиле и не допустить туда неприятеля. Отряд этот успешно выполнил задачу, отразив все наскоки неприятеля. Тем временем генерал-майор Левиз вывел из дефиле кавалерию и построил ее на поляне, недалеко от дороги в Козлуджи.

Суворов вызвался действовать против турок пехотой своего корпуса. Вскоре прибывшие три батальона под командованием барона Ферзена, майора Река и майора Трейдена встали у дефиле в каре.

Турки, увидев, что русская кавалерия отступила, бурно обрадовались удаче и устремились к дефиле. В это время активно действовала турецкая пехота, незаметно прокравшаяся лесом и ударившая на выстроившуюся на поляне кавалерию. Казаки от неожиданности растерялись и обратились в бегство. Но на подмогу им уже спешили пикинеры и харьковские гусары. Между тем янычары яростно атаковали каре майора Река.

Вот что писал полковник генерального штаба А. Петров, тщательно изучивший ход этой битвы при Козлуджи: «Видя усиление неприятеля на нашем левом

фланге, Каменский приказал генерал-майору Рейзеру взять из его корпуса батальон егерей подполковника Мекноба и идти на подкрепление Река. При этом Рейзер должен был встать левее этого каре, а между ними премьер-майор Неплюев получил от Каменского приказание поставить одну роту пехоты, построив ее в две шеренги, и рассыпать в лесу для удобства движения. Остальная пехота корпуса Каменского построилась сзади в две линии. Обеспечив таким образом фланг от нападения, Каменский получил донесение, что неприятель вправо от дороги атаковал кавалерию генерал-майора Левиза. На подкрепление кавалерии правого фланга посланы были три остальные роты батальона Неплюева, при капитане Кудаеве, который и выгнал янычар из лесу против нашего правого фланга. Тогда турки спустились в овраг и по нему хотели выйти в тыл нашей пехоте. Но Каменский выслал Невский полк загородить неприятелю движение по оврагу, что и было исполнено, и турки снова возвратились в лес.

Между тем янычары, преследовавшие наш авангард при отступлении из дефиле, яростно атаковали каре Река. Но, понеся урон, были отбиты. Тогда они бросились сначала на среднее, а потом на правое каре, но также были отражены сильным ружейным и пушечным огнем. Неприятель отступил.

Суворов быстро двинулся преследовать неприятеля и, пройдя дефиле, остановился при выходе из него в долине, имея в первой линии три каре, во второй – одно и кавалерию на правом фланге. Заметив это, Каменский выслал ему в подкрепление из своего корпуса кавалерию генерал-майора Левиза и части пехоты. Сверх того, за этими войсками следовали на подкрепление Суворова два полка пехоты и остальная кавалерия корпуса Каменского, а далее и прочие войска этого корпуса. Сам же Каменский с принцами

Голштинским и Вальдекским лично поспешил к месту боя у выхода из дефиле, где Суворов расположился в лощине.

Для отражения янычар Каменский послал два эскадрона Московского полка под началом секунд-майора Сиверса. Пройдя лесом, Сивере внезапно ударил, принудил янычар отступить... Суворов между тем продолжал наступление, не опасаясь более за свой левый фланг. Остановясь перед лощиной, отделявшей его от неприятеля, он выставил батареи вперед. Три часа они вели интенсивный огонь. Когда же замечено было, что ответный огонь неприятеля ослабеваает, Суворов двинул пехоту в атаку, выслав вперед кавалерию. Турки не выдержали атаки, бросили свой лагерь и бежали к Шумле и Праводам.

Пройдя через оставленный турками лагерь, русская пехота остановилась на высотах перед Козлуджи, а потом заняла здесь позицию. 29 медных орудий и 107 знамен – такие трофеи достались победителям, не считая всего неприятельского лагеря и множества военного снаряжения... Героями сражения при Козлуджи, бесспорно, стали Суворов, Милорадович, Озеров... В особенности Каменский хвалил Суворова, который, постоянно находясь впереди, три раза сбивал неприятеля с позиции. Справедливость требует также отдать должное Каменскому, который своевременными распоряжениями всегда успевал поддержать наиболее ослабевшие части войск и, управляя общим ходом дела, всегда был там, где предстояла наибольшая опасность».

Все это не могло не радовать. Но недоумение Румянцева вызвал последующий ход событий. Разбив неприятеля, Каменский 10 июня собрал военный совет, который единогласно (Левиз, князь Прозоровский, Милорадович, Рейзер, Озеров и Суворов) постановил приостановить преследование неприятеля и дать

шестидневный отдых войскам в ожидании провианта, а потом отступить на позицию между Шумлой и Силистрией.

Румянцев выразил недовольство решением военного совета, указав, что после разгрома неприятеля необходимо было воспользоваться моментом и преследовать его до Шумлы. Тем более, что генералам было известно: визирь почти все свои войска послал к Козлуджи, оставшись с небольшим деташементом в тысячу человек. Шумла, писал Румянцев, – вот пункт, которого должны были достигнуть войска победителей и там, захватив ее, опочить до последующих распоряжений. И этот пункт был заранее указан фельдмаршалом. А раз победители остановились на отдых, то побежденные успеют за это время привести себя в порядок, восстановить разбитые и расстроенные части и вновь учредить крепкую оборону.

«Не дни да часы – и моменты в таком положении дороги, и потеряние невозвратно, – писал Румянцев Каменскому. – Я вижу, что недостаток у вас пропитания был из причин, вас остановивших, но от кого ж, как не от вас, зависело отвратить оный, ибо под вашим распоряжением имеется на сие время довольно запас питательный и могли вы, готовясь к делу, снабдить войски оным, сколько потребно... Теперь я жду, что подступите к Шумле, не теряя времени, и попытаетесь овладеть оною...»

Румянцев сообщил также Каменскому, что ничто не может угрожать его тылам и действовать он может безбоязненно, потому что Силистрия и Руцук блокированы главными силами армии. Кроме того, главнокомандующий направил к Каменскому полковника барона Розена с деташементом для установления связи со всеми корпусами армии и для пресечения связи между неприятельскими крепостями и Шумлой.

В те же дни Румянцев получил донесение от графа Салтыкова, корпус которого блокировал Руцук. Вышедший из крепости с пятнадцатитысячным войском руцукский сераскир Асан-бей атаковал его корпус при Туртукае и был разбит и отброшен. Больше двадцати верст гнали русские корпус Асан-бея, уничтожив более 2500 и взяв в плен 159 человек.

Румянцев торжественно отметил успехи генералов Салтыкова, Каменского и Суворова.

Дело шло к своему логическому завершению. Крепости были обложены сильными русскими отрядами, два корпуса пошли к Шумле. Располагая мощным резервом, Румянцев в любое время мог оказать помощь тому или другому отряду. 21 июня он вместе с главными силами армии, пройдя «весьма трудные дефиле», раскинул свой лагерь на хребте горы, у подножия которой лежал город Силистрия. Курьер, нашедший здесь фельдмаршала, привез рапорт Каменского, в котором тот сообщал, что стоит в одиннадцати верстах от Шумлы, близ Силистрийской дороги. Все деревни вокруг он приказал сжечь, чтобы вынудить неприятеля выйти из укреплений.

Но в этом рапорте было нечто, что весьма удивило Румянцева: Каменский распоряжается полковником Розеном как своим подчиненным. Сколько он ни внушал ему, что установление коммуникации между главнокомандующим и командующими отделенными от армии частями есть первейшая обязанность военачальников этого звания, ничего путного пока не получалось.

- Как же так? - недоумевал Румянцев, хмуро поглядывая на курьера. - Я же предписал Каменскому оставить часть войска из резервного корпуса для связи с главными силами армии, как только мы перейдем в Гуробалы. Эта связь должна быть ежедневная, чуть ли

не ежечасная. Но вот прошло три дня, а я не знаю, что же произошло в том сражении.

- Ваше сиятельство, курьер, мой предшественник, вполне мог оказаться в плену, потому что турецкие шайки повсюду скрываются после разгрома под Козлуджи, они ведь хорошо знают эти леса, чащобы, скрываются в горах. А как увидят, что скачет наш курьер, так и задерживают его. Лошадь отнимут, золото... кольца, ну и прочее.

- Но самое удивительное, что полковник Розен отправлен с деташементом для учреждения общительных постов между мною и корпусом Каменского, пошедшего к Шумле. Барон не выполнил данную ему инструкцию, ничего не исполнил из моих наставлений, ни письменных, ни словесных. Ну, он за это ответит. Скажите, капитан, своему генералу, что я крайне сожалею о том, что генерал Каменский понудил барона оставить у себя. Пусть генерал еще раз прочтет мою инструкцию и тогда увидит, что барона я послал как партизана, а не исполнять его приказания. Подумайте только! Я не удерживаю ни одного арнаута, от вас приезжающих, а генерал Каменский употребил на свои нужды целый отряд моих легких войск. А у меня, кроме одного малолюдного казачьего полка, уж никого и не осталось. Пусть немедленно возвратит тот деташемент с Розеном в Афлатар. Да к тому же и скажите, что я и почту уже к вам расставил.

- Да, ваше сиятельство, никакой почтовой связи пока нет...

- Ну, может, курьеры ваши доселе не по той дороге ездят, а может, последний почтовый пост еще не дотянулся до ваших постов. Кто знает, за всем не уследишь... Идите отдыхайте. Через несколько часов будет готов ордер Каменскому. А на словах передайте: необходимо так расположить свои войска, чтобы неприятеля всемерно стеснить в Шумле и запереть его

так, чтобы он нигде не мог пролезть в наш тыл и наводить страх на наши войска, действующие на Дунае.

Вошел дежурный генерал и сообщил, что прибыл курьер с рапортом от графа Салтыкова. Из рапорта Румянцев узнал, что две тысячи неприятельской конницы отделились от Шумлы и оказались у него в тылу. Посланный от него подполковник Пеутлинг настиг его у деревни Турлак, но неприятель так хитро расположился, что атаковать его конницей оказалось рискованно. Поэтому граф Салтыков послал в помощь коннице два батальона пехоты с генералом Нащокиным во главе.

«Еще одно удивительное дело открывают нам действия генерала Каменского под Шумлой. Не перестанут они удивлять меня... Создают странные по своим обстоятельствам картины! Даже трудно представить себе такие обстоятельства: вперед отряжен сильный корпус, чтоб бить, стеснять и запереть наконец неприятеля в его же укрепленных местах. И казалось бы, так и будет. А в это время в тылу наших войск, ничего дурного не подозревающих, появляется две тысячи конницы неприятеля. Что можно подумать по этому случаю? Или плохо установлена против Шумлы стража, или же неприятель взял верх над корпусом Каменского... Вот ведь что можно подумать на месте графа Салтыкова, имея перед собой неприятеля, оказавшегося в нашем тылу... А там и до паники недолго!»

Целыми днями Румянцев не слезал с коня, ничего не упуская из происходящего в армии. Он уже по опыту знал, что за всеми мелочами быта и боевых действий армии нужно наблюдать самому. А то непременно что-нибудь будет упущено или сделано совсем не так, как ему хотелось бы.

Турки же, убедившись, что значительные силы русских перешли Дунай, решили атаковать левый

берег: четыре тысячи пехоты отплыли с острова, что против Силистрии, высадились на берег выше и ниже редута и бросились ко рву. Встреченные огнем, а потом и штыковой атакой русских, они отступили. Но в это время суда доставили им подкрепление, после чего турки вновь бросились на редут.

Услышав стрельбу, генерал-майор Лойд, руководивший обороной поста в Ликорештах, выслал подкрепление. Помощь подошла вовремя. Кавалерия и пехота, взаимодействуя между собой, крепко поколотили турок, сбросив их в Дунай. Некоторые из них успели сесть на суда, а многие потонули. Генерал-майор Лойд рапортовал Румянцеву, что из всех сражений, в которых ему случалось быть, он не видел, чтобы такой хороший порядок соблюдался русскими в таком жестоком бою. Турки потеряли убитыми до шестисот человек, чуть менее, чем при Козлуджи.

А граф Салтыков между тем занял город Разград, подвинув свои войска в сторону Шумлы. В тот же день, 21 июня, генерал-майор Энгельгардт осадил Турно, завязав мелкие стычки с турецкой конницей. А вскоре рущукский паша бросил 8 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы против отдельного отряда графа Салтыкова. Но командовавший этим отрядом полковник Талызин так организовал оборону, что отбил неприятеля и вскоре сам перешел в контратаку. Турки бежали, оставив на поле боя до 800 человек убитыми.

Асан-бей решил во что бы то ни стало разбить графа Салтыкова и стал ждать подходящего момента, который, как ему показалось, наступил 29 июня. Рано утром 8 тысяч турок во главе с самим Асан-беем двинулись на отдельный отряд подполковника Гинзеля. Под покровом тумана установив батарею на высоте и окружив русский отряд конницей, он приказал атаковать. Гинзель ждал этого нападения. Шесть часов стойко сражались воины его отряда против в несколько

раз превосходящего по силам противника. Да так, что заставили его наконец отступить.

Но через некоторое время турки снова предприняли попытку достичь успеха и устремились на каре Астраханского батальона. Но поздно – уже подходили подкрепления, посланные графом Салтыковым. Турки снова повернули назад и бежали до самого крепостного вала. Здесь они потеряли до тысячи человек одними убитыми. А у русских потери составили всего 26 человек.

После этого успеха граф Салтыков приказал войскам еще ближе подойти к Рущуку. Проникшие туда шпионы испортили много колодцев и фонтанов, снабжавших гарнизон и жителей превосходной водой. Это сразу же чувствительно отразилось на моральном духе защитников и жителей крепости. Среди них началось дезертирство...

Между тем Каменский стоял под Шумлой и дожидался удобного случая, чтобы штурмовать ее. Он понимал: крепость, окруженная высокими горами, с западной стороны почти неприступна. С восточной вал и палисад не представляли серьезной преграды. Но вот на южной и северной были возведены нагорные редуты, в которых и расположились основные войска защитников.

Каменский приказал готовить фашины для штурма, а пока плотно запереть неприятеля в крепости, чтобы не было никакой связи с внешним миром. Все дороги были перекрыты. Начали вести траншейные работы. В оставленном неприятелем ретраншементе устанавливали батарею. И верховный визирь понял, что его защитникам не устоять против русских. Тем более, что и здесь началось дезертирство.

А бригадир Заборовский со своим деташементом, пройдя узкой лесистой дорогой, появился за Балканами, вызвав самый настоящий переполох в том краю.

С каждым днем в Шумле ощущался недостаток корма для лошадей.

Глава 4

За столом переговоров

Пришло время мирных переговоров. Верховный визирь еще попытался проявить гордость и высокомерие, предложив Румянцеву перемирие на несколько дней, а потом, после перемирия, прислать «верную и знатную особу, дабы договориться с оной о мире». Но русский фельдмаршал твердо заявил, что он не видит ни малейших причин, чтобы затягивать дело. Однако турки тянули с ответом, упорно не слали своих уполномоченных.

А 3 июля Румянцев вызвал генерал-поручика Глебова, командовавшего корпусом против Силистрии.

- Федор Иванович! - приступил сразу к делу фельдмаршал. - Пришло время мирных переговоров. Мне необходимо быть в Кучук-Кайнарджи, куда должны прибыть турецкие уполномоченные. В мое отсутствие поручаю вам здешние войска в команду.

- Благодарю за доверие, ваше сиятельство! Наконец-то! Так надоела война!

- Ваша опытность в военном искусстве мне известна, и вы ничего не упустите по своей должности, - продолжал Румянцев, - но считаю потребным изъяснить вам, что положение неприятеля незавидное. Конечно, можно было б теперь атаковать его в укреплениях. Но это не нам окажется полезным, а неприятелю: ведь он давно приготовился к обороне. А потому пусть он будет в Силистрии заперт. А вы со своей частью войск останетесь на месте, соблюдая все необходимые предосторожности. Вы знаете коварство турок.

- Да уж, немало терпели от них за эти годы. Так и жди какой-нибудь выходки, - сказал генерал.

- Ну, вы знаете, что полковник Розен со своим отрядом действует в Афлатаре. Он остается в вашем подчинении, должен доносить вам о всех передвижениях неприятеля с левой стороны от Силистрии и поддерживать связь с графом Салтыковым, стоящим нынче в Туртукае. Я поставил эскадроны Сумского гусарского полка по дороге от Силистрии и Кайнарджи, дабы наблюдали за неприятелем в Силистрии. И как только что-либо заметят, так сразу должны докладывать вам, барону Розену и мне, в Кайнарджи. А вы тотчас же должны принимать надобные меры. Генерал-майор Лойд останется в вашей команде, но пусть пока осадную артиллерию в ход не пускает. Дело идет к миру, зачем тратить снаряды. Если уж не подпишут наши условия, тогда пойдем на крайние меры.

- Ваше сиятельство! Ведь совсем недавно неприятель вышел из Силистрии и обрушился на Ликарешти. Три атаки его отбили...

- Знаю. Ради своей пользы неприятелю надобно пребывать в укреплениях. Но если он снова вознамерится выступить из своих укреплений, то уж тогда вместе с генералом Лойдом одновременно атакуйте его. Так что условьтесь с Лойдом о сигналах наиудобнейших, чрез которые вы бы могли один другому возвестить нужду о помощи.

- А князь Репнин? - спросил Глебов.

- Я уверен, Федор Иванович, что вы и сами справитесь, если неприятель зашевелится. Ну а потом, в крайнем случае, я в таком близком расстоянии находиться буду, что могу сам дать необходимое предписание. А генерал-поручик князь Репнин будет мне помощником на переговорах, а потому вместе со мной отъедет из здешнего лагеря. Господин Обрезков со своей канцелярией из-за разлива рек никак не может приехать к сроку. А жаль, он истинный делатель мира.

Кстати, как только приедет князь Репнин, пусть сразу же пожалует ко мне.

Глебов, пожелав фельдмаршалу успеха на переговорах, ушел. Но Румянцев недолго оставался в одиночестве: вскоре в палатку вошел князь Репнин.

Пока фельдмаршал и генерал приветствуют друг друга, напомним читателям, что князя Репнина больше двух лет не было в армии: он лечился за границей и устраивал свои денежные дела. Вот что говорится в «Русском биографическом словаре» об этом периоде его жизни: «Репнин выехал в Германию. Летом 1772 года он пользовался водами в Спа. Почти весь год Репнину пришлось вести нелегкие хлопоты по устройству денежных дел, пришедших к этому времени в такое расстройство, что единственным способом спастись от окончательного разорения представлялся крупный заем... По этому делу Репнин лично ездил в Гаагу».

Напомним также, что причиной ухода Репнина из армии была не столько болезнь, сколько резкие выражения фельдмаршала Румянцева, недовольного сдачей Журжи. Румянцев остро переживал эту неудачу, предписав Репнину при сдаче должности генералу Эссену «все письменные документы до последнего листа сдать по реестру, ибо происшедшее в том корпусе неотменно поведет за собою следствие, для коего нужны будут всякие малейшие письменные инструменты». Но князь Репнин был родственником министра иностранных дел Панина, был близок ко двору, его весьма ценила сама императрица. Наконец, он имел опыт ведения дипломатических переговоров, а мирный договор нужно подписывать в срочном порядке. Что оставалось делать Румянцеву, если Обрезков буквально застрял в непролазной грязи, образовавшейся после разлива рек и бурного дождя?

Сам же князь Репнин прекрасно понимал, какие выгоды ждут его после заключения мирного договора и

вполне возможной поездки в Петербург в качестве вестника мира... Поэтому охотно поехал в Кучук-Кайнарджи, хотя и недолюбливал Румянцева.

- Ваше сиятельство, должно быть, знает, - заговорил наконец Румянцев, - что верховный визирь, получив мой ультиматум, прислал вчера ответное письмо. В нем он соглашается со мной, что время перемирий прошло и пора приступить к заключению мира. Раньше нельзя было приступать к оному, были на то свои причины, а ныне общие наши намерения находятся в согласии и равенстве... Уже из Шумлы отправились уполномоченные с чрезвычайным посольством.

- А называет уполномоченных? - спросил Репнин.

- Почтеннейший Ресми-Ахмет-эфенди назван первым уполномоченным, а вторым - почтеннейший канцлер Ибрагим-Мюниб-эфенди. Генерал Каменский дал им сопровождение для проезда чрез наши войска. Вскоре они будут в Кайнарджи.

- А что, ваше сиятельство, мы должны потребовать от них при заключении мира? В общих чертах я слышал о том от графа Никиты Ивановича Панина, но ведь обстоятельства несколько изменились?

- Верховный визирь полагал, что мы договариваемся о перемирии или о конгрессе. Я ему твердо заявил, что о конгрессе, а тем более о перемирии, я не хочу и слышать. И если они хотят мира, то пусть пришлют полномочных, чтоб подписать, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уже столь много толковано. К главнейшим артикулам мы относим независимость Крыма, свободное плавание торговых судов по Черному морю, занятие Керчи и Еникале русскими войсками. А может быть, потребуем и Кинбурн с прилежащим округом. Я вам передам все документы, подготовленные на конгрессе в Бухаресте Обрезковым, дам вам также копии писем верховного визиря и мои,

вы изучите их. Вы будете вести всю протокольную часть переговоров. Моя канцелярия уже работает над новой редакцией мирного договора.

- И когда мы отбываем из здешнего лагеря?

- Сегодня и выступаем. Со мной пойдут два пехотных полка и пять эскадронов кавалерии при двух орудиях. Мы спешим на помощь генералу Каменскому, чтобы штурмовать Шумлу и взять в плен верховного визиря, со всем его штабом и канцелярией. Если, конечно, не подпишут в Кайнарджи мирного договора...

- Обычно на подписание мирного договора требуется больше времени. Турки - народ церемонный. Много времени уйдет на всякие пустые встречи и разговоры.

- Нет, пять дней даю вам на заключение мирного договора. Хватит - поговорили. Пора и на этом фронте действовать решительно и по-военному.

Репнину понравилась твердость фельдмаршала. Он сам действовал так же, когда был в Польше послом России.

В полдень 4 июля фельдмаршал со своим отрядом подходил к деревне Кучук-Кайнарджи. Здесь ему доложили, что совсем недалеко раскинули лагерь турецкие уполномоченные и хотят его видеть. Румянцев приказал полковнику Петерсону, хорошо знавшему их язык и обычаи, отправиться в турецкий лагерь и приветствовать их от имени русского фельдмаршала. А главное - передать, что он спешит к Шумле для того, чтобы руководить сражением против войск великого визиря.

Вскоре вернувшийся Петерсон передал Румянцеву настойчивую просьбу послов принять их и начать переговоры о мире: у них есть самые высокие на то полномочия. «Вот как повернулось дело! - думал Румянцев. - Кто бы мог предполагать еще несколько месяцев назад, что гордые и самоуверенные турки,

узнав о моем движении к Шумле, будут нетерпеливо домогаться увидеть меня? Придется уважить их просьбу».

Уполномоченные прибыли в русский лагерь и расположились в палатке недалеко от шатра Румянцева. Фельдмаршал предложил вести встречу без лишних церемоний, в присутствии только «знаменитейших услужников», необходимых для ведения деловых переговоров.

- Господа! - начал он. - У меня мало времени на разговоры. В Фокшанах и Бухаресте российские уполномоченные сказали все, что нужно было. После этого действие оружия российского перешло за Дунай и даже за Балканы. Я спешу к Шумле. В Силистрии и Рущуке ваши гарнизоны заперты и уже испытывают нужду в провианте и хорошей воде... Верховный визирь не раз пытался прорваться сквозь наши войска, но тщетно: каждый раз бывал бит. Мы уже много раз писали друг другу об условиях мирного договора. Но между тем время идет, и то, что легко совершить можно в одно время, невозможно сделать в другое. В конце концов самая умеренность наша истощается, коль ни велика она была. Однако ж я и по сей час тот же, что и вчера, и не воспользуюсь вашим тяжким положением. И мы требуем того же, что и вчера, лишь с небольшими добавлениями, о которых вы сразу догадаетесь. Мы должны договориться, чтоб всем татарам остаться вольными и ни от кого, кроме единого Бога, не зависимыми в их гражданских и политических делах и правлении, а в духовных сообразоваться имеют правилам магометанского закона. Все земли и все крепости в Крыму, на Кубани и на острове Тамань и прочие земли, в их владении бывшие, им же, татарам, отдаются, выключая крепости крымские: Еникале и Керчи с их уездами, которые Блистательная Порта России уступает. Уступает также России замок

Кинбурнский с его округом и степью, между реками Бугом и Днепром лежащую. Коммерция в областях обеих держав и судоплавание на Черном и Белом море и Дунае, во всех пристанях и каналах, и на всех морях взаимным образом обеим империям дозволена, и за убытки военные России заплатить имеет Блистательная Порта семь миллионов с половиною пиастров, считая на российские деньги, четыре миллиона пятьсот тысяч рублей. После сего оставляет Россия Порте город Очаков с древним его уездом, возвратит Бессарабию, Молдавию и Валахию со всеми городами и крепостями, все острова на архипелаге, выговоря для жителей островских и помянутых провинций свободное отправление веры, облегчение в податях и сохранение при их привилегиях. Впрочем, десять артикулов, подписанных взаимными послами на Бухарестском конгрессе, должны быть утверждены слово до слова, как и другие сообщенные на оном же конгрессе двадцать восемь артикулов, против которых нет причины прекословить.

Господа! Ваши полномочия дают вам право, как и российским уполномоченным, возвестить радость нашим государям и напоить ею же сердца народные, ибо как только вы подпишете мирные артикулы и я получу благопризнание сих документов верховного визиря, то в ту же минуту прикажу корпусу Каменского и другим частям отойти на прежние позиции. Или мир, или война! Переговоры с вами будет вести князь Николай Васильевич Репнин, многоопытный в таковых делах.

Торжественное открытие переговоров завершилось к обоюдному удовольствию. Турки со всем соглашались, так как их напугало стремление Румянцева идти к Шумле: уж они-то знали слабости своих войск и боялись падения этой крепости.

Через полтора часа турецкие послы покинули палатку Румянцева, но еще два часа заседали в «особливом павильоне» с князем Репниным и видными чиновниками из походной канцелярии фельдмаршала, такими, как полковник Петр Завадовский, граф Семен Воронцов, которые впоследствии стали выдающимися деятелями XVIII века.

К вечеру Румянцеву доложили, что турецкие послы по всем основным пунктам согласны с русской стороной. В ночь на 7 июля фельдмаршал послал курьера с письмом верховному визирю, в котором он, в частности, писал: «Вчерашний день имел я удовольствие в здешнем моем лагере принять от вашего сиятельства полномочных почтенных нишанджи – Ресми-Ахмет-эфенди и Ибрагим-Мюниб-эфенди. Я хочу отдать справедливое свидетельство пред вашим сиятельством их качествам, коими отвечают они в полной мере возложенной доверенности и приятным мне делают партикулярное с ними знакомство. По делам мирным представляя лицо ваше, имели они разговор со мною, и по объяснениям согласились уже они со мною в главных пунктах, имеющих составить мирный трактат...»

Верховный визирь попытался еще напомнить Румянцеву, что крепости в Крыму никогда не принадлежали татарам и что оные содержались всегда Высокой империей, а потому, дескать, нельзя их оставлять. Но Румянцев оставался непреклонным, каждый раз напоминая, что срок переговоров истекает: 10 июля мирный договор должен быть подписан. Больше шестидесяти лет назад именно в этот день был подписан позорный для России Прутский мирный договор, и Румянцеву хотелось именно в этот день предать забвению позор России.

В торжественной обстановке проходили переговоры. Репнин часто заходил к Румянцеву

советоваться, потому что турецкие уполномоченные, согласившись на подписание выгодного для России мира, все-таки пытались выторговать хоть что-то... Но Каменский продолжал держать в страхе верховного визиря в Шумле: то уничтожил запасы хлеба турок в деревне Самче, то сжег хлеб на корню у стен крепости, оставив без корма лошадей неприятеля... А потому фельдмаршал Румянцев мог диктовать свои условия.

Утром 10 июля прибыл курьер от верховного визиря с ответом на письмо Румянцева. Верховный визирь снова попытался втянуть фельдмаршала в длительные словопрения по совершенно ясным вопросам, но он не пошел на это и твердо заявил, что по-прежнему стоит на своем. Договор уже был согласован, и все статьи сформулированы. Оставалось его подписать.

В 7 часов вечера 10 июля 1774 года князь Репнин и турецкие послы Ресми-Ахмет и Ибрагим-Мюниб подписали мирный договор даже на более благоприятных условиях, чем предполагали в Петербурге. В тот же день молодой граф Румянцев вместе с майором Гагариным отправились в Петербург с этим долгожданным и радостным известием.

В трактате было точно обозначено, что действие мирного договора вступает в силу только после того, как все 28 пунктов, от слова до слова, будут утверждены подписями и печатями верховным визирем и главнокомандующим Румянцевым, «как бы оные деланы были в присутствии обоих нас лично, – писал Румянцев верховному визирю, – и взаимно разменяться, в соблюдение нужного порядка и что мир сделан нами, грамотами, которыми нас всепресветлейшие государи наши уполномочили постановить и заключить сей мир между их империями».

Назначен и пятидневный срок для утверждения трактата главнокомандующими. Но Румянцев торопит верховного визиря, надеется получить подписанный

трактат «несколько ближе и поспешнее того сроку», потому что военные действия пока не прекращены, а места, куда надо послать повеления, весьма отдаленные: Крым, архипелаг, Грузия, посты на Дунае.

Дело еще не закончено. И поэтому Румянцев послал ордер Каменскому, в котором выражает свое явное недовольство его отступлением от Шумлы: «Я вам велел остаться против Шумлы, в прежнем вашем положении, не предпринимая на город действий, но вы от 9-го числа пишете, что отступили назад семь верст...»

Но переговоры завершились успешно. Так что Румянцев с полным правом мог написать Екатерине II, что «от самого начала войны, предводя оружие», ему вверенное против неприятеля, «имел счастье силою оною одержать и мир ныне».

За день до срока, 14 июля, вернулся курьер верховного визиря и вручил своим уполномоченным ратификацию договора. На следующий день состоялся обмен мирных договоров.

Утром турецкие уполномоченные, описывает очевидец, «в отличных, по своим обычаям, нарядах», под барабанный бой и пушечные выстрелы, торжественно въехали в русский лагерь. Из палатки главнокомандующего вышли им навстречу фельдмаршал Румянцев, Алексей Михайлович Обрезков, наконец-то прибывший сюда, князь Репнин, полковники Завадовский и Воронцов, принимавшие непосредственное участие в мирных переговорах... После обычных церемонных приветствий все вошли в конференц-зал, где разместились в соответствии с занимаемым положением. В центре зала на столе, покрытом красным сукном, фельдмаршал торжественно подписал договор. Во все концы от турок и русских помчались гонцы с известием о заключении мира и о запрещении продолжать военные действия.

«В 4-м часу после обеда пошли послы вторично в ставку его сиятельства, где ему поднесли ратификацию верховного визиря на турецком языке, а он, их поздравив, вручил им свою» (на русском).

17 июля Румянцев отправил в Петербург князя Репнина с мирным договором. В письме Екатерине II, излагая ход переговоров, он, в частности, писал: «Нужные переговоры, объяснения и сочинение мирного трактата продолжались чрез пять дней. Я быв тут во все время неотлучен и, смотря глазами на дела полномочных, вседневно преподавал им способы и путь ближайший к окончанию, что и свершилось 10 июля подписанием чрез взаимных полномочных трактата вечного мира между империей Всероссийскою и Портою Оттоманскою...»

В той же реляции Румянцев, говоря о том, что заключенный мир есть плод счастливой войны, который существом своим полезен Отечеству, высоко отзывается о «подносителях сего» князе Репнине и графе Воронцове, «который от начала войны до самого окончания оной служил безотлучно в армии, в действиях против неприятеля всегда отличал себя храбрым и искусным офицером». Оба они заслуживают «всемилоостивейшего воздания».

Глава 5

Вестники мира

Молодой граф Румянцев прибыл в Петергоф, к императорскому двору, 23 июля и вручил Екатерине II письмо фельдмаршала с известием о мире. Императрица пожаловала вестника из полковников в генерал-майоры. Как ждали этого мать его, Екатерина Михайловна, бабушка Мария Андреевна, гофмейстерина ее величества, тетка Прасковья Александровна Брюс, статс-дама ее величества! Вся многочисленная родня Румянцевых с особенной радостью праздновала заключение мира с Турцией.

А через несколько дней прибыли в Петергоф князь Репнин и граф Воронцов с подписанными документами о мире. Тут уж не оставалось никаких сомнений, что кончилась война и заключен мир, «коему от времен толь славного и полезного для России Ништадтского мира ни одного подобного не было», говорилось в правительственном сообщении от 3 августа 1774 года.

Екатерина II не скрывала своей радости и довольства не только самим по себе миром, прекращавшим разорительную войну, но особенно и тем, что теперь она могла забрать из армии многих солдат, офицеров и генералов для подавления восстания Пугачева. За два дня до приезда графа Михаила Румянцева она подписала указ «нашему генералу и Новороссийской губернии генерал-губернатору Потемкину», в котором говорилось о необходимости уладить «умножившиеся беспокойства и замешательства в землях Новороссийской губернии с сечею Запорожскою», «рассмотреть сие дело и прекратить тем все оные единожды навсегда».

А еще через несколько дней императрица написала Потемкину записку: «Батенька, пошлите повеления в обе армии, чтоб, оставя самое нужное число генералов при войсках для возвращения полков в Русь, чтоб генерал-поручики и генерал-майоры ехали каждый из тех, коим велено быть при дивизии Казанской, Нижегородской, Московской, Севской и прочих бунтом зараженных мест, в тех местах, где они расписаны иметь свое пребывание...»

Как раз в эти дни Екатерина II редактировала рескрипт, подготовленный графом Паниным, о назначении генерала Петра Панина главнокомандующим по усмирению Пугачевского восстания. Над этим черновым проектом Екатерина явно потешается в собственноручной записке к любезному ее сердцу Потемкину: «Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, что господин граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельною властью в лучшей части империи, то есть Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губернии... что если я сие подпишу, то не токмо князь Волконский будет и огорчен и смешон, но я сама ни малейше не сбережена, но пред всем светом первого враля и мне персонального оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всех смертных в империи хвалю и возвышаю. Вот вам книга в руки: изволь читать и признавай, что гордые затеи сих людей всех прочих выше...»

Посылая новые полки против Пугачева и давая всю полноту власти Петру Панину, Екатерина II предупреждала его, зная его жестокий характер, что исполнение «сего государственного дела не в том одном долженствует состоять, чтоб поражать, преследовать и истреблять злодеев, оружие противу нас и верховной нашей власти восприявших, но паче в том, чтоб, поелику возможно сокращая пролитие крови

зablуждающих, кое для матерного и человеколюбивого сердца нашего толь оскорбительно, возвращать их на путь исправления чрез истребление мглы, духи их помрачившей, восстанавливать везде повиновение, покой и безопасность внутреннего гражданского общежития...».

В это время при императорском дворе все большую силу забирал Потемкин. Екатерина II в письме к Гримму 14 июля в ответ на его намек, что она неучтиво обошлась с Васильчиковым, писала: «Я догадываюсь, откуда происходит ваше маленькое сомнение, бьюсь об заклад, от того, что в вашем присутствии я удалилась от некоего прекрасного, но очень скучного гражданина, который тотчас же был замещен, не знаю сама, как это случилось, одним из самых великих, из самых смешных и забавных оригиналов нынешнего железного века...»

Так вот этот «великий, смешной и забавный оригинал нынешнего железного века» еще не настолько прочно вошел в государственную жизнь, чтобы императрица совсем отказывалась от услуг его счастливого предшественника. Так, 8 августа в собственноручном письме князю Михаилу Никитичу Волконскому сообщает, что сегодня, дескать, утром к князю Григорию Григорьевичу Орлову явился яицкий казак Астафий Трифонов с письмом от казака Перфильева с товарищами, всего 324 человека, в котором они обещают «вора и злодея Пугачева сюда доставить», если им будет выплачено по сто рублей каждому человеку: «Я нашла, что цена сия умеренна, чтоб купить народный покой...»

Добившись мира с турками, Екатерина II предпринимала все возможные усилия для подавления внутренних «расстройств и замешательства». Только приложив максимум усилий, перебросив из Польши и из Крыма несколько полков, ей удалось создать численный перевес в силах против Пугачева и разгромить его,

используя, как читатель видел, и подкуп, и предательство в стане восставших.

И лишь через несколько дней Екатерина II ответила Румянцеву, поздравив его с «миром таким, как в нашей истории едва отыщется ли». «Возвещая мир, рук Ваших творение, возвестили Вы нам в то же время чрез оной и знаменитейшую Вашу услугу пред нами и пред Отечеством, - писала императрица Румянцеву в рескрипте от 12 августа. - Мы объемлем ее во всем пространстве тех трудов и подвигов, коими Вы чрез все время войны ополчаться должныствовали к преломлению сил и высокомерия неприятеля, обикшего доньше в счастливых своих войнах предписывать другим законы жестокие. Мера благоволения нашего к Вам и к службе Вашей стала теперь преисполнена, и мы, конечно, не упустим никогда из внимания нашего, что Вам одолжена Россия за мир славной и выгодной, какого по известному упорству Порты Оттоманской, конечно, никто не ожидал, да и ожидать не мог...»

Но Екатерина II далека от мысли считать, что Турция растоптана и уничтожена. Нет, она считает, что во всех делах, касающихся Турции, Россия должна соблюдать «всю возможную умеренность» и снисхождение к ее справедливым требованиям и не давать ей повода быть к какому-либо недоброжелательству и недоверию. Императрица выражает удовольствие тем, что Румянцев поставил в зависимость вывод войск из придунайских княжеств от ратификации мирного договора в Константинополе и Петербурге. Она понимает, с какой алчностью ждут вывода русских войск из Молдавии и Валахии, а потому надеется, что ратификация не задержится. А до ратификации нельзя ли договориться о скорейшем освобождении из неволи оставшихся и после войны пленников?

И Румянцев послал в Константинополь полковника Петерсона для переговоров, которые должны были

уточнить все детали и подробности предстоящей ратификации на самом высоком уровне.

Много было хлопот у Румянцева, получившего и рескрипт, и собственноручные письма императрицы. В одном из них, сопровождавшем высочайший рескрипт, она писала: «Граф Петр Александрович, при случае отправления сего курьера, который к вам везет разные мои резолюции, поспели ко времени и кстати в моих садах тридцать ананасов, которые к вам посылаю, зная, что вы их любите. Примите сей малый дар, от доброго сердца происходящий, и прохлаждайтесь ими на здоровье, хотя немного, после толиких многих и славных ваших трудов во время войны и при заключении мира такового, как еще Россия не имела. Признаться надобно, сей клейнот (драгоценность, радость. - *В. П.*) вы ей доставили. Плоды оного бесчисленны будут, и при каждом имя ваше в незабвенной памяти останется. Хотя при размене ратификаций, где и как бы они разменены ни были, я празднество мира здесь и отправлю, но самое большое празднество означу не прежде вашего возвращения в отечество, и то на Москве, дабы мы при оном могли иметь удовольствие видеть оному виновника. Мой же приезд к Москве скоро быть не может, ибо у меня на Москве дворца, после сгоревшего во время язвы, нету, а каменный не поспел; но я к построению деревянного все меры теперь беру, и верно сие построение не замешкается. Нужно мне теперь комплектовать гвардии Преображенский полк. Желаю, чтоб сие комплектование служило и к награждению заслуженных солдат армейских полков, и для того прошу вас приказать выбрать наилучших семьсот человек и прислать их сюда с посланным для сего капитаном Рахмановым; в число сих требую я именно Старооскольского полку гренадера Микулина, отличившегося при столь многих случаях».

После заключения мирного договора Румянцев заболел малярией и все приятные и неприятные новости получал, прикованный к постели. Его перевезли в Фокшаны, окружили теплом и заботой. В ставку прибыл граф Салтыков и взял на себя управление внутренними делами армии. Необходимо было готовить войска к выходу из княжеств, а это требовало особого внимания.

Иногда жестокая малярия отпускала Румянцева, и он вновь активно вмешивался в ход событий. Хотелось ему довести до конца великое дело войны и мира, которому отдал столько времени и сил. А на этом пути то и дело вставали преграды. Вскоре после переговоров он узнал, что по дороге в Константинополь скончался верховный визирь Мегмет-паша. Новый визирь Изет-Мегмет-паша лишь 21 августа прислал Румянцеву из Константинополя своего чегодаря с письмами, в которых подтверждал соблюдение кондиций, заключенных его предместником и Румянцевым. Но почему-то у берегов Крыма бросили якорь турецкие корабли с войсками? Может, ждут, пока Долгоруков очистит Крым?

В середине сентября болезнь начала отпускать Румянцева. Приехавший временно заменить его на посту главнокомандующего армией Репнин писал Потемкину, узнав о выздоровлении Петра Александровича: «Я нашел фельдмаршала в крайней еще слабости и в несостоянии встать с постели, хотя уже из всей опасности и вышел. Жалко на него глядеть и на всех здесь находящихся; из всего города сделалась больница. Игельстром был очень болен, но уже ходит. Завадовский лежит, Аш, Велда, кн. Андрей Николаич тоже – одним словом сказать, все почти больны лихорадками и горячками. Из всех людей

фельдмаршальских один его егерь только здоров, а прочие все или лежат, или насилу таскаются...»

Репнин вскоре уехал в Петербург. А Румянцеву Екатерина II предложила командовать и второй армией, потому что князь Долгоруков подал прошение об отставке по состоянию здоровья и вскоре ее получил.

Из Константинополя стали приходить тревожные письма временного поверенного в делах полковника Петерсона, в которых он сообщал о борьбе французского посла и некоторых влиятельных придворных Турции против ратификации мирного договора. Новый муфтий, яростный противник договора, возбуждает в народе негодование против мирных постановлений. Но султан, озабоченный лишь развлечениями, склонен ратифицировать мирный договор.

И это тревожило Румянцева, не допуская и мысли о каких-либо переменах в договоре. 24 октября 1774 года он писал Петерсону: «...Зегелин (пруссский посланник в Константинополе. – *В. П.*) расхваливает рейс-эфенди, выставляет его усердным защитником мира; но мы достоверно знаем, что он мира не хочет, Зегелин хочет нас настращать готовностью турок к войне, но в предыдущем письме сам он описывал страшное истощение Порты, которая не может поднять головы; и потому будьте с ним осторожны и выведайте, не от него ли или от каких других происков идет помеха делу. Легко станется, что и прусский министр, будучи лишен всякого участия при заключении мира, старается теперь сделаться нужным. Если рейс-эфенди или кто другой станут время проволакивать или откажутся принять мирный договор слово в слово, то дайте им почувствовать, что их поступок остановит очищение Молдавии и остающихся в наших руках крепостей, где у нас вся армия без малейшей убавки. Рейс-эфенди спрашивал вас, на каком основании австрийцы заняли

своим войском значительную часть Молдавии. Я вам передаю следующее, что вы должны содержать в величайшей тайне: необходимо внушить Порте об истинных взглядах двора нашего на это дело. Откройте надежнейший путь к удостоверению, что австрийское занятие ее земель есть для нас дело совсем постороннее, в котором мы не имеем и никогда не примем ни малейшего участия. Передайте это внушение словесно, а не письменно самому великому визирю или доверенной от него особе. Повторяю, это должно сделаться в величайшей тайне, ибо положение нашего двора в этом случае очень деликатно: он не должен себя компрометировать ни пред венским двором, ни пред Портою. Даю вам право обещать 100 000, 200 000, наконец, 300 000 рублей тому, кто возьмется уничтожить все происки недоброжелательных людей и довести дело до того, чтоб ратификация была отправлена в Петербург без всяких изменений договора».

Великий визирь попробовал было уговорить Румянцева переменить артикулы договора, касающиеся татар Крыма и дунайских княжеств, но Румянцев твердо стоял на своем: «Скрыть не хочу моего крайнего удивления, каким объят я был, увидав содержание вашего письма. Дело столь торжественное, как мир, заключенный между Всероссийскою империею и Портою Оттоманскою уполномоченными от их государей, в своем исполнении не терпит ни отлагательств, ни остановки, и я должен вам сказать, не обинуясь, что ни один пункт в трактате не может быть нарушен без того, чтоб не нарушены были и все статьи его, и самое главное основание – искренность и добросовестность».

Наконец Петербург и Константинополь ратифицировали мирный договор, в 1775 году обменялись послами. Но независимость крымских татар по-прежнему возбуждала негодование правительства

Турции, которое не раз ставило отношения России и Турции на грань войны.

Фельдмаршала Румянцева как победителя оттоманов ждали в Москве для празднования мира. Приготовили Триумфальные ворота. Но он, по своему обыкновению, отказался от пышности и почестей, приехал в скромной коляске и с небольшим эскортом.

Очевидец этих торжественных событий в Москве, Андрей Тимофеевич Болотов подробно рассказывает о своих впечатлениях от увиденного и услышанного во время празднества. Андрей Болотов вместе с женой и тещей приехал в Москву всего лишь за полчаса до приезда фельдмаршала Румянцева. Каково же было удивление собравшихся, когда они увидели, что вокруг Триумфальных ворот, ярко раскрашенных вверху картинами, изображавшими разные победы великого полководца, не было ни войск, ни пушек для стрельбы, ни музыки, ни певчих, ни чиновников, которые должны были встречать триумфатора. «Господи! – говорил я. – Что же это? Разве не успели прийти сюда?» Но удивление мое еще увеличилось, когда вдруг закричали, что «Едет, едет Румянцева!» – и мы, вместо всего триумфального въезда, увидели скачущую только дорожную карету, и пролетевшую мимо нас, как молния, и, что всего страннее, не поехавшую сквозь самые Триумфальные ворота, а объехавшую оные по правую сторону мимо. «Вот тебе на! – воскликнул тогда я, поразившись удивлением. – Что это такое? Это и первой блин, но уже комом, и зачем же мы сломя голову так скакали и спешили?»... Но скоро сказали нам, что императрица и хотела было велеть встретить его со всеми подобающими ему почестями, но он сам отклонил сие от себя и просил государыню, чтоб не делано было ему никакой церемониальной встречи, а дозволено было въехать запросто и подорожному».

10 июля 1775 года Москва торжественно отметила заключение мирного договора с Турцией. В этот день и Андрей Болотов со своими женщинами спешил на Ивановскую площадь у Кремля. «Но как мы ни спешили, но нашли всю ее наполненную уже несметным множеством народа. Все улицы в Кремле установлены были войсками, а подле самой колокольни стояло несколько вестовых пушек. По всему пространству, от Красного главного крыльца до дверей Успенского собора, сделан был помост, огражденный парапетом и устланный сукном красного цвета, все стены соборов и других зданий окружены были, наподобие амфитеатра, подмостками, одни других возвышеннейшими, и все они установлены были бесчисленным множеством благородных и лучших зрителей... Но ничто не могло сравниться с тем прекрасным зрелищем, которое представилось нам при сходе императрицы с Красного крыльца вниз, в полном ее императорском одеянии и во всем блеске и сиянии ее славы. Весь придворный ее штат, в богатейших одеяниях, последовал за оною, а перед нею шествовали разные чиновники и кавалергарды в их пышном и великолепном убранстве...»

Рассказывая о торжествах на Ходынке, в которых принимала участие и Екатерина II, Андрей Болотов отмечает: «Но никто не обращал на себя так многие взоры, как герой сего торжества – граф Румянцев: повсюду следовали за ним целым табуном, и никто не мог на него довольно насмотреться...»

Императрица щедро наградила фельдмаршала Румянцева, его сподвижников, всех, кто принимал участие в войне и заключении мира. Румянцев получил:

1. Наименование Задунайского для прославления чрез то опасного перехода его через Дунай.
2. Грамоту с прописанием его побед.
3. За разумное полководство: алмазами украшенный фельдмаршальский жезл.
4. За

храбрые предприятия: шпагу, алмазами обложенную. 5. За победы: лавровый венок. 6. За заключение мира: масличную ветвь (украшенную бриллиантами, как и лавровый венок). 7. В знак монаршего благоволения крест и звезду ордена Святого апостола Андрея Первозванного, осыпанные алмазами. 8. В честь его и для поощрения примером его потомства: медаль с его изображением. 9. Для увеселения его: деревню в пять тысяч дуги в Белоруссии. 10. На построение дома: сто тысяч рублей из Кабинета. 11. Для стола: серебряный сервиз. 12. На убранство дома: картины. На мать фельдмаршала, Марию Андреевну Румянцеву, гофмейстерину императорского двора, Екатерина II возложила орден Святой Екатерины, а на молодого графа Румянцева, первым возвестившего о заключении мира, – Александровский орден.

Вместе с Румянцевым в Москву прибыли два его ближайших помощника, с которыми он не разлучался всю войну: Александр Андреевич Безбородко и Петр Васильевич Завадовский. Представленные императрице, два талантливых молодых полковника вскоре стали видными государственными деятелями.

Глава 6

Встречи в Берлине

С радостным облегчением вздохнул Румянцев, когда кончились официальные празднества в честь заключения мира. Казалось бы, императрица, ее двор оказывал ему самые высокие почести, которых удостоивается человек при жизни, но по складу своего характера он не любил подобного шума и суеты. Обеды, балы, маскарады и другие празднества вскоре наскучили ему. Да, императрица не раз оказывала ему честь, приглашая обедать за свой стол. Участвовал почти во всех ее поездках по окрестностям Москвы. Наконец, 28 октября 1775 года она посетила его подмосковное село Троицкое, переименованное в Кайнарджи. 15 ноября состоялся большой бал-маскарад, где долго разговаривал с чрезвычайным полномочным послом Турции, а за ужином их посадили рядом, конечно не без политического умысла.

Все выдержал, вынес все эти тягостные для него испытания и затосковал по тишине и покою: хватит, послужил матушке-России и государыне императрице, пора на отдых. И не раз заговаривал с Екатериной II о своем отпуске и болезнях, которые порой вновь наваливались на него.

Каково же было его удивление, когда 5 ноября он узнал, что на него возложено командование всей кавалерией армии, которая, как говорилось в рескрипте, «в бывшую Прусскую войну из неустройства или, паче сказать, из небытия его единственно искусством и трудами приведена была в доброе состояние». Вот только сейчас дошли до императрицы и ее помощников-советчиков все его письма во время войны с предложениями об иной организации всей

кавалерии нашей армии. Какой уж тут отдых, мечты об отпуске тут же разлетелись в прах. Но и этого оказалось мало: императрица, беседуя с ним, высказала надежду, что он, фельдмаршал Румянцев, проявит свои недюжинные организаторские способности по окончательному устройству Крыма, не говоря уж о том, что он по-прежнему остается президентом Малороссийской коллегии.

Лишь 7 декабря Екатерина II покинула Москву и вернулась в Петербург. А Румянцев воспользовался случаем и спокойно пожил в Москве и в Кайнарджи несколько недель. И уже нужно было собираться в дальнюю дорогу: 20 февраля он прибыл в свое имение Черешенки и занялся неотложными делами, которых много накопилось за его отсутствие. Из писем Н.И. Панину и П.В. Завадовскому можно узнать, что здоровье его «худое», силы весьма слабеют, здоровье его требует великой починки – «не знаю, откуда начать». Конечно, он несколько преувеличивал свое «худое» состояние, чтобы хоть на некоторое время оставили его в покое.

Но дела уже втягивали его в свой круговорот: Малая Россия после изнурительной для всех войны нуждалась в оздоровлении жизненных ее основ – то, что было начато до войны, нуждалось в решительных организованных мерах. И конечно, тут же пошли донесения из Крыма, где начались волнения и недовольства. Французские офицеры, переодетые в турецкие одежды, проникали в Крым, понуждали татарские орды к неповиновению преданному России хану Шахин-Гирею и верным ему мурзам. Бригадир Бринк, начальник гарнизона крепости Святого Димитрия, хорошо изучивший обычаи кочующих татарских орд, по наставлению Румянцева, лаской и подкупом склонял на русскую сторону наиболее влиятельных мурз. Румянцев посоветовал Бринку, чтобы

он любыми способами уговорил кочующие орды перенести свои кочевья поближе к нашим границам, и если они захотят, то можно впустить их и в наши пределы. Таким образом Румянцев приступил к устройству Крыма, который раздирали противоречия, а главное – турецкое противодействие русским интересам, хотя Кучук-Кайнарджийские условия мира были ратифицированы Турцией.

Ласки и подарки хану и мурзам сделали только половину дела. А потому Румянцев приказал в марте 1776 года Старосербскому гусарскому и Нижегородскому драгунскому полкам подойти к крепости Святого Димитрия и, не вступая в действие, активно, своим видом, прекратить волнения среди татарских орд. Бригадир Бринк точно исполнил приказание своего командующего: усилил посты, вместе с отрядом вошел в ставку хана, устроил редут и сам остался в ставке Шахин-Гирея. А между тем Турция продолжала обнадеживать Девлет-Гирея, возглавившего волнения в Крыму, своей помощью, присылая подарки и обещания помощи. Так что Девлет-Гирей пообещал своему народу открыть военные действия за отобранные Керчь и Еникале. Но пока Порты не утвердила его в ханском достоинстве, не прислала ему кафтан и саблю, и он выжидал.

Таковы были заботы и тревоги фельдмаршала Румянцева, когда неожиданно он получил из Петербурга рескрипт ее величества от 18 апреля 1776 года с требованием немедленно прибыть в Петербург, дабы императрица желает сделать его участником в «верном, нужном и приятном деле, о коем иначе не желает объявить ему, как при свидании с ним». Естественно, она «ожидает увидеть его дней чрез двадцать конечно». А это означало – надо мчаться немедленно, бросая все дела и не обращая внимания на все хвори. Тем более, что преданный ему Петр

Завадовский, ставший к тому времени одним из заметных придворных чинов, писал: «Храни Бог от поездки отговариваться; весьма неудобно будет Государыне и Великому Князю». Скорее всего, он мог бы сослаться на свои болезни и усталость, если бы не эти слова преданного ему человека: значит, надо ехать.

Подводя итоги деятельности Румянцева в Крыму, историк Сокович писал в своем обширном исследовании, посвященном этому периоду жизни фельдмаршала: «Все, что выработано с Татарскими провинциями и с правительством Крымских гиреев до 1780 года, принадлежит собственно одному Румянцеву; а что сделано после того - Потемкину... Как в сношениях дипломатических, так и в распоряжениях его по войскам, предъявляют неотъемлемые свои права на то, чтобы имя Задунайского слышалось, не менее Таврического, в истории присоединения к России южных Татарских провинций.

Румянцев вел это дело так тонко и искусно, что не знаешь, чему более удивляться: военным ли его способностям или дипломатическим дарованиям. Результатом трудов его, в вопросе Татарском, было: обезсиление Крыма, формирование нашей партии в Татарском народе, устройство там правительства, которое, без Русского да и нет, не смело ничего предпринимать и, ни за один день вперед, поручиться в своем существовании. Общее мнение утверждает, что Потемкин, в деле присоединения Крыма, более всего успел деньгами; но и это не так. Разсыпая золото Татарам в течение пяти лет, Румянцев не только этот путь приготовил Потемкину, но мог руководить своими указаниями... Исполнителями его распоряжений на месте были: князь Прозоровский, Суворов, Бринк и другие...»

Историк Сокович в «Историческом обзоре деятельности графа Румянцева-Задунайского и его

сотрудников: князя Прозоровскаго, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год» пришел к выводу: «В судьбе Крыма и Татар, он (т. е. Потемкин. – *В. П.*) является не более как только счастливым пожинателем тех плодов военного искусства, дипломатической изворотливости и твердости характера, которыми отличался предшествовавший ему на том же поприще граф Румянцев. За Потемкиным осталась слава присоединения Крыма к России, и единственно потому, что он окончил дело, начатое и почти до конца доведенное героем Задунайским».

Возвращая Крым, Россия лишь восстанавливала историческую справедливость, нарушенную Чингисханом и его потомками, занявшими Крым и все южное побережье России.

Об этом думал Румянцев за долгую дорогу в Петербург.

Совсем другие заботы терзали императрицу: 15 апреля 1776 года внезапно скончалась супруга наследника престола великая княгиня Наталья Алексеевна. Сначала Павел горевал, но потом пришлось ему рассказать о письмах великой княгини, оставленных в ее столе. Эти письма открывали мерзкую душонку покойной, и Павел не присутствовал даже на похоронах ее. И теперь необходимо срочно подыскать более подходящую супругу для наследника престола: род Петра Великого должен быть продолжен. И завязалась бурная переписка с Фридрихом II, ее мудрым наставником, другом и союзником. А вскоре прибывший принц Генрих подсказал имя возможной великой княгини. Так возникла мысль о поездке великого князя в Берлин на смотрины будущей супруги.

В эти летние дни 1776 года и Фридрих II испытывал сложные чувства: за многие годы он так свыкся со

своим одиночеством, которое давало ему определенные выгоды, много читал, писал деловые письма чуть ли не во все столицы Европы, сообщаясь непосредственно с царствующими лицами, естественно, не упуская из своих рук те нити, которыми он управлял своим королевством. Но вот вскорости приедет великий князь Павел на смотрины невесты, и ему придется на какое-то время выйти из своего затворничества и вести светский образ жизни, от которого он давно уже отвык, наслаждаясь своим уединением в тихом удобном Потсдаме. Но ничего не поделаешь...

Фридрих прекрасно знал все, что творилось в петербургском дворе, знал о противоречиях между матерью и сыном царствующего дома. Донесения посла Сольмса и письма тайных агентов способствовали тому, что он был в курсе всех, даже самых интимных, подробностей жизни Екатерины и Павла, их окружения. Сначала он горевал, узнав о смерти великой княгини Натальи Алексеевны, но потом, прочитав опубликованную во многих европейских газетах корреспонденцию о причинах ее смерти и о том, что она по своему сложению не могла дать наследников российского престола, узнав из тайных донесений, что она была неверна Павлу, слухи о чем доходили до него, но теперь были неопровержимо доказаны письмами Андрея Разумовского, найденными в столе великой княгини... Разгневанная императрица, нашедшая эти письма и записочки, смысл которых не оставлял никаких сомнений, тут же показала их опечаленному наследнику. Можно представить себе чувства обманутого супруга... Хорошо, что в это время в Петербурге оказался брат, принц Генрих Прусский, предложивший Екатерине свое посредничество в новом сватовстве, - на этот раз речь шла о принцессе Софии-Доротее Вюртембергской...

Фридрих II порадовался за своих родственников, получив с курьером это известие от брата. Естественно, он тут же известил принца Вюртембергского о предложении и просил его с семейством приехать в Берлин. Вскоре выяснилось, что есть некоторые сложности, которые предстояло преодолеть: София лютеранка, а потом, она уже обещала свою руку наследному принцу Гессен-Дармштадтскому, который находился в Потсдаме. Но и эти препятствия, стоявшие на пути столь выгодного брака, были вскоре преодолены.

И вот, часто вспоминая все эти разговоры, встречи, обсуждения, Фридрих с тревогой думал о том, что же будет, когда прибудет сюда с пышной, конечно, свитой Павел Петрович. Полетят в тартарары все его привычки, сложившиеся за много лет затворничества.

Никто не сомневался, что все будет так, как задумано в Петербурге и Берлине – Потсдаме... Молодая принцесса отличалась добротой и отзывчивостью, мягкостью души.

И при встрече с Фридрихом его племянница сказала:
– Наш пастор разговаривал с Софьей, он обратит ее в православие, он достойный человек.

Это сообщение вполне удовлетворило Фридриха, потому что религиозные вопросы занимали мало места в его политике. «Отец католик, мать реформатка, все дети лютеране, одна дочь будет православная, – усмехался Фридрих. – Эта семья представляет соединение главных христианских вероисповеданий... Вполне в духе нашего века. Так что нечего тут церемониться. Главное – выиграть политически». Пришлось, конечно, Фридриху напомнить своей племяннице, что она выдает свою дочь без приданого, нужно только два-три платья, зато потом ее многочисленные дочери, скорее всего, получают от императрицы приданое как родственницы великого

дома, а сыновья или службу, или пенсии, а может быть, и еще сотни хороших вещей, которые были бы для них весьма кстати.

Курьеры так и сновали между Потсдамом и Петербургом, а из Потсдама направлялись серьезные указания принцу и принцессе Вюртембергским. Когда дело наладилось, а Фридрих в этом ничуть не сомневался, он послал Вюртембергским 40 тысяч от имени императрицы.

И вот уже две недели семья принца Вюртембергского проживает в Берлине в ожидании великого князя Павла Петровича.

А в это же время в Царском Селе шла тщательная подготовка к длительному путешествию в Берлин. Екатерина II не жалела денег, чтобы показать свой дом в Европе с самой лучшей стороны.

Великий князь, бродя по дорожкам и тропинкам Царского Села, часто размышлял о своей судьбе. Мысли о предстоящей женитьбе радовали его и угнетали. Вкоренившийся в душу страх за свою будущность не оставлял его, постоянно возникали сомнения в искренности стремления матери сделать его счастливым. Поверивший в «чудо дружбы» с Андреем Разумовским, великий князь так был наказан за свою доверчивость обманувшей его покойной великой княгиней. Размышляя, он вспоминал те немногие эпизоды в своей жизни, когда ему казалось, что простой народ связывает с его именем большие перемены в своей жизни. И во время недавних празднеств по случаю заключения мира с Турцией он не раз замечал восторженное к себе отношение со стороны гуляющих. Но вместе с тем он уже не раз был оскорблен новым фаворитом Потемкиным при молчаливом согласии самой императрицы. Значит, что же? В своей державе им может помыкать какой-то выскочка? Особенно оскорбительным показалось Павлу Петровичу

требование Потемкина, чтобы его, великого князя, кирасирский полк отдавал рапорт ему, Потемкину, как вице-президенту Военной коллегии... А его попытка стать членом императорского совета? Как оскорбительно ответила ему мать, явно намекая на его молодость и неготовность к делам управления страной. Да, он знал за собой большой недостаток – вспыльчивость, несдержанность характера... Сколько раз эта вспыльчивость приносила ему вред. Да и не только ему самому, но и его близким. Разве не его вспыльчивость чуть не погубила преданного ему графа Матюшкина, предупредившего его, что назначенный вместо удаленного Панина граф Салтыков – алчный и лживый, будет следить за каждым его шагом и доносить императрице. Разъяренный великий князь бросился к матери за разъяснениями: почему удалили графа Панина, а вместо него назначили генерала Салтыкова? Для того, чтобы он доносил? Павел Петрович хорошо помнил слова, которыми ответила на его пылкий протест многоопытная императрица: «Все Ваши действия невинны, в этом я вполне убеждена. Но Вы еще слишком молоды. Общество следит за Вами, и его суждения строги. Ни в какой стране толпа не умеет делать разницы между просто молодым человеком и великим князем, и очень часто поведение первого омрачает честь последнего. Брак закончил Ваше воспитание. Невозможно более обращаться с Вами, как с ребенком, держать Вас под опекой в двадцать лет. Теперь Вы уже сами будете отвечать за Ваши поступки перед всем светом...» Что может быть, казалось бы, справедливее ее слов? Но он был раздражен постоянным контролем с ее стороны. А ведь мать первой обратила внимание на слишком интимные отношения между Разумовским и его супругой. Но как рыдала в тот же день великая княгиня, узнавшая от него об этих подозрениях, и как все отрицала. Боже

мой! Как же постыдно врут люди, чтобы скрыть свои грешные делишки. И что же? Он отверг помощь матери в тот момент, когда она была абсолютно права, как подтвердили последующие события: письма Андрея Разумовского, казалось бы, его ближайшего и доверенного друга, раскрыли все. Предательство, измена – что может быть отвратительнее такого человеческого падения. Душа великого князя не выносила этого обмана... И как стало хорошо, когда он убедился, что мать хочет ему счастья, показала ему портрет будущей невесты, привезенный курьером из Потсдама: юная принцесса сразу пришлась ему по душе, и он поторапливал отъезд в Берлин.

Фельдмаршал Румянцев прибыл в Петербург, а потом в Царское Село, лишь в начале июня. И сразу же узнал от государыни императрицы, какую великую честь ему оказывают – быть во главе свиты великого князя во время его путешествия в Берлин. Румянцев отнесся к этому предложению с философским спокойствием: столько дел на юге России, в Крыму, а ему предстоит такой долгий и, в сущности, утомительный путь... Лишь предстоящее общение с великим князем согревало его душу: Петр Александрович давно узнал его, еще в те годы, когда ближайшим воспитателем его был Семен Порошин, и Румянцев, накануне его назначения президентом Малороссийской коллегии, не раз обедал вместе с юным наследником и восхищался в душе этим любознательным и не по годам развитым мальчиком. А теперь великий князь уже многое познал в своей жизни, с ним интересно будет говорить и о политике, и о простых быденных делах.

13 июня 1776 года Павел Петрович с пышной свитой во главе с фельдмаршалом Румянцевым выехал из Царского Села. Неторопливо двинулись в сторону Риги,

Мемеля, пересекли границу русских владений и оказались в Пруссии.

В дороге Павел Петрович подолгу разговаривал с фельдмаршалом Румянцевым, рассказывал ему о своей записке, составленной для императрицы. Но его «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оною, и касательно обороны его пределов» были холодно приняты императрицей, еще раз тем самым подчеркнувшей свое отношение к его попыткам включиться в управление страной.

Румянцев слушал великого князя с большим вниманием, кое-что действительно показалось ему вздорным, например сделать полки оседлыми и набирать их, так сказать, по наследству: заменять рекрутов солдатскими детьми, достигающими совершеннолетия. Но то, что великий князь с такой скорбью говорил о лишениях, которые принесла с собой война: недороды, язва, внутренние беспокойства, рекрутские наборы и пр., было разумно и вызывало у Румянцева сочувствие, потому что уже и сам он не раз писал в Петербург об этом и много размышлял о положении в стране. По душе пришлись фельдмаршалу и рассуждения великого князя о долгом мире, который доставил бы России долгожданный покой, тишину, что позволило бы привести все в надлежащий порядок и наслаждаться этим покоем. «Прав юный князь, – думал фельдмаршал, – наш народ действительно таков, что малейшее удовольствие заставит его забыть годы войны и самое бедствие. Нет, не так уж неопытен великий князь, если заметил, что как только в государстве какая неудача, Пугачев, например, то уж нечем оную, в том самом месте, преодолеть, а надобно натягивать силы из других мест, чем ослабляем то место, откуда занимаем оные. И так действуем, не имея уже ничего в запасе. Ведь это прямо говорится по

следам событий 1774 года, когда не успели закончить военные действия с турками, как тут же сняли с Дуная войска и перебросили их на Пугачева. А если б не удалось так быстро разбить турок и принудить к миру, то как бы дела обернулись? Нет, не такой уж простак великий князь. Только уж слишком правдив и откровенен. Не раз еще попадет впросак, если не покорится матушке-государыне. А ведь не покорится... И будет страдать от неполноценности своей жизни, замкнется в себе».

А между тем вся Пруссия словно только этим приездом великого князя и жила. Повсюду его встречали так торжественно и тепло, что он порой даже терялся: еще никогда не выпадало на его долю столько чести и церемоний.

Румянцев-то прекрасно понимал, что прусский король не зря воздает такие царские почести наследнику российского престола: ведь только от него будет зависеть исход этой поездки. Фридрих и Екатерина все вроде бы решили за Павла и Софию-Доротеею, но что скажет сам Павел, увидев свою нареченную? Передаст ли он официальное предложение Екатерины II или не передаст? Так что стареющий король приказал не скупиться на почести. Румянцев повсюду видел по дороге к Берлину шпалеры войск, почетные караулы, триумфальные арки, букеты цветов, венки, вечерами давали спектакли и концерты...

10 июля, в воскресенье, Павел Петрович в парадной карете, запряженной восемью лошадьми, вместе с принцем Генрихом и Румянцевым, проехав под последней триумфальной аркой, той, что была поставлена перед мостом, на котором возвышалась статуя основателя королевской династии в Пруссии, отца Фридриха II и принцев Генриха и Фердинанда, под восторженные крики благоденствующего немецкого

народа, подъехал к королевскому дворцу. Здесь его ожидал сам Фридрих с королевой.

П. Дюран, один из биографов великого князя, так описывает Фридриха и его переживания по случаю этой встречи: «...ради достойного приема своего гостя король прусский расстался со своими привычками домоседа, преодолел свои воображаемые болезни и развязал тугие шнурки своего кошелька... В 1776 году Фридрих был уже сухим, сгорбленным стариком, опирающимся на палку, с большими пронизательными глазами, освещавшими выразительные черты лица, с высоким лбом и саркастической улыбкой. Когда-то в Рейнсберге находивший наслаждение в живой и тонкой беседе, блиставшей мыслями, он избегал теперь общества. Он обедал один, в потертom платье и возился у камина со своей подагрой. Расчетливый до скупости, на склоне лет он восстановил традиции своего отца Фридриха-Вильгельма. Для подобающего приема ему нужно было выйти из своего уединения, провести несколько дней в обществе, бывать на спектаклях, облечь себя в тяжелый парадный расшитый мундир; уже одна мысль об этом пугала его...»

Дипломаты в это время доносят своим дворам, что король Фридрих говорит о предстоящей встрече как о военной баталии с превосходящими силами противника. Но покорился неизбежному, вникая во все детали церемониала, сам распоряжался, порой находя в этом большое удовольствие. Даже обойщикам и декораторам, которые хлынули в Сан-Суси и Шарлоттенбург, отдавал личные распоряжения. Все окружающие его просто удивлялись, как ежедневно хлопотал король, давая распоряжения исправить кареты, сшить новые ливреи. Это никого не удивляло бы, если б не знали, как он ненавидел всякие переделки. На все это уходило много средств, но король «ежеминутно», как свидетельствует современник,

говорил: «По правде сказать – это увеличивает расходы, но я не жалею».

Но король беспокоился не только о пышности и торжественности приема. Главное, что беспокоило его, – как бы посланники Франции и Австрии не превзошли его самого во внимании к Павлу и его свите, как бы не отвлекли русских гостей, доставляя им различные удовольствия, как бы не внушили им мысли и чувства, которые противоречили бы его интересам. Он уже предвидел, что эти хитрецы могут расставить некие ловушки, избежать которые можно лишь устройством ежедневных праздников, торжественных обедов и ужинов.

– Всех наших русских гостей надо оградить от австрийских и французских когтей, – напрямик говорил Фридрих графу Финкенштейну.

...И вот, преодолев все многочисленные неудобства и лишения, Фридрих II радостно улыбается при виде юного обворожительного наследника русского престола.

Принц Генрих представил великого князя своему брату.

– Государь, – сказал Павел Петрович, – причины, которые привели меня с дальнего севера к этим счастливым странам, заключаются в желании уверить Вас в дружбе, которая должна соединять Россию и Пруссию, и нетерпение увидеть принцессу, предназначенную для восшествия на престол российский. Принимая ее из Ваших рук, я заявляю, что эта принцесса тем более любима будет и мною и народом, над которым она будет царствовать. Наконец достиг я того, чего уже давно желал: я могу видеть величайшего героя, удивление нашего века и потомства.

Великий князь умолк и в волнении оглядывался по сторонам, словно в поисках помощи. Рядом возвышался

фельдмаршал Румянцев.

Фридрих тоже бросил мгновенный взгляд на фельдмаршала, и в мыслях его пронеслось: «Хорош! Мощный, сильный человек. Правда, его красивые благородные черты совсем чуть-чуть искажает одутловатость лица – признак человека, любящего все сладости земного бытия. А вот твердые, уверенные в себе глаза выдают серьезный ум и глубокие познания всех мудростей жизни, начитанность. Твердая походка и благородные манеры выдают в нем человека, привыкшего командовать с молодых лет. Уж не говоря о неистощимом мужестве и решительности, которые он проявлял на поле брани, в прямом столкновении с неприятелем, в том числе и со мной... Какая умница русская императрица, что именно этого человека поставила во главе свиты великого князя...»

– Я не заслуживаю похвал, – пришел на помощь великому князю король. – Вы видите во мне лишь бедного, хворого, седовласого старца. Но верьте, что я считаю себя счастливым, принимая достойного наследника могущественного государства, единственного сына моего лучшего друга, Великой Екатерины.

И, чуть повернувшись в сторону, вновь бросив пронзительный взгляд на возвышавшегося над царственными особами Румянцева, сказал:

– Победитель оттоманов, будьте моим гостем. Я нахожу в вас много сходства с незабвенным генералом моим Винтерфельдом, доставившим мне столько побед.

– Государь! – спокойно ответил Румянцев, глядя на небольшого старичка, действительно седого и слабого. – Я был бы очень рад походить, хотя и не совершенно, на генерала, который так прославился, служа Фридриху.

– Нет! – воскликнул король. – Вы должны более гордиться победами, которые доведут ваше имя до

отдаленного потомства.

Павел Петрович между тем все оглядывался в надежде увидеть ту, ради которой и приехал сюда.

Но был уже вечер, и Фридрих пригласил всех гостей к ужину, познакомил с супругой - королевой Елизаветой-Христианой. Здесь же Павел впервые увидел свою невесту Софию-Доротею, принца и принцессу Вюртембергских, будущих тестя и тещу. С первого же взгляда на Софию-Доротею великий князь влюбился в нее, она была красива, высока, стройна, пленяла свежестью и правильностью черт лица своего.

И закрутилась свадебная церемония... Генрих вручил Фридриху, с согласия великого князя, письмо Екатерины, в котором она просила руки принцессы Вюртембергской, письма Екатерины самой принцессе и ее родителям. Состоялся сговор Павла Петровича и Софии-Доротеи. Празднества продолжались десять дней.

Все были довольны. Праздники в Шарлоттенбурге, Монбижу и Сан-Суси, обеды, парадные спектакли, дневные и ночные балы следовали один за другим, не оставляя ни минуты свободного времени.

Особо следует отметить торжественное заседание Академии наук в Берлине, где много говорили о значении дружбы двух государств, о значении великих побед во время недавних боев с турками, не раз высоко отзывались о выдающемся таланте Румянцева как полководца, победителя оттоманов.

Многое очаровало Павла в Пруссии, и прежде всего невеста и король. Но в остальном он полностью разочаровался: все те же интриги и подсиживания, которых он столько насмотрелся при русском дворе. А главное - семейные узы и при прусском дворе никого не сдерживали, и первым подавал пример в этом сам король, удаливший при восшествии на престол свою супругу, принц Генрих поступил точно так же...

Румянцев успокаивал его, ссылаясь на то, что здесь происходящее ничуть его не удивляет, таков уж век, таковы уж люди, сбрасывающие с себя узы отживших понятий. Румянцев видел, что Павел уже тяготился своей ролью и ему не терпится уехать в Петербург.

Это заметил и король, записавший впоследствии пророческие слова: «Великий князь произвел впечатление высокомерного, надменного и заносчивого; все это давало повод знакомым с Россией опасаться того, что ему трудно будет удержаться на троне, что, управляя суровым и угрюмым народом, распущенным к тому же слабым управлением нескольких императриц, он должен страшиться участи его несчастного отца».

29 июля Фридрих II показал в действии свою армию, которая выполняла различные движения и построения, напомиравшие действия русской армии под командой Румянцева во время Кагульского сражения. Но очевидцы говорят, что Румянцев иронически отозвался об этих маневрах, лишь карикатурно воплотивших подлинно исторические действия его корпусов во время Кагульской битвы.

Лишь 14 августа Павел Петрович и фельдмаршал Румянцев вместе со свитой вернулись в Царское Село. А после свадебных церемоний, состоявшихся через месяц, Румянцев на несколько недель уехал в свой любимый Буртнек. А потом, получив наставления императрицы, отбыл в Малороссию, где уже накопилось много неотложных дел...

Эпилог

Петр Александрович Румянцев умер 8 декабря 1796 года. Еще двадцать с лишним лет он служил своему Отечеству, но уже не мог дать ничего подобного тому, что он совершил во время Семилетней войны и русско-турецкой 1768–1774 гг., названной в его честь Румянцевской.

На российском престоле в то время, когда умер Румянцев, несколько дней уже царствовал Павел I. Он, узнав о смерти любимого полководца, повелел императорскому двору носить три дня траур.

– Румянцев во время царствования отца и матери моей прославился в России более, чем Тюрэнн во Франции. Он почитаем и любим был покойным Петром III и был ему предан, за что и воздаю такую честь его памяти, какой еще ни один полководец не имел в моем Отечестве.

Напомню читателям, что Тюрэнн был одним из выдающихся и знаменитых полководцев Франции XVII столетия, внук Вильгельма Оранского, активный участник Тридцатилетней войны и других войн Франции, которые она вела при Людовике XIV против Испании, Нидерландов, Фландрии, маршал Франции.

Екатерина II часто величала Румянцева Велисарием, в честь знаменитого византийского полководца VI века, сподвижника Юстиниана I. Уроженец Фракии, Велисарий громил иранские войска, стер с лица земли государство вандалов в Северной Африке, завоевал для Византии в свое время Сицилию, Неаполь, Рим.

Велисарий и Тюренн были для своего времени реформаторами военного искусства, смело применяли в битвах новые тактические и стратегические принципы ведения войны, но оба придерживались главного принципа военного искусства – достигать победы с наименьшими человеческими потерями, а потому много маневрировали, выбирая лучшее расположение для своих войск, чтобы затем разгромить неприятеля в открытом бою.

Много лет фельдмаршал Румянцев был в тени, на втором плане, исполняя второстепенные должности в последней трети царствования Екатерины II. Он часто ссылался на недомогания, но главной причиной отказа вновь стать активным проводником политики «всемиловитивейшей императрицы» было нежелание его раболепно выполнять ее повеления, которые не всегда ему были по сердцу и по душе. Так, в частности, в период обострения польских событий 1792 года она писала стареющему фельдмаршалу, спокойно доживающему славный век в своем поместье: «...скажу здесь только то, что я, услыша о лучшем состоянии теперь здоровья Вашего, обрадовалась и желаю, чтоб оно дало Вам новые силы разделить со мною тягости мои; ибо Вы сами довольно знаете, сколь отечество помнит Вас, держа незабвенно всегда заслуги Ваши в сердце своем.

Знаете также и то, сколь много и все войско самое любит Вас, и сколь оно порадует, услыша только, что обожаемый Велисарий их опять приемлет их, как детей своих, в свое попечение. Я, уверена будучи не менее и о Вашем благорасположении к ним, остаюсь несомненно в ожидании теперь принятия Вами всей армии моей в полное распоряжение Ваше, пребывая при сем навсегда усердная и благосклонная Екатерина» (разрядка моя. – В. П.).

Румянцев не мог не принять предложения императрицы, но командовал армией чисто формально, в сущности не покидая своего уютного поместья, где он обрел покой и столь долгожданную тишину.

Все эти годы он жил однообразной жизнью ушедшего на покой великого человека. Вокруг него всегда было много друзей и близких ему соратников. Жизнь его текла спокойно. Он много читал, размышлял, гулял, разговаривал с приятными ему людьми.

В одной из первых книг о фельдмаршале Румянцеве, с любопытнейшим названием: «Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, с присовокуплением краткого описания некоторых деяний сего великого мужа и переписки его с разными особами», безвестный автор выявляет наиболее выдающиеся черты личности фельдмаршала. Приведу лишь «анекдот» под названием «Достопамятные слова человеколюбивого Румянцева»: «...Всеобщая радость является во всем Российском войске, и веселые лица приветствуют победителя Румянцева. Но сей мудрый герой обнаруживает уныние и, по-видимому, совершенно чуждается радости, произведенной победою. Один из друзей, окружавших Задунайского, спрашивает его, почему не разделяет он всеобщего веселия при столь славном поражении неприятеля. В то время граф Румянцев говорит ему: «Посмотри на сии потоки струящейся крови, на сии тела, принесенные в жертву ужасной войне. Как гражданин сражался я за Отечество, как предводитель победил и как человек плачу». Сии слова, сказанные в первую минуту восхищения, производимого победою, делают Румянцева мужем истинно великим».

С тех пор как вышла эта книжка, прошло сто семьдесят семь лет. За это время о Румянцеве никогда

не забывали, но было время, когда его заслуги и военные доблести стремились приписать другим славным сынам России, тем самым преуменьшив его значение и возвеличив других. Особенно в этом преуспел Н. Полевой. В книге о Суворове этот одаренный беллетрист всячески преуменьшал военный гений Румянцева, бездоказательно в любых случаях выдвигая на первое место своего любимого героя. Я тоже очень люблю Суворова, но как наивно звучат слова некоторых исторических романистов, пошедших следом за Н. Полевым в оценках сложнейших исторических событий. В частности, один из авторов сообщает: «Успех Суворова резко выделялся на фоне общей бездеятельности румянцевской армии и принес ему Георгия 2-го класса...» Речь здесь идет о частном эпизоде – о стычке бригады Суворова с турецкими отрядами под Туртукаем. Местечко сожгли, турок побили и ушли в свой лагерь, на левый берег Дуная. Суворов здесь лишь исполнитель поиска против неприятеля, а за всеми действиями своих войск следил фельдмаршал Румянцев. Или еще из того же автора: «К тому времени нерешительность Румянцева, страшившегося углубляться за Дунай...»

Румянцев хорошо понимал, что за каждым его решением – судьбы человеческие; он всегда долго готовил операцию, чтобы выиграть ее с наименьшими потерями. И с уважением относился к противнику, турки в то время были очень сильны...

А Георгия 2-го класса Суворов получил за Туртукай по представлению фельдмаршала Румянцева. Не всегда был на высоком уровне Времени русский Марс Суворов. Румянцев порой резко критиковал его за самовольство и строптивость, так мешавшие в достижении еще больших успехов в 1773-м и 1774 годах. Выиграть частное сражение по тем временам еще ничего не значит. Вот почему Румянцев меньше гордился

победами при Ларге и Кагуле, чем победами в конце октября 1771 года, когда по всей фронтовой линии Дунайского побережья неприятель был разбит и подавлен только благодаря умелой организации взаимодействия между отдельными корпусами и всей армией. И вот почему Румянцев резко осуждал Суворова, отказавшегося взаимодействовать с Каменским после битвы под Козлуджи. (Сказавшись больным, Суворов покинул поле боя, причинив вред всей армии и Отечеству своему.) Конечно, Румянцеву приходилось быть резким и «холодным» не только с таким выдающимся военным талантом, но и с князем Репниным, графом Салтыковым, князем Долгоруковым и многими другими. Так что вполне резонно эти его подчиненные распространяли о нем всяческие нелепые слухи, дошедшие и до Н. Полевого.

Полковник В.В. Прунцов в очерке «Полководец П.А. Румянцев» отмечал, что Румянцев был не только богато и разносторонне одаренной личностью, образованнейшим человеком своего времени, многогранным в своей деятельности, выдающимся полководцем, глубоким теоретиком военного искусства, замечательным воспитателем армии и блестящим мастером боевой подготовки, но одновременно и крупным государственным деятелем широкого масштаба, талантливым организатором и прекрасным дипломатом. Современный биограф великого полководца отмечает, что роль фельдмаршала Румянцева в отечественной истории была бы куда значительнее, если бы не появился у него сильный соперник в лице Потемкина: «Правда, это был соперник особого рода. Этот соперник не был противником мероприятий Румянцева. Наоборот, он на лету схватывал идеи фельдмаршала, но... проводя эти идеи в жизнь, оформлял их самостоятельно. Вследствие этого Румянцев чувствовал себя обокраденным. Бороться с

всесильным Потемкиным было совершенно невозможно: он был фаворитом царицы Екатерины II. Справедливость требует отметить, что Потемкин был талантливый государственный деятель и горячий русский патриот. Румянцев признавал это, он хорошо понимал, что деятельность Потемкина идет на пользу России и ее армии, но одновременно фельдмаршал не менее ясно признавал, что лично он сделал бы ту же работу еще лучше, полнее и бескорыстнее.

Административные дарования Потемкина и размах его деятельности Румянцев хорошо знал и ценил. Однако, используя свою близость к царице, Потемкин всюду хотел быть на первом месте. Будучи весьма посредственным полководцем, он тем не менее во вторую русско-турецкую войну занимает пост главнокомандующего, а Румянцев – талантливый полководец и заслуженный фельдмаршал – остается на вторых ролях. Это, конечно, сильно обижало фельдмаршала, лишало его необходимого равновесия и не давало сознания удовлетворенности своими трудами на пользу Родины».

Все это так. И сколько здесь откроется психологических глубин тому, кто внимательно проследит за этими столкновениями двух великих людей XVIII века! Нельзя только приписывать Потемкину то, что намечено и сделано Румянцевым. Нельзя только приписывать Суворову то, что намечено и сделано Румянцевым. Каждому из этих гениев отведено собственное место в истории России, становления ее как великой державы.

После Кучук-Кайнарджийского мира началась новая страница в истории России. Менялась и политическая ориентация России, менялись политические связи и союзы. Постепенно рвались связи с Пруссией, улучшались отношения с Францией и Австрией. По-

прежнему сложными были отношения с Польшей, Швецией.

Румянцев внимательно следил за событиями, тосковал и томился от своей бездеятельности. Но, сказавшись больным, он не мог терпеть своей подчиненной от Потемкина роли в армии, а потому чаще всего жил в своем имении под Киевом.

1978-1988.

1996-2002 гг.

И в заключение с благодарностью вспоминаю всех родных, близких друзей и товарищей, рецензентов, издателей, редакторов, сотрудников библиотек Центрального Дома литераторов и Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинской), которые с чутким вниманием отнеслись к осуществлению замысла написать эту книгу.

Выражаю глубокую благодарность и руководителям АКБ «ОБЩИМ» Светлане Викторовне Кузьминой и Вадиму Павлиновичу Низову за финансовую помощь в издании моих творческих проектов – АКБ помог издать мне Полное собрание сочинений М.А. Булгакова в 10 томах (Голос, 1995–2000), книгу моих воспоминаний «Счастье быть самим собой» (Голос, 1999), и теперь вот серию моих биографических книг о великих людях, оставивших своими деяниями и творениями неизгладимый след в ИСТОРИИ РОССИИ, – книги о фельдмаршале Румянцеве, Федоре Шаляпине, Алексее Толстом, Михаиле Булгакове, Михаиле Шолохове, изданных издательством «Центрполиграф» в 2000–2003 годах.

Краткий пояснительный словарь

Авантаж - перевес, преимущество, выгода.

Али-бей - один из мамлюкских беев, поднял восстание против турок в 1770 г. В русско-турецкой войне выступал на стороне русских войск.

Банат - историческая область в Юго-Восточной Европе, расположенная между Трансильванскими Альпами на востоке и рекой Тисой на западе.

Бригадир - офицерский чин в русской армии в XVIII в., промежуточный между полковником и генерал-майором.

Войт - глава украинского поселения с магдебургским правом; в XVIII в. - член городского магистрата.

Галиот - тип короткого парусного судна со сферической кормой, водоизмещением 200-300 тонн.

Гаупт-квартира - главная квартира при размещении войск.

Гетман - на Украине в XVI-XVII вв. глава реестровых казаков; с 1648 г. - правитель Украины и глава казацкого войска. С 1764 г. должность устрaнена.

Генерал-квартирмейстер - штатная должность в некоторых армиях. Обычно генерал-квартирмейстер возглавлял разработку и планирование боевых операций.

Генеральная старшина - высшая центральная военная и гражданская администрация на

Левобережной Украине во второй половине XVII–XVIII вв., совет при гетмане.

Генерал-марш – старинный сигнал на трубе в походах мирного времени, служил взамен приказа «Приготовиться к выступлению!» (с ночного или большого привала).

Гласис – пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости, долговременного сооружения или полевого укрепления. Возводится для улучшения обстрела местности, маскировки и защиты укрепления.

Голова – название военной и административной должностей в России в XVI–XVII вв. (стрелецкий голова, обозный голова и др.), а также выборных городских и сословных должностей в XVIII – начале XX в. (городской голова, волостной голова и другие).

Деташемент – отряд войск, созданный для выполнения какого-либо боевого задания.

Диван – совет при господаре Молдавии и Валахии.

Живот – здесь: жизнь.

Катехизис – религиозная книга; изложение христианского вероучения в виде вопросов и ответов.

Каре – в европейских армиях XVII–XIX вв. боевой порядок войск, построенных в виде одного или нескольких квадратов или прямоугольников.

Кантонир-квартиры – места временного квартирному расположения войск непосредственно на театре военных действий.

Кварта – мера объема жидких и сыпучих тел, обычно немногим более литра.

Клейноды – войсковые регалии в казачьих войсках (знамена, бунчуки, трубы, литавры, барабаны, печать и другие), а также символ власти (булава и ее разновидности) у польских и украинских гетманов и казачьих атаманов.

Конференция – высший совещательный орган при императоре в России (1756–1762 гг.). Создавался из

приближенных царя для руководства военными действиями.

Конвенция – одно из названий международного договора, соглашения.

Магазины войсковые – склады для снабжения войск в XVII–XVIII вв. При снабжении из таких складов войска могли отрываться от них на 100–150 км, то есть на пять переходов.

Маетность – хлопоты, беспокойство.

Магдебургское право – одна из наиболее известных систем феодального городского права. Сложилась в XIII в. в немецком городе Магдебурге. Юридически закрепила права и свободы горожан, их право самоуправления.

Магистрат – сословный орган городского управления в Российской империи с 1720-го по 1864 г. Первоначально имел административно-судебные функции, а с 1775 г. – преимущественно судебные функции.

Маркитанты – мелкие торговцы, сопровождающие войска в походах в европейских феодальных армиях. Существовали до начала XX в.

Медиатор – посредник, в том числе в переговорах воюющих сторон.

Моровая язва – эпидемия, вызывающая большую смертность.

Обсервация – наблюдение.

Обсервационный корпус – наблюдательный корпус.

Околичности – здесь: окрестности.

Ордер – официальный документ, содержащий приказ, предписание, распоряжение военачальника.

Остовая батарея – здесь: артбатарея, держащая под прицелом восточный сектор.

Пас — теснина, ущелье, переход в труднопроходимой местности.

Пакетбот – морское почтово-пассажирское судно.

Пикет – небольшой сторожевой отряд, застава, а также место, где располагается такой отряд.

Плутонг – низшее подразделение русской армии в **XVIII** в., соответствующее взводу.

Почечуй – геморрой.

Протекторат – одна из форм колониальной зависимости, при которой протектируемое государство сохраняет лишь некоторую самостоятельность во внутренних делах, а его внешние сношения, оборону и т. д. осуществляет по своему усмотрению государство-метрополия.

Регулы – правила.

Редут – полевое фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, подготовленного к самостоятельной обороне. Использовался в **XVI** – начале **XX** в.

Ревность – усердие.

Резидент – здесь: дипломатический представитель.

Реестровые казаки – часть украинских казаков в **XVI** – первой половине **XVII** в., принятые на службу польским правительством и внесенные в особый список – реестр.

Резон – разумное основание, смысл; доводы, аргументы.

Рекрут – молодой солдат, новобранец.

Реляция – донесение о военных действиях, дипломатических переговорах; описание боевых подвигов военнослужащих и воинских частей при представлении к награде.

Рескрипт – акт монарха (совета при нем) в форме конкретного предписания министру или какому-либо другому лицу.

Ретироваться – отступить во время боевых действий; удалиться, уйти.

Ретраншемент – внутренняя оборонительная ограда в крепости, а также укрепленный лагерь.

Рецессы – здесь: обязательства.

Сикурс – взаимная поддержка воинских частей при боевых действиях, помощь.

Сюрпренировать – напасть врасплох, захватить внезапно.

Тезоименитство – именины высокопоставленного лица, принадлежащего к царствующей фамилии.

Трактат прелиминарный – здесь: предварительный международный договор.

Траншемент – внешняя оборонительная ограда в крепости.

Универсал – грамота украинского гетмана.

Фашина – перевязанный пучок хвороста цилиндрической формы, применяется при саперных земляных работах для укрепления насыпей, прокладки дорог в болотистой местности, заваливании рвов и т. д.

Фура – большая длинная телега для клади.

Форпост – передовой пост охраняющих частей, а также укрепленный пункт на границе.

Фузилерная рота – пехотная рота в русской армии, вооруженная фузеями – кремневыми гладкоствольными ружьями.

Хорунжий – знаменосец в русской армии; первый офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий подпоручику и корнету.

Шанец – окоп; общее название временных полевых сооружений.

Шинок – небольшое питейное заведение, в котором производилась продажа спиртных напитков чаркой.

Шпицрутены – длинные прутья, применявшиеся для телесных наказаний солдат.

Штерншанц – полевое или временное укрепление в виде звезды.

Экзерциция - военные упражнения для обучения солдат.

Эскорт - охрана, конвой.

Эмиссар - лицо, посылаемое в другую страну с неофициальной миссией.

notes

Примечания

1

Пояснения слов, отмеченных в тексте звездочками, смотрите в конце книги.

2

Позднее историки подсчитали: не более 80 тысяч.